ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

МАСТЕР
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Кейт
ЛАУМЕР

Миры Империума

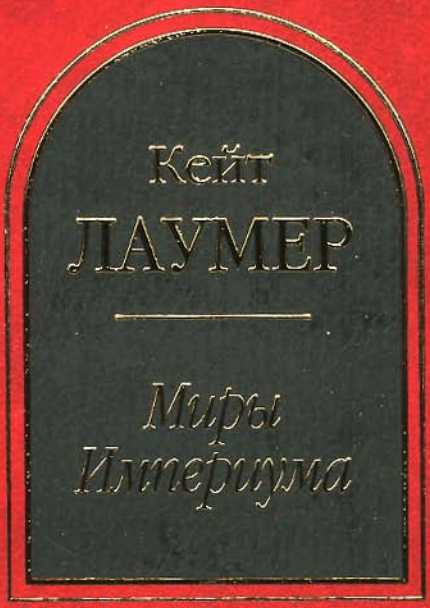
КУЛЬТОВАЯ
САГА
О ПОЛКОВНИКЕ
БАЯРДЕ

Эксмо

Кейт
ЛАУМЕР

Миры Империума

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ


Кейт
ЛАУМЕР
Миры
Империума

Кейт
ЛАУМЕР

Миры Империума

•

По ту сторону времени

•

Командировка в никуда

•

Желтая зона

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Кейт

ЛАУМЕР

Миры Империума

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Л 28

Keith Laumer

IMPERIUM

© 2005 estate of Keith Laumer

Публикуется с разрешения Baen Books (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Лаумер К.

Л 28 Миры Империума: Фантастические романы / Кейт Лаумер; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 752 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-28422-1

Среди развалин угасших исторических альтернатив помещается Империум, цветущая держава, установившая торговые связи с мирами, так далеко отстоящими от нее в пределах вероятности, что там и вовсе не помышляют о темпоральных путешествиях. Но Империум не единственный мир, где научились рассекать время. Вдобавок конкуренты приступили к странствиям по линиям времени гораздо раньше, и их корабли куда совершеннее любых, какие способны создать люди. Да и само время не стоит на месте, его линии переплетаются, образуя порой самые неожиданные узоры.

Подлинный шедевр приключенческой фантастики впервые в одном томе и в новых переводах!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Евстигнеев, А. Кузнецова, К. Плешков, А. Киланова, 2008
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-28422-1

Предисловие Гарри Тартлдава

«Империум» и его продолжение под названием «По ту сторону времени» — одни из первых произведений в жанре альтернативной истории, прочитанные мною в начале шестидесятых годов. Наряду с такими книгами, как «Чтобы не упал мрак» и «Человек в высоком замке», они расширили мои представления о жанре научной фантастики. Написанная несколько позже «Командировка в никуда» повествует о событиях, разворачивающихся в той же многоликой вселенной, но не является прямым продолжением первых двух частей: их главному герою Бриану Баярду в этой драме отведена второстепенная роль.

Думаю, первым из писателей транспортное средство, способное переносить героев с одной линии времени на другую, ввел Х. Бим Пайпер в «Паратайм сториз». Кейт Лаумер стал первым и, по-моему, единственным, кто описал корабль типа «Модель-Т», предназначенный для путешествий между линиями времени. По версии писателя, это изобретение двух итальянских ученых девятнадцатого века — Максони и Кочини. Оно доступно каждому. Если действовать более или менее правильно, вы, как по мановению волшебной палочки, попадаете из одного альтернативного мира в другой. Но если ошиблись... берегитесь! Имеется огромное множество линий развития, где

допустили промах и опрометчиво высвобожденная энергия разнесла планету в пух и прах. Вот так-то!

Среди именуемых Пустошью развалин угасших исторических альтернатив помещается мир Империума, где все сделали правильно. Здесь возникла цветущая империя, установившая торговые связи с мирами, так далеко отстоящими от нее в пределах вероятности, что там и вовсе не пытаются передвигаться между линиями развития. Существует и наш мир, где Максони и Кочини, очевидно, никогда не проводили своих экспериментов, и еще пара иных миров. Империум похищает Бриана Баярда с нашей линии времени ради разрешения некой сложной проблемы, возникшей в одном из затерянных в Пустоши миров.

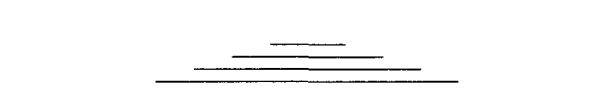
Лаумер резонно предположил, что на той линии развития, где овладели технологией путешествий «по времени вбок» (заимствуя выражение у Мюррея Лейнстера), люди сосредоточатся на этой технологии и пренебрегут иными возможностями. В «Мирах Империума» торговцы и чиновники способны переноситься через Пустошь хотя и без особых удобств, но в относительной безопасности, однако вплоть до шестидесятых годов XX века не имели дела с ядерным оружием. Отчасти в этом состоит причина их затруднений. Чем дальше, тем хуже, и неприятности нарастают как снежный ком.

Еще причудливее и смелее сюжет книги «По ту сторону времени». Автор дает широкую панораму многоликой вселенной. Оказывается, Империум не единственный мир, где научились рассекать время, это возможно и в других мирах, населенных вовсе не людьми. Там обитают прошедшие эволюцию потомки покрытых шерстью гоминидов, которых мы, представители homo sapiens, истребили в нашем пучке линий развития, и за это они теперь воротят от нас свои приплюснутые носы. Что еще обиднее, они приступили к странствиям по линиям времени даже раньше Империума и их корабли гораздо совершеннее любых, какие способны создать люди. Некоторые из этих гоминидов — хагруны — задумали уничтожить временную линию Империума и приступили к достижению цели ретроспективно, устроив так, чтобы эта линия и вовсе никогда не возникала. Другие не одобряют подобную затею, хотя, судя по всему, это отнюдь не означает, что они как-либо озабочены судьбой людей. Задача Бриана Баярда — разобраться, кто кому кем приходится и чем руководствуется в своих поступках (и при этом остаться целым и невредимым, что не так-то просто). Бриан мастерски справляется с задачей, попутно изрядно осложняя жизнь антропологам на множестве линий развития.

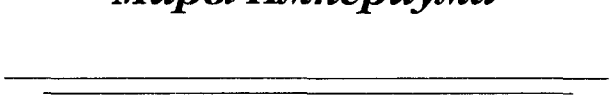
В «Командировке в никуда» характерное для Лаумера стремительное развитие лихо закрученного сюжета — одна из сильных сторон его таланта — становится почти неуправляемым. Джонни Керлон похищен Империумом с нашей линии времени, дабы помочь справиться с вероятностной бурей, надвигающейся из Пустоши и угрожающей всем сохранившимся в ней линиям. По ходу дела выясняется, что Джонни — последний отпрыск великого рода Плантагенетов и дальний родственник Ричарда Львиное Сердце, что имеет немалое значение для уничтоженных Пустошью миров. Его помощником и одновременно противником оказывается барон и генерал ван Рузвельт, временный шеф Имперской разведки. Каким образом Плантагенеты и Рузвельты встретились на перекрестках линий времени? Какое отношение этот ван Рузвельт имеет к Рузвельтам из нашего мира? Ответ, как пишут в учебниках по геометрии, должны найти сами учащиеся. Лаумер так и не дает объяснения. Возможно, условия задачи несколько спорны, но неизменный динамизм повествования заставляет вас жадно перелистывать страницу за страницей.

Объем всех трех романов не превышает ста сорока тысяч слов — по нынешним стандартам книга средних размеров. Однако Лаумер сумел вместить в нее столько интересных идей, что хватит на шесть, а то и на восемь современных бестселлеров. Ярких образов и едкого остроумия ему тоже

не занимать. Я получил громадное удовольствие, перечитывая его книги, чтобы написать это предисловие. Тот, кто уже знаком с ними, наверняка испытает то же самое. Если же вы впервые столкнулись с сочинениями Кейта Лаумера, что ж, приготовьтесь — вам предстоит захватывающее путешествие.



Миры Империума



1

На кованой стальной пике, торчавшей из грубой кладки стены, скрипела и раскачивалась под порывами ночного ветра аккуратная деревянная вывеска. Надпись, выведенная золотистой вязью на черном фоне, гласила: «Антиквариат». Я остановился возле лавочки и уткнулся носом в витрину. Из-за металлической решетки на меня безучастно глядели пожелтевшие офорты, гравюры, литографии и меццо-тинто*. Некоторые здания на картинках казались знакомыми, однако располагались в чистом поле или одиноко попирали каменные утесы, возвышаясь над забитой парусными судами бухтой. По старинным улицам, прикрывшись от солнца крошечными зонтиками, прогуливались дамы в длинных, похожих на колокола юбках и украшенных ленточками чепцах. На заднем плане нетерпеливо били точеными ногами впряженные в коляски лошади.

Однако предметом моего внимания служили отнюдь не гравюры и не потускневшее зеркало в массивной золоченой раме. Более всего на данный момент меня занимало отражение. Позади, футах в пятидесяти от антикварной лавки, маячил незнакомый тип в туго перепоясанном сером плаще. По меркам нынешней моды одеяние его выглядело дюймов на шесть длиннее, чем надо. Спрятав руки в

---

* Особый тип гравировки по медной пластине, так называемая «черная гравюра».

© Перевод А. Евстигнеева.

глубокие карманы, мужчина внимательнейшим образом изучал темную витрину другой лавки.

Итак, он действительно таскается за мной целый день.

Впервые незнакомец попался мне на глаза в автобусе из Броммы. Позже, регистрируясь у стойки администратора отеля, я приметил его за изучением театральных афиш в вестибюле и счел данное событие простой случайностью. Спустя полчаса он потягивал кофе в ресторане через три столика от меня.

Затеяв прогулку после ужина, я окончательно распрощался с мыслью о случайности наших встреч. Мы исходили весь Старый город — сохраненный на острове средневековый центр Стокгольма. Минуло пять часов, а человек в плаще следовал за мной буквально по пятам. Эхо моих шагов отражалось от каменных стен узких пустынных улочек, но сквозь него я уже привычно различал мягкую поступь преследователя. Стоило прибавить скорости, и его шаги делались чаще, стоило остановиться, и они затихали. Я уныло брел мимо тусклых витрин закрытых на ночь лавок и магазинов. При свете дня все эти медные кувшины, вычурные серебряные украшения, дуэльные пистолеты и кавалерийские сабли, вне всякого сомнения, смотрелись бы куда романтичнее. Теперь же, глубоко за полночь, большая часть данных предметов старины выглядела суровым напоминанием об эпохе, исполненной не столько романтики, сколько насилия. Незнакомец терпеливо разглядывал темное стекло и ждал: следующий ход был за мной.

А я заблудился.

Двадцать лет — слишком долгий срок, чтоб удержать в памяти все замысловатые переплетения улиц Старого города. Да, придется лезть в карман за путеводителем. Совладав с непослушными пальцами, я раскрыл последнюю страницу и развернул карту.

Чтобы прочитать название улицы, пришлось задрать голову и долго всматриваться в каменную табличку на углу дома. Кёпмангатан. Я отыскал на карте такое же слово. Согласно схеме, дальше улочка тянется всего на три не-

больших квартала, обрываясь тупиком у Сторторгет. Тусклое освещение не позволяло разглядеть все подробности карты. Повертев ее так и эдак, удалось наконец подобрать более-менее приемлемый ракурс, и тогда я высмотрел тонкую пунктирную линию, обозначенную как Скеппар Олоф гранд. Если память не изменяет, слово «гранд» на шведском означает «переулок». Пунктир Скеппар Олоф соединял Кёпмангатан с Тредгардсгатан — другой такой же узкой улочкой. Та, в свою очередь, выводила в многолюдный и хорошо освещенный район королевского дворца. Что ж, очевидно, иного способа поскорее выбраться отсюда у меня нет. Я сунул путеводитель обратно в карман и с непринужденным видом зашагал в сторону Скеппар Олоф. Только бы переулки здесь не перегораживали запертыми воротами. Тень моя, слегка помедлив, поплелась следом.

Я незаметно ускорил шаг. Непрошеный спутник мой, казалось, вовсе не спешил, предоставляя мне возможность увеличить дистанцию. Мимо тянулся бесконечный ряд дверей, перехваченных проклепанными полосами железа, а также окон с истертыми каменными карнизами. Я едва не проскочил ведущий в переулок проход, приняв его за очередной дверной проем. Теперь следовало как бы невзначай притормозить и шагнуть в темноту арки.

Скрывшись от глаз преследователя, я припустил во весь дух. Шесть шагов, восемь. До конца прохода совсем немного. Нет, *темноволосый незнакомец уже наверняка* сворачивает под арку, так что времени затеряться во мраке переулка у меня не осталось. Метнувшись влево, я распластался в глубокой каменной нише и широко раскрыл рот, стремясь поскорее унять сиплую одышку. В следующее мгновение со стороны Кёпмангатан донеслось торопливое шуршание подошв. Я замер. Тяжело дыша, человек в плаще проскочил всего в нескольких футах от моего укрытия и, судя по затихающему звуку шагов, помчался дальше по переулку. Сейчас он поймет, что впереди меня нет, и повернет назад. Беглец, несомненно, где-то поблизости, надо лишь внимательнее оглядеться. Короче, до его возвращения оставались считанные секунды.

Пришлось набраться храбрости и выглянуть. Лихорадочно озираясь, человек в плаще быстрыми шагами удалялся в направлении Тредгардсгатан. Недолго думая я скинул туфли, прокрался к арке входа и нырнул за угол в тот самый момент, когда незнакомец решил-таки обернуться. Примерно на половине намеченной для рывка дистанции моя нога скользнула по расшатанному булыжнику, и оставшееся расстояние я преодолевал уже по воздуху.

Первым в мостовую врезалось плечо, следом — голова. Внутреннее пространство черепа заполнил адский звон. Я перекатился на живот, кое-как, перебирая руками по каменной кладке, сумел подняться на ноги и привалился к стене возле самого входа в переулок. И тут вместе с запоздало нахлынувшей болью мной овладело бешенство. К черту маневры! Настало время боевых действий! Парень уже здесь, его мягкие подошвы шуршат совсем рядом. Сейчас он вылетит на всех парах и огребет по полной программе.

На всех парах парень не вылетел. Перед аркой шаги стихли, а затем из-за угла показалась темная круглая голова с давно не стриженными волосами. К сожалению, мой первый удар с длинным выпадом не достиг цели. Уворачиваясь от моего кулака, незнакомец выпрыгнул на улицу и отступил на шаг назад, одновременно сунув руку в карман. Пистолет! Я со всего размаха врезал ему ногой по ребрам. На сей раз мне повезло больше: звук, с каким «серый плащ» судорожно втянул в себя воздух, наполнил мою душу злорадным ликованием. Пусть ему будет так же мерзко, как и мне. Тем временем мой противник выудил из кармана какой-то странный предмет и поднес его к лицу.

— Один-ноль-один,— прохрипел он, не сводя с меня разъяренного взгляда. Непонятная штуковина оказалась всего-навсего микрофоном.— Где вы, черт побери? Срочно ко мне. Дело плохо...

Обладатель незнакомого акцента попятился, не спуская с меня глаз. Я же вновь без сил привалился к стене: недавнее падение напомнило о себе приступом дурноты. Тишину безлюдной улицы нарушало лишь вкрадчивое шарканье обуви человека в плаще, а мои собственные туфли валялись на булыжной мостовой в том месте, где я их потерял во время вынужденного полета.

Новый звук раздался за спиной. Обернувшись на него, я обнаружил здоровенный фургон, почти полностью перегородивший Кёпмангатан, и вздохнул с облегчением. Сейчас мне помогут...

Из фургона выскочили двое. Они подбежали ко мне и, взяв под руки, повели к машине. Оба при этом не проронили ни слова.

— Я в порядке. Схватите того человека...

А парень в сером плаще уже семенил рядом с нами, что-то торопливо разъясняя одному из моих провожатых. Я почуял неладное. Судя по цепкой хватке, меня не столько спасли, сколько поймали. Тут же на память пришло то обстоятельство, что полиция Стокгольма не носит белых мундиров.

Попытка упереться пятками в мостовую и внезапным рывком освободить руки успехом не увенчалась. Один из незнакомцев, отстегнув от пояса предмет, похожий на баллончик с аэрозолем, прыснул мне в лицо его содержимым. Я обмяк. Сознание угасло не сразу, однако ноги отказались подчиняться мгновенно. Меня, словно куль с мукой, доволокли до задних дверей фургона, затащили вверх по откидной лесенке и аккуратно опустили на сиденье. Затем я, словно в тумане, наблюдал, как поднимается лесенка и смыкаются двери. Несмотря на слабость, мне даже удалось крикнуть: «Помогите!» Естественно, без всякого эффекта. Где-то что-то защелкало, послышался лязг металла, взвыл двигатель. Судя по остаткам ощущений, фургон мягко тронулся с места. Я собрался крикнуть еще раз, но раздумал. Собрав все силы, я предпринял попытку оторваться от сиденья. Бесполезно. Веки сделались неподъемными. И прежде чем я окончательно нырнул в небытие, в голове моей пронеслась вполне резонная мысль: меня без труда похитили на этой пустынной улице, а ведь с тем же успехом могли и убить.

2

Скрип пробирал до мозга костей. Все усилия отгородиться от него и еще немного поспать ничего не дали. Раздражение перевесило. Вначале я лишь осознавал, что лежу на спине с закрытыми глазами. Чуть позже ночным кошмаром промелькнули в сознании подробности гонки по узким улочкам, похищение, а вслед за тем в плечо и голову вернулась боль. Я открыл глаза. Моя койка притулилась у стены небольшого, похожего на кабинет помещения, источником же мерзкого скрипа служил канцелярского вида стол. За столом сидел подтянутый мужчина в белой форме и что-то записывал. Где-то за стенами слышался ровный гул, отчего казалось, будто кабинет движется.

Я сел. Мужчина тотчас поднял на меня глаза, выбрался из-за стола и шагнул ко мне.

— Прошу вас, не волнуйтесь.— Он устроился на прихваченном с собой стуле.— Я старший капитан Винтер.— Пожалуй, его акцент более всего напоминал британский.— От вас требуется снабдить меня кое-какими сведениями рутинного характера, а затем вас разместят с бóльшим комфортом.

Судя по бесстрастно-доброжелательному тону, человек, назвавшийся старшим капитаном Винтером, осуществлял данную процедуру далеко не первый раз.

— Я должен извиниться за грубость, с которой было проведено ваше изъятие.— Он профессионально уставился мне прямо в глаза.— Это не входило в наши планы... Однако,— Винтер сменил интонацию,— вам не стоит обижаться на нашего сотрудника, он не обладал всей полнотой информации.

Старший капитан раскрыл записную книжку и откинулся на спинку стула с ручкой наготове.

— Ваше место рождения, мистер Баярд?

Стало быть, они уже обшарили мои карманы, раз знают фамилию.

— Кто вы, черт побери?

Он поднял бровь. На груди безукоризненно белого кителя сверкнули украшенные драгоценными камнями награды.

— В данный момент вы, разумеется, пребываете в замешательстве, мистер Баярд, но в свое время вам все разъяснят должным образом. Я состою на службе Империума, и в мои обязанности входит беседа при изъятии.— Винтер мягко улыбнулся.— Назовите место вашего рождения.

Я молчал. В сложившейся ситуации мне претило отвечать на какие бы то ни было чужие вопросы — для начала следовало получить ответы на свои собственные. Кроме того, акцент собеседника так и остался для меня загадкой, а это сильно задевало самолюбие, поскольку исследование диалектов и акцентов давно уже сделалось едва ли не самым главным моим увлечением. Поразмыслив, я решил остановиться на его английском происхождении, но тогда из какой части Англии? Беглый осмотр наград еще больше сбил меня с толку. Выглядели они более чем странно, однако среди них мне удалось высмотреть алую ленточку и крест ордена Виктории* с тремя пальмами из драгоценных камней. Весь облик этого старшего капитана отдавал каким-то несусветным бредом.

— Потрудитесь отвечать, сударь,— резко произнес Винтер.— Я настоятельно советую вам вести себя более сговорчиво. Это избавит вас от массы неприятностей.

Я ответил ему мрачным взглядом.

— Меня выслеживали, схватили, отравили газом, запихали в камеру и задают вопросы личного характера, и это само по себе уже чертовски неприятно, так что прекратите делать вид, будто все идет своим чередом. Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы.— Демонстративно сунув руки в карманы, я не обнаружил паспорта.— А касательно ареста, задержания, допроса и прочего, на ваше усмотрение, то раз уж вы завладели моими документами, значит, вы в курсе, что имеете дело с американским дипломатом, на которого распространяется право дипломатической не-

* Высшая военная награда Великобритании.

прикосновенности. Исходя из этого, я намерен покинуть вас, как только мне вернут мои вещи, включая обувь.

Винтер досадливо поморщился. Моя тирада явно не произвела на него особого впечатления. По его сигналу в помещение ввалились двое парней, ранее мною здесь не виденных. По комплекции оба значительно превосходили старшего капитана.

— Мистер Баярд, вам придется отвечать на мои вопросы. В случае необходимости — принудительно. Будьте добры для начала назвать место вашего рождения.

— Вы найдете это в моем паспорте.

Пожалуй, все же не стоило игнорировать ребят, вызванных для стимуляции моей особы к сотрудничеству. Оба походили на бульдозеры, в раздумье застывшие над детской песочницей. Я решил, пока не поздно, сменить тактику. Угораздило же меня с самого начала нашего знакомства вести себя так дерзко! Сумасшедшим следует подыгрывать, ждать, пока они немного расслабятся и наступит момент, подходящий для побега.

Тем временем один из громил по знаку Винтера подал ему с письменного стола мой паспорт. Старший капитан, просмотрев документ, сделал кое-какие выписки и вручил его мне.

— Благодарю вас, мистер Баярд.— Он перешел на прежний, доброжелательный тон.— Теперь займемся более подробными сведениями. Где вы закончили школу?

И я принялся изображать человека, готового лебезить и угодничать. По всей видимости, Винтер давно привык иметь дело с малодушными субъектами, иначе столь разительная перемена в моем поведении не показалась бы ему до такой степени правдоподобной. По крайней мере через несколько минут он махнул рукой группе поддержки, и те безмолвно удалились.

От личной анкеты старший капитан перешел к международному положению и геополитике. Казалось, предоставленные мной в общих чертах ответы вызывают у него самый что ни на есть искренний, неподдельный интерес. Раз-другой я робко попытался выяснить, каков смысл этого перемалывания давно известной всем и каждому информации, однако на меня немедленно обрушилась лавина новых, весьма нелепых, с моей точки зрения, вопросов.

Винтер тщательно проэкзаменовал меня по географии и недавней истории, сделав особый упор на период между тысяча восемьсот семьдесят девятым и тысяча девятьсот десятым годами, затем стал зачитывать список имен, требуя подробного отчета о каждом из них. К немалому удивлению старшего капитана, относительно большинства перечисленных лиц я ничем не смог ему помочь, а из известных мне в основном попадались малозначительные публичные фигуры. О двух, по-видимому итальянцах Кочини и Максони, он расспрашивал с особенной тщательностью и долго отказывался верить в то, что я не имею о них ни малейшего понятия. Частенько мои ответы приводили его в замешательство.

— Нивен — актер?* — с удивлением вопрошал он.— Никогда не слышали о Крейне Тэлботе?

Выслушав отчет о роли Черчилля в недавних событиях, Винтер разразился хохотом.

Примерно на сороковой минуте нашей несколько односторонней беседы негромко прозвенел звонок, в кабинет вошел еще один человек в белой форме, поставил на край стола внушительных размеров коробку и удалился. Старший капитан не обратил внимания на его появление.

Вопросы продолжались еще минут двадцать. Кто сейчас царствующий монарх Великобритании (Англо-Германии, поправил меня Винтер), каков состав королевской семьи, каков возраст наследников в королевской семье и так далее, пока я не исчерпал запас своих знаний на данную тему. Каков статус вице-короля Индии, как организовано управление доминионами Австралии, Северной Америки, Кэботландии**...

---

* Имеется в виду Ларри Нивен.

** То есть Ньюфаундленда, открытого в 1497 году Джоном Кэботом и до 1949 года бывшего владением Великобритании. С 1949 года в составе Канады.

Кто, кроме безумца, мог всерьез задавать подобные вопросы? Я в меру своих сил старался отвечать на них по существу, но привязать к реальности его нелепые ссылки на явно выдуманные политические образования почти не представлялось возможным. Что казалось наиболее странным, самого Винтера как будто вовсе не расстраивало расхождение моего представления о положении вещей с его собственным.

Когда надо мной уже всерьез нависла угроза разделить помешательство с собеседником, старший капитан наконец поднялся, подошел к столу и жестом указал на стул возле него. Присаживаясь, я украдкой заглянул в коробку. Там лежали несколько журналов, свернутая салфетка и россыпь монет. Из-под экземпляра «Всемирного альманаха» выглядывала рукоять небольшого пистолета. Винтер, повернувшись спиной ко мне, раскрыл шкафчик позади стола. Быстрым движением я запустил руку в коробку, сцапал пистолет и сунул его в карман.

Старший капитан извлек на свет бутылку синего стекла.

— Выпьем по глоточку, мистер Баярд,— благодушно предложил он.— И я попытаюсь хотя бы частично развеять ваши вполне обоснованные опасения. Что бы вы хотели знать?

От выпивки я отказался.

— Где мы?

— В Стокгольме, в Швеции.

— Кажется, мы куда-то едем? Это автофургон с кабинетом внутри?

— Это транспортное средство, хотя и не автофургон.

— Зачем вы меня схватили?

— Весьма сожалею, но я вправе лишь сообщить вам, что вас изъяли по особому распоряжению одного высокопоставленного чиновника Империума.— Он испытующе взглянул на меня.— Для меня это в высшей степени необычно.

— А мне кажется, что похищение безоружного человека — не такая уж редкость.

Винтер нахмурился.

— Вы стали объектом официальной операции Имперской разведки, и смею вас заверить, отнюдь не с целью подвергнуть вас преследованию.

— Не знаю никакой Имперской разведки.

— Мистер Баярд,— подавшись вперед, многозначительно произнес старший капитан,— вам следует кое-что уяснить. Во-первых, правительства, которые вы привыкли принимать за высшую суверенную власть, в действительности должны рассматриваться как подчиненные Империуму и Верховному правительству, исполнителем чьей воли я на данный момент являюсь.

— Вы являетесь лжецом.

— Нет, руководителем Имперской комиссии в чине старшего капитана разведки,— обиделся Винтер.

— Что это за транспортное средство?

— Бронированный транссетевой челнок-разведчик. Координаты базирования — Стокгольм ноль-ноль.

— Можно подумать, это мне о чем-то говорит. Что это: судно, автомобиль, самолет?..

— Ничто из перечисленного, мистер Баярд.

— Ладно, я поставлю вопрос иначе. В какой среде оно движется: вода, воздух?..

Винтер растерялся.

— Откровенно говоря, не знаю.

Видимо, мне следовало изменить угол атаки.

— Куда мы направляемся?

— Сейчас мы в координатах ноль-ноль-ноль, ноль-ноль-шесть, ноль-девяносто два.

— Каков пункт назначения? Где он?

— Стокгольм ноль-ноль, после чего вас, вероятно, переправят в Лондон ноль-ноль для продолжения работы.

— Что это за нули такие? Вы имеете в виду Лондон, который в Англии?

— Нет, ваш Лондон, это Лондон ИП-три.

— А в чем разница?

— Лондон ноль-ноль — столица Империума. Империум объединил в себе большую часть цивилизованного ми-

ра: Северную Европу, Западное полушарие, Австралию и прочее.

— Зачем вы меня похитили?

— Обычное изъятие с целью опроса, насколько мне известно.

— Вы предполагаете отпустить меня?

— Да.

— Домой?

— Нет.

— А куда?

— Затрудняюсь ответить. Вероятнее всего, в один из концентрационных пунктов.

— Еще один вопрос.— Я достал из кармана автоматический пистолет и направил его на третью медаль слева на груди Винтера.— Вы знаете, что это такое?

Старший капитан отпрянул к спинке стула.

— Да. Где вы, черт возьми, это взяли?

— Держите руки на виду, а лучше встаньте-ка вот там.

Винтер поднялся и направился в указанное место. Мне ни разу не доводилось целиться в человека с такого близкого расстояния, но сейчас я не испытывал ни малейших колебаний.

— Теперь давайте все по порядку.

— Я же ответил на все ваши вопросы,— растерянно проговорил старший капитан.

— И так ничего мне и не объяснили.

Винтер стоял и смотрел на меня. Я щелкнул предохранителем.

— У вас есть пять секунд. Раз... Два...

— Хорошо, хорошо. В этом нет необходимости. Я попытаюсь.— Он колебался.— Вас выбрали на самом верху. Чтобы добраться именно до вас, нам пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Повторяю, это нестандартная ситуация. Видите ли,— несколько оживился Винтер,— возможность изъятия образцов в этом секторе раньше была крайне ограничена, поскольку ваш континуум расположен на своеобразном острове. Это одна из весьма немногих изолированных линий посреди огромной поврежденной

области. Вся конфигурация здесь нарушена, и в данной зоне чрезвычайно опасно маневрировать. На раннем этапе мы потеряли многих достойных людей, пока не научились справляться с сопутствующими проблемами.

— Надеюсь, вы понимаете, что для меня ваши слова не имеют никакого смысла. Что имелось в виду под изъятием образцов?

— Вы не возражаете, если я закурю?

Я достал из пачки на столе длинную коричневую сигарету, раскурил и протянул Винтеру.

— Имеется в виду подбор коллекций индивидуумов и артефактов с типичных ИП-линий.— Он выпустил облако дыма.— Мы в разведке сейчас заняты топографическими операциями. Это, сударь, увлекательнейшая работа — оценивать тенденции развития, сопоставлять находки с теоретическими построениями, создавать высокоточные приборы, инструменты и прочее. Мы только начали открывать потенциальные возможности исследования Сети. Чтобы получить максимум информации в кратчайшее время, руководство сочло целесообразным подбирать индивидуумов для опроса. Так нам удается быстрее составить целостную картину конфигурации Сети по различным направлениям. В вашем случае я получил негласный приказ войти в Пустошь, проникнуть в третий сектор и взять под опеку некоего мистера Бриана Баярда, в частности, дипломатического представителя Американской республики.

Сейчас Винтер говорил с воодушевлением. Без напускной церемонности он выглядел гораздо моложе.

— Ах, сударь, мне бы следовало гордиться, что выбор пал на меня. Проведение операций в Пустоши — это просто потрясающе. Правда, мне и раньше случалось работать на таком отдалении от Империума, что трудно или невозможно подобрать аналогии. Но ИП-три! Ваша система — это почти тот же Империум, но с достаточными отклонениями, чтобы позволить разыграться фантазии. Как ни схожи эти две линии, вокруг и между ними раскинулась Пустошь, и это указывает, насколько близко к краю пропасти мы подходили в прошлом.

— Ладно, Винтер. Достаточно я вас слушал,— прервал я.— Может быть, вы просто безобидный чудак. Но я ухожу, и немедленно.

— Это совершенно невозможно.— Он развел руками.— Мы сейчас посреди Пустоши.

— Какой Пустоши? — спросил я для отвода глаз, прикидывая тем временем, через какую из дверей лучше выйти. Дверей имелось три. Я остановил выбор на той, через которую еще никто не входил, и шагнул к ней.

— Пустошь — это область полного запустения, радиации, хаоса,— объяснял Винтер.— Там находятся пучки А-линий, где камеры-автоматы не регистрируют ничего, кроме огромных орбитальных колец из обломков. Есть полностью выжженные миры. Кое-где попадаются небольшие фрагменты облученных джунглей, населенных пораженными радиацией мутантами. Сударь, это ужасно. Вы вольны всю ночь держать меня под прицелом, но вам это ничего не даст. Через несколько часов мы прибудем на ноль-ноль, а до тех пор вам не мешало бы отдохнуть.

Выбранная мною дверь оказалась заперта.

— Ключ! — потребовал я.

— Ключа нет. На базе она откроется автоматически.

Я подошел к другой двери. Через нее недавно входил мужчина с коробкой. Стоило ее распахнуть, как гудение усилилось. Короткий узкий проход оканчивался помещением, имевшим некоторое сходство с кабиной пилота. В кресле перед пультом кто-то сидел спиной ко мне.

— Сюда, Винтер. Идите вперед.

— Сударь, не будьте идиотом,— с заметным раздражением произнес он, поворачиваясь к столу.

Я поднял пистолет, прицелился и нажал спуск. Грохот выстрела сотряс помещение. Винтер дернулся, хватаясь за простреленную руку. Лицо его впервые омрачила тень настоящего испуга.

— Сумасшедший! — воскликнул он.— Вам же ясно сказано: мы посреди бездны.

Человек в кабине изумленно оглянулся через плечо и лихорадочно завертел какую-то ручку на пульте.

— Того и гляди обмочите этот милый коврик,— заметил я.— Следующей пулей я вас прикончу. Остановите машину.

Старший капитан побледнел.

— Слово чести, мистер Баярд,— он судорожно сглотнул,— это совершенно невозможно. Лучше застрелите меня. Вы не имеете представления о том, чего требуете.

В безумии моего похитителя больше не оставалось ни малейшего сомнения. Винтер действительно был согласен умереть, лишь бы не выпустить меня из своего фургона, или как там он его называл. Меня же, несмотря на всю браваду, вовсе не устраивала перспектива хладнокровно пристрелить человека. Тремя широкими шагами я пересек проход и приставил пистолет к пояснице человека, продолжавшего с остервенением вращать ручку на передней панели.

— Остановите машину.

Мужчина — один из тех, что появлялись в кабинете после моего пробуждения,— скользнул по мне безумным взглядом, но своего занятия не прервал. Я всадил пулю в приборную доску. Оператор выскочил из кресла и упал на пульт, закрыв его своим телом.

— Нет, чертов идиот! Мы вам все объясним...

— Пытались,— у меня вырвался глубокий вздох,— без толку. Так что лучше не мешайте. С вашей помощью или нет, но это сооружение остановится.

Я отступил в сторону, чтобы следить за обоими. Винтер в дверях присел на корточки. Лицо его побелело.

— Как там, Дойл? — прохрипел он сдавленным голосом.

Тот слез с пульта и, повернувшись ко мне спиной, оглядел приборы. Щелкнув какой-то клавишей, Дойл тихонько выругался, затем поднял глаза на старшего капитана.

— Передатчик сдох,— доложил он.— Но мы на ходу.

Меня посетило нехорошее предчувствие. Перспектива остановки в самом деле не на шутку перепугала эту пароч-

ку. На меня и мое оружие они сейчас обращали внимания не больше, чем на младенца с водяным пистолетиком,— обоих занимало исключительно состояние аппаратуры. Они явно согласны получить пулю, лишь бы не прерывать движение.

К тому же, как бы мне ни хотелось убедить себя в обратном, транспортное средство этих ребят совершенно не вписывалось в мои представления о простом автофургоне. Кабина самолета не вмещает такого количества приборов, и при этом ни одного окна. Мысли роем кружились в голове. Что это? Космический корабль? Машина времени? В какую, черт возьми, передрягу меня угораздило влипнуть?

— Ладно, Винтер,— сказал я.— Объявим перемирие. Даю вам пять минут на то, чтобы в доходчивой форме представить мне необходимые объяснения и доказать, что вы не являетесь беглецом из лечебницы для буйнопомешанных. Заодно расскажете, как вы собираетесь доставить меня туда, откуда... изъяли. Не захотите сотрудничать — я превращу эту панель в решето, как и всякое тело, которым ее попытаются прикрыть.

— Будь по-вашему,— кивнул старший капитан.— Клянусь, я сделаю все, что смогу. Только давайте покинем рубку управления.

— Я останусь здесь. Обещаю не стрелять, если вы не дадите мне повода, например не начнете завираться.

Лицо Винтера покрылось капельками пота.

— Это разведывательный аппарат для работы в Сети. Под Сетью следует понимать совокупность альтернативных линий времени. Так сказать, единый поток одновременно существующих реальностей. Наш двигатель — генератор поля Максони — Кочини — направляет нас перпендикулярно вектору нормальной энтропии, то есть этому потоку. По правде говоря, я плохо разбираюсь в физических принципах работы механизма, я не инженер.

Я взглянул на часы. Он уловил намек.

— Империум — государство на А-линии ноль-ноль, где было открыто это поле. На основе данного открытия со-

здан наш аппарат. Его устройство чрезвычайно сложно, и управляющие им операторы идут на неизмеримый риск. Далее. Поскольку все А-линии в радиусе тысяч координатных единиц от линии ноль-ноль некоторое время назад стали ареной самой ужасной бойни, мы предполагаем, что только нам удалось добиться успеха в данной области исследований. Сейчас наша деятельность охватывает всю совокупность А-линий вне границ Пустоши — так мы называем зону разрушений. Появляться же в ее пределах крайне рискованно.

Продолжая говорить, Винтер заматывал носовым платком простреленную руку.

— Ваша линия известна как Изолированная в Пустоши номер три. Она — одно из двух исключений в окружении всеобщего хаоса. Эти две линии лежат на некотором удалении от нулевой. Ваша немного ближе, чем ИП-два, но открыта всего около месяца назад, а подтверждение ее безопасности получено совсем недавно, поскольку вся исследовательская работа в Пустоши проводилась беспилотными разведчиками-автоматами. Почему мне велели изъять именно вас, я не в курсе. Но, поверьте, если бы вы повредили этот аппарат-разведчик, нас бы выбросило в реальность какой-нибудь А-линии, где, возможно, не осталось ничего, кроме кольца пыли вокруг Солнца или гигантской мутировавшей грибницы. Нам никоим образом нельзя останавливаться, пока мы не достигнем безопасной области.

Я опять посмотрел на часы и изрек:

— Четыре минуты. Как вы можете подтвердить правдивость ваших слов?

Старший капитан облизал губы.

— Дойл, дайте разведснимки этого сектора. Те, что мы сделали по пути сюда.

Оператор сунул руку под панель, вытащил большой красный конверт и протянул его мне. Я передал конверт Винтеру.

— Вскройте сами. Посмотрим, что у вас там.

Повозившись немного, он извлек пачку глянцевых фотографий.

— Все они сделаны точно в тех же пространственных и временных координатах, где сейчас находится разведчик.— Старший капитан вручил мне первый снимок.— Единственное отличие — это координаты Сети.

Череда бесформенных глыб, выплывавших из серого тумана, расцвеченного в нескольких местах блеклыми искорками, повергла меня в растерянность. Я даже приблизительно не смог истолковать увиденное. Следующее изображение практически не отличалось от первого. Лишь на третьем один из валунов повернулся ко мне плоской гранью с процарапанной на ней тоненькой паутиной.

— Размеры обманчивы,— пояснил Винтер.— Эти причудливые камушки — обломки планеты, снятые с расстояния около двадцати миль, а нити — дороги.

Я вновь уставился на снимок. Глыбы висели в пространстве, и их нескончаемые ряды уходили за пределы видимости. Похоже, старший капитан добавил себе очков.

Тем временем он продемонстрировал новую фотографию. Моим глазам предстало черное пятно. Выпуклости и впадины его поверхности отражали мертвенно-бледный свет луны — сверкающего диска на черном фоне пустого неба.

Половину следующего изображения загородила непонятная масса (видимо, фокусное расстояние оказалось слишком мало), зато позади я, к своему ужасу, разглядел огромное, размером с приличный холм, расплывчатое тело, словно перемешанное с обступившими его джунглями. Голова, похожая на коровью, казалась крохотной по сравнению с ним. Чуть поодаль торчало раздутое подобие ноги с загнутым, словно толстый коготь, копытом.

— Да,— подал голос Винтер,— это корова. Корова-мутант с подавленными функциями ограничения роста. Превратилась в гигантскую культуру ткани, получая питание непосредственно от лиан. Они проросли сквозь всю массу тела. Рудиментарная голова и конечности стали совсем бесполезны.

Мне сделалось не по себе, а вид пулевого отверстия в панели управления заставил вздрогнуть.

— Хватит.— Я вернул снимки и опустил пистолет в карман.— Убедили. Пойдемте скорее отсюда.

Вернувшись в кабинет, мы расселись возле письменного стола. Даже если у старшего капитана оставались в запасе какие-либо технические уловки, вряд ли он имел возможность прибегнуть к ним мгновенно.

Винтер, морщась, осмотрел раненую руку, подтянул платок. Я не стал ему помогать. Старший капитан вновь предложил мне синюю бутылку и на этот раз отказа не встретил. После сделанного мной изрядного глотка он заговорил.

— Согласитесь, сударь, когда вам показывают все таким вот образом, без подготовки, это ошеломляет. Понимаю. Я честно пытался сгладить шок, но признайте, вы вели себя чересчур настойчиво.

— Не люблю, когда меня водят за нос. Я по-прежнему в состоянии, если понадобится, застрелить вас обоих и вообще всех, кто есть на борту. Не знаю, какую участь мне уготовили ваши хозяева, но ручаюсь в одном — меня это не устраивает. Что делать будете?

— Я должен доставить вас на базу, хотя бы ценой собственной жизни,— невозмутимо ответил Винтер.— Я офицер Империума. Что же до вас, то теперь вы сами убедились, что не можете покинуть разведчик, пока мы не выберемся из Пустоши. Через несколько часов автоматика выведет челнок к рабочему терминалу в Стокгольме нольноль, где вас ожидает эскорт, так что и здесь вы вряд ли чего-то добьетесь, убив меня. А потому нам лучше просто расслабиться и оставить все как есть,— добавил он с вежливой улыбкой.

Я задумался. Картина мира, в общих чертах представленная Винтером, казалась мне понятной и не вызывала отторжения. Но одно дело — допустить, и совсем другое — поверить. Мои размышления продолжались под болтовню старшего капитана.

Мне удалось сложить его отрывочные сведения воедино и собрать в систему: Сеть представляет собой огромную паутину линий. Линии — вселенные, каждое мгновение

отличные от всех остальных. И где-то, на какой-то линии или в каком-то мире создано устройство, позволяющее человеку пробираться между этими самыми линиями. Что ж, почему бы и нет? При таком количестве вариантов может произойти все, что угодно. Разве не так?

— Винтер,— задумчиво поинтересовался я,— а как обстоят дела с другими А-линиями? Где, возможно, сделано то же самое открытие, но с каким-то несущественным отличием? Почему, обшаривая одну линию за другой, вы не натолкнулись на таких же, как вы?

— Наши ученые давно ломают голову над этим вопросом и пока не нашли определенного ответа. Так или иначе, имеются некоторые установленные факты. Во-первых, эта машина, как я уже говорил, фантастически сложное устройство. Создать подобное не так уж просто. Во-вторых, соверши мы в ходе первых экспериментов самую незначительную ошибку — и наша линия имела все шансы уподобиться тем, чьи фотографии вы видели. Как потом выяснилось, нам лишь чудом удалось избежать губительных последствий данного открытия. Зато теперь мы преуспели и знаем, как управлять процессом. Что касается ближайших линий, теория как будто склоняется к тому, что между векторами нет физических препятствий. Те, что имеют лишь микроскопические отличия, на деле соединяются, переплетаются... Это сложно объяснить. Видите ли, в действительности мы наугад блуждаем с одной на другую. Да, такова любопытная природа бесконечности — имеется бесконечное число бесконечно близких линий, по которым мы скользим, обычно не замечая никакой разницы. Не отдаем же мы себе отчета в том, что без конца перескакиваем от одной временной точки к следующей в ходе нормальной энтропии.

Я озадаченно нахмурился, и Винтер добавил:

— Линии уходят в оба конца и сориентированы по бесчисленным векторам. Если бы мы могли отправиться строго назад вдоль Э-линии, мы бы попали в прошлое. Но такое невозможно, поскольку в этом случае два тела окажутся

совмещены в едином пространстве со всеми вытекающими последствиями. Принцип Максони позволяет нам передвигаться, так сказать, под прямым углом к нормальному смещению. Мы можем избрать направление в пределах трехсот шестидесяти градусов, но исключительно на том же Э-уровне, с которого стартовали. Таким образом, наше прибытие в Стокгольм ноль-ноль произойдет одновременно с отправлением из ИП-три.— Старший капитан рассмеялся.— Во время первых путешествий это обстоятельство вызвало немало недоразумений и взаимных упреков.

— Стало быть, все мы постоянно перескакиваем из одной вселенной в другую, даже не замечая этого? — скептически хмыкнул я.

— Необязательно все и необязательно постоянно,— пожал плечами Винтер.— К примеру, в момент эмоционального стресса периодически наблюдается нечто похожее на эффект смещения. Неужели вы способны заметить изменение положения двух песчинок или даже двух атомов внутри песчинки? Серьезные отклонения, касающиеся нескольких индивидуумов, происходят значительно реже. Возможно, и вам время от времени приходилось наблюдать незначительные расхождения — то какая-нибудь вещица передвинется или исчезнет неизвестно куда, то внезапно переменится характер вашего знакомого, то вдруг появляются искаженные воспоминания о минувших событиях. Вселенная отнюдь не так постоянна, как принято считать.

— Ваши рассуждения ужасающе правдоподобны. Допустим, теорию я принимаю. А теперь опишите мне это средство передвижения.

— Просто небольшая МК-станция, помещенная на самодвижущиеся шасси. Способна передвигаться по земле, твердому покрытию, а также по спокойной воде. Это позволяет нам выполнять большинство пространственных маневров и снижает вероятность подвергнуться риску при осуществлении операций на поверхности в незнакомых условиях.

— А где остальные члены вашей команды? Должны быть еще по крайней мере трое.

— Они на своих постах. Перед рубкой управления имеется небольшой отсек с ходовым механизмом.

— Если приборы настроены на автоматическое возвращение, зачем вам на борту техники?

Винтер пристально взглянул на меня.

— Вы не представляете себе всей сложности управления этим устройством,— сказал он.— Необходим постоянный контроль.

— А для чего это? — Я указал на коробку, откуда добыл пистолет.

Скользнув по ней взглядом, старший капитан печально улыбнулся.

— Ах вот где вы взяли оружие. Оно не могло быть вашим. Я-то знаю, что вас обыскивали. Это чертов Дойл с его беспечностью. Тоже мне, охотник за сувенирами! — Он осторожно коснулся раненой руки.— Я велел ему сдать мне все образцы до возвращения на базу, он и сдал. Так что, видимо, просчет все же мой.

— Это не ваш просчет,— успокоил я его.— Просто я ловкий парень. Зато не слишком храбрый. По правде говоря, меня до смерти пугает мысль о том, что меня ждет в пункте назначения.

— С вами будут хорошо обращаться, мистер Баярд,— заверил Винтер.

Слабое утешение. Стоит ли доверять его словам? А может, по прибытии выскочить из фургона, устроить пальбу, бежать... Нет, этот вариант тоже не сулит ничего хорошего. Куда я потом денусь в этом Империуме? Меня устроит лишь обратный билет. Тут я поймал себя на том, что уже думаю о моем мире как об ИП-три, и был вынужден признать, что почти верю в историю старшего капитана.

Последовал еще один глоток из синей бутылки.

Не считая размеренного гула, в помещении царила гнетущая тишина. Дойл по-прежнему корпел над приборами, Винтер ерзал на стуле, беззвучно подкашливал и хранил молчание. Создавалось странное ощущение движения, хотя стены не передавали ни малейшей вибрации.

— Почему мы не взрываемся, проходя через эти уничтоженные линии, и не горим на раскаленных? Если я правильно понял, иной раз ваше транспортное средство оказывается внутри какого-нибудь из тех кусков породы, что вы фотографировали.

— Мы не задерживаемся там достаточно долго,— ответил Винтер.— Видите ли, сударь, отрезок времени, который разведчик затрачивает на пересечение очередной линии, не имеет длительности в данной системе координат, и потому мы не успеваем вступить в физический контакт с окружением.

— А как вы умудряетесь фотографировать и пользоваться передатчиком?

— Камера остается в зоне действия нашего поля. В действительности каждая фотография — это сложение видов из нескольких близко расположенных линий. Поскольку они отличаются друг от друга совсем незначительно, снимки выходят достаточно четкие. Естественно, в данном случае свет выступает не как событие, а как условие. Ну а для передатчиков используют разновидность Сети, способную проводить радиосигналы.

Не понимаю.

Несмотря на смятение, мне удалось немного расслабиться. Синяя бутылка оказалась весьма кстати. Я глотнул еще.

— Я занимаюсь изучением явления, которое назвал А-энтропией,— продолжил Винтер.— И с помощью кинокамеры мне удалось зафиксировать несколько весьма захватывающих последовательностей. На их примере у нас есть возможность отследить варианты «развития» несколько иного характера, нежели то, с которым мы сталкиваемся при субъективном восприятии. Видите ли, если направить камеру на определенный объект и по мере прохождения через линии вести съемку в одной и той же временной точке, связь трансформации данного объекта с предыдущими событиями покажется нам такой же очевидной, как и пространственно-временные изменения, воспринимаемые нами при движении вдоль Э-линии.— Несмотря на то что я не проронил ни слова, старший капитан говорил все

более увлеченно.— Представьте себе обычную кинопленку. На каждом кадре запечатлено слегка изменившееся положение объекта как в пространстве, так и во времени. Сменяя кадр за кадром, мы видим развитие действия. Человек идет, волна разбивается о берег, лошадь скачет и так далее. Так вот и в моих фильмах примерно то же самое. Получается довольно интересный ряд образов. Позвольте вам продемонстрировать.

Подавшись вперед с пистолетом в руке, я внимательно проследил, как Винтер встал, вынул из шкафчика небольшой прибор, разместил его на столе и занялся какими-то приготовлениями. Через несколько секунд на белой стене возникла четкая картинка. Посреди поля стоял человек с мотыгой.

Старший капитан сопровождал показ своими комментариями:

— Мы удалялись от базы. Обратите внимание на возрастающие отклонения...

Человек постепенно менялся, как и обстановка вокруг него. Все плыло и странным образом смещалось, хотя никаких движений я не наблюдал. В небе светило солнце. Падающий лист висел в воздухе. Мотыга человека замерла над небольшим зеленым растением. Кадр за кадром сорняк разрастался, листья занимали на экране все больше места. Они делались крупнее, на них проступали кроваво-красные пятна. Человек же, оставаясь на месте, словно отступал. Черенок его мотыги стал короче, лезвие — длиннее. Корчась и изгибаясь, металл принимал новую форму. Руки фермера также утрачивали длину, прибавляли в обхвате. Спина выгнулась горбом.

Окрестная растительность, расплывшись в стороны, точно по поверхности водоема, где исчезла вовсе, а где собралась бесформенными кустиками. Сорняк рос. Мясистые листья норовили облапить существо, отдаленно напоминающее человека. Его плечи покрыл роговой панцирь, клещевидные руки сжали нечто напоминающее алебарду со сверкающим лезвием. По краям каждого листа появились зубчики, и оружие существа увязло в переплетении их

толстых черенков. Корни чудовищного растения, выбившись из-под земли, оплели могучие ноги того, кто недавно был человеком. Существо тоже набирало вес, и его голова тяжелела соразмерно с массивными челюстями.

Поле вокруг опустело, лишь кое-где зелень сбилась в плотные куртины. Окруженное листвой чудовище возвышалось над растением. Древко алебарды под напором стеблей согнулось в дугу, отсеченные усики засохли, листья увяли, превратившись в сморщенную коричневую шелуху, однако на их месте уже возникли новые нежно-розовые ростки. Зубцы растения скребли выпуклый панцирь. Под безучастными небесами, в полной тишине, передо мной развернулась неподвижная, беспощадная битва.

Растение утратило рост, почернело и сникло. Стальное лезвие вновь засверкало на солнце. Щитки панциря на плечах сделались мягче, постепенно сходя на нет. Казалось, будто чудовище-победитель хочет поскорее избавиться от своего наводящего страх уродства. Тяжелые челюсти уменьшились, руки и ноги стали тоньше и длиннее. Куртины вдали лопнули, раскидав по полю островки быстро расползающейся зелени. Еще минута — и человек, или почти человек, если не обращать внимания на зеленую кожу и короткие рожки, застыл с поднятой мотыгой над небольшим темно-красным сорняком.

Проектор погас.

— Ну, что вы об этом думаете, сударь?

— Кошмар.

— В данном случае мы имеем наглядную иллюстрацию причинно-следственной связи между нападением и защитой, хотя, конечно, представленную несколько непривычным способом. По-моему, это очевидно.

— По-моему, мне пора оставить вашу синюю бутылку.

Но на самом деле мне было не до шуток. Увиденное меня потрясло, и я впервые по-настоящему поверил в реальность происходящего.

— Конец этого фильма снят на громадном расстоянии от линии ноль-ноль,— сообщил Винтер.— Интервал между кадрами — одна секунда субъективного времени.

Конечно, нет смысла утверждать, что это и есть настоящий шаг прогрессии, какой бы она ни была на этой линии. Сражение, представляющееся нам коротким, может продолжаться всю жизнь или целую эволюционную эпоху. Точка расхождения нашей и самой удаленной линии из тех, что мы видели в самом конце, отстоит от нашего времени почти на миллион лет.

— Винтер, все это ужасно интересно, но выглядело бы куда привлекательнее, представляй я себе хоть в минимальном приближении, что вы мне уготовили. Похоже, вам мало дела до переживаний отдельно взятого человека. А вдруг меня намереваются подвергнуть какому-нибудь живописному эксперименту, а потом выбросить за ненадобностью, вышвырнуть на свалку космического хлама вроде той, что вы мне показывали? И даже содержимое этой бутылки не очень-то помогло мне отвлечься от размышлений на подобную тему.

— Бог мой, сударь! — встрепенулся старший капитан.— Ничего подобного, уверяю вас. Помилуйте, мы вовсе не дикие варвары! Если вы заинтересовали официальное руководство Империума, вы можете рассчитывать на человечное и достойное обращение.

— Вы упоминали о каких-то концентрационных пунктах. В нашем мире перспектива угодить в заведение с подобным названием восторга точно не вызовет.

— И совершенно напрасно,— пожал плечами Винтер.— Есть множество чудесных А-линий, удаленных от Пустоши. Они либо необитаемы, либо заселены отсталыми или неразвившимися расами. Мы подберем технологический и культурный уровни, которые вас устроят. Ни один из изъятых объектов не остается без внимания и заботы. Их размещают с максимальным удобством и обеспечивают всем необходимым на всю оставшуюся жизнь.

— В ссылке на необитаемом острове или в туземной деревне? Звучит не слишком заманчиво,— заметил я.— Не лучше ли вернуть меня домой?

Старший капитан загадочно улыбнулся.

— Что бы вы сказали, если бы вдруг вам представилась возможность обрести крупное состояние в золоте и поселиться в обществе, весьма схожем... Ну хотя бы с Англией семнадцатого века? Только не забудьте добавить к этому преимущества в виде электричества, цветущую современную литературу. Жизнь, обеспеченная всем по вашему усмотрению. Имейте в виду — в нашем распоряжении ресурсы всей вселенной.

— Сказал бы, что все это здорово, будь у меня выбор,— ответил я.— Согласен, здесь и сейчас довольно уютно, но я остаюсь жертвой грубого похищения и практически ничего не могу с этим поделать. Можно, конечно, попытаться подловить момент, когда мы выберемся из Пустоши, но еще не прибудем на базу, где меня ждет встречающая делегация. И тогда вы сумеете развернуть эту посудину назад на ИП-три. Средство заставить вас у меня имеется.

— Послушайте, Баярд,— раздраженно заявил Винтер.— Оружие у вас действительно есть. Ну так застрелите меня. Убейте нас всех. Чего вы этим добьетесь? Для управления разведчиком требуется высочайшая техническая подготовка. Приборы настроены на автоматическое возвращение в исходный пункт. Возврат объекта на линию, с которой он был взят, абсолютно противоречит установкам Империума. Неужели вы не понимаете, единственное, что вам остается,— сотрудничать с нами. Я же как офицер Империума смею заверить: вас ждет достойное обращение.

— Если верить кинофильмам, при помощи оружия непременно добьешься своего.— Я задумчиво разглядывал пистолет.— Однако у меня создалось впечатление, будто вы действительно запросто готовы получить пулю.

Лицо Винтера расплылось в улыбке.

— Помимо того, что вы хорошо приложились к моему бренди и, вероятно, не попадете даже в стену, я смею вас заверить...

— Только и делаете, что заверяете.— Швырнув оружие в коробку, я закинул ноги на полированную столешницу и развалился на стуле.— Разбудите меня перед прибытием на место. Хочу привести себя в должный вид.

— Сударь,— услышал я смех старшего капитана,— наконец-то вы повели себя разумно. Мне было бы чертовски неудобно докладывать на базе о том, что вы тут всю дорогу размахивали пистолетом.

3

Проснулся я внезапно. Ужасно ломило шею, а стоило только пошевелиться, как выяснилось, что и все тело тоже. Я со стоном опустил ноги на пол, сел прямо и оглядел отсек. По какой же причине мне вдруг сделалось так неуютно? Вот оно: старший капитан исчез, и гудение стихло.

— Винтер!

Я вскочил. Мое сознание незамедлительно нарисовало мне металлическую коробку с одиноким растерянным дипломатом, коварно брошенным посреди одного из этих адских миров. Следовало признать, сейчас я куда меньше боялся попасть в этот ноль-ноль, нежели не попасть туда вообще.

— Минуту, мистер Баярд.— Винтер заглянул в помещение через приоткрывшуюся дверь.— Мы прибыли согласно графику.

Теперь достаточно было просто нервничать.

Пистолет пропал. Я в раздумье мерил шагами отсек. Интересно, куда они девали мой портфель... хотя в данный момент глупо волноваться по таким пустякам — меня и так угораздило влипнуть не на шутку. Наверное, следует убедить себя, будто мне предстоит нечто вроде приема в посольстве — что может быть хуже? Следовательно, я должен перестать относиться к этому серьезно. Несомненно, должен. Лучше всего в подобных случаях держаться как ни в чем не бывало, точно сам все и придумал.

Вошли двое громил, за ними Винтер. Все в форменных фуражках. Сейчас они вели себя по-уставному. Громилы, развернувшись к старшему капитану, отсалютовали ему на английский манер, а тот ответил легким взмахом руки.

— Выходим, мистер Баярд? — повернулся он ко мне.

Один из парней толчком распахнул дверь и замер сбоку от выхода. Впереди в приглушенном солнечном свете я увидел мощеную площадку. На площадке стояли люди в белой форме. Все смотрели на нас.

Винтер ждал. Видимо, пришло время сделать решительный шаг. Я вышел из фургона и осмотрелся. Мы находились в обширном ангаре, отдаленно напоминавшем железнодорожный вокзал. Один из встречавших повернулся к другому и что-то сказал, не сводя с меня глаз. Второй кивнул. Оба шагнули вперед.

— Джентльмены,— прогремел за моей спиной голос Винтера,— мистер Бриан Баярд!

Они таращились на меня, я на них. Все встречавшие носили обтягивающую белую форму, увешанную медалями и расшитую на плечах золотом.

— Бог мой, Винтер,— воскликнул один из них.— У вас получилось. Мои поздравления!

Все тут же обступили старшего капитана, наперебой засыпая его вопросами и бросая в мою сторону бесцеремонные взгляды. Мне никто не сказал ни слова. Я попытался встретиться глазами с Винтером. Он со спокойным и немного самодовольным видом удовлетворял любопытство встречающих, спрятав за спину раненую руку.

Ну и пошли они ко всем чертям. Я развернулся и зашагал к передней стене ангара. Там виднелась дверь, а сбоку от нее — будка часового. Удостоив солдата холодным мимолетным взглядом, я направился прямиком к выходу.

— Э-э, сэр, покажите ваши документы,— потребовал часовой.

Я обернулся.

— Запомните как следует это лицо.— На меня накатило усталое, тоскливое равнодушие, и, наверное, оттого голос прозвучал с безупречной невозмутимостью.— Впредь вам часто придется его лицезреть. Я ваш новый командир.— Мои глаза пробежали по нему с ног до головы.— И поправьте форму.

Отвернувшись, я двинулся дальше.

— Э-э, сэр, говорю вам...— вновь окликнул солдат уже из-за спины, однако так и остался без ответа.

Конец моим действиям, как нельзя более подходившим под определение «откровенная попытка побега», положило внезапное появление Винтера. Впрочем, куда я мог уйти?

— Не туда, сударь,— заботливо предупредил старший капитан.— Так вы заблудитесь. Я доставлю вас прямиком в управление королевской разведки, где вы непременно узнаете больше о причинах вашего,— он откашлялся,— визита.

— Мне показалось, это будет Имперская разведка,— заметил я.— Кстати, для предполагаемо высокого уровня операции прием выглядел довольно скромно. Я думал, будет оркестр или хотя бы пара копов с наручниками.

— Шведская королевская разведка,— поспешил уточнить Винтер.— Шведы, конечно же, подданные императора. Ребята из Имперской разведки тоже будут. Что касается встречи, в данном случае руководство сочло нужным обойтись без лишнего шума.

Винтер помог мне забраться в черную угловатую служебную машину, стоявшую у края тротуара. Она быстро вывернула на середину широкой улицы и помчалась вперед. Другие автомобили уступали нам дорогу.

— Если я правильно понял, ваш разведчик путешествует перпендикулярно линиям, но остается в той же точке на карте. Это не похоже на холмистый район Старого города.

— У вас дотошный ум и цепкий взгляд,— прокомментировал Винтер.— Перед стартом мы перегнали аппарат в доки. Сейчас мы в северной части города.

— С кем я должен встретиться? И еще, они намерены общаться со мной или вроде предыдущей компании примутся болтать друг с другом?

— Да не сердитесь вы на них,— отмахнулся Винтер.— Эти джентльмены встречали подобные экспедиции не меньше тысячи раз и немного пресытились. Но на самом деле ваше прибытие их впечатлило.

Огромная машина с ревом промчалась по мосту и свернула на длинную, покрытую гравием дорогу, что вела к кованым воротам перед массивным зданием из серого гранита. Прохожие выглядели вполне обыкновенно, если не считать некоторых странностей в одежде. Непривычно часто мелькала помпезная форма. У ворот застыл часовой в кителе вишневого цвета, белых брюках и черном стальном шлеме с острым золотистым навершием, увенчанным ярко-пурпурным пером. Он взял оружие (короткий и странный на вид никелированный автомат) на караул, ворота распахнулись, мы проехали через них и остановились перед широкими дверями из окованного железом дуба. На медной табличке у входа я прочел: «Kungliga Svenska Spionage»*.

Мы молча пересекли холл с безукоризненно белым мраморным полом, вошли в просторный лифт и поднялись на верхний этаж. Далее Винтер повел меня через другой холл, на сей раз с полом из красного гранита. В конце его виднелась еще одна массивная дверь. На всем пути следования нам не встретилось ни души.

— Расслабьтесь, мистер Баярд,— посоветовал мне старший капитан.— Отвечайте на вопросы ясно и четко и используйте те же формы обращения, что и я.

— Постараюсь не ударить лицом в грязь.

Кажется, Винтер нервничал не меньше моего. Он вежливо постучал, и нам разрешили войти.

Мы оказались в просторном, со вкусом обставленном кабинете. От широкого письменного стола нас отделяло покрытое серым ковром пространство. За столом в удобных креслах расположились трое мужчин. Четвертый восседал позади остальных лицом к нам. Винтер закрыл дверь и твердым шагом пересек помещение, я следовал за ним. Он остановился в десяти футах от стола, резко взметнул руку, отдавая честь, и отчеканил:

— Сэр, старший капитан Винтер докладывает о выполнении приказа.

---

* Шведская королевская разведка.

— Отлично, Винтер.— Человек, сидевший прямо напротив, ответил на приветствие вялым жестом.

Старший капитан с хлопком опустил руку и повернулся к остальным.

— Kaiserliche Hochheit,— произнес он с церемонным поклоном, обращаясь к одному из сидевших.— Главный инспектор,— приветствовал он другого. К третьему, довольно тучному человеку, чье веселое лицо показалось мне знакомым, старший капитан обратился «сэр».

— Hochwelgeboren будет вернее,— пробормотал худой аристократ.

По-видимому, мой провожатый ошибочно назвал «их высокоблагородие» «королевским высочеством».

Винтер густо покраснел.

— Прошу прощения у вашего превосходительства,— выдавил он надтреснутым голосом.

Круглолицый широко улыбнулся.

В продолжение означенной беседы господин, находившийся во главе стола, не спускал с меня пристального взгляда.

— Прошу, садитесь, мистер Баярд,— произнес он довольно приветливо, указал на пустое кресло и сухо скомандовал Винтеру, все еще державшемуся по стойке «смирно»: — Вольно, старший капитан. Надеюсь,— господин вновь обратился ко мне,— способ, каким вы были доставлены сюда, не настроил вас против нашего общества.

Его худое удлиненное лицо с тяжелой нижней челюстью напомнило мне портреты короля Швеции Густава. Уж не родственник ли столь царственной особы общается со мной?

— Я генерал Бернадотт,— представился он.— А это господа барон фон Рихтгофен, главный инспектор Бейл и мистер Геринг.

Я кивнул, и генерал продолжил:

— Прежде всего считаю необходимым сообщить, что решение о доставке вас сюда далось нам нелегко. Я понимаю, у вас масса вопросов, и вскоре вы получите на них исчерпывающие ответы, однако в первую очередь, как

мне кажется, вам следует узнать, почему вы здесь. Мы вызвали вас сюда, чтобы попросить о помощи.

Что ни говори, а такого поворота я точно не ожидал. Не знаю, чего я ждал вообще, но только не просьбы о помощи от целой компании облеченных властью чинов. Я тупо раскрыл рот от изумления и, судя по всему, на время лишился дара речи.

— Замечательно,— хихикнул гражданский с брюшком.

Я посмотрел на него. Бернадотт представил его как мистера Геринга. Так вот кого он мне напомнил! В моей памяти живо всплыли фотографии жирного главнокомандующего Люфтваффе.

— Ваше имя, случайно, не Герман? — осторожно спросил я.

Толстяк удивился, но по его лицу расплылась добродушная улыбка.

— Да, меня зовут Герман,— ответил он с заметным немецким акцентом.— А как вы догадались?

С ответом у меня возникли некоторые затруднения. Об этом мне следовало подумать раньше. Равно как и о возможности встретить здесь настоящих двойников или персоны, аналогичные фигурам из моего мира. Зато теперь у меня не осталось ни малейших сомнений — Винтер не лгал.

— Там, откуда я прибыл, ваше имя известно всем,— пояснил я.— Рейхсмаршал Геринг...

— Рейхсмаршал! — повторил Герман.— Какое любопытное звание! — Он посмотрел на остальных.— Разве не интереснейшая и не ценнейшая информация? Я, несчастный толстяк Геринг,— и вдруг рейхсмаршал, и все меня знают.

Он явно пришел в восторг от полученного известия.

— Уверен,— заметил генерал,— мистер Баярд поведает нам еще много крайне интересных вещей. И все же я считаю, что сначала мы сами обязаны дать ему исчерпывающие объяснения.

— Благодарю вас, генерал.— Я церемонно склонил голову.— Буду вам очень признателен.

— Мистер Баярд, что вы успели узнать о структуре нашей государственной системы и о нашей деятельности в Сети?

— Думаю, у меня имеется лишь общее представление. Я уяснил, что Имперское правительство обладает суверенитетом над всеми остальными. И это, пожалуй, все.

— Насколько нам известно, сейчас только наше правительство — возможно, за одним исключением, о котором я расскажу в свое время,— владеет технологией сетевых перемещений. По этой причине у нас имеется возможность влиять на события в большей степени, нежели у других правительств. Это вовсе не означает, будто империя стремится вмешиваться в дела других миров или эксплуатировать их. Наши связи со всеми линиями основаны на уважительных отношениях, о чем мы по возможности договариваемся сразу после установления контакта. Но в случае с изолированными линиями Пустоши возникли осложнения...— Бернадотт помедлил в раздумье, а затем продолжил: — Империя избегает применения силовых методов. Сила применяется как крайнее средство против антиобщественных проявлений. После жизни в однолинейном мирке столкновение с многофазным миром всегда шокирует. Нам же, с детства усвоившим принципы многообразия и непрерывности, они кажутся естественными и привычными. Концепция однолинейной последовательности представляется нам искусственно ограниченной, эдаким упрощением реальности и следствием человеческого эготизма.

Трое высокопоставленных господ слушали генерала так же внимательно, как и я. Тишину нарушали лишь его голос да слабый шум, доносившийся с улицы.

— Как нам удалось установить в ходе изучения линии ИП-три, с которой вы прибыли, наши системы имели общую историю примерно до тысяча семьсот девяностого года. Еще около столетия они шли почти параллельно и затем довольно резко разошлись. Здесь, в нашем мире, в тысяча восемьсот девяносто третьем году двое итальянских ученых, Джулио Максони и Карло Кочини, совершили одно фундаментальное открытие. После нескольких лет исследовательской работы они воплотили его в устройстве, которое позволило им на собственный страх и риск передвигаться по широкому спектру того, что сейчас мы называем альтернативными линиями, или А-линиями. Кочини погиб в ходе одного из первых экспериментов. Максони решил предложить аппарат итальянскому правительству. Ему грубо отказали. Итальянская пресса, безжалостно высмеивавшая ученого-шарлатана, третировала его не один год. Тогда он перебрался в Англию и предложил изобретение правительству Великобритании. Последовали долгие и весьма щепетильные переговоры, но сделка в конце концов состоялась. Максони получил титул, поместья и миллион фунтов золотом. Годом позже он скончался. После изобретения колеса это важнейшее фундаментальное открытие, совершенное человечеством. Наше правительство обладает на него исключительным правом. Колесо дало человеку возможность легко передвигаться по поверхности в своем мире, а принцип Максони позволяет ему странствовать по всем мирам.

Я сменил позу, и кожаное кресло тихонько скрипнуло подо мной. Генерал, откинувшись назад, глубоко вздохнул.

— Надеюсь, я не утомил вас историческими подробностями, мистер Баярд? — вежливо улыбнулся он.

— Нет-нет, я слушаю с великим интересом.

— В тот период Англия вела напряженные переговоры с правительством Германской империи, пытаясь заключить эффективные торговые соглашения и избежать братоубийственной войны, которая из-за разногласий о сферах влияния казалась неизбежной. Приобретение аппарата Максони кардинально изменило расстановку сил. Справедливо полагая собственную позицию на переговорах в значительной степени укрепившейся, англичане предложили объединить две державы в ныне существующую Англо-Германскую империю с ганновер-виндзорской династией на троне. Спустя непродолжительное время договор о вступлении в альянс подписала Швеция, и после устранения некоторых мелких разногласий первого января тысяча девятисотого года был провозглашен Империум.

У меня создалось впечатление, будто генерал все чрезмерно упрощает. Мы, дипломаты, обычно имеем представление о том, сколько людей погибает в ходе устранения таких вот «мелких разногласий». Однако соображения на этот счет я решил оставить при себе.

— С самого начала,— продолжал рассказ господин Бернадотт,— Империум осуществлял программу планомерного обследования и систематизации А-континуума. Вскоре было установлено, что со всех сторон от нашей линии царит полное запустение. Но за пределами пораженного ареала обнаружились неисчерпаемые ресурсы бесчисленных миров. Точки расхождения линий, лежащих сразу за границей Пустоши, обозначились примерно четыреста лет назад. Иными словами, примерно до тысяча пятьсот пятидесятого года наша история развивалась по единому сценарию, а после него каждый из этих миров обрел индивидуальные черты. При большем удалении от координат ноль-ноль точки расхождения, соответственно, сдвигаются в прошлое. Границы современных исследований достигли таких линий, где последняя общеисторическая дата зафиксирована примерно за миллион лет до Рождества Христова.

Я не знал, что и сказать, а потому хранил молчание. Бернадотта это как будто вполне устраивало.

— В тысяча девятьсот сорок седьмом году анализ снимков, полученных при помощи автоматической камеры, позволил выявить аномалию. Глубоко в Пустоши сохранился нормальный обитаемый мир. На выявление точных координат этой линии понадобились недели кропотливой работы. Впервые мы наткнулись на систему, чей сценарий развития разошелся с нашим так недавно, что наличие в ней событий и объектов, практически дублирующих наши собственные, не вызывало у нас сомнения. Мы рассчитывали построить плодотворные отношения между двумя мирами, но были крайне разочарованы.— Генерал повернулся к широкоплечему господину с непропорционально маленькой, лишенной растительности головой, ранее представленному как главный инспектор Бейл.— Главный инспектор, не расскажете ли об этом поподробнее?

Казалось, выражение недовольства приклеилось к лицу мистера Бейла с момента его рождения. Он поднялся и сложил руки на груди.

— В сентябре тысяча девятьсот сорок восьмого два старших агента Имперской разведки, временно получив ранг посланников и дипломатическую аккредитацию, были направлены для переговоров с лидерами Народно-демократического государства. Это политическое объединение охватывает большую часть обитаемого мира линии ИП-два. Серия ужасных войн с использованием каких-то радиоактивных боеприпасов уничтожила лучших представителей цивилизации. Европа лежала в руинах. Верхушку государства мы обнаружили в Северной Африке, где из бывшего французского колониального правительства сформировалось его ядро. Во главе вышеозначенного государственного образования стоял жестокий вояка, добившийся среди этих жалких остатков цивилизации положения непререкаемого диктатора. Его опору составляла армия, сколоченная из подразделений всевозможных бывших противников. Отбор в нее, судя по всему, осуществлялся по одному признаку: всем им свойственна привычка безнаказанно грабить и любой ценой добиваться господствующего положения в новом обществе, основанном на грубой силе.— Бейл говорил спокойно, но в его голосе сквозило явное отвращение.— Отсутствовала даже видимость уважения к законам, общественному положению и приличиям. Человек с оружием заправлял всем и подчинялся только высшей воле диктатора. Женщины превратились в собственность и использовались как рабыни и наложницы, ими свободно торговали. Не считались ни с кем. Диктатор жил в роскоши, распоряжаясь достоянием народа как личной собственностью. Наши агенты обратились к человеку из его самого близкого окружения, назвавшемуся генерал-полковником Янгом, который верховодил толпой головорезов в разношерстной униформе. Посланники просили устроить им встречу с первым лицом государства, а Янг вместо этого бросил обоих в тюрьму, где их, невзирая на дипломатические паспорта и соответствующие документы, изби-

ли до потери сознания. После генерал-полковник все же сообщил диктатору о посланниках, и тот даже изъявил желание с ними поговорить. Но во время беседы этот негодяй вытащил пистолет и выстрелил в голову одному из моих парней. Убил на месте. Это мало что изменило — второй агент продолжал настаивать, что он полномочный посол Имперского правительства, прибыл для ведения переговоров о международном соглашении, требовал экзекватуры* и соответствующего отношения. Его отдали в руки искусных палачей. Не добившись при помощи пыток ничего нового, мучители сочли пленника простым безумцем и вышвырнули умирать от голода и ран. Мы его подобрали, но спасти не смогли. Он лишь успел рассказать нам о том, что с ними произошло.

Я по-прежнему счел нужным воздержаться от комментариев. История звучала удручающе, хотя и некоторые действия самого Империума также вызывали сомнение.

— Мы решили отказаться от карательных акций,— взял слово генерал,— и просто оставить этот злосчастный мир в изоляции, но примерно год назад произошло событие, из-за которого сохранять подобную линию поведения больше не представляется возможным.— Господин Бернадотт обратился к человеку с худым лицом.— Манфред, прошу вас изложить эту часть истории.

— Приборы нашей Службы транссетевого надзора зарегистрировали активность в точке, несколько углубленной в зону под названием «сектор девяносто два»,— начал Рихтгофен.— Мы готовились к подобным случайностям. Однако почти за шестьдесят лет постоянного слежения это был всего лишь второй случай несанкционированной активации поля Максони — Кочини. Первый раз такое произошло около пятидесяти лет назад в результате заговора недовольных чиновников и не нанесло ущерба. На сей раз все оказалось не так просто. Тяжеловооруженный МК-ап-

* Экзекватура (от *лат.* exsequor — выполняю) — здесь: официальный документ, удостоверяющий признание консула правительством принимающего государства *(дипл.)*.

парат неизвестного происхождения вторгся на одну из самых ценных для нас линий из группы, с которой мы ведем торговлю с оборотом во много миллиардов фунтов. Нарушитель возник в густонаселенном центре и применил ядовитые газы. Погибли сотни людей. Затем нагрянули солдаты в масках, всего взвод или два, и принялись обшаривать трупы, грабить магазины... Устроили настоящий погром. Патруль ТСН прибыл через несколько часов после того, как неизвестные скрылись. На экипаж сразу набросились возмущенные местные жители, и не откройся вовремя принадлежность корабля Империуму, несомненно, растерзали бы его.— Манфред сурово нахмурился.— Я лично руководил спасательной операцией. В общей сложности налетчики убили свыше четырехсот невинных гражданских лиц. Дорогостоящие промышленные комплексы уничтожены пожаром, производственные связи нарушены, население деморализовано. Горестная картина.

— Видите ли, мистер Баярд,— вздохнул Бернадотт,— мы оказались не в состоянии защитить наших друзей от подобных набегов. Хотя у нас имеются исключительно эффективные приборы обнаружения МК-поля, своевременно появиться на месте нападения практически невозможно. Сам перенос не занимает времени, но взятие точного направления на нужную линию среди бесконечного множества других — в высшей степени сложная операция. Наши подвижные устройства позволяют ее выполнять, но лишь после того, как мы вручную произведем необходимые настройки.

— Вскоре одно за другим произошли еще семь таких нападений,— продолжал Рихтгофен.— Потом ситуация стала ухудшаться. В налетах участвовало все больше бандитов на огромных грузовых аппаратах. Во время своих разбойничьих рейдов они принялись захватывать в плен молодых женщин и увозить их с собой. Со всей очевидностью над Империумом нависла серьезнейшая угроза. В конце концов одному из наших военных разведчиков посчастливилось засечь их транспорт. Командир тут же отдал приказ взять курс на преследование и определил местоположение пирата

спустя двадцать минут после начала нападения. Экипаж, открыв огонь из тяжелого орудия, разнес врага на куски. Налетчики, деморализованные из-за потери судна, сдаться все же не пожелали и сопротивлялись до последнего. Нам удалось поймать всего двоих.

Я вовремя подавил желание осведомиться, сильно ли методы допроса в Империуме отличаются от применяемых на линии ИП-два. Неизвестно, вдруг бы меня сочли нужным с ними ознакомить?

— Количество информации от пленных превзошло наши ожидания. Оба оказались хвастливы и словоохотливы. По их словам, для успешного проведения налетов достаточно всего лишь неожиданно напасть и вовремя скрыться. Пираты располагали четырьмя транспортами, не больше, и на каждом — команда человек по пятьдесят. Еще они хвалились мощным оружием, которое держат в резерве и обязательно используют против нас в отместку за уничтоженный аппарат. МК-привод появился в их мире недавно, и о его устройстве налетчики не имели ни малейшего представления, равно как и о конфигурации Сети, и о бесконечных расщеплениях реальности. Они как будто верили, что их товарищи отыщут нашу базу и легко ее разрушат. Представление о протяженности и природе Пустоши они имели лишь приблизительное, но проговорились, что именно в этом районе исчезло несколько пиратских судов. К счастью для нас, налетчики располагали только самыми примитивными детекторами, а качество их навигационных приборов оставляло желать лучшего. Что самое главное — мы установили их происхождение.— Для большего эффекта Рихтгофен выдержал театральную паузу.— То был злосчастный, родственный нам мир ИП-два.

— Каким-то непостижимым образом,— подхватил Бернадотт,— несмотря на хаос и разрушительные войны, они сумели успешно воспользоваться принципом Максони — Кочини. Их аппараты примитивнее наших шестидесятилетней давности, однако им как-то удалось избежать катастрофы. Следующее появление пиратов обошлось нам дорого. То ли вследствие удивительно быстрого научного

прогресса, то ли благодаря единению упрямства и слепого случая один из их разведчиков в прошлом месяце смог обнаружить линию ноль-ноль, где расположен сам Империум. Корабль вынырнул в окрестностях Берлина, одной из имперских столиц. По-видимому, экипаж заранее подготовился к этой атаке. Они собрали в поле легкую вышку, установили на ней странное устройство и немедленно поднялись на борт. Примерно через три минуты, как нам удалось определить, устройство детонировало с неимоверной силой. Все в радиусе мили превратилось в пустыню, жертвы исчислялись тысячами. Весь район до сих пор заражен какими-то радиоактивными осадками и не пригоден для жизни.

Я кивнул:

— Понимаю.

— Да,— заметил генерал,— ведь у вас в мире ИП-три тоже есть нечто в этом роде, не так ли?

Я счел вопрос риторическим и не стал отвечать.

Бернадотт продолжил:

— Хотя и топорным способом, но они сумели заявить о себе. Совершенно ясно, что со временем их инженеры научатся создавать точные приборы управления и обнаружения. И тогда мы лицом к лицу столкнемся с полчищами неотесанных, но профессиональных солдат, вооруженных жуткими бомбами, при помощи которых они уничтожили собственную цивилизацию. Нам необходимо приготовиться к такому развитию событий. Есть два варианта, и оба одинаково нежелательны. В первом случае следует укреплять оборону, ожидая новых нападений. Эффективность наших средств защиты против фантастически разрушительных боеприпасов противника представляется сомнительной. Второй вариант: мы сами переходим в наступление и бросаем на ИП-два колониальные войска. Обеспечить выполнение обоих планов невероятно сложно.

К тому времени я успел сделать для себя кое-какие выводы. Атомной бомбы в этом мире нет, и мои собеседники не имеют представления о ее реальной мощи. Иначе бы им и в голову не пришло затевать широкомасштабные опера-

ции против хорошо организованной армии, располагающей оружием массового поражения. Жителям Империума не довелось извлечь суровых уроков из двух страшных войн, и, с точки зрения жителя моего родного мира, подход к вопросам ведения боевых действий здесь, скорее всего, отличается старомодной наивностью. В некотором смысле они отстали в развитии. По образу мышления империане напоминали не столько представителей современной западной цивилизации, сколько европейцев девятнадцатого столетия.

— Около месяца назад,— прервал мои размышления господин Бернадотт,— вступил в действие новый фактор, давший нам третью возможность. В сердце Пустоши на небольшом удалении от ИП-два и даже ближе к нам мы нашли третью уцелевшую линию. Как вы понимаете, эта линия и есть ваша собственная, которую мы обозначили как ИП-три.

Генерал кивнул главному инспектору, и тот принял эстафету:

— За семьдесят два часа полторы сотни спецагентов Имперской разведки и отборные кадры из британской, германской и шведской разведок были со всеми предосторожностями высажены на ИП-три. Предварительное исследование, проведенное в чрезвычайном режиме, уже через шесть часов дало нам общее представление об обнаруженном мире. Мы определили, что имеем дело с линией, обладающей таким же радиоактивным оружием, как и ИП-два, но здесь большую опустошительную войну сумели предотвратить. В общих чертах мы установили тенденции развития за последнюю сотню лет и текущую политическую ситуацию. Наши люди распределились по точкам максимальной активности. Хотя они были разбросаны недостаточно плотно, все же мы сразу приступили к заполнению пробелов. Работали тайно. Важно было не допустить ту же ошибку, что на ИП-два, вступив в контакт на основе ложных предположений цивилизованного человека относительно возможного поведения другой стороны. Также мы воспользовались пребыванием на новой линии, осно-

вав пункт наблюдения, значительно облегчавший проведение разведывательных операций и получение данных с ИП-два. Появилась перспектива заручиться союзником против Народно-демократического государства, но, разумеется, в случае если на новой линии уже открыли или близки к открытию поля Максони — Кочини. К сожалению, последнее предположение не оправдалось. И тем не менее мы надеялись извлечь пользу из своей находки.— Бейл бросил на меня пронзительный взгляд.— Если это покажется вам своекорыстным или циничным, мистер Баярд, прошу вас не забывать, что мы боролись за наше выживание. И продолжаем бороться.

Ему не удалось утаить от моего слуха промелькнувшие в его голосе неприязненные нотки. Хотя и остальные держались со мной как-то странно. В иной обстановке я бы даже решил, что они меня побаиваются.

Один Винтер по-прежнему стоял, приняв довольно неловкую парадную позу. Видимо, и для него большая часть сказанного в этом кабинете являлась откровением.

— Мы стремились не допускать промахов при взаимодействии с ИП-три,— продолжал Бейл.— Ставка слишком велика. Все наши люди, будучи агентами высшей квалификации, без осложнений внедрились в различные структуры и стали передавать информацию, которая немедленно отправлялась для изучения в Генеральный штаб и в имперский Чрезвычайный кабинет. Неделю с лишним оба органа трудились без перерыва, но так и не выработали никакого приемлемого плана использования третьего фактора. Одной из комиссий Чрезвычайного кабинета поручили важную задачу как можно точнее сопоставить общеисторические даты ИП-три с ИП-два и с Империумом. Это крайне каверзное дело, поскольку случается, что, с одной стороны, А-линия проявляет удивительный параллелизм, а с другой — обнаруживаются самые фантастические отклонения. Неделю назад комиссия представила данные, надежность которых она оценивает в девяносто восемь процентов. Ваша линия ИП-три имеет общую историю с ИП-два до тысяча девятьсот одиннадцатого года, вероятно, до его

начала. Мистер Геринг, мой коллега из германской разведки, присутствовавший на заседании, сделал блестящее предложение. Оно было принято сразу. Всем агентам тут же было приказано оставить все изыскания и сосредоточиться на одном — выйти на след,— Бейл взглянул на меня,— мистера Бриана Баярда.

Они знали, что их гость сгорает от любопытства, но я просто сидел и смотрел на главного инспектора. Он поджал губы. Да, я ему точно не нравился.

— Мы вышли на вас по документам вашего университета, м-м,— Бейл нахмурился,— название похоже на алюминий...

Видимо, сам он закончил Оксфорд.

— Иллинойского,— подсказал я.

— О да, точно.

Я и бровью не повел.

— Во всяком случае, вас было довольно легко проследить на военной и дипломатической службе. Наш человек потерял ваш след только во время вашей миссии во Вьетнаме...

— В генеральном консульстве.

Бейл занервничал. Я был доволен. Он мне тоже не нравился.

— Накануне вы оставили пост и направились в ваше ведомство через Стокгольм. В городе находился наш агент; он следил за вами, пока не прибыл транспорт. Остальное вам известно.

Повисла долгая пауза. Я ерзал в кресле и переводил взгляд с одного непроницаемого лица на другое.

— Ладно.— Мое терпение иссякло.— Кажется, от меня ждут вопросов. Что ж, повинуюсь, дабы ускорить дело. Итак, почему именно я?

Генерал Бернадотт как-то нерешительно выдвинул ящик стола и извлек из него что-то плоское, обернутое в коричневую бумагу. Очень осторожно развернув пакет, он пробормотал:

— Это портрет диктатора из мира ИП-два. Один из немногих артефактов, которые нам удалось раздобыть в том

несчастном районе. Там эти фотографии расклеены повсюду.

Он передал портрет мне. Грубая цветная литография изображала человека в военной форме. Всю его грудь до нижнего края картинки покрывали медали. Под портретом красовалась надпись: «Его высокопревосходительство герцог Алжирский, верховный главнокомандующий объединенных войск, генерал-маршал Государства Бриан Первый Баярд, диктатор».

С портрета мне улыбалось мое собственное лицо.

4

Мы долго переглядывались с моим лубочным двойником, но мне никак не удавалось запечатлеть его образ в памяти. Я был совершенно сбит с толку. Слишком многое мне предстояло уяснить.

— Теперь вы понимаете, мистер Баярд, почему мы доставили вас сюда? — Генерал принял у меня молча протянутое ему фото.— Вы — наш туз в рукаве. Но только при условии, что вы согласитесь помочь нам по доброй воле.

Он опять повернулся к Рихтгофену.

— Манфред, изложите мистеру Баярду наш план.

Рихтгофен прочистил горло.

— Мы наверняка могли бы избавиться от диктатора, разбомбив его резиденцию. Однако это лишь вызовет временную смуту в стане врага, после чего появится новый лидер. Очевидно, враг хорошо организован и таким путем можно добиться разве что короткой передышки, да и то вряд ли, а потом нападения возобновятся с новой силой. Мы не готовы к отражению такого рода атак. Нет, в наших интересах, чтобы Баярд оставался лидером Народно-демократического государства, но под нашим контролем.— Тут Манфред внимательно посмотрел на меня.— Специально оснащенный транссетевой челнок, управляемый нашим лучшим пилотом-техником, мог бы доставить человека в личные апартаменты диктатора на верхнем эта-

же дворца в Алжире. Мы считаем, что храбрец, проникший во дворец подобным путем с самым надежным оружием из имеющегося в нашем распоряжении, смог бы войти в спальню диктатора, убить его и избавиться от тела. Если бы этим храбрецом согласились стать вы, мистер Баярд, да еще после десятидневной интенсивной подготовки и с небольшим сетевым коммуникатором, мы уверены, что вы смогли бы заменить убитого и в роли диктатора принять командование над двадцатимиллионной армией Баярда.

— Есть ли у меня здесь, в Империуме, еще один двойник? — поинтересовался я.

Бернадотт мотнул головой.

— Нет, здесь только дальние родственники, не более того.

Они явно торопили события. Рихтгофен откинулся на спинку стула и смотрел на меня так, будто все давно улажено. Геринг напряженно ждал моей реакции, а генерал Бернадотт с деланным безразличием шуршал какими-то бумагами.

По-видимому, эта троица ожидала, будто я почту за честь принять возложенную на меня миссию и с торжественно-спокойным лицом поклянусь выполнить приказ или умереть за отечество. Только они кое-чего не учли. Империум — не мое отечество, а меня просто похитили. К тому же я никак не мог представить себя в роли убийцы, в особенности — как ни абсурдна была сама мысль об этом — себя самого. Да и перспектива на неопределенное время разделить общество с шайкой палачей совсем не вдохновляла.

Я принялся поочередно взвешивать обстоятельства. Мне сорок два года, я разочаровавшийся в работе дипломат средних лет, привыкший к нудной, рутинной атмосфере управления по делам Государственного департамента и посольствам с их духом цинизма и серыми буднями. Правда, в сравнении с моими коллегами по дипломатической службе я, пожалуй, отличался меньшей телесной и духовной закоснелостью и даже слыл своего рода бунтарем. Од-

нако все мои бунтарские замашки дружно померкли в свете столь надежного способа свернуть себе шею.

Я уже совсем было вознамерился изложить свои соображения по данному поводу, как вдруг поймал на себе взгляд Бейла. На его губах проступила тонкая пренебрежительная улыбка победителя. Улыбка человека, с самого начала знавшего, какой я дам ответ, и даже презрение ко мне скрывавшего без особого старания. И еще я понял, кого он сейчас видел — почти видел — на моем месте. Перед ним сидел трус и мерзавец, хладнокровно застреливший его агента.

В результате уста мои так и не разверзлись для отрицательного ответа. Я решил немного потянуть время. Просто не сумел отказать себе в удовольствии лишить господина главного инспектора возможности убедиться в своей правоте.

— А что мне предстоит делать после захвата власти на ИП-два?

— Вы будете через коммуникатор держать постоянную связь с Имперской разведкой,— оживился Рихтгофен.— Если понадобится, вас снабдят детальными инструкциями относительно каждого шага. Урегулировать обстановку на ИП-два мы рассчитываем примерно за полгода. А потом вы вернетесь сюда.

— Не домой?

— Мистер Баярд,— генерал Бернадотт сурово сдвинул брови,— вы никогда не сможете вернуться на ИП-три. Империум предоставит вам любое вознаграждение, кроме этого. Если на вашей линии станет известно о существовании Империума, последствия могут оказаться настолько серьезны, что в настоящее время такая возможность даже не рассматривается.

— Да уж, выбор у меня невелик,— вздохнул я.— Мне показалось, вы очень гордитесь своими высокими этическими стандартами. И как в них вписывается мой случай?

— На кон поставлено благополучие Империума,— в голосе Рихтгофена нарастало раздражение,— а возможно, и его дальнейшее существование. Мы считаем необходимым защитить Империум любой ценой, даже если для это-

го надо поступиться чьими-то интересами или привычным образом жизни. Мы искренне сожалеем о том, что посягнули на ваши права, но это было сделано для безопасности целой цивилизации.

— Мы тут, мистер Баярд, припасли для вас еще один аргумент,— примирительным тоном добавил Бернадотт.— Личного характера. Вы, разумеется, не можете быть преданы делу спасения Империума в той же степени, что и мы. Это на нашей памяти ограниченный, тесный, погрязший в раздорах мир менялся к лучшему. Мы и не предполагали, будто вы с легкостью согласитесь рискнуть жизнью ради того, что для вас, вероятно, равнозначно еще одному чужому государству. Естественно, вам нужен стимул. Причем веский и важный именно для вас. А мы, в свою очередь, готовы пойти на многое, чтобы он у вас появился. Изучая ваше досье, мы, в частности, узнали, что жизнь ваших родителей оборвалась в авиакатастрофе в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году.

Генерал вопросительно поднял на меня глаза, и я кивнул, подтверждая озвученные им сведения. Куда он клонит?

Меня всегда тяготило воспоминание о той ужасной ночи. Родители собрались отдохнуть в Европе, а заодно навестить меня. Во время перелета через Атлантику их самолет рухнул в океан.

— По результатам нашего расследования, на линии ИП-два оба пребывают в добром здравии.— Бернадотт выдержал паузу, давая мне возможность осознать услышанное.— Поскольку они не одобряют поведение сына, диктатора Баярда, их не включили в официальное окружение правителя, но, как бывшим североафриканским колонистам, им предоставлено комфортное поместье на юге Франции.

Известие меня ошарашило. Ребенком я много раз слышал историю о том, как отец подбросил большую пятифранковую монету, чтобы решить, куда эмигрировать — в Северную Америку или в Северную Африку. В нашем

мире выпала Америка. Но в другой, загадочной вселенной родители сделались североафриканцами и остались живы!

Сколько невероятных новостей разом навалилось на меня! Мое сознание оказалось не в силах переварить их в одно мгновение. Родителей я очень любил и теперь не мог думать ни о чем другом, кроме как о возможности снова их увидеть. Кто может позволить себе хотя бы надеяться на что-нибудь подобное?

— ...будут жить с вами там, где вы сочтете нужным.— Голос Бернадотта вернул меня к реальности.— У вас есть сведения о военной службе мистера Баярда? — обратился он к Бейлу.

Тот отвечал по памяти:

— Мистер Баярд служил два года в чине капитана, затем майора армии Соединенного Штата Америки...

— Соединенных Штатов,— ввернул я,— множественное число.

Мне доставляло удовольствие поправлять Бейла. Нечего делать вид, будто обладает безупречной памятью.

Бросив на меня сердитый взгляд, он продолжил:

— ...во время всемирной войны с тысяча девятьсот сорок второго по сорок четвертый. Получив легкое ранение, был комиссован незадолго до прекращения боевых действий.

Автоматная пуля оставила на моей груди маленькую отметину и, пройдя насквозь, выдрала кусок кожи с мясом чуть левее позвоночника. Ничего себе, легкое ранение!

Все взгляды тем временем устремились к Бернадотту, напустившему на себя официальный вид.

— Я уполномочен Чрезвычайным кабинетом,— торжественно заявил он,— вручить вам, мистер Баярд, имперский патент на чин генерал-майора. Если вы его принимаете, вашим первым поручением будет то, о котором мы уже говорили.— Генерал через стол протянул мне тяжелый лист пергамента.— Смею вас заверить, мистер Баярд, Империум не разбрасывается офицерскими званиями, не говоря уже о генеральских, просто так, от нечего делать.

— Чин в высшей степени необычный,— заметил с улыбкой Геринг.— В иерархии Империума таких званий, как генерал-лейтенант, генерал-полковник и генерал-майор, нет. Вы будете единственным.

— Мы позаимствовали это звание у ваших вооруженных сил в знак особого уважения к вам, мистер Баярд,— добавил Бернадотт.— И значимость его не обесценивается из-за необычности.

Я взял парадно разукрашенный лист. Империум готов щедро платить за труды. Все, что ни пожелаю, даже то, чего мне раньше и в голову прийти не могло... Странное выражение моего лица они, вероятно, посчитали следствием вспыхнувшего во мне непреодолимого желания скорее навесить на себя генеральские погоны. Что ж, прекрасно. Истинную причину моей заинтересованности в сотрудничестве с Империумом им раскрывать не стоит. На всякий случай.

— Надо подумать,— был мой ответ.

Бейл выглядел огорченным. Сперва я разрушил его надежды, не отвергнув с ужасом предложение подменить диктатора, затем не прельстился с ходу на обещанные награды. Пусть терзается своими сомнениями. Мне он просто надоел.

— Мистер Баярд.— Господин Бернадотт явно колебался.— Я намерен предпринять беспрецедентный шаг,— произнес он более решительным тоном.— По моей личной инициативе я как глава государства присваиваю вам звание полковника королевских войск Швеции без всяких условий. Я делаю это, чтобы выказать вам мое особое доверие, а также из чисто практических соображений.— Он встал и вымученно улыбнулся, словно не питал уверенности относительно моей реакции.— Поздравляю, полковник.— Бернадотт протянул мне руку.

Я тоже поднялся. Остальные последовали нашему примеру.

Настала моя очередь испытывать колебания. Мы смотрели друг другу в глаза. Надо же, глава государства. Не-

удивительно, что я нашел его похожим на шведского короля. Он и есть король. А представился всего лишь генералом Бернадоттом. Это мне импонировало.

— Благодарю, сэр.— Я ответил на рукопожатие и, сделав шаг назад, отсалютовал по-американски.

Король принял приветствие с широкой улыбкой.

— У вас двадцать четыре часа на обдумывание ответа, полковник,— сказал он.— На этот срок я отдаю вас в заботливые руки барона фон Рихтгофена и мистера Геринга.

Барон повернулся к Винтеру, по-прежнему молча стоявшему рядом.

— Не желаете присоединиться к нам, старший капитан?

— С удовольствием.

Стоило нам покинуть кабинет, к Винтеру вернулось его благодушное настроение.

— Мои поздравления, сударь, э-э, сэр,— обратился он ко мне.— Вы произвели настоящий фурор перед генералом.

Я в упор взглянул на него.

— Вы имеете в виду короля Густава?

— А как вы узнали? — изумленно захлопал глазами старший капитан.— В смысле, черт побери, откуда вы знаете?

— У меня свои методы,— ответил я, придавая лицу непроницаемо-загадочное выражение.

— Но иначе и быть не может,— жизнерадостно вмешался Геринг.— Ведь он и в вашем родном мире известная персона.

— Эх, мистер Геринг,— вздохнул я.— Вот вы и рассеяли мой ореол таинственности.

Толстяк рассмеялся.

— Прошу вас, мистер Баярд, зовите меня просто Герман.— По пути через холл он по-дружески придерживал меня за локоть.— Вы непременно должны рассказать нам о вашем увлекательном мире поподробнее.

Геринг начинал мне нравиться. В конце концов, здесь он не грубый циник из ставки Гитлера, равно как и я не диктатор лежащего в руинах мира.

В разговор вступил Рихтгофен:

— Предлагаю отправиться на мою летнюю виллу в Дроттнингхольме и насладиться ужином. Там за парой бокалов хорошего вина мы выслушаем рассказ о вашем доме, мистер Баярд, и поведаем вам о своем.— Он улыбнулся и добавил: — Мы редко бываем так чопорны.— Барон кивнул в сторону покинутого нами кабинета.— Боюсь, атмосферу встречи определил характер нашего коллеги Бейла.

— Точно,— согласился Геринг.— Ох уж эти англичане! Вечно норовят напустить на себя важный вид. И все из-за чего? Из-за какой-то мелкой угрозы всему нашему существованию. Ни тени настоящего немецкого боевого задора.— Он подмигнул Винтеру.— Кстати, о нашем старшем капитане. Кем он стал на ИП-три? Попробую угадать. Я бы предположил, парикмахером, с такими-то нежными руками.

— Вы бы, рейхсмаршал...— возмущенно начал Винтер, но не выдержал и захохотал.— А все-таки, Баярд, какими войсками командовал там, на ИП-три, мистер Геринг? Швейцарским флотом или чем-нибудь в этом роде?

— Ага,— поддержал его Герман.— Вы не против, если я стану звать вас Брианом? Ну так что, стал ли я бравым командиром или трусил перед врагом?

— Вы были боевым летчиком, настоящим асом, и сбили больше двадцати самолетов в воздушных боях Первой мировой войны.

О дальнейшей, не столь блестящей карьере Геринга я умолчал. Мне вдруг стало жалко сравнивать этого веселого толстяка с жирным нацистом из моего мира.

— Как здорово, Бриан! — обрадовался Герман.— Видите, Манфред, какой я храбрец.

— Да уж,— протянул Винтер с неподдельным изумлением.— Вы сказали, Первая мировая война. Вам что, пришлось нумеровать их, чтобы не перепутать? И как только кому-то выжить удалось?

— Когда случилась та война, в которой наш Герман сыграл такую видную роль? — поинтересовался Рихтгофен, входя в лифт.

— С тысяча девятьсот четырнадцатого по восемнадцатый.

Я задумался. Имя барона также казалось мне знакомым. Вспомнил! Манфред Риттмайстер, фрайгерр фон Рихтгофен, ведущий немецкий ас. Ведь Бернадотт называл его Манфредом? Я украдкой бросил на него взгляд. По возрасту вроде подходит. Совпадение или Империум взялся поразить меня столь знаменитым окружением?

— Если не ошибаюсь, вы были другим прославленным пилотом. У вас на счету семьдесят побед. Вас называли Красный Барон.

— Герман и Манфред, несущие ужас.— Геринг разразился громким смехом.— Разве мы не пара отчаянных героев?

— То, что вы нам рассказали, мистер Баярд, перекликается с нашими мальчишескими мечтами.— Рихтгофен слегка улыбнулся.— Нынче мы так далеки от этого. Мы счастливы, что живем в мире, где подобные жестокие устремления остались в прошлом и где у нас есть возможность сосредоточиться на других, более насущных проблемах.— Он с симпатией посмотрел на Германа.— Друг Геринг тут изображает клоуна, но на самом деле он не только отличный парень, но еще и один из лучших стратегов в нашей германской разведке.

— А скромник Рихтгофен,— подхватил Герман,— является шефом этой самой разведки. Один из важнейших постов, между прочим, в наш век аппаратов Максони.

Во дворе нас поджидала, урча двигателем, еще одна огромная черная машина.

— Просто поразительно,— заметил Винтер,— многие из уже встретившихся вам фигур стали выдающимися личностями и в вашем мире.

— По-моему, ничего странного.— Я пожал плечами.— Здесь они тоже выдающиеся. Яркие личности ценны в любом мире, насколько я могу судить.

— Признаюсь, сударь, это бьет по моему самолюбию,— вздохнул старший капитан.— Хотелось бы и мне где-ни-

будь стать важной птицей, а следуя вашему правилу, я всюду обречен на унылую безвестность.

Машина выехала на середину широкой трехполосной улицы и понеслась со скоростью пятьдесят, а затем и шестьдесят километров в час. Стокгольм за окном автомобиля выглядел веселее другого Стокгольма, знакомого мне ранее. Мы слегка притормозили на мосту, свернули на круто уходящую вверх улочку, потом на другую и оказались на широкой прямой трассе, ведущей из города в зеленое предместье. Мои то ли спутники, то ли конвоиры оживленно болтали, и вскоре я, движимый неуклонно возрастающим интересом к их образу жизни, присоединился к беседе. Здесь повсюду витал какой-то живой дух, ощущение естественной гармонии, и душа моя, даже помимо воли, откликалась на зов чуждого мне мира.

5

Стоя во весь рост перед зеркалом, я не без удовольствия разглядывал собственное отражение. Двое портных и камердинер уже полчаса трудолюбивыми пчелами вились вокруг меня, добавляя последние штрихи к созданному ими шедевру. Следует заметить, потрудились они на славу.

Я уже давно отвык придавать значение одежде. Каждые два года, в перерыве между поручениями или перед очередной поездкой, мне приходилось стоически обновлять стандартный гардероб из однообразных деловых костюмов. Дипломаты и сотрудники посольств не нуждаются в яркой внешности, привлекающей нежелательное внимание.

Мой нынешний наряд состоял из кавалерийских бриджей узкого покроя, сшитых из тонкого серого габардина, белой льняной рубашки без воротника и манжет и застегнутой до подбородка ярко-синей форменной куртки. На ногах красовались короткие, лакированной кожи, аккуратно прошитые черные сапоги. Золотая кайма на синих лампасах бриджей перекликалась с тяжелыми петлями золотого шнура, покрывшими рукава от запястья до локтя. Драгоценные ножны тонкой шпаги с богато инкрустированной рукоятью крепились к черному кожаному ремню. Облачаясь в форму, я, к немалому своему изумлению, обнаружил полный набор моих военных наград и Серебряную звезду*. Королевский герб Швеции красовался на массивной прямоугольной пряжке ремня, а на полковничьих погонах горели серебром орлы Соединенных Штатов. Парадное обмундирование полностью соответствовало моему новому положению в обществе Империума.

Камердинер, сидя на корточках, поправлял пару серебряных шпор, а портные с булавками во рту колдовали над деталями синего с золотым подбоем плаща. Наблюдая в зеркало за их манипуляциями, я уже вознамерился отпустить пару едких замечаний на счет уместности выставки бижутерии на званом вечере, но, еще раз скользнув взглядом по своему отражению, умолк на полуслове. Глупо кривить душой, черт побери! Да у меня просто великолепный вид! Именно так и должен одеваться мужчина, отправляясь на бал.

Выходит, в свое время я очень верно поступил, не позволив себе распуститься и превратиться в вялую развалину, подобно многим служащим министерства иностранных дел, изнеженным и бледным из-за многочасового просиживания в кабинетах и участия в поздних тяжелых застольях, неизбежно сопровождающих отправление дипломатических обязанностей. Мои плечи сохранили ширину, спина — прямизну. Обзавестись брюшком я так и не успел, а потому новая парадная форма сидела на мне без малейшего изъяна. Спрашивается, какого черта мы там у себя завели привычку паковаться в бесформенные двубортные пиджаки мышиного цвета и типового покроя? Вот в каком наряде мужчина выглядит мужчиной.

---

* Высокая американская военная награда за доблесть. Представляет собой пятиконечную звезду из золота с диагональю 38 миллиметров, в центр которой помещена пятимиллиметровая серебряная звездочка.

— А у вас военная выправка, Бриан,— заметил Геринг. Он сидел в обитом парчой кресле посреди роскошных апартаментов, выделенных мне Рихтгофеном на его «скромной вилле».— У вас явно имеются природные задатки для нового поприща.

— Я б не стал особо рассчитывать на это, Герман.

Его слова напомнили мне о другой стороне медали, о смертельно опасной роли, отведенной мне руководством Империума. Впрочем, не важно. С этим я разберусь потом. А сегодня мне предстоит неплохо развлечься.

Вечером мы ужинали на террасе, залитой медленно уползающим за горизонт северным солнцем. Отдавая должное фазаньему жаркому, Рихтгофен объяснял мне, насколько в Швеции важно обзавестись хоть каким-нибудь званием. Человек без звания, говорил он, в общественной жизни сталкивается с серьезными трудностями. Причем занимать высокое положение вовсе не обязательно. Просто шведам необходимо как-то обозначить статус того, к кому обращаешься: герр доктор, герр профессор, инженер, редактор. Мое воинское звание так же сильно облегчит мне вступление в мир Империума.

Поначалу происходящее казалось мне нелепым маскарадом, но, когда мы прикончили третью бутылку «Шато Нёф дю Пап» пятьдесят третьего года, все встало на свои места. Сегодня все собирались на бал, посвященный Дню империи. Высказав желание присоединиться к остальным, я не встретил никаких возражений. Раз меня доставили сюда, почему мне нельзя должным образом повеселиться? А повеселиться не терпелось. Что до мундира — сам король Швеции присвоил мне звание, не поставив никаких условий.

Вошел Винтер. В его руках я увидел загадочный предмет, похожий на хрустальный мяч с пушистым хвостом.

— Ваш головной убор, сэр,— церемонно произнес старший капитан.

Предмет оказался хромированным стальным шлемом с гребнем поверху. На гребне колыхался золотистый плюмаж.

— Боже,— вырвалось у меня.— А это уже не слишком?

Я взял шлем в руки и подивился неожиданной легкости. Тут подскочил портной, надел его на меня, протянул мне пару белых кожаных перчаток и испарился.

— Придется надеть их, сударь,— усмехнулся Винтер.— Ничего не попишешь, драгуны.

— Теперь вы укомплектованы полностью,— заключил Герман.— Настоящий шедевр.

Сам он успел облачиться в темно-серый мундир с черной отделкой и белыми знаками отличия. Грудь его украшал не громоздкий, но представительный набор орденов и нашивок.

— Герман,— доверительно сказал я,— видели бы вы себя при полном параде там, у нас. Батарея наград доходила досюда.— Я провел ладонью по колену.

Геринг ответил взрывом смеха.

Из покоев мы втроем спустились в кабинет на первом этаже. Винтер к тому времени также успел сменить белый китель на бледно-желтый с тяжелыми серебряными галунами. На его поясе я заметил кобуру с никелированным парабеллумом.

Вскоре к нам присоединился и Рихтгофен. Его наряд, походивший на фрачную пару, какую носили году эдак в тысяча восемьсот восьмидесятом, дополняли серебряные пуговицы и белый берет.

— Ну и франты! — Я чувствовал себя великолепно. В очередном зеркале возникло мое отражение, и мы украдкой перемигнулись.— Вот это круто.

Дворецкий в ливрее распахнул перед нами стеклянные двери, и мы сошли по ступенькам к ожидавшей нас машине — просторному желтому кабриолету с опущенным верхом. Как только наша четверка скользнула на гладкие сиденья из желтой кожи, экипаж тронулся с места.

На землю опустилась восхитительная ночь с мелкими высокими облаками и яркой луной. Вдали полыхали огни Стокгольма. Мы плавно неслись по трассе. Мотор работал почти беззвучно. Я мог расслышать, как ветер шелестит в кронах деревьев.

За ужином мне представили общий отчет о текущем состоянии дел в мире и о заслуживающих внимания персонах, которые, возможно, появятся сегодня на балу. Как выяснилось, Империум не единственное крупное государство этого мира. Имеется еще некая Новая Римская империя, унаследовавшая многие из владений своего древнего предшественника. С ней длительное время шла борьба за господство над самыми отдаленными уголками земного шара, еще не захваченными кем-либо из соперников. В Африке, в Азии, на островах Полинезии — во всех традиционно отсталых и колонизируемых регионах. Соревнуясь друг с другом, великие державы стремились как можно быстрее и эффективнее развивать новые территории, с давних пор имевшие репутацию очагов голода, эпидемий и неграмотности, и модернизировать их. Кое-где до сих пор идут небольшие локальные войны, однако у меня сложилось впечатление, будто они ведутся по канонам не строже правил игры в крикет.

— Цивилизованный человек должен понимать, что значит ответственность,— рассуждал Рихтгофен.— В этом мире у него нет права уклоняться от бремени лидерства. Его культура включает лучшие достижения человечества с первобытных времен. Мы много лет боролись за подчинение враждебной нам природы и возможность использования ее ресурсов, за устранение угрозы эпидемий и не будем достойны звания человека, если позволим себе разбазарить эти достижения, оставить целые регионы во власти враждебных сил и невежества или, что хуже всего, потерять с трудом завоеванные позиции и отступить перед дикостью, отсталостью во имя искусственно созданных общественных идеалов. Мы обязаны выполнять наш долг, не впадая в национализм и не увлекаясь ложными теориями о превосходстве по религиозным, социальным и расовым признакам или цвету кожи. Все человечество должно иметь доступ к благам нашей западной культуры, которая позволит человеку подняться с колен и устремиться к светлому и славному будущему.

— Что верно, то верно,— кивнул Винтер.

Происходящее напоминало политическую пропаганду, но у меня не нашлось сколько-нибудь осмысленного контрдовода. Во время службы на Востоке мне приходилось наблюдать массы голодающих людей, и меня возмущала политика, из-за которой отсталые народы страдали под гнетом местной верхушки только потому, что она местная. «Самоопределение нации» — так это называется. Все равно что самоопределение малышей из детского сада, отданных на произвол какому-нибудь хулигану. Я сторонник той модели общества, где каждый имеет доступ к высшим достижениям человечества и не страдает из-за страхов, ненависти и маний мелких провинциальных лидеров, а также от их стремления компенсировать собственные комплексы неполноценности.

Чего нам не хватало в том, моем мире, так это чувства ответственности — и мужества возложить на себя это самое бремя лидерства. Здесь же не стали пасовать перед трудностями. Правы они или нет, но по крайней мере обвинить их в нерешительности у меня бы язык не повернулся.

— Ребята,— объявил я,— вы мне нравитесь, пусть даже вы и шайка похитителей.

Манфред внимательно посмотрел на меня.

— Надеюсь, друг мой, наступит день, когда вы простите нам это преступление.

Геринг прихватил с собой небольшую фляжку, и мы успели сделать из нее по паре глоточков, пока не подъехали к чугунным воротам Летнего дворца. Сад освещали разноцветные прожектора, и люди уже наводнили террасы к югу и западу от здания. Автомобиль высадил нас у огромных дверей и удалился. Сквозь пеструю толпу мы прошли в вестибюль.

Свет массивных хрустальных люстр играл на украшениях и вышивке вечерних платьев и мундиров, отражался от лакированной обуви, вспыхивал искрами на драгоценностях, переливался в шелках, парче и бархате. Облаченный в бледно-розовый костюм мужчина с прямой осанкой склонился к руке симпатичной блондинки в белом. Стройный молодой человек в черном мундире с бело-золотистым поя-

сом сопровождал даму в зеленом с золотом платье. Смех и разговоры почти заглушали доносившуюся из глубины зала мелодию вальса.

— Отлично, ребята,— воскликнул я.— Где же чаша с пуншем?

Мне нечасто доводится входить в раж, но уж если позволю себе разойтись, полумер не признаю. Я чувствовал себя великолепно и хотел продлить удовольствие. В этот миг меня не тревожили воспоминания о набитых при падении шишках, об ужасе, пережитом в момент похищения. Мысли о завтрашнем дне отступили на задний план. Я изо всех сил наслаждался настоящим, и единственное опасение у меня вызывала вероятность наткнуться на кислую физиономию Бейла.

Кто-нибудь постоянно проявлял внимание к моей персоне. Со мной то и дело заговаривали, засыпали вопросами, стремились мне представиться. Я побеседовал с неким господином, суровым на вид стариком, облаченным в морскую форму, в котором не сразу узнал Дугласа Фэрбенкса-старшего*. Я знакомился с графами, герцогами, офицерами десятков званий, о каких никогда не слышал, и, наконец, с невысоким широкоплечим человеком с густым загаром и обезоруживающей улыбкой, оказавшимся сыном самого императора.

Мы прогуливались, непринужденно болтая, и я не заметил, как перешел предел обычной тактичности.

— Что ж, Уильям,— мой голос звучал довольно развязно,— как я понял, здесь правит ганновер-виндзорская династия. А вот там, откуда я прибыл, все Ганноверы и Виндзоры высокие, худые и мрачные.

Принц улыбнулся.

— А здесь, полковник,— ответил он,— в политике установилась стабильность, что положило конец столь плачевным обстоятельствам. Конституция требует, чтобы наследник по мужской линии женился на простолюдинке. Это не только скрашивает жизнь наследнику, поскольку он волен искать избранницу среди такого количества прекрасных женщин, но и способствует оздоровлению рода. Ну и, помимо прочего, ведет к появлению на свет невысоких мужчин с жизнерадостными лицами.

* Реальный Дуглас Фэрбенкс-старший, американский актер, умер в 1939 году. Фэрбенкс-младший, тоже актер, действительно служил в американском военно-морском флоте в годы Второй мировой войны и имел целый ряд военных наград. Умер в 2000 году.

Я шел дальше, знакомился, подкреплялся бутербродами, пробовал все от водки до пива и танцевал с девушками неземной красоты. Впервые в жизни мне пригодился опыт десятилетней толкотни на посольских приемах. Печальный опыт, приобретенный вечерами, когда семь раз в неделю от заката до полуночи приходится не выпускать из руки бокал и спаивать других членов дипломатического корпуса, тогда как они пребывают в уверенности, что спаивают тебя. Зато мне посчастливилось обзавестись способностью поглощать спиртное в любых количествах.

В конце концов я все же дошел до точки, когда желание глотнуть немного свежего воздуха превышает стремление развлекаться. Проход за роскошной французской дверью вывел меня на открытую темную галерею с высокой балюстрадой. Внизу раскинулся сад. Прислонившись к тяжелой каменной ограде, я смотрел на звезды, просвечивавшие сквозь верхушки деревьев, и поджидал, пока утихнет легкое гудение в голове.

Прохладный ночной ветерок струился над темной лужайкой, принося с собой ароматы цветов. Оркестр за спиной играл мелодию, весьма напоминавшую вальс Штрауса.

Я стянул белые перчатки, которые по совету Рихтгофена не снимал с момента, когда оставил шлем в гардеробе, и расстегнул верхнюю пуговицу тугого ворота.

«Старею,— шевельнулась печальная мысль,— или просто устал».

— Устали, полковник?

Я обернулся на раздавшийся позади меня дерзкий женский голос.

— Ах, это вы? Вы не представляете, как я рад! Конечно устал. Лучше сознаться в усталости, нежели в том, что слышишь воображаемые голоса.

Попытка сфокусировать взгляд далась мне не без труда. Рыжие волосы и бледно-розовое платье с глубоким декольте ей очень шли.

— Честное слово, я действительно очень рад,— добавил я.— Обожаю прекрасные рыжие головки, появляющиеся из ниоткуда.

— Не из ниоткуда, полковник, а оттуда, где жарко и людно.— Она говорила тихо, на отличном английском, и легкий шведский акцент придавал ее банальным фразам несказанное очарование.

— Вы совершенно правы. Эти господа слегка напоили меня, и мне пришлось выйти сюда освежиться.

Я глупо улыбался и был ужасно доволен своим красноречием и остроумием, проявленными в обществе восхитительной юной леди.

— Отец сказал мне, что вы родились не в Империуме. И что явились из мира, где все то же самое, но по-другому. Было бы так интересно узнать об этом побольше.

— К чему вам слушать о том мире? Мы там разучились наслаждаться жизнью. Мы относимся к себе слишком серьезно и выдумываем самые дурацкие причины обходиться друг с другом самым отвратительным образом...

Я покачал головой. Данная тема для разговора определенно не радовала.

— Знаете,— следовало разрядить повисшее напряжение,— со снятыми перчатками меня всегда тянет на подобные рассуждения.— Я надел их снова и торжественно произнес: — А теперь, не откажете в любезности потанцевать со мной?

Она с улыбкой подала руку, и мы закружились в танце. Мы двигались в сторону музыки — все дальше от света из французских дверей. Мы болтали и смеялись, пока один тур вальса сменялся другим.

Вдруг я остановился и спросил:

— Разве эти парни не знают ничего, кроме вальсов?

— Вам не нравятся вальсы?

— Они хороши, но постойте, у меня появилась идея.

Взявшись за руки, мы двинулись назад, сквозь французские двери, через танцевальный зал, мимо ряда огромных

тропических растений, к скрытому в специальной нише оркестру. Дождавшись, когда музыканты прервутся для короткого отдыха, я подозвал дирижера. Он приблизился с вежливой улыбкой.

— Да, полковник?

— Вы хорошо владеете ремеслом? — Он недоуменно воздел бровь.— То есть...— «Как бы подоходчивее сформулировать собственную мысль?» — Если я напою мотив, вы сможете сыграть его?

— Зависит от того, как хорошо вы напоете, полковник,— ответил дирижер.

— Ладно, допустим, я напою правильно, тогда вы сможете уловить мелодию и сыграть ее со всеми... м-м... выкрутасами?

— Думаю, да.

— А с изменением темпа?

Он нахмурился.

— Не угодно ли вам дать образец?

— Слушайте.— И я промурлыкал несколько тактов «Ночи и дня». Казалось, дирижер заинтересовался. Я прочистил горло.— А теперь попробуйте запомнить. Это отличный номер.

Дважды напев «Ночь и день» от начала до конца, я обнаружил, что так и не выпустил руку незнакомки. Оркестранты обступили нас и внимательно слушали.

— Прекрасно, полковник,— кивнул дирижер.— Думаю, мы запомнили.

Он чисто пропел мелодию, причем сразу взяв верный темп.

— Итак, господа, попробуем,— обратился он к музыкантам.

Те вернулись на свои места. Дирижер оглянулся на меня, кивнул с улыбкой и вскинул руки.

— Следим за темпом! — предупредил маэстро оркестрантов.

— Вперед.— Я повлек девушку в танцевальный зал.

Оркестр заиграл. Сначала приглушенно, но тем не менее плавно и уверенно. Ритм звучал несколько тяжелова-

то, однако не теряя четкости, а мелодия — ясно и правильно. Музыканты отлично знали свое дело.

Пары, настроившиеся вальсировать, остановились и обратили недоуменные взоры туда, откуда неслась музыка. Оркестранты тем временем разыгрались. Они мастерски оживили старинную мелодию, разбавив ее легкой импровизацией.

— Просто повторяйте за мной.— Я сделал первое движение, и девушка оказалась в моих объятиях.— Ближе. Это не вальс.

Остальные танцоры расступились, будто по сигналу. По залу пробежал взбудораженный шепот. Мне досталась восхитительная партнерша. Она безошибочно повторяла за мной сперва простейшие, а затем и сложные вариации фигур фокстрота, которые входят в стандартный набор умений, необходимых дипломату для улаживания тысяч скучных дел.

— Незнакомая музыка.— Она смотрела на меня сияющими глазами.— И незнакомый кавалер.

Оркестр завершил третий рефрен старой мелодии и без остановки перешел к одному из своих привычных номеров, подстроив его под новый темп. Музыканты были на высоте.

Пары, наблюдая за нами, осторожно пробовали освоить новый танец. То тут, то там раздавался радостный смех, стоило кому-нибудь правильно изобразить незнакомое движение. Через несколько минут зал снова заполнили танцующие пары. Как только оркестр умолк, нас обступили со всех сторон.

— Как это называется?

— Чудесно!

— Впервые за столько лет новая музыка. Покажите что-нибудь еще.

В сопровождении толпы мы вернулись к оркестру и от души поздравили сияющих музыкантов.

— Не хотите попробовать еще? — спросил я дирижера.

Он с радостью согласился, и я напел ему «Звездную пыль», «Я переживу» и другое, что помнил из Коула Портера*. Маэстро радовался, точно старатель, откопавший подряд несколько золотых самородков. Музыканты сыграли эти старые мелодии, придав им странный местный колорит.

— Мне нравится ваша музыка,— призналась моя партнерша.— Через считанные дни ее услышат во всех городах империи.

А танцоры желали еще и еще. Я добавил «Все, что есть,— это ты», «Любовь при луне» и, наконец, «Бегинку». Оркестр управился и с этими мотивами, но публика, войдя в экстаз, громко рукоплескала и требовала повторения.

Музыканты заиграли на бис.

Внезапно пол под нашими ногами содрогнулся от сильнейшего взрыва. Высокие стеклянные двери по всей восточной стене разлетелись вдребезги. Через пролом, сквозь облако пыли в здание устремились люди в пестрой униформе. Их вел чернобородый громила в выцветшей гимнастерке с защитным окрасом под зеленку, вроде той, что носят в армии США, и мешковатых брюках времен вермахта. Сжимая верхнюю скобу короткого пулемета с круглым магазином, он дал длинную очередь в самую гущу толпы.

Я застыл на месте. Высокий мужчина с окровавленным лицом, в пурпурном кителе полка императорской гвардии первым вырвался из рядов оторопевших империан. В руке его сверкнула сабля. Громила дважды выстрелил, и пулемет заело. Раздались шлепки ударивших в человеческое тело пуль. Офицера в пурпурной форме опрокинуло на спину, но через мгновение он, не выпуская сабли, перекатился и сумел подняться на колени. Пока бородач, сотрясая воздух ругательствами, лихорадочно тряс затвор пулемета, гвардеец, не спуская с него глаз, вздел себя на ноги и снова ринулся в атаку. Стальной клинок, пронзив гимнастерку, вошел меж ребер налетчика. Офицер безжизненно рухнул на груду оконных осколков и битого кирпича, а

* Коул Портер (1893–1964) — американский композитор, автор мюзиклов и музыки к кинофильмам.

опутанный занавесками бородач обеими руками вцепился в рукоять сабли. Я видел, как он тянул ее, заставляя сдвинуться. Громила еще держался на ногах, тело его выгнулось дугой, мышцы под истрепанной униформой напряглись до предела. Показалось блестящее, чистое лезвие. Я смотрел точно завороженный. Бородач почти вытащил саблю из груди, когда его ноги подкосились и он повалился на пол.

Тем временем через пробитую в стене брешь лезли все новые и новые головорезы, без разбора паля по толпе. Люди в зале падали, подкошенные выстрелами, но уцелевшие и не думали спасаться бегством. Все мужчины, кто обнажив клинки, а кто и с пустыми руками, дружно устремились навстречу людям в униформе.

Рыжий небритый детина в узкой гимнастерке английского сержанта восемью выстрелами от бедра уложил восьмерых империан и отступил назад, собираясь перезарядить свою М-16. Девятый офицер пронзил ему горло шпагой с инкрустированной камнями рукоятью.

Я по-прежнему стоял как вкопанный, держа за руку девушку. На мой запоздалый окрик «бежим» она ответила таким невозмутимо-спокойным взглядом, что это мгновенно меня отрезвило. Незнакомка скорее бы согласилась принять смерть от пули, чем проявить малодушие перед лицом опасности.

Делать нечего. Выхватив из ножен свой игрушечный меч, я кинулся к стене и вдоль нее пробрался к краю пробитой взрывом бреши. Из облака пыли и дыма возник, высматривая мишень, очередной налетчик. Я с силой загнал острие клинка ему в шею и тут же, опасаясь, как бы рукоять не выскользнула из пальцев, сделал резкий рывок назад. Человек в униформе оступился и упал. Его дробовик загремел по гранитным плитам. Нагибаясь за ружьем, я увидел нового бандита. Парень выбирался из пролома, держа перед собой кольт сорок пятого калибра. Он тоже меня заметил и уже развернулся для выстрела, но моя шпага успела раньше. Пуля ударила в пол, и револьвер вывалился из ослабевшей ладони. Налетчик с продырявленным предплечьем, нырнув вперед, исчез среди общей сутолоки.

По всему зданию трещали выстрелы, раздавались скрежет и звон металла, проклятия нападавших, стоны раненых, топот ног и грохот рукопашной. А где-то сзади оркестр грянул имперский гимн. Я не слышал лишь криков о пощаде и женского визга. Они бились молча, платя за одного убитого врага десятью своими, но не останавливались.

Из облака пыли, перерезав зал очередью, выскочил еще один бандит. Увидев меня, он направил в мою сторону тяжелое ружье, оперев его на изгиб локтя висевшей на перевязи левой руки. Двигался он медленно и как-то неуверенно. Я вскинул дробовик и разнес ему лицо. С момента взрыва прошло примерно две минуты.

Больше из пролома никто не появлялся. Выждав немного, я увидел жилистого налетчика с длинными, соломенного цвета космами, пятившегося в мою сторону из зала. Он торопливо менял магазин пистолета-пулемета системы Браунинга. Сделав пару прыжков, я обеими руками обхватил рукоять шпаги и нацелил ее туда, где должны находиться почки. Выглядело не очень-то элегантно, но ведь и мне как новичку предстояло еще многое освоить.

Протыкая бандита на длинном выпаде, я заметил Геринга. Тот обхватил руками изрыгавшего поток ругательств великана, не давая ему поднять ствол потертого автомата. Тут меня оглушил грохот выстрела, и боль обожгла шею со стороны затылка. Не наноси я в этот момент удара, пуля могла бы прийтись гораздо точнее. Подскочив к сцепившейся паре сбоку, я вонзил лезвие рапиры между ребрами высокого налетчика. Лезвие заскрежетало и во что-то уперлось, но парень обмяк. Спортсмен из меня неважный, однако в рукопашной, когда ружье против шашки, данное обстоятельство не имело значения.

Герман отступил на шаг, презрительно сплюнул и бросился на нового противника. Выдернуть шпагу мне не удалось — ее заклинило намертво. Подобрав пистолет-пулемет, я выпустил короткую очередь в живот длинноногого

злодея, как раз закрывавшего патронник тяжелого револьвера, и по воздуху закружилось облачко пыли и суконных ошметков, вырванных пулями из его серой потрепанной шинели.

Помимо меня еще несколько империан вели огонь из трофейного оружия, и остатки налетчиков в разношерстной униформе уже отступали к разрушенной стене. Лишенные сколько-нибудь осмысленного укрытия, бандиты один за другим падали, сраженные выстрелами. Но они все еще продолжали бой, и никто из них не пытался спастись бегством.

Почуяв неладное, я ринулся в атаку. Остатки моего магазина достались парню с разбитым лицом, палившему из двух коротких автоматов, и вооруженному карабином здоровяку. Я зашарил по полу в поисках нового оружия. Единственный уцелевший головорез щелкнул затвором.

— Брать живым,— крикнул кто-то.

Пальба прекратилась, и с десяток рук, несмотря на отчаянное сопротивление, мгновенно скрутили бандита.

Посчитав бой законченным, империане стали разбредаться по залу. Женщины склонились над лежащими, мужчины отряхивались, проверяли оружие.

— Сюда! — Я нырнул за портьеры в брешь и, перепрыгивая через обломки, понесся наружу.— Еще не все...

На дальнейшие объяснения у меня не хватало ни дыхания, ни времени. Не оглядываясь, последовал ли за мной кто-нибудь, я выскочил на разгромленную террасу, перемахнув через ограду, приземлился в саду и, слегка пригнувшись, двинулся туда, где, подсвеченное лучами разноцветных прожекторов, среди цветочных клумб высилось массивное серое сооружение, похожее на железнодорожный вагон. Возле него копошились три человека в потрепанной униформе. Рядом на лужайке виднелся небольшой треножник, подготовленный для установки груза. Меня на миг посетило видение Летнего дворца, сметенного ударной волной со всеми его гостями и обитателями. Я заорал и, лихорадочно нажимая на спуск, бросился на налетчиков. Те сперва заметались, но затем поволокли свою ношу к

серому сооружению. Потом один из них упал — похоже, кто-то сзади меня преподал мне урок меткой стрельбы. Второй бандит вскрикнул, пробежал несколько шагов и растянулся на траве. Третий, бросив груз, прыгнул в распахнутую дверь транспорта. Спустя пару секунд мне в лицо ударила тугая струя воздуха и пыли. Раздался хлопок, как от вспыхнувшей бензиновой лужи. Сооружение исчезло.

На примятой траве остались лишь тренога да зловещая ноша налетчиков. Если бомбу хотели забрать с собой, значит, взвести, скорее всего, не успели.

— Не прикасайтесь к этой штуке,— предупредил я тех, кто оказался в саду вместе со мной.— Думаю, это очень мощное взрывное устройство.

— Вы молодчина, сударь,— донесся до меня знакомый голос. Винтер. Его бледно-желтый мундир покрывали брызги крови.— Следовало догадаться, что эти негодяи предприняли отвлекающий маневр. С вами все в порядке?

— Да,— глухо ответил я.— Вернемся в дом. Надо перевязать раненых.

Хрустя битым стеклом, по осколкам плит и щепкам дверных рам, мимо колышущихся разодранных портьер мы пробрались в ярко освещенный запыленный бальный зал.

Убитые и раненые лежали неправильным полукругом, расходящимся от проломленной стены. Среди них я узнал миловидную брюнетку в синем платье, с которой недавно танцевал. Бледная, она раскинулась на полу. Алые брызги покрывали все вокруг. Я исступленно озирался в поисках моей рыжей партнерши, пока наконец не отыскал ее взглядом. Девушка, опустившись на колени возле раненого, перевязывала ему голову.

Тут мы с Винтером одновременно оглянулись на чей-то предупреждающий вскрик. Раненый налетчик с вытянутой в нашу сторону разжатой ладонью свалился под градом выстрелов, а по полу загремел металлический кругляш. Точно во сне, я следил, как катится граната, переворачиваясь снова и снова. Вот она остановилась в десяти футах от меня и на месте развернулась еще на пол-оборота. Я окаме-

нел. «Все,— пронеслось в голове.— Даже не успел спросить ее имя».

Мимо промелькнул бледно-желтый мундир. Все непроизвольно ахнули, когда Винтер, раскинув руки, упал на гранату. Ухнул приглушенный взрыв, и тело старшего капитана подбросило на два фута в воздух. Я отшатнулся и, ошеломленный, отвел взгляд в сторону. Бедняга Винтер. Чертов бедняга Винтер.

Пол подо мной закачался. Кажется, сознание решило покинуть меня. Колени подогнулись...

Бледная, но все такая же невозмутимая, она склонилась надо мной.

Я прикоснулся к ее руке.

— Как вас зовут?

— Меня? Барбра Лундин. Я думала, вам известно мое имя...

Казалось, мой вопрос ее слегка удивил.

— Лучше помогите тем, кому хуже.— Я сел прямо.— У меня просто слабая конституция.

— Нет,— возразила она.— Вы потеряли много крови.

Появился мрачный Рихтгофен.

— Слава богу, вы живы.— Он помог мне подняться.

— Спасибо Винтеру.— Шея и голова ужасно болели.— А он?..

— Умер мгновенно,— сказал Рихтгофен.— Он знал свой долг.

— Жаль его. А ведь должно было накрыть меня.

— К счастью для нас, не накрыло. Хотя вы были на волосок от смерти. Но вы потеряли довольно много крови. Вам надо как следует отдохнуть.

— Я хочу остаться. Я могу быть полезен здесь.

Откуда-то возник Геринг.

— Успокойтесь, друг мой.— Он обхватил меня рукой за плечи и повлек прочь.— Не принимайте это так близко к сердцу. Он погиб при исполнении долга, таков его выбор.

Герман понимал, что угнетало меня. Как и Винтер, я тоже мог накрыть гранату своим телом, но подобная мысль

даже не пришла мне в голову. Честно говоря, если бы меня не парализовало от ужаса, я бы убежал.

Видимо, вследствие ранения на меня накатило преждевременное похмелье. Манфред догнал нас у машины, и мы в тягостном молчании отправились домой. Я спросил о бомбе. Геринг сообщил, что ее забрали люди Бейла.

— Скажите им, пусть утопят ее в море,— посоветовал я.

На крыльце виллы нас кто-то поджидал. Я издалека узнал мощную фигуру с несоразмерно маленькой головой и, вылезая из машины, проигнорировал Бейла, но Герману избежать его внимания не удалось.

Пройдя в столовую, я наугад налил себе из буфета чего-то крепкого и упал в кресло.

Остальные, тихонько переговариваясь, прибыли вслед за мной. Интересно, где весь вечер пропадал господин главный инспектор?

Он сел и уставился на меня. Ему хотелось знать о нападении все. Бейл выслушал рассказ с каким-то угрюмым спокойствием.

— Мистер Геринг сказал мне, что вы, мистер Баярд,— он смотрел на меня, поджав губы,— прекрасно вели себя в бою. Возможно, я судил о вас слишком поспешно...

— Да что мне за дело до ваших суждений, Бейл? — взорвался я.— Где были вы, когда свистели пули? Прятались под ковром? И у вас еще хватило наглости лезть ко мне со своим напыщенным мнением.

Меня разбирало с каждой секундой все больше и больше.

Главный инспектор сделался белее мела. Злобно сверкнув глазами в мою сторону, он поднялся и вылетел вон. Геринг кашлянул в кулак, а Манфред, удостоив меня странным взглядом, поднялся, дабы выполнить обязанности хозяина дома и проводить гостя.

— С инспектором Бейлом ладить непросто,— заметил Герман.— Я понимаю ваши чувства.— Он встал и обошел вокруг стола.— Думаю, вам следует знать, что он едва ли не лучше всех владеет саблей и шпагой. Так что не принимайте поспешных решений...

— Каких решений? — не понял я.

— У вас уже есть серьезная рана, и мы не можем допустить, чтобы вы выбыли из строя в самый неподходящий момент. Вы достаточно уверенно стреляете из пистолета?

— Какая рана? Вы о моей шее?

Я приложил руку к затылку и поморщился. Пальцы наткнулись на глубокую ямку с коркой запекшейся крови. Только сейчас мне пришло в голову обратить внимание, насколько моя куртка пропиталась кровью. В том почти промахе «почти» оказалось гораздо меньше, чем я думал.

— Надеюсь, вы согласитесь оказать нам с Манфредом честь быть вашими секундантами,— добавил Герман,— и, может быть, послушаетесь нашего совета...

— О чем речь, Герман? — перебил я.— Какими еще секундантами?

— Ну,— Геринга как будто смутило мое недоумение,— мы хотели бы представлять вас при встрече с Бейлом...

— Встрече с Бейлом? — опять не понял я. Соображение давалась мне туговато, и только теперь я начинал сознавать, до какой степени отвратительно себя чувствую.

Геринг внимательно посмотрел на меня.

— Инспектор Бейл крайне щепетилен в вопросах чести,— сказал он.— Вы нанесли ему устное оскорбление в присутствии свидетелей, и вполне заслуженно. Можно с уверенностью предвидеть, что он потребует сатисфакции.

Сообразив, что я по-прежнему не понимаю его, Герман пояснил:

— Бейл пошлет вам вызов на дуэль. Вам придется драться с ним.

6

Снаружи скрипнул тормозами подъехавший автомобиль. Манфред, прервав на полуслове общую беседу, вышел из гостиной.

— Без сомнения, это секунданты Бейла,— сообщил Геринг.— Позволите ли вы нам вести переговоры за вас?

— Конечно, только... да, спасибо, Герман.

Бейл времени не терял.

Послышались голоса, и в гостиную вернулся Манфред в сопровождении двух незнакомцев. Два офицера в забрызганных кровью серых мундирах Имперской разведки, только что участвовавшие в бою, без всяких церемоний подошли прямо к нам. Один молодой, второй постарше, оба стройные, с суровыми лицами, держались сдержанно-учтиво.

— Ах, и вы здесь, Геринг.— Старший слегка прихрамывал из-за раны в бедре.— Надеюсь, вы знакомы с фон Ренцем? — указал он на молодого офицера.

Геринг поднялся и отвесил глубокий поклон.

— Знаком, ваше превосходительство,— ответил он и обратился ко мне: — Бриан, имею честь представить вам графа Халлендорфа и капитана фон Ренца. Господа, полковник Баярд.

Оба офицера щелкнули каблуками и церемонно склонили головы.

— Честь имею, полковник,— приветствовал меня граф.

— Привет, ребята.— Я небрежно махнул рукой.— Бейл прислал вас утрясти дело?

— Господа,— Герман поспешно шагнул вперед,— полковник оказал честь и поручил мне совместно с бароном Рихтгофеном вести переговоры от его имени.— Он взял обоих офицеров под руки и увел в сторону, продолжая разговор в том же духе.

— Бриан,— ко мне подошел Рихтгофен,— сдается мне, в вашей стране поединки не в ходу.— Он с сожалением покачал головой.

— Верно, барон,— ответил я.— Мы только тем и заняты, что оскорбляем друг друга. Тот, кто больнее задел другого и притом сам остался чистеньким, тот и победитель.

— Здесь так не принято,— поморщился Рихтгофен.— Каждый доказывает свою правоту честным путем. Правда, ваше дело представляется мне довольно щекотливым. Для драки нам, по-моему, и врагов достаточно, но, к сожалению, инспектор Бейл, очевидно, полагает несколько

иначе. Согласно его убеждениям, личное оскорбление превыше всего.— Барон придвинулся ближе и осмотрел рану на моей шее.— Бриан, присядьте, а если можете, полежите. Вы слишком ценны для Империума и для нас, ваших друзей, чтобы подвергаться такому суровому испытанию, но предотвратить его нет никакой возможности. Я зайду к вам позже.— Он уже хотел выйти, но вернулся и спросил: — Какое оружие вы выбираете?

— Водяной пистолет с двадцати шагов.

Из-за алкоголя, пережитой бойни, боли в голове, шее, спине и некоторых других местах я был настроен на сардонический лад.

Рихтгофен снова растерянно покачал головой и поспешил к выходу. Его ботинки оставляли кровавые следы.

Я замерз, продрог до костей, но все же проснуться смог лишь наполовину. Стараясь держать голову чуть вперед и набок, я тщетно надеялся ослабить дергающую боль в шее.

Мы втроем ждали под раскидистыми липами в нижнем конце Королевского парка развлечений. До рассвета оставались считанные минуты. Сейчас мое отношение к «делу чести» сделалось куда более серьезным. Я гадал о том, до какой степени больно словить пулю в коленную чашечку.

Со стороны расположенной выше нас дороги послышалось слабое гудение, и из мрака, пронзая фарами утреннюю дымку, выплыл длинный автомобиль. Предрассветный туман смягчил звуки открывающихся и закрывающихся дверей. Вслед за тем наши глаза с трудом различили три темные фигуры. Они спускались к нам по пологому склону. Мои секунданты двинулись им навстречу. Одна из трех теней отделилась от группы и осталась стоять в одиночестве, как и я. Должно быть, Бейл.

За первой машиной подъехала другая. По всей видимости, врач. В тусклом свете небольших квадратных фар второго автомобиля я заметил еще одну фигуру. Более всего она походила на закутанную в плащ женщину. Огни погасли, и я снова перевел взгляд на компанию секундантов.

Слышались тихие голоса, приглушенный смех. Походило на дружескую беседу. Все было устроено по самому высшему разряду.

По дороге, как выразился Геринг, к «полю чести», он ввел меня в курс дела.

Бейл сделал вызов в соответствии с конвенцией Тота. Согласно ей, дуэлянты не должны стремиться убить друг друга. По правилам следует нанести сопернику болезненную рану, унизить его. Дело это весьма мудреное. В запальчивости на дуэли не так-то просто нанести рану унизительную и в то же время не смертельную. Убить соперника — такое же бесчестье, как уклониться от поединка. Тем не менее примеры последней разновидности бесчестья все же известны, тогда как о прецедентах первой и слыхом не слыхивали.

Хотелось бы знать, какую каверзу затевает Бейл. Возможно, он собрался одарить меня чем-нибудь более экзотичным, нежели банальное дробление суставов. Я в предмете не разбираюсь. Мне эта забава в диковинку, тогда как главный инспектор слывет ветераном. Видимо, через несколько минут мое любопытство будет удовлетворено.

По словам Манфреда и Германа, самым опасным оружием считались пистолеты. С их помощью можно не только нанести смертельную рану сопернику, но и самому подвергнуться риску быть убитым. Проще использовать саблю или шпагу. Для признания удовлетворения достаточно первой крови. Поскольку использование сабли или шпаги в число моих умений не входило, мои секунданты без особого энтузиазма признали наиболее целесообразным остановить выбор на пистолетах. Во время войны в Европе я около года не расставался со своей пушкой сорок пятого калибра и частенько посещал тир. Ну и несколько раз мне доводилось стрелять по движущимся мишеням в настоящем бою.

Я спал всего пару часов. Геринг с Рихтгофеном позволили мне удалиться в мои апартаменты лишь по окончании переговоров. Я рухнул на диван и мгновенно провалился в сон. Моим секундантам пришлось изрядно потрудиться,

чтобы поднять меня в пять утра. В это время суток мой боевой дух всегда на самом низком уровне, даже без учета таких обстоятельств, как простреленная шея и возможность получить болезненные и унизительные ранения. Перед спектаклем Рихтгофен снабдил меня черными брюками и белой рубашкой, добавив легкую шинель для защиты от предрассветного холода. Я бы предпочел шинель поплотнее, но моя забинтованная шея горела огнем от малейшего неосторожного прикосновения.

Компания секундантов разделилась. Мои с ободряющими улыбками вернулись ко мне и негромко пригласили следовать за ними. Геринг, к великому моему сожалению, забрал у меня шинель.

Бейл и его люди также двинулись к опушке, где мгла рассеивалась быстрее.

— Пожалуй, уже достаточно светло, барон? — спросил Халлендорф.

Рихтгофен осмотрелся.

— Для порядка подождем еще минут пять.

Геринг и фон Ренц обсуждали положение исходной черты. Доктор с саквояжем в руке молча стоял неподалеку. Бейл ждал чуть поодаль.

Приблизившись ко мне, Геринг вполголоса отдал последние инструкции. Господин главный инспектор выступил вперед. Фон Ренц передал ему какой-то предмет, и секунданты расступились. Бейл сделал несколько шагов в мою сторону и презрительным жестом швырнул к моим ногам белую офицерскую перчатку. Я задержал взгляд на нем, нагнулся и, подняв перчатку, небрежно протянул ее Герингу. Формальный вызов на дуэль состоялся.

Рихтгофен и Халлендорф торжественно откинули крышку массивного футляра, доставленного фон Ренцем, и осмотрели лежавшие внутри два длинноствольных маузера. Я вспомнил о тридцати одном убитом при нападении на дворец и о десятках тяжелораненых. На мой взгляд, для одной ночи стрельбы и так уже хватало с избытком.

Быстро светало. Очертания предметов сделались четче. На востоке розовой полосой проступила линия горизонта, но деревья пока вырисовывались лишь черными силуэтами.

Халлендорф подошел ко мне с раскрытым футляром. Я не глядя выбрал пистолет. Бейл взял другой, методично его проверил, пощелкал спусковым механизмом и осмотрел нарезку. Рихтгофен вручил каждому из нас по магазину.

— Пять патронов,— сказал он.

Я промолчал.

Бейл проследовал к указанному Халлендорфом месту и остановился спиной ко мне. Контуры стоящих друг за другом автомобилей выступили на фоне светлеющего неба. Самый большой напоминал паккард тридцатого года выпуска. По знаку Геринга я занял свою позицию, также повернув спину к главному инспектору.

— По первому сигналу,— объявил Халлендорф,— вы делаете десять шагов вперед и останавливаетесь. По второму — поворачиваетесь и стреляете. Господа, во славу императора и во имя чести!

Он резко опустил к земле руку с белым носовым платком. Я зашагал вперед. Один, два, три...

Кто-то стоял возле самой маленькой машины. Интересно кто... восемь, девять, десять. Мы замерли в ожидании. Голос Халлендорфа прозвучал негромко:

— Повернитесь и стреляйте.

Я развернулся, держа пистолет сбоку. Бейл, стоя вполоборота ко мне на широко расставленных ногах, зарядил свой маузер, отвел левую руку за спину и поднял оружие. Нас разделяли тридцать футов мокрого от росы луга.

Я зашагал к нему. Никто не говорил мне, что дуэлянты должны стоять на месте. Бейл слегка опустил пистолет. Лицо главного инспектора побледнело, взгляд сделался настороженным. Затем его оружие снова приподнялось и резко, с сухим треском дернулось. Гильза подскочила вверх, блеснув в робких рассветных лучах, пролетела над блестящей лысиной и упала в сырую траву. Промах.

Я шагал вперед. Нет смысла стоять в полутьме и стрелять наугад по едва видимой цели. Мне вовсе не хотелось случайно убить человека, даже если данный человек пред-

принял для этого все необходимое. И намерений с мрачным смирением играть свою роль в напыщенной постановке Бейла я также не имел.

Господин главный инспектор целился, держа пистолет в вытянутой руке. Убить меня он мог без труда, а вот ранить... Ствол его оружия неуверенно ходил вверх-вниз — мой соперник никак не мог решить, куда послать пулю. Не так-то просто взять на прицел какую-то конкретную часть тела прущего на тебя безумца.

Наконец пистолет замер и дернулся снова. В насыщенном влагой воздухе выстрел прозвучал глухо. Бейл хотел попасть в ноги — я подошел достаточно близко к сопернику и мог оценить угол наклона ствола.

Господин главный инспектор отступил на шаг назад, вновь встал наизготовку и направил маузер несколько выше предыдущего положения. Несомненно, он вознамерился сломать мне ребро, послав пулю по касательной. Опасный выстрел — легко промахнуться, причем с двояким результатом. У меня свело желудок от напряжения.

Следующего выстрела я не слышал. В бок словно ударили бейсбольной битой. Ноги запнулись на ровном месте, а воздух резко вырвался из легких. Сильная обжигающая боль расползлась справа выше пояса. Но мне удалось устоять. Оставалось всего двадцать футов. Вдох дался с трудом.

Лицо Бейла выражало потрясение и непреклонность, губы плотно сжались. Он прицелился мне в ноги и выстрелил два раза подряд, видимо по ошибке. Одна пуля прошила сапог между пальцами правой ступни, а вторая ушла в землю. Я шел прямо на противника. Дышать было больно. Хотел отпустить какую-нибудь реплику, но воздуха и так едва хватало. Неожиданно Бейл отступил еще на шаг, направил ствол мне прямо в грудь и нажал на спуск. Боек щелкнул в пустом патроннике. Он уставился на пистолет.

Мой маузер упал к ногам главного инспектора, пальцы сжались в кулак и заехали ему по челюсти. Бейл отшатнулся, а я, развернувшись, зашагал прочь.

Геринг и Рихтгофен уже спешили мне навстречу. Вслед за ними торопился доктор.

— Lieber Gott!*— выдохнул Герман, сжимая мою руку.— В это просто никто не поверит.

— Если вы намеревались выставить мистера Бейла дураком, то вам это удалось блестяще.— Рихтгофен говорил спокойно, но в глазах у него прыгали чертики.— Думаю, вы его проучили.

Подскочил доктор.

— Господа, я должен осмотреть раны.

Откуда ни возьмись появился стул. Я с облегчением опустился на него и вытянул ногу.

— Сначала взгляните здесь. Немного больно.

Доктор вспорол ткань и кожу, сопровождая свои действия ахами, охами и восклицаниями. Он явно наслаждался моментом. Похоже, док был романтиком.

В моей голове промелькнула одна важная мысль. Я распахнул глаза. По траве со стороны машин ко мне шла Барбра, и отсветы зари играли в ее рыжих волосах. Мне вдруг стало ясно, какие слова сейчас слетят с моих губ.

— Герман, Манфред, я должен как следует выспаться, но прежде — главное. Этой ночью я получил такое наслаждение, что решил взяться за работу.

— Расслабьтесь, Бриан,— подал голос Рихтгофен.— Не стоит сейчас думать об этом.

— Ничего страшного.

— Вы тяжело ранены? — Надо мной склонилось прекрасное озабоченное лицо.

Я ответил улыбкой и потянулся к ее руке.

— Уверен, вы считаете меня искателем приключений на свою голову. На самом деле иногда бывает, что несколько дней подряд мне даже ни разу не случается споткнуться.

Барбра взяла мою ладонь в свои и опустилась на колени.

— Наверное, вам очень больно, раз вы несете такую чушь,— заметила она.— Я уже начала бояться, что он по-

---

* Боже правый! *(нем.)*

теряет голову и убьет вас.— Девушка повернулась к врачу: — Доктор Блюм, позаботьтесь о нем как следует.

— А вы счастливчик, полковник,— объявил тот, исследуя рану в моем боку.— Ребро цело. Через несколько дней останется небольшой шрам и приличный синяк.

Я сжал руку Барбры.

— Помогите встать.

Геринг подставил мне плечо.

— А теперь — как следует выспаться,— сказал он.

Я только о том и мечтал.

Расслабиться в кресле тесного челнока не так-то просто. Впереди над маленькой светящейся приборной панелью склонился оператор. Он не сводил глаз с показаний датчиков и барабанил по клавишам приспособления, напоминавшего миниатюрную ЭВМ. Воздух наполняло глухое жужжание, пробиравшее до костей.

Я ерзал на сиденье, стараясь найти более удобную позу. Опять ныли не до конца зажившие раны на шее и в боку. В голове прокручивались обрывки бесконечных инструктажей последних десяти дней. Имперская разведка не смогла собрать о маршале Баярде столько материала, сколько требовалось, но и собранного оказалось больше, нежели я мог усвоить. Оставалось надеяться на сеансы гипноза. Каждую ночь в течение недели меня подвергали им вместо обычного сна. По заверениям инструкторов, знания, полученные на подсознательном уровне, непременно всплывут в памяти в нужный момент.

Баярд представлял загадку даже для обитателей его линии. На людях его видели крайне редко. В основном широкие массы лицезрели образ диктатора посредством — как выражались озадаченные парни из разведки — «некоего рода аппарата для передачи электрических изображений». Я пробовал объяснить, что в моем мире телевидение — привычная вещь. Они меня так и не поняли.

Последние трое суток мне давали хорошенько выспаться по ночам, а днем часами приводили в порядок мое тело. Благодаря тщательно спланированной физической подготовке раны быстро затягивались, и в плане здоровья я уже вполне мог приступать к выполнению рискованного задания. Перегрузок не выдерживали мои бедные мозги. В итоге предстоящие трудности стали казаться мне счастливым избавлением от десятидневного кошмара. Наставлениями я пресытился и жаждал лишь одного — свободы действий.

Пальцы привычно нащупали детали экипировки. Военный мундир мне сшили по образцу, заимствованному с официального портрета Баярда. Мы располагали его изображением только до пояса и долго ломали головы относительно цвета и фасона брюк. Я внес предложение воспользоваться стандартом, известным мне в моем мире, и дополнить форму оливковыми галифе из плотного сукна. Также по моему настоянию мы не стали воспроизводить ленты и ордена с фотографии. Вряд ли он расхаживал в них по частным апартаментам в неофициальной обстановке. Из тех же соображений я не стал туго застегивать ворот и расслабил узел галстука.

Меня держали на диете из постных бифштексов, чтобы лицо немного поопало. Парикмахер утром и вечером делал энергичный массаж головы и не разрешал мне мыть ее, стимулируя быстрый рост волос и придавая моей внешности взлохмаченный туземный вид диктатора с портрета.

К ремню крепился миниатюрный карман с передатчиком. Мы сочли разумным не тратить усилий на маскировку и поместить его на виду. Микрофон вшили в тяжелый позумент на отвороте кителя. Бумажник распирала толстая пачка банкнот НДГ.

Я осторожно подвигал правой рукой. Вдоль предплечья напряглась скрытая пружина. Стоит мне определенным образом шевельнуть запястьем, в ладонь скользнет мое оружие самообороны. Крохотное устройство представляло собой чудо смертоносной компактности. По форме его легко спутать с обточенным водой камнем-голышом неправильной формы, серым и гладким. На земле такой

и не заметишь — крайне полезное свойство на случай всяких непредвиденных ситуаций.

Стрелял чудо-пистолет не пулями. Внутри его от скрытого ствола, выполненного из прочного сплава, до маленькой полости со сжиженным газом спиралью вился канал толщиной в волос. Газ служил одновременно и выталкивающим зарядом и поражающим элементом. При надавливании на определенную точку, никак не выделяющуюся на поверхности оружия, из ствола вылетала микроскопическая капля. Покинув тесную капсулу, она с убийственной скоростью летела к цели и мгновенно расширялась примерно до кубического фута. Эдакий почти бесшумный взрыв, способный продырявить броню в четверть дюйма и насмерть поразить человека с десяти футов. Именно такое оружие мне и требовалось — неприметное, тихое и отлично подходящее для ближнего боя. В результате упорных тренировок механическая кобура с пружиной сделалась едва ли не частью руки.

Я часами отрабатывал необходимое движение во время лекций, еды и даже лежа в постели. К мерам предосторожности всегда следует относиться со всей серьезностью, иначе... о другой мере, заключенной в полой коронке, угнездившейся на месте крайнего зуба, лучше не думать.

Каждый вечер после изнурительных занятий я отдыхал в обществе новых друзей, посещал императорский балет, театры, оперу и бойкие варьете. Мы с Барброй отужинали в полудюжине роскошных ресторанов, а после ужина гуляли при лунном свете по аллеям садов, пили кофе на заре и вели беседы. Короче, ко дню старта мной владело уже незаурядное стремление покончить с опасным делом. Я жаждал скорейшей отправки, поскольку она сулила скорейшее возвращение.

Первым этапом моего путешествия стал перелет до Северной Африки. Оттуда челнок мог доставить меня прямо в алжирский дворец. Определение точного положения апартаментов диктатора заняло у операторов уйму времени.

Геринг с группой людей из разведки проводил меня до трапа огромного биплана с пятью двигателями, немного

напоминавшего то ли «Готу», то ли «Хэндли-Пейдж»*. Я простился, поднялся по наклонному трапу в салон, устроился в плетеном кресле и заснул едва ли не прежде, чем самолет начал выруливать на взлетно-посадочную полосу.

Проснулся я в алжирских сумерках. Биплан кружил над аэропортом, и я, стараясь разглядеть его, уткнулся носом в круглый иллюминатор. В моем мире летное поле находилось несколько западнее древнего города.

У трапа нас встречала небольшая делегация. Меня тут же препроводили на небольшое совещание, где снабдили последними инструкциями.

Выспавшись в самолете, я так и не смог уснуть ночью. Зевота стала одолевать меня уже на автомобильном сиденье по дороге к величественному особняку, аналог которого в мире ИП-два диктатор Баярд расширил и превратил в личную крепость.

Мы поднялись в лифте на верхний этаж и по узкой винтовой лестнице вскарабкались к двери, выходившей на обдуваемую ветром крышу. Меня передернуло от сонного озноба. Перед глазами стоял туман. Не испытывая особого вдохновения, я поднял голову к стальным лесам, взведенным над залитой битумом крышей. Согласно расчетам ребят из разведки, конструкция соответствовала по высоте уровню пола в апартаментах моего двойника. Мне предстояло взобраться к платформе, где техники установили миниатюрный МК-челнок. Судя по его виду, в нем едва хватало места для одного человека. Я не без содрогания прикинул способ, каким туда засунут оператора.

Все обсуждения и инструктажи остались позади, и причин тянуть время у меня не было. Без лишних проволочек я обменялся рукопожатиями с группой сопровождения и полез вверх. Влажные от росы железные ступеньки неприятно холодили руки. А если меня угораздит поскользнуться? Нечего сказать, достойное завершение проекта. И все же в жителях Империума, помимо прочего, мне нравилось

* «Гота» и «Хэндли-Пейдж» — немецкий и английский бомбардировщики времен Первой мировой.

отсутствие склонности к перестраховке. Они не зацикливались на безопасности, подобно нашим пугливым функционерам.

И вот, втиснутый в кресло челнока, я коротаю часы в ожидании, пока меня не высадят в квартире диктатора в сорока футах над уровнем старой крыши, и вспоминаю, как кавалеры и дамы Империума смотрели в дула автоматов. Перед моими глазами вновь возникли мертвые тела в изрешеченных пулями роскошных нарядах, вповалку лежащие на каменном полу бального зала. Затем я вспомнил бородатого налетчика, обхватившего рукоять торчащей из груди сабли, и задумался о том, сколько раз он рисковал своей жизнью, прежде чем смерть ответила на вызов. Его униформа отчасти напоминала американскую. Возможно, он и сам был американцем, надломленным, но выжившим в адской ядерной войне, из которой другая Америка не вышла победителем. Я представил себе, как десять или пятнадцать лет назад он покупал гимнастерку в каком-нибудь оживленном американском магазине военно-торговой службы, гордый новенькой золотой полоской на плече, и похвалялся ею перед невестой. По какой причине бородач не вызывал моих симпатий? Отчего вроде бы достойная восхищения, лихая отвага его оборванной команды оставляла меня равнодушным? Сложно сказать. Здесь имело место четкое различие. Люди Империума гибли, сохранив достоинство, а налетчики словно явились из моих собственных воспоминаний о той бесчеловечной войне со всеми ее ужасами и лишениями.

Винтер погиб вместо меня. За время нашего короткого знакомства он успел завоевать мою симпатию. Старший капитан явно не принадлежал к числу фанатиков, жаждущих совершить великий подвиг, но в должный момент пожертвовал собой без колебаний.

Видимо, человека можно считать живущим ради чего-то, если он готов ради этого умереть.

— Внимание, сэр! — Оператор обернулся ко мне.— Полковник, творится что-то непонятное.

Я промолчал. Очевидно, он доложит, когда выяснит подробности. Рука сжала выпрыгнувший из кобуры пистолет. Надо же, привычка выработалась.

— Приборы запеленговали в Сети движущееся тело,— сообщил оператор.— Кажется, оно пытается лечь на наш курс. Определитель положения в пространстве показывает, что оно совсем рядом.

Империум на десятилетия отстал от моего мира в ядерной физике, телевидении, аэродинамике и прочем, но в вопросах конструирования аппаратов Максони — Кочини его достижения оставляли позади самые смелые фантазии. В конце концов, над решением данной задачи у них трудились отборные научные кадры в течение шестидесяти лет.

Оператор колдовал над приборной панелью, словно исступленный органист.

— Я установил массу примерно в пятьсот килограммов. Это вполне соответствует весу легкого челнока, но он не может быть одним из наших...

На несколько минут повисла напряженная тишина.

— Он нас преследует, полковник. Или приборы у них лучше, чем мы предполагали, или этому парню просто повезло. Как будто он ждал нас в засаде...

Мы оба согласились, что, кроме челнока с ИП-два, за нами следовать некому.

— А они не могли установить локатор дальнего обнаружения, дабы ловить любого, кто приблизится? — предположил я.

Люди диктатора готовились к войне. Обладай они достаточными техническими возможностями, им бы и в голову не пришло медлить. В Империуме просто не подозревают, каким фанатичным милитаристом может быть человек атомного века. И все же странно...

— Так не пойдет,— пробормотал оператор.— Я не могу выйти из Сети в пункт нашего назначения с этим парнем на хвосте. Черт их знает, что они устроят при идентификации в пространстве, да и наша миссия перестанет быть секретной.

— А нельзя как-то отвязаться от него?

Он покачал головой.

— Я не могу изменить курс здесь, в Пустоши. Коррекция приведет к мгновенному отождествлению в пространстве. Само собой, максимальная скорость продвижения у нас постоянна, как и у него. Он был вынужден прицепиться к нам подобно пиявке, как только поймал нас.

Происходящее меня совершенно не устраивало. Нам оставалось лишь одно — продолжать движение, пока не пересечем Пустошь, а после попытаться стряхнуть преследователя с хвоста. Мне очень не хотелось прерывать операцию до ее фактического начала.

— А нельзя ли его подстрелить?

— Как только снаряд покинет поле Максони — Кочини, он выпадет в реальность какой-нибудь линии,— ответил оператор.— По той же причине и в нас не стреляют.

Лицо оператора внезапно вытянулось. Руки зависли над панелью с приборами.

— Он двинулся на нас, полковник. Идет на таран. Мы взорвемся, если он пересечется с нами в пространстве.

В моей голове молнией пронеслась мысль о пистолете и полом зубе. Интересно, что нас ждет при столкновении? Такого исхода дела я почему-то не ожидал ни при каком раскладе.

Неимоверное напряжение длилось всего несколько секунд.

— Промахнулся,— облегченно выдохнул оператор.— Видимо, у него не так уж хорошо получается маневрировать в Сети. Но он вернется. Он жаждет крови.

— Наша максимальная скорость определяется энергией нормальной энтропии? — У меня появилась идея.

Оператор кивнул.

— А если мы пойдем медленнее. Быть может, он проскочит мимо.

— В Пустоши, сэр, это довольно рискованно.— Я заметил испарину, выступившую у него на загривке.— Но мы попробуем.

Несомненно, последняя фраза стоила ему немалых усилий. Молодой человек имел за плечами шесть лет интенсивных тренировок, перемежаемых с реальными путешествиями по линиям, и каждый раз, проходя через Пустошь, он пополнял список данных о происходящих в ней нештатных отклонениях.

Звук генераторов переменился. Гудение словно приутихло, перейдя в нижний регистр слышимого диапазона.

— Он еще здесь, полковник.

Гул все понижался. Я не знал, в какой момент челнок достигнет критической точки, утратит искусственно поддерживаемую ориентацию на линии и вылетит в нормальную энтропию. Мы сидели и ждали. Звук опустился почти до церковных басов. Оператор стучал и стучал по какой-то кнопке, глядя на циферблат.

Генераторы противно зажужжали. Дальнейшее замедление означало катастрофу. Но и враг не мог...

— Он рядом с нами, полковник, только...— Вдруг оператор перешел на крик: — Мы избавились от него! У него аппаратура слабее — он вылетел.

Я откинулся на спинку кресла. Гудение пошло вверх. Мои ладони сделались влажными от пота. В какой из кругов ада Пустоши угодили наши преследователи? Впрочем, нет смысла гадать. Через несколько минут мне предстоит встретиться лицом к лицу с собственной проблемой. Пора взять себя в руки.

— Отличная работа,— выдавил я наконец.— Еще долго?

— Примерно, с божьей помощью, минут десять, сэр. Эта история отняла больше времени, чем я ожидал.

Пошел отсчет минут. Во рту пересохло. Все остальное как будто в порядке. Я нажал кнопку коммуникатора.

— Талисман, это Волкодав Красный. Как слышите?

— Волкодав Красный, это Талисман, слышу вас хорошо.

Динамик, встроенный в погон на плече, направлял слабый звук голоса прямо в ухо. Ответили без задержки. Приятно, черт возьми, ощущать себя не совсем одиноким.

На глаза попался механизм, открывающий выходной люк. Нужно дождаться, пока оператор скажет «пошел!», и нажать на рычаг. За две оставшиеся секунды надо успеть отдернуть руку, выдвинуть пистолет в ладонь и сгруппироваться. Кресло автоматически вытолкнет меня наружу. Челнок исчезнет из пространства ИП-два до того, как мои ноги коснутся пола.

Последние десять дней мою голову занимали исключительно вопросы предварительных действий, а момент прибытия как-то отступил на задний план. Четкая и профессиональная организация экспресс-подготовки создавала иллюзию стабильности всего хода экспедиции. Только сейчас, перед прыжком в самое логово врага, я осознал всю опасность моей миссии. Однако время, отпущенное на колебания, истекло, и до некоторой степени меня это даже радовало. Мир Империума успел завладеть моей душой, он стал частью моей жизни и стоил того, чтобы пойти ради него на риск.

Я — козырная карта на руках империан, так не пора ли ввести меня в игру? В моем лице они обзавелись ценным кадром, вот только доказать собственную ценность можно, лишь выйдя на сцену подобным образом. И чем скорее, тем лучше.

Во дворце ли диктатор? Если нет , то когда соизволит вернуться и долго ли я смогу прятаться в его личных апартаментах? По какой-то причине, несмотря на общий энтузиазм, мысли о нашей встрече один на один вызывали у меня отторжение. Как бы то ни было, главное, чтобы сам дворец оказался на месте. Техники высчитывали его местоположение на основании данных, изъятых под наркогипнозом у захваченного в Летнем дворце бандита. В случае их ошибки лететь мне с высоты полутора сотен футов...

Автоматические переключатели пронзительно застрекотали. Оператор обернулся в кресле и крикнул:

— Волкодав, счастливой охоты! — А затем скомандовал: — Пошел!

Вытянуть руку, ударить по рычагу, прижать руку к себе, выдвинуть пистолет. С металлическим скрежетом и шипением воздуха откинулась крышка люка. Огромная механическая ладонь выбросила меня в неизвестность, и я, испытав одно жуткое, головокружительное мгновение, словно в темноте, шагнул мимо ступеньки, ударился подошвами о покрытый ковром пол. Лицо обдало воздушной волной, а по коридору прокатилось эхо хлопка, с которым исчез челнок.

Вспомнив инструктаж, я спокойно оглянулся. Никого не видно. В коридоре царил полумрак, лишь на пересечении с другим коридором в потолке слабо мерцала лампочка. Заезд прошел удачно.

Торчать на месте не имело смысла. Я вернул пистолет в кобуру под манжетой и неторопливо зашагал на свет. Выходящие в коридор двери выглядели одинаково, без всяких номеров или иных обозначений. Первая из выбранных наугад оказалась заперта. Как и следующая. Третья дверь открылась, и я осторожно заглянул в просторную гостиную. Не сюда. Мне по возможности следовало отыскать спальню диктатора. На случай, если он там, имелись подробные инструкции, если нет — рано или поздно все равно явится. Надо только подождать. А сейчас я не испытывал желания встречаться ни с кем.

Впереди за углом громыхнул прибывший лифт. Я замер. Лучше куда-нибудь деться, желательно поскорее. Я на цыпочках прорысил к незапертой гостиной и нырнул в помещение, аккуратно притворив за собой дверь. Сердце бухало в груди. Мое состояние больше подходило не мужественному разведчику, а ночному воришке. Мягкие шаги раздавались все ближе и ближе. Прижав замок ладонью, дабы избежать щелчка, я запер дверь изнутри, на секунду прислушался и, озираясь по сторонам, прокрался на середину комнаты. Пожалуй, следовало все же подыскать укрытие понадежнее. Очертания предметов терялись в темноте. У дальней стены маячил высокий силуэт. Гардероб! Подскочив к нему, я распахнул дверцы и забился между вешалками с одеждой.

Пребывание в шкафу всегда наводит на мысли о двойственности собственного положения. Дверь в гостиную мягко отворилась, затем закрылась. Я забыл, как дышать. Прошаркали чьи-то ноги, и в помещении загорелся свет. Дверца моего импровизированного тайника оставалась чуть приоткрыта, и я успел разглядеть спину человека, отвернувшегося от настольной лампы. Тихо сдвинулось кресло. Зазвенела связка ключей. Раздался слабый скрежет металла, потом все стихло. Снова скрежетнуло. Видимо, вошедший перебирал ключи, пытаясь открыть замок стола или ящика.

Я стоял неподвижно, еле дыша, и старался не замечать внезапного зуда, возникшего в правой щеке. Слева блеснул вышитый золотом погон. Рядом со мной висел мундир, едва ли не в точности повторяющий мой собственный. Золотые погоны, массивные позументы. Я испытал мимолетное облегчение. По крайней мере, меня угораздило попасть в нужные апартаменты. Значит, за стенками шкафа сейчас, возможно, гремит ключами моя потенциальная жертва. Одно меня беспокоило — никогда еще я не был так далек от желания стать убийцей.

Человек меж тем продолжал возиться, тяжело сопя и звякая металлом. Как он выглядит, мой двойник? В самом деле похож на меня или, вернее, похож ли я на него настолько, чтобы занять его место?

И почему он так долго не может подобрать нужный ключ? Тут меня осенило. Судя по этой возне и тяжелому дыханию, кто-то пытался открыть чужой стол. Я повернул голову на долю дюйма. Вешалки бесшумно разъехались, слегка расширив поле моего зрения. Теперь человек стал виден полностью. Он сгорбился в кресле и суетливо тыкал в замок ключами из связки. Низкорослый, с редкими волосами. На меня он нисколько не походил. Не диктатор.

Новое обстоятельство следовало обдумать, и не откладывая. Видимо, Баярд в отъезде, иначе бы этот тип не посмел шарить в хозяйском столе. Значит, среди приближенных диктатора есть люди, которые не гнушаются сунуть нос в его дела. Данное обстоятельство наверняка может сыграть нам на руку.

Нужный ключ нашелся минут через пять. Мои мышцы уже сводило из-за неловкой позы. В довершение всего в нос попала ворсинка, и я с трудом удерживал желание чихнуть. Зашуршали бумаги. Мужчина с тихим бормотанием перебирал их одну за другой. Наконец скрипнул, задвигаясь, ящик, и раздался щелчок замка. Человек поднялся, отпихнув назад кресло. На несколько секунд повисла тишина, затем его шаги приблизились ко мне. Я затаил дыхание. Рука напряглась, готовая совершить мгновенный выстрел, стоило лишь открыться дверцам шкафа. На интермедию с явлением диктатора из гардероба с вешалками моих артистических способностей в данный момент со всей очевидностью не хватало.

Мужчина прошел мимо и скрылся из виду. Я снова задышал. Опять послышалось звяканье ключей. Очевидно, он рылся в ящиках бюро или комода.

Дверь внезапно распахнулась, и в гостиную проник кто-то еще. Первый человек, прекратив возню, застыл на месте. После неловкой паузы он заговорил на французском:

— А, это ты, Морис...

Вкрадчивый голос Мориса прозвучал не сразу.

— Да, это я. Увидел свет в кабинете шефа. Мне это показалось довольно странным, раз сегодня ночью его нет.

Первый вернулся на середину комнаты.

— А я вот проверяю, все ли здесь в порядке.

Морис хихикнул.

— Меня так по-простому не надуешь. Я знаю, зачем ты здесь — затем же, зачем и я.

— Ты дурак, Морис,— проворчал первый.— Оставим это.

Теперь Морис не хихикал.

— Не торопись, Дятел. Ты что-то замышляешь, и я хочу быть в курсе.

— Не зови меня Дятлом! Псих ненормальный.

— Но ты же не стеснялся стучать в жандармерию, когда заправлял делами в Марселе. Видишь, я про тебя все знаю.

Смеялся Морис довольно гадко.

— Что ты задумал? — прошептал первый.— Чего тебе надо?

— Присядь, Флик*. Ой, да не волнуйся ты. Все тебя так зовут.

Морис, без сомнения, получал от разговора несказанное удовольствие. Полчаса он изводил своего оппонента, то льстя, то нажимая. Следя за ходом их беседы, я узнал, что первого неофициального посетителя гостиной звали Жорж Пине. Он состоял начальником Службы безопасности диктатора. Морис же являлся военным советником при бюро пропаганды и просвещения. Очевидно, Пине не хватило ума проявить больше осторожности, планируя переворот и свержение собственного шефа. Морис пронюхал обо всем и ждал своего часа. Теперь он диктовал условия. Пине долго упирался, но Морис положил его на обе лопатки, вскользь упомянув о припрятанном самолете и кладе золотых монет, зарытом в нескольких милях от города.

Я слушал внимательно и не шевелился, со временем даже зуд прошел. Пине капитулировал. По его словам, он намеревался привлечь в свои ряды несколько новых сторонников, показав им списки имен, собственноручно внесенных диктатором в план очередной зачистки. О помощи начальника Службы безопасности при составлении списков потенциальным союзникам сообщать никто не предполагал.

Окончания разговора мне услышать так и не довелось. В гостиной вдруг воцарилась полная тишина. Не знаю, какой именно промах я допустил, но дальнейшее развитие событий представилось мне со всей очевидностью. Послышались осторожные шаги, и затем, после некоторой паузы, дверцы шкафа распахнулись. Оставалось надеяться, что мой грим на высоте.

Я шагнул из укрытия, смерив Пине холодным взглядом.

* Flic *(фр.)* — дятел; перен. — полицейский агент.

— Ну что, Жорж. Любопытно узнать, что ты в мое отсутствие не теряешь времени даром.

Мой французский не отличался от диалекта этой парочки. Пружина натянулась вдоль запястья.

— Черт,— выдохнул Морис.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Мне еще казалось возможным найти выход из сложившейся ситуации, но тут меня атаковал Пине. Уходя от удара, я шагнул в сторону. Пальцы уже сжимали пистолет.

— Стоять!

Пине не послушался и напал снова. Рука дернулась, принимая на себя мощную отдачу. Раздался резкий хлопок, и начальника Службы безопасности отшвырнуло назад. Раскинув руки, он упал на спину, а мне достался сильнейший удар в бок. Проковыляв несколько шагов по гостиной, я споткнулся и рухнул. Морис оказался проворен и силен как бык. Пистолет чудом не выпал из мгновенно ослабевших пальцев, но жалкая попытка пустить его в ход пропала втуне. Морис профессионально по-дзюдоистски вывернул мне руки за спину и, тяжело дыша, уселся на меня верхом.

— Кто ты? — прошипел он.

— Я думал, ты меня узнаешь.

Правая кисть осторожно изогнулась, возвращая пистолет в кобуру под манжетой. Услышав характерный щелчок, я ощутил прилив необычайного спокойствия.

— Ты и правда так думал? — Морис расхохотался. Его лицо приобрело пунцовый цвет и покрылось капельками пота. Отсмеявшись, он достал из кармана тяжелую дубинку и слез с меня.— Вставай.— Военный советник принялся разглядывать меня со всех сторон.— Боже мой. Вот это да. Кто тебя прислал?

Я не ответил. Похоже, обман раскрылся. Только непонятно из-за чего. И все же мой облик его явно заинтриговал. Он шагнул вперед и рассчитанным движением заехал мне дубинкой по шее. Морис, несомненно, мог бы и перебить ее, однако удар оказался еще болезненнее, нежели при переломе. Из не до конца зажившей раны выступила

кровь. Заметив ее, советник в первый момент даже слегка опешил. Потом лицо его просияло.

— О, прости,— сказал он с усмешкой.— В следующий раз долбану там, где шкура целая. И, пожалуйста, не забывай отвечать, если тебя о чем-то спросят.

В его голосе сквозила радостная злоба, и я вспомнил атаку на дворец. Такие люди видели ад на земле и в определенном смысле утратили человеческий облик.

Он окинул меня цепким взглядом, методично шлепая дубинкой по раскрытой ладони.

— Видимо, беседу мы продолжим внизу. Держи руки так, чтобы я видел.

Морис обшарил глазами помещение. Верно, пытался отыскать мое оружие. Не обнаружив его, советник совершенно не встревожился. Наверное, верил в собственные силы.

— Рядом,— приказал он.— Вот так. Хороший мальчик. А теперь пошли, тихо и без глупостей.— Ему не хотелось надолго выпускать меня из виду, а за оружием он мог вернуться позже.

Вытянув руки вперед, я проследовал вместе с ним к телефону. Из Мориса могла бы получиться отличная мишень. В любую секунду. Но у меня еще оставался к нему один очень важный вопрос.

Советник, следя за мной исподлобья, поднял трубку и отдал короткий приказ.

— Как скоро они явятся сюда? — Я решил начать издалека.

Он лишь нахмурил брови.

— Может быть, у нас еще есть время, чтобы уладить дело,— предложил я.

Его губы скривились в подобие улыбки.

— Мы все уладим как надо. Если будешь петь громко и чисто, я, может быть, попрошу ребят закончить поскорее.

— У тебя теперь есть туз в рукаве,— настаивал я.— Зачем вмешивать сюда этот сброд?

Он опять постучал дубинкой по ладони.

— Что у тебя на уме?

— Собственная игра.— Я пустился лихорадочно импровизировать.— Ручаюсь, ты и не подозревал, что у Бриана есть брат-близнец. Он упрятал меня подальше, но я решил объявиться снова.

— Черт.— Кажется, мои слова его заинтересовали.— А ты, судя по всему, давненько не видал любимого братца.

Он усмехнулся. Смысл его шутки остался для меня загадкой.

— Давайте-ка уйдем отсюда,— предложил я.— И оставим это между нами.— Морис взглянул на Пине.— А о нем забудем. Он ничего никому не расскажет.

— А тебя бы это устроило, правда? Только мы двое. Потом, глядишь, можно сузить круг и до одного.— Язвительный тон советника постепенно превращался в рык.— Боже, ты... ты задумал избавиться от меня, ты, жалкий фигляр...

Он наступал на меня, занося дубинку для удара. Мне стало очевидно: Морис безумен и способен убить в приступе бешенства.

— Ты увидишь, кто из нас от кого избавится,— распалял он сам себя. Глаза его сверкали, дубинка раскачивалась в руке.

Больше ждать не имело смысла. Страсть советника к убийству вызвала во мне бурю отвращения и пробудила ненависть ко всему, что воплощал в себе этот тип.

— Дурак ты, Морис.— Я направил на него пистолет.— Безмозглый дурак, а через минуту будешь покойником. Но прежде скажешь мне, как ты узнал, что я не Баярд.

Ответа на свой очень важный вопрос я так и не получил.

Морис кинулся на меня, и его отшвырнуло выстрелом. Обмякнув, он рухнул на пол. Рука заныла от сильной отдачи. Умение обращаться с маленьким оружием давалось нелегко. Заряд рассчитан примерно на пятьдесят выстрелов, но при таких темпах его не хватит и на день.

Следовало как можно скорее убираться отсюда. Настольная лампа врезалась в люстру. Пусть повозятся в темноте. Я выскочил в коридор и направился в его темный конец. За спиной открылись двери лифта. Подкрепление уже здесь. Стеклянная дверь в конце коридора бесшумно отворилась от легкого толчка. Сейчас прибывшие обнаружат тела Мориса и Жоржа. Может, задержаться и понаблюдать за их реакцией? Я решил не терять времени и без лишнего шума устремился вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки. С момента моего прибытия коммуникатор пока оставался не задействован. А о чем докладывать?

Проскочив три лестничные площадки, я оказался в холле. Он должен находиться на уровне старой крыши. Припомнить бы, куда вела эта лестница на линии ноль-ноль. Притулившаяся в дальней нише маленькая дверь показалась мне знакомой.

Из помещения, расположенного на другой стороне холла, появился человек. Поравнявшись со мной, он бросил недоумевающий взгляд в мою сторону. Я напустил на себя задумчивый вид, прикрыл рот ладонью и двинулся к маленькой двери. Сходство с диктатором стало значительной помехой.

Человек вышел из холла, и у меня появилась возможность узнать, не заперто ли. Так и есть, маленькая дверь в нише оказалась на замке. Я как следует рассмотрел ее. На вид не такая уж прочная. Стоило надавить плечом, и она подалась с легким треском. За ней оказалась уходящая вниз лестница.

Я не имел никакого особого плана, просто хотел как можно скорее выбраться из замка. Мое перевоплощение в диктатора обернулось полным провалом. Оставалось лишь найти безопасное место и через коммуникатор обратиться за дальнейшими инструкциями.

Спустя два лестничных пролета до моего слуха долетел сигнал тревоги.

Я остановился. Следовало избавиться от парадной мишуры на мундире. Галуны с рукавов и петлицы отодрались

легко, но позументы на отворотах пришлось оставить, поскольку в одном из них находился микрофон. Иные возможности хоть как-то изменить свой облик у меня отсутствовали.

Вероятно, эта неиспользуемая лестница могла служить выходом не хуже любого другого. Я продолжил спуск, проверяя двери на каждом этаже. Все они были заперты. Это показалось мне хорошим знаком. Лестница закончилась сырым тупиком, уставленным бочками и заплесневелыми картонными коробками. Я вернулся на один пролет вверх и прислушался. За дверью раздавались громкие голоса и топот. Тут в моей памяти всплыло, где находился вход на лестницу: недалеко от парадных дверей старого особняка. Похоже, меня угораздило забраться в ловушку.

Я снова спустился вниз и откатил в сторону одну из бочек. Зажженная спичка высветила на освободившемся участке стены край дверного проема. Убрав вторую бочку, я сумел добраться до шаровидной ручки только что обнаруженной двери. Попытка повернуть ее успеха не принесла. Я прикинул, насколько сильно можно здесь шуметь, и решил все-таки вести себя потише.

Мне срочно требовался какой-нибудь рычаг. Вероятно, стоило порыться в коробках. Я надорвал одну и заглянул внутрь. Ее доверху забили покрытые плесенью бухгалтерские книги. Никакого проку.

Исследование другой коробки принесло значительно больше результатов. В ней лежало старое серебро, горшки и миски. Я откопал тяжелый нож, сунул его в щель между дверью и косяком и налег всем весом. Дверь по прочности вполне годилась для банковского хранилища. Попробовал отжать снова — ни с места. Ну не могла она быть до такой степени крепкой! Нет, дверь поддаваться не желала.

Я отступил назад. Возможно, у меня оставалось крайнее средство: пренебречь осторожностью и прорубиться через середину. Я наклонился, выбирая наиболее удобное для удара место,— и отпрянул к противоположной стене. Пистолет мгновенно прыгнул в руку. Дверная ручка повернулась сама.

7

Меня буквально прижали к стене, и от этого подступающая паника только усиливалась. Что делать? Напичканный инструкциями, как удержать власть после успешного убийства диктатора, я не имел ни малейшего понятия о путях отступления в случае неудачи.

Раздался скрип, с верхней кромки двери посыпалась пыль. Отодвинуться как можно дальше и ждать. Меня так и подмывало открыть огонь, но я сдерживался. Поживем — увидим.

Дверь слегка приотворилась. Это мне не понравилось: меня, значит, разглядывают, а сам я ничего не вижу. Правда, с виду я безоружен, ведь крошечный пистолет спрятан в ладони. Но преимущество ли это? Трудно сказать.

Неопределенность выводила из равновесия.

— Ладно,— подал я голос.— Вы устроили сквозняк. Давайте либо вперед, либо назад.

Я говорил на том же гортанном парижском диалекте, который слышал наверху.

Дверь приоткрылась пошире, и за ней обозначилась чумазая физиономия. Щурясь в сочащемся сверху тусклом свете, парень глянул вверх по лестнице и махнул рукой.

— Заходи,— хрипло шепнул он.

Сложившиеся обстоятельства не позволяли мне отказаться от приглашения. Шагнув мимо бочек, я пригнулся и скользнул в низкую дверь. Пока парень закрывал ее, пистолет отправился обратно в футляр. Оказавшись в сыром каменном туннеле, освещенном стоявшим на полу электрическим фонарем, я встал спиной к свету. Не хотелось показывать свое лицо при хорошем освещении.

— Кто вы? — спросил я.

Парень протиснулся мимо меня и подхватил фонарь, едва взглянув в мою сторону.

— Глухонемой. Не задаю вопросов и не отвечаю на них. Пошли.

Возражать не имело смысла, и я последовал за ним. Мы прошли по вырубленному вручную коридору, затем

спустились по витой лестнице и очутились в сумрачном помещении без окон. Вокруг шаткого стола при свете трескучей свечи сидели двое мужчин и темноволосая девушка.

— Кликни их, Миш,— сказал мой проводник.— Вот и наш голубок.

Миш откинулся на спинку стула и жестом подозвал меня к себе. Взяв со стола предмет, похожий на нож для вскрытия писем, он принялся ковырять им в зубах, косясь в мою сторону. Я счел за лучшее не подходить к столу вплотную.

— Из этой своры, судя по форме,— произнес он.— Что, цапнул руку, которая тебя кормила? — Он рассмеялся, но как-то не слишком весело.

Я молчал. Раз такое дело, лучше послушать, что он скажет еще.

— И в чине — ишь какие позументы. А там будут голову ломать, куда ты подевался.— Он сменил тон.— Ну, рассказывай. Почему в бегах?

— Пусть костюм вас не смущает. Я его позаимствовал. Но, похоже, там, наверху, мой вид пришелся не ко двору.

— Подойди сюда,— скомандовал второй из сидящих у стола.— К свету.

Невозможно тянуть с этим вечно. Пришлось шагнуть вперед и встать прямо напротив стола. Чтобы меня поняли правильно, я схватил свечу и поднес ее к лицу.

Миш так и застыл с ножом между зубами. Девушка вздрогнула и перекрестилась. Второй мужчина в изумлении смотрел на меня. Представление прошло с большим успехом. Я поставил свечу на место и как ни в чем не бывало уселся на пустой стул.

— Может, вы мне объясните,— сказал я,— почему они не купились на это.

— Ты прямо так и явился перед ними, как черт из табакерки? — спросил второй.

Я кивнул. Он переглянулся с Мишем.

— Да ты обладатель ценного капитала, дружище. Только без подмоги тебе не обойтись. Чика, подай винца нашему новому товарищу.

Девушка поспешила к закопченному буфету и протянула руку к бутылке, не переставая таращиться на меня через плечо.

— Посмотри-ка на него, Гро,— сказал Миш.— Вот это да.

— Ты прав, это нечто,— отозвался Гро.— Если пока не всплыло.— Он наклонился над столом.— Что произошло наверху? Как давно ты во дворце? Тебя многие видели?

Я вкратце рассказал им обо всем, не упоминая способа моего прибытия. Похоже, они остались довольны.

— В лицо его видели только двое, Гро, и те уже отошли в мир иной.— Миш повернулся ко мне: — Убрать Суве — это доброе дело, сударь, и о Пине тоже никто плакать не будет. А кстати, где пистолет? Лучше отдай его мне.— Он протянул руку.

— Пришлось его бросить,— сказал я.— Я споткнулся и выронил его в темноте.

Миш хмыкнул.

— Босс заинтересуется. Он захочет взглянуть на него,— заметил Гро.

Кто-то еще с пыхтением влетел с лестницы в комнату.

— Слушай, шеф, эта тревога в крепости...— Вошедший замолк, поймав меня взглядом, и присел с выражением крайнего изумления на лице. Он машинально схватился за бок, но не нашел пистолета и только повторял, переводя взгляд с меня на остальных и обратно: «Как то... как...»

Гро и Миш зашлись от хохота. Они стонали и колотили руками по столу.

— Спокойно, Паук,— выдавил Миш.— Баярд теперь с нами.

Тут даже Чика рассмеялась.

Паук так и стоял на полусогнутых.

— Ладно, что за дела? Что-то я не пойму.

Бледный как полотно, он озирался по сторонам. Видно, бедняга до смерти перепугался. Миш вытер лицо, хихикнул еще разок, икнул и сплюнул на пол.

— Будет, Паук. Ты, как всегда, в своем репертуаре. Это же просто точная копия. Сгоняй-ка лучше за ребятами. Катись давай.

Тот кинулся прочь. Я пребывал в недоумении. Почему, увидев меня, одни сначала изумлялись, затем успокаивались, тогда как этот парень как будто поверил мне? Это следовало выяснить. Что-то я делал не так.

— Скажите, что неладно в моем маскараде? — осведомился я.

Миш и Гро снова переглянулись.

— Ну, дружище, ничего такого, чего бы мы не могли исправить,— ответил Гро.— Погоди, мы все устроим. Ты ведь явился, чтоб кокнуть Старика, а потом занять его место, верно? Ну, при поддержке Организации это у тебя получится.

— Какой организации?

— Пока что вопросы задаем мы,— вступил Миш.— Как тебя зовут? И какую игру ты затеял?

Я перевел взгляд с Миша на Гро, пытаясь вычислить, кто из них главный.

— Моя фамилия Баярд.

Миш насупился, поднялся и вышел из-за стола — здоровенный детина с маленькими глазками.

— Я спросил, как тебя зовут, сударь. Обычно я не повторяю вопрос дважды.

— Постой, Миш,— вмешался Гро.— Он прав. Он должен оставаться в образе и продолжать играть, если хочет добиться успеха. Оставим как есть: он — Баярд.

Миш взглянул на меня.

— Верно, твоя взяла.

Ясно, с Мишем мы не поладим.

— Кто за тобой стоит, хм, Баярд? — спросил Гро.

— Я сам по себе. Во всяком случае, был до сих пор. Но, по-моему, я что-то упустил. Если ваша Организация примет меня, я с вами.

— Мы примем тебя, так и быть,— сказал Миш.

Не нравились мне оба эти бандита, но вряд ли здесь можно найти благородное общество. Судя по всему, Организация представляла собой подпольную антибаярдовскую партию. Помещение, очевидно, вырубили в толще дворцовой стены и шпионили за всем происходящим в здании, используя потайные ходы.

Один за другим в комнате появлялись новые люди, кто с лестницы, кто из двери в дальнем углу. Должно быть, новость уже пошла по кругу. Они обступали меня, с любопытством разглядывали, обменивались комментариями, но не улыбались.

— А вот и ребята,— сказал Гро, окидывая их взглядом.— Стенные крысы.

Я присмотрелся к ним: дюжина громил пиратского вида — Гро дал им точную характеристику. Повернувшись к нему, я сказал:

— Отлично. Когда начнем?

Хотя по своей воле я бы никогда не выбрал таких соратников, все же они могли помочь в устранении недостатков моего лицедейства и захвате власти во дворце. И потому следовало только порадоваться такой удаче.

— Не спеши,— сказал Миш.— Это дело требует времени. Мы должны переправить тебя в другое место, за городом. Впереди полно работы.

— Но я уже здесь. Почему не начать сегодня же? Зачем уходить отсюда?

— В твоем маскараде надо кое-что подправить,— сказал Гро,— и выработать план. Как извлечь максимум из такой возможности и сделать так, чтобы никто не разгадал фокус.

— И чтобы избежать подвоха,— добавил Миш.

Тут заговорил косматый дикарь из толпы:

— Не нравится мне этот провокатор, Миш. Не люблю я таких фокусов. Сгноить бы его в подвале.

Из ножен, горизонтально прикрепленных к пряжке его ремня, торчала рукоятка видавшего виды десантного ножа. Парню явно не терпелось пустить его в ход.

Миш посмотрел на меня и изрек:

— Не сейчас, Гастон.

Гро потер подбородок.

— Не волнуйтесь за мсье Баярда, ребята,— сказал он.— Мы приглядим за ним.— Он обратился к дикарю: — Это дело ты мог бы взять на себя, Гастон, но не беги впереди телеги. Учти, если с ним что-то случится, пеняй на себя.

Давление пружинки на запястье действовало успокаивающе. Я понимал, что не только Гастон в этой компании недолюбливает чужаков.

— Время не ждет. Надо же что-то делать,— сказал я.

Миш выступил вперед и ткнул мою ногу ботинком.

— Не распускай язык, командир. Приказы здесь раздают Гро и я.

— Ладно,— сказал Гро.— Нашему другу еще многое предстоит узнать, но насчет времени он прав. Баярд вернется завтра, значит, мы уходим сегодня, пока вдобавок к регулярным в город не нахлынули еще и герцогские войска. Миш, поторопи ребят. Приказываю сворачиваться быстро и тихо и оставить надежных людей в резерве.— Он повернулся ко мне, пока Миш выкрикивал распоряжения, и добавил: — Тебе, наверное, надо перекусить. День будет длинным.

Странно, мне казалось, что еще ночь. Я бросил взгляд на часы. С момента моего проникновения во дворец прошел час и десять минут. За потехами время летит быстро, подумалось мне.

Чика достала из буфета буханку хлеба и кусок темного сыра и положила их на стол вместе с ножом. Я подстраховался:

— Ничего, если я возьму нож?

— Конечно,— ответил Гро. Он сунул руку под стол и выложил перед собой пистолет с коротким стволом.

Миш вернулся, когда я уже жевал ломоть черствого хлеба. Хлеб был хорош. Я попробовал вино, и оно оказалось неплохим. И сыр тоже вкусен.

— Вы хорошо питаетесь,— заметил я.— Все очень вкусно.

Чика одарила меня благодарной улыбкой.

— У нас все как надо,— похвастался Гро.

— Лучше забрать у этого болтуна его шикарный мундир,— заявил Миш, мотнув головой в мою сторону.— Кто-нибудь еще возьмет да и пристрелит его не раздумывая. Ребят раздражают такие наряды.

— Верно,— согласился Гро, взглянув на меня.— Миш даст тебе другую одежду. Такие мундиры здесь не вызывают восторга.

Такой поворот мне был совсем не по душе. Коммуникатор встроен в шитье на лацканах. Придется отказаться и стоять на своем.

— Нет уж,— сказал я.— Оставим форму. Это часть спектакля. Если надо, надену поверх шинель.

Миш уперся ногой в мой стул и толкнул его. Я предвидел это и успел вскочить на ноги, чтобы не опрокинуться вместе со стулом. Миш с прищуром уставился на меня.

— Раздевайся, сударь,— сказал он.— Слушай, что тебе говорят.

Те, кто еще оставался в комнате, притихли и наблюдали за сценой. Я смотрел Мишу в лицо, надеясь, что Гро меня поддержит. Спор не имел ни малейшего смысла.

Никто не вмешался. Я взглянул на Гро. Он просто сидел и смотрел на нас.

Миш вытащил нож. Сверкнуло лезвие.

— Или мне тебя раздеть?

— Убери нож, Миш,— спокойно сказал Гро.— Ты же не хочешь прирезать наше секретное оружие, и мундир нам нужен целехоньким.

— Да, ты прав.

Миш бросил нож на стол и ринулся на меня. По его борцовской позе и шаркающим движениям ног я понял, что имею дело с профессионалом.

Я решил не дожидаться его выпада и сам кинулся вперед, вложив всю инерцию тела в левый встречный в челюсть. Это застало Миша врасплох — получив удар в подбородок, он полетел назад. Я попытался развить успех и достать его еще раз, пока он не восстановил равновесие. Но Миш был ветераном, закаленным во многих схватках. Он прикрылся, притормозил, встряхнул головой, а затем выбросил вперед правую руку и угодил мне в висок. Я зашатался и еле устоял на ногах. Еще удар — прямо в нос. Потекла кровь.

Против такого боксера мне долго не продержаться. Народ еще толпился в дальнем конце комнаты, постепенно

подбираясь к нам, с упоением наблюдая за схваткой и подначивая Миша возгласами. Гро сидел, а Чика таращилась, стоя у стены.

Ошеломленный, я пятился назад, уклоняясь от ударов. У меня оставался единственный шанс, но для того, чтобы им воспользоваться, требовалось отступить в темный угол. Миш был взбешен: он злился из-за удара в челюсть, пропущенного на глазах у товарищей. Это играло на меня: он забыл о боксерских приемах и делал один сильный выпад за другим. Он хотел уложить меня одним ударом и тем самым восстановить свой престиж. А я уворачивался и отступал.

Я сдвигался в глубокую тень в конце комнаты, за буфетом Чики. Надо как можно скорее оказаться там, пока зрители не замкнули пространство.

Миш замахнулся раз, другой, левой, правой. Я слышал, как летящий кулак с окорок размером со свистом рассекает воздух. Еще шаг назад, мы уже достаточно далеко. Теперь встать между ним и зрителями в комнате. Я подскочил, уклоняясь от свирепого удара, сделал обманный выпад правой в ухо и шагнул вперед. Затем развернулся, выпустил пистолет в ладонь и в момент, когда Миш кинулся на меня, выстрелил ему в живот, одновременно сымитировав сокрушительную атаку. Миш шмякнулся о стену и, отскочив от нее, растянулся во весь рост у моих ног. Пистолет скользнул обратно под манжету, и я развернулся.

— Не видно,— крикнул кто-то.— Посветите там.

Толпа подалась вперед и выстроилась широким кругом. Все остолбенели, когда разглядели, что на ногах остался я один.

— Миш готов,— крикнул какой-то парень.— Новичок его сделал.

Гро протолкнулся вперед, приостановился в нерешительности, а потом подошел к распростертому телу Миша, присел на корточки и поманил к себе парня со свечой.

Гро перевернул Миша на спину и осмотрел его, пощупал пульс. Затем он резко вскинул голову и встал.

— Он мертв. Миш мертв.— Гро странно посмотрел на меня.— Ну и кулак у тебя, сударь.

— Я не хотел пускать его в ход,— сказал я.— Но я сделаю то же самое, если меня к этому вынудят.

— Обыщите его, ребята,— приказал Гро.

Они обшарили меня и прощупали всюду, кроме запястий.

— Чисто, Гро,— доложил один из парней.

Гро тщательно обследовал тело Миша, выискивая рану. Его ребята столпились вокруг.

— Никаких отметин,— наконец объявил он.— Ребра сломаны, и что-то непонятное внутри, точно каша.— Гро опять посмотрел на меня.— Он сотворил это голыми руками.

Оставалось надеяться, что они и дальше будут так думать. Это послужило бы наилучшей гарантией от повторения подобных инцидентов. Надо, чтобы они боялись меня, и этическая сторона наших отношений меня ничуть не волновала.

— Ладно,— прикрикнул Гро на своих ребят,— за дело. Миш сам полез на рожон. Он прозвал новичка Болтуном. Я даю ему кличку Молоток.

Момент показался мне подходящим, чтобы добиться большего.

— Скажите им, что я займу место Миша, Гро. Мы будем работать вместе, пятьдесят на пятьдесят.

Командир подпольщиков покосился на меня.

— А в этом что-то есть,— сказал он, точно делая для себя засечку на будущее.

— И кстати, мундир я оставляю,— добавил я.

— Да,— объявил Гро для всех.— Он останется в форме. Уходим через полчаса. Пошевеливайтесь.

Я подошел к раковине и смыл кровь с лица. Нос болел. Если верить отражению в битом зеркале, он уже сильно распух. Возвратившись к столу, я доел свой хлеб с сыром. Тем временем предводитель расхаживал взад-вперед, выслушивая рапорты и раздавая приказы сменявшим друг

друга подчиненным. Тело Миша вынесли. Я не стал спрашивать куда.

Гро подошел к столу.

— Итак, Молоток, в путь.— Он протянул мне потрепанную фуражку.— Держись возле меня и делай, что скажу.

Он подтянул брюки, демонстрируя закрепленный на ремне пистолет.

— Я готов.— Я встал и накинул на плечи плащ, чтобы прикрыть знаки отличия.

Мы вышли через небольшую дверь, расположенную напротив лестницы, по которой я сюда попал. Проход с низким потолком вел вниз, время от времени огибая стальную арматуру. Гро шагал впереди с тусклым электрическим фонарем. Остальные двигались почти в полной темноте, но как будто знали дорогу. Только раздававшиеся изредка ругательства свидетельствовали о случайных столкновениях во мраке.

Мы подошли к деревянному щиту, перегораживавшему туннель. Гро подозвал вперед двоих парней, и они отворили полдюжины тяжелых цилиндрических засовов. Гро приоткрыл щит на дюйм и выглянул наружу. Затем он дал знак ребятам отодвинуть преграду в сторону. Никто сейчас не произносил ни звука.

Гро шепнул мне:

— Держись рядом и делай как я. И будь готов бежать что есть духу.

Следуя за ним по пятам, я вышел в слабо освещенное солнцем помещение. Его лучи просачивались сквозь доски, закрывавшие разбитые окна в дальней стене. Повсюду виднелись штабеля ящиков, коробок и грузоподъемники. Мы осторожно пробирались между ними. Я не понимал, почему для передислокации Гро не дождался ночи.

Мы остановились перед огромной кучей, обернутой в мешковину, и парни без слов обступили ее и принялись толкать. Куча с легким шуршанием сдвинулась в сторону, из-под нее показался люк. Крышку осторожно подняли и сместили, и командир подпольщиков жестом велел мне

спускаться. Опираясь на край, я нащупал ногой деревянную лестницу. Гро шел за мной, за ним — его ребята.

Я ступил на земляной пол, сырой и скользкий от просачивавшейся воды. Вожак протиснулся мимо меня и пошел впереди, пригибая голову под деревянными балками потолочных креплений. Все двинулись следом.

Позади слышались хлюпающие шаги, люди спотыкались и наугад нащупывали дорогу во мраке. Эту часть пути они знали не так хорошо.

Впереди забрезжил свет, темнота постепенно отступала. Мы обогнули огромный валун, и за ним показалась неровная полоска дневного света.

Гро поманил своих людей к себе. Они сгрудились, заполнив тесный проход.

— Большинство из вас никогда не пользовались этой дорогой,— сказал он.— Слушайте. Отсюда мы выберемся на Маслинную улицу, это маленькая боковая улочка под дворцовой стеной. Напротив будет лавка с разным барахлом, не обращайте внимания на старуху в ней. Выходите по одному и идите на восток, то есть направо. У вас у всех чистые документы. Если часовой у ворот спросит, покажите их. Никакой горячки и самодеятельности. Если за спиной начнется заваруха, идите вперед. Встретимся на воровском рынке. Пока, и берегитесь пули.

Щурясь в отраженном потрепанным брезентом тусклом свете, он дал знак вылезать первому парню. Спустя полминуты отправился второй. Я придвинулся к Гро.

— Зачем брать с собой весь этот сброд? — спросил я шепотом.— Разве не проще обойтись небольшим числом?

Он мотнул головой.

— Я хочу приглядывать за этими разгильдяями. Мало ли что придет им в голову, если оставить их без присмотра на несколько дней. Нельзя, чтобы дело пошло насмарку. И они могут мне понадобиться за городом. Здесь им без моих приказов делать нечего.

Это показалось мне подозрительным, но я не стал продолжать расспросы. Один за другим ребята проследовали мимо и исчезли. Все шло без шума.

— Отлично, держись меня,— сказал Гро.

Он скользнул под ветхую занавесь и зашагал мимо разбитого стола, заставленного посудой, я двинулся следом. Сидевшая на табуретке старуха не обратила на нас внимания. Гро выглянул на узкую пыльную улицу, а затем устремился в толпу. Мы толкались среди горластых, размахивающих руками покупателей, мелких торговцев, клевавших носом над засиженными мухами прилавками со снедью, мимо оборванных палаток, трясущихся попрошаек, чумазых мальчишек. Улица была усыпана отбросами, голодные собаки вяло бродили в толпе. Несмотря на ранний час, стояла палящая жара. На нас никто не обращал ни малейшего внимания. Казалось, ничто не должно нам помешать.

Я потел под тяжелым балахоном. Перед распухшим лицом роились мухи. Нищий с нытьем тянул ко мне тощую руку. Гро протиснулся между двумя азартно бранящимися толстяками. Когда они двинулись с места, мне пришлось шагнуть в сторону и обойти их кругом. Тем временем мой провожатый почти пропал из виду.

Тут я увидел мундир: сурового вида детина в желтоватом хаки грубо проталкивался вперед. Курица с кудахтаньем вспорхнула мне в лицо. Раздался крик, люди закружились, толкая меня. Мой взгляд выхватил лицо Гро: бледный, с широко раскрытыми глазами, он обернулся на солдата. Подпольщик бросился бежать. Два прыжка, и парень в форме схватил его за плечо и с криком развернул. Завизжала, ударившись мне в ноги, собака и потрусила прочь. Солдат замахнулся и вытянул пойманного тяжелой полицейской дубинкой. Далеко впереди прогремел выстрел, и почти сразу же второй, ближе. Гро вырвался и побежал, пригибая окровавленную голову, солдат упал. Я устремился вдоль стены, пытаясь догнать проводника или хотя бы не упустить его из виду. Люди расступались, освобождая дорогу человеку с пистолетом в руке. Раненый выстрелил опять, звук выстрела показался легким хлопком на фоне всеобщего людского гама.

Перед глазами снова мелькнуло хаки, над головой взметнулась дубинка. Я метнулся в сторону, заслоняясь рукой,

но солдат отскочил и отдал честь. Я услышал: «Пардон, месье»,— и бросился бегом мимо него. Должно быть, он все же успел распознать мой мундир.

Гро впереди упал, затем с трудом поднялся на колени, свесив голову. Из переулка выступил солдат, прицелился и выстрелил. Раненый дернулся, рухнул и перевернулся на спину. Его окровавленное лицо покрывала пыльная корка. Толпа сомкнулась. Как только солдаты заметили Гро, шансов на спасение у него не осталось.

Я притормозил, пытаясь вспомнить, что говорил Гро своим бойцам. Я допустил промах, теша себя надеждой, что командир подпольщиков выручит меня из трудного положения. Он упоминал о каких-то воротах. По его словам, у всех были документы. У всех, кроме меня. Вдруг я понял, почему им пришлось выйти в город среди бела дня. Очевидно, на закате ворота запираются.

Я зашагал дальше, не желая торчать на месте и тем самым привлекать ненужное внимание. Кутаясь в балахон, я прятал мундир. Плохо, если его снова заметят, ведь следующий встречный солдат мог разобраться, что к чему.

Гро велел ребятам собраться на воровском рынке. Я старался вспомнить топографию Алжира, в котором я провел три дня много лет назад. В памяти остались только Касба* и хорошо освещенные улицы европейского торгового квартала.

Не задерживаясь, я миновал труп солдата, над которым шумной гурьбой склонились прохожие. Другая группа зевак окружила место, где лежал убитый Гро. Солдаты мелькали уже повсюду, они напропалую размахивали дубинками и разгоняли толпу. Опустив голову, я юркнул вперед, уклонился от чьего-то случайного замаха и оказался на открытом месте. Улица поднималась по склону и поворачивала влево. В этой части она местами была вымощена булыжником, но лавок и прилавков здесь было меньше. С натянутых между балконами веревок свисало белье.

* «Старый город», архитектурный ансамбль XVI века.

Впереди виднелись ворота. Перед ними плотно сгрудились люди, ожидая, пока солдат проверит документы. Еще трое в униформе стояли рядом и наблюдали за бурной сценой.

Я направился к воротам. Возвращаться нельзя. Новая деревянная сторожевая вышка лепилась сбоку к старой кирпичной кладке в том месте, где из-под стены выходила сточная канава. На крыше вышки торчал дуговой прожектор и стоял солдат с автоматом на плече. Мне показалось, что в толпе у ворот мелькнул человек из Организации.

Один солдат уставился на меня. Он насторожился и бросил взгляд на своего товарища. Тот тоже повернулся в мою сторону. Моим единственным шансом на спасение являлась дерзость. Кивнув одному из караульных, я на мгновение распахнул плащ, демонстрируя переднюю часть мундира. Солдат шагнул ко мне, все еще подозревая неладное. Оставалось надеяться, что мое разбитое лицо не покажется ему знакомым.

— Смирно, рядовой,— рявкнул я в духе Ecole Militaire*. Он сразу вытянулся передо мной и отдал салют. Я не дал ему времени опомниться.— Лучшая часть улова прошла через ворота еще до того, как вы, идиоты, закинули сеть. Пропустите меня немедленно и прекратите таращиться. Я не для потехи устроил этот блошиный цирк.— Тут я тряхнул балахоном.

Солдат развернулся и бросился к воротам, шепнул что-то другому и подал мне знак. Второй, с сержантскими нашивками, взглянул на меня.

Приближаясь, я сердито взглянул на него.

— Не смотрите на меня,— прошипел я.— Если вы сглупите, я прикажу вас расстрелять.

Я прошмыгнул мимо сержанта и, когда солдат отворил ворота, зашагал прочь. С вышки донесся щелчок автоматного затвора. Из переулка выскочила коза и уставилась на меня. Пот градом катился по щекам. Впереди, отбра-

* Высшее военное учебное заведение Франции.

сывая черную тень, маячило дерево. Я не знал, суждено ли мне добраться до него.

Я все же добрался туда и вздохнул с некоторым облегчением.

Однако у меня по-прежнему оставалась масса проблем. Сначала требовалось найти воровской рынок. Я имел смутное представление об этом месте и ни малейшего понятия о том, как туда попасть. Мимо тянулся обшарпанный дом с неряшливой таверной на первом этаже и покосившейся от бомбежки жилой надстройкой. Ворота уже скрылись из виду.

Впереди виднелись другие разбомбленные многоквартирные дома, руины и пустыри. Справа текла река. Изредка попадавшиеся на глаза люди апатично брели по утренней жаре. Их как будто не волновала суматоха в огороженной стеной части города. Я не посмел расспрашивать о том, где находится нужное мне место: среди прохожих могли оказаться доносчики или полицейские. Эти, как я понял, не дремали. Гро скрывался не так уж надежно, как полагал. Вероятно, полиция могла в любой момент очистить дворец от его группировки и терпела до сегодняшнего дня. Засада явно была подготовлена. Интересно, удалось ли кому-нибудь из «ребят» выйти за ворота.

Очевидно, человека, переодетого офицером, так и не объявили в розыск. Я не знал, какие подробности Морис сообщил своим людям по телефону, но успех моего представления у ворот доказывал, что о моем маскараде никого не предупредили.

Я приостановился в раздумье. Возможно, стоит зайти в таверну, заказать выпивку и попытаться что-нибудь разузнать. Впереди не просматривалось ничего подходящего. Пришлось вернуться на полсотни футов к лишенному дверей входу в бистро. Никого не видно. Я вошел. Очертания столов и стульев едва угадывались во мраке. Зияли провалами разбитые оконные рамы. Прищурившись, я разглядел барную стойку. Пыльная улица позади меня сверкала белизной.

Парень за стойкой хрипло дышал и помалкивал.

Я заказал красного вина.

Он поставил на стойку стакан для воды и наполнил его из оловянного ковшика. Я попробовал — ужасно. Рассудив, что в подобном заведении демонстрировать хорошие манеры неуместно, я отвернулся и выплюнул пойло на пол.

— Я просил вина, а не выжимок из половой тряпки.

Оттолкнув стакан, я швырнул на стойку потрепанную тысячефранковую купюру.

Бармен с ворчанием отошел и, продолжая бормотать и шаркая подошвами, вернулся с запечатанной бутылкой и бокалом для вина. Он вытащил пробку, налил полбокала и убрал тысячу франков в карман. О сдаче не было и речи.

Я пригубил снова — вино оказалось неплохим. Потягивая терпкую влагу, я ждал, пока глаза привыкнут к тусклому полумраку. Бармен удалился от стойки и принялся с брюзжанием ворочать ящики.

Если удастся разыскать уцелевших членов Организации, что мне это даст? В лучшем случае тогда можно выяснить, в чем изъян моего шарлатанства, и воспользоваться их каналами для возвращения во дворец. Конечно, всегда есть вариант вызвать помощь через коммуникатор и переправиться в апартаменты в челноке, но мне больше не хотелось так рисковать. Я и в первый-то раз едва не попался. Схема не сработает, пока остается место для подозрений.

В дверях появился мужчина, его силуэт четко обозначался против света. Он шагнул внутрь и двинулся к стойке. Хозяин не реагировал.

Вошли еще двое, проследовали мимо и навалились на стойку неподалеку от меня. Хозяин продолжал возиться с ящиками, не обращая внимания на посетителей. Я недоумевал почему.

Тот, что стоял рядом, подвинулся ближе ко мне.

— Эй, ты,— сказал он и мотнул головой в сторону ворот.— Ты слышал стрельбу?

Наводящий вопрос. Интересно, слышны выстрелы за пределами городских укреплений? Я хмыкнул.

— Кого ищут? — спросил он.

Я пытался разглядеть его лицо, но оно оставалось в тени. Худосочный забияка одним локтем опирался на стойку. Ну вот, опять то же самое.

— Почем я знаю? — сказал я.

— Не жарковато в этом бурнусе, а? — Он протянул руку, как будто желая дотронуться до моей драной накидки.

Я отпрянул на шаг, и две пары рук схватили меня сзади в медвежьи объятия.

Тот, что стоял передо мной, распахнув накидку, разглядывал мой мундир.

— Паршивый герцогский ублюдок,— бросил он и съездил мне по губам тыльной стороной ладони. Во рту сделалось солоно.

— Держи ему руки,— велел амбал, показавшийся откуда-то сзади. Этого я еще не видел. Неизвестно, сколько их в таверне. Он ухватил старый солдатский плащ и сорвал его с меня.

— Посмотри-ка,— сказал он.— А нам попался паршивый генерал.

Он поддел пальцем вышитый позументом лацкан и дернул за него. Лацкан затрещал, но остался на месте. Я принялся вырываться: ради золотой проволоки они сейчас сорвут мой коммуникатор. Освободиться вряд ли удастся, но брыкание хотя бы отвлечет их от галунов. Я изловчился и стукнул здоровяка ботинком под коленную чашечку. Он вскрикнул и отскочил, но тут же кулаком ударил меня по лицу. Я успел отвернуться, и удар пришелся в скулу. Изгибаясь и дергаясь изо всех сил, я старался заставить кого-нибудь из них потерять равновесие.

— Держите его,— прошипел амбал.

Они явно не желали поднимать шум. Тощий подошел вплотную и расчетливо ударил меня кулаком в живот. От жуткой боли все тело свело судорогой.

Меня за руки оттащили от стойки и швырнули лицом о стену. Парень, который хотел сорвать галуны, приблизился с ножом в руке. Я корчился и хрипел, пытаясь перевести дух. Бандит схватил меня за волосы, и я уже решил, что сейчас он перережет мне горло. Но вместо этого он срезал лацканы, выругавшись, когда лезвие зацепилось за провод.

— И пуговицы, Красавчик Джо,— послышался сиплый голос.

Боль понемногу отступала, но я обмяк, прикидываясь более слабым, чем на самом деле. Коммуникатор приказал долго жить, во всяком случае, передающее устройство. Теперь мне оставалось думать только о спасении собственной жизни.

На пуговицы ушли считанные секунды. Парень с ножом отступил и сунул лезвие в ножны на боку. Он поглаживал ногу, пострадавшую от моего удара. Теперь я разглядел его лицо. Прямой нос, тонкие черты.

— Ладно, отпустите его,— сказал он.

Я рухнул на пол. Только сейчас мои руки стали свободными. Может, еще не все потеряно — у меня ведь оставался пистолет. Я с трудом поднялся на четвереньки, наблюдая за своим мучителем. Он прицелился ногой в ребра.

— Вставай, генерал. Я покажу тебе, как пинать людей.

Я пропустил удар, перекатился влево и остановился в нескольких футах от него лицом вниз. Затем попытался встать, по-прежнему слегка притворяясь, хотя и не слишком. Да в том и не было нужды. Он продолжал молотить меня сжатыми кулаками. Крутой вояка.

Я умудрился встать, пошатнулся и попятился. Страха не было, просто мне требовалось немного пространства.

На этот раз парень налетел быстро, сделал обманный замах левой и сильно ударил правой, целясь в лицо. Мне удалось увернуться, резко опустив голову, но он все равно достал меня левой в грудь. Я полетел на пол, а верзила развернулся, готовя новый пинок.

Другие хохотали, выкрикивали советы, полукругом обступив нас. Пахло пылью и прокисшим вином.

— А генерал-то настоящий боец, а? — кричал кто-то.— Дерется сидя.

Шутка имела успех. Все неудержимо загоготали.

Я схватился за нацеленную в меня ногу, с силой дернул и бросил парня на пол. Он громко выругался и кинулся на меня, но я уже был на ногах и пятился назад. Круг зрителей разорвался, и кто-то толкнул меня. Я притворно запнулся и сделал несколько лишних шагов к темному углу. Глаза мои уже привыкли к полумраку и даже различали пистолеты и ножи на ремне у каждого бандита. Знай эти парни, что я вооружен, они бы тут же пустили свои игрушки в ход. Нельзя торопиться.

Красавчик Джо опять пошел на меня и с размаху ударил левой. Я увернулся, но пропустил пару коротких ударов. Отступив на два шага, я бросил взгляд на публику: они стояли довольно далеко, что мне и требовалось. Настал мой черед. Противник загородил меня, и я выпустил пистолет в ладонь, но в этот момент Джо нанес жестокий удар. Мне не везло. Правда, он не заметил крошечное оружие — пистолет отлетел в темный угол. Продолжение спектакля отменялось.

Я бросился на Джо и двинул ему левой по физиономии, сразу же правой — в живот, а следом еще раз левой. Он оказался никудышным боксером.

Публике это не понравилось, они подались вперед и схватили меня. Костяшками пальцев мне угодили в челюсть, кулаком ткнули в спину. Двое дернули меня назад и приложили о стену. В голове зазвенело. Оглушенный, я упал на пол и не двигался. Мне требовалась передышка.

К чертям всякое притворство. Я поднялся на колени и пополз в угол. Зрители хохотали и орали, начисто забыв о соблюдении тишины.

— Ползи, генерал,— кричал один.— Ползи, гадкий шпион.

— Ать-два, солдат,— изгалялся другой.— Слушай счет!

Это хорошо: они ревели, подхлестывали друг друга. Красавчик Джо уже оправился и опять двинулся на меня. И где же этот чертов пистолет? Мне никак не удавалось его нашарить. Джо схватил меня за шиворот и вздернул на ноги. Голова кружилась — должно быть, меня контузило. Удары

так и сыпались, но я навалился на Джо, не позволяя ему размахнуться. Публика теперь потешалась и над ним, наслаждаясь фарсом.

— Берегись, Красавчик Джо,— орал кто-то.— Он того и гляди проснется, если ты его растолкаешь.

Мой мучитель отступил на шаг и нацелился мне в подбородок, но я резко опустил голову и опять устремился в угол — как раз туда и улетело мое оружие. Джо ударил снова, отбросив меня к стене, и моя рука нечаянно наткнулась прямо на пистолет.

Я перевернулся, а Красавчик Джо поднял меня рывком, повернул и отступил. Я немного постоял и сполз на пол, наблюдая за противником. Он злорадствовал, беззвучно артикулируя какие-то слова и улыбаясь разбитыми губами. Он намеревался зажать меня в углу и забить насмерть. Когда он приблизился, я поднял пистолет и выстрелил ему в лицо.

Уж лучше бы куда-нибудь в другое место: он дернулся назад, а затем рухнул ничком, но я успел мельком увидеть его исковерканную физиономию. Джо больше не был красавчиком.

Я стоял, отведя руку чуть в сторону и поджидая следующего противника. Вперед бросился парень из тех, что удерживали меня вначале. Он перескочил через труп и подпрыгнул с перекошенным от злобы лицом, занося руку для удара, способного пробить череп. Приподняв пистолет на несколько дюймов, я разрядил его противнику в живот. Слабый хлопок раздался в тот момент, когда ноги громилы уже оторвались от пола. Я отступил в сторону, и его тело впечаталось в стену.

Оставшиеся трое развернулись веером. В углу было слишком темно, и они еще не поняли, что произошло. Они сочли, будто двоих их товарищей я уложил голыми кулаками. Теперь они решили напасть сообща и покончить со мной.

— Стоять, кролики! — прозвучал голос со стороны входа. Все обернулись. Там вырисовывалась здоровенная фи-

гура с хорошо различимым пистолетом в руке.— Я вас вижу, крысы. Я привык к темноте. Так что не дергайтесь.

Он дал знак пройти вперед человеку, стоявшему за его спиной. Один из троицы бросился в глубь комнаты. Послышался тихий выстрел через глушитель. Беглец повалился на бок и растянулся на полу.

— Идем, Молоток,— сказал здоровяк.— Пошли отсюда.— Он плюнул в комнату.— Эти голубки уже не хотят играть.

Я узнал голос Гастона — того детины, что хотел отправить меня в подземелье. Гро назначил его моим телохранителем, да только явился он поздновато, и меня успели страшно избить. Я неуклюже убрал пистолет на место и, шатаясь, побрел вперед.

— Мать твою, Молоток,— произнес Гастон и подскочил, чтобы поддержать меня.— Я и не знал, что эти кролики так отделали тебя, думал, ты водишь их за нос. Все ждал, когда ты начнешь выписывать кренделя своим кулаком.

Гастон остановился и пристально посмотрел на Красавчика Джо.

— А ты вчистую расквасил ему морду,— с изумлением заметил он.— Эй, Тухей, забери накидку Молотка, и уходим! — Он еще раз окинул таверну взглядом и добавил: — Пока, крольчата.

Крольчата не ответили.

8

Я плохо помню дорогу до секретной загородной базы Организации. Помню только, как пришлось долго идти пешком и как потом Гастон тащил меня на плечах. Помню ужасную жару и мучительную боль — болело разбитое лицо, недолеченные пулевые раны и бесчисленные ушибы. И наконец, помню прохладную комнату и мягкую постель.

Пробуждение было медленным, сны переплетались с воспоминаниями — и те и другие были одинаково неприятны. Я лежал на спине, утопая в бескрайних пышных перинах. Лучи вечернего солнца золотили комнату сквозь приспущенные занавески на широком мансардном окне. Какое-то время я не соображал, где нахожусь. Понемногу удалось восстановить последние осознанные мысли.

Это то самое место за городом, куда направлялся Гро. Гастон воспринял его приказ всерьез, несмотря на то что сам предлагал от меня избавиться и знал о смерти обоих командиров.

Я осторожно пошевелился и вздохнул. Снова боль. Грудь, ребра, живот казались сплошным болезненным синяком. Я приспустил одеяло и попытался осмотреть повреждения. С правой стороны из-под краев широкой повязки проглядывали фиолетовые кровоподтеки. Шею мне тоже перебинтовали, и напрасно: теперь пулевая рана, которую ударом дубинки разбередил Морис, напоминала о себе пульсирующей болью. Словом, из меня сделали отбивную. О том, как выглядит лицо, и думать не хотелось.

Как секретный агент, я потерпел полнейший крах. Моя тщательно продуманная маскировка никого не обманула, разве только Паука. За несколько часов пребывания во владениях диктатора я получил больше пинков, тумаков и смертельных угроз, чем за все сорок два года моей жизни, и притом ровным счетом ничего не добился. Я потерял коммуникатор, а теперь и пистолет и уже не ощущал успокаивающего давления на запястье. Впрочем, от оружия в моем нынешнем положении было бы мало толку: после самых незначительных манипуляций, на которые я только что осмелился, у меня уже кружилась голова.

Возможно, определенных результатов добиться все же удалось — в негативном смысле. Стало совершенно очевидно: чтобы занять место диктатора Баярда, недостаточно просто явиться и встать в позу — даже несмотря на внешнее сходство. Выяснилось также, что его режиму противостоят подрывные элементы и оппозиционеры. Возможно, мы могли бы как-то обернуть последнее обстоятельство к нашей выгоде.

При условии, что мне удастся вернуться и использовать добытую информацию. Я задумался. Как вернуться? У меня не осталось связи, и теперь я предоставлен сам себе. Раньше меня поддерживало сознание того, что в крайнем случае можно послать призыв о помощи и рассчитывать на спасение в течение часа. Рихтгофен распорядился круглосуточно отслеживать мои частоты. Теперь связь прервана. Чтобы вернуться в Империум, пришлось бы угнать один из здешних неуклюжих челноков или, предпочтительнее, реквизировать его в ранге диктатора. Я во что бы то ни стало должен снова попасть во дворец, уже с подправленной маскировкой, а то застряну в этом кошмарном мире до конца своих дней.

За дверью послышались голоса. Створки распахнулись, и я закрыл глаза. Притворяясь спящим, можно что-нибудь выведать — вдруг повезет?

Голоса притихли, и я почувствовал, как в комнату вошли несколько человек и остановились подле кровати.

— И давно он спит? — спросил новый голос. Или не новый? Вроде бы он казался знакомым, но ассоциировался с каким-то другим местом.

— Док сделал ему уколы,— ответил кто-то.— Мы притащили его вчера в это же время.

Повисла пауза. Потом снова заговорил отчасти знакомый голос:

— Не нравится мне, что он выжил. Тем не менее... возможно, он нам пригодится.

— Гро хотел оставить его в живых,— угрюмо прозвучал еще один голос. Я узнал Гастона.— Он строил насчет него большие планы.

Другой хмыкнул. Несколько секунд было тихо.

— Пока не заживет лицо, он не представляет для нас никакой ценности. Держите его здесь до моих дальнейших распоряжений.

Он изъяснялся на правильном французском, отличном от уличного жаргона остальных. Я не осмелился подглядывать. А что, если притвориться, будто я просыпаюсь...

Я застонал и пошевелился, а затем открыл глаза. Поздно — они уже были в дверях.

То, что я услышал, мне не понравилось, но пока оставалось только одно — отлеживаться и восстанавливать силы. По крайней мере, на этой огромной кровати было удобно. И я снова заснул.

Когда я пробудился, Гастон сидел у моей постели и курил. Я открыл глаза. Он встрепенулся, погасил сигарету в пепельнице на столе и наклонился вперед.

— Как ты, Молоток?

— Выспался,— ответил я. Мой голос прозвучал как слабый шепот. Такая немощность меня удивила.

— Да уж, эти подонки здорово тебя отделали, только я не возьму в толк, почему ты раньше не пустил в ход свой кулак?

Я силился ответить, но вместо того захрипел и качнул головой.

— Тихо,— всполошился Гастон.— Ты потерял много крови. Она так и хлестала из той раны на голове.

Дергающая боль в затылке подсказывала мне, где находится эта рана. Я не помнил, как получил ее.

— Я тут принес тебе кое-чего пожевать.

Он взял поднос с прикроватного столика, поставил его себе на колени и протянул мне ложку супа. Я был голоден и открыл рот. Никогда бы не подумал, что такой громила станет ухаживать за мной вместо сиделки.

Однако Гастон отлично справлялся с порученной работой. Три последующих дня он регулярно кормил меня, менял постель и мастерски, если не виртуозно, выполнял все обязанности профессионального санитара. Я быстро поправлялся, но намеренно скрывал свои успехи от него и от других, кто посещал меня время от времени. Я не знал, чего от них ожидать, и решил принять кое-какие меры предосторожности.

В первые дни мой незадачливый телохранитель много рассказывал мне об Организации. Я узнал, что руководимая Гро и Мишем группа являлась лишь одной из многих подобных ячеек. В них состояли сотни членов в полудю-

жине мест по всему Алжиру, и каждая ячейка присматривала за каким-нибудь важным для правящего режима объектом. Конечной целью ставилось свержение Баярда, что позволило бы мятежникам получить свою долю награбленного.

Каждой группой руководили два лидера, и все они отчитывались перед Большим Боссом, чужестранцем, о котором Гастон мало что знал. Босс появлялся редко, и никто не знал ни его имени, ни того, где располагается его штаб. Мне показалось, что мой опекун недолюбливает его.

На третий день я попросил свою верную няньку помочь мне встать и походить немного. Я симулировал крайнюю слабость, но приятно удивился, обнаружив, что чувствую себя лучше расчетного. Когда Гастон снова уложил меня в постель и ушел, я опять встал и попрактиковался в ходьбе. После нескольких шагов я ощутил головокружение и тошноту, но оперся о спинку кровати и, дождавшись, пока желудок остепенится, продолжил упражнения. Я провел на ногах пятнадцать минут, после чего заснул крепким сном. Отныне, когда бы я ни проснулся, днем или ночью, я вставал и ходил, бросаясь обратно в постель при звуке приближающихся шагов.

Когда Гастон настоял на новой прогулке, я симулировал те же симптомы, которые почувствовал в первый раз. Вызвали врача, и он заверил, что при большой потере крови это нормально и что не следует рассчитывать на особое улучшение по крайней мере еще неделю. Меня это вполне устраивало. Требовалось время, чтобы разведать обстановку.

Я аккуратно попробовал выудить у своей сиделки хоть что-нибудь о причинах провала моего маскарада. Мне не хотелось испытывать его бдительность и давать повод для подозрений. Но видимо, навязчивость моя показалась Гастону чрезмерной, и он уклонился от темы.

Одежду вернуть не удалось: стенной шкаф оказался закрыт, а ломать дверь я не осмелился.

Спустя неделю я решился отправиться на экскурсию по дому и спуститься в чудесный садик за ним. На глаза мне попалось несколько новых лиц, люди бросали на меня любопытные взгляды и перешептывались у меня за спиной. Они не проявляли ко мне ни особого дружелюбия, ни враждебности. Также мельком заметил пожилую женщину, по-видимому экономку.

План дома не отличался сложностью. Часовые вроде бы отсутствовали. Складывалось впечатление, будто выйти наружу можно в любое время, но приходилось сдерживаться. Не хотелось проковылять милю или две и грохнуться в обморок. К тому же мне требовались одежда, документы, информация. Неплохо бы вернуть и оружие, хотя надеяться на это смешно. Я бы порадовался и обычному пистолету, представься мне возможность его раздобыть. Но даже такая малость казалась неосуществимой. Интересно, когда же выяснится, какие планы относительно меня вынашивает Организация?

Однажды утром Гастон принес мне кое-какую одежду взамен латаного купального халата, служившего мне для ежедневной разминки. Это был настоящий подарок. Для внезапного бегства пришлось бы отнимать одежду у кого-нибудь из обслуги, что в моем состоянии само по себе представлялось подвигом.

План у меня по-прежнему отсутствовал. Что предпринять, покинув дом? Можно попробовать вернуться в укрепленный город и пробраться во дворец тем же путем, каким его покинул. Оказавшись на месте, избавляемся от диктатора, захватываем власть, велим предоставить в свое личное распоряжение челнок с оператором и возвращаемся в Империум. Все просто, за исключением некоторых деталей.

Теперь я свободно разгуливал по дому, опираясь на две палки и часто отдыхая. На втором этаже помимо моей имелось еще восемь больших спален, но шесть из них явно пустовали. Внизу располагались две столовые, кабинет, библиотека, большая кухня и просторная гостиная. Одна комната была заперта. Сад окружала стена. На мой взгляд,

именно покой и безмятежность красивого старого поместья отвлекали от него внимание полиции. Столь искусный камуфляж должен способствовать побегу.

По прошествии десяти дней мной овладела тревога. Дальше разыгрывать инвалида, не вызывая подозрений, становилось сложно. Бездействие выводило меня из себя: ночь я не спал, а просто лежал в постели и думал или вставал и расхаживал по комнате. К рассвету я утомился, но так и не заснул.

Срочно требовалось какое-нибудь занятие. Когда после завтрака Гастон унес поднос, я взял свои палки и отправился на разведку. Из окон второго этажа открывался широкий вид на окрестности. Фасад дома выходил на хорошую асфальтированную дорогу. Судя по всему, она вела в Алжир. Позади дома на четверть мили — до цепочки деревьев — простирались вспаханные поля. Видимо, за ними текла река. Никаких построек поблизости не просматривалось.

Я размышлял о бегстве. Лучшим вариантом мне представлялось перелезть ночью через ограду, направиться к деревьям и скрыться за ними. Лесополоса и дорога как будто сближались на западе, так что, возможно, есть шанс выйти на шоссе на некотором расстоянии от дома и по нему добраться до города. Но сначала следовало выяснить планы Организации: вдруг бы удалось повернуть их в свою пользу.

Ковыляя с палками по дому, я не заметил признаков чьего-либо присутствия. Пройдясь туда-сюда по коридору, я медленно спустился по лестнице и уже собирался выйти в сад, как вдруг уловил тарахтение приближающегося автомобиля. Я насторожился. Машина подъехала к фасаду и остановилась. Захлопали двери, послышались голоса. Затем мотор снова завелся, и машина укатила в том же направлении, откуда появилась. Я поспешил вернуться в дом и быстро вскарабкался по лестнице. Только бы меня никто не заметил. Особенно мне не хотелось, чтобы за прогулкой меня застал человек, чей голос я уловил внизу. Этот голос я слышал в первый день моего пребывания здесь и так и не сумел вспомнить, с каким местом он у меня ас-

социируется. Но он, вне всякого сомнения, принадлежал Большому Боссу, о котором говорил Гастон.

На верхней площадке я сбавил шаг, направился в свою комнату, лег в постель и стал ждать развития событий. Прибытие Большого Босса явно означало конец неопределенности.

Шли часы, я то сидел на краю кровати, то беспокойно ходил взад-вперед по комнате — с палками в руках на случай внезапного вторжения. В полдень Гастон принес обед, но не задержался и на вопросы не отвечал.

Иногда доносился громкий голос или звук шагов, в остальном все оставалось спокойно. Около трех часов подъехала другая машина, на этот раз грузовая. Из своего окна я не видел ее целиком, но два человека выгрузили из кузова нечто явно тяжелое. Спустя полчаса грузовик удалился.

Уже наступало время ужина, когда кто-то подошел к моей двери. В тот момент я лежал на кровати, а потому остался на месте. Вошли Гастон и доктор. Врач был бледен, весь в поту. Избегая встречаться со мной глазами, он подтащил стул, сел и приступил к осмотру. Он не говорил со мной и не отвечал на мои вопросы. Я смирился и тихо лежал, пока он простукивал и прощупывал меня. Через некоторое время он резко встал, собрал свой саквояж и вышел.

— Что с доктором, Гастон? — спросил я.

— Кто знает, что у него на уме.

Даже мой громила телохранитель выглядел подавленным. Что-то случилось, и это внушало тревогу.

— Брось, Гастон. Что происходит?

Сначала я думал, он не ответит.

— Они решили сделать так, как ты и хотел,— сказал он.— Они согласны подставить тебя вместо Баярда.

— Прекрасно.

Для этого я сюда и явился. И такой способ ничем не хуже других. Но что-то здесь нечисто...

— К чему такая таинственность? — спросил я.— Почему не зайдет сам Большой Босс? Мне бы поговорить с ним.

Гастон колебался. Он явно хотел сказать больше, но не мог решиться.

— Им надо уладить кое-какие мелочи,— выдавил он наконец, не глядя на меня.

Тянуть его за язык я не стал. По крайней мере, лед тронулся. Когда здоровяк ушел, я отправился в коридор. Сквозь открытые задние окна доносились голоса. Отличная возможность подслушать.

Трое человек не спеша направлялись в сад, спинами ко мне. Один из них был врач, двух других я не узнал. Очень мне хотелось взглянуть на их лица.

— Меня не этому учили! — Доктор возбужденно размахивал руками.— Я вам не мясник баранью тушу рубить...

Ответа я не разобрал, но услышанного хватило. В этом тихом доме замышлялось нечто ужасное. Скорее бы взяться за дело. И Большому Боссу не мешало бы прийти и обсудить со мной детали.

Все трое уже скрылись за углом. Можно воспользоваться моментом и осмотреть первый этаж. Надо узнать, что они привезли и выгрузили там сегодня. Не исключено, заодно выяснится и что-нибудь о предстоящей акции.

Я вышел на лестничную площадку и прислушался. Все тихо. В холле первого этажа снова навострил уши. Где-то тикали часы.

В большой столовой стол накрыли на троих, но еще не подавали. Я проверил вторую столовую — ничего. Развернувшись, приоткрыл дверь гостиной. Пусто: комната выглядела необжитой, как и прежде.

Проходя мимо двери, раньше всегда запертой, я заметил под ней полоску света. Следовало вернуться и проверить. Подумав, что за дверью, вероятно, находится чулан, я повернул ручку. Дверь отворилась.

Посередине комнаты стоял белый хирургический стол, возле одного конца которого на треножниках помещались две лампы. На небольшом столике сверкали инструменты. На стойке рядом с операционным столом — скальпели, нити для швов, большие изогнутые иглы. А вот и похожая на слесарную ножовку остро заточенная пила и тяжелые

ножницы. Под столом притаилась вместительная оцинкованная ванна.

Вид комната имела устрашающий. Увиденное пробудило неприятные воспоминания о забрызганной кровью операционной передвижного батальонного госпиталя, где я когда-то провалялся целый час среди смертельно раненных и убитых, пока хирурги занимались теми, кто еще мог выжить. У врачей кончился морфин, и я больше часа провел в сознании, задыхаясь в гнетущей атмосфере смерти и слыша душераздирающие вопли тех, кто лежал под скальпелем, прежде чем взялись за меня.

Мной овладело смятение. Уж лучше бы я остался наверху, ожидая предложений Большого Босса. Но стоило повернуться к выходу, как послышались приближающиеся шаги. Я быстро осмотрелся, увидел какую-то дверь, метнулся к ней и рывком распахнул ее. Когда двое вошли в комнату, я уже замер в темной кладовке, подглядывая в предусмотрительно оставленную щелку не больше полудюйма шириной.

Хирургические лампы вспыхнули и сразу же погасли. Залязгали металлические инструменты.

— Оставь,— произнес гнусавый голос.— Все готово. Я сам проверял.

— Значит, надо все испортить,— ответил тонкий голос.

Они затеяли перебранку и возню по комнате. Наверное, это техники пришли проверить исправность медицинского оборудования.

— Вот идиоты,— фыркнул Гнусавый.— Разве нельзя обождать, пока взойдет солнце? Так нет, им надо ковырять ся при лампах.

— Я вообще не пойму,— поддержал его Тонкоголосый.— Что такого у этого парня с ногами, что их понадобилось отрезать. А если он...

— Так ты не в курсе, Мак? — ехидно спросил Гнусавый.— Они хотят подставить этого придурка, когда скинут Старика...

— Ну да, ясное дело,— перебил Тонкоголосый.— А при чем тут ноги?

— Ничего-то ты не знаешь, недоумок. Ну, слушай, что я скажу.— Последовала пауза.— У Баярда нет обеих ног по колено,— сообщил Гнусавый доверительным тоном.— А ты не знал, что ли? Вот почему на видео никогда не увидишь, чтоб он ходил: он всегда сидит за своим столом.— Затем он добавил: — Об этом знают не многие. Так что держи язык за зубами.

— Мать честная,— воскликнул Тонкоголосый, и его голос взлетел еще выше, чем раньше.— Так ему оторвало ноги?

— Вот именно. Я был с ним за год до высадки и служил в его полку, когда это случилось. Пулеметная очередь прямо по коленям. Но лучше забудь об этом. Теперь-то ты должен понять, что к чему.

— Как они нашли сумасшедшего, согласного на такое дело?

— Почем я знаю,— ответил второй. Похоже, он уже пожалел о выданной тайне.— Эти революционеры все немного чокнутые.

Я стоял ни жив ни мертв. В онемевших ногах покалывало. Теперь до меня дошло, почему никто не принимал меня за диктатора, пока я ходил, и почему Паук купился на обман, увидев меня сидящим.

Техники вышли из комнаты. Навалились тошнота и слабость. От одного взгляда на ванну под столом, а затем на свои ноги меня бросило в дрожь. Раздумывать нечего, все решилось само собой.

Я ухожу немедленно. Не завтра, не ночью — сейчас. У меня нет оружия, документов, карты, плана, но я ухожу.

Уже почти стемнело. Я стоял в коридоре и глубоко дышал, стараясь взять себя в руки. Подрагивали сведенные от напряжения икры. Надо выбросить из головы мысли о пиле и ванне. Этому не бывать.

Следует позаботиться о пропитании. Сейчас есть не хочется, но потом, разумеется, потребуется как-то поддерживать силы. Я кинулся к кухне, прислушался. Тишина. В темноте у стены белел вместительный холодильник. Там обнаружился небольшой окорок и кусок твердого сы-

ра. Большой глоток из початой бутылки белого вина оказался весьма кстати. Оно было кисловато, но сразу прибавило уверенности.

Я побросал продукты в мешок, добавив к ним буханку круглого хлеба. Потом выбрал в ящике прочный французский нож и засунул его за пояс. Теперь все. Пора двигать.

Кухня выходила в сад, а задняя дверь служебного входа находилась рядом с садовой оградой, но с ее внешней стороны. Это порадовало: не придется карабкаться через стену. В окно я увидел тех троих, они еще продолжали беседу, стоя под невысоким вишневым деревом. Я прикинул, насколько рискованно открыть дверь сейчас же: ее верхняя половина возвышалась над оградой и просматривалась со стороны сада. В полумраке я пригляделся к двери: голландская, разделенная поперек на две половины, открывающиеся независимо друг от друга. Осторожно пошевелил засовы. Верхний оказался закрыт, но шпингалет, скреплявший обе половины, подался легко, и нижняя часть двери бесшумно распахнулась, причем трое в саду этого видеть не могли. Я не мешкая пригнулся и шмыгнул наружу.

Короткая дорожка вдоль дома вела к шоссе. Я оставил ее и по заросшим сорняками цветочным клумбам крадучись направился вдоль ограды. Дойдя до конца стены, я решил заглянуть в сад. Компания возвращалась к дому. Со стороны можно было подумать, будто трое внешне ничем не примечательных состоятельных мужчин непринужденно беседуют, совершая вечерний моцион перед ужином. На деле же они думали вовсе не об ужине в старинном особняке, а замышляли варварское членовредительство.

Я развернулся и зашагал прочь через вспаханное поле, как вдруг передо мной возникла огромная темная фигура. В ужасе отпрянув, я привычно шевельнул запястьем — движение, отработанное до автоматизма, но пистолет не выскочил. Безоружный, слабый, обескураженный — против этого гиганта,— я растерялся.

— Идем, Молоток,— шепнул он.

Гастон.

Первая мысль — бежать, но бежать некуда: беглец попался в западню. Сознавать это горько. Я попятился, не желая мириться с поражением, которое был не в силах предотвратить.

— Я ухожу, Гастон. Не пытайся остановить меня.

Но смутная надежда еще теплилась. В конце концов, он назвал меня Молотком. Он приблизился ко мне.

— Не шуми,— прогудел он.— Я все думал, когда же ты решишься. Последние дни ты себе места не находил.

— Да. А любой другой в моем положении?

Я-то просто тянул время, ведь у меня не было никакого плана.

— У тебя больше выдержки, Молоток, чем у меня,— продолжал Гастон.— Я бы смылся неделю назад. Наверное, ты ужасно хотел взглянуть на Большого Босса, раз тянул так долго.

— Сегодня я видел достаточно. С меня хватит.

— Ты его видел? — оживился Гастон.

— Нет. Я не видел его лица. Но я излечился от любопытства.

Здоровяк рассмеялся.

— Ладно, шеф,— сказал он и протянул мне замызганную карточку с какими-то каракулями.— Тебе это может пригодиться. Это адрес Большого Босса где-то за городом. Больше ничего стянуть не удалось. А теперь бежим отсюда.

Слова телохранителя смущали меня. Сунув карточку в карман, я заявил:

— Я направляюсь к реке и убью любого, кто встанет на дороге.

— Это дело. Мы теряем время.

— Ты идешь со мной?

— Как велел командир, Молоток, я с тобой.

— Постой, Гастон. Ты что, поможешь мне бежать? Что-то не верится.

— Кое-кто велел мне приглядывать за тобой, чтобы ты не угодил в переделку. Я всегда делал так, как велел мне брат. И пусть он убит, его приказ я нарушать не стану.

— Гро — твой брат?!

— Был,— поправил Гастон.— Я не так умен, как он, но он всегда заботился обо мне. Я всегда делал, как он говорил. Он велел мне присматривать за тобой, Молоток.

— А они? — спросил я, кивнув в сторону особняка.— Они не придут в восторг, когда обнаружат, что мы слиняли.

Гастон сплюнул.

— К черту этих обезьян. Меня от них в дрожь бросает.

Вдруг меня охватила несказанная радость.

— Какого черта ты не признался мне неделю назад? Я спал бы гораздо спокойнее.

— В доме полно жучков. Там болтать нельзя. И потом, если бы ты не сбежал, я не хотел, чтобы ты знал лишнее. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Я бы не проговорился.

— Ты бы все им сказал. Они бы об этом позаботились.

— Ладно, забудем об этом.— Мне не терпелось развить успех.— Слушай, Гастон, ты не мог бы вернуться и забрать одежду, в которой я попал сюда?

В темноте громила порылся в своем заплечном мешке.

— Я подумал, тебе может понадобиться этот мундир, Молоток. Ты так уперся перед Мишем, чтоб тебе его оставили.— Он протянул мне сверток, и я на ощупь узнал свою униформу.

— Гастон, ты просто чудо. А ты, случайно, не прихватил игрушку, что была у меня на руке?

— Кажется, в кармане. Кто-то свистнул модные перчатки, которые ты сунул за пояс. Жалко.

Обшарив мундир, я обнаружил в кармане небольшой бугорок. С этим пистолетом в руке мне море по колено.

— Черт с ними, с перчатками, Гастон.

Я застегнул крепление на запястье и спрятал пистолет. Затем сбросил старый китель и надел мундир. Вот так-то лучше.

Прощальный взгляд на дом. Все спокойно. Уже стемнело настолько, что нас не будет видно в поле. Пора.

— Идем.— Я посмотрел на яркую звезду и зашагал по мягкой земле.

Через пятьдесят шагов особняк пропал из виду. Огни первого этажа скрылись за оградой и густой листвой, а верхний утопал во мраке. Ориентируясь на звезду, я, спотыкаясь, шел дальше. Кто бы знал, как тяжело идти по вспаханному полю в темноте.

Гастон плелся следом, и время от времени мы перекликались, чтобы он не потерялся. Впереди расстилалась кромешная тьма.

Спустя четверть часа на фоне чуть более светлого неба я различил нечто совсем уже черное. Должно быть, лесополоса вдоль реки. Я по-прежнему считал, что там река.

Мы ступили под сень деревьев, медленно продвигаясь вперед. Начался склон, и вдруг я по глинистому откосу соскользнул на мелководье.

— Ага, вот и река.

Я выкарабкался на берег и взглянул на запад. Ничего не видно. Если без лунного света пробираться среди деревьев, к рассвету мы не уйдем дальше мили.

— Куда течет эта река? — спросил я Гастона.

— Туда, в Алжир, в столицу.

— Ты умеешь плавать?

— Конечно, я хорошо плаваю.

— Отлично. Раздевайся и крепко сверни одежду. Положи все, что не хочешь намочить, в середину и закрепи сверток ремнем за плечами.

Мы принялись копошиться в темноте.

— А ботинки? — спросил Гастон.

— Свяжи их шнурками и повесь на шею. Они промокнут, но это не так страшно.

Закончив паковаться, я ступил в воду. Что может быть приятнее в такую жару? Пистолет на всякий случай остался на месте.

— Я готов, Гастон,— крикнул я негромко.

— Я тоже, шеф.

Выйдя на глубокое место, я оттолкнулся от дна и поплескался немного, освобождаясь от прицепившихся водорослей. Вокруг царила непроглядная тьма, только звезды ярко сверкали над головой.

— Гастон? — позвал я.

Послышался тихий всплеск.

— Я здесь.

— Давай отплывем немного и положимся на течение, пусть река нам поможет.

Течение оказалось тихим. Вдали за рекой я заметил слабый свет. Мы медленно плыли мимо него. Руками шевелили только для того, чтобы держать нос над водой. Размеренный бег реки убаюкивал. Я зевнул: неплохо бы поспать сегодня, памятуя бессонные часы предыдущей ночи. Но вряд ли скоро я доберусь до кровати.

В ряби на воде мелькнуло слабое отражение. Я обернулся и увидел огни на втором этаже дома, из которого мы бежали. Наверное, до него теперь около мили. Не такая уж большая дистанция, но, может, они не догадаются взглянуть на середину реки.

Я окликнул Гастона и указал на огни.

— Ага,— отозвался он.— Вижу. Думаю, нам есть чего опасаться.

Конечно, по нашим следам легко выйти к реке, вооружившись всего лишь фонариками. Не успел я подумать об этом, как на берегу появился небольшой огонек, он колебался и мерцал за деревьями. Затем он качнулся вниз. Из-за деревьев я видел, как в том самом месте, где мы вошли в реку, по воде пробежали желтые искорки. А вот и другой огонек, два, три... Похоже, в погоню подняли весь дом. Возможно, они рассчитывали, что я, обессилев, свалюсь где-нибудь неподалеку и тепленьким попаду прямо на приготовленный для меня стол.

Огни развернулись в цепочку и двинулись вдоль берега. Пока мы держались на безопасном расстоянии от них.

— Гастон, у них там есть лодка?

— Не-а. Считай, мы удрали.

Огоньки беспомощно блуждали над берегом и пропадали вдали.

Мы уже плыли в молчании целый час или более того. Стояла тишина, почти умиротворение. Чтобы держаться

на воде, достаточно было едва двигать руками. Вдруг впереди, над рекой, вспыхнули огни.

— Черт,— выдохнул мой товарищ, резко дав задний ход.— Я забыл про Саланский мост. Эти кролики поджидают нас там.

Мне удалось разглядеть мост, поскольку лучи света скользили по его опорам. До него оставалось ярдов сто.

— Давай к дальнему берегу, Гастон. Быстро, но без шума.

Я не осмелился плыть кролем, а потому отчаянно загребал по-собачьи, держа руки под водой. Они бы перехватили нас, если бы заранее не зажгли фонари. Однако в темноте мы могли и проскочить, так что им пришлось выбирать. Должно быть, они учли скорость течения реки, пытаясь точно подгадать время. И не сильно ошиблись: вполне возможно, им еще повезет. Я сосредоточенно рассчитывал каждое движение и берег силы. Колени ткнулись в глину, по лицу чиркнули водоросли. Я перевернулся и сел, тяжело переводя дыхание. Гастон барахтался в нескольких футах от меня.

— Тихо,— шепнул я.

Огни на мосту внезапно погасли. Интересно, что будет дальше. Если они станут прочесывать берег с фонарями, нам придется снова лезть в воду. И если кто-то останется на мосту и в нужный момент врубит свет...

— Идем,— решил я и стал украдкой подниматься на берег.

Фонари вспыхнули снова, теперь у самой кромки воды, освещая высокую траву и шишки рогоза. Другие появились на противоположном берегу. Я остановился и прислушался. Всего в пятидесяти футах по грязи шлепали чьи-то ноги. Отлично: их чавканье заглушало наши шаги. Мокрые ботинки болтались на шнурках и били меня по груди.

Грунт под ногами стал плотнее, а трава — не такой высокой. Я снова остановился, за мной и Гастон. Мы оглянулись. На наши следы могли наткнуться в любую минуту. Время терять нельзя. Тюки с одеждой мешали, но одеваться было некогда.

— Давай,— шепнул я и побежал. За пятьдесят футов до вершины склона мы бросились на землю и двинулись дальше ползком. Наши силуэты не должны вырисовываться на фоне неба. Мы с Гастоном толкали друг друга, пыхтели и кряхтели. Ползать — трудное дело для взрослого человека. Оказавшись наверху, мы задержались, дабы оценить положение. Дорога от моста поворачивала в сторону далекого зарева в небе.

— Там склад армейского снаряжения,— сообщил мой напарник.— Не город.

Я приподнялся и бросил взгляд в сторону реки. Два огня сошлись вместе и стали медленно удаляться от кромки воды. Послышался приглушенный крик.

— Они взяли след,— сказал я, вскочил и побежал вниз по склону, стараясь дышать правильно: на четыре шага — вдох, на четыре шага — выдох. Если не начнешь задыхаться, бежать можно долго. Камни ранили босые ноги.

Я держал курс в сторону дороги, намереваясь увеличить отрыв. Гастон не отставал.

— Шухер! — пропыхтел он.— У этих кроликов машина.

В первое мгновение я его не понял, а потом расслышал звук заводящегося мотора. Тьму прорезали лучи зажженных фар, осветив верхушки деревьев. Машина на том берегу поднималась по склону к мосту. Еще несколько секунд — и она окажется на нашей стороне. Тогда дорогу и ее широкие обочины зальет светом и нас засекут.

Впереди сверкнула проволока — изгородь. Вот и все, мы в ловушке. Я притормозил. Заграждение тянулось вдоль поперечной дороги, пересекавшейся с той, параллельно которой мы бежали в двадцати футах от обочины. Может, дренажная труба... Рассуждать было некогда, и я юркнул к единственно возможному укрытию.

Стальная рифленая труба восемнадцати футов в длину пролегала вдоль главного шоссе там, где к нему выходила другая дорога. Я нырнул в отверстие и пополз по камням и сучьям. Производимый мной шум гулко раздавался в трубе. Я продолжал проталкиваться к дальнему концу, Гастон тяжело дышал позади. Я остановился и обернулся че-

рез плечо. Здоровяк влез в трубу ногами вперед и притаился в нескольких футах от ее конца. В отблеске фар мелькнул тяжелый автоматический пистолет.

— Молодец,— шепнул я.— Только не стреляй без крайней нужды.

Лучи света качнулись над деревьями, выхватив скалы за ними. Через отверстие трубы я увидел кролика, он приподнялся в свете фар, развернулся и ускакал.

Машина медленно ехала по шоссе. Острый сучок колол грудь, в колени впились камни. Я следил за лучами света. Автомобиль проехал мимо по главной дороге. Я вздохнул с некоторым облегчением и уже хотел обернуться и что-то сказать Гастону, как вдруг в канаву передо мной закатился камешек. Так. Донеслось легкое шуршание подошв по гравию, затем покатился еще один камешек — и вдруг канаву прорезал луч фонаря. Пробежав по траве с другой стороны канавы, он осветил выход из трубы и остановился. Я замер в паре футов от конца трубы, так что свет на меня не попадал, и задержал дыхание. Шаги приблизились, луч устремился внутрь, выхватил мое плечо. На секунду установилась напряженная тишина, а затем с легким щелчком мне в ладонь выпрыгнул пистолет. Я резко подался вперед и высвободил плечи из трубы. Снова зашаркали чьи-то ноги, и фонарь направился мне в глаза. Автомашина в сотне футов впереди продолжала двигаться по краю дороги. Было слышно, как человек с фонарем набирает воздуха в легкие, готовясь закричать. Я нацелил пистолет правее фонаря и выстрелил, руку дернуло назад отдачей. Луч скользнул по каменистому дну канавы, человек грузно упал и затих. Предательский фонарь еще горел. Пришлось выскочить и погасить его, а затем бросить на землю. Схватив тело за ноги, я поволок его к трубе.

— Гастон.— Мой шепот эхом рассыпался в туннеле.— Помоги мне.

Верный страж выполз из дальнего отверстия, развернулся и влез обратно вперед головой. Я принялся толкать покойника, и мы затащили безжизненное тело в дренаж-

ную трубу. Убитого я не узнал, но порадовался, что это оказался не доктор. Тот бы в трубу не поместился.

Я вылез, поспешил к другому концу водовода и помог выбраться Гастону.

— За машиной,— скомандовал я.

У меня появилась идея, на которую возлагались большие надежды. Устав работать дичью, я решил стать охотником сам.

Низко пригнув голову, мы потрусили вдоль канавы. Машина остановилась в сотне футов от трубы. На краю поля я насчитал три движущихся фонарика. Сколько их всего и остался ли шофер в машине, неизвестно. Скоро мы получим ответ на последний вопрос.

— Довольно,— прошептал я, остановившись.— Теперь разделимся. Я перебегу дорогу и подберусь с той стороны. Там только один человек. Ты спрячься в траве и подкрадись как можно ближе. Следи за мной и жди сигнала.

Я бросился через дорогу — курьезная фигура: голый, с котомкой за плечами и болтающимися на шее ботинками. Фары автомобиля по-прежнему горели. Из-за их слепящего света с той стороны нас точно никто видеть не мог. Я юркнул в канаву и поморщился, наступив на острый камень. Сбоку от меня, в пятидесяти футах от дороги, широкими кругами расхаживал человек с фонарем. Где-то настырно стрекотала цикада.

Машина попятилась, подрулила задом к обочине, затем двинулась вперед: значит, шофер на месте и разворачивается. Должно быть, они проехали вперед по шоссе, рассчитывая отрезать нам путь и вернуться к реке, дабы прочесать всю территорию шаг за шагом, пока мы не попадемся. Никто как будто не хватился человека, который сейчас тихо лежал в дренажной трубе.

Автомобиль развернулся и поехал с черепашьей скоростью, освещая фарами дорогу, которую я только что пересек. Оставалось надеяться, что Гастон хорошо укрылся с той стороны. Я его не видел. Свет скользнул над головой, и я упал на дно канавы. Машина подъехала и остановилась прямо надо мной. Я видел, как шофер всматривался

в ветровое стекло. Он наклонился вперед. Уж не заметил ли он Гастона? Потом до меня дошло, что водитель искал человека, который шел пешком и проверял канаву. Долго же ему придется его высматривать.

Шофер открыл дверь, высунулся и одной ногой встал на подножку. Машина была тяжелая на вид, с выступающими крыльями. В свете больших чашевидных фар клубилась пыль и танцевали мошки. Нечего лежать и глазеть, подумал я. Лучшей возможности у меня не будет.

Подобрав тяжелый камень, я тихо поднялся на четвереньки и выполз из канавы. Водитель стоял, положив руку на дверь, и смотрел вперед. Он повернулся ко мне спиной и пригнул голову, собираясь опять сесть в машину. В два шага я преодолел разделявшее нас расстояние и изо всех сил треснул его по темени. Бедняга повалился на сиденье. Я отпихнул его, вскочил в кабину и закрыл дверь. В темноте, при закрытой двери, пригибаясь, непросто было снять с него куртку, но мне удалось. Надев трофей, я плюхнулся на сиденье. Никто не поднял тревогу. Три фонаря по-прежнему блуждали в поле. Тихонько урчал мотор. Я взглянул на приборную доску. Руль в центре, на полу три педали. Я осторожно проверил их. Легкое нажатие на левую — и мотор заработал быстрее: ясно, это акселератор. Логично заключить, что правая — тормоз. Тогда третья должна быть педалью сцепления. Я нажал на нее, и автомобиль вздрогнул. Тормоз тоже оказался в порядке.

Я снова надавил на среднюю педаль и медленно двинулся с места: сцепление включилось, педаль ослабла — автоматическая коробка. Я повернул к правой стороне дороги и тихо подкатил к обочине. По моим расчетам, Гастон должен прятаться где-то здесь. В темноте, как ни всматривайся, ничего не разобрать.

Я остановил машину. Ближайший фонарь колебался взад-вперед, продвигаясь к мосту. Я потянулся к щитку и нажал на торчащий из него рычажок. Передние фары погасли. Так лучше видно. Огоньки справа от дороги перестали двигаться и повернулись на меня. Я приветливо помахал им рукой. Вряд ли при тусклом свете можно разглядеть лицо с такого расстояния. Хозяин одного из фонариков как будто успокоился и вернулся к своим поискам, а обладатель другого сомневался и продолжал светить в сторону машины.

Вдруг послышался крик, и я увидел бегущего ко мне Гастона. Лучи фонарей скрестились на нем. Он перепрыгнул через канаву впереди автомобиля. Огни устремились за ним вдогонку, кто-то закричал. Боевик остановился, развернулся к ближайшему источнику света и нацелил пистолет. Дважды раздалось отрывистое «бах!». Оба фонаря упали на землю. Неплохой результат для сорок пятого кольта. Я рывком распахнул дверь, Гастон вскочил в машину и плюхнулся рядом. Сзади, с той стороны дороги, донеслись приглушенные крики и звук выстрела. Пуля с громким звоном ударила по толстой обшивке капота. Я до отказа выжал среднюю и левую педали. Машина качнулась вперед и покатилась без сцепления. Следующая пуля разбила стекло, осколки посыпались мне на голову. Я отпустил педали, попробовал снова. Машина дернулась, акселератор работал отлично. Очевидно, если держать долго среднюю педаль, сцепление отключается. Я зажег фары. Машина рванула вперед, взвизгнули шины. Перед нами кто-то соскользнул в канаву, вскарабкался с другой стороны на дорогу и замахал руками. В сиянии фар промелькнул открытый рот, испуганное, бледное лицо. Удар — и оно пропало из виду, а мы от толчка подпрыгнули на сиденье.

Впереди вздымался узкий горбатый мост. Мы вылетели на него на полном ходу, нас вдавило в сиденье на подъеме и затем подбросило вверх при спуске. Дорога изгибалась влево, вдоль нее выстроились высокие деревья. С визгом вписавшись в поворот, мы выскочили на прямой участок.

— Здорово, Молоток! — крикнул Гастон.— Я никогда не ездил на такой машине.

— Я тоже,— крикнул я в ответ.

Около мили гнали на предельной скорости, потом сбросили до пятидесяти, опасаясь, что нас продует. Проехав еще с милю по шоссе, свернули направо на боковую дорогу, под сень деревьев. Машину поставили на тормоз, но

мотор выключать не стали, потому что не знали, как он заводится.

Я откинулся на сиденье и глубоко вздохнул.

Ладно, Гастон. Передохнем минут десять.

9

Выйдя из машины, я развязал на сиденье тюк с одеждой — она оказалась сухой. Одевшись, я сразу почувствовал себя лучше. Ноги у меня покрылись ссадинами и синяками, так что пришлось растянуть носки и размять ботинки. Гастон отделался легче.

Мы вытащили шофера из машины и положили на траву. Он оказался одним из тех, кого я видел в доме, но не Большим Боссом. Не исключено, что босс как раз и стрелял. По-видимому, он единственный, кого мы оставили в живых.

Над этим стоило призадуматься. Еще пару недель назад я был мягкотелым и безобидным — типичным бюрократом средних лет. Теперь же всякий, кто осмеливался встать на моем пути, обрекал себя на жестокую смерть. Быстро же я перестроился — хотя и вынужденно.

Я достал сетку с едой, спрятанную в середину свертка. Ужасно хотелось есть. Нарезав ветчину и хлеб, мы с Гастоном присели и молча перекусили.

На шоссе ни одной машины. Ночь все так же черна и безлунна. Следующая задача — проникнуть в укрепленный город. По словам моего спутника, дорога вдоль реки ведет к центру столицы. Крепость располагается на окраине, севернее дороги. Диктатор опоясал стеной целый район со всеми лавками и жилыми домами наподобие средневекового города, создав самодостаточное сообщество для обеспечения нужд замка и его обитателей. Так было легче осуществлять полицейский надзор. Это не защита от вооруженного нападения извне, а мера предосторожности против убийц и мятежников.

— Мы убийцы и мятежники,— произнес я вслух.

— Так и есть,— отозвался Гастон, проглотив очередной кусок.— То ли еще будет.

На шоссе выбрались задним ходом. Впереди в небе виднелось зарево, но с дороги можно было разглядеть только несколько огоньков. Предместья столицы казались почти необитаемыми. Через двадцать минут мы уже ехали по разбомбленным окраинам города. Вокруг простирались россыпи щебня с кое-где уцелевшими лачугами и пятнышками садов. Справа высилась громада замка, едва различимая в отсветах фонарей с нижних улиц, скрытых за стеной. К первоначальному просторному загородному дворцу Баярд добавил беспорядочно разбросанные пристройки и большие несимметричные флигеля, а также невысокую башню.

Я остановился у обочины и выключил фары. Мы молча смотрели на огни башни. Напарник закурил сигарету.

— Как нам туда пробраться, Гастон? Как попасть за стену?

Тот задумался, не сводя глаз с крепости.

— Вот что, Молоток. Ты подожди здесь, а я пойду посмотрю.— Он стряхнул пепел в окно и стал шарить рукой по двери.— Как она открывается? Что-то ручки не найду.

Я выпустил его. Он повернулся к окну и добавил:

— Я неплохой разведчик и знаю это место изнутри, так что должен найти лазейку. Будь начеку и берегись ночных бандитов.

Гастон ушел. Я сидел в машине и ждал, закрыв окна и двери. Среди развалин вокруг не было заметно никаких признаков жизни. Где-то заголосила кошка.

Проверка мундира показала, что оба погона отсутствуют: маленький прибор оставался на ремне, но без микрофона и динамика он бесполезен. Языком я коснулся зуба, начиненного цианистым калием. Яд еще мог пригодиться. Вспомнилось гордое лицо моей рыжеволосой девушки из Стокгольма ноль-ноль. Неужели мой провал здесь обернется гибелью для ее блестящего, спокойного и упорядоченного мира? Размышляя об этом, я задремал.

Задребезжала дверь. Я встрепенулся. Лицо Гастона прижалось к стеклу. Я открыл дверь, и он сунулся в машину.

— Ну, Молоток, сдается мне, лазейку я нашел,— сказал он.— Надо идти до самой стены вдоль сточной канавы, там спуститься в нее и пробраться под сторожевой вышкой. Канава выходит с другой стороны.

Я вылез и по щебню последовал за проводником к канаве. Она оказалась настоящей клоакой. Около сотни ярдов Гастон вел меня по кромке, пока над нами не нависла стена. На расположенной вверху сторожевой башне в ореоле света торчал часовой с автоматом. Прислонясь к столбу, солдат смотрел вниз, на улицу с внутренней стороны стены. На вышке виднелись два незажженных прожектора.

— Тут, конечно, воняет, но стена шершавая, так что мы должны пройти по ней,— шепнул Гастон мне на ухо.

Он нагнулся, нашел подходящую опору для ноги и исчез. Я полез за ним, ногой пытаясь нащупать какой-нибудь уступ. Стена сложена грубо, между выступающими камнями зияли изрядные щели, но все было скользкое, покрытое мхом. Я по возможности прочно поставил ногу и спустился, держась за один каменный выступ и нащупывая другой. Прижавшись к стене, мы становились невидимы для часового. Я продолжал карабкаться, осторожно продвигая вперед одну ногу за другой. Стараясь держаться в тени, мы миновали место, где черная вода отражала свет. Теперь мы уже проникли под стену, тяжелой аркой вздымавшуюся над нашими головами. Журчание потока здесь стало громче. Впереди послышалось тихое бормотание Гастона. Я попробовал разглядеть, что случилось, но еле различил его фигуру. Он стоял по колено в зловонной жиже. Я придвинулся ближе и увидел решетку. Сваренная из стальных стержней, она целиком перегораживала проход. Пришлось зависнуть на месте, руки дрожали от напряжения.

Постепенно я подполз к решетке. Здесь стало полегче, можно было прислониться к ржавому железу и дать немного отдохнуть рукам. В крепостной системе безопасности не нашлось дырки, на которую мы рассчитывали. Гастон повернулся подо мной, пытаясь дотянуться под водой до нижнего края ограды. Может, удастся поднырнуть под нее... об этом не хотелось даже думать.

Вдруг я почувствовал, что соскальзываю. Я вцепился в стержни, сдержав крик. Гастон, выругавшись шепотом, полез вверх. Я держался крепко: значит, вниз скользила сама решетка. Она со скрипом и скрежетом опустилась еще на восемь дюймов и остановилась. Ржавый металл не выдержал нашего веса. Изъеденные коррозией концы стержней сломались с левой стороны. В образовавшийся зазор пролезть было нельзя, но можно попробовать еще немного сдвинуть решетку.

Здоровяк уперся в стену и поднатужился. Я пристроился рядом и навалился всей тяжестью своего тела. Решетка чуть сдвинулась и застряла.

— Гастон, может быть, теперь я смогу пробраться под ней и налечь с той стороны.

Он отодвинулся назад, и пришел мой черед погрузиться в вонючую воду. Я просунул руку сквозь решетку и провалился по пояс, затем по грудь, продолжая толкаться вперед. Ржавое железо царапало лицо, цеплялось за одежду, но мне удалось пройти.

Весь мокрый, я вскарабкался выше и передохнул. Из темноты с той стороны послышался лязг смазанного металла, а затем в туннеле оглушительным эхом рассыпалась автоматная очередь. При вспышках я успел заметить, как Гастон вздрогнул и упал. Он повис, одной рукой ухватившись за решетку. Раздались крики, солдаты стали спускаться по каменной кладке возле выхода из водостока. Судорожным движением мой телохранитель вытащил пистолет.

— Гастон, скорее под решетку...

Но я ничем не мог помочь ему. Слишком крупное телосложение подвело его.

Цепляясь одной рукой за каменную кладку, солдат попытался влезть в темную пещеру. Он посветил фонарем на нас, и мой раненый напарник, по-прежнему висевший на одной руке, выстрелил. Солдат с оглушительным всплеском упал в воду.

Гастон тяжело дышал.

— Вот и... все...

Пистолет выпал из его руки. Времени на скорбь не оставалось. Скользя, хватаясь то за один выступ, то за другой, я каким-то образом удержался и не свалился. Выбравшись на свежий воздух, я обернулся. Двое солдат пытались оттащить застрявшее в зазоре тело. Даже в смерти Гастон прикрывал меня.

Я поднялся по откосу канавы и прильнул к стене с пистолетом наготове: на улице никого. Видимо, они решили, что мы в ловушке, и никого не оставили с этой стороны. Прямо надо мной маячила вышка. Сделав несколько осторожных шагов, я задрал голову. Наверху в башне слонялась тень. Один человек оставался на часах. Вероятно, он услышал, как упала решетка, и вызвал подкрепление.

При ближайшем рассмотрении улица оказалась знакомой. Именно по Маслинной мы с Гро десять дней назад выбирались из города. Она шла под уклон, загибаясь вправо. Именно туда лежал мой путь — по пустынной улице под прицелом автоматов. Хорошо бы остаться здесь, в тени башни, но нельзя. Я скользнул вперед вдоль стены, стараясь ступать беззвучно. Не успел сделать и пяти шагов, как вдруг вспыхнул и повернулся прожектор. Теперь бегом. Прожектор выхватил меня, моя скачущая тень понеслась по грязным стенам и разбитой мостовой. Одинокий часовой на вышке вот-вот заметит меня. Инстинкт заставил вильнуть в сторону. В следующее мгновение затрещал автомат, пули со свистом отскакивали от булыжников справа от меня. Оказавшись в тени, я устремился под защиту изгибавшейся впереди стены. Обшаривая улицу, луч света снова наткнулся на меня. Почти сразу последовала новая автоматная очередь. Я высоко подпрыгнул, повернулся в воздухе, упал, перекатился в пыли, снова вскочил и побежал дальше. Прожектор еще рыскал позади, когда я оказался за поворотом. Впереди кто-то выскочил из дверного проема, пригнулся и широко раскинул руки. Полученный на такой скорости удар отправил наглеца в канаву. Ни один фонарь не загорелся, я бежал в полной темноте. Обитатели этих обшарпанных домишек привыкли тихо отсиживаться за глухими ставнями, когда на узких улочках стрекотали автоматы.

Я миновал место, где погиб Гро, и понесся дальше. Вдали раздался свист, затем другой, третий, пуля подняла фонтанчик пыли впереди, но я продолжал бежать. Ветер гнал по канаве кусок газеты. Передо мной прошмыгнула лохматая канализационная крыса. Только желтый свет голой лампочки на высоком столбе разрывал мрак. Моя тень обогнала меня и подпрыгивала впереди.

Шаги, на этот раз за спиной. В отчаянии я скользил взглядом вдоль замызганных прилавков, черных и пустых, пытаясь найти тот, у которого сидела сгорбленная старуха со своей глиняной утварью. Он был небольшой, с рваным покосившимся навесом, и улицу перед ним устилали черепки разбитой посуды.

Я почти проскочил мимо, но вовремя спохватился, притормозил и юркнул внутрь. Ощупав заскорузлый брезент, я нашел отверстие и протиснулся в него.

Теперь меня окружала полная темнота. Хватая ртом воздух, я вспоминал дорогу из замка. Этот ее участок представлял собой узкий туннель с низким потолком, ведущий к лестнице. Я двинулся вперед на ощупь, стукнулся головой о балку, пригнулся. Сзади доносились крики, преследователи искали меня. Хорошо, они не знали про этот ход.

Ноги разъезжались на склизком полу. Натыкаясь на стены, я вслепую обогнул валун и побрел дальше. Лестница должна быть уже близко. Помнится, там всего несколько шагов. Дойдя до поворота, я остановился. Откуда здесь повороты? Я вернулся, прощупывая стены с обеих сторон.

Крики сделались громче. В начале туннеля блеснул луч фонаря: кто-то нашел вход. Замереть. Свет мелькнул снова, и тут взгляд мой уперся в лестницу — она пряталась в боковой нише. Я вскочил на нее и в два приема оказался наверху, стукнувшись головой о тяжелую крышку. Вцепившись в ступеньки, я вспомнил прикрывавшую лаз кипу товаров. Ее едва сдвинули с места трое здоровых парней. Я поднялся выше, как можно шире расставил ноги на перекладине и надавил на плиту спиной. Она приподнялась

и бухнулась обратно. Луч фонаря уже играл на стенах подо мной. В отчаянии я поднял одну ногу на перекладину выше и толкнул плиту раз, другой. Крышка пошла вверх и вдруг распахнулась. Я выполз на пол. В висках стучала кровь. Пустынный склад и откинутая крышка виделись словно в тумане. Я потрогал голову. Боль была такая, будто мне туда гвоздь вогнали. С трудом я встал на колени, скрупулезно отсчитывая удары сердца. Уж не сломал ли я себе чего-нибудь? Та куча весила фунтов пятьсот.

Замерцал свет, отбрасывая на стены исполинские тени, а затем из отверстия возле крышки показалось лицо. Я лежал не шевелясь и молил Бога, чтобы этот кошмар когда-нибудь закончился.

Глаза у парня не привыкли к темноте, он неуверенно озирался вокруг и водил лучом фонаря по ящикам и штабелям, пока наконец не направил его в мою сторону. Резко вздрогнув, он выхватил пистолет, и в это мгновение я в очередной раз применил свое оружие — зажмурившись, чтобы не видеть исковерканного лица. Оно исчезло в провале. Свет погас.

Я устал убивать. Таков был единственный недостаток моего проверенного оружия: оно всегда несло смерть.

Поднявшись на ноги, я отошел на несколько шагов от железной грузовой тележки и опять опустился на пол. Боль немного ослабла, но при малейшем движении снова ослепляла меня. Я лежал и с минуты на минуту ждал появления остальных преследователей. Вряд ли найдется лучшее место для засады. Вот только отдохну немного и двинусь дальше.

Крики едва доносились до меня, то чуть усиливаясь, то стихая. Спустя некоторое время они и вовсе угасли, и стало абсолютно тихо. Я приподнял голову и прислушался, затем осторожно встал и подошел к отверстию. Снизу доносилось только едва различимое капанье воды. Оторвавшись от преследователей, я почувствовал себя увереннее. Ведь меня практически заперли в зловонной пещере, и все-таки мне удалось выжить. Должно быть, никто не видел, как тот парень полез за мной в потайной ход, и этот участок улицы уже не проверяли. Видимо, они разделились и

в суматохе никто так и не заметил исчезновения того везунчика, которому посчастливилось напасть на мой след.

Взгляд упал на часы. В этом воинственном мире события развиваются стремительно. Еще не было и половины десятого. Я покинул загородный дом в семь. И за два часа успел убить четверых, плюс один погиб из-за меня. Как же, однако, быстро способен человек вернуться к своей исходной роли самого кровожадного хищника в природе, подумалось мне.

Боль в голове постепенно отступила, но оставила в наследство слабость и сонливость. Зевая, я уселся на пол. С трудом подавив почти непреодолимое желание откинуться на спину и заснуть, я заставил себя подняться и ощупью принялся пробираться в сторону щита, скрывавшего потайной ход в стене. Ведь дело еще не завершено: я уже во дворце, не ранен и вооружен. У меня появилось то, к чему я и стремился: возможность сражаться.

В темноте я натыкался на предметы, стараясь не сбиться с правильного направления. Не мешало бы по дороге из дворца проявить большую наблюдательность, но тогда мне и в голову не приходило, что придется возвращаться в одиночку. Я добрался до стены и принялся ощупывать ее в надежде отыскать нужную мне панель. Я простукивал стену, прислушиваясь, не раздастся ли гулкий звук. Мысль о том, как справиться с державшими щит тяжелыми засовами, меня пока не посещала.

Судя по звуку, стена всюду была сплошная. Я шарил вдоль нее, ожидая наткнуться на петли, трещины и другие признаки вставного участка, но ничего не находил. Повторный проход без света опять ничего не дал. Я уткнулся в угол и вернулся. Стена состояла из тяжелых шершавых плит, на поверхности которых мне попадались только шляпки гвоздей и заусеницы.

Нужно найти свет. Я вспомнил о фонарике своего преследователя, который лежал сейчас под лестницей. Или найти фонарь, или ждать до утра, когда сквозь закрытые щитами окна пробьются солнечные лучи. Или продолжать возиться в темноте.

Двигаясь очень медленно и каждый раз ощупывая пол впереди, прежде чем сделать шаг, я направился туда, где, по моему разумению, находился люк. Очень не хотелось неожиданно наткнуться на него и провалиться. С проклятиями я пробирался во мраке, стукаясь то ногами, то головой. В темноте слышался только звук моего дыхания и скрип ботинок. Наконец я нашел люк, когда, обшаривая руками пространство перед собой, поцарапал палец о крышку.

Я наугад ступил на лестницу и спустился по ней. Стараясь не наткнуться на тело, я поставил ногу подальше от лестницы. Ступня попала на что-то мягкое, я тут же отдернул ее и подался в другую сторону.

Как ни противно мне было это занятие, все же пришлось наклониться и пошарить руками по сырому, склизкому грунту. Здесь имелись и лужицы грязной воды, и круглые камни, и дохлая крыса, а один раз из-под моей ладони, извиваясь, улизнуло нечто живое. Я обыскал землю вокруг трупа, а потом и под ним. Тело показалось мне непомерно тяжелым, когда я оттаскивал его в сторону, и в висках снова застучала кровь. Следовало поостеречься: нужно еще так много успеть, прежде чем я смогу расслабиться как заслуженный инвалид.

Примерно через час поисков я нашел фонарик. Он лежал у стены в двадцати футах от лестницы. Схватив его, я щелкнул выключателем, и лампочка загорелась. Стекло потрескалось, но приборчик работал. Хорошо, что грунт в туннеле вязкий.

Спустя пару минут я уже снова топтался возле деревянной стены и просматривал швы на свету. Проход обнаружился почти сразу: всегда проще, когда знаешь, что искать. Я надавил на плиту, но она оказалась такой же неподатливой, как и остальные. Требовалось найти что-нибудь такое, чем можно ее сдвинуть.

Направив свет фонаря на ближние ящики, я снова приступил к поискам. Если повезет, где-то должен заваляться лом, которым вскрывали крышки ящиков. Я протискивался в узкие проходы между высокими штабелями. В дальнем углу в куче ломаных досок валялись кое-какие инструменты: гвоздодер, большие клещи, ржавые ножницы по

металлу и среди них — пятифутовый лапчатый лом. Невероятная удача! Как раз то, что мне нужно.

Я сунул конец лома в щель сбоку от плиты, прикидывая, не привлечет ли шум чьего-либо внимания. Вдруг здесь остался кто-то из Организации? Если так, то меня узнают. Это не имело особого значения, да и выбора у меня не было. Я налегал на лом, расщепляя дерево.

С тяжелым инструментом дело подвигалось быстро. Через пять минут двенадцатидюймовая доска уже висела на паре верхних гвоздей. Забрав лом с собой, я приподнял доску и протиснулся в проход. Боковые коридоры, в которых можно заблудиться, здесь отсутствовали. Я быстро добрался до двери в комнату, где встретил Миша и Гро. Дверь была наполовину распахнута. Я заглянул в комнату, осветив ее фонарем. Пусто. Интересно, куда подевались «стенные крысы»? Я ожидал застать здесь хоть кого-нибудь из них.

Стоило войти в дверь, как на плечи упали веревки, прижав руки к телу. Меня потащили спиной вперед и швырнули на стол. Изогнувшись, я рванулся прочь, фонарь и лом с грохотом покатились по полу. Фонарик тускло светил в дальний угол, и я не мог видеть напавшего. Веревки туго опутали мою грудь. Меня рывком повалили обратно на стол. Теперь я оказался прижат к жесткой поверхности: продеваемые под столом и затягиваемые там веревки трещали. Другой веревкой крепко спутали ноги. Я сопротивлялся, брыкался, высвободил одну ногу, но меня удержали. Новая веревка обвила мне шею, и я уже решил, что меня собрались задушить, но в последнее мгновение веревку ослабили, чтобы дать мне возможность дышать.

— Хочешь, затяну? — злорадно проскрипели мне в ухо.— Лежи тихо и не дергайся.

Повторять не потребовалось: я не шевелился. Интересно, чья это работа: Организации или герцогской охраны? Возможно, если подождать и помалкивать, удастся это выяснить.

Перед глазами маячил только затянутый паутиной потолок. Свет заколебался и направился мне в лицо. Разглядеть, кто держит фонарик, не получалось.

— Ах, так это стукач,— произнес бесстрастный голос.— Ну и наглость — явиться сюда! Чего тебе здесь надо, стукач? Наверное, задумал выдать остальных ребят?

— Пошевели мозгами. Я пришел завершить дело, ради которого...

Меня с силой ударили по голове. Последовала долгая пауза. В ушах звенело. Свет погас. Зашаркали ноги. Чиркнула спичка, загорелась тусклая свеча.

— Я видел, как ты убил Миша,— тихо изрек голос.— Хоть ты и сильный парень, но я тебя одолел. Любо-дорого было посмотреть, как ты растянулся там. Сейчас я тебе что-нибудь отрежу, а потом посмотрю, как тебе понравится каленое железо. Миш как раз так и сделал бы. Правда, я не такой хороший мастер, как он.

— Меня самого едва не убили во время той облавы,— произнес я, надеясь убедить его отпустить меня. Не хотелось снова убивать.

Было слышно, как он точит нож. Тень на потолке ритмично раскачивалась, когда он водил лезвием по камню. Похоже, этот тип — настоящий псих.

Руки у меня были привязаны к телу, предплечья опутывала веревка. Постепенно мне удалось сдвинуть ее к локтям. Пошарив по ней, я не нашел узлов. Неплохо бы еще ослабить петлю на шее, но дотянуться так далеко не получилось.

— Развяжи меня,— крикнул я.— Я не доносчик. Я только что пришел из-за города с Гастоном.

Скрежет прекратился.

— И где Гастон?

Я не торопился с ответом.

— Его убили. Часовой...

Смех головореза напоминал хриплое кудахтанье.

— Ага. Твоя работа, верно? — Его голос зазвучал жестче: — Мой нож ответит и за Гастона, и за Миша, и за других.

Ничего не поделаешь. Я пошевелил запястьем, пистолет с отчетливо слышным в тишине щелчком выскочил в ладонь.

— Что это?

Скрипнул стул, зашуршали шаги. Мои руки спокойно лежали на столе, маленькое оружие я прижал к ладони большим пальцем. Свет приблизился, и в слабом сиянии свечи я разглядел человека — седая щетина на впалой щеке, близко посаженные глаза, косматые волосы. Хорошо бы поближе. Я стукнул левой рукой по столу, звук отдаленно напоминал первый щелчок.

— Уж и пошевелиться нельзя,— заскулил я.

Казалось, он немного успокоился и шагнул ко мне.

— А ты ловкий парень...

Больше он ничего не успел сказать. Взметнулся пистолет, и жизнь моего мучителя угасла вместе со свечой. Грохот и треск эхом прокатились по комнате и стихли. Я снова оказался один в полной тишине.

Только теперь я расслабился и обмяк, точно из меня высосали последние остатки энергии. Искушение заснуть казалось почти неодолимым. Но веревка сдавливала горло, и требовалось избавиться от пут. Вытягиваясь и изгибаясь, я принялся освобождаться от веревок. Как же изменились мои реакции за две недели, прошедшие с тех пор, как Винтер похитил меня на улице Старого города! Оскорбленный грубостью обращения, я почитал себя безрассудно смелым, размахивая пистолетом перед носами у своих похитителей.

Сегодня, когда на меня из мрака упали веревки, мысль о неизбежности нового убийства возникла мгновенно. Связанный, я не особенно переживал, уверенный, что смогу освободиться. И только одно не давало мне покоя: через несколько минут, если повезет, я лицом к лицу встречусь с диктатором в его логове.

Непонятно, куда девались остальные члены Организации. Несчастный безумец, которого мне пришлось убить, говорил так, будто выжил он один. Может, после засады на Маслинной улице истребили и «стенных крыс»?

Освободив одну руку, я быстро развязал ноги и туловище. Сразу ослабла петля на шее, и я выскользнул из нее. Затем широко зевнул и похлопал себя по щекам, отгоняя сон. Уже сорок часов без сна, и проведенных в таком на-

пряжении, какого не испытывал годами! Я изнемогал от усталости.

Пошарив в Чикином буфете, я обнаружил кусок сыра и бутылку вина. Меня мучила жажда, но от вина еще сильнее потянуло бы в сон. Надкусив сыр, я подумал, где сейчас Чика. Она показалась мне скромной и надежной девушкой, и я мысленно пожелал ей добра.

Оставаться тут не имело смысла. Я поднялся по лестнице и зашагал по проходу. Стояла полная тишина. Наконец я достиг двери, той самой, которая так внезапно открылась и напугала меня, прятавшегося у подножия запасной лестницы. Я приложил ухо к створке и расслышал отзвук далеких голосов и легкий стук. Повседневный шум в обжитом доме. Сердце забилось чаще: почему-то я не сомневался, что на сей раз застану диктатора в его апартаментах.

Я повернул ручку и толкнул дверь, чуть приоткрыв ее. Створка чиркнула о стоявший за ней ящик. Расширив щель до шести дюймов, я выглянул наружу. Там стояла темень и слышались те же самые звуки, только немного громче. Сердце заколотилось еще сильнее. Я у цели. И уже не сгорающий от нетерпения новичок, не имеющий представления об окружающей действительности: волею обстоятельств я стал закаленным бойцом и опытным убийцей. Я вооружен, отважен и украшен боевыми шрамами. И не намерен отступать.

Я двинулся вверх по лестнице, останавливаясь на каждой площадке и прислушиваясь. Ничего, кроме самых обычных шумов. Вот и уровень старой крыши, где сразу вспомнилась другая лестница в другом мире, по которой я поднимался на вышку, где меня поджидал челнок. Но эта мысль недолго занимала меня. Из-за двери не доносилось никаких звуков. Засов по-прежнему удерживал растрескавшиеся створки: все выглядело так, как я оставил, спускаясь вниз. Бесшумно открыв дверь, я кинулся к другой, за которой вверх вела следующая запасная лестница. Интересно, не привлекли ли мои маневры чьего-нибудь внимания? Все тихо. Я вздохнул и расслабил напрягшиеся мышцы правого запястья. Убийство становилось для меня уже привычным делом.

Я зевнул и тряхнул головой. Никак не получалось добиться ясности мыслей: трудно даже представить, что через какие-нибудь минуты, а то и секунды я встречусь со своим двойником, со вторым «я», с диктатором этой страны. Я снова зевнул.

Еще сорок футов. Лестничные площадки одна за другой бесшумно проплывали мимо. Гладкие стены недавно покрасили в светло-зеленый цвет. Новыми выглядели и двери из тяжелого полированного дерева. Ничему ветхому и обшарпанному не было места в личной башне диктатора.

На самом верху я еще раз прислушался, отворил дверь и окинул взглядом коридор. Именно здесь я оказался, когда челнок выбросил меня в этот мир воплощенных ночных кошмаров. Ничего не изменилось. Я вышел в коридор и толкнул первую дверь. Она открылась, за ней обнаружилась спальня. Я вошел и при тусклом свете, пробивавшемся из-под края занавески, разглядел широкую кровать, огромный стол у дальней стены, дверь стенного шкафа, мягкое кресло, а справа, за приоткрытой дверью,— просторную ванную комнату. Закрытая дверь в середине левой стены вела, по-видимому, в гостиную. Притворив за собой входную дверь, я подошел к окнам. За портьерами скрывались стальные жалюзи, светло-зеленые, под цвет стен. Поддавшись порыву, я опустил их: они оказались плотно подогнаны к оконным проемам. На столе в темноте я нашарил лампу и включил ее. За сегодняшний вечер мне хватило блужданий во мраке.

На полу элегантно обставленной просторной комнаты раскинулся ворсистый серо-зеленый ковер, а стены украшали две смелые акварели. Вдруг резко ощутилось исходящее от меня зловоние. Одежда прилипала к спине. Я валялся в грязи, бродил в сточной канаве и ползал по залежалой пыли. Изгваздался как черт. Без лишних раздумий скинув расшитый мундир и свалив остальную одежду в кучу у двери, я направился в ванную, отделанную серо-зеленым кафелем. Ванна оказалась длинной и глубокой. Из крана потекла горячая вода. Я забрался в ванну, отрегулировал температуру и поискал глазами мыло. Пистолет мыться мешал, и я положил его на пол рядом.

Полчаса я отмывался сам, а затем вылез и принялся за одежду. Запасным комплектом я не располагал, а эту в нынешнем ее виде надеть не представлялось возможным. Мундир был старательно намылен, тщательно выполоскан и аккуратно расправлен на краю ванны. У двери висел просторный белый купальный халат. Закутавшись в него, я вернулся в спальню. Мне нравилась эта комната, именно такую мне хотелось бы когда-нибудь иметь. Тут мне пришло в голову, что мы с моим близнецом должны быть в некотором смысле похожи.

Я вспомнил о пистолете и сходил за ним. Притупленный рассудок нашептывал, что подобное поведение рискованно. Неизвестно, когда соизволит вернуться потенциальная жертва. Диктатор мог явиться, когда я, нагой и беззащитный, плескался в ванне. Очередная попытка подстегнуть свою бдительность потерпела фиаско. Мне никак не удавалось собраться и заставить себя быть настороже. Комфорт и ощущение полной безопасности убаюкивали. Но так же нельзя. Недолго и заснуть на ходу.

Я твердил себе, что надо бодрствовать. Надо оставаться начеку. Тогда я услышу, когда он объявится, и успею спрятаться в ванной. Очередной зевок едва не вывихнул мне челюсть.

Усевшись в кресло напротив двери, я приготовился к напряженному ожиданию. Затем встал и выключил свет. Как снова оказался в кресле, не помню.

10

Мне снилось, что лежу я на морском берегу и лучи солнца отражаются в зеркальной водной глади. Они слепят мне глаза, и я отворачиваюсь. Я заерзал в кресле и открыл глаза. В голове царила полная каша.

Взгляду предстали бледно-зеленые стены комнаты, серо-зеленый ковер. Вокруг стояла тишина, и я не шевелился. Дверь в смежную комнату оказалась распахнута.

Я помнил, как выключил свет,— и все. Кто-то другой включил его. И открыл дверь. Я прокрался сюда, как тать

в ночи, а меня застали спящим. Переутомление предательски подвело меня.

Сев прямо, я вдруг понял, что не один в комнате. Повернув голову налево, я увидел мужчину. Он невозмутимо развалился в кресле, вытянув перед собой прямые, словно деревянные, ноги. Руки его слегка сжимали подлокотники кресла из розового дерева, обтянутого черной кожей. Он улыбнулся и подался вперед. Такое ощущение, будто смотришь в зеркало.

Я замер и не спускал с него глаз. Лицо худощавее моего и очерчено резче. На коже густой загар, и волосы сильнее выгорели на африканском солнце. И все же сейчас я смотрел на самого себя. Не на близнеца, не на двойника, не на искусного актера — это был я, собственной персоной. Это я сидел в соседнем кресле.

— А вы крепко спали,— молвил он.

Мне показалось, будто прозвучал мой собственный голос, только записанный на пленку, но его французский, в отличие от моего, был безупречен.

Едва заметное движение рукой подтвердило: мое оружие по-прежнему при мне, а человек, ради убийства которого меня сюда и забросили, в данный момент сидел не дальше чем в десяти футах от моего кресла и к тому же без охраны. Но я не двигался. Я не готов, пока не готов. Может, никогда не буду готов.

— Вы выспались или хотите поспать еще, прежде чем мы начнем разговор? — поинтересовался он.

— Выспался.

— Не знаю, как вы пробрались сюда, но мне достаточно того, что вы здесь. Я знал, что судьба не оставит меня. Только не знал, какой дар она мне уготовит, но ничто не может быть ценнее этого — дороже брата.

Я не знал, каким предстанет мне диктатор Баярд: мрачным головорезом, мегаломаном с бегающими глазами или коварным интриганом. Но не ожидал встретить живое отражение себя самого, увидеть человека с теплой улыбкой, поэтической манерой речи, называющего меня своим братом.

Он смотрел на меня с неподдельным интересом.

— Ваш французский превосходен, но чувствуется английский акцент. Или американский? — Он улыбнулся.— Простите мое любопытство: лингвистика, акценты — это мое хобби, а в вашем случае я вдвойне заинтригован.

— Американский,— ответил я.

— Поразительно. Я сам мог бы родиться американцем... но это долгая и скучная история, которую лучше оставить до другого раза.

В этом нет нужды, подумал я. Отец часто рассказывал мне, когда я был мальчишкой...

Он продолжал напряженным тоном, но мягко и доброжелательно:

— Когда десять дней назад я вернулся в Алжир, мне доложили, что здесь, в моей квартире, видели человека, похожего на меня. В моем кабинете нашли двоих убитых, и данное обстоятельство вызвало всеобщий переполох и разноречивые толкования. Но меня поразило упоминание о человеке, который выглядел в точности как я. Мне захотелось встретиться с ним, поговорить: ведь здесь так одиноко. История распалила мое воображение. Конечно, я не знал, что привело этого человека сюда, мне даже твердили об угрозе...— Он по-французски экспрессивно раскинул руки.— Но когда сегодня я вошел в комнату и обнаружил вас спящим в кресле, это сразу убедило меня в дружественности ваших намерений. Я глубоко тронут, мой друг, что вы почувствовали себя здесь как дома, предав себя в мои руки.

Я не мог промолвить ни слова. И не пытался.

— Не многие в этой стране способны сохранять передо мной человеческое достоинство и считать меня своим другом. Ходят легенды о моей свирепости, беспощадности, и это заставляет всех осторожничать в моем присутствии, и страх перед моим именем смешивается с ненавистью. Но легенды остаются легендами, их порождают те же страх и ненависть — два всепроникающих чувства в наши горькие времена. Такие слова, как любовь и вера, забыты. Включив лампу и увидев ваше лицо, я сразу понял, что за

этим кроется нечто большее, чем поверхностное копирование. Моим глазам предстало мое собственное лицо, но не так изношенное войной, и черты не так резко очерченные. Я ощутил зов крови и признал в вас брата.

Я облизал губы и сглотнул слюну. Он наклонился вперед, положил руку на мою и с силой сжал ее.

— Вместе, брат мой, мы спасем цивилизацию, которая не должна погибнуть. Вы, с вашим целым и невредимым телом, здоровыми ногами, и я, с моей мечтой и опытом долгих лет, сможем поспеть всюду. Пока еще не поздно расправиться с жалкими заговорщиками, жадными грызунами, мечтающими разрушить крошечный островок порядка, созданный мной на руинах войны, уничтожить его, чтобы можно было разграбить и эти руины, истребить последний слабый росток западной культуры и предать мир на растерзание варварству.

Он вдруг умолк, затем улыбнулся, опять сжал мою руку и с глубоким вздохом откинулся в кресло.

— Простите, брат мой. Боюсь, я слишком увлекся риторикой, пора бы уже расстаться с этой привычкой. У нас будет еще достаточно времени для составления планов. А сейчас, может быть, вы расскажете мне о себе? Я вижу, в ваших жилах течет кровь Баярдов.

— Да, моя фамилия Баярд.

— Должно быть, вы очень хотели прийти ко мне, раз решились пробраться сюда в одиночку и без оружия. Никто и никогда еще не преодолевал стену без сопровождения и многочисленных бумаг.

Мне было очень трудно сидеть и молчать, но не мог же я с ходу поведать этому человеку об истинной цели своего визита. Припомнилось, какой прием он оказал императорским послам. Всплыли в памяти и рассказы Бейла в то утро на собрании в присутствии Бернадотта. Но передо мной был вовсе не тот безжалостный тиран, которого я ожидал увидеть. Напротив, меня обескураживало его неожиданное гостеприимство.

Следовало что-то ответить. На выручку в очередной раз пришел многолетний опыт дипломатической службы. И я прибег к беззастенчиво-льстивой лжи.

— Вы правы, Бриан, в моих силах помочь вам.— Я подивился, что сразу назвал его по имени, хотя это прозвучало так естественно.— Но вы ошибаетесь, полагая, что ваше государство является единственным уцелевшим очагом цивилизации. Есть и другая, сильная, динамичная и дружественная держава, которая желала бы установить с вами мирные взаимоотношения. И я — посланник ее правительства.

— Чудесно,— обрадовался он,— но откуда? — Он опять подался вперед, глаза его загорелись.— Радиочастоты молчат, а разведка на север вплоть до Москвы и на восток до Индии, как и на запад до океана, доносила только сведения об одичании и разрушениях.— Вдруг он выпрямился.— Конечно, это Америка!

Пока я обдумывал нейтральный ответ, он чуть выждал и добавил:

— Я сожалел об участи вашей страны, брат. Она стала одной из первых и самых значительных жертв Века Безумия. Вы не представляете, как я рад узнать, что от нее осталось хоть что-то. Значит, искра не погасла.

— Люди — стойкие животные,— вставил я.— Их не так легко истребить.

— Но почему вы не явились ко мне открыто? Избранный вами способ хотя и смел, но чрезвычайно опасен. Наверное, вы знали об изменниках в моем окружении и опасались, что мои враги не допустят вас ко мне.

Он так стремился во всем разобраться, что сам отвечал на большую часть собственных вопросов. Выгоднее всего было ограничить свои комментарии до минимума. Однако наступил подходящий момент для упоминания о судьбе двух агентов Бейла, которых, несмотря на дипломатическую аккредитацию, избили, пытали и в итоге прикончили. Мне не терпелось пролить свет на вопиющее противоречие в характере диктатора. И я решился.

— Помнится, год назад двоих послов к вам приняли плохо. Мне не приходилось рассчитывать на достойный прием. И я решил встретиться с вами приватно, лицом к лицу.

Лицо Баярда напряглось.

— Двое послов? Но я ничего о них не слышал.

— Сначала они встретились с генерал-полковником Янгом,— сказал я,— а потом вы приняли их лично.

Баярд побледнел.

— Есть один пес из числа опустившихся офицеров, предводитель шайки головорезов, живущей поборами с той жалкой торговли, какую мне удалось возобновить. Его имя Янг. Если он нанес ущерб посланникам вашей страны, я обещаю вам его голову.

— Рассказывали, что вы самолично расстреляли одного из них,— не отставал я.

Не сводя с меня глаз, диктатор вцепился рукой в подлокотник.

— Клянусь вам честью дома Баярдов, до сей минуты я не слышал о ваших послах, и по моей вине им не причинили никакого вреда.

Я поверил ему. Сомнения множились с каждой минутой. Идею о союзе с цивилизованной державой он встретил с явным воодушевлением. С другой стороны, я своими глазами видел погром, устроенный его бандитами во дворце, и атомную бомбу, которую они пытались взорвать.

— Хорошо. От имени моего правительства я принимаю ваши объяснения. Но каковы гарантии того, что нападения и бомбардировки не повторятся...

— Нападения и бомбардировки?!

Глаза у него округлились. Повисла пауза.

— Слава богу, вы пришли ко мне ночью, тайно,— сказал он.— Теперь я вижу, что нити управления делами ускользают из моих рук и ситуация намного сложнее, чем я предполагал.

— Всего за прошедший год имели место семь нападений, и четыре из них — с применением атомной бомбы,— сказал я.— Последнее — меньше месяца назад.

— По моему приказу,— начал он сдавленным голосом,— все ядерные материалы до последнего грамма, о которых мне было известно, затоплены в море в день основания этого государства. Я знал, что среди моих людей есть изменники, но и помыслить не мог, что найдутся злодеи,

способные возродить этот ужас. Если еще не слишком поздно, прошу вас и ваше правительство принять мои заверения в том, что я предоставлю все ресурсы моего государства в руки самых надежных людей, входящих в подразделение, известное как Герцогская гвардия,— ветеранов, которых я вел в битву при Гибралтаре в тот день, когда в последний раз стоял на земле на собственных ногах. Они получат приказ разыскать и уничтожить тех, кто виновен в этих чудовищных преступлениях.

— Пока еще не поздно,— сказал я.

Он отвернулся и через комнату взглянул на акварель: на ней была изображена полуразрушенная стена под лучами солнца, пробивающимися сквозь листву деревьев.

— Сколько раз за эти годы, брат мой, я молился, чтобы еще не было поздно. Не поймите меня неправильно, я обращался не к ложному Богу священников. Я обращался к самому себе, стремясь отыскать в собственной душе мужество и сделать то, до чего долгое время другим, погрязшим в грабежах, не было дела. Мне хотелось сберечь то, что осталось от достижений человечества, дабы иметь точку опоры в борьбе с наступающим мраком. Я боролся с теми, кто сжигал библиотеки, переплавлял скульптуры алтаря Челлини, топтал Мону Лизу среди развалин Лувра. Добычи хватало всем — целые горы ценностей. Ведь столько людей погибло, а целые города остались почти невредимы. Да, в чем мы не знали недостатка, так это в добыче. Грабеж сам по себе представлялся логическим концом всего. Удавалось спасти лишь фрагмент здесь, кусочек там, постоянно твердя себе, что еще не поздно. Но шли годы, и ничего не менялось. Зато изменились сами люди: казалось, теперь они живут исключительно ради грабежа. Поначалу срабатывала необходимость: после атомных бомбардировок, эпидемий, голода уцелевшие в двадцатилетней войне были вынуждены рыскать среди руин в поисках средств к существованию. Но сокровищ оказалось так много, и тех, кто мог поделить их, осталось так мало, что сам дележ превратился в образ жизни. Промышленности, сельскому хозяйству, семье пришел конец. Сейчас ни у кого нет детей.

Нет брака — только случайные связи. Одна сплошная драка из-за награбленного. Даже при таком изобилии богатств люди прежде всего дерутся из-за трех вещей: золота, алкоголя и женщин. Я думал, когда наконец опустеют разоренные склады спиртного, все почувствуют тягу к восстановлению разрушенного — но напрасно. Только с помощью военной силы удается держать этих головорезов в узде. Признаюсь, я уже потерял надежду. Разложение царит всюду, даже в моем доме, среди моих ближайших советников. Все разговоры только о вооружении, экспедиционных силах, власти, возобновлении войны против жалких остатков, уцелевших вокруг нашего островка порядка. Бессмысленная война за господство над вымирающими народами. Они хотят растратить наши скудные ресурсы на подавление тусклых очагов, возможно еще сохранивших хоть что-то из накопленного человечеством культурного наследия, если те не склоняются перед нашим владычеством.

Он посмотрел на меня, что называется, «горящим взглядом» и добавил:

— Теперь моя надежда возрождается. Вместе с братом я добьюсь победы.

Я размышлял над его словами. Империум дал мне неограниченные полномочия. Пора ими воспользоваться.

— Полагаю, худшее уже позади. Мое правительство обладает большими ресурсами. Можете обращаться к нам за всем необходимым: людьми, продовольствием, снаряжением. Взамен мы просим только одного — дружбы и честности.

Баярд откинулся в кресле и прикрыл глаза.

— Долгая ночь заканчивается,— молвил он.

Оставалось еще множество вопросов, но я твердо убедился, что мне, как и Имперскому правительству, Баярда представили в искаженном свете. Интересно, как и почему Имперская разведка допустила такой промах? По словам Бейла, здесь работала команда из его лучших людей, отсылавших ему полученную информацию.

Никуда не делась и проблема моего возвращения в мир Империума. О челноках Максони — Кочини Баярд не упоминал. Если проанализировать все им сказанное, можно

сделать вывод, что их и вовсе не существует. Но он мог и утаить от меня кое-что, несмотря на кажущуюся искренность.

Он открыл глаза.

— Ладно, довольно о грустном. Думаю, нам с вами есть что отпраздновать. Как бы вы отнеслись к небольшому импровизированному банкету по такому случаю?

— Люблю поесть среди ночи,— ответил я,— особенно если пропустил ужин.

— Вы настоящий Баярд,— заметил он, протянул руку к стоявшему рядом столу и нажал кнопку. Затем снова откинулся в кресле и поставил ладони домиком, соединив кончики пальцев.— Итак, займемся меню.— Он сжал губы и задумался.— Что-нибудь соответствующее событию.

— И с бутылочкой вина, если можно,— добавил я.

Сейчас я почувствовал себя свободнее. Диктатор Баярд мне нравился, хотя у меня еще имелись причины для сомнений.

— Ну конечно, брат,— с улыбкой ответил он.— Думаю, сумею предложить вам кое-что подходящее.— Он чуть смутился.— Могу я обращаться к вам по имени? Не вижу нужды сохранять этот официальный тон между нами.

Настала моя очередь смутиться.

— Меня тоже зовут Бриан,— сказал я, слегка запнувшись.— Так что мы оба Брианы,— добавил я и улыбнулся.

Он рассмеялся.

— Чудесно. Позвольте мне взять на себя смелость выбрать меню для ужина. Заодно посмотрим, похожи ли наши вкусы в той же мере, как и мы сами.

— Прекрасно,— согласился я.

В дверь постучали. Бриан ответил, и вошел невысокий мужчина лет пятидесяти с кислым выражением лица. Увидев меня, он вздрогнул, но затем принял прежний непроницаемый вид. Он прошел к креслу диктатора, стал навытяжку и произнес:

— Я явился, как только смог, майор.

— Ладно, ладно, Люк, ничего. Мы с братом хотим есть. Это голод особого рода, и я хочу, чтобы ты, Люк, позаботился о самом изысканном ужине.

Люк краем глаза взглянул на меня.

— Я заметил, что мсье отчасти напоминает майора,— молвил он.

— Поразительное сходство. Итак.— Бриан уставился в потолок.— Мы начнем с самой сухой мадеры, думаю, «Серсиаль» тысяча восемьсот семьдесят пятого года. Потом мы подстегнем наш аппетит уитстейблскими устрицами* с белым бургундским. Шабли «Водесир». Думаю, еще осталось двадцать девятого года.

Я подался вперед. Это и в самом деле было нечто особенное. Мне приходилось пробовать уитстейблских устриц, но о таких редких винах я знал только понаслышке.

— Суп консоме дубль с белыми грибами, затем сюпрем из щуки со сливочным маслом и для утоления жажды — красного бургундского, «Романе-Конти» девятьсот четвертого года.— Бриан озадаченно уставился в дальний угол комнаты.— Далее кнели из телятины по-бенедиктински с бордо «Шато Лафит-Ротшильд» тысяча восемьсот девяностого. Потом, пожалуй, пойдет шотландская куропатка на канапе, а за ней порей, жаренный в панировке для пикантности. Затем полбутылочки «Ле Кротон» тридцать третьего года с чем-нибудь на закуску: брие де Мо, стильтон, рокфор тоже подойдет. Портвейн с осадком тысяча восемьсот семьдесят первого года поможет избавиться от привкуса сыра перед кофе с бренди: «Резерв» тысяча восемьсот пятьдесят пятого, Люк. По такому поводу не жалко.

Он повернулся ко мне:

— Среди сокровищ, которые мне удалось спасти от бессмысленного уничтожения, оказались и остатки мировых запасов ценных вин. Поразительно, но солдаты обычно громили винные погреба, не обнаружив там ничего покрепче. Я сберег, что смог.

Под впечатлением от услышанного я воскликнул:

— Какие годы! Баснословно!

— Трагедия в том, что нет вин недавних лет,— сказал Баярд.— Последний урожай винограда — тысяча девятьсот

* Уитстейбл — рыболовецкий порт на побережье Кента (Англия).

тридцать четвертого года, и всего несколько бочек. Виноградники Франции погибли. Здесь я делаю, что возможно, с несколькими сортами, но сегодня люди этим не интересуются.

Люк бесшумно удалился. Если он умудрился все запомнить, то как официанту ему не было цены, подумалось мне.

— Люк со мной уже много лет,— продолжал Баярд.— Он верный друг. Наверное, вы обратили внимание, что он назвал меня майором. Это мой последний официальный чин в армии французского правительства в изгнании, еще до катастрофы. Позже, когда мы поняли, что предоставлены сами себе, те из нашего полка, кто выжил в битве при Гибралтаре, избрали меня полковником. А затем, когда я разобрался, чем предстоит заняться, и взял на себя бремя восстановления, мои сторонники присвоили мне прочие титулы. Признаюсь, парочкой я наградил себя и сам, руководствуясь соображениями психологического воздействия. Но для Люка я всегда оставался майором. Сам он служил младшим офицером, старшим сержантом моего полка.

— Должно быть, то были ужасные времена,— заметил я.

— Страшнее всего, что в последние годы сами люди стали другими. Сначала, казалось, нас объединяла общая цель — восстановление разрушенного. Мы рассчитывали на единственную оставшуюся в истерзанном мире организованную силу — на военную дисциплину,— чтобы начать работу и создать своего рода каркас, на который сможем впоследствии опереться. Как только удалось установить мир на территории в несколько сотен квадратных миль, я попытался провести выборы. Мне хотелось передать руководство кому-нибудь другому, чтобы отдохнуть и, возможно, немного отвлечься. Но из-за вспыхнувших мятежей я потерял почти все достигнутое. В последующие десять лет еще дважды пробовали вернуться к демократии, но итог всегда одинаков: кровавая резня, беспощадная борьба за власть. И я поневоле остался во главе государства. Сейчас представляется, что и этот шаткий мир просуще-

ствует недолго: только ваше вмешательство может спасти то, что мы успели создать.

— Мне мало известно о событиях последних лет в Европе,— сказал я.— Не могли бы вы рассказать о них вкратце?

Он задумался на минуту, а затем поведал следующее:

— Все покатилось под откос после несчастного Мюнхенского мира тысяча девятьсот девятнадцатого года. Вступи Америка в войну, может, все сложилось бы иначе. Но вы, разумеется, помните вооруженный нейтралитет двадцатых годов. Штаты оказались в одиночестве против централизованных сил, и конец был неизбежен. Когда Америка пала в результате массированной атаки в тридцать втором, казалось, будто мечта кайзера о мировом господстве Германии осуществилась. Потом начались восстания. Еще мальчишкой я получил чин младшего лейтенанта в армии французского правительства в изгнании. Мы возглавили организованное сопротивление, и движение распространялось подобно пожару. Люди не хотели мириться с положением рабов. В те дни мы питали большие надежды. Но шли годы, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Наконец кайзера свергли при дворцовом перевороте, и мы решили воспользоваться случаем и предпринять последнюю попытку. Я повел мой батальон на Гибралтар, но перед самой высадкой бронебойные пули рассекли мне колени. Никогда не забуду часы мучений, проведенные в полном сознании в хирургической палатке. Морфин кончился, и военврачи корпели над легкоранеными, чтобы те могли поскорее вернуться в бой. Я не относился к этой категории, а потому мной занялись в последнюю очередь. Шаг разумный, но в тот момент я не был способен его оценить.

Я слушал точно завороженный.

— Когда вас ранили?

— Этот день не скоро сотрется из памяти,— ответил Бриан.— Пятнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого.

Поразительно. Раненный немецкой пулей, я ждал, пока врачи полевого госпиталя займутся мной,— и тоже пятнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого. Каким-

то причудливым образом жизнь другого Баярда переплеталась с моей, несмотря на разделяющую нас непостижимую пустоту Сети.

По предложению хозяина мы вышли на открытую террасу, где проворные слуги в белых куртках накрыли стол с красивой скатертью, шведским стеклом и старинным серебром.

Скоро вернулся Люк с мадерой, молча наполнил бокалы и исчез. Мы беседовали, обменивались воспоминаниями. Я ограничился самыми общими местами, одновременно многое узнав о жизни этого одинокого человека. Его — наши — родители жили на некотором расстоянии от Алжира. И вовсе не потому, что отреклись от своего сына, как мне говорили, просто он перевез их в безопасное место, подальше от кипящего котла столицы. Я решил в ближайшее время повидать их. И все-таки мне никак не удавалось отделаться от ощущения нереальности всего происходящего.

Перемены блюд следовали одна за другой, услужливые официанты кружились над нами под присмотром Люка, и каждое новое блюдо по изысканности превосходило предыдущее. Видимо, диктатор являлся завзятым гурманом, а Люк был тем человеком, на которого можно положиться.

С каждой бутылкой доброго вина обстановка становилась все непринужденнее. Я намекнул, а затем и прямо спросил Баярда о челноках и о двигателях Максони — Кочини. Он меня не понял. Несмотря на возбуждающее действие вина, меня снова охватила тревога. Да, я сумел попасть во дворец и снискать дружбу диктатора, но так и не отыскал решения главной проблемы. Нападениями и челноками командовал кто-то другой, и еще предстояло вычислить, кто именно.

Но сейчас мы чувствовали себя прекрасно. Я рассказал Баярду о том, как спасся от облавы у моста, достал свой испытанный пистолет и стал объяснять, как он работает. Бриан пришел в восторг и поинтересовался, нельзя ли снабдить таким оружием его герцогскую гвардию. Я положил пистолет на стол и показал рычажок на запястье, который выталкивал оружие прямо в руку.

В ответ Бриан подозвал Люка и попросил принести тяжелый ящик орехового дерева, в котором хранилась великолепная коллекция странных автоматических многоствольных пистолетов и миниатюрных револьверов.

Допив бренди тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, мы беседовали под африканским небом всю ночь напролет, строили честолюбивые планы возрождения цивилизации. Мы наслаждались обществом друг друга, и от былой скованности не осталось и следа. Я закрыл глаза, подумывая, уж не приснилось ли мне все это. И тут я пробудился.

Заря уже осветила небо. Бриан сидел и молчал, нахмурившись, он склонил голову набок.

— Слышишь?

Я прислушался. Мне показалось, будто доносятся приглушенные крики и далекий грохот. В ответ на мой вопросительный взгляд лицо хозяина дома помрачнело.

— Что-то не так,— сказал он, схватился за подлокотники кресла, поднялся и, взяв костыли, вышел из-за стола. Я тоже встал и вошел в комнату через остекленную дверь. Голова кружилась от вина и бренди. Раздался громкий крик и глухой удар, на этот раз уже в коридоре. Дверь дрогнула, затрещала и рухнула внутрь комнаты.

Затянутый в тугую черную униформу, в проеме стоял главный инспектор Бейл с белым от злобы лицом. В правой руке он держал длинноствольный автоматический маузер. Он пристально посмотрел на меня, отступил на шаг, затем его лицо вдруг перекосилось, он вскинул пистолет и выстрелил.

За долю секунды до выстрела я успел заметить справа от себя какое-то движение. Бриан стоял вполоборота ко мне и упал в тот момент, когда эхом рассыпался звук выстрела. Я бросился к нему, схватил его за плечи, но его тело обмякло и сползло на пол. Кровь хлестала у него из-под воротника. Слишком много крови. Жизненные силы покидали Бриана. Он лежал на спине, и я склонился над ним. Он открыл рот, силясь что-то сказать, но я так и не узнал, что именно. Он смотрел на меня, и его глаза угасали.

— Отойди, Баярд,— взревел Бейл.— Проклятье, эта свинья нужна была мне живой для виселицы.

Я медленно поднялся, вспомнив о пистолете, лежащем на столе за моей спиной.

Прикусив губу, инспектор пожирал меня взглядом.

— Умереть полагалось тебе, а этот идиот спас тебя ценой собственной жизни.

Казалось, он говорит сам с собой. Теперь я узнал тот голос, хотя и поздно. Именно Бейл и был Большим Боссом. То, что здесь он изъяснялся по-французски, ввело меня в заблуждение.

— Что ж,— добавил он, как будто приняв какое-то решение,— он и смертью может поменяться с тобой. Отправишься на виселицу вместо него. Устроим цирковое представление для толпы. Хотел занять его место, вот и получай.

Он прошел в комнату, дав знак своим приспешникам следовать за ним. В дверях показались дьявольского вида головорезы. Озираясь вокруг, они поглядывали на Бейла в ожидании приказов.

— Свяжите его,— велел он, дернув головой в мою сторону.— Только руки.

Я попятился, придвигаясь к столу. Как же мне хотелось впустить в эту надменную физиономию хоть один заряд!

Двое схватили меня. Я рванулся назад, повернулся, протянул руку к столу. Мои пальцы ударились о пистолет, он соскользнул со стола и покатился по полу. Бандиты заломили мне руки за спину.

— Заприте его где-нибудь на несколько часов,— приказал Бейл.

— Я знаю такое место,— сказал один из бандитов.— Из камеры бомбоубежища он никуда не денется. Спустить его туда?

— Прекрасно,— ответил инспектор.— Но учти, Кассю, держи свои поганые лапы подальше от него. Мне надо, чтобы перед хирургом он предстал в подобающей форме.

Кассю хрюкнул, вывернул мне руку так, что затрещали суставы, и толкнул меня мимо лежавшего на полу тела

человека, в котором этой ночью я признал своего брата. Человека, столько горестных лет сражавшегося за свои идеалы. Быть может, он погиб, так и не поняв, что его борьба оказалась напрасной.

Меня под конвоем провели по коридору и втолкнули в лифт, затем протащили сквозь толпу горластых, до зубов вооруженных головорезов к каменной лестнице. По ней спустились в сырой, вырубленный в скале туннель, в конце которого пинком швырнули меня в темный колодец камеры. Я упал, поднялся, хватаясь за стену, нашел голые деревянные нары и рухнул на них. Загремела дверь со стальными задвижками.

Несмотря на потрясение, мой рассудок лихорадочно работал. Бейл! И не его двойник — ведь он знал, кто я. Тот самый Бейл из Империума — изменник. Теперь многое становилось ясным. Точный расчет атаки на дворец во времени и пространстве и чрезмерная занятость Бейла, из-за которой он не мог присутствовать на празднике. Я понял, почему потом он разыскал меня: конечно, рассчитывал, что меня убьют. Без меня-то у него все шло как по маслу. И дуэль. Я так и не понял тогда, с какой стати шеф разведки подвергает меня риску, если от моего участия зависит весь план обезвреживания диктатора. И вся эта ложь о порочности Баярда с линии ИП-два сфабрикована Бейлом с единственной целью не допустить установления дружественных отношений между Империумом и этим несчастным миром.

Но зачем, спрашивал я себя. Может, Бейл задумал самолично управлять этим филиалом преисподней, превратив его в собственное удельное княжество? Похоже на то. ИП-два напоминал Империум, и предатель мог здесь пользоваться роскошью и удобствами не хуже, чем дома. И получал возможность грабить дубликаты знакомых сокровищ в городах, хранилищах, дворцах и музеях.

Само собой, Бейл не собирался довольствоваться одним миром. Этот послужил бы базой для операций, источником живой силы и оружия, включая атомное. Изменник сам организовал нападения на Империум. Он похитил челноки или их компоненты, переместил их сюда и занялся

пиратством. Следующим шагом должна была стать полномасштабная атака на родную линию с применением атомного оружия. Воины Империума в пышных мундирах, с саблями в руках — против атомной бомбы.

Непонятно, почему я не догадался об этом раньше. Фантастическое несоответствие двух вещей — конструирования двигателей Максони — Кочини и военной разрухи в мире ИП-два — было очевидно.

Пока мы протирали штаны на степенных совещаниях, обсуждая планы борьбы с пиратами, вдохновитель этих бесчинств сидел среди нас. Неудивительно, что вражеский разведчик поджидал меня в засаде, когда я отправлялся в свою миссию. Удивительно другое — как я избежал смерти на первом же этапе путешествия.

Обнаружив меня на конспиративной квартире, Большой Босс сразу начал прикидывать, как воспользоваться этой удачей с наибольшей выгодой для себя. После моего побега ему пришлось действовать быстро.

Ясно, что теперь власть в государстве в его руках и назначенная на утро показная казнь Баярда должна создать у населения впечатление последовательной смены режимов. И вместо диктатора на виселице окажусь я. Я вспомнил слова Бейла: он хотел, чтобы я предстал перед хирургом. Значит, оцинкованная ванна все-таки пригодится. Многие знали тайну диктатора и могли прийти в замешательство, увидев труп с невредимыми ногами. Меня напичкают наркотиками, сделают ампутацию, перебинтуют культи, натянут на бесчувственное тело униформу и повесят. Обморок приговоренного не смутит публику. Она непременно заметит признаки жизни на моем лице, перед тем как затянется петля.

Послышались чьи-то шаги, и через щель в двери просочился свет раскачивающегося фонаря. Я собрался с силами. Может быть, уже идут с пилами и тяжелыми щипцами.

Возле камеры остановились двое, отворили дверь, вошли. Фонарь слепил, заставляя щуриться. Один из вошедших что-то бросил на пол.

— Надень это,— приказал он.— Босс велел, чтобы ты был в этом, когда тебя повесят.

Я узнал свой костюм, собственноручно выстиранный всего несколько часов назад. По крайней мере, он чистый. Странно, какие мелочи могут иметь значение. Меня пнули.

— Надевай, тебе сказано.

— Сейчас.

Я снял халат, натянул шерстяной мундир и брюки, застегнул пряжку. Ботинки не принесли. Понятно, Бейл не видел в них необходимости.

— Вот так. Идем, Хиэм.

Дверь со скрежетом закрылась, и свет удалился. Стало совсем темно.

Сейчас я ни о чем не думал. В голове мелькали обрывочные картины последних недель: улица, на которой меня похитили; кабинет, где Бернадотт поведал мне о моей задаче; лицо Геринга, схватившегося с пиратом на полу бального зала; рыжие волосы Барбры и ее спокойные серые глаза.

Я дотронулся до искромсанных лацканов мундира. Коммуникатор так и не помог мне. Я нащупал кончики оборванных проводков, торчащих из кромки разрезанной ткани. Красавчик Джо еще выругался тогда, наткнувшись на них ножом.

Под моим пристальным взглядом проводки соприкоснулись, и в полной темноте промелькнула крошечная искорка.

Я сидел в полной неподвижности. Пот струился по лбу. Питать призрачную надежду на спасение в безнадежном положении еще больнее, чем тупо мириться с неотвратимостью смерти.

Нащупав проводки, я снова дрожащими руками соединил их. Искра, другая.

Мозг лихорадочно заработал. Коммуникатор по-прежнему пристегнут к ремню. Динамик и микрофон потеряны, но источник питания на месте. Но станет ли передаваться сигнал, если просто соединять проводки? Неизвестно. Но можно попробовать.

Я не знал азбуки Морзе, как и никакого другого кода, но помнил сигнал SOS. Три точки, три тире, три точки, и так снова и снова. Призрачная надежда мучила меня.

Прошло много времени. Я ждал, когда же наконец явится хирург. Вероятно, Бейл послал за ним в загородный дом. Это может занять больше полутора часов, максимум два. Несомненно, столько уже прошло. Заставлять себя бодрствовать становилось все труднее. Усталость, плотный ужин и изрядное количество хорошего вина делали свое дело.

Пальцы свело, они плохо слушались и болели. В камере царил могильный холод, а одежда на мне еще не высохла. Но я продолжал соединять и разъединять проводки и смотреть на танцующие голубые искры.

Я думал о Баярде, в одиночку противостоявшем разрухе, разложению, анархии и боровшемся за сохранение остатков цивилизации на руинах мира, о галантных офицерах Империума, встречавших смерть со шпагой в руке. Вспоминал вкрадчивых господ в скучных серых фланелевых костюмах, лицемеров, сидевших в посольских кабинетах моего мира и замышлявших мелкие мошенничества и злокозненные служебные интриги,— этих мелких себялюбцев, пригревшихся в своих уютных гнездышках.

Ждать оставалось недолго. Я еще раз прикинул время. Нарочному Бейла потребуется около получаса, чтобы добраться до усадьбы. Сама дорога займет минут двадцать. Положим, еще полчаса потратят на погрузку хирургического стола, инструментов и, разумеется, оцинкованной ванны. Еще двадцать минут на обратную дорогу и, допустим, полчаса на обустройство операционной. Всего получается чуть больше двух часов. Мое ощущение времени сбилось, но, безусловно, столько уже истекло. Я соединял проводки и ждал. В какой-то момент почти задремал и едва не свалился с лавки. Но отступаться нельзя, надо стараться до последней отпущенной мне минуты.

Их приближение я расслышал издалека — слабое шарканье кожаных подошв по пыльному камню, бряцанье металла. Во рту пересохло, ноги начало покалывать. Я вспомнил о полом зубе и дотронулся до него языком. Настало и его время. Интересно, каково это на вкус и будет ли больно? Забыл о капсуле Бейл или вовсе не знал? Я глубоко вздохнул: причины для отсрочки иссякли.

Тем временем в коридоре раздались новые звуки и громкие голоса, лязг чего-то тяжелого, громкий скрежет. Видимо, стол решили установить прямо здесь, в камере. Я приник к дверной щели. Ничего — только кромешная тьма. Вдруг вспыхнул яркий свет, и я, полуослепший, отпрянул от двери.

Снова шум, потом чей-то крик. Пожалуй, они потеряют массу времени, пропихивая оборудование по узкому коридору. Глазные яблоки болели, ноги заметно дрожали. Меня вдруг замутило. Теперь зуб. Только бы хватило воли. Мысль о том, как разозлится Бейл, когда меня найдут в камере мертвым, несколько утешала. И все же я колебался. Мне не хотелось умирать. Еще столько не сделано. Я подумал еще раз выглянуть в щель — и не смог себя заставить.

Внезапно в коридоре раздался страшный грохот. Кажется, выстрелы. Я вскочил и, прищурившись против света, мельком увидел падающего спиной к двери человека. Снаружи явно что-то происходило.

Зажмурившись, я отпрянул от двери и попытался осмыслить ситуацию. Где-то рядом послышался голос. Я ничего не понимал. Голос зазвучал громче:

— Волкодав!

Я поднял голову. Мой личный позывной. Я хотел крикнуть, но поперхнулся.

— Да,— прохрипел я, подскочил к двери и заорал.

— Волкодав, где, черт возьми...

Я закрыл глаза.

— Сюда, сюда!

— Там,— крикнул голос.

Грохот стоял оглушительный.

— Отодвиньтесь подальше, полковник,— произнес кто-то совсем близко.— В угол, и прикройтесь!

Я подчинился. Вжался в угол и прикрыл голову руками. Раздалось пронзительное шипение, за ним мощный взрыв, от которого вздрогнул пол под ногами. Посыпались мелкие осколки, на зубах заскрипел песок. В ноздри хлынул какой-то резкий специфический запах, в голове загудело. С раскатистым звоном дверь рухнула в камеру.

Чьи-то руки подхватили меня и поволокли сквозь клубящуюся пыль к яркому свету. Щурясь, я спотыкался о разбросанные под ногами обломки.

— Убавьте свет,— выкрикнул голос.

Крики и возня уже затихали. Вдалеке нарастали другие звуки, опять донеслись голоса и топот бегущих ног.

Я снова попытался открыть глаза и на этот раз кое-что разглядел. Вокруг загородившей проход громады метались люди. Вплотную к стене стоял фургон с широко распахнутой дверью, из-за которой лучился свет. Мне помогли зайти внутрь, и я увидел провода, катушки, распределительные коробки на новом деревянном каркасе, кое-где укрепленном металлическими уголками. В тесном пространстве сгрудились люди в белой униформе. Через дверь втащили прихрамывающего солдата.

— Теперь все,— крикнул кто-то.— Жми!

Свистнула пуля, полетели щепки.

Дверь с грохотом закрылась, фургон задрожал от стука, перешедшего в вой, который становился все тоньше и наконец вышел за пределы слышимости.

Кто-то взял меня за руку.

— Боже, Бриан, досталось же вам здесь!

Это был Рихтгофен. В серой униформе, со ссадиной на лице, он пристально смотрел на меня. Я попытался улыбнуться, но вдруг почувствовал ужасную слабость. Да, для таких переделок годы у меня уже не те.

— Ничего страшного,— выдавил я.— Вы как раз... вовремя.

— Мы отслеживали вашу частоту круглосуточно. Уже думали, потеряли вас, но не оставляли надежды. И вдруг четыре часа назад стал поступать сигнал. Его источник определили локаторами, вышли на эти винные погреба. Был отдан приказ патрульным разведчикам, но они здесь не помещались — места маловато. Тогда мы наскоро сколотили этот бокс и явились сюда.

— А вы быстро,— заметил я, представив себе странствие через проклятую Пустошь в аварийном боксе из сосновых досок. Мной овладела гордость за отважных людей Империума.

— Дайте место полковнику Баярду, ребята,— произнес кто-то.

Для меня освободили участок на полу, набросали на него кителя. При поддержке Рихтгофена я с великим усилием добрался до импровизированного тюфяка и упал на него. Барон еще говорил, но я уже не слышал. Странно, что же задержало тех мясников?.. Не все ли равно? Думать — тяжелый труд, а мне нужен отдых. Да, надо еще что-то сказать, о чем-то предупредить. Но никак не вспомнить...

11

Я лежу на высоких подушках, под аккуратно расправленным одеялом в солнечной комнате. Она чем-то напоминает другую комнату, в которой я просыпался не так давно, но здесь имеется одно существенное различие. У моей постели сидит Барбра и вяжет лыжные гетры из красной шерсти. Солнечные лучи играют в высоко подобранных медно-рыжих волосах. В ее серых глазах мерцают золотые искорки, лицо ее прекрасно, и мне доставляет наслаждение любоваться ими. После моего возвращения в Империум Барбра каждый день навещает меня, читает, занимает разговорами, кормит супом и взбивает подушки. Выздоравливать в столь приятной обстановке — настоящее блаженство.

Мне дали выспаться двенадцать часов, после чего Рихтгофен, Геринг и еще несколько менее выдающихся представителей различных разведок собрались в моей палате, чтобы выслушать отчет.

После моего рассказа о встрече с Бейлом Геринг что-то шепнул двоим своим подчиненным, и те тотчас покинули комнату. Я изложил все события — трижды. Рихтгофен предупредил, что любые на первый взгляд незначительные детали могут оказаться важными, так что я ничего не опустил.

На мой взгляд, они восприняли новости спокойно. Когда остальные ушли, я вопросительно посмотрел на Рихтгофена.

— Похоже, вы не сильно удивились, узнав об измене одного из высших чинов в разведке Империума.

Рихтгофен ответил серьезно:

— Не очень, Бриан. Мы давно опасались чего-то подобного. Инспектор Бейл исчез, и его не видели почти неделю. Хватились его за день до получения вашего сигнала. Мы боялись предательства и начали расследование. Всплыли любопытные факты, в том числе несколько кратковременных отлучек инспектора в прошлом, о которых он не докладывал. Как руководитель патрульной службы, он мог всюду передвигаться свободно, и никто его не контролировал. По сути, большая часть информации об ИП-два поступала к нам от Бейла. Он легко мог представить ситуацию в выгодном ему свете. Вскрылись нестыковки между поставками компонентов МК-двигателей и тем их количеством, которое использовалось на деле. Ваш опыт вполне соответствует результатам наших проверок. Мы выявили, что несколько первых помощников Бейла тоже отсутствовали, а другие были вовлечены в кое-какие странные предприятия.

— Это плохо. Я рассчитывал поймать его здесь.

— Без сомнения, он побоялся вернуться после вашего побега,— продолжал Рихтгофен.— Вероятно, это положит конец его деятельности в нашем мире.

Но меня не оставляло сомнение. Пошел разговор о мерах, необходимых для создания своего рода станции слежения в мире ИП-два и для восстановления там порядка. Я чувствовал себя обязанным сделать это ради Бриана. Я поинтересовался возможностью вызволения оттуда моих родителей. Рихтгофен заверил меня, что над этими вопросами уже работают.

Однако мы еще не располагали способом отвратить нависшую над Империумом зловещую угрозу. Бейл по-прежнему мог свободно заниматься пиратством. Правда, его перемещения затруднялись поднятыми по тревоге челноками-разведчиками, которыми теперь командовал Геринг. Но никакой вражеской активности пока не отмечалось.

Рихтгофен убеждал меня, что проку от меня сейчас никакого. Если не считать их с Герингом ежедневных посе-

щений, звонка от короля, которого я по-прежнему называл генералом, и умиротворяющего и одновременно волнующего присутствия Барбры по нескольку часов в день, в остальном до поправки я был предоставлен сам себе.

— Если вам лучше, Бриан,— сказала Барбра,— и если сегодня вы съедите весь суп, тогда завтра вечером у вас, может быть, хватит сил принять приглашение его величества и из королевской ложи послушать музыку на императорском балу.

— А доктор позволит? — усомнился я.— Думаю, это всего лишь проявление вежливости.

— Король очень обрадуется, если вы придете, а врач утверждает, что ваши успехи просто поразительны. Вы ведь не против пойти?

— И просто сидеть?

— Но я буду сидеть с вами, Бриан.

— Отлично. Тогда другое дело.

— По-моему, смотреть сверху на празднично одетую публику еще интереснее,— защебетала Барбра.— Это самый блестящий бал в году и единственный, на котором присутствуют все три короля и император со своими супругами. Императорский бал проводят в Стокгольме только раз в три года. Я уже бывала на подобных торжествах, так что на этот раз не прочь просто посидеть и понаблюдать. Так мы даже больше увидим.— Она лучезарно улыбалась.

Нельзя было не улыбнуться в ответ.

— А по какому случаю бал?

— В честь годовщины подписания соглашения о создании Империума. Это веселый праздник.

Так. Здесь могла таиться новая опасность, которую никто не предусмотрел. Я предоставил людям из разведки самим справляться со всеми проблемами, но мне известно о Бейле больше, чем им всем.

Вспомнился зверский налет во время прошлого праздника. Вероятно, на сей раз у каждого кавалера в расшитом рукаве найдется пистолет. Но та стычка в зале служила лишь отвлекающим маневром, дабы бандиты могли без помех установить атомный заряд.

Я резко сел на кровати. Ту бомбу передали Бейлу. Теперь он лишен возможности неожиданно напасть с челнока, поскольку патрули разведчиков засекут несанкционированную активность полей Максони — Кочини. Но доставлять бомбу нет нужды. Она уже здесь.

— Что такое, Бриан? — спросила Барбра, подавшись вперед.

— Куда Бейл подевал ту бомбу? — спросил я, глядя на нее,— ту, которую бандиты хотели установить возле бального зала? Где она сейчас?

— Я не знаю. Может, мне позвонить Рихтгофену и спросить у него?

А она молодец — не разволновалась и не растерялась.

— Да, пожалуйста,— ответил я.

С нетерпением я ждал, пока Барбра соединялась с Имперской разведкой и говорила с Манфредом. Она повесила на медный рычаг похожую на старинный почтовый рожок телефонную трубку и повернулась ко мне.

— Он не знает, Бриан. Пробовали установить, какова ее судьба, но ничего не добились.

Ясно как день: офицеры Империума по-прежнему не представляют себе, какой мощью обладает атомная бомба. Несомненно, эта штуковина осталась здесь, в Стокгольме ноль-ноль, и Бейл найдет ей применение. Он мог смести город с лица земли, если бомба достаточно мощная, а она, скорее всего, именно такова.

Мне в голову пришла еще одна мысль.

— Когда прибывают монаршие особы? — спросил я.

— Они уже в столице, в Дроттнингхольме.

Сердце у меня в груди забилось сильнее. Бейл не упустит такую возможность. В городе три короля, и где-то спрятана атомная бомба. Он должен действовать. Одним махом он обезглавит Империум, а затем предпримет полномасштабную атаку. А сражаться против ядерного оружия бессмысленно.

— Позвоните Манфреду еще раз, Барбра. Скажите ему, что бомбу необходимо разыскать, и как можно быстрее. Королей срочно эвакуировать из города, а бал отменить.

Красавица поговорила по телефону и посмотрела на меня.

— Он покинул здание, Бриан. Может, попытаться соединиться с герром Герингом?

— Да.

Я дернулся поторопить ее, но она уже разговаривала с кем-то из офиса Геринга. Барбра оказалась смекалистой девушкой.

— Его тоже нет на месте. Может, кто-то еще...

Мой мозг лихорадочно работал. Манфред или Герман прислушались бы к любым моим доводам, но их коллеги — другое дело. Отменить торжество, побеспокоить монарших особ, взбудоражить город — слишком серьезные меры, чтобы прибегать к ним только на основании расплывчатых предположений. Нужно срочно найти моих друзей. Или Бейла...

Имперская разведка провела положенные розыскные мероприятия, но ничего не обнаружила. Квартира инспектора оказалась пуста, как и его небольшой дом на окраине города. И детекторы Сети не засекали в последнее время неопознанных челноков.

Есть несколько вариантов. Первый — Бейл вернулся почти одновременно со мной, проскользнув сюда еще до того, как ситуация прояснилась и пока кто-то из его людей еще контролировал станции слежения. Второй вариант — изменник намерен прорвать кордон, завязать бой и тянуть время, чтобы под шумок взорвать бомбу. Или за него это сделает сообщник.

Почему-то я склонялся к первому варианту. Он больше соответствовал характеру инспектора, насколько я успел его разгадать,— этот план коварнее и не так опасен для него лично. Если я прав, Бейл уже где-то здесь, в Стокгольме, и ждет момента, чтобы поднять город на воздух.

И этот момент — прибытие императора.

— Барбра, когда прибывает император?

— Точно не знаю, Бриан. Может быть, вечером или после обеда.

Времени оставалось мало. Нужно что-то делать. Я вскочил с кровати и пошатнулся, но Барбра успела подать мне руку.

— Вы уверены, что удержитесь на ногах, Бриан?

— Уверен или нет, но надо идти. Я не могу отлеживаться здесь, Барбра. Может, что-нибудь придумаю, выбравшись отсюда. У вас есть машина?

Я схватился за пуговицы пижамы. Нужно найти одежду. Ноги понесли меня к стенному шкафу.

— Да, машина внизу, Бриан. Сядьте, я вам помогу.

Она направилась к шкафу, а я опустился на кровать. Похоже, в последнее время моим основным занятием является восстановление подорванных сил. Всего несколько дней назад мне уже пришлось пройти через подобное удовольствие, и вот опять. Барбра повернулась ко мне с коричневым мундиром в руках.

— Это все, что здесь есть, Бриан. Облачение диктатора, что было на вас, когда вы попали в больницу.

— Сойдет.

Не стесняясь перед девушкой, я скинул пижаму и натянул потрепанный мундир, а она не стушевалась и помогла мне одеться. Мы вышли из палаты, я старался переставлять ноги как можно быстрее. Попавшаяся нам навстречу медсестра вытаращилась на меня, но остановить не посмела. У меня уже начиналось головокружение и одышка.

Выручил лифт. Я плюхнулся на стул, голова шла кругом. Помассировал грудь — она еще болела после уроков Красавчика Джо.

В кармане я нащупал что-то упругое и сразу живо вспомнил, как Гастон передал мне карточку, когда мы прятались с ним в темноте на задворках того дома под Алжиром. Здоровяк утверждал, будто на ней указан адрес штаба Большого Босса. Я выхватил карточку и прищурился на нее при тусклом свете лампы. Кабина лифта остановилась.

«Тегелуддсваген 71» — было написано на картонке выцветшим карандашом. Когда Гастон отдал мне карточку, я не придал ей значения, поскольку рассчитывал обнаружить что-нибудь более полезное. А сейчас эта мелочь могла послужить спасению империи.

— Что это, Бриан? — спросила Барбра.— Ты что-то нашел?

— Не знаю. Может, это тупик, а может, и нет.— Я протянул ей карточку.— Вы знаете, где это?

Она прочла адрес.

— По-моему, да. Это недалеко от доков, в районе пакгаузов.

— Едем.

Мы миновали окошко регистратуры и направились к боковому выходу в конце коридора. Получалось долго и в обход, но я старался преодолеть головокружение. Возле самых дверей пришлось остановиться и передохнуть, после чего я вышел на тротуар и присел на каменную скамью под липой. В ту же минуту Барбра выехала из-за угла в красном кабриолете с низкой подвеской. Я забрался в машину, и мы стремглав рванули на запад.

На улицах имперского Стокгольма машин не много. Обладание автомобилем не превратилось здесь в общенациональную манию или признак касты. Мы приступом взяли мост и полетели по Кунгсгатан, подрезали огромный зеленый лимузин под мостом и свернули через Стуреплан к Хумлегорден. Засвистел бравый полицейский, возмущенно зазвенел трамвай, но мы снова набирали скорость.

Целых четыре дня я провалялся в постели, а где-то поджидала своего часа бомба. Теперь же время на исходе, и я вынужден сломя голову нестись наугад. Если бы удалось связаться с Манфредом или Германом и выяснить точное время прибытия императора, мы могли бы составить план действий и подготовить чрезвычайные меры. Но сейчас оставалось только это — сумасшедшая гонка и отчаянная надежда на то, что мы идем по верному следу и еще не слишком поздно.

Взвизгнув покрышками, мы свернули за угол и притормозили между двумя рядами унылых пакгаузов с темными окнами и фасадами из красного кирпича, на которых красовались выписанные аршинными буквами названия пароходных компаний, хозяев этих зданий.

— Вот эта улица,— сказала Барбра.— Дом семьдесят один?

— Да. Это тридцать третий. Должно быть, через квартал или два.

— Вот шестьдесят девять. Наверное, следующий, но я не вижу номера.

Машина остановилась.

— Выходим.

Я ступил на усыпанный песком тротуар тихой улицы, над которой нависали мрачные дома. К запаху смолы и мешковины примешивался аромат морской воды.

Номера на возвышавшемся перед нами здании не обнаружилось. Барбра обогнула машину, прошла немного вперед и вернулась.

— Должен быть этот. Следующий семьдесят третий.

Сбоку от погрузочной площадки, устроенной прямо перед фасадом, виднелась небольшая дверь. Подергали ручку: заперто. Прислонившись к двери, я задумался.

— Барбра, принесите мне, пожалуйста, домкрат или монтировку.

Не хотелось втягивать девушку в это дело, но выбирать не приходилось. Одному мне не справиться.

Она вернулась с приплюснутым стальным прутом длиной в восемнадцать дюймов. Я вставил его в широкую щель у двери и потянул на себя. Что-то треснуло, створка дрогнула и отворилась.

Внутри было темно. Мы вошли и закрыли за собой дверь. Вверх во мрак уходила лестница. Боковая дверка за коротким коридором вела в забитое ящиками просторное помещение. То, что мы ищем, должно находиться выше по лестнице. Предстояло нелегкое восхождение. Барбра подала мне руку, и мы стали подниматься.

Перешагивая через ступеньки, мы вскарабкались на три лестничных пролета. Я обливался потом и уже подумывал, что вот-вот расстанусь со своим обедом. Пришлось сесть и некоторое время старательно дышать носом. Болезненное состояние несколько отодвинуло мысли о том, что в любую минуту в небе над Стокгольмом может вспыхнуть второе солнце. Мы двинулись дальше.

Через пять пролетов мы вышли на площадку. Перед нами красовалась дверь, прочная, из дерева с красными прожилками, и с новым замком. Похоже, открытие не за горами.

Я попробовал подступиться к двери со стальным ломиком, но безуспешно. Барбра придумала поковыряться в замке длинной булавкой с крупным сапфиром. Это тоже ничего не дало. Тогда я присмотрелся к болтам дверных петель. Они казались не такими надежными, как замок.

Работа заняла пятнадцать минут, каждая из которых стоила мне года жизни. Наконец я дернул ломик в очередной раз, и последний болт покатился по полу. Дверь вывернулась и прислонилась к стене.

— Постойте здесь,— сказал я и шагнул в оклеенную обоями прихожую.

— Я с вами, Бриан,— ответила храбрая девушка, и я не стал спорить.

Мы оказались в красивой квартире, обставленной даже с некоторой роскошью. Персидские ковры устилали пол; под солнечными лучами, пробивавшимися сквозь пыль на треснутых оконных стеклах, поблескивала добротная старинная мебель тикового дерева; на полках в тени шелковых японских свитков замерли глянцевые статуэтки из слоновой кости. Посреди комнаты красовалась замысловато расписанная ширма. Обогнув парчовую оттоманку, я приблизился к ширме и заглянул за нее.

На легком алюминиевом треножнике покоилась бомба.

Две тяжелые отливки, прикрепленные болтами к центральному фланцу, и несколько проводков, протянутых к небольшой металлической коробке внизу. Посередине на боковом изгибе — четыре маленьких отверстия, расположенные в виде квадрата. И все. Но этого достаточно, чтобы от города остался гигантский дымящийся кратер.

Я не имел представления, активирована бомба или нет. Наклонился, прислушался. Тиканья часового механизма не слышно. Мне подумалось, не стоит ли перерезать торчавшие проводки, похожие на какое-то временное приспособление, но я не стал рисковать. А вдруг это спровоцирует детонацию?

Барбра остановилась рядом.

— Бриан, вы нашли ее! — воскликнула она.

— Да. Это она. Но когда она взорвется?

Вдруг меня охватило непостижимое ощущение невесомости, будто я уже превратился в облачко раскаленного газа. Голова усиленно работала. Нужно убрать эту штуку отсюда.

— Барбра, осмотрите квартиру. Может быть, вы заметите что-нибудь важное. А я позвоню Манфреду и вызову сюда саперную команду. Посмотрим, можно ли тронуть эту штуковину.

Я набрал номер Имперской разведки. Манфреда не оказалось на месте, и там не знали, чем он мог быть занят.

— Срочно отправьте сюда людей,— крикнул я.— Кого-нибудь, кто хотя бы сумеет определить, можно ли трогать эту штуку.

Парень на том конце линии ответил, что должен проконсультироваться с генералом таким-то. Я еще что-то прокричал в трубку, но кто я такой для косного бюрократа? Представители этой породы встречаются даже здесь.

— Когда прибудет император? — спросил я.

Он извинился и сообщил, что не имеет права разглашать распорядок дня императора. Я бросил трубку.

— Бриан,— крикнула Барбра.— Взгляните сюда.

Я подошел к двери в соседнюю комнату. Все помещение занимал двухместный челнок. В открытый люк виднелось роскошное внутреннее убранство — Бейл позаботился о собственных удобствах даже для коротких путешествий. Значит, вот на чем он перемещался с родной линии на ИП-два. Челнок здесь, а значит, Бейл в городе и должен вернуться в квартиру до того, как взорвется бомба.

Однако нельзя исключить, что бомба уже отсчитывает свои последние секунды, а Бейл находится где-то далеко, в безопасном месте. Тогда уже ничего не поделать. Но если он рассчитывал сюда вернуться, настроить таймер и удалиться на спрятанном в спальне челноке — его еще можно остановить.

— Барбра, непременно разыщите Манфреда или Германа. Я останусь здесь и дождусь возвращения Бейла. Если вы их найдете, скажите, чтоб они быстро прислали

сюда людей, которые хотя бы попытаются обезвредить эту штуку. Я не смею прикасаться к ней. К тому же нужно не меньше двух человек, чтобы сдвинуть ее с места. Если получится, мы погрузим ее в челнок и отправим отсюда прочь. Я пока буду звонить. Не знаю, где их искать, но вы уж постарайтесь.

Серые глаза смотрели на меня.

— Я бы предпочла остаться с вами, Бриан. Но понимаю, что должна идти.

— Вы удивительная девушка, Барбра,— ответил я.

Теперь я остался один, если не считать зловещей сферы за ширмой. Однако следовало подготовиться к возвращению хозяина. Я направился к наружной двери, прислоненной к шершавой кирпичной стене на лестничной площадке, убрал задвижку замка, затем развернул дверь, вставил ее на место, закрепил петли болтами, закрыл и запер на замок.

Возвратившись в шикарную комнату, я принялся осматривать ящики, бумаги на столе. Нужно найти хоть что-то, хотя бы какой-нибудь намек на гнусные замыслы Бейла. Я не обнаружил никаких подсказок, зато нашел длинноствольный револьвер двадцать второго калибра и маленький пистолет тридцать второго, спрятанные под бельем в ящике комода. Первый оказался заряжен. Это кстати. Его я сунул в карман, а второй пистолет бросил под кушетку. Мне даже в голову не приходило, как действовать, когда вернется Бейл. Драться с ним я был не в состоянии. Теперь у меня появлялся шанс на успех.

Я выбрал место, куда мог спрятаться при первых признаках возвращения хозяина квартиры,— кладовку в прихожей. Таким образом бомба отсекается от наружного выхода.

Наткнувшись на небольшой шкафчик-бар, я налил себе пару глотков шерри, опустился в дорогое кресло и попытался расслабиться. Постоянное напряжение отнимало слишком много энергии. Желудок превратился в тугой узел. Из-за ширмы мне был виден краешек бомбы. Интересно, предусмотрен ли какой-нибудь предупредительный сигнал

перед детонацией. Я навострил слух, не издаст ли безмолвный истребитель городов неожиданный щелчок или гудение.

Но я услышал не щелчок, а шуршание подошв по деревянному полу за дверью. На секунду я застыл будто парализованный, затем вскочил, бросился в кладовку и скрылся за дверью. Снял револьвер с предохранителя и притаился.

Шаги раздавались уже совсем близко, они резали слух в мертвой тишине пустого дома. Щелкнул ключ в замке, и в следующее мгновение показалась массивная фигура главного инспектора Бейла, предателя. Его лысая головка казалась вдавленной в плечи. Он как-то воровато огляделся и снял плащ. Я уже решил, что сейчас он шагнет к кладовке, но Бейл бросил плащ на спинку стула.

Он сразу подошел к ширме и пристально посмотрел на бомбу. Я легко мог застрелить его, но не имел права. Сначала необходимо выяснить, приведена ли бомба в боевую готовность и можно ли ее сдвинуть с места. Бейл — единственный человек в Империуме, умеющий обращаться с этим устройством. Неплохо бы взять его на мушку и заставить обезвредить бомбу, но подобные номера проходят только в кино. Он вполне мог оказаться фанатиком, способным назло всем запустить механизм, поняв, что его план потерпел крах.

Оставалось наблюдать. Изменник склонился к бомбе, достал из кармана маленькую коробочку, долго смотрел на нее. Затем взглянул на часы, подошел к телефону. Он обменялся с кем-то несколькими фразами, но мне удалось расслышать только слабое бормотание. Потом Бейл скрылся в соседней комнате, и я уже собрался последовать за ним, чтобы помешать ему воспользоваться челноком. Но он вернулся, снова взглянул на часы, сел и открыл небольшой ящичек с инструментами, лежавший на столе. И принялся копаться в металлической коробочке тонкой отверткой. Значит, это и есть взводной механизм. Я старался дышать как можно тише и не думать о боли в ногах.

Вдруг в тишине прогремел телефонный звонок. Предатель вздрогнул и вскинул взгляд, положил отвертку на

стол и подошел к телефону. Он уставился на него, прикусив губу. После пятого звонка телефон умолк. Интересно, кто бы мог звонить сейчас?

Бейл вернулся к работе. Нахмурив брови, он сосредоточенно закрыл коробочку крышкой. Затем он встал, приблизился к бомбе, облизал губы и наклонился над ней. Теперь он готов ее активировать. Больше ждать нельзя.

Я резко распахнул дверь. Бейл порывисто выпрямился и схватился за грудь, потом бросился к висевшему на стуле плащу.

— Ни с места, Бейл,— гаркнул я.— Иначе буду стрелять.

Казалось, глаза у инспектора вот-вот выскочат из орбит. Он запрокинул голову, открыл и снова закрыл рот. Похоже, я действительно застал его врасплох.

— Сядьте туда.— Я взмахнул пистолетом и шагнул в комнату.

— Баярд,— произнес Бейл хриплым голосом.

Я молчал. Ясно, что сейчас бомба безопасна. Оставалось только дождаться прибытия оперативной группы и передать им Бейла. Потом можно загрузить бомбу в челнок и отправить ее в Пустошь.

Но самочувствие мое отнюдь не улучшалось. Я подошел к креслу и сел, стараясь не показывать своей слабости. Пришлось снова втягивать воздух через нос. Если начну терять сознание, Бейла придется пристрелить. Нельзя допустить, чтобы он снова подверг Империум смертельной угрозе.

Мне немного полегчало. Бейл стоял неподвижно и таращился на меня.

— Слушайте, Баярд,— начал он.— Я возьму вас в долю. Клянусь, я согласен дать вам половину. Я оставлю ИП-два в ваше полное распоряжение, а себе возьму свою родную линию. Здесь на всех хватит. Только уберите пистолет...— Он облизал губы и шагнул ко мне.

Я шевельнул стволом и нажал на курок. Пуля чиркнула по рукаву его рубашки и ударилась в стену. Бейл опустился в кресло. Еще чуть-чуть — и он был бы мертв. Надо держать себя в руках.

Однако это должно произвести на него впечатление.

— Как видите, я умею обращаться с этой игрушкой,— сказал я.— Всего в четверти дюйма от руки и навскидку; неплохо, правда? Лучше не дергайтесь.

— Вы должны меня выслушать, Баярд. Какое вам дело до этих попугаев? Они вас похитили, подставили под удар и ничего не предложили взамен, кроме листка картона. Разве вы не видите, что вас используют, превращают в инструмент в чужой игре? Наплели вам чепухи про достославный Империум. Что ж, обещаю покорить его силой, с помощью этой бомбы. Я способен воспользоваться властью не хуже любого другого — и я разделю ее с вами. Мы станем править как абсолютные монархи...

Бейл говорил и говорил, а я погрузился в размышления. И правда, с какой стати я стараюсь ради Империума? Я не был уверен, что знаю ответ на этот вопрос. Но я знал, что верю в его высокие цели, в его добропорядочность, в мужество и élan* его народа. Должно же существовать нечто такое, чему я могу быть предан без задней мысли. Много лет жизни я отдал службе своей стране, там, в тошнотворном и упадочном мире, из которого явился. Я видел ничтожество, мелочность, откровенную продажность, но, несмотря на это, старался верить в полезность моей работы. В конце концов, я бы скорее ушел в отставку, не в силах продолжать службу. И в день моего ухода гранитные стены посольской канцелярии показались бы мне не более холодными, чем взгляды моих коллег. Может быть, я несколько драматизировал свое положение, но факт оставался фактом: как бы добросовестно я ни старался выполнять свои обязанности, всегда торжествовали мелкие, бесчестные людишки.

Здесь же я встретил таких людей, как Винтер, готовых умереть, если того требовал долг. Как Рихтгофен и его команда, способных вести утлый челнок сквозь ужасы Пустоши и хранить верность человеку из другого мира. И здесь я повстречал несравненную Барбру.

* Élan — здесь: душевный порыв *(фр.)*.

Можно цинично высмеять их вычурные мундиры, наследные титулы, помпезность и церемонность — это смех самодовольного и разочарованного в жизни человека над блестящим романтиком. Но нельзя смеяться над офицерами, бросавшимися с саблями в руках навстречу автоматному огню во время атаки на дворец, или над женщинами, неколебимо стоявшими за их спинами.

Не было необходимости что-либо объяснять или извиняться. Мир Империума заслуживал моей преданности, и я буду насмерть стоять за него перед лицом жалких маньяков вроде Бейла.

— ...займет всего мгновение, и мы в безопасности. Как вам это?

Взгляд Бейла горел алчностью. Я не знаю, о чем он говорил. Должно быть, он воспринял мое молчание за колебания и снова встал и двинулся на меня. В комнате стало темнее, я потер глаза. Мне действительно становилось хуже, я совсем ослаб. Сердце отчаянно билось в груди, желудок свело. В таком состоянии я уже не мог контролировать ситуацию.

Бейл замер. Видимо, сообразил наконец, что я на грани обморока. Он пригнулся и с ревом бросился на меня. Я дважды выстрелил, предатель в изумлении отшатнулся, но удержался на ногах.

— Нет! Баярд, ради бога! — завизжал он.

У меня еще хватит сил убить его. Я поднял пистолет, прицелился и выстрелил. Дрогнула картина на стене. Бейл отскочил в сторону. Неизвестно, попал я в него или нет. Я терял сознание, но не мог позволить ему уйти. Сделав еще два выстрела, я понял, что это у меня глазах темнеет, а вовсе не в комнате. Бейл вскрикнул. Он не смел устремиться в прихожую или туда, где его дожидался челнок. Тогда ему пришлось бы пройти мимо меня. Дрожащими руками я опять нацелил пистолет, и изменник с воплем нырнул в другую дверь. Я выстрелил и сквозь надвигающийся мрак услышал раскатистое эхо.

Я пребывал без сознания всего несколько минут и очнулся по-прежнему в кресле. Пистолет лежал у меня на

коленях. Опрокинутая ширма навалилась на смертоносный шарик. От испуга я даже выпрямился. Неужели Бейл активировал бомбу? И где он? В памяти отпечаталось только, как он юркнул в ту дверь. Я встал, ухватившись за кресло, с трудом восстановил равновесие и шагнул к двери. Послышался странный звук, похожий на плач, будто в дальнем конце переулка орала кошка. Я заглянул в комнату — вдруг Бейл валяется где-нибудь на полу. Никого. Окно открыто, занавеска полощется на ветру. Видимо, в панике инспектор не выдержал и выпрыгнул из окна. Я подошел к окну и вновь услышал странный вой.

Он висел, вцепившись в карниз дома на той стороне переулка, в пятнадцати футах от меня. И стонал. На левой штанине у него расползлось длинное темно-красное пятно, а с носка ботинка с высоты пятого этажа на мостовую капала кровь.

— Боже, Бейл! — воскликнул я.— Что вы натворили?

Меня охватил ужас. Я был готов застрелить его, но видеть, как он висит на том карнизе,— совсем другое дело.

— Баярд,— прохрипел он,— больше не могу держаться. Ради бога...

Что делать? Для геройских поступков я слишком ослаб. Я отчаянно озирался по комнате в надежде найти хотя бы жердь или кусок веревки. Ничего. Сдернул простыню с кровати, но она оказалась слишком коротка: таких понадобится две или три, да и то мало. И потом, даже сумей Бейл за них ухватиться, мне его все равно не удержать. Я кинулся к телефону.

— Оператор,— закричал я.— Человек вот-вот упадет с крыши. Вызовите пожарную команду с лестницами, срочно, улица Тегелуддсваген, семьдесят один, пятый этаж.

Я бросил трубку и снова побежал к окну.

— Держитесь, Бейл. Помощь уже вызвана.

Очевидно, он пытался допрыгнуть до соседней крыши, полагая, что я его преследую. Но из-за раны в ноге потерпел неудачу.

Я вспомнил, как Бейл отправил меня в убийственную экспедицию, заранее зная, что мое перевоплощение обречено на провал, поскольку ноги у меня невредимы. Вспомнил челнок, который должен был уничтожить нас по дороге. Вспомнил операционную в конспиративном особняке, где предатель намеревался искалечить меня в своих целях. Я вспомнил, как Бейл расстрелял моего вновь обретенного друга и брата, и ночь, проведенную в промозглой камере в ожидании мясника. И все-таки я не желал, чтобы он погиб таким образом.

Вдруг он закричал и стал судорожно брыкаться. Он попытался закинуть ногу на карниз, держась за край побелевшими от напряжения руками, но нога соскользнула. Он снова затих. Я стоял у окна уже пять минут плюс еще какое-то время пробыл без сознания. Столько уже провисев на карнизе, Бейл вряд ли продержится долго.

— Крепитесь, Бейл! — крикнул я.— Еще немного. Не дергайтесь.

Он висел в тишине. Кровь капала с ботинка. Я взглянул вниз и вздрогнул.

Вдали послышался слабый вой сирены: у-у-у, у-у-у. Я бросился к двери, распахнул ее и прислушался. Внизу раздались тяжелые шаги.

— Сюда! — крикнул я.— Верхний этаж.

Развернувшись, я побежал к окну. Бейл оставался в том же положении. Затем одна рука у него соскользнула, и он повис на другой, слегка раскачиваясь.

— Они уже здесь, Бейл. Еще несколько секунд...

Он не попытался снова схватиться за карниз. И не произнес ни звука. Шаги уже гремели по ближайшему лестничному пролету, и я опять закричал.

Я повернулся к окну в момент, когда он сорвался в полном безмолвии, галстук развевался у него за плечом. Я не видел, как он упал, лишь услышал звук удара — дважды.

Я отпрянул от окна. Здоровые парни с криками выглядывали наружу, суетились вокруг. Я доплелся до кресла и опустился в него, чувствуя себя опустошенным. Кругом шумели и сновали люди. Но я почти не замечал их. Прошло довольно много времени, прежде чем я наконец уви-

дел Германа, а вслед за тем надо мной склонилась Барбра. Я порывисто протянул ей руку.

— Отвезите меня домой,— попросил я.

Заметив Манфреда, я добавил:

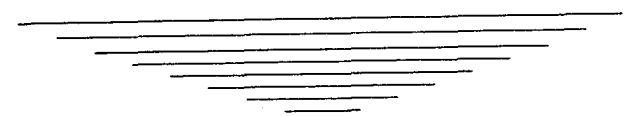
— Бомба... безопасна. Погрузите ее в челнок и избавьтесь от нее.

— Мои ребята уже заняты этим, Бриан,— ответил Рихтгофен.

— Вы только что упомянули о доме,— проговорил Геринг.— Со своей стороны — и Манфред, я уверен, со мной согласится — ввиду ваших чрезвычайных заслуг перед Империумом я предлагаю доставить вас домой, как только позволит состояние вашего здоровья, если вы сами того пожелаете. Надеюсь, вы останетесь с нами. Но выбирать вам.

— Мне нечего решать,— ответил я.— Выбор сделан. Мне здесь нравится, и по многим причинам. Во-первых, я могу следовать привычным клише ИП-три, только здесь они мне кажутся куда свежее. А что касается дома...— Я взглянул на Барбру.— Дом там, где сердце.

По ту сторону времени



1

В один из тех безмятежных, тихих вечеров, когда краски заката задерживаются в небе даже дольше, нежели это можно объяснить июнем в Стокгольме, любуясь из французского окна сменой бледно-розовых, медно-золотых и электрически-синих тонов, я уловил нарождающийся в основании черепа зуд, ранее знакомый мне как предвестник неприятностей. Больших неприятностей.

Пронзительно зазвенел телефон. Побив все рекорды по забегам на короткие дистанции, я схватил старомодный, в бронзовой отделке аппарат имперского производства и, выждав секунду, чтобы не сорвался голос, произнес «алло».

— Полковник Баярд? — поинтересовались на том конце провода.— С вами хочет поговорить господин Рихтгофен. Одну минуточку, пожалуйста...

Сквозь ведущую в столовую открытую арку я видел темное сияние рыжих волос Барбры. Люк как раз продемонстрировал ей очередную бутылку вина, и моя супруга кивнула, остановив выбор на ней. Пламя свечей в витых люстрах мягким светом ложилось на белоснежный лен, искрилось в хрустале, металось по редкому старинному фарфору и тускло отражалось от столового серебра. С тех пор как Люк сделался нашим мажордомом, любой прием пищи превращался в изысканную трапезу. Вот только аппетит у меня

© Перевод А. Кузнецовой.

вдруг разом улетучился. Почему? Ведь Рихтгофен помимо того, что возглавлял Имперскую разведку, был еще и моим близким другом...

— Брайан? — Из динамика, выполненного в форме колокола, раздался знакомый голос с еле уловимым акцентом.— Рад, что застал тебя дома.

— Что стряслось, Манфред?

— Да вот...— Казалось, он несколько смущен.— Ты пробыл дома весь вечер?

— Мы вернулись с час назад. Ты пытался со мной связаться?

— Нет-нет. Но тут возникло небольшое дельце...— Последовала пауза.— Брайан, не мог бы ты найти время заехать к нам в штаб-квартиру?

— Разумеется. Когда?

— Так... а сегодня?..— Он снова замялся. То, что нашлась причина, способная ввергнуть в замешательство этого человека, само по себе казалось довольно странным.— Прости, что беспокою тебя дома, Брайан, но...

— Буду через полчаса. Люк расстроится, но, думаю, переживет. Ты можешь объяснить, в чем дело?

— Боюсь, не могу. Не исключено, что линии прослушиваются. Пожалуйста, передай мои извинения Барбре... и Люку тоже.

Барбра поднялась и вышла из-за стола.

— Брайан, кто это был...— Тут она увидела мое лицо.— Неприятности?

— Не знаю. Постараюсь вернуться поскорее. Должно быть, что-то важное, иначе Манфред не стал бы звонить.

Я проследовал через зал к себе в спальню, переоделся, взял шляпу и плащ — ночи в Стокгольме прохладные — и вышел в прихожую, где меня уже поджидал Люк со своим неизменным мрачно-неодобрительным выражением на физиономии и маленьким приспособлением, похожим на клубок из кожаных ремешков и стальной проволоки.

— Это мне не понадобится,— попытался отмахнуться я.— Обычная поездка в штаб.

— Возьмите, сэр.

Я-то знал, что на самом деле кислая мина моего мажордома великолепно маскировала истовую преданность. Не в силах сдержать улыбку, я забрал у Люка автоматическую кобуру, закатал правый рукав и пристегнул ее к предплечью. При легком движении запястья крохотный жук-пистолет, формой и цветом копирующий плоский, обкатанный водой камушек, хлопнулся мне в ладонь.

— Исключительно ради твоего спокойствия, Люк.— Я защелкнул оружие на место.— Вернусь через час. Может, раньше.

И нырнул в сияние больших угловатых каретных фонарей с толстыми стеклами, отбрасывавших ностальгически желтый свет на гранитную балюстраду. Спустившись по широким ступеням к машине, нетерпеливо урчавшей двигателем, я скользнул за толстый, отделанный дубом руль. Мой автомобиль захрустел гравием, отъезжая от крыльца, пробрался между тополей и выкатил в открытые железные ворота.

Впереди у края тротуара притулилась машина с погашенными фарами. Стоило мне появиться на мощенной булыжником городской улице, она сразу тронулась с места и заняла позицию передо мной. В зеркало заднего вида я заметил второй автомобиль, вывернувший из-за угла и пристроившийся сзади. На массивной решетке его радиатора в свете встречных фар россыпью самоцветов полыхнул замысловатый вензель Имперской разведки. Вот это да! Манфред даже готов обеспечить меня эскортом, лишь бы я направился прямиком к нему.

Дорога до штаб-квартиры занимала минут десять. Широкие, мягко освещенные улицы старой столицы в общих чертах напоминали Стокгольм моего родного континуума, однако здесь, в Империуме, на линии ноль-ноль, в центре бескрайней Сети альтернативных миров, открытых благодаря МК-приводу, цвета отчего-то казались чуть ярче, вечерний ветерок чуть свежее, а магия жизни — чуть ближе.

Вместе со своими провожатыми я пересек мост Норрбро, резко свернул направо между колоннами из красного гранита в короткий переулок и, помахав часовому в виш-

невом мундире, тут же взявшему «на караул», миновал массивные кованые ворота. Широкие двери из полированного, окованного железом дуба, возле которых я остановил машину, украшала бронзовая табличка «Kungliga svenska spionage»*. Рядом резко взвизгнули тормоза, и захлопали, открываясь, двери.

К тому моменту, когда я выбрался из автомобиля, четверо мужчин из машин сопровождения с непринужденным видом взяли меня в полукольцо. Одного из них я узнал. Этот сетевой агент несколько лет назад доставлял меня в неприятное местечко под названием ИП-2. Он подчеркнуто нейтрально кивнул в ответ на мое приветствие и произнес:

— Вас ждут в кабинете барона фон Рихтгофена, полковник.

Я лишь хмыкнул и стал подниматься по лестнице, не в силах отделаться от любопытного ощущения, будто мой эскорт напоминает не столько почетный караул, сколько группу переодетых полицейских, собравшихся без лишнего шума произвести задержание особо опасного преступника.

Когда я вошел в кабинет, Манфред встал. Взгляд, которым он наградил меня, был странен. Казалось, барон в течение последнего часа бился над формулировкой того, что ему сейчас предстояло озвучить, да так и не нашел подходящего варианта.

— Брайан, я вынужден попросить тебя о снисхождении,— наконец выдавил он.— Пожалуйста, вот кресло. Возникла несколько... э-э... затруднительная ситуация.— Манфред вновь встревоженно посмотрел на меня.

В данный момент передо мной стоял вовсе не тот учтивый, никогда не теряющий самообладания фон Рихтгофен, которого я привык видеть ежедневно в ходе исполнения обязанностей полковника Имперской разведки. Я сел, отметив продуманное расположение четырех вооруженных

* Шведская королевская разведка *(шведск.)*.

агентов. Четверо, сопровождавшие мою машину, также просочились в кабинет и молча встали поодаль.

— Продолжайте, сэр.— Я решил удерживаться в духе происходящего и перешел на официальный тон.— Понимаю, дело есть дело, и смею лишь надеяться, что в свое время мне предоставят все необходимые объяснения.

— Я должен задать тебе несколько вопросов, Брайан,— несчастным голосом произнес Манфред.

Он тяжело опустился в кресло. Морщины на его лице вдруг проступили четче, напомнив о почти восьмидесяти годах. Барон провел узкой ладонью по гладким железно-серым волосам, затем резко выпрямился и откинулся на спинку кресла с тем видом, какой бывает у человека, решившего скорее покончить с неприятным делом, отвертеться от которого все равно нет никакой возможности.

— Девичья фамилия вашей жены? — произнес он.

— Лудане,— бесстрастно ответил я.

В чем бы ни заключалась игра, надо соблюдать правила. Манфред знает Барбру дольше моего. Они вместе с ее отцом тридцать лет прослужили на должности имперских агентов.

— Где вы познакомились?

— Около пяти лет назад — на королевском балу Середины Лета, в ночь моего прибытия сюда.

— Кто еще присутствовал в тот вечер?

— Вы, Герман Геринг, старший капитан Уинтер...— Мне не составило труда перечислить еще с дюжину гостей, приглашенных на то увеселительное мероприятие, столь трагично оборвавшееся нападением бандитов из кошмарного мира, известного как ИП-2.— Уинтера там убили,— добавил я,— ручной гранатой, которая предназначалась мне.

— Кем вы работали — изначально?

— Был дипломатом — американским дипломатом,— пока ваши сотрудники не похитили меня и не доставили сюда.

Последнее замечание я адресовал лично барону в качестве тонкого намека. Какая бы причина ни заставила

сейчас моего старого друга устраивать мне допрос, словно подозрительному незнакомцу, именно его идея послужила изначальной причиной моего вынужденного визита в мир Империума. За мгновение до того, как перейти к следующему вопросу, он явно заметил подколку.

— Ваш род занятий здесь, в Стокгольме ноль-ноль?

— Вы предоставили мне чудную работу в разведке. Я офицер Службы сетевого наблюдения...

— Что такое Сеть?

— Совокупность альтернативных линий развития; матрица одновременных реальностей...

— Что такое Империум? — прервал он.

Судя по всему, меня подвергли скоростному допросу — методу, применяемому для сбивания допрашиваемого с толку и позволяющему выявить пробелы в его легенде. Пожалуй, с менее приятным способом проведения дружеской беседы мне еще сталкиваться не доводилось.

— Верховное правительство А-линии ноль-ноль, в которой был создан МК-генератор.

— Как расшифровывается аббревиатура МК?

— Максони — Кочини — ребята, которые изобрели эту штуку в тысяча восемьсот девяносто третьем...

— Как используется МК-эффект?

— Это привод, на котором работают сетевые челноки.

— Где осуществляются сетевые операции?

— По всей Сети — за исключением Пустыни, разумеется...

— Что такое Пустыня?

— Все А-линии в пределах тысяч координат от линии ноль-ноль представляют собой адскую пучину радиации или...

— Как возникла Пустошь?

— В результате ошибок при освоении работы с МК-эффектом. Вы, обитатели ноль-ноль,— единственные, кто научился им управлять...

— Что такое линия ноль-ноль?

Я обвел помещение рукой.

— Вселенная, в которой мы пребываем на данный момент. Альтернативный мир, где МК-поле...

— У вас есть шрам на правой стопе?

Я улыбнулся — совсем чуть-чуть — смене направления допроса.

— Угу. В том месте, где старший инспектор Бейл прострелил мне ее. Между большим пальцем и...

— Зачем вас доставили сюда?

— Вы хотели, чтобы я сыграл роль диктатора в месте под названием ИП-два...

— Существуют ли иные обитаемые А-линии в пределах Пустоши?

Я кивнул.

— Две. Одна — истерзанное войной место с общеисторической датой около тысяча девятьсот десятого года; вторая — мой родной мир, так называемый ИП-три...

— У вас есть пулевой шрам на правом боку?

— Нет, на левом. У меня также имеется...

— Что такое общеисторическая дата?

— Дата, начиная с которой история альтернативной линии приобретает собственное направление...

— Каково было ваше первое задание в должности полковника разведки?

Я ответил на этот вопрос и на множество других. В течение следующих полутора часов он охватил каждую частицу моей частной и общественной жизни, забирался в такие странные закоулки ничем не примечательных событий, о каких мог знать только я — и он. И все время восемь вооруженных людей маячили поблизости, молчаливые, готовые в любую секунду...

Меня уже начала утомлять роль человека, непринужденно воспринимающего ситуацию, когда барон вздохнул, положил обе ладони на стол — в моем сознании испуганно промелькнул образ незаметно убранного в ящик пистолета — и посмотрел на меня с более нормальным выражением лица.

— Брайан, в нашей с тобой нелегкой профессии человек нередко сталкивается с необходимостью выполнять до-

вольно неприятные обязанности. Вызвать тебя сюда подобным образом...— Он кивнул агентам, и те бесшумно испарились.— Да еще под стражей, чтобы допросить как обыкновенного подозреваемого,— эта обязанность была самой неприятной. Могу только заверить тебя, что для этого имелись самые веские причины и теперь вопрос разрешен, к моему полному удовлетворению.— Он встал и протянул мне руку.

Я тоже поднялся, чувствуя, как в горле клокочет готовая вот-вот прорваться наружу ярость. Рукопожатие вышло коротким и официальным — пусть Манфред видит мое нерасположение.

— Позже, Брайан,— может, завтра — я смогу дать объяснения по поводу сегодняшнего фарса, а пока прошу тебя принять мои личные извинения за те неудобства, ту нелепую ситуацию, в которую я был вынужден тебя ввергнуть. Это было в интересах Империума.

Я исторг вежливый, но лишенный энтузиазма звук и поспешил откланяться. Что бы там ни произошло, у Рихтгофена, без сомнения, имелись самые веские причины так поступить, однако особого облегчения данный вывод мне не принес, равно как и ничуть не уменьшил мое любопытство. Но будь я проклят, если стану сейчас лезть к нему с расспросами.

По пути к эскалатору за мной уже никто не следил. В полном одиночестве я спустился на первый этаж и вышел в коридор, выложенный белым мрамором.

Где-то в дальнем конце широкого вестибюля послышались торопливые шаги. Грохнула с загадочным оттенком окончательности дверь. Я застыл, словно хищник, пробующий носом воздух, перед тем как ступить на новую опасную территорию. Казалось, над безмолвным зданием нависла атмосфера близкой беды.

Я поймал себя на том, что принюхиваюсь вполне по-настоящему. Ноздри уловили запах тлеющего дерева и пластика — намек на близкий дым. Резво, но бесшумно я потрусил в направлении источника, благо читалось оно со всей очевидностью. Я миновал широкое подножие парадной лестницы, ведущей в приемную этажом выше, и, отшатнувшись, замер как вкопанный. Мой взгляд уперся в пятно, темневшее на полу посреди сияющего мрамора. Второе я едва не пропустил. Более бледное, оно располагалось примерно в двух ярдах от первого. Сама форма обеих отметин не вызывала ни малейшего сомнения: на белоснежных плитах остались отпечатки чьей-то обуви. В шести футах дальше по коридору я заметил очередное бледное пятно — словно кто-то наступил в горячий деготь и теперь оставлял за собой грязные следы.

Цепочка пятен уходила влево, к боковому коридору. Я бросил взгляд вдоль слабо освещенного прохода. Окружающая обстановка почему-то напомнила мне морг после закрытия. Та же умиротворенная тишина и та же атмосфера печального труда — как совершённого, так и предстоящего.

Прокравшись вдоль коридора, я остановился на пересечении с другим и поглядел в обе стороны. Запах несомненно усилился — теперь воняло еще и паленой краской.

Темные отметины привели меня за угол. Двадцать футов пола представляли собой большой выжженный шрам, а вокруг следы — множество следов. Имелись также брызги крови и оставленный на стене отпечаток окровавленной ладони, вдвое больше моей, при виде которого у меня машинально напряглось запястье — тело вспомнило о жукепистолете, столь настойчиво всученном мне Люком. Под табличкой «служебная лестница» на дверном косяке виднелся второй отпечаток, но, в отличие от предыдущего, обрамленный вспучившейся и почерневшей краской.

Я замер перед закрытой дверью. Пальцы мои легли было на полированную бронзовую ручку, но рефлекторно отдернулись в сторону. Металл оказался горячим на ощупь. Я обернул руку носовым платком и снова взялся за ручку.

Узкие ступени уходили вниз, растворяясь в темноте и запахе горелого дерева. Я потянулся к настенному выключателю, затем передумал, бесшумно закрыл за собой дверь и двинулся по лестнице. Достигнув ее подножия, я выждал минуту, прислушиваясь, после чего осторожно высунул

голову из-за угла, оглядел темное цокольное помещение и застыл.

На противоположной стене плясали смутные тени, для большей загадочности очерченные тусклым красноватым контуром. Я двинулся дальше, добрался до правого поворота и рискнул выглянуть снова. В пятидесяти футах от меня беспорядочными рывками стремительно двигалась сияющая фигура. Она светилась во мраке, словно докрасна раскаленная железная статуя с толстыми конечностями. Фигура метнулась вперед еще на несколько футов, проделала ряд движений слишком быстрых, чтобы я мог уследить за ними, развернулась, проскочила через узкий проход и исчезла за открытой дверью, подобно вырезанному из бумаги ангелу, когда его дергают за ниточку.

Запястье снова напряглось, и на сей раз пистолет угнездился в ладони, наполнив душу ощущением уютного спокойствия. Запах дыма меж тем стал еще сильнее. Скользнув взглядом по паркету, я различил в сочившемся у меня из-за спины бледном мерцании выжженные в полу черные следы. В голове на миг шевельнулась мысль о том, что мне наверняка следовало бы вернуться наверх, поднять тревогу и привести сюда несколько вооруженных до зубов охранников. Однако я, хоть и без особого энтузиазма, все же двинулся по следам того, кого мои вполне резонные соображения волновали не до такой степени, чтобы он согласился немного подождать.

Запах еще более усилился. Тяжелый дух горячей, как из-под утюга, ткани перемешался с металлическим привкусом кузнечного жара, для равновесия приправленного слабым ароматом паленых листьев. Я гладко и бесшумно подобрался к двери, распластавшись по стене, и преодолел последние дюймы, изображая гусеницу, заползающую на нежную юную травинку. Затем рискнул бросить быстрый взгляд внутрь соседнего помещения. Сияние призрачного незнакомца порождало странные красноватые отблески, извивавшиеся по стенам пыльной и темной неиспользуемой кладовки, заваленной всевозможным мусором, который вечно грозятся выбросить, как только дойдут руки.

В центре огненный человек собственной персоной склонился над распростертым телом — гигантской фигурой в бесформенном комбинезоне. Руки его — странные светящиеся конечности в неуклюжего вида перчатках — со сверхчеловеческим проворством вцепились в жертву, и незнакомец выпрямился. Времени на пассивное созерцание раскаленного докрасна убийцы у меня больше не оставалось. Зато оставался шанс спасти его жертву. Если воспользоваться крохотным преимуществом внезапной атаки и ударить достаточно быстро...

О жуке-пистолете я позабыл напрочь. Ворвавшись в кладовку, я прыгнул на огненного человека и, уже пролетая сквозь стену исходившего от него жара, увидел, как тот с невероятной скоростью, единым движением, успевает развернуться в мою сторону, вскинуть руку и сделать стремительный шаг назад...

Из его растопыренной пятерни мне навстречу с треском вылетели длинные розовые искры. Ощущая себя нырялщиком, ни с того ни с сего зависшим в воздухе, я не только успел разглядеть их резкое электрическое сияние, но даже расслышал отчетливое «чпок!» в тот момент, когда миниатюрные молнии соприкоснулись с моим телом...

Безмолвный взрыв превратил весь мир в сплошное слепяще-белое марево, зашвырнув меня в воронку небытия.

Долгое время я лежал, цепляясь за смутный и бесформенный сон, служивший мне укрытием от неясного воспоминания о дымящихся следах, пустой комнате и фантастическом светящемся человеке, склонившемся над своей жертвой. Я застонал, снова попытался уплыть за сновидением, но лицо ткнулось в твердый холодный бетон, и мутная тошнота с привкусом медных монеток возвестила о возвращении меня в реальность. Нащупав пол, я изо всех сил уперся в него руками. Лицо оторвалось от мусора, и я заморгал, прочищая слипшиеся глаза.

Тьма, безмолвие, пыль и пустота придавали кладовке сходство с ограбленной могилой. Я поскреб сухие губы старой теннисной тапкой, оставленной кем-то у меня во

рту вместо языка, и, предприняв усилие, более удачливым персонажам наверняка сулившее медаль Конгресса*, сел. Голова гудела не хуже Колокола Свободы** за секунду то того, как он треснул.

Я исхитрился встать на четвереньки, а разложив процесс на более простые этапы, даже поднялся на ноги. Затем принюхался. Запах гари исчез. Незнакомец — тоже. Моя добыча даже не задержалась посмотреть, все ли со мной в порядке. Он, или оно, не только отсутствовал здесь некоторое время — огненный человек не поленился еще и труп с собой уволочь.

Слишком слабый свет не позволял обследовать помещение более подробно. Пошарив по карманам, я извлек массивный запальный факел имперского производства. Добыть желтое дымное пламя удалось только с третьего раза. Я прищурился, высматривая цепочку обугленных следов, указывающую направление дальнейшего маршрута сияющего незнакомца.

Следов не было.

В надежде разыскать виденные ранее шрамы на полу я повторил весь путь до двери, затем вернулся обратно, лавируя между картонными коробками и стопками таблеток паркетного воска. Следов не было. Даже самых старых. Только мои собственные. Пыль лежала толстым, ничем не потревоженным слоем. Никаких отметин, указывающих, где свалилось тело жертвы, ни свидетельств моего безумного броска через все помещение. Лишь одни легкие вмятины там, где я поднимался на ноги, не позволили мне окончательно прийти к выводу, будто мое нынешнее существование — просто сон. Я слышал о людях, щи-

* Золотая медаль Конгресса — высшая гражданская награда США.

** Колокол Свободы — колокол, находящийся в Филадельфии, США, и являющийся главным символом американской истории борьбы за независимость от Великобритании. Официально колокол стал именоваться Колоколом Свободы с 1837 года, когда он сделался символом движения аболиционистов. Трещина на колоколе появилась в 1846 году, после того как он звонил несколько часов кряду в день рождения Джорджа Вашингтона.

павших себя с целью проверить, не спят ли они. Мне такой способ всегда казался глуповатым, ведь щипок может присниться точно так же, как и любое другое, более приятное ощущение. Тем не менее я с мрачным видом собрал пальцами складку кожи на тыльной стороне ладони, сильно сжал... и почти ничего не почувствовал.

Нет, этот метод ничего не доказывал. Я поплелся к выходу, ощущая себя тем самым умником, что, желая сэкономить на транспорте, решил пешком добираться до кладбища.

Свет в коридоре не горел, правда, от стен и пола, казалось, исходило смутное фосфорическое сияние. Вид деревянных половиц ни малейшего облегчения не принес. Выжженные на них следы несколько минут назад были темными, обугленными, отчетливыми. Теперь передо мной поблескивал тусклый лак без единой отметины.

К тому времени, как я протиснулся мимо двери, ведущей на первый этаж, гул в голове уменьшился до еле слышного жужжания пойманной в кулак мухи. Молочно-белый стеклянный шар, свисающий с высокого потолка, сердито смотрел на меня нездоровой мерцающей синевой. Казалось, в неподвижном воздухе безмолвного коридора висит черноватая дымка, придавая знакомой перспективе мраморного пола и лакированных дверей погребальный оттенок.

Дверь у меня за спиной захлопнулась с пугающе громким металлическим стуком. Я несколько раз втянул ноздрями подкрашенный воздух, но не смог уловить ни малейшего намека на дым. Осмотр дверного косяка также оправдал самые неприятные ожидания: на ровной темно-коричневой поверхности отсутствовал даже намек на отпечаток горящей ладони.

Я пересек холл и вломился в пустой кабинет. На письменном столе, поверх стопки бумаг стоял глиняный горшочек, заполненный субстанцией, более всего напоминавшей спекшуюся грязь. Одинокий сухой листок лежал на столе рядом с ним. Настольные часы показывали пять минут первого. Я протянул руку мимо них, снял телефонную труб-

ку, понажимал на рычаг. Тишина в динамике по непроницаемости могла соперничать с бетонной стеной. Я еще понажимал, однако не добился даже треска статического электричества в проводах. Попытки установить связь, предпринятые в соседнем кабинете, привели к тому же результату. Телефоны были мертвы. Как и мои надежды спокойно дожить до глубокой старости в обитой подушками келье.

Шаги по коридору отдавались громким стуком. Я добрался до парадного входа, отпихнул тяжелую дверь и застыл на верхней ступеньке, глядя сверху вниз на свою машину, по-прежнему стоящую там, где ее оставили. Два автомобиля эскорта исчезли. Позади машины чернело окошко караулки. Отсутствовало и уличное освещение, а городские башни лишились их обычного жизнерадостного узора из лампочек. Вот только как перебои с электричеством могли повлиять на работу газовых фонарей на столбах? Мой взгляд устремился вверх. Вместо неба надо мной висела сплошная непроницаемая пелена, и даже звезды утонули в ее черноте.

Я забрался в машину, повернул зажигание и нажал педаль стартера. Ничего не произошло. Я исторг из себя нецензурный комментарий и попробовал снова. Ничего. Клаксон также не работал, а повороты тумблера включения фар не давали ничего, кроме сухих щелчков.

Я вылез из машины, постоял с минуту в нерешительности, затем направился вокруг здания к сетевым гаражам на задворках. Не дойдя дотуда, я сбавил скорость и остановился. Окна гаражей мрачно темнели, тяжелые двери были заперты и перегорожены засовами. Я в очередной раз глубоко вздохнул и тут впервые заметил, насколько безжизненным сделался утративший всякое движение воздух. Пройдя обратно по подъездной аллее, я миновал непривычно пустой караульный пост и вышел на улицу. Она исчезала в сумраке, безмолвная и темная. Как и следовало ожидать. Такси тоже не показывалось. У края тротуара стояло несколько машин. Я направился к мосту и заметил посередине его дуги черный силуэт автомобиля. Почему-то вид его меня поразил. Сквозь раздраженное недовольство, на-

биравшее силу где-то в районе пониже третьей пуговицы моей сорочки, стало понемногу проступать чувство тревоги. Подойдя к машине, я заглянул в нее через поднятое боковое стекло. Внутри — никого. Я вознамерился было оттолкать машину к обочине, но, оценив свое состояние на данный момент, двинулся дальше.

На Густав-Адольфсторг мне повстречалось еще больше пустых автомобилей, несуразно застывших посереди улицы. Я обследовал угловатый открытый микроавтобус для экскурсий. Из замка зажигания торчал повернутый в рабочее положение ключ. Тумблер освещения находился в режиме «фары включены». Я проверил следующую машину. Та же картина. Складывалось впечатление, будто сегодня вечером на город обрушилась эпидемия поломок зажигания у автомобилей и аварий на всех окрестных электростанциях — совпадение, отнюдь не добавившее мне радости.

Бледный в зловещем свете, словно при затмении, я пересек площадь со статуей героического всадника посередине, миновал темный фасад Оперного театра, пересек Арсеналсгатан, свернул на Вастра Традгарсгатан, прошел мимо забранных ставнями лавок. Город был абсолютно неподвижен. Даже самый слабый ветерок не шевелил безжизненный воздух, а ворчание двигателей не нарушало тишину. Ни шелеста шагов, ни гула отдаленных разговоров. Первичное чувство тревоги стремительно разрослось до полномасштабного холодного ужаса.

Срезая путь через угол парка, я обогнул стеклянные выставочные стенды, забитые изделиями сельских ремесленников, и торопливо зашагал по бесплодной глине.

Неправильность происходящего слегка потеснила общую озабоченность. Я оглядел широкое пространство мертвой земли, обшарил взглядом сад, странным образом совершенно голый. Посыпанные гравием дорожки остались на месте. Обложенные плиткой водоемы с мертво торчащими устьями фонтанов, ракушка летней эстрады, выкрашенные зеленым скамейки, стальные фонарные столбы с приделанными к ним урнами и расписанием трамваев в

аккуратных рамках — все это никуда не исчезло. Но ни листика, ни травинки, ни единого дерева или цветущего куста, ни хотя бы следа великолепной клумбы призовых рододендронов, занимавших отдел ротогравюр в популярном журнале всего неделю назад, мне на глаза не попалось. Я отвернулся и заспешил дальше, постепенно переходя на бег. Тревога превратилась в неизъяснимый ужас, который схватил меня за горло и хлынул в желудок, словно грязная вода в трюм тонущей галеры.

Я толчком распахнул железные ворота и, сипя от бега, как лопнувший котел, уставился на пустые черные окна. Мой дом выглядел совершенно необитаемым, а кругом неумолимо царила атмосфера всеобщей заброшенности и запустения. Идя по подъездной дорожке, я тупо глядел на полосу голой почвы, зеленевшую всего несколько часов назад. Там, где высились тополя, теперь на сером фоне чернели странные ямы шириной в фут. Только россыпь сухих листьев осталась от недавно росших тут деревьев. Громко хрустел под подошвами гравий. Ступив на бывший газон, я почувствовал, как нога уходит в сухую, крошащуюся землю. На ступеньках я оглянулся. Лишь цепочка моих собственных следов служила доказательством некогда существовавшей здесь жизни — она да россыпь дохлых насекомых под каретными фонарями. Дверь открылась. Я вошел внутрь, постоял, храня погребальное молчание, и ощутил, как высоко в груди болезненными толчками колотится сердце.

— Барбра!

Из горла вырвался полный холодного ужаса сухой хрип. Я нырнул в неосвещенный коридор, перескакивая через четыре ступеньки, взлетел по лестнице, пинком распахнул двери гостиной и промчался в спальню. Встретившая меня тишина шокированным упреком отозвалась на шум моего появления, всколыхнувший ее болезненную неподвижность. Я, спотыкаясь, вышел вон и завопил, призывая Люка, на самом деле уже не надеясь получить ответ, а просто из стремления разбить ужасное, зловещее безмолвие, отогнать страх пред тем, на что опасался наткнуться в темных мертвых комнатах.

Я обследовал одно помещение за другим, вернулся назад и обшарил все чуланы, крича, с грохотом распахивая двери настежь, уже не сражаясь с поднимающейся внутри у меня паникой, а давая ей выход в буйном действии.

Никого. Все комнаты пребывали в идеальном порядке, предметы мебели стояли на привычных местах, занавеси были тщательно задернуты, и бронзовые часы с неподвижным маятником хранили молчание. А в цветочных горшках, где несколько часов назад вольготно раскинули свою зелень широколистные растения, осталась только мертвая земля. Я стоял посреди темной библиотеки, тупо глядел наружу на мрачное металлическое свечение ночного неба и, чувствуя, как тишина втекает обратно в дом, словно осязаемая субстанция, снова пытался овладеть собой, чтобы признать истину: Барбра исчезла. Исчезла вместе со всеми остальными живыми существами в столице Империума.

2

Сначала я не заметил этого звука. Я сидел в пустом салоне, устремив мимо края тяжелых парчовых портьер пустой взгляд на пустую улицу, и думал, что прислушиваюсь к стуку моего пустого сердца...

Затем он проник в уши: равномерное буханье, еле уловимое, далеко-далеко — но все-таки звук — в безмолвном городе. Я подскочил, бросился к двери и оказался снаружи на ступенях прежде, чем меня посетила мысль об осторожности. Буханье теперь сделалось отчетливее: ритмичный топот, как от марширующего подразделения. Все ближе и ближе.

Потом я их увидел — за железными копьями ограды колыхнулось первое движение. Тенью уплыв внутрь дома, я наблюдал из его темноты, как они шагают по четыре в ряд, крупные дядьки в мешковатых бесформенных комби-

незонах. Я попытался прикинуть, сколько их. Сотни две, некоторые нагружены тяжелыми тюками, некоторые с похожим на винтовки оружием, один-два опираются на товарищей. Они сегодня где-то повоевали.

Вот скрылся последний, и я бесшумно зарысил по подъездной дорожке. Держась в тени зданий, стоявших вдоль проспекта, я следовал за ними на расстоянии сотни ярдов.

Первый оглушающий удар уже отступил, оставив мне странное ощущение отрешенности единственного уцелевшего. Войско впереди маршировало по Нибровикен, мрачные широкоплечие пехотинцы, на голову выше моих шести футов. Они не пели, не разговаривали. Только шагали. Квартал за кварталом. Мимо пустых машин, пустых домов, пустых парков. Мимо валяющейся в канаве дохлой кошки. Я притормозил, уставившись на жалкий взъерошенный трупик.

Незнакомцы свернули направо на Биргер Ярлсгатан, и тут до меня дошло, куда они направляются: к зданию сетевого терминала в Сталлмастаргорден. Укрывшись за громадным высохшим дубом в ста ярдах от них, я наблюдал, как конец колонны свернул в нарядные ворота и исчез за сорванными с петель массивными створками. Один остановился и занял пост у входа.

Я бесшумно пересек улицу, прокрался по тропинке к боковому входу, извел несколько секунд на бесплодные мечты об оставшихся в домашнем сейфе ключах и двинулся в обход. Спотыкаясь на рыхлых голых клумбах, я следовал линии стены, едва видимой в черноватом свете, по моим ощущениям исходившем странным образом вверх от земли, а не изливавшемся с беззвездного неба. Наконец путь мне заступила каменная ограда. Подпрыгнув, я ухватился за ее верхний край, подтянулся, перевалился и пришел на ноги в мощеном дворе позади терминала. Здесь неподвижно застыли полдюжины приземистых челноков особого типа, используемых для работы на нескольких ближних А-линиях — мирах, где общеисторические даты отстояли всего на несколько веков в прошлое и где существовали

другие Стокгольмы с улицами, по которым челноки, замаскированные под крытые фургоны, могли передвигаться незамеченными.

Один из транспортов стоял вплотную к стене терминала. Я влез на его капот и попробовал поднять широкую металлическую раму двойного окна. Она не поддалась. Я спрыгнул на землю и пошарил в темноте под крыдом челнока. Добыв стандартный набор инструментов, я вытащил молоток, вскарабкался обратно и как мог нежнее разбил стекло. Звон раздался просто жуткий. Я замер, весь обратившись в слух и наполовину ожидая криков о недопустимости столь вопиющего хулиганства, но услышал лишь собственное дыхание да скрип рессор челнока, когда я перемещал свой вес.

Помещение, куда я проник, оказалось ремонтной мастерской, уставленной длинными верстаками с разбросанными по ним разобранными компонентами челноков и стенами, увешанными инструментами и оборудованием. Через проход в дальнем ее конце я проник в коридор и подобрался к большим воротам, ведущим в гаражи. Сквозь них доносились еле слышные звуки. Приоткрыв одну створку, я скользнул внутрь, в гулкую тишину широкого, высокого сводчатого ангара. Из полумрака выступал двойной ряд сетевых челноков. Тут дремали тяжелые транспорты на десять человек, разведчики поменьше, рассчитанные на троих пассажиров, и в дальнем конце строя — пара легких одноместных моделей самой последней разработки.

А за ними, подавляя их своими размерами, темнели здоровенные машины странного вида. Огромные и уродливые на фоне элегантно украшенных челноков имперской Службы транссетевого надзора, они напоминали мусорные шаланды, вопреки логике засунутые на каретный двор. Вокруг них мельтешили темные фигуры. Незнакомцы, реагируя на жесты и отдельные приглушенные команды, собирались в группы возле каждого транспорта. Я выдвинулся под прикрытием пустых имперских челноков, пролез между двумя из них и получил возможность лучше видеть происходящее.

Пока я устраивался на своей позиции, одетый в форму здоровяк исчез внутри одной из пяти машин, стоявших с раскрытыми створками. За ним последовал следующий в колонне. Войска, кто бы они ни были, явно сворачивали военные действия. Неуклюжие вислоплечие тяжеловесы, с ног до головы упакованные в мешковатые тускло-серые костюмы с забралами из темного стекла, намеревались отбыть восвояси. Одна из имперских машин мешала плавному течению грузящейся колонны, и после того, как двое, шагнув к ней, подхватили ее под ближний полоз и в один рывок, с тяжелым грохотом и звоном бьющегося стекла опрокинули набок, я невольно подался назад, подальше с глаз пришельцев — разведчик весил добрых две тонны.

Закончилась посадка в первый транспорт. Вся колонна переместилась к следующему. Время стремительно уходило. Через десять минут все эти парни в форме окажутся на борту своих машин и исчезнут. Уберутся обратно на ту линию, с которой прибыли, где бы она ни находилась. Одно было ясно: эти незваные гости из Сети — раса, не знакомая имперским властям и обладающая собственным МК-приводом. Теперь они оставались моей единственной связью с исчезнувшими обитателями опустевшего Стокгольма ноль-ноль. Ждать здесь бессмысленно, придется последовать за ними, узнать, что получится...

Я для бодрости набрал в грудь побольше застойного воздуха и шагнул из своего укрытия наружу. Чувствуя себя уязвимым, как крыса на паркете, я стал пробираться вдоль стены, увеличивая расстояние между собой и незнакомцами. Моей целью был один из двухместных разведчиков — быстрая, маневренная машина с адекватным вооружением и новейшим оборудованием. Добравшись до него, я открыл дверь. Хотя задвижка едва щелкнула, желудок у меня подскочил под ребра. Сигнала тревоги не последовало.

Зловещее свечение проникало всюду. Даже внутри обесточенного челнока его хватало для того, чтобы разглядеть очертания предметов. Я протиснулся в отсек управления, сел в кресло оператора и попробовал запустить главный разогревающий контур.

Ничего не вышло. Я пощелкал другими клавишами. Все тщетно. МК-двигатель оказался таким же безжизненным, как и пустые автомобили посреди городских улиц. Я покинул кресло, пробрался к выходу и бесшумно покинул челнок. Пришельцы продолжали возиться в паре сотен футов от меня, отгороженные рядами челноков. Тем временем в моей голове начала созревать новая идея. И конечно, особого восторга она у меня не вызвала. Так это или нет, но в первую очередь мне необходимо попасть на противоположную сторону терминала. Я повернулся...

Он был всего в десяти шагах от меня, как раз за задним углом челнока. При ближайшем рассмотрении рост широкого в кости пришельца превышал семь футов, а закрытые перчатками кисти казались размером с министерский портфель. Великан шагнул в мою сторону, и я попятился. Еще через два шага мне придется выйти из-за машины, и тогда меня заметит первый, кому приспичит взглянуть в нашу сторону. Я остановился. Чужак приближался, громадная короткопалая лапища тянулась ко мне.

Запястье дернулось — жук-пистолет лег в ладонь. Я навел его на точку чуть ниже середины грудной клетки и выстрелил. Под приглушенный хлопок моего оружия чудовищный парень сложился пополам и рухнул навзничь с таким грохотом, будто упала лошадь в полной упряжи. Я метнулся мимо него под прикрытие соседней машины и приготовился держать оборону. Казалось невозможным, чтобы никто не услышал выстрела и падения жертвы, тем не менее суета на дальнем конце широченного ангара продолжилась в прежнем ритме. Я выпустил воздух их легких, только теперь вспомнив о необходимости дышать. Сердце молотило, словно у загнанного кролика.

Не выпуская пистолета, я вылез из укрытия и вернулся к подстреленному мной пришельцу. Он лежал на спине, раскинувшись, словно огромная медвежья шкура. Сквозь разбитое забрало я увидел широкое, грубое, мертвенно-серое лицо с пористой кожей и широкий полуоткрытый

безгубый рот, позволявший разглядеть квадратные желтые зубы. Маленькие глазки, бледно-голубые, как зимнее небо, безжизненно таращились в потолок из-под густых желтых бровей, пересекавших лоб единой полосой. Сальная прядь светлых волос свешивалась на впалый висок. Более кошмарного и отталкивающего лица мне до сих пор встречать не доводилось. Я попятился от него и скрылся в тени.

Для осуществления нового плана мне следовало добраться до последней линии чужих челноков. Единственный путь к ним лежал через пространство в пятьдесят футов, не укрытых ничем, кроме полумрака. Я шагнул из-за разведчика и двинулся настолько тихо, насколько позволяли гладкие кожаные подошвы. Каждый раз, когда один из пришельцев поворачивал голову в мою сторону, я замирал, дожидаясь, пока тот отвернется. Мне почти удалось достичь цели, когда один из великанов, пересчитывавший бойцов, огляделся по сторонам и уставился в дальний конец громадного ангара. Возможно, обнаружил нехватку личного состава. Внезапно командир издал хриплый, похожий на вопль смертной муки крик. Остальные не обратили внимания. Командир рявкнул какой-то приказ и отправился разбираться.

У меня оставалось не больше полминуты, прежде чем он обнаружит тело недостающего члена экипажа. Я нырнул под защиту ближайшего транспорта, тенью проскользнул к последнему в ряду и зашел со стороны входа. Чисто. Тремя стремительными шагами я достиг входного люка, закинул себя наверх и ворвался в пустую машину.

Тошнотворный дух зверинца, стоявший внутри челнока, все же отдавал некоторой чужеродностью. Я быстрым взглядом окинул пульт управления, кресло оператора, обзорные экраны и координатную таблицу. Все казалось более-менее узнаваемым, но по размеру, форме и в сотнях прочих деталей отличалось от привычных схем Империума и было на редкость неудобным. Я забрался на высокое, широкое, жесткое сиденье и уставился на квадраты и круги пластика, светящиеся неприятными оттенками коричне-

вого и фиолетового. Некоторые из вычурно изогнутых рукоятей, торчавших из панели цвета тусклой охры, сопровождались странными символами, выгравированными на металлических полосках. Пара неуклюже широко расположенных ножных педалей явно пребывала в употреблении не один год.

Я таращился на всю эту мешанину, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот. Для принятия решения у меня осталось несколько секунд, и если оно окажется неверным...

Мое внимание привлек рубильник в центре пульта. Панель вокруг него покрывала сеть многочисленных царапин, а грязно-серый пластик рукояти в нескольких местах протерся насквозь. Догадка не хуже прочих. Я осторожно протянул руку...

Снаружи тишину разорвал дикий вопль. Невольно дернувшись, я ушиб колено об острый угол пульта. Боль вызвала теплый прилив инстинктивного гнева и решительности. Я стиснул зубы, вцепился в рубильник и рывком опустил его.

Свет моментально померк. С гулким ударом захлопнулся входной люк. Плохо пригнанные части панелей задребезжали от тяжелой вибрации. Индикаторные огоньки принялись беспорядочно мигать, а на паре розовых экранов заплясали странные линии.

Могучий удар в борт челнока я ощутил едва ли не собственным телом. Видимо, кто-то из парней хотел попасть внутрь, но слегка припоздал.

Линии на экранах исчезли, уступив место изображениям хаоса, чернеющего на фоне беззвездного неба. Вокруг раскинулась знакомая мне территория, именуемая Пустошью. Сомнений не оставалось — МК-поле действовало, и угнанный челнок нес меня через Сеть альтернативных миров. Судя по ртутному перетеканию одного наружного пейзажа в другой, машина проносилась сквозь параллельные реальности А-линий на устрашающей скорости. Я таки удрал. Следующим шагом следовало определиться, как управляют этим странным транспортом.

Полчаса кропотливых исследований пульта управления позволили мне получить общее представление о назначении его основных компонентов. Настало время попытаться маневрировать трофейным челноком. Я ухватился за рубильник и потянул вверх. Тот даже не шелохнулся. Я попробовал снова, но мне удалось только погнуть металлическую ручку. Я встал, уперся ногами и надавил с плеча. С резким звоном ручка отломалась. Меня отбросило обратно в кресло, и кусок металла загремел по полу. Очевидно, управление заблокировано. По-видимому, владельцы транспорта весьма опасались проявления недовольства потенциального дезертира, решившего прокатиться на их машинке в какую-нибудь идиллическую мировую линию по собственному выбору. Будучи запущен, челнок автоматически ложился на заданный курс, контролируемый навигационной аппаратурой, и я не имел ни малейшей возможности его остановить.

3

Уже два часа транспорт несся по неисследованным и некартированным глубинам Сети. Мне оставалось только сидеть и созерцать поток фантастических образов по ту сторону обзорных экранов. Некогда старший капитан Службы ТСН Уинтер назвал данное явление А-энтропией.

Скорость перемещения, далеко позади оставлявшая даже самые высокие результаты, когда-либо достигнутые техниками Империума, не позволяла разглядеть очертания живых существ. Человек возникал на экране и исчезал с него буквально за долю микросекунды. Однако вокруг наличествовали более постоянные элементы пейзажа — улицы, здания, камень, металл и деревья. Но и они менялись прямо на глазах.

Полузнакомые строения текли, постепенно сжимаясь или расширяясь, обрастая новыми элементами. Дверные проемы росли, уменьшались и исчезали. Красные гранитные блоки покрывала рябь, и они темнели, мало-помалу

превращаясь в серые полированные плиты. Едва читаемая вывеска в окне ближайшего магазина извивалась, преобразовывалась, заглавные латинские буквы искажались, напоминая то кириллицу, то санскрит, а после снова и снова менялись, чтобы смешаться в переплетение бессмысленных символов. Я видел, как, толпясь вокруг более старых зданий, зарождаются сараи и лачуги, мощно разрастаясь в безликие, отталкивающие громады, уходящие ввысь за пределы видимости. Балконы возникали на месте оконных карнизов, перетекая в большие консольные террасы, и сливались между собой, заслоняя небо, а затем, в свою очередь, отступали, открывая новые фасады. Мрачные ребристые колонны, устремленные на тысячу футов в неизменное небо и связанные узкими мостами, смещались, извиваясь, будто пальцы неврастеника, расширялись, раскидываясь бескрайней сетью, паутиной опутывая шпили, изламывались и отступали, оставляя там и тут только темную полосу виадуков, переброшенных теперь между массивными приземистыми башнями, словно цепь, сковавшая плененных чудищ. В одно застывшее, вечное мгновение угнанный челнок мчал меня сквозь линии альтернативной вероятности к своей неизвестной цели.

Сидя в кресле оператора, я зачарованно наблюдал за изменениями окружающей вселенной. Потом с удивлением обнаружил, что клюю носом, и ощутил боль в уставших глазах. Ну конечно! Когда мне последний раз довелось нормально поесть? А поспать? Сколько часов прошло? Наскоро обшарив отсек, я обнаружил грубо сотканную накидку, от которой разило жуткой смесью из запахов мужской раздевалки с ароматом хлева. Усталость помогла взять верх над брезгливостью. Я расстелил добычу на крохотном пространстве между сиденьем и силовым отсеком, свернулся калачиком и позволил ошеломляющему бессилию захлестнуть меня с головой...

...затем резко проснулся. Ровное урчание двигателя, сменив тон, упало до басовитого гудения. Судя по стрелкам на циферблате, я пробыл в пути чуть меньше трех с половиной часов. Однако какой бы короткой по импер-

ским стандартам ни казалась поездка, уродливый, фантастически эффективный челнок занес меня на территорию, куда нашим разведчикам забираться еще ни разу не доводилось. Я кое-как поднялся на ноги и продрал глаза настолько, чтобы разглядеть экраны.

Меня обступила сцена из горячечного бреда. Странные кривые башни торчали посреди темных пустырей, где вились многочисленные тропинки, протоптанные прямо через горы мусора и столпотворение лавок, между арочных входов без дверей и телег с громадными колесами, нагруженных незнакомыми мне деревянными, металлическими или кожаными штуковинами. С каменных притолок карнизов и пилястров таращились и гримасничали гротескные резные физиономии, похожие на бесов с ацтекских гробниц. Пока я очумело хлопал глазами, пение двигателя, упав до слабого шепота, окончательно стихло. Пейзаж на экранах прекратил свою бесконечную трансформацию и замер, обретя подлинность. Я куда-то прибыл.

К моему немалому удивлению, улица — если, конечно, данный термин подходил к этому тесному, замусоренному проходу — по-прежнему оставалась пустынной, а от всех поверхностей под мертвой, беспросветной чернотой неба исходило знакомое, наводящее ужас гнилушечное свечение.

Без всякого предупреждения меня вдруг согнула пополам волна тошноты. Казалось, пол челнока взметнулся вверх и завертелся волчком. Неведомые силы схватили мое тело, растянули в медную проволоку, продели сквозь раскаленное докрасна игольное ушко и смяли в ком, подобно металлопрессу, лепящему кубики из отслуживших свой срок автомобилей. До меня донесся странный свист. Я не сразу сообразил, что сам являюсь его источником — легкие, в попытке исторгнуть вопль агонии, тщетно пытались вобрать в себя воздух...

Давление исчезло столь же внезапно, как и появилось. Я лежал на спине, разметав руки по жестком полу. Дыхание вернулось к норме, тело осталось прежним, глаза следили за огоньками, что гасли, мигая, на пульте управле-

ния. Острая, ободряющая боль вспыхнула в честно разбитой коленке, а сквозь дырку в ткани проступило темное пятнышко крови. С кряхтением поднявшись на ноги, я перевел взгляд на экран.

Двухфутовый прямоугольник обзорной панели теперь показывал толпу, заполнившую узкую улицу, пустынную всего секунду назад. Столбы солнечного света, устремляясь сквозь сумрачные проемы между башнями, порождали замысловатую игру ярких бликов с пятнами тени в водовороте приземистых, неуклюжего вида, длинноруких существ.

За спиной у меня раздался металлический скрежет. Я резко обернулся. Створки входного люка, подскочив, распахнулись, челнок вздрогнул, накренился, и передо мной предстало клыкастое чудовище с бугристой лысой башкой, широким, тонкогубым, лишенным подбородка лицом и громадными, необычного вида ушами. Массивное, лишенное даже намека на изящество тело перехватывали многочисленные ремни с застежками, а на всех конечностях побрякивали браслеты, такие же уместные, как блондинистая шкура этой гориллы.

Мышцы правого запястья напряглись, готовые выбросить в ладонь жук-пистолет. Я заставил себя расслабиться, позволив рукам повиснуть вдоль тела. Мне не составляло труда убить этого парня. Этого и любого, кто войдет внутрь челнока. Но здесь на карту было поставлено нечто большее, нежели моя личная безопасность. Всего несколько секунд назад я видел чудо превращения пустынной улицы в кишащий народом базар, до краев заполненный движением и солнечным светом. Если этим уродливым золотоволосым обезьянам известен секрет такого колдовства, возможно, и мой собственный Стокгольм имеет шанс воскреснуть из мертвых... осталось лишь узнать этот секрет.

— Ладно, большой мальчик,— произнес я вслух.— Я иду с миром.

Тварь, вытянув лапу, плюхнула мне на плечо похожую на ковш экскаватора ладонь и, буквально подняв меня в воздух, швырнула к выходу. Я срикошетил от края люка

и вывалился наружу. В ноздри мгновенно ворвался запах брокколи, гниющей посреди морга. По обступившей меня волосатой толпе волной прокатился глухой настороженный рык. Твари прянули в стороны, что-то быстро и невнятно лопоча. Поднявшись на ноги, я стряхнул с пиджака налипший на него базарный мусор. Мой новый знакомый подошел сзади, схватил меня за руку, словно хотел ее оторвать, и сильным толчком отправил вперед. Я поскользнулся на арбузной корке и снова упал, заработав удар по спине и плечам, не уступавший в силе рухнувшему дереву. Я зарычал, исполнившись намерений произнести речь белого бога, предпринял попытку подняться на четвереньки и получил пинок, благодаря которому пропахал лицом кучу какой-то губчатой вонючей гадости. Отплевываясь, я поднялся, и в тот же миг от сокрушительного удара по лицу яркие, как салют Четвертого июля* в другом мире, созвездия взорвались у меня над головой.

Потом я изредка, для облегчения боли от впившихся в подмышки жестких пальцев, предпринимал вялые попытки перебирать волочащимися ногами. Меня наполовину вели, наполовину тащили двое волосатых верзил. Я то и дело запинался, а они знай расталкивали плечами бормочущую толпу. Зрители, выпучив похожие на голубые мраморные шарики глаза, неохотно убирались с дороги, продолжая таращиться на меня, словно на жертву странной и ужасной болезни.

Волокли меня, кажется, довольно долго. Я даже успел постепенно приспособить сознание к реальности факта личного знакомства с существами, ранее представлявшимися мне исключительно в качестве персонажей из сказок о великанах, троллях и прочих с грохотом ворочающихся в ночи тварях.

Ну как тут усомнишься в подлинности данных индивидуумов? Вот они. Воняют вдвое сильнее, чем можно представить. Толстые, как бананы, пальцы скребут волосатые бока. Громадные желтоватые боевые клыки скалятся в гримасах восторга или отвращения. Нависли надо мной, словно злые гоблины над маленьким мальчиком.

* Четвертое июля — День независимости США.

Я, спотыкаясь, брел сквозь пронзительный гвалт и вызывающую слезы вонь к неведомой судьбе, которую тролли уготовили смертным, случайно угодившим к ним в лапы.

Из узкой улочки мы вышли на более широкий, но не более чистый проспект, окаймленный многоярусными прилавками, где восседали на корточках сивогривые торговцы, поглядывая вниз со своих насестов, выкрикивая цены, швыряя покупателям покупки и на лету подхватывая толстые квадратные монеты. Здесь громоздились кучи фруктов, странной формы глиняные горшки всех размеров, закрытые крышками и запечатанные лиловатым дегтем, тускло-коричневатые коврики из грубого волокна, хрупкие на вид изделия из кованого листового металла, сбруи, полосы кожи с массивными бронзовыми пряжками, струны из ярко полированной латуни и медные диски, похожие на конские украшения из курганов Старой Англии.

И по всему этому фантастическому базару бурным потоком текла пестрая орда разнообразных приматов — дюжина рас и расцветок волосатых как-бы-людей, полулюдей, обезьянолюдей. Человекоподобные великаны с густыми зарослями синеватых волос, обрамляющих ярко-красные лица. Невероятно высокие, стройные существа, покрытые лоснящейся черной шерстью, на забавно коротких ногах с длинными плоскими ступнями. Широкие приземистые персонажи с круглыми плечами и длинными вислыми носами. На некоторых я разглядел громадные петли или нити полированных бронзовых украшений, у других на кожаных лентах, составлявших, похоже, их единственное одеяние, болтались всего одна-две медные побрякушки. У иных, наиболее замызганных представителей этого мира с плечами в мозолях от ремней и натруженными босыми ногами отсутствовала даже бронза. А над толпой, над базаром, над строениями живым балдахином висела туча громадных синих и зеленых мух.

В какой-то момент толпа расступилась, пропуская огромного медлительного зверя размером с небольшого

индийского слона, шагающего той же тяжеловесной поступью. Правда, нос твари более походил на удлиненный свиной пятачок, зато под ним из нижней челюсти поверх висячей верхней губы торчали два здоровенных совковых бивня желтой слоновой кости, покрытые слюной и пеной. Широкие кожаные полосы в дюйм толщиной связывали зверя с тяжелой телегой, нагруженной пузатыми бочками. Косматый возница, восседая на куче поклажи, щелкал по спине животного плетеным бичом. Чуть дальше двое невысоких дюжих человекообразных — по моим прикидкам, каждый из них весил не менее пятисот фунтов — потели в упряжке рядом с клыкастым мастодонтом, чьи тупые бивни были закрыты шестидюймовыми деревянными насадками.

Мы добрались до конца бульвара, и после короткой заминки — моим конвоирам пришлось пинками отшвырнуть нескольких наиболее настырных зевак — меня потащили вверх по широким замусоренным неровным каменным ступеням. Совершив восхождение, наша компания нырнула в широченный, лишенный дверей проем обширного холла неопределенной формы, где два низколобых охламона в черных ремнях с полированными бронзовыми бляшками поднялись с корточек нам навстречу. Пока большие парни разыгрывали сцену угрюмого воссоединения старых друзей, я прислонился к стене и занялся вправлением плеч обратно в суставы. Тем временем из жаркого сумрака этого гигантского, пропахшего зверинцем термитника выныривали все новые и новые приматы. Они наклонялись надо мной, морщили лбы и гримасничали, постоянно тыча в меня пальцами размером с ружейные стволы. Я пятился, вжимаясь в стену, и совершенно некстати вспомнил котенка, которого Гаргантюа очень любил, пока тот не сломался...

Мои провожатые протолкались сквозь кольцо моих почитателей, вновь по-хозяйски стиснули мне руки, рыкнули, видимо требуя освободить дорогу, и погнали меня в один из арочных проемов, ведущих в глубину сооружения. С некоторым трудом вспомнив о необходимости изучить маршрут на случай самостоятельного отступления, я поначалу даже пытался запоминать повороты и изгибы, подъемы и спуски похожего на туннель коридора, однако довольно быстро утратил способность к ориентированию. В здании царила почти непроглядная темень. Маленькие лампы накаливания, испускавшие тусклый желтоватый свет примерно через каждые пятьдесят футов, едва позволяли рассмотреть лужицы на полу, грубо обтесанные стены и множество боковых ответвлений. Через пару сотен ярдов проход раздался в сумрачную тридцатифутовую пещеру. Один из моих надзирателей, порывшись в куче мусора, извлек широкую полосу толстой черноватой кожи, прикрепленную к стене длинной веревкой. Он застегнул ремень на моем правом запястье, подтолкнул меня в спину, отошел и уселся возле стены на корточки. Второй двинулся по коридору, резко загибавшемуся кверху, и вскоре пропал из виду. Я, отпинав в стороны всякое старье и отбросы, расчистил на полу достаточно места и также пристроился на отдых. Теперь оставалось только ждать. Рано или поздно кто-нибудь из их начальства захочет допросить меня. Тогда я попробую наладить общение, ведь должны же мои захватчики обладать хоть какими-нибудь лингвистическими навыками. Как-никак — путешествующая по Сети раса. После этого...

Я во весь рост растянулся на загаженном полу и успел лишь подумать о том, каким поразительно уютным бывает иногда осклизлый кирпич.

Большая твердая ступня пнула меня. Я начал медленно садиться, был вздернут на ноги веревкой, и меня погнали по очередному вонючему проходу. Я уже едва переставлял отяжелевшие конечности, а желудок ощущался как открытая рана. Попытался прикинуть, сколько часов прошло с того момента, как я последний раз поел, но сбился со счета. Мозги работали вяло, как часовой механизм, погруженный в сироп.

Помещение, куда мы прибыли, грубоокруглой формы, с нишами в неровной поверхности стен, имело сводчатый потолок и располагалось, вероятно, где-то наверху. Напоминало оно скорее вольер в зоопарке, нежели комнату в человеческом жилище. Нестерпимо воняло дерьмом и

гнилым сеном. Я даже украдкой огляделся в поисках отверстия, из которого вылезает медведь, но увидел только кучи тряпья, наваленного в некоторых из ниш.

В это время одна такая куча зашевелилась, и передо мной предстал невероятно ветхий и обшарпанный представитель местной расы. Двое моих сопровождающих подтолкнули меня ближе к древнему старцу. Оба теперь выглядели слегка присмиревшими, как и полагается в присутствии существа более высокого ранга. Слабый свет, сочившийся сквозь пробитые по периметру стены дыры, позволил мне разглядеть, как медленно поднялась обтянутая серой кожей рука. Своей похожей на клешню кистью старец судорожно заскреб побитую молью шерсть на груди. Потом я увидел глаза. Тускло-голубые, полуприкрытые набрякшими верхними веками, они угнездились в кроваво-красных полумесяцах отвисших нижних век. Пристально, не мигая, существо уставилось на меня. Из зияющих полудюймовых ноздрей торчали пучки густой серой шерсти. Сморщенный беззубый рот по ширине не уступал заднему карману человеческих брюк. Остальная часть лица представляла собой нагромождение одутловатых морщин, обрамленное длинными прядями нечесаных белых косм, из которых торчали уши с невероятно длинными мочками, непристойно розовые и голые. Волосы на подбородке, слипшиеся от слюны и остатков еды, сосульками свисали над впалой грудью и прижатыми к ней костлявыми голыми коленями цвета серого камня. Я, случайно вдохнув, поперхнулся невыносимой, как от гниющего кита, вонью, и мое тело согнулось пополам в приступе кашля. Один из провожатых поспешно вздернул меня обратно в нужную позу.

Патриарх издал хриплый каркающий звук. Я ждал, дыша ртом. Тюремщик встряхнул меня и что-то мне пролаял.

— Извините, ребята,— прохрипел я.— Моя твоя не понимай.

Бородатый старик подскочил, словно его ткнули раскаленной кочергой, и что-то провизжал. До меня долетели брызги слюны. Не переставая верещать, патриарх прыгал с удивительной энергией, потом, внезапно оборвав выступ-

ление, он резким движением приблизил свое лицо к моему, а охранник на всякий случай жестко взял меня за шею. Я уставился в голубые глаза — такие же человеческие, как и мои, только посаженные на эту жуткую карикатурную рожу с ее открытыми порами величиной со спичечные головки и ручейком слюны, проложившим путь из отвисшего рта в редкую бороду...

Старец с фырканьем подался назад, взмахнул рукой и произнес еще несколько фраз. Как только он закончил, тонкий голосок донесся откуда-то слева. Мои провожатые торопливо развернули меня в том направлении, где зашевелилась очередная шелудивая медвежья шкура, и держали, покуда второй обитатель зверинца, еще более уродливый, таращился и пускал слюни. Взгляд мой пропутешествовал к нише, расположенной в следующем ярусе. Сквозь полумрак мне едва удалось разглядеть снабженные подпорками кости скелета, пустые глазницы черепа, сардоническую ухмылку массивных челюстей и толстый кожаный ошейник, по-прежнему охватывающий шейные позвонки. Очевидно, выдвижение в местный Верховный суд являлось пожизненным назначением.

Меня дернули за руку, и это движение вернуло меня к более неотложным материям — дедушка передо мной вопил. Я молчал. Он поднял губу, обнажив беззубые пожелтевшие десны и язык, похожий на набитый песком розовый носок, и перешел на визг. Данное действие пробудило от спячки новых мудрецов. Уханье и клекот теперь раздавались сразу с нескольких сторон.

Мои охранники послушно подвели меня к следующему судье, тучному субъекту с раздутым пузом, где в зарослях редкой шерсти, словно гончие в поисках потерянного следа, беспорядочно сновали большие черные блохи. У этого еще сохранился один зуб — загнутый, желтовато-коричневый клык больше дюйма длиной. Его он мне и продемонстрировал. Затем, издав булькающий звук, нагнулся вперед и занес для удара длинную, как портальный кран, ручищу. Мои бдительные стражи отдернули меня, а я на всякий случай втянул голову в плечи, исполнившись

мимолетного чувства благодарности к провожатым. Даже этому дряхлому безумцу, дотянись он до меня, наверняка хватило бы сил размозжить мне челюсть или сломать шею.

Далее мы двинулись на жалобный крик из ниши, расположенной в самом верхнем и темном ярусе. Тощая рука без двух пальцев, ухватив скрюченное тело, подтянула его в сидячее положение. На меня сверху вниз смотрела половина лица. Сначала шли шрамы, потом рваный край, затем голая кость на месте правой щеки. Глазница сохранилась, но пустая, обтянутая сморщенными, ввалившимися веками. Уполовиненный рот, лишенный возможности закрываться как следует, застыл в подобии мертвой вислогубой улыбки, придававшей образу ее обладателя тот же нервирующий оттенок, что и пуделиная стрижка — гиене.

Я уже шатался и реагировал не так быстро, как того хотелось моим поводырям. Тот, что слева, по-видимому наиболее жестокий, поднял меня за руку, шваркнул вниз, вздернул обратно на ноги и встряхнул, будто пыльное одеяло. Я зашатался, поймал равновесие и, вывернув кисть из захвата, двинул ему в брюхо. С тем же успехом я мог напасть на мешок с песком. Здоровяк небрежно вернул меня в прежнее положение. Похоже, он даже не понял, что его ударили.

Потом мы некоторое время торчали посреди зала, а совет старейшин пребывал в глубоком, но шумном раздумье. Закрытием заседания послужила горсть мусора, посланная толстобрюхим в ответ на могучий плевок, адресованный ему через все помещение одним из взбешенных оппонентов. Стражники попятились, вытолкали меня в коридор и погнали на очередную прогулку по кривым переходам. Из зала у нас за спиной неслись уханье и рык.

Данное путешествие закончилось еще в одном помещении, представлявшем собой бесформенное расширение коридора. К одной из стен здесь притулилась каменная скамья, другую украшал неровный ряд грубых полок, способных вместить средних размеров гроб. Мутный свет от обычной лампочки падал на кучу мусора и всевозможное оборудование неизвестного назначения. В центре рукотворной пещеры зияло отверстие, откуда доносилось журчание. Судя по запаху, санитарные удобства. На сей раз меня привязали за лодыжку и позволили сидеть на полу. Еще мне сунули глиняный горшок с какой-то кашей. Я понюхал, закашлялся, отодвинул предложенное угощение. Оказывается, я пока не настолько проголодался.

Миновал час. У меня сложилось ощущение, будто мы чего-то ждем. Двое моих приятелей — или двое других, я бы не взялся утверждать со всей определенностью — сидели на корточках у противоположной стены, без разговоров черпая ужин из жральных горшков. Я уже почти не чувствовал запахов, обонятельные нервы совсем онемели. То и дело вваливался кто-нибудь еще, подходил попялиться на меня, затем убирался.

Наконец прибыл посыльный и что-то повелительно пролаял. Мой эскорт поднялся на ноги, тщательно облизал пальцы толстыми розовыми языками величиной с подметку и, освободив мою ногу от браслета, снова погнал меня вперед. Теперь мы двигались вниз, раз за разом сворачивая в боковые ответвления, миновали широкий зал, где не меньше пятидесяти здоровенных дядек сидели на длинных скамьях — явно какое-то собрание,— мимо входа, откуда сиял свет позднего вечера, затем снова вниз в узкий проход, который заканчивался тупиком.

Левый — мой более жестокий спутник — поднял меня за руку и швырнул к круглому отверстию двух футов в поперечнике, расположенному в полуметре над полом. Отверстие походило на крысиную нору-переросток, достаточно широкую, чтобы в нее мог пролезть человек. Мгновение я колебался, пытаясь сформулировать для себя план дальнейших действий. Наше совместное путешествие, судя по всему, наконец-то завершилось. Стоит мне оказаться внутри, и возможности бежать может больше не представиться. Впрочем, такой возможности не представлялось и до сих пор.

Удар по голове впечатал меня в стену. Я сполз на пол и перевернулся на спину. Провожатый склонился надо

мной, замахиваясь для новой затрещины. Хватит с меня этого парня. Не задумываясь о последствиях, я согнул колено и встретил выпад здоровяка жестким ударом в пах. Тот согнулся пополам, и второй мой удар пришелся ему точно в пасть. Я мельком заметил проступившую розоватую кровь...

Второй обезьяночеловек поспешно сгреб меня за шиворот и почти небрежно засунул в нору. Я торопливо пополз во влажный холод и плотный дух хорошо выдержанного французского сыра. Следующие пять футов привели меня к обрыву. Ощупав край, я обнаружил пол двумя футами ниже, перекинул ноги и встал лицом ко входу. Жук-пистолет автоматически хлопнулся в ладонь. Когда Большой Мальчик сунется сюда, его ждет сюрприз.

Однако меня никто не преследовал. На фоне дыры в стене я видел оба гигантских силуэта, причем Левый, опираясь на своего приятеля, издавал жалобные писклявые звуки. Очевидно, их должностные инструкции не позволяли мстить новичкам сразу.

4

Согласно традиции, узнику, угодившему в темную незнакомую камеру, первым делом следует измерить шагами свое пристанище. Считается, что подобный маневр обеспечивает мистическое ощущение контроля над окружающей обстановкой. Разумеется, по-настоящему меня никто не запирал. Я в любой момент мог выползти наружу, однако, ввиду перспективы оказаться там в обществе Левого, идее не хватало привлекательности. Оставалось приступить к измерениям.

Я начал от выхода, сделал шаг фута в три и врезался в стену. Туда никак.

Вернувшись на исходную позицию, я сделал более осторожный шаг, затем еще один...

— Vansi pa'me'zen pa,— донесся из темноты мягкий тенор.— Sta'zi?

Я отступил на шаг. Пистолет по-прежнему лежал у меня в ладони. Тот другой тоже имел свое преимущество: его глаза наверняка привыкли к темноте, а моя фигура четко вырисовывалась на фоне бледного света из крысиного лаза. Я мгновенно распластался на полу, чувствуя, как холодная влажность грубого камня проникает сквозь одежду.

— Bo'jou', ami,— произнес голос.— E' vou Gallice?

Кто бы там ни притаился, это наверняка собрат-заключенный. И язык его ничуть не походил на хрюканье и щелканье троллей снаружи. Однако я пока не испытывал порыва броситься вперед и скрепить знакомство рукопожатием.

— Kansh'tu dall'Scansk...

На этот раз я почти уловил смысл. Акцент был ужасный, но слова звучали почти по-шведски...

— Возможно, англик, вы? — снова поинтересовались из темноты.

— Возможно,— отозвался я внезапно охрипшим голосом.— Кто вы?

— Вот хорошо! Я взял отблеск от вас, так что вы вошли.

Акцент смутно напоминал венгерский, а в последовательности слов я пока не уловил особого смысла.

— Почему поймать они вас? Куда от пришелец вы?

Я отполз на несколько футов в сторону, подальше от источника света. Пол слегка уходил вверх. Я решил было воспользоваться фонариком, но передумал. Такой маневр сделает меня еще более удобной мишенью, если вдруг мой сосед по камере затеял в отношении меня что-либо недружелюбное. А исходя из всего моего опыта пребывания в стране гигантских приматов, настраиваться на иное пока не следовало.

— Не стесняйте себя,— подбодрил голос.— Я друг.

— У вас спросили, кто вы.

Я продолжал щетиниться. Еще бы. Я устал, проголодался, был покрыт синяками, и в данный момент разговоры со странным голосом из темноты воздействовали на нервную систему отнюдь не самым успокаивающим образом.

— Сэр, имею честь сделать известным себя: полевой агент Дзок, к вашим услугам.

— Полевой агент чего? — В моем тоне появились жесткие нотки.

— Возможно, лучше для дальнейших признаний подождать более близкого знакомства,— ответил полевой агент.— Пожалуйста, вы будете говорить еще, таким образом позволяя мне установить диалект более близко.

— Этот диалект — английский.

Я отступил еще на шаг, забираясь повыше. Я не знал, видит он меня или нет, но древняя аксиома велит занимать позицию сверху...

— Английский? Ах да. Думаю, теперь мы запустили правильную мнемоническую цепочку. Не очень известная побочная ветвь англика, но, полагаю, моя лингвистическая подготовка — одна из наиболее полных для агента четвертого класса. У меня лучше получается?

Речь прозвучала ближе, равно как и правильнее.

— У вас прекрасно получается,— заверил я его и быстро перекатился вперед.

Слишком поздно моя измученная спина почувствовала границу между камнем и пустотой. Вскрикнув, я перевалился через край террасы и грянулся о твердый пол тремя футами ниже. Уши наполнились звоном, перед глазами вспыхнули яркие огни. Чья-то рука легла мне на грудь, затем подсунулась под голову.

— Прости, старина.— Голос звучал совсем близко.— Я должен был предупредить тебя. Сделал то же самое в свой первый день здесь...

Я сел, быстро ощупал себя и пространство вокруг. Нашарив жук-пистолет, сунул его в наручную кобуру.

— Полагаю, я немного перестраховался,— заметил я.— Просто не ожидал наткнуться еще на одно человеческое существо в этом проклятом месте.

Я подвигал челюстью, нашел ее по-прежнему действующей, потрогал ссадину на локте.

— Вижу, вы повредили руку,— произнес мой сокамерник.— Позвольте наложить немного мази на это...

Он пошевелился. Щелкнула какая-то застежка, и послышалась возня. Я вынул фонарик и нажал кнопку. Судя по ослепительной вспышке, он работал вполне исправно. Я навел луч на незнакомца и едва не вывихнул челюсть.

Агент Дзок, отвернув голову от света, сидел на корточках в ярде от меня с небольшой аптечкой в руках — руках, покрытых короткой шелковистой красновато-бурой шерстью, уходившей под грязные обшлага изорванной в лохмотья когда-то белой униформы. Я ошалело разглядывал длинные могучие руки, потертые ботинки из мягкой кожи на странно длиннопятых ногах, маленькую круглую голову. Дзок повернул ко мне темнокожее остроносое лицо и заморгал глубоко посаженными желтоватыми глазами. Широкий рот расплылся в улыбке, обнажив квадратные желтые зубы.

— Свет немного ярковат,— произнес он мелодичным голосом.— Я так долго пробыл в темноте...

— Извините.— Я сглотнул и выключил фонарь.— Что... кто, вы сказали, вы такой?

— Вы выглядите немного испуганным,— заметил Дзок с вежливым ехидством.— Я так понимаю, вы еще не встречались с моей ветвью гоминидов?

— У меня сложилось странное представление, будто мы, гомо сапиенс, являемся единственной ветвью семьи, дожившей до кайнозоя. Встретить ребят снаружи и так было настоящим шоком. А теперь вы...

— Хм. Полагаю, наши два семейства разошлись примерно в позднем плиоцене. Хагруны отпочковались несколько позже, примерно в конце плейстоцена — скажем, полмиллиона лет назад.— Он негромко рассмеялся.— Как видите, они представляют более близких родственников вас, сапиенсов, чем мы, ксониджил...

— Удручающая новость.

Жесткая ладонь Дзока нашарила мою руку и слегка сжала ее, пока он обрабатывал ссадину. Прохладная мазь, едва коснувшись кожи, начала быстро вбирать в себя пульсирующую боль.

— Как получилось, что они вас сцапали? — спросил Дзок.— Я так понимаю, вы были одним из группы, захваченной в ходе рейда?

— Насколько мне известно, я единственный.

Я все еще осторожничал. Дзок производил впечатление достаточно дружелюбного существа, но избыток шерсти на его теле придавал ему слишком уж большое сходство с хагрунами, по вполне понятным причинам не вызывавшим у меня особой симпатии. Последние, возможно, и состоят в более близком родстве со мной, а не с полевым агентом, но у меня пока не получалось не валить их мысленно в одну кучу. Хотя, если честно, Дзок скорее напоминал мартышку, нежели человекообразную обезьяну.

— Любопытно,— заметил мой новый знакомый.— Схема обычно предполагает поимку минимум пятидесяти особей. Я теоретизировал, что это представляет своего рода минимальный объем группы, ради которого стоит возиться с необходимым культурным анализом, ознакомлением с языком и так далее.

— Необходимым для чего?

— Для использования пленных,— пояснил Дзок.— Хагруны, разумеется, работорговцы.

— Почему «разумеется»?

— Я полагал, вы знаете, будучи жертвой...— Он умолк.— Но тогда вы, возможно, из другой категории. Говорите, вы единственный, кого захватили в плен?

— А как насчет вас? — проигнорировал я вопрос.— Как вы сюда попали?

Агент вздохнул.

— Боюсь, я был слегка неосторожен. Я весьма наивно полагал, что среди этих масс разноплеменных гоминидов я пройду незамеченным. Увы, меня засекли мгновенно. Слегка поколотили, отволокли пред трибунал столетних старцев для допроса, но я сделал вид, что не понимаю их.

— Вы хотите сказать, что говорите на их языке? — перебил я.

— Естественно, мой дорогой друг. Агент четвертого класса едва ли может эффективно работать без лингвистической подготовки.

Я пропустил это мимо ушей.

— Какие вопросы они вам задавали?

— На самом деле кучу махровой чепухи. С некосмополитичными расами крайне трудно общаться на осмысленном уровне; базовые культурные аксиомы варьируются так широко...

— Но мы-то с вами, кажется, вполне справляемся.

— Ну, в конце концов, я же полевой агент Державы. Нас специально тренируют на развитие коммуникативных способностей.

— Может, вы лучше начнете чуть более издалека? О какой державе вы говорите? Как вы сюда попали? Откуда вы вообще? Где вы учили английский?

Дзок уже закончил возиться с моей рукой. Он добродушно хохотнул. Заключение в ужасных условиях его, похоже, не беспокоило.

— Я буду отвечать на эти вопросы по очереди. Предлагаю теперь перебраться ко мне на нары. Я сложил в единственном сухом углу несколько лоскутов ткани. И вероятно, вы не откажетесь от некоторого количества чистой пищи после того тошнотворного месива, которое производят наши здешние друзья.

— У вас есть еда?

— Аварийный паек. Я расходовал его экономно. Не очень вкусно, но довольно питательно.

Мы добрались до полкообразного возвышения в правом дальнем углу камеры, и я растянулся на тщательно расстеленных сухих тряпках.

— Проглотите это,— велел Дзок, вложив в мои пальцы крошечную капсулу размером с яйцо малиновки.— Сбалансированный рацион на двадцать четыре часа; распределенный концентрически, разумеется. На переваривание уходит около девяти часов. Вода тоже есть.— Он передал мне глиняную кружку с толстыми стенками.

Я с трудом сглотнул, протолкнув пилюлю в горло, и заметил:

— Должно быть, у вас глотка больше моей. Так как насчет моих вопросов?

— Ах да, Держава. Это великое правительство, осуществляющее юрисдикцию над всем тем регионом Паутины, что лежит в радиусе двух миллионов Э-единиц от родной линии...

Я слушал и думал, как эти новости будут восприняты имперскими властями, когда я вернусь... если вернусь... если вообще есть куда возвращаться. Не одна путешествующая по Сети раса, а сразу две — и обе чужды друг другу, так же как и нашей. И все три несомненно претендуют на постоянно расширяющуюся территорию...

Дзок продолжал:

— ...наша работа в секторе Англик была ограничена по очевидным причинам...

— Каким очевидным причинам?

— Нашим ребятам едва ли удастся внедриться к вам незамеченными,— сухо пояснил полевой агент.— Так что мы практически предоставили сектор самому себе...

— Но вы же бывали там?

— Только формальное наблюдение, в основном в нулевом времени, разумеется...

— У вас слишком много «разумеется»,— вставил я.— Но продолжайте, я слушаю.

— Наши карты весьма схематичны. Существует обширная пустынная зона К...— Он откашлялся.— Обширная пустынная зона, известная как Развалины, внутри которой не уцелело ни одной мировой линии, окруженная весьма широким спектром родственных линий, центральным культурным источником которых является североевропейское техническое ядро — довольно низкоуровневые технологии, честно говоря, но первые ростки просвещения уже появляются и там...

Он продолжал беглый обзор огромного числа А-линий, которые составляли сферу деятельности Державы. Я не стал привлекать его внимание к ошибочному представлению относительно полного отсутствия жизни в Пустыне, равно как и к демонстративной неосведомленности о существовании линии с возможностями путешествий по Сети. Эту информацию я приберег про запас.

— ...сфера деятельности Державы неуклонно расширялась на протяжении последних пятнадцати сотен лет,— говорил агент.— Наши уникальные способности перемещаться по Паутине, естественно, несут с собой определенную ответственность. Ранние тенденции к эксплуатации давно преодолены, и теперь Держава просто осуществляет полицейскую и миротворческую функцию, одновременно получая полезное сырье и готовые товары из тщательно выбранных мест на обычной коммерческой основе.

— Угу.

Я уже слышал подобный текст раньше. Он сильно напоминал речь, которую мне задвинули Бернадотт с Рихтгофеном и остальные, когда я впервые прибыл в Стокгольм ноль-ноль.

— Моя миссия здесь,— продолжал Дзок,— заключалась в раскрытии сил, стоящих за налетами работорговцев, причинявших столько горя и беспокойства на периферии Державы, и затем — в рекомендации оптимального метода устранения источника неприятностей при минимальном внешнем вмешательстве. Как я уже вам рассказывал, я сильно недооценил наших хагрун. Меня арестовали через четверть часа после прибытия.

— А английский вы выучили во время посещений, э-э, сектора Англик?

— Я никогда не посещал сектор лично, но лингвистические библиотеки, естественно, отслеживают развивающиеся диалекты.

— Ваши друзья знают, где вы?

Дзок вздохнул.

— Боюсь, что нет. Я, как я теперь понимаю — к сожалению, с некоторым запозданием,— чрезмерно зарвался в намерении произвести впечатление. Я воображал, как представляю отчет в штаб-квартиру СМЛН вместе с аккуратно упакованным и перевязанным розовой ленточкой решением проблемы. Вместо этого... Ну, в свое время они заметят мое длительное отсутствие и приступят к поискам моего следа. В данный же момент...

— В данный момент что?

— Мне остается только надеяться, что они начнут действовать до того, как придет моя очередь.

— Ваша очередь куда?

— А вы не знали, старина? Ну разумеется, не знали: вы же не говорите на их скотском диалекте. Понимаете, это все из-за недостатка пищи. Они каннибалы. Пленников, которым не удается доказать свою полезность в качестве рабов, они убивают и съедают.

— И сколько примерно,— спросил я Дзока,— нам, по-вашему, осталось?

— По моим прикидкам, я здесь уже три недели,— вздохнул агент.— Когда я прибыл, здесь сидели двое бедняг — пара рабов низкого интеллектуального уровня. Насколько я сумел определить, они пробыли здесь недели две. Забрали их около недели назад. Какой-то праздник для большого начальника, как я понял. Судя по виду меню, эти их ужасные зубы им пригодятся. Не вдруг разжуешь, сказал бы я.

Я начинал понимать агента Дзока. Его небрежный тон маскировал тоскливую убежденность в перспективе самому не сегодня завтра оказаться в хагрунском котле.

— В таком случае, полагаю, нам лучше начать думать о том, как отсюда выбраться,— предложил я.

— Я надеялся, что вы поймете,— обрадовался Дзок.— У меня есть некоторый шанс, но для этого потребуются двое. Насколько хорошо вы лазаете?

— Нужно будет, залезу,— коротко ответил я.— Каков план?

— В коридоре дежурят двое. Нам надо заманить одного из них внутрь, чтобы разобраться с ним отдельно. Это не должно быть особенно трудно.

— Как мы пройдем мимо второго?

— Эта часть несколько сложнее, но не невозможна. Я тут припрятал кое-какие материалы: элементы моего аварийного комплекта жизнеобеспечения, а также некоторое количество вещей, которые я запас с момента прибытия. Имеется также грубая карта, набросанная мной по памяти. Нам надо преодолеть приблизительно сто метров коридора, прежде чем мы доберемся до бокового входа, который я пометил как путь к бегству. Наша единственная надежда — не наткнуться на толпу хагрун прежде, чем мы доберемся до него. Наш маскарад не выдержит пристальной проверки.

— Маскарад? — Я поймал себя на ощущении, будто меня занесло в чужой пьяный бред.— Кем пойдем? Дракулой и волколаком?

Голова вдруг закружилась, а к горлу подступил ком рвотной мути. Я лег на тряпки и прикрыл глаза. Откуда-то издалека донесся полузнакомый голос Дзока.

— Отдохните как следует. Я сделаю свои приготовления. Как только вы проснетесь, мы совершим нашу попытку.

Проснувшись на звук чьей-то речи — сердитого отрывистого рыка,— я сел, моргая в глубоком мраке. Дзок произнес что-то мягким тоном, и в ответ ему снова раздался раскатистый звериный рык. Теперь я его учуял. Вонь сердитого хагруна пробивалась даже сквозь застоявшееся зловоние камеры. Потом мои глаза различили его — здоровенного бугая, темнеющего возле входа. Как только ему пролезть удалось? Даже мне крысиный лаз не казался достаточно просторным...

— Лежи неподвижно и не издавай звуков, англик,— шепнул Дзок тем же успокаивающим тоном, каким обращался к хагруну.— Этому нужен я. Похоже, мое время вышло...— Он снова перешел на странный диалект.

Хагрун зарычал и сплюнул. Его рука протянулась к Дзоку, и полевой агент, поднырнув под нее, нанес более крупному существу удар в грудь. Великан всхрюкнул, слегка пригнулся и снова протянул лапу. Я, вскочив на ноги, шевельнул запястьем. Плотный шлепок по коже ладони известил меня о приведении жука-пистолета в боевой режим. Дзок отступил, тюремщик прыгнул, одновременно нанеся удар, пробивший защиту агента, и тот кувырком полетел через всю камеру. В два быстрых шага я оказался сбо-

ку от хагруна, навел оружие и выстрелил в упор. Отдачей меня отшвырнуло на несколько футов, а громила пошатнулся и рухнул на пол, дрыгая ногами и обхватив руками тело. Он издавал жуткие сдавленные стоны, а я почувствовал, как во мне шевельнулась жалость к этой скотине. Он оказался крепким. На таком расстоянии выстрел из жука-пистолета мог прикончить быка, но хагрун уже катался по полу, пытаясь встать. Я подошел ближе, высмотрел на фоне менее темного туловища черный силуэт головы и снова нажал на спуск. Лицо мне забрызгало жидкостью. Громадное тело резко подпрыгнуло и замерло. Я вытер лицо предплечьем, высморкал из ноздрей ржавый запах крови и повернулся к Дзоку. Полевой агент распростерся на полу, сжимая плечо.

— Ты обманул меня, англик,— выдохнул он.— Вот это представление... у тебя было оружие...

— Как насчет плана? — Я придал голосу решительный тон.— Мы можем попытаться сейчас?

— Проклятая... тварь,— процедил Дзок сквозь зубы.— Руку мне сломал. Чертова неприятность. Возможно, тебе лучше попытаться одному.

— К дьяволу. Давай начинать. Что мне делать?

Дзок издал сдавленный звук, который мог быть смехом.

— Ты крепче, чем выглядишь, англик, а оружие пригодится. Ладно. Вот как мы поступим...

Двадцать минут спустя я потел внутри самого фантастического наряда, когда-либо использовавшегося для побега из тюрьмы. Дзок задрапировал меня в грубую попону, собранную из полос тряпья: когда он прибыл, их в логове валялась куча — роскошное ложе для заключенных. К полоскам крепились пучки сальных волос, расправленные таким образом, чтобы, свисая, закрывать мое тело. Агент менял свой питательный рацион на привилегию выщипывать образцы волос из мохнатых тел прежних сокамерников, как он объяснил. Дохлый хагрун дал еще больше. С помощью пластыря из своей аптечки Дзок соорудил причудливый костюм. Он свисал у меня ниже колен без малейшего намека на посадку по фигуре.

— Фантастика,— прокомментировал я.— Это не обманет и новорожденного идиота со ста ярдов при плохом освещении.

Агент занимался упихиванием свертка внутрь того, что осталось от его куртки.

— Ты будешь выглядеть в нужной степени громоздким и волосатым. Это лучшее, что мы можем сделать. Надеюсь, тебе не придется проходить личный досмотр. А теперь пошли.

Дзок отправился первым. С привязанной к груди сломанной рукой он двигался довольно неуклюже, однако не жаловался. У самого выхода из норы полевой агент затих, высунув голову, оглядел коридор, затем выбрался наружу.

— Давай, путь свободен,— окликнул он негромко.— Наш страж пошел прогуляться.

Я последовал за ним на чистый и прохладный по сравнению с застойной вонью камеры воздух. В проходе, как обычно, горел свет. Определить время суток не представлялось возможным. Через сотню футов коридор заворачивал вправо и вверх, на нашем отрезке никаких отверстий не наблюдалось. Стражник, вероятно, околачивался где-то впереди.

Дзок бесшумно двинулся вперед. Низкая талия, узкие бедра, непривычной формы тонкие ноги чуть согнуты в коленях. Некогда щегольская униформа превратилась в лохмотья, и сквозь дыры теперь просвечивала лоснящаяся, как у тюленя, шкура. Не успели мы дойти до поворота, как услышали рокот хагрунских голосов. Дзок остановился, я подошел к нему. Он стоял и слушал, склонив голову набок.

— Двое,— шепнул он.— Вот незадача...

Я ждал, чувствуя, как пот струйками стекает по телу внутри моего клоунского наряда из вонючих тряпок и болтающихся прядей чужих волос. Внезапно между лопатками резко засвербило — уже не в первый раз с тех пор, как я познакомился с хагрунским гостеприимством. Я скри-

вил лицо, но от попытки почесаться отказался — непрочный камуфляж развалился бы на части.

— Ага,— выдохнул Дзок.— Один уходит. Смена караула.

Я кивнул. Протикала еще минута, долгая, как в бомбе с часовым механизмом. Дзок обернулся, выразительно мне подмигнул и произнес что-то с громким сердитым рыком, вполне приемлемо сымитировав хагрунскую манеру говорить. Выждав секунду, он шепнул: «Считай до десяти, медленно...» — и двинулся вперед быстрой шаркающей походкой. Сворачивая за угол, он оглянулся, прокричал что-то на трескучем языке и пропал из виду.

Я, прислушиваясь изо всех сил, начал отсчет. Хагрун что-то заворчал. Дзок ему ответил. Пять. Шесть. Семь. Хагрун снова заговорил, на сей раз ближе. Девять. Десять...

Я глубоко вздохнул, постарался ссутулиться на манер местных обитателей и вперевалочку двинулся за угол. В двадцати футах впереди, по ту сторону лампы, Дзок размахивал здоровой рукой и что-то кричал, указывая назад, на меня. Несколькими ярдами дальше охранник, приземистая щетинистая образина, похожая на оживший стог сена, бросил взгляд в мою сторону. Дзок, продолжая вопить, подскочил к нему ближе. Хагрун замахнулся и нанес удар, от которого полевой агент едва сумел увернуться. Я уже почти поравнялся с фонарем. Дзок, прыгнув вперед, избежал очередного удара и проскочил мимо стражника. Теперь хагрун стоял спиной ко мне на расстоянии всего пятнадцати футов. Еще немного — и можно стрелять. Я выщелкнул оружие в ладонь, покрыл еще пять футов...

Стражник резко обернулся, сердито заорал на меня и тут как следует разглядел то, что в плохом освещении принял за смутный силуэт напарника. Он обладал хорошей реакцией. Выражение испуга еще только проступало на его широком лице цвета грязи, а хагрун уже бросился на меня. Я выстрелил ровно в тот миг, когда он в меня врезался. Его четырехсотфунтовая туша сковырнула меня, словно грузовик фруктовую тележку, но мне все же удалось откатиться в сторону ровно настолько, чтобы позволить большей ее части пронестись мимо. Я втянул немного воздуха обратно в легкие и выпростал правую руку для нового выстрела. К моему облегчению, больше стрелять не понадобилось. Охранник лежал, вмяв меня в пол, неподвижный, как замерзший мамонт.

Дзок уже суетился рядом, здоровой рукой помогая мне освободиться.

— Пока все хорошо,— бодро приговаривал он, поправляя мою волосяную хламиду.— Ну и оружие у тебя! Вам, сапиенсам, в подобных вещах равных нет — естественный результат вашей физической хрупкости, разумеется.

— Давай проанализируем меня чуть попозже,— проворчал я. Ободранные о грубую кладку плечи болели просто зверски.— Что теперь?

— Больше ничто не отделяет нас от мусоропровода, о котором я тебе говорил. Это недалеко. Пошли.

Он казался таким же веселым и беспечным, как всегда. Словно короткая жестокая схватка совершенно его не встревожила.

Мы проследовали по уходящему вниз боковому ответвлению, резко сменив направление, поднялись вверх по крутому пандусу и вывернули в более широкий коридор, где пахло горелыми овощами.

— Кухни,— шепнул Дзок.— Чуть дальше.

Тут мы услышали громкие голоса — видимо, хагруны вообще по-другому разговаривать неспособны. Распластавшись на грубо обтесанной стене, мы ждали. Двое вислоплечих мордоворотов показались из низкой арки кухонного входа и вразвалочку продефилировали в противоположную сторону. Мы двинулись дальше. Ориентируясь по дорожке из просыпавшегося мусора, нырнули в низкий дверной проем и забрались в подсобку, заваленную гниющими пищевыми отходами. Я-то вообразил, что уже стал специалистом по гнусным запахам, но на этот раз познакомился с совершенно новым спектром вони. Мы прошлепали к щели высотой в фут и шириной в пару ярдов и, перегнувшись через край, покрытый довольно неаппетитного вида коркой, выглянули наружу. Сквозь темноту призрач-

но поблескивала исчезающая далеко внизу паутина каменных заплат стены. Извернувшись, я посмотрел вверх. Взгляд уперся в неровную линию карнизов.

— Все ясно,— негромко произнес я.— Низкие потолки означают, что дальше крыша. Думаю, эти ребята сначала натаскали тут кучу камней, а уж потом высекали в ней помещения.

— Именно так,— подтвердил Дзок.— Не очень эффективно, наверное, но в обществе, где в избытке имеется рабский труд, а архитектурный талант, напротив, отсутствует, подобный способ срабатывает.

— Куда теперь? — поинтересовался я.— Вверх или вниз?

Дзок, оценив ширину моих плеч и толщину рук, воззрился на меня с таким сомнением, точно менеджер бойцовского клуба, отбирающий перспективное пополнение из дворовой команды.

— Вверх,— решил он.— Если уверен, что справишься.

— Полагаю, придется,— ответил я.— А ты-то как со своей рукой?

— А? Ну, может, слегка неудобно, но не более того. Идем? — И он скользнул через отверстие в двухфутовой стене.

Перевернувшись на спину, полевой агент выкарабкался наружу, и, когда его ноги пропали из виду, я внезапно испытал острый приступ одиночества. Рокот голосов и периодический грохот у меня за спиной теперь казались вдвое громче. Кто-то, без сомнения, направлялся в мою сторону. Я, подражая Дзоку, перевернулся на спину и полез в щель. Отходы обеспечили необходимую смазку.

Голова вынырнула в прохладную ночь. Звезды холодно мерцали в непроницаемо-черном небе, а несколько блеклых огоньков, светивших в отверстия, без всякой системы прорубленные в грубой каменной кладке стен, выдавали смутные очертания ближайших зданий. От выступающего прямо надо мной карниза меня отделяло приличное расстояние. Стараясь не думать о расстоянии, отделявшем меня от земли, я нащупал кончиками пальцев зацепку, неуклюже подтянулся и перевалил тело через край крыши.

Дзок тут же материализовался рядом.

— В нескольких ярдах отсюда по дальней стороне есть мост на соседнюю башню,— прошептал он, помогая мне принять сидячее положение.— Что тебя задержало?

— Остановился полюбоваться видом. Слушай, помоги мне избавиться от обезьяньего костюма.

Я сбросил наряд, слипшийся и скользкий от мусора, а полевой агент тем временем без особого успеха пытался счистить ошметки, приставшие к моей спине. Сам он выглядел еще хуже. Его некогда лоснящийся мех, пропитавшись зловонной жижей, превратился во влажную чешую с кислым душком.

— Когда я попаду домой,— произнес он,— я приму самую долгую и горячую ванну, какую можно заполучить в самом роскошном сенсориуме города Зай.

— А к тебе можно будет присоединиться? — поинтересовался я.— Если, конечно, мы туда попадем.

— Чем скорее тронемся, тем скорее служанки возьмутся за щетки.

Он решительно пересек слегка выпуклую крышу, присел на корточки, развернулся и исчез за ее дальним краем. К сожалению, Дзок сохранил куда больше общего с мартышками, нежели я — с человекообразными обезьянами. Я неуклюже сполз на четвереньках, перевесил через край нижнюю часть тела и лихорадочно зашарил ногами в поисках несуществующей опоры.

— Повисни на руках,— донесся из темноты внизу негромкий совет. Как далеко внизу, мне определить не удалось.

Я перенес вес на кисти и ухнул с крыши, в очередной раз ободрав шкуру. Вытянувшись во весь рост, я по-прежнему не ощутил под ногами ничего, кроме пустоты.

— Отпусти руки и падай,— распорядился Дзок.— Здесь всего метр или около того.

Подобное предложение я бы предпочел пару часиков всесторонне обмозговать в тиши собственного кабинета. За отсутствием такового я просто расслабился и разжал пальцы. Последовал головокружительный момент свобод-

ного падения. Торчащий из стены острый камень пропорол мне щеку. Затем я грянулся о плоский выступ и поехал вниз, одной рукой цепляясь за кладку, а второй хватая воздух. Дзок поймал меня и затащил к себе. Угнездившись на узком насесте, я разглядел смутно темневшую полосу лишенного перил арочного мостика, дугой уходящего в ночь. Я даже собрался поинтересоваться, не по нему ли нам идти, но полевой агент уже ступил на него.

Спустя сорок пять минут путешествие, совершенно непримечательное для обычной человекомухи, завершилось в тени глубокого проулка, рядом с традиционной кучей мусора.

— Это место могло бы стать раем для археологов,— проворчал я.— Все, от вчерашней банановой кожуры до осколка первого обработанного кремня, прямо под ногами.

Дзок был занят распаковкой свертка, пронесенного за пазухой. Я помог ему распутать ремни и застежки, снятые в камере с убитого хагруна.

— Мы поменяемся ролями,— негромко объяснял он.— Если кто спросит, я тебя поймал. Может, у меня и получится. Я не уверен, насколько чуждым могу показаться среднестатистическому чудищу на улице, но я видел несколько австралопитеков, когда меня волокли внутрь. Теперь твоя очередь вести нас туда, где ты оставил челнок. Примерно с полмили, ты говорил?

— Вроде того. Это если он по-прежнему там.

Мы двинулись по улочке, что шла параллельно основной магистрали, которую я пересек под стражей восемнадцать часов назад. Она виляла и изворачивалась, временами сужаясь до воздушной прослойки между кривыми стенами, а как-то раз раздавшись до базарной площади, где сгрудились странные треугольные ларьки, пустынные и скучные в послеполуночной тишине. Через полчаса скрытного передвижения мне пришлось объявить привал.

— При том как эти улочки блуждают, я не имею ни малейшего понятия, куда нас занесло,— признался я.— Думаю, придется рискнуть и сунуться на главную улицу. Хотя бы ненадолго, чтобы я успел сориентироваться.

Дзок кивнул, и мы свернули в боковой переулок, выходивший на сравнительно широкий проспект. Одинокий хагрун брел по противоположной стороне улицы. Расположенные далеко друг от друга лампы на десятифутовых шестах отбрасывали лужицы печального желтого света на замусоренный тротуар, проходящий под лишенными окон фасадами, украшенными лишь ломаными линиями беспорядочной кладки, чужой, словно пчелиные соты.

Я двинулся вправо. Желоб из буроватого камня, до краев заполненный маслянистой водой, показался знакомым: как раз за ним я видел запряженного мастодонта. Проулок, откуда стартовал челнок, находился недалеко впереди. Улица сворачивала влево. Я ткнул пальцем в темный боковой проход, ответвляющийся от расширения впереди.

— Думаю, нам туда. Лучше свернем в очередной переулок и посмотрим, не удастся ли подобраться сзади. Вероятно, они оставили у челнока охрану.

— Скоро узнаем.

Узкий проход как раз перед нами вроде бы вел обратно в сердце каменного квартала. Мы пошли по нему и уперлись в тупик со сводчатым проемом в одной из стен, зиявшим чернотой, как вход в систему канализационных туннелей.

— Давай попробуем этот путь,— предложил Дзок.— Похоже, он в целом ведет в нужную сторону.

— А что, если это чья-нибудь спальня?

Я поднял голову, разглядывая нависающее над нами здание. Грубо скрепленные раствором стены не давали ни малейшего намека на внутренние функции постройки. Хагруны знали один стиль строительства: примитивную готику.

— В таком случае предпримем спешное отступление.

— Как-то не греет меня перспектива с грохотом носиться в темноте по этим катакомбам. Да еще с ордой разбуженных хагрун по пятам,— проворчал я.— Но думаю, стоит попробовать.

Я пригляделся и, как в холодную воду, шагнул в непроглядный мрак проема.

Последний отблеск света угас за нашими спинами. Подошвы моих туфель с душераздирающим грохотом опускались на каменный пол. Сзади непростительно шумно дышал Дзок. Теперь я нащупывал дорогу, касаясь пальцами стены. Мы крались вроде бы довольно долго.

— Тссс! — Рука Дзока коснулась моего плеча.— По-моему, мы где-то не туда свернули, старина...

— Ага...— Я подумал.— Давай-ка вернемся.

Еще минут десять мы как можно тише выискивали обратный путь. Дзок остановился. Я подошел ближе.

— Что такое?

— Чшш.

И тут я услышал слабое шарканье. Впереди из-за поворота выпрыгнуло световое пятно, обрисовав темный проем на той стороне прохода.

— Туда.

Дзок устремился в указанном направлении. Я последовал за ним и с ходу врезался в его спину. Рядом с нами кто-то тяжело дышал.

— Что ты там говорил насчет спален? — прошептал мне на ухо полевой агент.

Фыркающее дыхание перешло в раскатистый храп, за которым последовали глотательные звуки. Тяжелое тело заворочалось, зашуршал потревоженный мусор. И вновь воцарилась зловещая тишина.

Внезапно Дзок куда-то метнулся. Что-то брякнуло в дальнем углу помещения. Рука полевого агента, схватив меня, поволокла в темноту. Я спотыкался, роняя какие-то предметы, слышал, как ногти моего спутника скребутся о камень, и вдруг мы замерли, вжавшись в стену. Кто-то невидимый шумно поднялся, и на фоне светящегося проема, куда мы так стремились, возник здоровенный хагрунище. Снаружи появилась еще одна волосатая фигура. Должно быть, его шаги нас и спугнули. Двое обменялись утробным ворчанием. Ближний вернулся в свою берлогу, и помещение резко затопил тусклый свет. Оказывается, мы с Дзоком находились в алькове, частично скрытые от

взгляда со стороны двери. Хагрун прищурился, ослепленный лампочкой, отвернулся и, по-видимому окончательно проснувшись, резко уставился на нас. Дзок прыгнул к нему. Пистолет шлепнулся мне в ладонь, однако полевой агент уже миновал хозяина берлоги, нырнув к другому отверстию. Я рванул за ним, увернулся от запоздалой лапы хагруна и ринулся по туннелю к слабому свету в дальнем его конце. Дзок мчался ярдах в десяти впереди меня. Помещения за нашими спинами наполнились воплями, жутким лающим ревом и топотом ног. Ведь я же совершенно искренне высказался относительно перспективы побегать в темноте от орды троллей. Все равно к тому все и свелось.

Дзок выскочил на открытую улочку. Резко остановившись, завертел головой, указал направление и исчез за углом. Добежав до того места, где он пропал из виду, я увидел полевого агента, летевшего прямо на пару хагрун в браслетах часовых. За ними темнела прямоугольная громада челнока. Дзок что-то выкрикнул. Распознав хрюканье и карканье хагрунского языка, стражники растерялись. Один указал на меня и потрусил в моем направлении. Второй, растопырив руки, пролаял какую-то фразу полевому агенту. Дзок, не сбавляя скорости, ударом наотмашь вынудил более крупного гоминида неуклюже отпрянуть в сторону, вильнул, обтекая охранника, и бросился к челноку. Вскинув жук-пистолет, я на бегу произвел выстрел с максимальной дистанции. Моего хагруна отбросило, приложив о стену. Не дожидаясь, пока он придет в себя, я понесся дальше. Противник Дзока заметил мое приближение, на мгновение замешкался и резко развернулся ко мне. Я выстрелил, промазал, поскользнулся, уворачиваясь от могучего захвата, и, перекатившись по земле, на четвереньках скакнул к распахнутому люку. В лапе охранника теперь болтался рукав моего пальто, а из недр челнока вылетела рука полевого агента и втянула меня внутрь. Створки люка с грохотом захлопнулись за мгновение до того, как хагрун врезался в них, подобно атакующему носорогу.

Дзок повернулся к сиденью оператора.

— Великий Скотт! — вскрикнул он.— Рычаг управления сломан у самого основания!

Челнок раскачивался, сотрясаемый могучими ударами. Мой спутник ухватил здоровой рукой край панели. На плече проступили узловатые мускулы. Одним рывком полевой агент оторвал крышку, обнажив плотно уложенные электронные компоненты.

— Скорее, англик! — резко бросил он.— Там провода, соедини их!

Я втиснулся рядом с ним, подцепил два плотно изолированных кабеля и перемотал их концы между собой. Следуя отрывистым инструкциям, я ободрал изоляцию и наскоро бросил времянку от массивной катушки — в ней я распознал генератор МК-поля — к запечатанному в коробку устройству, похожему на пятидесятикиловаттный трансформатор. Дзок протянул руку мимо меня и ткнул концом оголенного кабеля в толстую клемму. Рассыпав фонтан синих и желтых искр, медь припаялась к стали. Возник низкий гул, а сотрясающие удары по входному люку резко прекратились. Я ощутил, как вокруг меня смыкается знакомое напряжение МК-поля, и, испустив долгий вздох, рухнул в кресло.

— Впритирку, англик, но мы проскочили...

Странный тон полевого агента заставил меня обернуться. Золотистые глаза Дзока закатились, полуприкрытые дрожащими веками, и он боком сполз мне на колени.

5

Дзок лежал там, куда я его оттащил, в густой траве под маленьким лиственным деревом. Грудь его вздымалась и опадала в такт быстрому, неглубокому, почти пыхтящему дыханию его племени.

Челнок отдыхал в пятидесяти футах от нас, уткнувшись в скалистый откос, на вершине которого восседала серая обезьяна размером с шимпанзе, задумчиво скребла бока

и таращилась на нас. Моя одежда сохла, разложенная на траве рядом с лохмотьями, оставшимися от Дзоковой белой униформы. Я простирнул их в ручейке с песчаным дном, журчавшим поблизости. Осмотр на предмет ранений не выявил ничего серьезнее порезов, ссадин и синяков.

Агент перекатился на бок, застонал и поморщился во сне, навалившись на перевязанную руку. Через несколько секунд его глаза открылись.

— Добро пожаловать,— произнес я.— Тебе лучше?

Он снова застонал.

— Как только вернусь домой, точно подам в отставку,— прохрипел Дзок, облизав бледным языком тонкие черноватые губы. Он шевельнулся, высвобождая сломанную руку, поднял ее здоровой и положил на грудь.— Эта конечность явно принадлежит кому-то другому,— простонал он,— умершему ужасной смертью.

— Может, лучше я ею займусь?

Он помотал головой.

— Где мы, англик?

— Меня зовут Баярд. Что до нашего местонахождения, думаю, тебе лучше знать, чем мне. Я гнал разведчик на полной скорости около пяти часов, затем рискнул и сунулся сюда. Решил подождать, пока ты очухаешься. У меня создалось впечатление, что ты был куда в худшей форме, нежели сказал мне.

— Я почти исчерпал свои ресурсы,— признал агент.— Меня трижды сильно избивали. Пищевые капсулы почти кончились. Я уже с неделю сидел на урезанном рационе.

— Как же, черт подери, тебе удавалось держаться на ногах: и лазать, и сражаться, и бегать — да еще со сломанной рукой?

— В этом не много моей заслуги, старина. Просто вопрос запуска определенных аварийных метаболических стимуляторов. Понимаешь, гипноз.— Он окинул взглядом пейзаж.— Дивное местечко. Никаких признаков наших недавних хозяев?

— Пока нет. С тех пор как мы прибыли, прошло около четырех часов.

— Думаю, погоня нам не грозит. Судя по тому немногому, что нам о них известно, навигационная аппаратура у них очень слабая. Они нас не выследят.— Дзок изучил рваную линию горизонта.— Ты маневрировал челноком в пространстве? Похоже, нас занесло в глушь.

Я покачал головой.

— Здешние скалы,— я указал на вздымающиеся пики красновато-бурого, согретого солнцем камня, окаймлявшие прогалину,— вырастали у меня на глазах. Сперва они были зданиями в обитаемых регионах, а потом трансформировались в это. Такое впечатление, будто и мы, и наши труды — просто сила природы, как и любое другое стихийное бедствие.

— Я видел то же самое,— согласился Дзок.— Не важно, какой тропой ты решишь пересекать альтернативные мировые линии, изменения являются прогрессивными, эволюционными. Лужа становится прудом, затем озером, далее водохранилищем, потом бассейном, потом болотом, заполненным мертвыми деревьями и двадцатифутовыми змеями; деревья вытягиваются или сжимаются, отращивают новые ветви, новые плоды, скользят в почве на новые места; но всегда постепенно. В энтропической сетке все последовательно — исключая, разумеется, такие созданные человеком аномалии, как Развалины.

— Ты знаешь, где мы?

Серая обезьяна на верхушке скалы с подозрением следила за мной.

— Дай мне секунду набраться сил.— Дзок закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.— Мне придется вернуться в состояние мнемонического самогипноза. У меня нет осознанных воспоминаний об этом регионе.

Я ждал. Дыхание его сохраняло нормальный, быстрый, неглубокий ритм. Глаза резко открылись.

— Верно,— произнес он.— Все не так уж плохо. Мы примерно в шести часах пути от державного центра Зай.— Он сел, затем нетвердо поднялся на ноги.— Можем начинать. Мне придется немного повозиться с настройкой аппаратуры — несколько неловко управлять судном с мертвыми экранами.— Он задумчиво смотрел на меня.— Должен сознаться, кое-что вызывает мое недоумение, Баярд, э-э... как же тебе удалось справиться с челноком?

Кожа на моем лбу помимо воли собралась в морщины. Я даже не знал, собираюсь я улыбнуться или нахмуриться.

— Я также должен кое в чем признаться тебе, Дзок,— наконец произнес я.— Я и сам немного знаком с челноками.

Он ждал с настороженным и заинтересованным видом.

— Ваша Держава — не единственная сила, претендующая на управление Сетью. Я представляю Верховное правительство Империума.

Дзок с улыбкой кивнул.

— Рад, что ты решил рассказать мне. Так гораздо удобнее. Создает атмосферу взаимного доверия и все такое.

— Ты уже знал?

— Честно говоря, я применил к тебе простую гипнотическую технику, пока ты отдыхал там, в логове. Раскопал кое-какие потрясающие данные. А также воспользовался возможностью подсадить несколько предположений. Ничего вредоносного, разумеется. Просто слегка смягчил твой тревожный синдром плюс, разумеется, велел в точности повиноваться моим инструкциям.

Я смотрел на него, а он весело таращился на меня. На моем лице утвердилась широкая и весьма сардоническая улыбка.

— Какое облегчение это слышать, теперь я не чувствую себя таким подонком из-за того, что трудился над тобой, пока ты валялся в отключке.

На мгновение вид у него сделался испуганный, затем самодовольное выражение вернулось.

— Жаль тебя разочаровывать, старина, но я, разумеется, хорошо защищен от подобных вещей...— Он осекся, по лицу его промелькнула легкая тревога, как будто ему только что пришла какая-то мысль.

Я кивнул.

— Я тоже.

Внезапно Дзок взорвался хохотом. Его похожая на пушечное ядро голова, казалось, развалилась пополам в улыбке, продемонстрировавшей как минимум тридцать шесть зубов. Он хлопал себя по коленке здоровой рукой, затем вообще согнулся пополам в пароксизме веселья. И не переставая заливаться смехом, полевой агент, шатаясь, двинулся в мою сторону.

— У тебя заразительный смех.— Я отступил на шаг и напряг запястье.— Но не достаточно заразительный, чтобы подобраться ко мне на расстояние твоей могучей лапы, пригодной для заколачивания свай.

— Похоже, мы несколько в тупике.— Он выпрямился, улыбаясь весьма сочувственно, даже печально.

— Уверен, с этим можно разобраться,— возразил я.— Только завязывай с этими трюками для начинающих. Мне в свое время пришлось узнать о них все.

Он поджал широкие тонкие губы.

— Интересно, почему ты остановился здесь? Почему не двинул дальше, чтобы вернуться в безопасность своей собственной базы, пока я был без сознания?

— Я тебе уже все объяснял. Я не знаю, где мы. Для меня это незнакомая территория, а на борту этой посудины нет ни одной карты.

— Ага. И теперь ты ждешь, что я провожу тебя домой, подставив себя под удар?

— Просто сооруди на скорую руку приборную панель и отладь ее. С настройками я сам справлюсь.

Он покачал головой.

— Я по-прежнему существенно сильнее тебя, старина, несмотря на мое увечье.— Он шевельнул сломанной рукой.— Что-то я не вижу, как ты сумеешь меня принудить.

— У меня по-прежнему есть оружие, в изготовлении которого мы, сапиенсы, так искусны.

— Точно. Но моя смерть вряд ли пойдет тебе на пользу.— Он снова улыбался. У меня возникло чувство, что он наслаждается всем происходящим.— Лучше давай я отвезу нас обоих в Ксониджил. Я прослежу, чтобы тебе оказали всевозможную помощь.

— Я уже получил образчик волосатого гостеприимства,— заметил я.— И повторять не стремлюсь.

Он выглядел уязвленным.

— Надеюсь, ты не сваливаешь нас, австралопитеков, в одну кучу с хагрунами только потому, что у нас на теле имеется небольшое количество красивой шерсти.

— Ты обещаешь, что дашь мне челнок и отпустишь восвояси?

— Ну...— Он развел широкими, глубоко прорезанными ладонями.— В конце концов, вряд ли я в том положении, чтобы...

— Думай о положении, в котором ты окажешься, если я брошу тебя здесь.

— Боюсь, мне придется активно сопротивляться подобным мерам.

— Проиграешь.

— Хм. Вероятно. С другой стороны, я был бы слишком ценным пленником в этом твоем Империуме, так что лучше умереть, сражаясь.

Он напрягся, как будто готовый вступить в драку. Я этого не хотел.

— У меня другое предложение,— быстро произнес я.— Ты даешь мне слово офицера Державы, что мне предоставят возможность побеседовать с соответствующими высокопоставленными лицами в Зае, и тогда я соглашусь сопровождать тебя туда.

Он быстро кивнул.

— В этом могу тебя заверить. И возьму на себя ответственность лично гарантировать тебе достойное обращение.

— Договорились.

Я шагнул вперед и протянул руку, стараясь выглядеть не настолько обеспокоенным, как было на самом деле. Дзок взглянул непонимающе, затем опасливо протянул руку и пожал мою. Ладонь его на ощупь оказалась горячая, сухая и шершавая, словно собачья лапа.

— Пустая рука, нет оружия,— пробормотал он.— Потрясающий символизм.— Полевой агент снова широко улыбнулся.— Рад, что мы с этим справились. Ты производишь впечатление порядочного парня, Баярд, несмотря на...— Его улыбка слегка поблекла.— У меня странное чувство, что ты меня каким-то неочевидным образом сделал...

— Я все гадал, как бы мне уговорить тебя взять меня с собой в Зай,— улыбнулся я в ответ.— Спасибо, что облегчил задачу.

— Хм. Неприятности дома?

— Это еще слабо сказано.

Он нахмурился.

— Я займусь аппаратурой, а ты пока расскажешь мне подробности.

Один час, две ободранные костяшки и легкий удар током спустя, челнок отправился в путь.

— Ты упоминал странный свет.— Дзок скорчился в операторском кресле над сляпанной на скорую руку панелью управления.— Говоришь, он пропитывал даже замкнутые пространства, отрезанные от любого нормального источника освещения?

— Именно. Нечто вроде призрачного голубоватого сияния.

— В твоем рассказе есть несколько вещей, которые я объяснить не могу.— Но что до светового эффекта, совершенно ясно, что ты был спонтанно перенесен на уровень нулевого времени. Хагруны любят так действовать. Данный свет обязан своим существованием определенным эманациям, происходящим от колебания элементарных частиц на обширно сокращенном уровне энергии. Часть этой вибрации вызывает отклик зрительного нерва. Ты заметил, что свечение более активно исходит от металлических поверхностей?

— Не особенно.

Дзок покачал головой и нахмурился.

— Требуется фантастическое вложение энергии, чтобы перенести массу через порог энтропии. Гораздо больше, чем для запуска предмета в дрейф поперек А-линий, например. Говоришь, ты оказался там без всякой механической помощи?

Я кивнул.

— Что такое нулевое время?

— А-а, очень сложное понятие.— Дзок считывал показания с аппаратуры, подкручивал всякие настройки, снова считывал. Как техник по обслуживанию челноков, он намного превосходил меня.— В нормальной энтропии, разумеется, мы движемся в направлении, которое для удобства можем считать направлением вперед. Путешествуя по Паутине, мы движемся перпендикулярно этому вектору — так сказать, в сторону. Нулевое время... ну, считай его отходящим под прямым углом от обоих: застывший, безжизненный континуум, в котором энергии текут совершенно иным образом.

— Тогда, значит, изменился не город, а я. Меня вышвырнуло из моего нормального континуума в это нулевое время...

— Именно так, старина.— Дзок сочувственно заморгал.— Я вижу, ты изводил себя совершенно иным предположением.

— Я начинаю схватывать картину. Хагруны изучают Империум из нулевого времени. Навскидку я бы предположил — готовятся к нападению. У них имеется техника, далеко превосходящая все, чем располагает Империум. Нам нужна помощь. По-твоему, Держава нам ее окажет?

— Не знаю, Баярд,— вздохнул Дзок.— Но я сделаю для тебя все, что смогу.

Я урвал несколько часов беспокойного сна на полу за операторским сиденьем, прежде чем полевой агент меня окликнул. Я поднялся, цепляясь за спинку кресла, перегнулся через него и уставился на экран. Теперь мы двигались среди тонких ажурных башен, минаретов возвышенной, хрупкой красоты, взмывающих розовыми, желтыми, бледно-зелеными пиками в яркое утреннее небо.

— Славно,— заметил я.— Мы уже близко к твоей родной линии, я так понимаю?

— Ах, башни Зая,— почти пропел Дзок.— Ничто не сравнится с ними во всех вселенных!

— Будем надеяться, что я получу прием, соответствующий этим красивым зданиям.

— Послушай, Баярд, есть нечто, о чем, мне кажется, я обязан тебе... э... сказать,— нерешительно начал полевой агент.— Честно говоря, тут имеется определенное, э, негативное чувство в некоторых умах против группы сапиенс. Возможно, беспричинное, но, к сожалению, это фактор, с которым нам придется иметь дело.

— На чем основывается это негативное чувство?

— На определенных, э, предполагаемых расовых характеристиках. Ваша репутация основана на свирепости, безжалостной состязательности, любви к насилию...

— Понимаю. Мы не такие белые и пушистые, как, скажем, хагруны. А кто же тогда прямо у меня на глазах отшвырнул с дороги бедного солдатика, чтобы похитить челнок, на котором мы едем?

— Да-да, все мы до определенной степени жертвы воинственности. Но может, ты заметил, что даже хагруны имеют склонность скорее к порабощению, нежели к убийству. И хотя они жестоки, но это жестокость безразличия, а не ненависти. Я видел, как ты ударил одного из них. Как раз перед тем, как тебя загнали в камеру. Ты заметил, что он не стал мстить?

— По-моему, любой рано или поздно даст сдачи, если его достаточно попинать.

— Но только вы, сапиенсы, систематически истребляли все остальные формы гоминидной жизни в ваших родных континуумах! — Дзок, похоже, слегка завелся.— Вы, безволосые, во всех линиях, где существуете, существуете одни! Века назад, при первом столкновении лысых мутантов с нормальными антропоидами — движимые, несомненно, стыдом от своего нагого состояния — вы истребили своих покрытых шерстью сородичей! И даже сегодня ваши сознания окутаны древними комплексами вины и стыда, связанными с наготой!

— То есть ты возлагаешь на нынешнее поколение ответственность за то, что происходило — или могло произойти — тысячи лет назад?

— В моем мировом секторе,— заявил Дзок,— имеются три основные расы людей: мы, австралопитеки, пользуясь английскими терминами; родезийцы — прекрасные рабочие, сильные и усердные, пусть и не слишком умные; и пекинская ветвь — синелицые ребята, ну, ты знаешь. Мы живем вместе в абсолютной гармонии, каждая группа занимает свою социальную нишу, каждая привносит свои особые таланты в общую культуру. Тогда как вы, сапиенсы... нет, вы даже нападаете на представителей собственной расы, отличающихся от вас лишь самыми незначительными деталями!

— А как насчет меня, Дзок? Я кажусь тебе буйным маньяком? Я выказал какое-то особое отвращение к тебе, например?

— Ко мне? — Дзок изумленно взглянул на меня, а потом разразился смехом.— Ко мне! — Он закашлялся.— Ну и мысль...

— Что такого смешного?

— Ты... с твоим жалким лысым лицом, тощими конечностями, с твоими убогими зубами... вынужденный преодолевать естественное отвращение ко мне! — Он уже едва не вываливался из кресла.

— Что ж, если я и испытывал какое-либо естественное отвращение, у меня по крайней мере хватило порядочности забыть о нем! — рявкнул я.

Дзок перестал смеяться, промокнул глаза болтающимся манжетом и посмотрел на меня почти извиняющимся взглядом.

— Это правда,— признал он.— Ты перевязал мне руку и отмыл мою бедную старую форму...

— И твою бедную старую рожу тоже, ты, карась неотесанный!

Теперь Дзок улыбался смущенно.

— Извини, старина, меня слегка занесло. Все эти личные нападки — полная чушь на самом деле. Суди человека

по тому, что он делает, а не по тому, кто он есть, ведь так? Никто из нас не в состоянии справиться со своими природными склонностями — и возможно, преодоление инстинкта в конечном счете есть более благородное достижение, нежели изначальное отсутствие побуждений.— Он неуверенно протянул руку.

— Пустая рука, без оружия, а? — Он улыбнулся.

Я принял руку.

— Ты мужик что надо, Баярд. Без тебя я бы гнил в той проклятой камере. Я на твоей стороне, старина, до конца!

Звякнул зуммер, и полевой агент, проворно развернувшись, хлопнул по выключателям, вырубил главный двигатель и, проследив за бегущими по циферблатам стрелками, щелкнул рукояткой передач. Рокот генераторов поля постепенно затих. Дзок повернулся ко мне с сияющей улыбкой.

— Прибыли.— Он поднял вверх большой палец.— Это будет великий день для обеих цивилизаций.

Мы выбрались на широкую, просторную площадь, выложенную цветной плиткой. Кое-где зеленели россыпи деревьев, яркие геометрические фигуры цветочных клумб складывались в пеструю мозаику, а струи фонтанов искрились на солнце. Сотни австралопитеков неспешно прогуливались парами или спешили куда-то с тем сосредоточенно-деловым видом, который, несомненно, присущ ксониджилинским бюрократам в той же степени, в какой и их безволосым коллегам у меня дома. Развевающиеся на ветру одеяния некоторых представителей здешней цивилизации напоминали арабские джеллабы, другие носили разноцветные костюмы-двойки. То тут, то там мелькала аккуратная белая униформа, обличавшая агентов СМЛН.

Наше внезапное появление посреди толпы сначала вызвало небольшое замешательство. Затем ксониджил увидели меня, и по их рядам прокатилось приглушенное ворчание. Судя по носам, морщившимся на плоских зубастых лицах, я поймал несколько враждебных взглядов. Кроме того, отовсюду раздавались смешки. Кто-то обратился к

Дзоку. Тот ответил на реплику и крепко взял меня за запястье.

— Извини, Баярд,— шепнул он.— Понимаешь, некоторые боятся, что ты не привязан.

Он помахал рукой легкому летательному аппарату, кружившему над нами. Я сперва принял его за вертолет, но потом заметил отсутствие винтов. Аппарат сел, и широкий прозрачный люк раскрылся, словно раковина двустворчатого моллюска. Сородич Дзока, продемонстрировав великолепный набор зубов, поднял руку в приветственном жесте, и тут его взгляд остановился на мне. Белозубая улыбка вмиг потускнела, подобно намокшей тряпке. Он что-то вопросительно просвистел полевому агенту, а Дзок, ответив вопросом на вопрос, подтолкнул меня к летающей машине.

— Не обращай на него внимания, Баярд. Простой крестьянин.

— Это легко. Я же не знаю, что он сказал.

Я забрался на удобное пружинящее сиденье. Дзок сел рядом и отдал распоряжение пилоту.

— В конце концов, это приключение обернулось не так уж плохо,— воодушевленно заявил он.— Вернуться целым и невредимым — более-менее — с трофейной машиной и самым необычным, э, гостем.

— Рад, что ты не сказал «пленником»,— заметил я, созерцая роскошный узор парков, площадей и тончайших шпилей, над которыми мы летели на головокружительной скорости.

— Куда мы направляемся?

— Мы направляемся прямиком в штаб СМЛН. Мой доклад не терпит отлагательств, да и ты тоже, разумеется, спешишь.

На том темы для разговоров вроде бы и исчерпались. Я наслаждался великолепной панорамой города, краем глаза наблюдая за растущей вдалеке громадной белой башней. Аппарат шел прямо на нее.

Дважды облетев вокруг гигантского строения, видимо в ожидании разрешения на посадку, мы наконец зависли

на месте и рухнули вниз. Аппарат легко и безошибочно пристроился на крошечной, размером с коврик, площадке посреди висячего сада с высокими пальмами, огромными валунами желтого и синего цвета, зеркальными водоемами произвольной формы и клетками с тропическими птицами и животными, вносящими завершающий штрих в искусно воссозданную атмосферу джунглей.

— Только позволь, Баярд, мне вести разговор,— прошептал Дзок, торопливо направляясь к лестнице.— Я представлю твое дело нашему Совету в самом выгодном свете и уверен, проблем не возникнет. Ты уже через несколько часов будешь на пути к дому.

— Надеюсь, ваш Совет не страдает такой же расовой озабоченностью, что и мужланы там, внизу...

Я осекся на полуслове, упершись взглядом в замаскированную клетку. Сквозь зеленую сетку на меня тусклыми глазками таращилось безволосое и бесхвостое двуногое существо двух футов ростом, с низким лбом, носатым личиком и редкой бороденкой.

— Господи! — воскликнул я.— Это же человек... карлик...

Дзок резко обернулся.

— А? Что? — Он отвесил челюсть, затем расплылся в улыбке.— Боже мой, Баярд, это же просто тонкил! Восхитительный маленький зверек, но до человека ему далеко...

Существо забеспокоилось и издало жалобный писк. Я поспешил дальше, испытывая смесь эмоций, ни одна из которых не добавляла мне уверенности.

Мы спустились по эскалатору, по широкому прохладному коридору достигли стеклянной двери и вышли в просторный, залитый естественным светом зал с водоемом, клумбами, столиками и рядом кабинок на дальней стороне. Дзок подошел к стене с экраном и проговорил что-то довольно решительным тоном.

— Все устроено,— обернулся он ко мне.— Совет заседает прямо сейчас и готов рассмотреть наше дело.

— Быстро работаете,— произнес я с искренним восхищением.— Я всерьез опасался не меньше недели извести

на заполнение бланков и еще неизвестно сколько проторчать в ожидании своей очереди.

— Только не здесь,— высокопарно заявил Дзок.— Для местных Советов дело чести держать списки назначенных к слушанию дел чистыми.

— Местный Совет? Я думал, мы едем на встречу с большими шишками. Мне надо произнести речь перед лицами высшего уровня...

— Это и есть высший уровень. Они вполне способны оценить ситуацию, принять разумное решение и вынести соответствующий вердикт.— Он взглянул на стенную шкалу, принятую мной за часы.— У нас еще полчаса. Потратим-ка несколько минут, чтоб освежиться, переодеться и все такое. Боюсь, от нас до сих пор несет хагрунской тюрьмой.

В зале присутствовали еще несколько посетителей — долговязых лоснящихся ксониджил. Некоторые из них плавали в бассейне, другие полулежали в шезлонгах. Они с любопытством таращились на меня, когда мы проходили мимо. По пути Дзок перекинулся кое с кем парой слов, но поболтать не остановился. Возле кабинок он нажал несколько кнопок, при помощи соединенного со стойкой портновского сантиметра измерил мой рост и дернул за рычажок. Через несколько секунд из широкой щели выскочил плоский пакет.

— Чистый костюм, Баярд. Не совсем то, к чему ты привык, но, думаю, он покажется тебе удобным — и, честно говоря, знакомая одежда может помочь преодолеть любое изначальное... э... неприятие со стороны Совета.

— Шикарно,— пробормотал я.— Как жаль, что я бросил мой обезьяний наряд. Мог бы явиться в качестве хагруна.

Дзок досадливо фыркнул и принялся выбирать наряд для себя. Потом он проводил меня в душевую, где из отверстий в сводчатом потолке лились теплые ароматные струи. Скинув наши лохмотья, мы намылились, причем Дзок сумел добиться замечательной пены, встали под воду и высушились фенами в раздевалке. Новая одежда, состо-

ящая из куртки и штанов синего и серебристого атласа и белой шелковой рубашки, а также обувь — мягкие туфли из похожего на замшу материала — сидели на мне вполне пристойно. Дзок хихикнул, наблюдая, как я расчесываю волосы. Возможно, заботу о столь незначительном участке волосяного покрова он считал напрасной тратой времени. Полевой агент бросил последний взгляд в зеркало, надел новую, отделанную золотой тесьмой белую шапочку-таблетку, поправил под нижней губой алый ремешок и еще раз одернул плотно сидящий китель.

— Нечасто агент возвращается из поля с докладом, который может по праву классифицировать как «предаварийную ситуацию второго класса»,— произнес он удовлетворенно.

— А что аварийное? Я или хагрунские работорговцы?

Дзок рассмеялся, но, по-моему, несколько смущенно.

— Ладно, ладно, не волнуйся, Баярд. Уверен, советники признают необычную природу твоего дела...

Я двинулся следом за ним, на ходу обдумывая последнее его замечание.

— А если бы я был «обычным» делом, тогда что?

— Ну разумеется, в этом случае оно бы регулировалось политикой Державы. Но...

— Так что же предписывает политика Державы?

— Давай просто подождем и будем разбираться с ситуацией по мере ее развития, а?

Дзок поспешил вперед, оставив меня с неприятным ощущением, будто его самоуверенность тает по мере приближения к красно-золотым дверям, перегородившим широкий коридор впереди.

Двое бдительных часовых в белой униформе с серебристым шитьем при нашем появлении взяли на караул. Дзок обменялся с ними несколькими фразами. Один из них нажал кнопку, и двери распахнулись. Полевой агент сделал глубокий вдох, дожидаясь, пока я встану рядом. Я успел разглядеть длинный стол и ряд лиц над ним. Основную массу заседателей составляли австралопитеки, но и кроме

них я насчитал как минимум три типа людей. Все седые или седеющие, одни в белой с красным узором униформе, другие — в разноцветных гражданских одеяниях.

— Не падай духом, я знаю, что делать,— прошептал Дзок.— Встань слева от меня и на полшага сзади. Делай все по протоколу, как я...

Он шагнул вперед к ожидающим старейшинам. Я напялил маску непреклонной доброжелательности и последовал за ним. Дюжина пар глаз наблюдала за моим приближением. Двенадцать лиц смотрели на меня через полированный стол темного дерева, и ни одно из выражений, отразившихся на этих лицах, не имело ничего общего с приветливой улыбкой. Узколицый бородач слева от центра чмокнул подвижными губами и, наклонившись к соседу, что-то шепнул ему на ухо. Дзок остановился, выполнил полупоклон, слегка согнув колени, коротко отрапортовал на своем щелкающе-чирикающем языке и указал на меня.

— Я представляю Совету некоего Баярда, уроженца сектора Англик,— произнес он, переходя на английский.— Как вы видите, сапиенсы...

— Где ты его поймал? — крикнул узколицый высоким раздражительным голосом.

— Баярд не совсем... э... пленник, ваше превосходительство,— начал Дзок.

— Ты хочешь сказать, что эта тварь прорвалась сюда силой?

— Можете игнорировать этот вопрос, агент,— махнул рукой круглолицый советник справа.— Советник Сфуджил демонстрирует свое пристрастие к риторике. Однако ваши действия и в самом деле требуют прояснения.

— Вы в курсе политики Державы в отношении лысых антропоидов, агент? — вставил другой.

— Обстоятельства, при которых я столкнулся с Баярдом, весьма необычны,— гладко продолжил Дзок.— Только благодаря его помощи и сотрудничеству я бежал из длительного тюремного заключения. Мой доклад...

— Из тюрьмы? Агент Державы?

— Думаю, нам лучше заслушать отчет полностью — и немедленно,— произнес советник, перебивший Сфуджила, и добавил замечание на ксониджил. Дзок ответил на том же языке, выразительно жестикулируя длинными руками. Я молча стоял на полшага слева и сзади, согласно его же собственной инструкции, и чувствовал себя выставленным на продажу комиссионным товаром, лишенным даже мизерного шанса обрести владельца.

Советники один за другим принялись сыпать вопросами, и хотя Дзок отвечал на них уверенно и без подготовки, тем не менее он явно волновался. Выражение лица старого Сфуджила по мере развития слушания нисколько не смягчилось. Наконец круглолицый советник помахал длиннопалой сероватой рукой и сфокусировал взгляд на мне.

— Ну-с, Баярд, агент Дзок рассказал нам об обстоятельствах, при которых ты отдал себя под его покровительство...

— Я очень сомневаюсь, что Дзок говорил вам что-либо подобное,— резко оборвал его я.— Я нахожусь здесь по приглашению как представитель моего правительства.

— Неужто Совет потерпит такую дерзость?! — взвизгнул Сфуджил.— Говорить будешь, когда велят, сапиенс, и не дерзи!

— Я также уверен,— продолжал я гнуть свое,— что его доклад включал упоминание о том факте, что я нуждаюсь в немедленной транспортировке обратно на мою родную линию.

— Твои нужды едва ли представляют интерес для данного собрания,— рявкнул Сфуджил.— Мы прекрасно знаем, как обращаться с такими, как ты.

— Вы ничего не знаете о таких, как я! — обрушился я на него.— Между нашими правительствами не было раньше никаких контактов...

— Есть только одно правительство, сапиенс! — оборвал меня Сфуджил.— Что до твоей породы...— Его длинная гибкая верхняя губа загнулась, обнажив вызывающе розовые десны и массу зубов в издевательской ухмылке недовольной лошади.— Мы достаточно знакомы со списком ваших злодеяний.

— Погодите, Сфуджил,— встрял другой советник.— Лично я желаю услышать отчет этого сапиенса о его приключениях. Похоже, деятельность хагрун может иметь определенное значение...

— А я говорю, пусть хагруны делают что хотят, постольку-поскольку их дела касаются только этих братоубийц-извращенцев! — огрызнулся Сфуджил.

Казалось, он обозлен куда больше, нежели ему предписывали собственные предрассудки. Я без труда вычислил линию поведения, которой он вознамерился следовать. Советник не станет даже выслушивать меня, а будет лишь сыпать и сыпать обвинениями. Видимо, и мне пришло время поучаствовать во всеобщей свалке.

— Нравится вам это или нет, Сфуджил,— вклинился я в их гвалт,— Империум является сетевой державой первой величины. Рано или поздно наши культуры обречены были встретиться. И лично мне хотелось бы видеть, как наши отношения начинаются по-хорошему.

— Сетевой? — насторожился толстый советник.— Вы не упомянули об этом, агент.— Он посмотрел на Дзока.

— Я как раз собирался перейти к этой части доклада, ваше превосходительство,— ответил мой приятель невинным голосом.— Баярд заявлял, что, хотя он и был перенесен на хагрунскую линию в хагрунском челноке, у его народа имеется собственный сетевой двигатель. Кроме того, он действительно продемонстрировал некоторые соответствующие навыки при управлении примитивной машиной хагрун.

— Это придает делу новую окраску,— заметил советник.— Господа, я предлагаю не предпринимать поспешных действий, которые могут нанести ущерб будущим отношениям с сетевой державой...

— Мы не станем иметь никакого дела с этим отребьем! — завизжал старый Сфуджил, вскакивая на ноги.— Наша нынешняя политика иск...

— Сядьте, советник! — прорычал толстый член Совета, вскакивая, чтобы встать с ним лицом к лицу.— Я прекрасно осведомлен о нашей стратегии по отношению к подобным ситуациям! И предлагаю вам воздержаться от объявления ее всему миру!

— Какова бы ни была ваша политика в прошлом,— нарушил я молчание,— она должна быть пересмотрена в свете новых данных. Империум является сетевой державой, но в конфликте интересов нет никакой нужды...

— Тварь лжет! — зарычал Сфуджил, уставившись на меня через стол.— Мы провели обширную рекогносцировку всего сапиенского квадранта, включая так называемый сектор Англик, и не наткнулись ни на какие доказательства навыков перемещения по Паутине!

— Линия ноль-ноль Империума расположена внутри региона, который вы называете Развалинами,— сказал я.

Сфуджил задохнулся.

— У тебя хватает наглости упоминать этот ужасный памятник свойственной вашему племени жажды разрушения?! Одно это является достаточным основанием исключить вас из общества порядочных гоминидов!

— Как такое возможно? — спросил другой.— Ничто не живет в пределах Развалин...

— Очередная ложь испорченной твари,— рявкнул Сфуджил.— Я требую, чтобы Совет немедленно изгнал этого дегенерата и наложил взыскание второго класса на агента...

— Тем не менее,— перекричал я советников,— в Пустоши существует некоторое количество нормальных линий. Одна из них является местом пребывания сетевого правительства. Как официальный представитель этого правительства, я прошу выслушать меня и оказать помощь, о которой я прошу.

— Это кажется довольно скромным требованием,— заметил толстый советник.— Сядьте, Сфуджил. Что до вас, Баярд... продолжайте.

Сфуджил, злобно зыркнув по сторонам, щелкнул пальцами. Подросток в белой форме без знаков отличия, ожидавший возле дверей, тихонько скользнул к советнику, выслушал отданные шепотом указания и так же тихо исчез. Тощий советник сложил руки и нахохлился.

— Подчиняюсь,— рявкнул он.— По принуждению.

Полчаса спустя я закончил свой отчет. Последовали многочисленные вопросы. Некоторые от разумных членов совета вроде пухляка по имени Никодо, другие носили характер издевки и подстрекательства, типа: «А вы по-прежнему бьете своих жен?» Я старался отвечать на все как можно яснее.

— Следовательно, вы утверждаете,— произнес советник весьма свирепого вида,— что обнаружили себя на уровне нулевого времени родного континуума, попав туда неизвестным вам способом. Затем вы заметили личностей, предположительно хагрун, грузящихся на транспорты и готовых к отбытию. Вы убили одного из этих людей, похитили один из их грубых сетевых транспортов только для того, чтобы тут же оказаться в ловушке. Прибыв на мировую линию хагрун, вы были помещены в заключение, откуда бежали, убив второго человека. Теперь вы являетесь сюда с требованием, чтобы вам предоставили ценное имущество Державы и отпустили продолжать вашу деятельность.

— Не совсем корректное изложение, ваше превосходительство,— начал Дзок, но его оборвали мрачным взглядом.

— Этот человек сознается в двойном убийстве,— рявкнул Сфуджил.— По-моему...

— Пусть говорит,— пролаял Никодо.

— Хагруны что-то затевают. Я бы предположил атаку на Империум с нулевого уровня как наиболее вероятный вариант развития событий. Если вы не считаете нужным оказать нам помощь, я прошу организовать мне доставку домой, чтобы я успел предупредить...

Юный курьер скользнул в зал заседаний и передал Сфуджилу полоску бумаги. Тот, взглянув на нее, поднял на меня яростно сверкающие желтые глаза.

— Так я и думал! Тварь лжет! — проскрежетал он.— Вся эта фантастическая история построена на обмане! Империум, а? Сетевая держава, а? Ха!

Сфуджил сунул бумагу следующему советнику, печального вида бледно-загорелому существу с пушистыми бачками и отсутствием подбородка. Тот растерянно пробежал ее глазами, испуганно взглянул на меня, нахмурился и передал документ дальше. Когда она дошла до Никодо, он прочел ее, бросил на меня озадаченный взгляд, затем перечитал еще раз.

— Боюсь, я не понимаю этого, Баярд.— Теперь он сверлил меня взглядом. Его темное лицо по краям сделалось лиловым.— Чего ты надеялся достичь, пытаясь ввести данное собрание в заблуждение?

— Возможно, если вы объясните мне, о чем идет речь, я смогу пролить на это какой-то свет,— ответил я.

Бумага была молча брошена мне. Я тупо уставился на цепочку вороньих следов.

— Извините. Я не читаю по-ксониджилски.

— Это само по себе должно быть достаточным доказательством,— проворчал Сфуджил.— Заявляет, что он сетевой агент, но не имеет лингвистической подготовки...

— Советник Сфуджил проверил ваше заявление,— холодно произнес Никодо.— Вы утверждали, что эта мировая линия ноль-ноль расположена приблизительно в квадрате восемьсот семьдесят пять дробь двести пятьдесят девять по нашим координатам внутри зоны Развалин. Наши сканеры обнаружили в пределах пустыни три нормальные мировые линии — до этой степени ваш рассказ содержит частицу правды, но что до координат восемьсот семьдесят пять дробь двести пятьдесят девять...

— Да? — Мне стоило немалых усилий подавить дрожь в голосе.

— Такого мира не существует. Непрерывное пространство разрушенных миров покрывает весь этот регион Паутины.

— Лучше посмотрите еще раз...

— Сам посмотри! — Сфуджил швырнул мне еще один лист — глянцевую черную фотограмму, куда более совершенную по сравнению с неуклюжими конструкциями, используемыми имперской Службой сетевой картографии.

Я мгновенно опознал знакомый овал Пустоши, а внутри его — сияющие точки, известные как миры ИП-два и три. Очертания третьей А-линии мне ни о чем не говорили... Но куда же делась линия ноль-ноль?! Она исчезла.

— Думаю, Совет потратил достаточно времени на этого шарлатана,— донесся издалека чей-то голос.— Уведите его.

Дзок уставился на меня.

— Почему? — спросил он.— Почему ты лгал, Баярд?

— Цель этой твари достаточно ясна,— проскрипел Сфуджил.— Приписывая свои исходные побуждения другим, он решил, что, признав себя гражданином простой низкотехнологичной расы, не получит достаточно внимания. Поэтому он попытался запугать нас разговорами о великой Паутинной державе — завуалированная угроза возмездия! Жалкая увертка! Но чего еще ожидать от такого генетически обусловленного подонка!

— У вас оборудование неправильно работает,— прохрипел я.— Просканируйте еще раз...

— Молчать, преступник! — Сфуджил снова был на ногах. Он не собирался терять преимущество, добытое его шоковым приемом.

— У Сфуджила есть нечто, чего он не хочет, чтобы другие узнали,— крикнул я.— Он сфабриковал снимок...

— Это невозможно,— рявкнул Никодо.— Безумные обвинения ничего тебе не дадут, сапиенс!

— Я всего лишь просил отвезти меня домой.— Я швырнул фотограмму через стол.— Отвезите меня туда, и вы достаточно скоро убедитесь, лгу я или нет!

— Самоубийца! Он требует, чтобы мы пожертвовали транспортом и экипажем, дабы он доиграл до конца свой безумный спектакль,— пророкотал кто-то.

— Вы много говорите об убийственных инстинктах моего рода,— отрывисто произнес я.— А где тогда представители сапиенсов в этом вашем уютном мирке? В концентрационных лагерях слушают ежедневные лекции о братской любви?

— В Ксониджил нет разумных безволосых форм,— прорычал Никодо.

— Почему? — рявкнул я в ответ.— Скажете, вымерли?

— Их ветвь была слабой,— перешел к обороне Никодо.— Мелкие, голые, плохо приспособленные к столкновению с невзгодами ледниковых периодов. Никто не уцелел до нынешней эпохи...

— Стало быть, вы их перебили! Возможно, в моем мире получилось как раз наоборот — а может, в обоих случаях имели место естественные причины. Как это ни подавать, история слишком древняя. Я предлагаю сейчас начать сначала — и можете прямо с проверки моего рассказа...

— Говорю вам, давайте наконец прекратим этот фарс! — Сфуджил застучал по столу, привлекая внимание.— Я ставлю вопрос на официальное голосование! Немедленно!

Никодо дождался, пока разговоры стихнут.

— Советник Сфуджил воспользовался своим правом категорического предложения,— тяжело произнес он.— Сейчас по данному вопросу будет проведено голосование, в форме, предложенной советником.

Сфуджил по-прежнему стоял.

— Вопрос ставится так,— произнес он официально.— Удовлетворить требования этого сапиенса...— Он оглядел стол, словно оценивая настроения коллег.

— Он рискует своим положением, формулируя Вопрос на Голосовании,— прошипел Дзок мне в ухо.— Он проиграет, если зайдет слишком далеко.

— Или, напротив,— теперь советник смотрел на меня,— депортировать его на низкотехнологичную мировую линию, чтобы он прожил там отпущенный ему естественный срок в изоляции.

Дзок застонал. По столу прокатился вздох. Никодо что-то проворчал.

— Если бы ты только пришел к нам честно, сапиенс,— вздохнул он.

— Голосование! — рявкнул Сфуджил.— Выведите тварь, агент!

Дзок взял меня за локоть и вывел в коридор. Тяжелые створки щелкнули у нас за спиной.

— Я вообще не понимаю,— сказал он.— Наговорить им всей этой ерунды про сетевую державу! Ты безнадежно настроил Совет против своей персоны — и ради чего?

— Даю тебе подсказку, Дзок. Разве им так уж требовалась какая бы то ни было помощь? Да они уже давно имеют собственное мнение о гомо сапиенс.

— Никодо собирался отнестись к тебе сочувственно,— возразил Дзок.— Он могущественный советник. Но твоя бессмысленная ложь...

— Послушай меня, Дзок,— я схватил его за руку,— я не лгал! Попытайся вбить это в свою тупую черепушку! Мне плевать, что показывает ваша аппаратура. Империум существует!

— Сканер не лжет, сапиенс,— холодно ответил агент.— Тебе лучше признать ошибку и молить о милосердии.— Он выдернул у меня свою руку и разгладил складку на рукаве.

— Милосердии? — Я рассмеялся, но без особого веселья.— От добрейшего советника Сфуджила? Вы, ребятки, так носитесь со своей философией «дружной семьи», но когда доходит до практической политики, становитесь так же безжалостны, как и остальные человекообразные!

— О ликвидации речи не было,— натянуто произнес Дзок.— Перемещение позволит тебе прожить жизнь в достаточном комфорте...

— Я говорю не о своей жизни, Дзок! В мире, которого, по вашим словам, не существует, живут три миллиарда людей. Внезапная атака хагрун станет бойней!

— Твой рассказ не имеет смысла, англик! Мы изобличили твое вранье! Такой линии, как твой Империум, не существует!

— Ваша аппаратура нуждается в перенастройке! Он был на месте сорок восемь часов назад...

Двери Совета открылись. Часовой выслушал кого-то с той стороны, затем поманил Дзока. Агент бросил на меня тревожный взгляд и проследовал внутрь. Двое вооруженных часовых взяли на караул и молча замерли по обе стороны от меня.

— Что там сказали? — спросил я у них.

Никто не ответил. Минута ползла долго и мучительно, словно безногий калека. Затем двери снова распахнулись, и Дзок вышел. За ним следовали двое членов Совета.

— Решение... э... принято, Баярд,— запинаясь, проговорил мой бывший сокамерник.— Тебя проводят на квартиру, где ты проведешь ночь. Завтра...

Мимо него протолкался Сфуджил.

— Не решаетесь исполнить свой долг, агент? — проскрежетал он.— Скажите этой твари, что ее уловки не помогли! Совет проголосовал за перемещение...

Этого-то я и опасался. Я отступил на шаг, выщелкнул пистолет в ладонь... и длинная рука Дзока рубанула меня по предплечью не хуже топора. Мой пистолет поскакал прочь по покрытому ковром полу коридора. Я резко развернулся, нацелившись на короткое ружье в руках ближайшего часового. Мне даже удалось коснуться его — как раз в тот момент, когда стальные браслеты защелкнулись на моих запястьях и дернули назад. Серовато-смуглая рука с тюленьей шерстью на тыльной стороне ладони оказалась перед моим лицом, раздавливая крохотную ампулу. В ноздри хлынул едкий запах. Я закашлялся, стараясь задержать дыхание... Ноги сделались дряблыми, как мокрые веревки, и подкосились. Я грохнулся об пол, но удара не почувствовал. Дзок склонился надо мной и зашевелил губами.

— ...сожалею... виноват, старина...

Лежа на спине, я нечеловеческим усилием привел в движение язык и сумел выдавить одно слово: «Правда...»

Кто-то оттолкнул Дзока. На меня уставились близко посаженные желтые глаза.

— ...глубокая обработка памяти...

— ...закончить работу...

— ...слово офицера...

— ...к черту его. Англик есть англик...

А потом я падал, легкий, будто воздушный шарик, и наблюдал, как картина вокруг меня выпячивается, смазывается, растворяется в вихре огней и темноты, которые все уменьшались, уменьшались и вскоре пропали вовсе.

6

Я довольно долго следил за игрой солнечных зайчиков на паре газовых занавесок, колыхавшихся у распахнутого окна, пока не нашел в себе силы припомнить, кто же их туда повесил. Память возвращалась с трудом, словно таблица умножения, некогда выученная, но давно не применявшаяся. Ну да, у меня же приключилось расстройство, нервный срыв, во время выполнения одного щекотливого поручения в Луизиане — детали припоминались смутно,— а теперь я отдыхал в частном санатории в Харроу, принадлежащем добрейшей миссис Роджерс...

Я сел. Головокружение напомнило мне о последнем приступе, свалившем меня после тяжелой инспекционной поездки в... в... В мозгу мелькнуло полустертое воспоминание о странном городе со множеством лиц и... Я ведь тогда неделю пластом провалялся.

Видение рассеялось окончательно. Я потряс головой и снова лег. В конце концов, я здесь для отдыха. Славного долгого отдыха. Затем со своей пенсией — перед внутренним взором возникло четкое видение банковской книжки с балансом в 10 000 золотых наполеонов на депозите в Кредитном банке де Лондре — я смогу где-нибудь обосноваться и посвятить себя садоводству, как мне всегда хотелось...

Нет, для целостной картины определенно недоставало какой-то маленькой детали, но пытаться ее вычислить было сейчас слишком утомительно. Я оглядел комнату, маленькую, веселую от солнечного света и ярких красок, покрывавших мебель. Домотканые половики и постельное покрывало с вышитой на нем охотничьей сценкой наводили на мысли о долгих зимних вечерах, проведенных за рукоделием под треск пылающих в камине дров. Из комнаты вела узкая филенчатая дверь, выкрашенная в коричневый цвет, с круглой бронзовой ручкой. Ручка повернулась, и вошла миловидная седая женщина с румяными щеками, в забавной кружевной шляпке и многоцветной юбке до полу. Увидев меня, она всплеснула руками и просияла так,

словно я заверил ее в том, что она печет яблочные пироги точь-в-точь как моя матушка.

— Мистер Баярд! Вы проснулись! — Голос у нее оказался пискляво-жизнерадостный, как свисток игрушечного паровозика, а вот акцент вызвал у меня некоторое замешательство.

— И проголодались тоже, я полагаю! Вы ведь не откажетесь от доброй чашечки супа, правда же, сэр? И может, чуточку пудинга на десерт?

— Добрый кусок мяса, тушенного с грибами, звучит лучше,— ответил я.— И, э...— Я собирался спросить ее, кто она такая, но затем вспомнил: добрейшая миссис Роджерс, разумеется...— Бокал вина, если есть,— закончил я, откинувшись на подушку, и вокруг меня заплясали разноцветные пятнышки.

— Конечно-конечно, а перед этим славная горячая ванна. Это будет замечательно, мистер Баярд. Я только покличу Хильду...

Несколько минут все пребывало как в тумане. Я смутно осознавал чью-то суету и щебет женских голосов. Мягкие пальцы касались меня, осторожно тянули за руки. Усилием воли я открыл глаза и поймал взглядом изгиб цветного фартука на девичьем бедре. Женщина постарше направляла двоих крепких светловолосых парней в маневрировании чем-то тяжелым ниже моей линии обзора. Девушка выпрямилась, и я мельком разглядел тонкую талию, приятную округлость живота, рук и дерзкое лицо под прямой челкой цвета клеверного меда. Парни, закончив, ушли, старушка — следом за ними. Девушка еще некоторое время посуетилась вокруг и тоже удалилась, оставив дверь открытой. Я приподнялся на локте и увидел шестифутовую эмалированную ванну, аккуратно установленную на овальном коврике, большое пушистое полотенце, щетку и прямоугольный кусок белого мыла на табуреточке возле нее. Заманчивая картина. Я сел, спустил ноги с кровати, сделал несколько глубоких вдохов, пока не прошло головокружение, затем стянул лиловые шелковые пижамные брюки и неуверенно встал.

— Ой, вам еще нельзя ходить самому, сэр! — донеслось от двери теплое контральто. Медовая челка вернулась, подходя ко мне с озабоченным выражением на дерзкой физиономии. Я равнодушно потянулся за штанами, едва не потерял равновесие и тяжело осел на кровать. Она была уже рядом, поддерживая меня сильной рукой.

— Мы с Ганвор беспокоились о вас, сэр. Доктор сказал, вы были очень больны, но когда вы проспали вчера весь день...

Я не следил за ее словами. Одно дело проснуться в знакомой комнате и без особого труда сообразить, что к чему. Совсем иное дело осознать, что ты среди совершенно незнакомых людей и не имеешь ни малейшего понятия, как сюда попал...

С ее помощью я сделал три шага до ванны и заколебался, прежде чем приступить к залезанию внутрь.

— Просто поставьте внутрь ногу, вот так,— приговаривала девушка.

Следуя ее указаниям, я сделал шаг и сел, слишком слабый даже для того, чтобы поморщиться от горячей воды. Девушка уселась на табуретку рядом со мной, мотнула головой, убирая волосы с лица, и потянулась к моему плечу.

— Я Хильда,— представилась она.— Живу чуть дальше по улице. Просто замечательно, что Ганвор позвонила мне и сказала, что вы приезжаете, сэр. Мы здесь нечасто видим луизианцев да к тому же дипломатов. У вас, должно быть, просто восхитительная жизнь! Вы, наверное, побывали и в Египте, и в Австралии, и в Испании, и даже в Семинольской республике.

Она болтала и намыливала меня с беззаботностью бабушки, купающей пятилетнего внука. А мне было хорошо оттого, что это жизнерадостное создание трет мне спину упругой щеткой, а солнце тем временем светит в окно и ветерок играет занавесками.

— ...вашей аварией, сэр?

Я сообразил, что Хильда задала вопрос. И кажется, довольно неуместный. А может быть, мне просто не хотелось сознаваться в приключившейся у меня — или мне так толь-

ко казалось — некоторого рода мягкой формы амнезии. Забыл я, конечно, не все. Вот только подробности припоминались как-то смутно...

— Хильда... человек, который привез меня сюда... он говорил что-нибудь обо мне... об аварии?..

— Письмо! — Девушка подскочила на месте и метнулась к столу, расписанному красными, желтыми, синими и оранжевыми цветами.— Доктор оставил это для вас, сэр. Чуть не забыла! — сказала она, протягивая мне плотный квадратный конверт.

Я взял его мокрыми руками, вскрыл и извлек один-единственный лист. По затейливому фирменному бланку бежали строчки официального текста:

Мистер Баярд,

с глубоким сожалением и при высочайшем личном уважении к Вам сим подтверждаю Вашу отставку по нетрудоспособности с дипломатической службы его императорского величества Наполеона V...

Там еще содержались упоминания про мою верную службу и преданность долгу, сожаления, что я не поправился вовремя для личных проводов, и бесчисленные надежды на скорейшее мое выздоровление. Также прилагался адрес адвоката в Париже, который ответит на все мои вопросы, если когда-нибудь потребуется помощь, и т. д. и т. п. Имя в конце письма мне ни о чем не говорило, ну да кто же не знает графа Регниса да Манэн, заместителя министра иностранных дел по безопасности. Старый добрый Реджи...

Прочитав письмо дважды, я сложил его и запихал обратно в конверт. Руки заметно дрожали.

— Кто вам это дал? — Голос мой звучал хрипло.

— Доктор, сэр. Вас привезли в карете два дня тому назад, и он очень за вас переживал. Жаль, вашим друзьям пришлось спешно уехать, чтобы попасть на пароход до Кале...

— Как он выглядел?

— Доктор? — Хильда снова принялась за мою спину.— Высокий такой господин, сэр, элегантно одетый, с приятным голосом. И смуглый. Но я видела его только мельком. На конном дворе было темно, и мне больше ничего разглядеть не удалось.— Она хихикнула.— Но то, что у него глаза близенько посажены, как два ореха в яичной подставке, я точно заметила.

— Он приехал один?

— Кучера были, сэр... и, по-моему, еще один господин в карете, но...

— Миссис Роджерс их видела?

— Всего несколько секундочек, сэр. Они страшно торопились...

Закончив с купанием, Хильда насухо меня вытерла и облачила в чистую пижаму. Затем помогла доковылять до кровати и подоткнула одеяло. Я хотел задать еще пару вопросов, но сон накрыл меня, как волна из прорванной плотины.

Проснувшись в следующий раз, я почувствовал себя несколько ближе к норме. Я выбрался из постели, доковылял до стенного шкафа и обнаружил там комплект странного вида одежды, состоявший из узких брюк, сюртука с широкими лацканами, рубашки с рюшами по вороту и манжетам и туфель с крохотными пряжками.

Да нет, поправил я себя, никакие они не странные. На самом деле очень даже стильные. И все с иголочки — в нагрудном кармане еще лежала карточка портного.

Закрыв гардероб, я доковылял до окна. Оно так и осталось распахнутым настежь, и послеполуденное солнце золотило расставленные на подоконнике горшки с геранью. Я высунулся наружу. Под окном раскинулся аккуратный садик, огороженный кирпичной стенкой, далее шел белый штакетный забор, а совсем вдалеке поблескивал высокий ажурный шпиль церкви. В воздухе висел чудесный запах свежескошенной травы. Из-за угла появилась Хильда с корзиной в руках и в накинутом на голову платке. Из под плотной, доходившей до щиколоток юбки выглядывали носы деревянных башмаков, разрисованных красными и голубыми завитушками. Заметив меня, девушка расплылась в улыбке.

— Привет вам, сэр! Выспались наконец?

Она подошла к окну и подняла корзину, полную темно-красных помидоров.

— Ну разве не красавцы, сэр? Я порежу вам несколько к ужину.

— Они чудесны,— прокомментировал я.— Как долго я спал?

— Последний раз, сэр?

— Вообще.

— Ну, прибыли вы около полуночи. После того как мы вас уложили, вы проспали весь следующий день и ночь и проснулись этим утром около десяти. После ванны вы снова легли и проспали до сего момента...

— Который час?

— Около пяти. Так что еще шесть часов с хвостиком.— Она рассмеялась.— Спали вы прямо как под наркозом, сэр...

Я почувствовал, как камень соскальзывает с моей души, словно подтаявший снег с крутой крыши. Наркоз! Я не был болен... меня всего лишь накачали под завязку.

— Мне надо поговорить с Ганвор,— сказал я.— Где она?

— В кухне, ощипывает чудного гуся к ужину, сэр. Мне сказать ей?

— Нет, я одеваюсь. Я найду ее сам.

— Сэр, вы уверены, что чувствуете себя достаточно хорошо?

— Со мной все в порядке.

Борясь с сонливостью, все еще окутывавшей меня плотным туманом, я добрался до шкафа. Выгреб одежду, натянул белье и, немного поразмыслив, напялил шелковую рубашку со свободными рукавами и узкие черные штаны из плотной кавалерийской саржи. Ноги сунул в тапочки. Оказавшись в узком и не совсем прямом коридоре, оклеенном обоями с картинками из лесной жизни, я двинулся вдоль увешанных гравюрами стен на шум воды и звяканье фаянсовой посуды. Поиски привели меня к вращающейся двери. Я толкнул ее и проник в просторное помещение с низким потолком, выложенным плиткой полом и большой закопченной угольной плитой, красовавшейся посередине. У самого окна, рядом с цветочным ящиком, девочка-подросток мыла посуду в раковине из нержавеющей стали. В противоположной стене имелась вторая дверь с витражной вставкой, а под полками с коллекцией надраенных до блеска медных горшков помещался массивный выскобленный стол. За ним-то Ганвор и трудилась над гусем.

— Ой, да это ж мистер Баярд! — Она взволнованно сдула с носа перо.

Я оперся на стол, стараясь не обращать внимания на гул в черепной коробке.

— Ганвор, оставил ли доктор какое-нибудь лекарство для меня?

— Верно, сэр, оставил. Маленький пузырек с каплями для супа и белые порошки для других блюд. Поскольку вы до сих пор не принимали твердую пищу...

— Больше никаких лекарств, Ганвор.

Все вокруг уплывало во тьму. Я пошире расставил ноги, стараясь усилием воли прогнать головокружение.

— Мистер Баярд, вы еще недостаточно окрепли... ох, не надо было вам вставать!

— В кровать... не пойду. Надо... пройтись,— выдавил я.— Выпустите меня...

Я почувствовал, как Ганвор взяла меня под руку, слышал ее суетливые ахи и охи. Смутно осознавая, как спотыкаюсь о ступеньки, я уловил прохладу наружного воздуха. Снова попытался, сделав пару глубоких вдохов, сморгнуть туман.

— Лучше,— выдохнул я.— Просто поводите...

Ганвор не переставала журчать о необходимости соблюдения постельного режима. Я не обращал на нее внимания и продолжал идти. По красивому саду с кирпичной стенкой, извивающейся между овощных грядок, вдоль розовой клумбы сбоку, под плодовыми деревьями в дальнем конце, мимо манящей скамейки под необъятным дубом и обратно к кухонной двери.

— Давайте еще разок.

Теперь я старался не опираться на хозяйку. Я стал сильнее. Еле заметно зашевелился забытый аппетит. Солнце

садилось быстро, отбрасывая на траву длинные и прохладные вечерние тени. После третьего круга я остановился передохнуть возле двери на кухню, а Ганвор извлекла из мореного деревянного ледника кувшин и налила мне стакан охлажденного сидра.

— Теперь-то уж посидите, мистер Баярд. Ужина подождите,— предложила Ганвор все еще обеспокоенным голосом.

— Со мной все в порядке.— Я погладил ее пальцы, бережно сжимавшие мое предплечье.

Она тревожно проводила меня взглядом. Я глубоко дышал, пытаясь разобраться в собственных мыслях. Итак, кто-то привез меня сюда, накачал наркотиками и устроил так, чтобы меня продолжали поддерживать в этом состоянии. Как долго — неизвестно, но можно легко выяснить, проверив запас оставленных Ганвор лекарств. И еще у меня сложилось такое впечатление, будто кто-то изрядно поковырялся в моей памяти. Вопрос, кто и зачем, несомненно, требовал ответа.

Я усилием воли попытался разогнать туман и сквозь него пробиться к истинным воспоминаниям. Судя по нежным листикам и розовым бутонам, здесь стоял июнь. Где я был в мае или прошлой зимой?..

Обледеневшие улицы, высокие здания, мрачные в зимней ночи, но внутри них — тепло, веселье и свет, смеющиеся дружелюбные лица и улыбка красавицы с огненными волосами. Ее имя... имя...

Я не смог вспомнить. Почти-воспоминание ускользнуло прочь струйкой дыма под внезапным порывом ветра. Кто-то неплохо поработал — несомненно, с использованием глубокого гипноза,— сумев так надежно закопать мою настоящую память под слоем фальшивых картинок. Однако не все у них получилось так, как было задумано. Я всего за несколько часов сумел вычислить и отсеять туманные зарисовки сомнительного прошлого. Теперь возможно...

Я развернулся и поспешил обратно к дому. Ганвор в нерешительности маялась над тарелкой со свежей выпечкой.

При моем появлении она быстро сунула что-то под передник.

— Ой! Напугали вы меня, сэр...

Я бесцеремонно вынул из ее непослушных пальцев солонку, до половины заполненную странным белым порошком, и бросил в мусорное ведро.

— Ганвор, я же сказал: больше никаких лекарств.— Я ободряюще погладил ее по плечу.— Знаю-знаю, доктор оставил вам предписания, но они мне больше не нужны. Лучше скажите мне, нет ли здесь поблизости...— Я подыскивал слово. Не хотелось пугать ее вопросом о докторе по мозгам, а слова «психиатр» здесь могут и не знать.— ...гипнотизер? — Никаких признаков понимания.— Ну, он разговаривает с теми, у кого горе или, например, кошмары, утешает их...

— А-а, вы имеете в виду месмериста! Но в деревне ни одного нет, увы... Только матушка Гудвилл,— с сомнением добавила добрая женщина.

— Матушка Гудвилл? — переспросил я.

— Поймите, сэр, я ничего против нее не имею... Но кое-кто поговаривает о колдовстве. А я только на днях читала в «Пари матч», что можно заработать серьезный невроз, если позволять неквалифицированным врачам вмешиваться в свою психику.

— Вы совершенно правы,— согласился я.— Но это всего лишь мелкая закавыка с памятью...

— И у вас тоже так бывает, сэр? — просияла она.— Я и сама такая забывчивая. Порой думаю, что должна была что-то сделать, а вот что?.. Да только настоящий месмерист стоит очень дорого, а что до всех этих знахарей...

— Так что же матушка Гудвилл? Она живет неподалеку?

— На другом конце деревни, сэр. Но вам я бы ее не советовала. Не такому образованному джентльмену, как вы. Домик у нее больно простой, да и сама старуха нашей деревне славы не прибавляет. Неряха она, сэр... никакого чувства стиля. А что до одежды...

— Я не слишком придирчив, Ганвор. Вы отведете меня к ней?

— Да ее и сюда вызвать можно, сэр, если уж вы так настаиваете. Но вот в Илинге имеется дипломированный мастер-месмерист, всего час дилижансом...

— Думаю, сойдет и матушка Гудвилл. Как быстро вы сможете ее сюда доставить?

— Я пошлю Ингалиль. Но если вам не к спеху, сэр, позвольте мне позвать ее после ужина. Я только что гуся в печку сунула, и пироги как раз подрумяниваются...

— После ужина будет в самый раз. Сделаю-ка я еще несколько кругов по саду да нагуляю аппетит, достойный вашей стряпни.

После второго куска черничного пирога, обмазанного сливками, такими густыми, что перевернись горшок, они бы оттуда нипочем не вытекли, после еще одной кружки свежемолотого кофе и изрядного глотка коньяку, аромат которого приобретается лишь за сто лет, проведенных в темном погребе, я запалил нью-орлеанскую сигару и наблюдал, как Хильда и Ганвор зажигают масляные лампы в гостиной. Послышался робкий стук в дверь, и Ингалиль, кухонная девчонка, просунула внутрь свою мордашку.

— Старая ведьма здесь,— пискнула она.— Ганвор, она трубку курит. У нее там, наверное, измельченные внутренности саламандры.

— Она ж услышит тебя, негодница,— прицыкнула на нее Хильда.— Скажи ей, пусть подождет, пока господа не позовут...

Ингалиль взвизгнула и отскочила, а мимо нее протиснулась согбенная древняя старуха в шляпе с опущенными полями. Изъеденная временем рука сжимала кривую палку. Живые черные глаза, быстро скользнув по всему помещению, сосредоточились на мне. Я уставился в ответ, отметив боковым зрением шишковатый нос, беззубые десны, торчащий подбородок и свисающую вдоль запавшей щеки белую прядь. Трубки я не увидел, но у меня на глазах старуха выпустила из ноздрей последнюю порцию дыма.

— Кому тут требуется целительное прикосновение матушки Гудвилл? — проскрипела она.— Ну конечно, вам, сэр. Вам, проделавшему такой странный долгий путь... и которому предстоит еще более странный и долгий...

— Брось, я ж тебе говорила, что это новый джентльмен,— влезла Ингалиль.— А что в корзинке?

Она протянула руку, собираясь приподнять уголок клетчатой красно-белой ткани, прикрывающей корзину, и взвизгнула, когда клюка треснула ее по костяшкам пальцев.

— Следи за манерами, милочка,— ласково пропела матушка Гудвилл.

Она зашаркала к креслу, плюхнулась в него и поставила корзинку на пол у ног.

— Итак, матушка Гудвилл,— взволнованно начала Ганвор,— этому господину нужна от вас только незначительная помощь в...

— Он хотел бы отодвинуть завесу прошлого, чтобы яснее читать в будущем,— проскрипела карга.— И он хорошо сделал, что позвал старую матушку Гудвилл. Ну-с...— Тон ее сделался резче.— Если нальешь мне глоточек, Ганвор, чтобы я немного восстановила силы... А потом вам всем придется выметаться — кроме милорда, нового джентльмена, разумеется.— Она ухмыльнулась в мою сторону, словно хищная птица.

— Меня не интересует будущее...— начал я.

— Не интересует, сэр? — Старуха закивала, как будто соглашаясь.— Тогда вы странный смертный...

— Но мне нужно вспомнить некоторые вещи,— продолжал я, игнорируя ее рекламные ходы.— Может, под легким гипнозом я смогу...

— Итак, стало быть, это в прошлое вы хотели бы заглянуть, как я поняла,— невозмутимо подхватила старуха.

Ганвор, звякнув посудой в буфете, протянула гостье стакан, затем занялась уборкой тарелок со стола. Ингалиль и Хильда молча трудились рядом с ней.

Матушка Гудвилл почмокала губами над коньяком и махнула несоразмерно большой, испещренной бурыми пятнами ладонью.

— Прочь, мои цыплятки, быстро! — проквакала она.— Я чувствую, на меня снисходит дух! Сила струится в завихрениях звездных полей! Странные видения перемешиваются, словно призрачные змеи в котле! Что это? Что это?!

Ай, и впрямь любопытные вещи нашептывают мне нынче духи...

— Болтовню о духах можешь пропустить,— фыркнула Хильда.— Мистеру Баярду нужно от тебя только...

— Займись лучше своими делами, девочка,— рявкнула старуха.— А не то я нашлю на тебя такую судорогу, что даже самый распрекрасный деревенский хахаль по эту сторону Багдада не сможет развести в стороны твои коленки! Все! Брысь!

Женщины вылетели вон, а ведьма повернулась ко мне.

— Теперь к делу, сэр.— Она перешла на вкрадчивый тон.— Что вы готовы пожертвовать бедной старухе за горсть утраченных воспоминаний? Позабыли ли вы любимую, или восторги юности, или ключ к счастью, узренный однажды и исчезнувший навеки?

Я с улыбкой смотрел на нее.

— Вы получите хорошую плату, только давайте пропустим остальную часть болтовни. Лучше сразу перейдем к сути дела. У меня есть основания полагать, что я подвергся искусственно вызванной амнезии. Вероятно, в результате постгипнотического внушения. Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали и посмотрели, нельзя ли снять блок.

Матушка Гудвилл подалась вперед и вперила в меня острый взгляд.

— В вас есть нечто странное... нечто, что я никак не могу распознать. Словно бы ваши глаза устремлены на горизонты, невидимые другим людям...

— Допустим, я странный персонаж, но, надеюсь, не настолько странный, чтобы меня нельзя было загипнотизировать или, если вам будет угодно, зачаровать.

— Ты говоришь, кто-то копался у тебя в голове и забрал твои воспоминания. Кому могло понадобиться проделать с тобой подобную вещь, парень, и почему?

— Возможно, если у вас все получится, я смогу это выяснить.

Она коротко кивнула.

— Я слышала о таких вещах. Заклятие тьмы, налагаемое при свете кроваво-красной луны...

— Матушка Гудвилл,— перебил я,— давайте четко договоримся: при каждом упоминании заклятий, магии, темных сил или рождественских гусей плата снижается. Меня интересует чисто научный месмеризм. Хорошо?

— Что, господин хороший? Уж не собираетесь ли вы учить Повелительницу Тьмы ее ремеслу?!

Формальности начинали меня утомлять.

— Может, мы лучше просто забудем об этой затее? — Я сунул руку в карман за монетой.— Я, наверное, ошибся...

— Стало быть, вы хотите сказать, что матушка Гудвилл мошенница? — Голос ведьмы зазвучал подозрительно мягко.

Взглянув на нее, я заметил искру, полыхнувшую в черных и ярких, как полированные опалы, глазах.

— Уж не думаете ли вы, что старуха явилась, чтобы сыграть с вами шутку, чтобы перехитрить вас, чтобы надуть, как неоперившегося птенца, чтобы...— Она все бормотала, и голос ее доносился теперь издалека, словно приливная волна рокотала в прибрежном гроте, отдаваясь эхом, эхом...

— ...десять!

Я резко открыл глаза. Женщина с бледным, почти красивым лицом, задумчиво опершись на локоть, смотрела на меня. В руке она держала сигарету. Темные волосы были собраны на затылке в тугой узел. Простая белая блуза, расстегнутая у ворота, открывала сильную грациозную шею. На лбу лежал единственный непослушный локон.

Я обвел глазами комнату. Снаружи уже стемнело. Где-то громко тикали часы.

— Что случилось со старой каргой? — брякнул я.

Женщина, едва заметно улыбнувшись, махнула ухоженной рукой на черный плащ, свисавший со спинки соседнего стула, и прислоненную к нему корявую клюку.

— В этом жарковато работать,— пояснила она негромко.— Как вы себя чувствуете?

Я прислушался к себе.

— Прекрасно. Но...

Заметив торчавшую из-под края плаща прядь жестких седых волос, я выбрался из кресла и приподнял ткань. Так и есть: там лежали бородавчатая резиновая маска и пара шишковатых перчаток.

— В чем смысл этого наряда?

— Он помогает мне в моем... бизнесе. Итак...

— Вы сумели одурачить меня благодаря плохому освещению,— перебил я.— Надо понимать, Ганвор и остальные в курсе шутки?

Она отрицательно покачала головой.

— Никто никогда не видит меня при хорошем освещении, мистер Баярд. И даже тогда никто не хочет подходить слишком близко. Они простые обыватели. По их мнению, бородавки и мудрость неразделимы, так что приходится соответствовать их представлению о деревенской знахарке, иначе никто не станет искать моих услуг. Вы единственный, с кем я поделилась своей маленькой тайной.

— Почему?

Она смерила меня проницательным взглядом.

— Вы весьма необычный человек, мистер Баярд. Настоящий человек-загадка. Вы рассказали мне... множество вещей. Странных вещей. Вы говорили об иных мирах, похожих на наш здешний, знакомый мир, но других, чуждых. Вы говорили о людях, которые как звери, одеты в потрепанные волосы...

— Дзок! — выкрикнул я. Руки непроизвольно метнулись к голове, словно в порыве выжать из мозга воспоминания, подобно зубной пасте из тюбика.— Хагруны и...

— Спокойней, спокойней, мистер Баярд,— умиротворяюще произнесла женщина.— Ваши воспоминания — если это истинные воспоминания, а не горячечный бред — все здесь, в целости и сохранности, только позовите. Теперь отдых. Постепенное снятие вуалей с вашего сознания далось нелегко нам обоим. Тот, кто стремился похоронить ваши видения странных эдемов и немыслимых преисподних, настоящий мастер-месмерист. Но теперь все обманы раскрыты.

Я посмотрел на нее, и она улыбнулась.

— Я и сама врач не из последних,— негромко произнесла она.— Но в эту ночь был брошен вызов всему моему мастерству.

Она поднялась, подошла к зеркалу в раме на стене, изящно заправила на место прядь волос. Я смотрел на нее — и не видел. Мысли о Барбре, пылающей фигуре на темном складе, бегстве с Дзоком из хагрунской тюрьмы теснились, отпихивая друг друга, громко требуя, чтоб их выпустили, обдумали, взвесили.

Матушка Гудвилл сняла со стула плащ, одним движением обернула его вокруг плеч и сгорбилась. Белые руки натянули маску на лицо, поправив нос и рот. За маской последовали перчатки с париком, и теперь только яркие молодые глаза смотрели на меня с морщинистого старого лица.

— Отдыхайте, сэр,— проквакала древняя карга.— Отдыхайте, спите, смотрите сны и позвольте этим беспокойным мыслям заново отыскать и занять привычные места. Я навещу вас завтра. Матушке Гудвилл хотелось бы узнать побольше о вселенных, что, по вашим словам, таятся за порогом этого бренного мира.

— Постойте,— окликнул я.— Я не заплатил вам...

Она махнула рукой с выступающими узловатыми венами.

— Вы отлично заплатили мне содержанием ваших видений, сэр. Спите, я сказала, а проснитесь освеженным, сильным, с умом острым, как лезвие бритвы. Ибо вам потребуется вся ваша сила, чтобы встретить то, что ждет вас в еще не наступившие дни.

С этими словами она вышла. Я протопал по коридору в мою темную комнату, сбросил одежду на стул, упал на пуховую перину и провалился в беспокойный сон.

7

Прошло три дня, прежде чем я почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы нанести ответный визит матушке Гудвилл. Ее домик напоминал покрытый соломенной крышей ящик из потрепанного непогодой камня, почти затерявшийся в переплетении стеблей ползучей розы, не-

редко свернувшихся в жгуты толще человеческого запястья и отяжелевших от крупных темно-красных цветов. Я протиснулся в ржавую калитку, пробрался по заросшей нестриженым рододендроном дорожке к дому и громадным бронзовым дверным молотком постучал по низенькой, почерневшей от времени дубовой двери. Сквозь единственное, забранное частым переплетом окошко я разглядел угол стола, горшочек незабудок и толстую книгу в кожаном переплете. Воздух вибрировал от гудения пчел, напоенный ароматом цветов с оттенком свежесваренного кофе. Что ни говори, а традиционная мизансцена для вызова колдуньи представлялась мне несколько иначе.

Дверь отворилась. Матушка Гудвилл в опрятной белой рубашке и крестьянской юбке наградила меня печальной улыбкой и поманила внутрь.

— Сегодня обошлось без маскарадного костюма,— заметил я.

— Вижу, вам лучше, мистер Баярд,— сухо сказала она.— Не хотите ли чашечку кофе? Или у вас на родине это не принято?

Я метнул на нее острый взгляд.

— Уже сомневаетесь?

Плечи ее поднялись и опустились.

— Я верю в то, что мне говорят мои пять чувств. Иногда кажется, что они противоречат друг другу.

Я сел за стол и оглядел апартаменты ведьмы. Полагаю, в моем родном мире дамы из ОТД*, увидев эту чисто выметенную и тщательно прибранную комнатку, обставленную в подлинно деревенском духе, долго бы ахали и охали, через слово восклицая «потрясающе» и «оригинально». Матушка Гудвилл принесла кофейник. Наполнив две чашки, она поставила на стол сливочник с сахарницей и села сама.

— Ну, мистер Баярд, достаточно ли ясен ваш ум нынче утром, полностью ли восстановилась ваша память?

Я кивнул и попробовал кофе. Напиток был хорош.

* Общество традиционного дизайна — общественная женская организация.

— А нет ли какого-нибудь другого имени, которым я мог бы вас называть? — поинтересовался я.— Матушка Гудвилл больше подходит к жуткому парику и бородавкам.

— Можете звать меня Оливией.

Белые руки нервно подхватили чашку. Перстень на одном из тонких пальцев сверкнул великолепным зеленым камнем. Она пригубила кофе и посмотрела на меня, словно собираясь с духом.

— Вы явно хотели меня о чем-то спросить,— подсказал я.— После того как я отвечу на ваши вопросы, может, и вы проясните некоторые моменты для меня.

— Много чудес вы наболтали в бреду.

Услышав странный звук, я опустил глаза. Ее руки еле заметно дрожали, и чашка тихонько дребезжала на блюдце. Оливия быстро поставила ее на стол и спрятала руки.

— Мне и раньше нередко казалось, что существует нечто большее, чем все это...— Она обвела рукой пространство вокруг себя.— В сновидениях я ловила образы зачарованных холмов, и мое сердце рвалось к ним, и я просыпалась с болью о чем-то прекрасном и утраченном, что потом еще долго преследовала меня. Я думаю, что и в вашей безумной речи я услышала то, что заставило надежду снова пустить ростки — надежду давно позабытую, как и прочие надежды юности. А теперь скажи мне, незнакомец, эти разговоры о других мирах, похожих друг на друга, как свежеотчеканенные серебряные монетки, однако каждый со своим крохотным отличием и о странной повозке, способной перелетать с одного на другой,— все это выдумка, да? Бред мозга, болезненно раздраженного чужим вмешательством...

— Это правда... Оливия,— перебил я.— Я знаю, это трудно принять поначалу. Помнится, меня в свое время тоже удалось убедить далеко не сразу. Мы привыкли думать, что знаем все. Склонность не верить ничему, что не укладывается в заранее составленное мнение, весьма сильна.

— Вы говорили о беде, Брайан...

Она произнесла мое имя легко, привычно. Полагаю, разделив с человеком самые потаенные мысли, трудно придерживаться официального тона. Я не возражал. Оливия без своей маскировки оказалась очаровательной женщиной. Несмотря на строгую прическу и тюремную бледность. Немного солнца и легкое прикосновение косметики...

Я заставил себя вернуться к насущным делам.

Она внимательно слушала, пока я излагал ей всю историю. Начиная со странного допроса Рихтгофена и кончая приговором Совета ксониджил.

— И вот я в ловушке,— заключил я.— Без челнока я заперт здесь до конца моих дней.

Она покачала головой.

— Странные это дела, Брайан. Вещи, в которые мне не следует верить, настолько они безумны и фантастичны. И все же... я верю.

— Из того немногого, что мне известно об этом мире, он технологически несколько отстал...

— Ну, не такие уж мы и отсталые,— возразила Оливия.— У нас есть паровой двигатель. Корабли пересекают Атлантику за девять дней. И воздушные шары, и телеграф, и телефон. А наши новые угольные дорожные машины, которые начинают заменять лошадей во многих уголках колоний, даже...

— Конечно, я знаю, Оливия. Я не хотел вас обидеть. Просто, скажем, в некоторых областях мы вас обогнали. У Империума есть МК-привод. Мой собственный родной мир обладает ядерной энергией, сверхзвуковыми летательными аппаратами, радаром и примитивной космической программой. Вы пошли в других направлениях. Суть в том, что я здесь связан по рукам и ногам. Они изгнали меня в континуум, из которого мне никогда не выбраться.

— Так ли уж все плохо, Брайан? Перед вами целый мир. А теперь, когда искусственные барьеры убраны из вашего сознания, вы свободно вспомните эти чудеса, которые оставили за спиной! — Теперь она говорила воодушевленно, захваченная перспективой.— Вы говорили о летательном аппарате. Постройте его! Как прекрасно летать в

небе подобно птице! Ваше появление здесь может означать зарю нового века славы для империи!

— Угу,— невежливо хмыкнул я.— Здорово. А как насчет моего собственного мира? К этому моменту хагруны, вероятно, уже начали наступление — и может быть, преуспели! Может, моя жена теперь носит цепи вместо жемчугов! — Я вскочил, протопал к окну и уставился наружу.— Пока я тухну здесь, в этом сонном царстве! — Мой голос превратился в рык.

— Брайан,— негромко окликнула она меня.— Вам плохо не столько из-за угрозы вашим любимым и друзьям, сколько из-за степени отдаленности, которую обрели эти события...

Я обернулся.

— Что вы имеете в виду под отдаленностью? Барбра, мои друзья — в лапах этих человекообразных...

— Те, кто поработал над вашим мозгом, Брайан, стремились стереть эти вещи из вашей памяти. Мое мастерство действительно сумело развеять их чары, но теперь все эти события представляются вам старыми воспоминаниями, делами давно минувших дней. И кроме того, я сама дала вам команду, пока вы еще спали, чтобы смягчить боль потери...

— К черту боль потери! Если бы я не был таким идиотом, чтобы поверить Дзоку...

— Бедный Брайан. Разве вы еще не поняли, что это он одурачил вас, пока вы спали, внушив вам желание отправиться с ним в Ксониджил? Однако он сделал для вас все, что мог... по крайней мере, так говорит ваша память.

— Я бы мог забрать челнок,— мрачно произнес я.— Хотя бы вернулся домой и помог одолеть этих ублюдков.

— И все же мудрецы этих людей-мартышек из Ксониджила сказали вам, что вашего мира ноль-ноль не существует...

— Они психи! — Я прошелся взад-вперед по комнате.— Я слишком многого не понимаю! Я словно бреду в темноте, постоянно стукаясь о предметы, которые не могу

как следует нащупать. А теперь...— Я поднял руки и уронил их, внезапно почувствовав себя невыразимо усталым.

— У вас по-прежнему вся жизнь впереди, Брайан. Вы создадите себе здесь новый дом. Примите то, что нельзя изменить.

Я вернулся к столу и сел.

— Оливия, я не задавал Ганвор и остальным много вопросов. Не хотел возбуждать любопытство своим невежеством, а представления, внушенные мне Дзоком и его компанией, охватывают очень немногое — только азы. Полагаю, они вообразили, будто я доберусь до библиотеки и войду в курс дела самостоятельно. Расскажите мне что-нибудь об этом мире. Для начала просветите меня относительно вашей истории.

Она неожиданно развеселилась.

— Как забавно! Я должна описывать мой банальный мир так, словно это сон мечтателя. Или то, что могло произойти вместо чьей-то скучной действительности в другом мире.

Я выдавил кислую улыбку.

— Действительность всегда немного скучна для того, кто в нее вовлечен.

— Откуда начинать? С Древнего Рима? Или со Средних веков?

— Первым делом надо установить общеисторическую дату — точку, в которой ваш мир и мой разошлись. Вы упоминали империю. Какую империю? Когда она была основана?

— Ну, Французскую империю, разумеется...— Оливия моргнула, затем помотала головой.— Но в нашей ситуации ничего не «разумеется». Я говорю об империи, основанной Бонапартом в тысяча семьсот девяносто девятом году.

— До сих пор ясно,— сказал я.— У нас тоже был Бонапарт. Но его империя просуществовала недолго. Он отрекся и был сослан на Эльбу в тысяча восемьсот четырнадцатом...

— Да, но он бежал, вернулся во Францию и привел свои армии к славной победе!

Я качал головой.

— Он пробыл на свободе сто дней, пока англичане не нанесли ему поражение при Ватерлоо. Он был выслан на остров Святой Елены, где и умер несколько лет спустя.

Оливия уставилась на меня.

— Как странно... как зловеще и как странно. После великой победы при Брюсселе император Наполеон во славе своей правил в Париже двадцать три года и умер в тысяча восемьсот тридцать седьмом году в Ницце. Ему наследовал его сын Луи...

— Герцог Рейштадтский?

— Нет, герцог умер в юности, от чахотки. Луи был шестнадцатилетний мальчик, сын императора и принцессы датской.

— И его империя до сих пор существует,— задумчиво пробормотал я.

— По отречении английского тирана Георга Британским островам было позволено войти в империю как особому протекторату. После объединения Европы просвещение было принесено азиатам и африканцам. Сегодня они являются полуавтономными провинциями, управляемыми из Парижа, но со своими собственными парламентами, уполномоченными решать внутренние дела. Что до Новой Франции — или Луизианы,— эти разговоры о восстании скоро утихнут. Для рассмотрения жалоб на вице-короля прислана королевская комиссия.

— Теперь, думаю, мы абсолютно точно установили ОИД,— сказал я.— Восемьсот четырнадцатый. И похоже, с тех пор особого научно-технического прогресса у вас не наблюдалось.

Мой комментарий породил массу встречных вопросов, я ответил на них как мог подробнее. Оливия оказалась умной и высокообразованной женщиной. Ее заворожила нарисованная мной картина мира, над которым не простиралась гигантская тень Бонапарта.

К тому времени, когда я закончил, свежесть утра уступила дремотному теплу полудня. Оливия предложила пообедать, и я принял ее приглашение. Пока она возилась у

дровяной плиты, я сидел возле окна, потягивая коричневое пиво из глиняной кружки, и рассматривал любопытный, отдающий анахронизмом пейзаж с его возделанными полями, покрытой битумом дорогой, лошадью, тянувшей повозку на резиновом ходу, и россыпью белых и красных точек фермерских домов по ту сторону долины. Атмосфера мира и благоденствия притупляла мое отдаленное воспоминание об угрозе Империуму, заставляя его, как и объяснила мне Оливия, казаться полузабытой историей, прочитанной давным-давно, вроде старой сказки, напечатанной в лежащей на столе книге. Я взял в руки толстый том в красном кожаном переплете и взглянул на заглавие:

Лаймэн Ф. Баум
«Волшебница из страны Оз»

— *Вот забавно,— произнес я.*

Оливия, увидев книгу в моих руках, улыбнулась почти стыдливо.

— Странное чтение для ведьмы, вы не находите? Но в подобных фантазиях порой находят пристанище мои собственные мечты. Как я вам уже говорила, этого одинокого тесного мира мне категорически не хватает...

— Я не об этом, Оливия. Мы с безупречной точностью установили нашу общеисторическую дату в самом начале девятнадцатого века. Баум родился не раньше чем в тысяча восемьсот пятьдесят пятом или около того — почти полвека спустя. Но вот он здесь.

Пролистав книгу, я нашел издательство: «Уили и Коттон», Нью-Йорк — Нью-Орлеан — Париж, и дату: 1896.

— Вы встречались с этим произведением в вашем непостижимом мире? — подняла брови Оливия.

— В моем мире он никогда не писал этой книги...

Я покачал головой, любуясь фронтисписом В. В. Денслоу*, изображавшим похожую на Глинду** фигуру, стоящую лицом к группе гномов. В верхней части следующей страницы помещалась замысловатая буквица «Я», а следом шли слова: «...призвала вас сюда,— сказала Сорана Волшебница,— чтобы сообщить вам...»

— В детстве это была моя любимая книжка,— произнесла Оливия.— Но если вам она не знакома, почему вы узнали имя автора?

— Он написал другие. «Волшебник из страны Оз» был первой книгой, которую я прочел от корки до корки.

— Волшебник? А не волшебница? Как здорово было бы ее прочитать!

— Это единственное, что он написал?

— Как ни печально, да. Он умер год спустя, в девяносто седьмом.

— Восемьсот девяносто седьмой, это могло бы означать...

Я умолк. Туман, висевший в моем мозгу с самого момента пробуждения, стремительно рассеивался под резким ветром внезапной догадки: Дзок с его компанией, подменив мои собственные воспоминания сфабрикованными, тем не менее ухитрились засунуть меня на линию, максимально приближенную к моей собственной. Да, они расстарались, подошли к вопросу со всей скрупулезностью и действовали гуманно. Но только кое-чего все же не додумали, кое-что упустили из виду и в конечном счете несколько переборщили с гуманизмом.

На фотограмме, показанной мне советниками, я видел сияющую область, не отмеченную имперскими сетевыми картографами. Четвертый, еще не открытый нами мир, расположенный внутри Пустоши. Тогда я счел ее ошибкой наряду с другой, более страшной, допущенной ими: отсутствием нулевой линии Империума.

Похоже, кое в чем они оказались правы и ИП-четыре — мир с куда более близкой к нам общеисторической датой по сравнению с XV веком ближайших линий за пределами Пустоши — действительно существует.

И вот я там — или здесь,— в мире, где в 1897 году жил по крайней мере один человек, известный в моем собст-

* Друг Л. Ф. Баума и первый иллюстратор знаменитой сказки.
** Персонаж сказки «Мудрец из страны Оз».

венном. А если жил один, то что помешает существованию другого? Или даже двоих. Например, Максони и Кочини, изобретателей МК-привода!

— Могло бы означать что, Брайан? — Голос Оливии вернул меня к действительности.

— Ничего. Просто подумалось.— Я положил книгу на место.— Всего за пятьдесят лет последствия основной дивергенции не могли успеть коснуться всех аспектов дальнейшего развития. Какие-то события, а значит, и люди...

— Брайан.— Оливия пристально посмотрела на меня через комнату.— Я не прошу вас доверять мне, но позвольте вам помочь.

— В чем? — Я попытался вернуть лицу беззаботное выражение, но оно комкалось и слипалось, как вывалянная в грязи маска.

— Вы что-то задумали. Я это чувствую. В одиночку у вас все равно ничего не выйдет. Здесь слишком многое для вас незнакомо, слишком много ловушек, в которые вы непременно угодите. Позвольте оказать вам посильную помощь.

— С чего это вам помогать мне... если я что-то затеваю?

Примерно минуту она молча смотрела на меня. Темные глаза казались огромными на бледном, классически очерченном лице.

— Я провела жизнь в поисках ключа к другому миру... миру моих сновидений. Вы каким-то образом связаны с ним. Даже если сама я никогда не смогу туда попасть, мне будет приятно сознавать, что я помогла кому-то достичь его недоступного берега.

— Это все такие же миры, как ваш. Какие-то лучше, какие-то хуже — некоторые гораздо, гораздо хуже. Все они состоят из людей, земли и зданий, тех же старых естественных законов, той же старой человеческой природы. Мира ваших снов не найти, просто упаковав вещи и тронувшись в путь. Вам придется строить его там, где вы есть.

— И все же... я вижу невежество, коррупцию, общественный и нравственный упадок, ложь, обман, предательство тех, кто пользуется доверием невинных...

— Конечно. И пока мы не разовьем человеческое общество до соответствия нашему человеческому разуму, эти вещи будут существовать. Но дайте нам время, Оливия. Мы же экспериментировали с культурой всего несколько тысяч лет. Еще несколько тысяч — и вы увидите разницу.

Она рассмеялась.

— Вы говорите так, будто столетие — всего лишь миг.

— По сравнению со временем, которое потребовалось нам, чтобы развиться из амебы в человекообразное — или даже от первого гомо сапиенс до первого возделанного поля,— оно и есть мгновение. Но не отказывайтесь от своей мечты. Мечты — это сила, которая несет нас к конечной цели, чем бы та ни являлась.

— Тогда позвольте мне придать этой мечте осязаемость действительности. Позвольте помочь вам, Брайан. История, которую мне рассказали — мол, вы заболели от перенапряжения, когда работали в Колониальном кабинете, и находитесь тут на санаторном лечении,— прозрачна, как ночная сорочка парижанки! И, Брайан,— она понизила голос,— за вами следят.

— Следят? Кто? Бородатый карлик в темных очках?

— Это не шутка! Вчера поздно вечером я видела, как мимо ворот Ганвор прокрался какой-то человек, а спустя полчаса мужчина, тщательно закутанный в шарф, прошел по дороге внизу, когда вы пили кофе после ужина.

— Это ничего не доказывает...

Она нетерпеливо покачала головой.

— Вы планируете побег, это я поняла. Я также понимаю, что ваш визит ко мне возбудит любопытство тех, кто заточил вас здесь...

— Заточил меня? Ну нет, я вольная птица...

— Вы теряете время, Брайан,— оборвала она меня.— Что вы натворили и почему, я не знаю. Но в состязании между вами и серой официальщиной я на вашей стороне. А теперь быстро, Брайан! Куда вы отправитесь? Как вы будете путешествовать? Как вы планируете...

— Погодите, Оливия! Вы спешите с выводами!

— Это вам надо спешить, если вы хотите ускользнуть от облавы! Я чувствую опасность, которая затягивается вокруг вас, словно силок на шее косули.

— Я же говорил вам, Оливия: меня сослал сюда Державный Совет. Они не поверили моему рассказу — или сделали вид, что не поверили. Они вышвырнули меня сюда, чтоб избавиться от обузы. Понимаешь, воображают себя гуманистами! Если бы в их планы входило прикончить меня, у них была масса возможностей это сделать...

— Они стремились уничтожить ваше знание о прошлом с помощью гипноза. Теперь они наблюдают, чтобы оценить результаты. И когда они увидят ваше упорное сопротивление, знакомство с ведьмой...

— Вы не ведьма...

— Здесь я известна всем именно в этом качестве, и заявиться сюда при свете дня, между прочим, было с вашей стороны крайне опрометчиво.

— Мне следовало тайком выскользнуть из дома после полуночи? Если за мной действительно ведется постоянное наблюдение, они бы все равно меня заметили. И потом, если их и вправду так занимает моя персона, неужели они не могли сообразить, что я не удовлетворюсь их намалеванной от руки картиной собственного прошлого?

— В любом случае им это не понравится. Они придут снова, заберут вас и вновь попытаются заморозить вашу память о других мирах и о вашей прошлой жизни.

Я задумался.

— Это они действительно могут. И кроме того, мне почему-то кажется, что распространение мною технических знаний среди первобытных людей в их программу перемещения не входило.

— Так куда вы отправитесь, Брайан?

Куда? Черт подери! Оливия оказалась права. Я остро нуждался в помощи. А если она собиралась меня сдать, у нее и так материала хватало с избытком.

— В Рим,— сказал я.

Оливия кивнула.

— Очень хорошо. Каково состояние вашего кошелька?

— У меня есть банковский счет...

— Оставьте это. К счастью, у меня в саду зарыт клад в золотых наполеонах.

— Мне не нужны ваши деньги...

— Чушь. Они понадобятся нам обоим. Я еду с вами.

— Вы не можете...

— Могу и поеду! — заявила она, сверкая черными глазами.— Приготовьтесь, Брайан! Мы отправляемся сегодня же ночью!

— Это безумие,— шепнул я темной фигуре в капюшоне, маячившей рядом со мной на тенистой тропе.— Вам нет никакого резона ввязываться в это...

— Чшш,— негромко перебила Оливия.— Теперь он начинает беспокоиться. Видите его? Думаю, сейчас он перейдет дорогу, чтобы рассмотреть нас поближе.

Я всмотрелся в плотные тени и различил фигуру мужчины. Он тронулся с места, пересек дорогу метрах в ста от коттеджа и исчез среди деревьев на нашей стороне. Я осторожно перенес вес с одной ноги на другую. Тело под наверченным на меня Оливией диким нарядом жутко чесалось. Выглядел я как старший брат матушки Гудвилл: покрытое бородавками лицо, шишковатые руки, седые волосы сосульками — самого гнусного вида старый хрыч, когда-либо скрежетавший беззубыми деснами на легкомысленное поведение молодежи. Сама Оливия напоминала Красотку Уотлинг*: три слоя краски, навороченный рыжий парик, лиловое платье, облегавшее ее стройную фигуру, словно мокрый шелк, и гроздья висюлек, колец, бусин и бренчащих серег, своим количеством способные заполнить прилавки небольшого сувенирного магазинчика.

— Тсс... теперь он подкрадывается ближе,— прошептала моя сообщница.— Еще полминуты...

Я ждал. В полях стрекотали цикады, откуда-то издалека доносилось коровье мычание, а на фермах перелаива-

* Проститутка, персонаж романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

лись собаки. После заката этот мир принадлежал животным.

Рука Оливии коснулась моей.

— Пошли...

Она бесшумно отступила, и я последовал за ней. Мне приходилось слегка нагибаться, чтобы не высовываться над неровной живой изгородью. Луна еще не взошла, и только слабый свет звезд помогал нащупывать путь по изрытой колесами грунтовке. Мы добрались до конца изгороди. Я поманил Оливию назад и кивнул в сторону дома. В слабом свете крошечного бокового окошка четко вырисовывалась чья-то голова.

— Все в порядке,— произнес я негромко.— Он там...

Захрустел гравий, резко вспыхнувший луч фонаря прошелся по колеям, чиркнул по мне и остановился на Оливии.

— Эй, женщина,— пророкотал низкий голос,— что эт' ты делаешь за порогом после отбоя?

Оливия уперла руку в бок и откинула голову, не забыв игриво улыбнуться.

— О-уу, капита-ан,— промурлыкала она.— Вы меня так напугали! Это всего лишь мой старенький папочка. Я его провожаю на станцию.

— Папаша, говоришь? — Свет, ненадолго задержавшись на мне, вернулся нянчить расшитое блестками платье на груди Оливии.— *Не видал тебя раньше. Откуда ты?*

— Можно сказать, плыву по течению, майор. Типа туристка, как вы могли бы меня назвать...

— На своих двоих, посередь ночи? Странное представление о развлечениях, скажу я вам, и к тому же с папенькой. Покажите-ка мне ваши документы, голубчики.

— Ой, так получилось, я уезжала в такой спешке, что они, похоже, остались там...

— Так получилось, а? — Невидимый человек по ту сторону фонаря громко фыркнул.

Я догадался, что перед нами один из патрульных полиции безопасности, служивших неотъемлемым атрибутом данного мира.

— Уж не смылась ли ты с пригоршней ложек, а? Или слишком облегчила чей-то кошелек...

— Ничего подобного! Глупость какая! Я честная, лицензированная проститутка, занимаюсь своим ремеслом и содержу старого папеньку, которому являюсь единственной опорой!

— Не переживай так, милая. Я не заберу тебя. Только проверю твой товар на качество и забуду, что вообще тебя видел.

— Он приблизился и потянул к Оливии здоровенные ручищи. Она пронзительно взвизгнула и отскочила. Полицейский ломанулся следом. Я успел разглядеть треугольку, ястребиный нос, отвисшую челюсть и отблеск света на воротнике мундира. Слегка примерившись, я ребром ладони резко рубанул его в основание шеи. Полицейский вскрикнул, выронил фонарик и упал на четвереньки. Жесткий воротник защитил его от полной силы моего удара. Он завозился, пытаясь встать. Я пнул его точно под подбородок. Парень перевернулся в воздухе и без сознания рухнул навзничь. Я торопливо сгреб фонарик, нащупал кнопку и выключил свет.

— Он... сильно ранен? — Оливия, не мигая, смотрела на струйку крови в уголке распухших губ.

— Несколько недель ему будет трудно выпрашивать взятки.— Я оттащил Оливию обратно к живой изгороди.— Будем надеяться, что наш соглядатай ничего не слышал.

Выждав минуту, мы тронулись дальше, теперь уже торопливо прибавляя шаг. Вдали по склону холма за деревней ползла желтоватая мерцающая искорка.

— Это поезд,— шепнула Оливия.— Нам надо спешить!

За пятнадцать минут мы скорым шагом миновали темные лавки на краю городка и попали на станцию ровно в тот момент, когда пыхтящий углежог-паровоз подходил к платформе. Сурового вида кондуктор в темной длиннополой форме с перекрещивающейся на груди портупеей принял у Оливии деньги, от руки выписал билеты и указал нам где наш вагон. Внутри его обнаружились только

обитые зеленым плюшем широкие кресла. Мы оказались единственными пассажирами. Я со вздохом откинулся на сиденье. Пронзительно свистнул локомотив, вагон качнулся.

— Тронулись,— выдохнула Оливия с восторженным, как у ребенка на ярмарке, видом.

— Мы едем в Рим,— заметил я,— а не в страну Оз.

— Кто знает, куда ведет дорога будущего?

8

В «Альберго Ромулус» мы с Оливией сняли смежные комнаты с потолками, наклонно сбегавшими к паре мансардных окон, открывавших вид на рыночную площадь с изящным фонтаном эпохи Возрождения, непрестанным хлопаньем голубиных крыльев и круглосуточной канонадой суетливой итальянской речи. Мы сидели за маленьким столиком в моей комнате, уписывая состоявший из пиццы поздний завтрак и запивая его кисловатым красным вином, стоившим в этих краях до того дешево, что даже местные нищие могли позволить себе большую часть времени пребывать в состоянии легкого подпития.

— Люди, которые меня интересуют, родились где-то в Северной Италии около тысяча восемьсот пятидесятого года,— рассказывал я Оливии.— Они приехали в Рим молодыми, изучали инженерное дело и электромеханику и в девяносто третьем сделали основополагающее открытие, давшее Империуму сетевой привод. Если здесь родился Баум и в девяностых написал нечто очень похожее на то, что создал и в моем мире, и на линии ноль-ноль, значит, Максони с Кочини тоже могли существовать с изрядной долей вероятности. Они явно не довели МК-привод до совершенства — или секрет его умер вместе с ними. Но вполне возможно, они подошли достаточно близко к завершающей стадии его разработки. Может, они оставили что-то, чем я сумею воспользоваться.

— Брайан, вы рассказывали мне, что все миры, лежащие вокруг вашей линии ноль-ноль, опустошены и превращены в хаос этим самым изобретением. Разве не опасно столь беспечно экспериментировать с такими разрушительными устройствами?

— Я неплохой техник, Оливия. Большинство опасных моментов мне известны. А Максони и Кочини понятия не имели, с чем играют. Они наткнулись на поле по чистой случайности...

— И в тысяче миллионов других миров, которым не повезло, они потерпели фиаско и принесли гибель...

— Вы все это знали, когда мы уезжали из Харроу,— напомнил я.— Это мой единственный шанс и, признаю, чертовски слабый. К сожалению, построить челнок из мусора я не могу: сердечником генератора поля является особым образом намотанная катушка. Я их устанавливал, но никогда не собирал самостоятельно. Может быть, если Максони и Кочини были здесь, и сделали то же случайное открытие, и даже вели записи, как порядочные исследователи, а записи эти еще и сохранились и мне удастся их найти...

Оливия рассмеялась обворожительным девчоночьим смехом.

— Если боги решат все эти «если» в вашу пользу, тогда, ясное дело, они хотят, чтобы вы продолжали. Я рискну, Брайан. Видение Сапфирового города по-прежнему манит меня.

— Там, откуда я пришел, этот город Изумрудный,— заметил я.— Но не будем придираться к деталям. Давайте сначала посмотрим, не удастся ли нам разыскать те самые записи. Затем у нас будет масса времени, чтобы решить, что с ними делать.

Час спустя в местном эквиваленте муниципального архива усталого вида юноша в узком черном костюме хлопнул на стойку передо мной гроссбух три на три фута. В нем мелко-мелко от руки были вписаны имена — тысячи имен с датами, местами рождения, адресами и прочими относящимися к делу подробностями.

— Sicuro, signore*,— произнес молодой человек тоном утомленного превосходства.— Муниципалитету нечего скрывать, он распахивает перед вами свои записи. Это один из самых полных архивов из имеющихся в империи. Но что до чтения,— он ухмыльнулся, дернув тонкими усиками,— это синьору придется делать самому.

— Только объясните мне, на что я смотрю,— попросил я мягким голосом.— Я ищу запись о Джулио Максони или Карло Кочини...

— Да-да, вы так и сказали. И здесь перед вами регистрационная книга, куда записывались имена всех вновь прибывших в город с тех времен, как появились паспорта. Они прибыли в Рим в восемьсот семидесятом, вы сказали? Или восьмидесятом? Похоже, вы не знаете точно. Что до меня,— он развел руками,— я знаю еще меньше. Я никогда не слышал об этих ваших родственниках, или друзьях, или предках, или кем они еще могут быть. Вас они, похоже, интересуют. Меня же — нисколько. Вот книга, покрывающая требуемое десятилетие. Смотрите все, что хотите. Но не требуйте чудес от меня! У меня есть свои обязанности! — На последних словах голос его приобрел раздраженную отрывистость. Он с напыщенным видом удалился хандрить куда-то за стеллажи.

Я фыркнул и приступил к поискам.

Двадцать минут пролетели в полной тишине. Мы обработали 1870-й и перешли к 1871-му. Занятой архивариус один раз выглянул проверить, что мы делаем, и убрался, поймав на себе кислый взгляд. Мы с Оливией, склонившись возле деревянной конторки, корпели над неразборчивыми каракулями. Каждый брал по странице и проглядывал список примерно в две сотни имен. Оливия читала быстрее: не успевал я закончить свою страницу, как она уже переходила к следующей. Спустя полминуты моя спутница резко ахнула.

— Брайан! Смотри! Джулио Максони; родился в тысяча восемьсот сорок седьмом году в Паглио; род занятий — механик, изобретатель...

* Извольте, синьор *(ит.)*.

Я проверил. Имя и фамилия сходятся. Я попытался запретить себе излишнее ликование, но пульс мой зачастил даже вопреки здравому смыслу, шептавшему мне на ухо, что в мире могут быть еще сотни Джулио Максони.

— Хорошая работа, девочка.— Мой голос прозвучал спокойно и сдержанно, всего дважды сломавшись на трех словах.— Адрес?

Она прочла. Я занес его в записную книжку, благоразумно прихваченную для этой цели, и добавил остальные данные из гроссбуха. Мы поискали еще час, но о Кочини записей не нашли. Клерк вернулся и теперь стоял над душой с таким видом, словно мы злоупотребили его гостеприимством. Закрыв книгу, я толкнул ее по конторке в его сторону.

— Не беспокойся, парень,— бросил я добродушно.— Мы всего лишь составляем списки возможных клиентов для рассылки по почте бюджетных ссуд на похороны.

— Рассылки по почте? — подозрительно уставился на меня молодой клерк.— Муниципальные записи не предназначены для такого использования. И в любом случае, все эти люди давным-давно мертвы!

— Именно,— согласился я.— Обширный нетронутый рынок для нашей линии поставки услуг. Огромное спасибо. Я отмечу, чтобы вам оказали особое внимание, когда подойдет ваша очередь.

Тишина, когда мы покидали архив, стояла такая плотная, что ее, наверное, можно было нарезать на ломтики при помощи ножа для масла.

Максони жил в доме номер двенадцать по Виа Карлотти, этаж четвертый, квартира девятая. Ориентируясь по карте, купленной у седого предпринимателя в берете и с засаленной эспаньолкой, также предложившего нам приобрести со скидкой пачку открыток пикантного содержания, от которых я с некоторым сожалением отказался, мы отыскали улицу. В узком коридоре между домами, забитом пустыми картонными коробками и переполненными мусорными баками, как безумные шныряли среди препятствий босоногие сорванцы, жизнерадостно обмениваясь

замечаниями, способными вогнать в краску самого Муссолини. За номером двенадцать числился потускневший фронтон позднего Возрождения из рустованного гранита, зажатый между покосившихся заколоченных пакгаузов не более чем вековой давности. Максони начинал свою карьеру в самой скромной квартире из всех возможных. Трущобы здесь были даже столетие назад. Толкнув заскорузлую дверь, мы проникли на тесную лестничную площадку, где воняло чесноком, сыром, прелой одеждой и менее приятными вещами.

— Выглядит ужасно, Брайан,— с сомнением пробормотала Оливия.— Может, нам сначала навести справки...

Тут из ближайшей прихожей высунулось круглое, оливкового цвета лицо, обрамленное подушками жира, и его обладательница обрушила на нас стремительный поток итальянской словесности.

— Прошу прощения, синьора,— ответил я в изящной манере, некогда перенятой у римского посланника при имперском дворе.— Перед вами всего лишь скромные иностранцы, впервые посетившие прекрасный Вечный город. Мы разыскиваем жилище, где некогда обитал наш родственник, коему сам Господь даровал счастье уехать сюда, дабы он мог всю жизнь вдыхать сладчайший воздух солнечной Италии.

У хозяйки отвисла челюсть. Несколько секунд она молча таращилась на нас, потом ее лицо расплылось в улыбке размером с десятилировую пиццу.

— Buon giorno, Signore e Signorina!*

Она полностью втиснулась на площадку, потрясла наши руки, прокричала какие-то наставления в квартиру, откуда летел вызывающий усиленное слюноотделение аромат равиолей, и возжелала немедленно узнать, чем она может служить выдающимся гостям прекрасной Италии. Я назвал ей номер квартиры, где обитал Максони девяносто с чем-то лет назад. Она кивнула и двинулась вверх по

* Добрый день, синьор и синьорина! *(ит.)*

узкой лесенке, отдуваясь как паровоз, на котором мы ехали через всю Европу два дня и две ночи. Оливия следовала за ней, а я замыкал шествие. Озирая восхищенным взглядом россыпи битого стекла, бумаги, тряпок и всевозможного мусора, заполонившего каждую ступеньку и площадку с вьющейся по центру тропинкой, протоптанной за века ногами постояльцев, я был готов спорить на что угодно: хоть какая-то частичка, привнесенная сюда Максони, здесь непременно отыщется.

Добравшись до верхнего этажа, мы проследовали по узкому коридору мимо потрепанного вида дверей с белыми фарфоровыми ручками и остановились возле самой последней.

— Здесь есть постоялец, синьоры,— предупредила хозяйка.— Но сейчас он отсутствует. Он на работе. На рыбном рынке, куда его пристроила я, София Джина Анна Мария Скуматти! Поверьте мне, если бы я не поставила ему ультиматум, что он должен заплатить за квартиру или убираться вон, он бы сейчас храпел, как обожравшаяся свинья, пока я, София Джина...

— Вне всякого сомнения, синьоре пришлось немало вынести от неблагодарных постояльцев,— гладко вклинился я.

В кармане моего сюртука — того самого, странного покроя одеяния, что я обнаружил в гардеробе дома у Ганвор,— лежала наготове бумажка в сто лир. Я выудил банкноту и протянул матроне, почтительно склонив голову.

— Если синьора примет скромное вознаграждение...

Мамаша Скуматти надула щеки и выпятила внушительную грудь.

— Я рада услужить гостю Италии,— начала она. Я потянул банкноту назад.— Но пусть не скажут, что я, Джина Анна Мария Скуматти, была неблагодарной...— Толстые пальцы выдернули купюру из моей руки и уронили за вырез, способный составить конкуренцию Большому Каньону.— Не желают ли синьор и синьорина войти? — Она нашарила в кармане трехдюймовый ключ, вогнала его в за-

мочную скважину, куда можно было просунуть и палец, повернула и распахнула дверь.— Входите!

Первыми мне на глаза попались продавленная койка с кучей грязных одеял на ней и сломанный стол, похороненный под завалом ядовито раскрашенных комиксов с компанией пустых кофейных чашек, грязных, захватанных стаканов и окаменевшим куском ржаного хлеба. Потом я по очереди оглядел бюро, треснутое зеркало с заткнутыми за раму билетами на скачки, деревянное распятие на стене и батарею пустых винных и ликерных бутылок, пестревших наклейками местных фирм. Пахло жилье кислой смесью нестираной постели, старых носков и обжитой мышами винокурни.

Я взглянул на Оливию. Она ответила мне спокойной улыбкой и обратилась к хозяйке:

— Мы можем здесь немного побыть?

София Джина, наморщив лоб, подняла на меня вопросительный взгляд.

— Моя сестра хотела бы войти внутрь и.. э... пообщаться с духом нашего покойного предка,— слегка сымпровизировав, перевел я фразу Оливии.

Черные невыщипанные брови поползли вверх.

— Но синьор же видит, в комнате живут!

— Мы ни к чему не станем прикасаться, только осмотрим помещение. Это для нас очень трогательный момент, понимаете?

Понимающее выражение расползлось по круглому лицу. Она смерила Оливию, по-прежнему накрашенную и в кольцах, оценивающим взглядом, затем посмотрела мне в глаза. Одно веко приопустилось в недвусмысленном подмигивании.

— Ах, ну естественно, синьор! Вы и ваша... сестра... разумеется, хотели бы пообщаться наедине. Еще сто лир, пожалуйста.— Тон ее внезапно стал резким.

Я молча извлек требуемую сумму, стараясь выглядеть самым жалким типом.

— Мне не хочется торопить синьора,— бюст хозяйки, колыхнувшись, заглотил вторую банкноту,— но постарайтесь закончить часа, скажем, за два, si? Есть риск, что Джино придет на обед.

В бок мне врезался локоть, размером и фактурой похожий на футбольный мяч. Две жирные руки с обломанными ногтями очертили в воздухе песочные часы, и мамаша Скуматти заколыхалась прочь, словно бегемот в черной юбке.

— Что сказала эта жирная мерзавка?! — с воинственным видом поинтересовалась Оливия.

— Просто восхищалась вашей фигурой,— торопливо ответил я.— Давайте осмотримся и прикинем, какие ключи можно повернуть.

Полчаса спустя моя спутница стояла посередине комнаты, по-прежнему морща нос и уперев руки в бока.

— Это с самого начала была безнадежная затея.— Она сдула локон, прилипший к влажному лбу.— Давайте выбираться отсюда, пока мой желудок не взбунтовался.

Я отряхнул руки от пыли, закончив шарить по дальним закоулкам полок и под мебелью.

— Все очевидные места осмотрены. Но как насчет неочевидных? Мы не проверили расшатанные половицы, не простучали стены на предмет скрытых панелей или тайников за картинами...

— Пустая трата времени, Брайан! Этот человек не заговорщик, чтобы прятать свои секреты в тайниках. Он был бедным молодым студентом, не более того, живущим в съемной комнате...

— А еще от него могла остаться какая-нибудь мелочь. Клочок бумаги, например, оброненный в глубине комода. Здесь никто никогда не прибирается. Даже спустя все эти годы что-нибудь да сохранилось.

— Где? Вы вывернули все ящики, обыскали дно сундука, подняли тот рваный обрывок ковра, даже за плинтусом пошарили...

Она умолкла. Глаза ее сфокусировались на деревянных жалюзи, закрывавших коробку с радиатором отопления, расположенную под одиноким окошком. Растрескавшиеся планки погнулись от времени и плохо прилегали друг к

другу. Мы одновременно сделали первый шаг. Оливия проворно убрала пустые бутылки из-под кьянти и наполовину забитую окурками жестянку. Я ухватился за верхнюю доску и осторожно дернул вверх. Вся решетка, издав жалобный скрип, выехала из пазов.

— Коробка держится всего на паре ржавых гвоздей,— заметил я.— Если я ее сниму...

Спустя минуту при помощи деревянной вешалки с торговым знаком «Альберго Торино, Рим» я отодрал от стены весь кожух, обнажив ржавую чугунную батарею и несколько дюймов водопроводных труб. В качестве трофея мне досталась горка волосяных катышков, которыми при желании можно было бы под завязку набить коробку для обуви, россыпь окурков, множество билетных корешков, несколько обрезков проволоки, старые шпильки, игральная карта, канцелярские скрепки и чистая бумажка.

— Хорошая была идея.— Я молча восстановил конструкцию.— Жаль, что не сработала.— Пепельница и бутылки вернулись на прежнее место.— Вы оказались правы, Оливия. Давайте выбираться на улицу, где мы сможем вдохнуть славный здоровый аромат свежего мусора...

— Брайан! Смотрите! — Оливия подставила клочок бумаги под луч света, падавшего из окошка.— Чернила выгорели, но здесь что-то написано...

Я подошел и, прищурившись, рассмотрел находку. На бумажке остались лишь еле заметные разводы. Оливия положила ее на стол, осторожно потерла по пыльной поверхности и поднесла к зеркалу. Призрачные контуры неуклюжих каракулей проступили серой линией.

— Потрите еще раз.— Голос мой от напряжения едва не сорвался.— Только осторожно. Бумага хрупкая, как пепел.

Она выполнила мою просьбу и снова поднесла добычу к зеркалу. На сей раз я смог разобрать буквы: Indtituzione Galileo Mercoledi Guigno 7.3 P. M.

— Среда, седьмое июня,— перевел я.— Это может пригодиться. Интересно, какого года?

— Я знаю простую формулу, как вычислить день, на который падает данное число,— беззвучно выдохнула Оливия.— Это займет всего секунду...

Она закусила губу и сосредоточенно нахмурилась. Внезапно лицо ее просветлело.

— Да! Подходит! Седьмое июня тысяча восемьсот семьдесят первого года выпало на среду! — Моя спутница снова нахмурилась.— Как и тысяча восемьсот девяносто девятого, и тысяча девятьсот одиннадцатого...

— Это уже кое-что. И гораздо лучше, чем вообще ничего. Давайте проверим Институт Галилея. Будем надеяться, что он все еще работает.

Маленький сухонький человечек молча слушал нас, изредка пожевывая длинные желтоватые усы. Его покрытые узловатыми венами руки в нарукавниках покоились на конторке, словно удерживая ее в качестве последнего барьера, отгородившего клерка от сладкоречивых иностранных ищеек.

— Восемьсот семьдесят первый. Это было довольно давно,— объявил он сварливо.— С тех пор в институте побывало много студентов. Многие выдающиеся ученые проходили через эти двери, неся славу имени Галилея.

Судя по долетевшему до нас запаху дешевого вина, мы только что оторвали человека от позднего утреннего возлияния.

— Я не подаю заявление о приеме,— напомнил я.— Не надо произносить передо мной рекламных речей. Я всего лишь хочу взглянуть на личное дело Джулио Максони. Разумеется, если ваш архив так запущен, что вы не можете его найти, так и скажите, и я отражу этот факт в статье, которую пишу...

— Вы журналист? — Он поправил галстук, подкрутил усы и задвинул ящик, скрытый от наших глаз конторкой. Звякнуло стекло.

— Обращайтесь со мной так же, как с любым скромным искателем истины,— надменно произнес я.— В конце кон-

цов, если институт принадлежит народу, то разве отдельные его представители не стоят того, чтобы персонал, чей хлеб и вино обеспечиваются щедростью общества, уделил им толику внимания...

Человечек мой намек понял. Издав булькающий звук, он поспешно исчез из поля зрения и вернулся, пыхтя под грузом брата-близнеца муниципального гроссбуха. Клерк грохнул его на конторку, сдул мне в лицо облако пыли и поднял обложку.

— Максони, вы сказали, синьор? Семьдесят первый, семьдесят первый...— Он осекся на полуслове, выпучив на меня глаза.— А это не сам Максони?! — Под накладным козырьком вновь проступило выражение природной подозрительности.

— А-а-а! — Видимо, мое лицо являло довольно живописную смесь разнообразных эмоций.— Сам Максони?

— Джулио Максони, знаменитый изобретатель! — рявкнул служащий.

Он повернулся и махнул рукой на дагерротип в раме, один из длинного мрачного ряда, окаймлявшего помещение.

— Изобретатель маслобойки Максони, телеграфного ключа Максони, улучшенной гальванической автомобильной антенны Максони — именно на ней он сделал состояние, конечно...

Я выдавил самодовольную улыбку, какая бывает у инспектора, которому не удалось найти ошибку в платежных ведомостях.

— Очень хорошо. Вижу, вы здесь не зря свой хлеб едите. Я просто взгляну на записи и...

Я не успел договорить, а старый хрыч уже развернул книгу ко мне и указал строчку обгрызенным ногтем.

— Вот, прямо тут. Его первичная регистрация на электротехническом отделении. Он тогда был всего лишь парнем из бедной сельской общины. Именно здесь, в институте, начал Максони свое восхождение к славе. Мы тогда одними из первых стали давать лекции по теории электричества и электромеханике. Институт являлся одним из спонсоров Телеграфной конференции, имевшей место позже в том же году...

Он продолжал бормотать заученный текст, в прошлом, без сомнения, не раз побуждавший бывших питомцев данного заведения или потенциальных покровителей наук раскошелиться на лишнюю пачку денег. Я тем временем пробежал глазами короткую запись. Там значился адрес на Виа Карлотти и сообщалось, что Максони не был женат, двадцати четырех лет от роду, католик. В общем, негусто...

— Имеется ли какая-нибудь запись,— поинтересовался я требовательным тоном,— касательно того, где он жил после того, как сколотил состояние?

Человечек напрягся.

— Сколотил состояние? Боюсь, я не понимаю...

— В смысле, внес свой великий вклад в развитие человечества,— поправился я.— Наверняка он не стал задерживаться на Виа Карлотти.

Уголок плотно сжатых губ регистратора дернулся в печальной улыбке.

— Синьор, верно, шутит? По-моему, местоположение музея известно даже туристам.

— Какого музея?

Клерк развел руками в жесте столь же римском, как тертый сыр.

— Какого же еще, кроме того, что расположен в бывшем доме и лаборатории Джулио Максони? Храма, где помещены реликвии, оставшиеся со времен его блестящего жизненного пути.

Оливия, молча стоявшая рядом со мной, пыталась по выражениям лиц вникнуть в суть диалога.

— Золотая жила,— шепнул я ей и снова обратился к регистратору.

— У вас, случайно, нет под рукой адреса музея?

Своим вопросом я заслужил улыбку превосходства. Костлявый палец указал на стену рядом.

— Дом номер двадцать восемь по Страда д'Алленцо. Через один квартал к востоку. Любой ребенок вам покажет.

— Мы в дамках,— сообщил я Оливии.

— Э... а как называется газета, которую вы... якобы представляете?

Тон человечка представлял собой восхитительную смесь угодливости и завуалированной наглости. Ему до смерти хотелось оскорбить нас, но он не был до конца уверен, что это безопасно.

— Мы из Общества трезвости.— Я шумно принюхался.— Разговоры о Максони, сами понимаете, это просто так, чтобы отвлечь ваше внимание. А работаем мы над статьей «Пьянство на рабочем месте, и во что оно обходится налогоплательщикам».

Мы уже ступили на залитую ярким солнечным светом брусчатку тротуара, а он все стоял, неподвижный, как статуя, и молча таращился нам вслед.

Дальнейшие поиски привели нас к старинному особняку с каменным фасадом, который, несомненно, считался бы самым достойным украшением любой улицы из Восточных Семидесятых* у меня дома. Скромная, покрытая уличной копотью бронзовая табличка, висевшая возле стеклянных дверей, сообщала, что дом и лаборатории знаменитого изобретателя Джулио Максони содержатся на добровольные взносы Общества сохранения памятников славы Италии и открыты с девяти до четырех с понедельника по субботу и с часу до шести по воскресеньям. «Звоните в колокольчик», прочел я на приклеенной к стеклу картонке. Я позвонил. Время шло. За стеклом шевельнулась смутная тень, брякнули засовы, и дверь со скрипом приоткрылась. Нечесаная баба уставилась на нас заспанными глазками.

— Закрыто. Уходите.— Голос ее походил на предсмертное ржание тяжеловоза.

Я успел всунуть ногу в сужающийся просвет между дверью и косяком.

— На вывеске сказано...— начал я бодро.

* Восточные Семидесятые улицы — фешенебельный район Нью-Йорка.

— К черту вывеску,— прохрипела мятая харя.— Завтра приходите...

Я уперся в дверь плечом и резко распахнул ее, заставив «очаровательную» смотрительницу отшатнуться. Она восстановила равновесие, поправила сползшую лямку лифчика и, подняв руку с растопыренными пальцами ладонью к себе, открыла рот, по-видимому намереваясь продемонстрировать нам виртуозное владение римской фразеологией...

— Ах, не говорите этого,— предостерег ее я.— Графиня непривычна к живости современной речи. Она ведет уединенную жизнь в тиши своего огромного палаццо на озере Констанс...

— Графиня? — Жуткая плотоядная гримаса, задуманная, вероятно, как жеманная улыбка, исказила обрюзгшее лицо.— Боже мой, если б я только знала, что ее милость почтит наш маленький храм визитом...— Она улетучилась.

— Вход охранялся драконом,— прокомментировала Оливия,— но доблестный рыцарь поверг его одним лишь словом.

— Я наложил на него магическое заклятие. Ты у нас теперь графиня. Знай себе рассеянно улыбайся да демонстрируй холодную отстраненность.

Я огляделся. Мы попали в стандартный холл с высоким потолком и выкрашенными в кремовый цвет стенами. Сквозь дымчатое стекло витражного окна пробивались разноцветные лучи, световыми пятнами растекаясь по некогда прекрасному, а ныне донельзя истертому ковру, рождая блики на мраморной столешнице с многолетним слоем пыли и мерцая в хрустальных подвесках великолепной венецианской люстры. Еще одно витражное окно освещало площадку над покрытой ковровой дорожкой широкой лестницей. Широкая арка слева открывала вид на массивный стол с вазами восковых цветов и раскрытой книгой с пером и чернильницей возле нее. Ряды полок прогибались под тяжестью запыленных книг, неудобные на вид стулья и диваны, набитые конским волосом, теснились по

стенам. Под мраморным козырьком с неровной шеренгой фарфоровых безделушек темнел провал камина. Рядом притулилась подставка для кочерги и щипцов.

— Похоже, Максони, когда заработал на автомобильных антеннах, оказался не чужд стремления к буржуазной роскоши,— заметил я.— Интересно, где его лаборатория?

Мы с Оливией обошли помещение, вдыхая аромат вековой пыли и мебельного воска. Я пробежал глазами по заголовкам на полках.

Взгляд мой зацепился за «Опыты с переменными токами высоких потенциалов и высокой частоты» Никола Теслы и тоненькую брошюрку Маркони. В остальном коллекция состояла из добрых солидных викторианских романов и переплетенных томов с проповедями. Толку никакого.

Дракон вернулся преображенный. Смотрительница натянула на себя нелепый капот искристо-зеленой расцветки — несомненно, дань сфере исследований, проводимых Максони,— а лицо ее исчезло под массивным слоем торопливо наляпанной косметики. Венчал композицию розовый бутон рта, подведенного нетвердой рукой. Она сплела пальцы, присела в реверансе, достойном ученого слона, и обрушила на Оливию потоки слов. Та, склонив голову на одну восьмую дюйма, продемонстрировала в ответ ледяную улыбку. Данный образец аристократического снобизма привел старую деву в неописуемый восторг. Я даже слегка испугался, как бы от избытка эмоций ее похожий на спекшуюся краску макияж не пошел трещинами, словно штукатурка при землетрясении.

— Ее милость желает видеть лаборатории, где Максони творил свои великие дела,— объявил я, отмахиваясь от волны дешевых духов, песчаной бурей прокатившейся по залу.— Можете показать ее нам прямо сейчас.

Смотрительница, оттеснив меня, заняла местечко поближе к графине. Размахивая руками, отягощенными массой колец, и шелестя полами капота, она по узкому коридору сбоку от лестницы провела нас к двери, выходящей в заросший травой садик. Прошагав по дорожке, мы до-

стигли сарая, запертого на висячий замок. Дама стрекотала, не прерываясь ни на секунду.

— Видите ли, рабочие помещения еще полностью не восстановлены.

Она выудила ключ из мешковатого кармана. Открыв замок, смотрительница пошарила по стене внутри и хрюкнула, отыскав выключатель. Брызнул желтоватый свет. Мы с Оливией уставились на пыль, неуклюжие глыбы брезентовых чехлов, пыль, стопки картонных коробок, пыль, мутные окна и снова пыль.

— Он работал вот здесь?!

— Разумеется, тогда все было не так загромождено. Понимаете, нам не хватает фондов, ваша милость. У нас еще не было возможности разобрать здесь все и внести в каталог, избавиться от предметов, не имеющих ценности, и восстановить лабораторию в ее первозданном виде,— продолжала трещать смотрительница, ничуть не смущенная молчанием Оливии.

Я зыркал по сторонам, напустив на себя беззаботный вид, но в душе мне было далеко до спокойствия. Именно в этом сарае — или весьма на него похожем — Максони впервые совершил прорыв, открывший миры альтернативной реальности. Где-то здесь могло находиться нечто. Я пока не знал, что ищу: дневник, несовершенную действующую модель...

Я приподнял уголок пыльного чехла на заваленном мусором столе, взглянул на россыпь старинных деталей: неуклюжие, массивные трансформаторы, примитивные электронные лампы, куски проволоки.

Крупный предмет в центре стола привлек мой взгляд. Я отдернул брезент и придвинул его к себе.

— Но, синьор, я должна настаивать на том, чтобы вы ничего не трогали! — заголосил мне прямо в ухо наш сторожевой бегемот.

Я подскочил и позволил брезенту упасть. В воздух взвилось облако пыли.

— Здесь все как профессор оставил в тот последний, роковой день.

— Извините,— произнес я, сохраняя на лице, как я надеялся, нейтральное выражение.— Для меня это выглядит обыкновенной кучей старых железяк.

— Да, профессор Максони был немного эксцентричен. Он собирал всевозможные странные детали и обломки и вечно пытался подогнать их друг к дружке. У него была мечта, как он говаривал моему усопшему отцу, пока был жив, разумеется,— профессор, я имела в виду,— и папа тоже, конечно...

— Ваш отец работал с Максони?

— А вы не знали? Да, он был у него ассистентом столько долгих лет. Он бы мог рассказать множество забавных историй об этом великом человеке...

— Полагаю, его уже нет в живых?

— Папы? Дорогой папочка отбыл в лучший мир сорок три... или уже сорок четыре?..

— Надеюсь, он оставил дневники, заполненные живыми воспоминаниями о профессоре?

— Н-нет, папа не был, так сказать, грамотным.— Она помедлила.— Разумеется, сам профессор вел записи очень прилежно. Пять больших томов. Это одна из величайших трагедий Общества — то, что у нас пока нет достаточных фондов, чтобы их опубликовать.

— Возможно, фонды еще поступят, сударыня,— произнес я внушительно.— Графиня особенно заинтересована в публикациях именно таких дневников, как вы описываете.

— О-о! — Нарисованный рот принял форму кривобокого «О», соответствующего восклицанию.— Ваша милость...

— Так что если вы случайно захватили его с собой, чтобы ее милость могла на него взглянуть...— Я оставил предложение незаконченным.

— Он в сейфе, синьор, но у меня есть ключ... я знаю, у меня есть ключ, где-то. Я только в прошлом году... или в позапрошлом...

— Найдите же его, добрая женщина,— подтолкнул я ее.— Мы с ее милостью терпеливо подождем здесь, трепеща при мысли о том, что именно в этом самом сарае профессор разработал свою гальваническую автомобильную антенну.

— Ой, нет, это было до того, как он купил дом...

— Не важно. Дневники, пожалуйста.

— Может, синьорам лучше вернуться в гостиную? Здесь пыль...

— Как я уже сказал, она приводит нас в трепет. Поторопитесь.

Я жестом указал на дверь. Оливия вопросительно взглянула на меня.

— Я отослал ее искать дневники Максони.

Должно быть, моя спутница уловила что-то в моем тоне.

— Брайан, в чем дело?

Я шагнул к столу и откинул чехол. Массивное приспособление, сдвинутое мною раньше, возвышалось над россыпью деталей вокруг него.

— Это,— я позволил нотке триумфа прорваться в голос,— катушка. Центральный компонент МК-двигателя. Если, имея это и дневники старика, я не смогу построить челнок, то собственноручно сдам погоны.

9

Мы сняли мастерскую. Складской подвальчик площадью двадцать на двенадцать выходил в узкий переулок, вьющийся от Страда д'Алленцо к боковому притоку Тибра и, возможно, ведущий свое происхождение от козьей тропинки, протоптанной еще в те времена, когда Рим имел право считаться поселком. Прежний обитатель помещения, похоже, был механиком. По углам до сих пор валялись ржавые потроха парового двигателя. На просевших стеллажах возле одной из стен среди завихрений пыли я разглядел кое-какой инструмент, уже не шибко пригодный к употреблению, а из твердого, как бетон, земляного пола то там, то тут проглядывали втоптанные в маслянисто-черный грунт всевозможные шпильки, болты, шайбы и металлическая стружка. Старик, сдавший мастерскую, с ворчани-

ем убрал наиболее вопиющую часть мусора и приволок большой обшарпанный стол, покрытый оцинкованным железом. Стол и катушка, при помощи взятки на время выцыганенная у Хранительницы Пламени, а также дневники составляли все мое лабораторное оборудование. Не так уж много для того, кто собрался ворочать мирами, однако начало все же было положено.

Оливия раздобыла нам комнаты неподалеку. Причем дешевле и лучше по сравнению с «Альберго Ромулус». В ее комнате даже имелась небольшая угольная плита, и мы договорились в целях экономии наших скудных средств завтрак и обед готовить дома. Ужинали в одной из соседних макаронных забегаловок, где графин вина стоял на столе так же, как у нас соль и перец.

Я начал свою исследовательскую программу с того, что прочел от корки до корки все пять дневников. Большая их часть состояла из едких комментариев относительно текущей политической ситуации: столицу только что перенесли из Флоренции в Рим, и от этого поднялись цены. Далее шли заметки о вроде бы бесцельных изысканиях в области магнитных полей, подробности весьма замысловатого, но строго платонического романа с синьорой К. и тревожные бюджетные расчеты, вызвавшие мое самое искреннее понимание.

Только в последнем томе я стал натыкаться на интересные абзацы — первые, осторожные намеки на Большую Тайну. Максони экспериментировал с катушками: наматывал, пропускал через них различные токи, варьируя их по силе и качеству, и пытался фиксировать результаты. Будь он знаком с современной физикой, ему бы и в голову не пришло затевать эти нелепые эксперименты, но в своем первозданном невежестве ученый настойчиво продвигался к развязке. Подобно Эдисону, в поисках материала для изобретенного им светящегося пузыря перепробовавшему все, от конского волоса до бамбуковых щепок, Максони раз за разом испытывал очередную комбинацию, записывал результаты и пробовал снова. Это было чистейшее из чистых исследований. Он не знал, что ищет, и, найдя, не понял, к чему пришел. По крайней мере в этом мире. Разумеется, какое бы то ни было упоминание о Кочини здесь напрочь отсутствовало. А что за роль он сыграл в аналогичной истории на линии ноль-ноль, я припомнить не смог. Наверное, по возвращении мне следовало бы слегка освежить багаж собственных знаний... по возвращении... при условии, если мне было куда возвращаться...

Я приказал себе отсечь любые мысли в данном направлении. Они не вели ни к чему хорошему.

Наконец последний том дневника раскрыл свои секреты. Все, сколько их было. Небольшое количество разбросанных по страницам фрагментарных упоминаний о способах наматывания катушек да строчка-другая относительно странных проявлений, имевших место при пропускании точечных разрядов определенной частоты через конденсатор из золотой фольги.

Спустя неделю я ощутил себя вполне готовым перейти к экспериментальной фазе исследований. Как выяснилось, электрификация здесь далеко отстала от Редди Киловатта*. Город располагал всего несколькими маломощными электростанциями в основном для обслуживания университетов и исследовательских лабораторий. Мне пришлось натаскать, откуда возможно, массу разнообразных аккумуляторов, генераторов колебаний, неуклюжих электронных ламп, похожих на большие молочные бутылки, и вообще всего, что выглядело потенциально полезным. Затем Оливия предложила мне погрузиться в гипнотический транс, и пока я излагал сохранившийся в подсознании курс сетевых технологий, все прилежно законспектировала. Информация, выуженная из глубин моей памяти, оказалась в два раза ценнее записей Максони.

Это были самые приятные дни. Я вставал рано, завтракал вместе с Оливией и, прогулявшись два квартала до

* Персонаж романа С. Кинга «Пляска смерти», бивший электричеством.

мастерской, усердно трудился, пока не наступало время обедать. Все результаты я заносил в тетрадь, не сильно отличавшуюся от тех, что использовал Максони за сто лет до меня. Данный мир вообще не отличался склонностью к стремительным переменам.

Оливия приходила около полудня или чуть позже. Под римским солнцем лицо ее приобрело наконец те краски, которых ему так не хватало в Харроу. Постепенно она стала выглядеть куда более умиротворенной и куда менее болезненной. Из принесенной ею корзинки на свет появлялись бутерброды, фрукты, пицца и бутылка вина. Я к тому времени уже успел обзавестись парой стульев. Мы раскладывали наш обед на краю моего огромного верстака и приступали к трапезе, а перед нами завистливым идолом, алчущим умиротворяющей жертвы, высилась таинственная громада катушки.

Вторую половину дня я резал, точил, подгонял и записывал. Любопытные прохожие притормаживали у распахнутых дверей, заглядывали внутрь с вежливыми приветствиями и робкими вопросами. Месяц спустя все местные обитатели классифицировали меня как сумасшедшего иностранца, весьма смахивающего на колдуна. Однако они проявляли дружелюбие. Частенько мне вручали ненавязчивые презенты в виде бутылки вина, полукопченой колбасы или клинышка острого сыра, сопровождаемые пышной россыпью римских комплиментов. Каждый вечер к моменту, когда солнце проваливалось за изломанную линию горизонта и мастерскую обступал глубокий сумрак, едва разгоняемый единственной слабой лампочкой, в глазах у меня начинало мутиться, голова наполнялась вязким гулом, а ноги теряли чувствительность от многочасового стояния внаклонку над верстаком. Я торжественно закрывал помещение и навешивал тяжелый замок. Действие носило скорее ритуальный характер, ибо дверь представляла собой несколько небрежно сшитых тонких досок, а ржавые петли крепились к косяку посредством гнутых гвоздей. Я шагал мимо лавок и киосков, где суетливые владельцы

запирали свое хозяйство на ночь, поднимался к себе в комнату и, наспех ополоснувшись в изгрызенной ржавчиной ванне, вместе с Оливией отправлялся куда-нибудь поужинать.

Сидя за шаткими столиками, частенько на узкой террасе с плиточным полом, символически отгороженной от оживленной улицы низким заборчиком, мы беседовали, наблюдали за прохожими или вечерним небом, потом возвращались домой и возле дверей желали друг другу спокойной ночи. Она шла к себе, а я к себе. Наверное, наши отношения выглядели довольно странно, однако в то время они казались нам совершенно естественными. Мы считали себя сообщниками, вовлеченными в таинственный заговор. Наполовину сыщиками, наполовину исследователями, изолированными от шумной будничной толпы фантастической природой безумной задачи, за выполнение которой мы взялись. Она — ради исполнения романтической мечты, я — движимый навязчивой идеей разорвать стены невидимой тюрьмы, сомкнувшиеся вокруг меня.

Мои оценки возраста Оливии с каждым разом пересматривались в сторону уменьшения. На момент первичного потрясения, при виде матушки Гудвилл без маски, я мысленно определил ее в сорокалетние девственницы. Позже, когда она, вырядившись проституткой и увешавшись побрякушками, наслаждалась каждой минутой маскарада, я снизил ее возраст до тридцати пяти. В Риме шелуха напускной чужеродности окончательно спала с нее. Оливия сделала аккуратную стрижку и стала одеваться в небрежном римском стиле, для обновления гардероба совершив набег на скромные местные магазинчики. Фигура ее и раньше отличалась стройностью, а кожа после длительных прогулок под солнцем утратила нездоровую бледность. В результате однажды, наблюдая, как она на задворках мастерской крошит хлеб голубям и смеется над их неуклюжей толкотней, я вдруг осознал, что ей максимум двадцать с хвостиком.

Оливия рассеянно подняла голову и поймала мой взгляд.

— Вы красивая девушка,— произнес я. Боюсь, несколько удивленным тоном.— Что могло привлечь вас в этом маскараде?

Вначале она перепугалась, словно ее застали на месте преступления, и поспешно напустила на себя привычный образ царевны-несмеяны. Потом ее лицо озарила улыбка даже более веселая, нежели обычно.

— Вы же угадали.— В голосе Оливии теперь сквозили озорные нотки.— Старуха-колдунья из «Волшебницы страны Оз»...

— Да, но вот почему?

— Я вам уже все объясняла: это мой бизнес. Кто станет покровительствовать умной женщине без бородавок на подбородке?

— Конечно... Но почему вы не вышли замуж? — Я уже собирался завести старую песню о наличии множества прекрасных молодых людей вокруг, однако выражение ее лица спасло меня от этой банальности.— Ладно, это меня не касается,— торопливо осадил я сам себя.— Лезть вам в душу в мои намерения вовсе не входило.

Я заткнулся, и мы отправились домой в молчании если и не мрачном, то определенно далеком от компанейского.

Спустя еще три недели мы собрали огромный ворох данных, и как-то раз, когда Оливия заглянула в мастерскую, чтобы выяснить, почему я застрял после десяти вечера, я сообщил ей о вступлении в силу новой фазы создания челнока. Я приступил к сборке вторичных цепей — наиболее знакомой мне части агрегата.

— Самое сложное,— объяснял я,— это настроить катушку. Надо было разобраться, какая разновидность токов для нее требуется и какой силы поле она вырабатывает. Эта часть выполнена. Теперь необходимо всего лишь выставить амплитуду и настроить фокусное оборудование.

— По вашим словам, Бриан, эти манипуляции такие простые. И такие безопасные.

— В этом я и пытаюсь себя убедить,— признал я.— В действительности все далеко не так просто. Необходимо по-

добрать режим для взаимной нейтрализации самых разнообразных воздействий. Иначе может случиться неконтролируемый вброс материи из иного измерения, по мощности не уступающий солнечному протуберанцу, или, наоборот, отток энергии, подобный Ниагарскому водопаду, высосет тепло из этого места, за несколько минут заморозив город начисто, а за месяц он накроет ледяной шапкой всю планету. Еще возможен...

— Достаточно. Я поняла. Вы играете с опасными силами, Бриан.

— Не беспокойтесь, я не подключу систему, пока не буду достаточно уверен в том, что делаю. Кроме того, теперь существует множество способов автоматического прерывания любого из процессов, которые мне придется задействовать. Катастрофы, сформировавшие Пустошь, случились потому, что Максони и Кочини из тех других А-линий не были предупреждены. Они запустили установку и шагнули в пустоту. У дверей в ад петли хорошо смазаны.

— Долго еще вам... заканчивать?

— Несколько дней. Сам челнок не бог весть как сложен. Построю обычную коробку. Из сосновых горбылей, если придется. Необходимо какое-нибудь вместилище для меня и механизма. Конечно, сооружение получится громоздким и неуклюжим — не то что компактные имперские модели,— но оно сможет нести меня куда надо, пока течет энергия. Расход энергии, конечно, велик, но вот этой груды шестивольтовых элементов должно хватить, чтобы добраться до дома.

— А если ксониджил правы,— негромко произнесла Оливия,— вдруг мира, который вы ищете, не окажется на месте — что тогда?

— Тогда я на всех парах влечу в Пустошь, и одним психом станет меньше,— ответил я резко.— И это даже к лучшему. Стоит мне представить весь Империум...

— Я знаю, это не так, Бриан. Но если по какой-то причине что-нибудь пойдет... по-другому...

— Побеспокоюсь об этом, когда пойдет,— оборвал я ее.

Стоило пахать как проклятому, заворачиваясь в свою трудотерапию, словно в плащ от непогоды! Я вовсе не горел желанием перебирать в уме тысячи вероятных исходов, один мрачнее другого, которые мне светили, едва я ступлю на борт своего грубого самодельного ковчега и рвану рубильник.

Это произошло тремя вечерами позже. Мы сидели за столиком у окна в одном из наших обычных кафе, потягивали вино из небольших бокалов и прислушивались к слабым шумам ночного города, лишенного света неоновых ламп и урчания двигателей внутреннего сгорания. В последнее время Оливия завела привычку каждый вечер заходить за мной в мастерскую, а я обнаружил, что с нетерпением жду этого момента.

— Теперь уже недолго,— рассказывал я.— Коробку вы видели. Она хоть и сколочена из дерева, но достаточно прочна. Катушка установлена. Завтра полностью соберу изолирующий контур...

— Бриан...— Ее пальцы легли мне на предплечье.— Посмотрите туда!

Я обернулся. Взгляд успел зафиксировать лишь мимолетный образ высокой темной фигуры в длинном пальто с широкими полами и поднятым воротником, промелькнувшей на фоне улицы с редкими поздними прохожими.

— Это был... он! — Голос Оливии осип от напряжения.

— Ладно, может, и он.— Я попытался напустить на себя непринужденный вид.— Не берите в голову. Насколько вы уверены...

— Я уверена! То же ужасное темное лицо, борода...

— В Риме полно бородатых мужчин, Оливия...

— Нам надо идти... быстро!

Она попыталась встать, но я поймал ее за руку и мягко усадил на место.

— Паниковать бесполезно. Он нас заметил?

— Я... по-моему... не знаю,— замялась она.— Я увидела его и сразу отвернулась, но...

— Если он нас видел — если это и вправду он,— беготня все равно не поможет. А если он нас не видел, то вряд ли вернется.

— Но если мы поторопимся... нам даже необязательно заскакивать домой за вещами! Мы можем сесть на поезд и еще до конца дня будем за много миль от Рима.

— Выследили здесь — выследят и в любом другом городе. Кроме того, имеется еще одна проблемка — мой челнок. Он почти готов. Еще день работы и несколько проверок...

— Много вам будет пользы от челнока, когда вас схватят, Бриан?!

Я погладил ее по руке.

— Зачем кому-то меня хватать? Меня затем сюда и сунули, чтобы избавиться...

— Бриан, я не какая-нибудь деревенская гусыня, не пытайтесь уболтать меня при помощи всей этой ерунды! Мы должны действовать, и быстро.

Я закусил губу, обдумывая ее последнее замечание. Оливию мои шаткие доводы не успокоили, равно как и меня самого. Я понятия не имел, до какой степени пристально агенты сетевой полиции Державы интересуются судьбой перемещенных, однако благосклонно взирать на мою возню в домашней мастерской они точно не станут. Ссылка в этот мир подразумевала изъятие меня из оборота без возможности вернуться в Сеть. Несомненно, ксониджил примут меры. Тут Оливия права...

— Ладно.— Я поднялся, бросив на стол монетку, и мы вышли на улицу.— А теперь бегите домой. Я тут немного поразнюхаю — надо же убедиться, что все в порядке. Затем...

— Нет, я останусь с вами.

— Это глупо! Если здесь и вправду запахнет насилием, так неужели вы думаете, будто я хочу, чтобы вы оказались во все это втянуты? Не...

— У вас созрел какой-то безумный план. Ведь так? Вы отправитесь обратно в мастерскую?

— Стоит проверить, не ковырялся ли кто-нибудь в моем челноке.

Лицо ее в свете карбидного фонаря, казалось, обрело прежнюю бледность.

— Вы попытаетесь форсировать работы... хотите рискнуть своей жизнью...

— Я не собираюсь ничем рисковать, но будь я проклят, если меня остановят, когда мне так близко удалось подобраться к цели.

— Вам понадобится помощь, а я немного разбираюсь в технике.

Я покачал головой.

— Не лезьте в это, Оливия. Их интересую я, но и вы можете пострадать...

— Долго вам осталось возиться?

— Несколько часов. И кое-какие тесты...

— Тогда нам лучше не медлить. Этой ночью я чувствую близкую опасность. Недолго осталось ждать, пока затянется петля.

Я колебался всего мгновение.

— Не знаю, что я сделал, чтобы заслужить такую преданность.— Моя рука нашла ее руку.— Но вперед, работы у нас много.

Для начала мы вернулись на съемную квартиру, включили свет и сварили кофе. Выждав некоторое время, я и Оливия тихонько спустились по черной лестнице в мощенный булыжником переулок. Еще через полчаса, избегая главных улиц и хорошо освещенных углов, мы кружным путем добрались до мастерской и скользнули внутрь. Все выглядело в точности так же, как я оставил пару часов назад: шестифутовая квадратная коробка, зашитая досками по бокам, катушка, установленная в центре дощатого помоста, мерцающая в темноте проволочная паутина наполовину собранного изолирующего контура. Я зажег лампу, и мы приступили к работе.

Руки у Оливии оказались просто золотые. Я всего раз показал ей, как присоединять проволоку к изоляторам, и с этого момента у нее получалось даже лучше, чем у меня.

Батареи понадобилось разместить более компактно. Я наскоро сколотил грубый стеллаж, расставил элементы, подсоединил к выключателю. Проверил.

Каждые полчаса или около того Оливия вышмыгивала на улицу и производила короткую рекогносцировку. Никакого шпиона в черном плаще, картинно высунувшего нос из-за угла, ей, ясное дело, обнаружить не удавалось. А я, в свою очередь, никак не мог вычислить схему их действий — если таковая вообще имела место быть. Выследив нас, они просто не могли оставить мастерскую без наблюдения. Возможно, мне позволят завершить работу и возьмут с поличным. Или им просто любопытно, сумеет ли сапиенс осуществить задуманное при помощи имеющихся здесь материалов и технологий...

Мы закончили далеко за полночь. Я соединил последние контакты и пару раз протестировал контур. Если мои расчеты верны, а надиктованные под гипнозом воспоминания по теории МК-поля не оказались полусознательным бредом, эта штуковина обязана сработать...

— Он выглядит таким... хрупким, Бриан.— Глаза Оливии при тусклом освещении темнели двумя провалами.

Мои же собственные глазные яблоки казались мне щедро посыпанными алмазной пылью.

— Да, он хрупок, но при перемещении по линиям челнок неуязвим для внешнего влияния. Аппарат заключен в поле, которое удерживает воздух внутри его, а все остальное снаружи. И он не задерживается в материальных мирах достаточно надолго, чтобы внешняя температура, вакуум или еще что-то успели подействовать на него.

— Бриан! — Она яростно стиснула мою руку.— Останьтесь здесь! Не доверяйте свою жизнь этому ненадежному устройству! Еще не поздно бежать! Пусть злые люди безуспешно тратят время на поиски! Мы найдем где-нибудь домик, поселимся на каком-нибудь хуторе вдали от всех этих передряг...

По выражению моего лица Оливия догадалась, что ее слова упали в пустоту. Долгое мгновение девушка пристально смотрела мне в глаза, затем, выронив мою руку, отступила на шаг.

— Дура я была, что смешала мечты с унылой реальностью,— резко произнесла она. Плечи ее поникли, а лицо

утратило живые краски. Сейчас передо мной стояла практически матушка Гудвилл.

— Оливия,— хрипло окликнул я.— Ради бога...

Невнятный шорох донесся со стороны выхода. Дрогнула дверь. Я метнулся к лампе и погасил ее. В тишине по булыжникам шваркнула чья-то подошва. Заскрежетали ржавые петли. Мрак ночной улицы слегка разогнал кромешную тьму мастерской, и высокий темный силуэт обозначился в открывшемся дверном проеме.

— Баярд! — Голос, без всякого сомнения, принадлежал ксониджил.

Я крался вдоль стены. Фигура шагнула внутрь помещения. Где-то возле двери обычно стоял лом, прислоненный к кирпичной кладке. Мечтая усилием воли сделаться прозрачным, я согнулся и вытянул руку. Пальцы коснулись холодного, покрытого чешуйками ржавчины металла. Незваный гость разминулся со мной всего в двух ярдах. Выпрямившись, я занес оружие для удара и, когда он сделал еще шаг, длинным прыжком преодолел разделявшее нас пространство и изо всех сил врезал ему ломом по затылку. Шляпа слетела с головы незнакомца, он запнулся и с тяжелым грохотом рухнул на пол.

— Бриан! — взвизгнула Оливия.

— Все в порядке! — Отшвырнув железяку, я нашел в темноте девушку, притянул к себе и крепко обнял.

— Пойми, Оливия,— хрипло шептал я.— Здесь на карту поставлено куда больше, нежели чья-то красивая мечта. Я обязан туда отправиться. У тебя впереди вся жизнь. Живи и забудь обо мне!

— Позволь мне пойти с тобой, Бриан,— простонала она.

— Ты же знаешь, я не могу. Слишком опасно. И кроме того, с тобой шанс отыскать линию ноль-ноль уменьшится ровно вдвое. Воздуха может не хватить...— Я сунул в карман ее пальто свой бумажник и нежно высвободился из объятий.— Мне пора.

— Я... я почти надеюсь, что у тебя ничего не получится,— донесся из темноты голос Оливии.

Я подошел к челноку, зажег карбидные ходовые огни и, нащупав внутри тумблер, включил разогрев контура. Существо, оглушенное мной, слегка застонало.

— Тебе лучше уйти прямо сейчас! — крикнул я Оливии.— Заберись как можно дальше отсюда. Отправляйся в Луизиану, начни жизнь сначала, но только забудь о матушке Гудвилл...

В глубине челнока родился низкий гул. Песнь истязаемых молекул по мере установления поля, искажающего пространство и сворачивающего время, звучала все пронзительнее. Посреди массивной ткани реальности образовался крохотный пузырек невообразимо высокого напряжения.

— Прощай, Оливия!

Я запрыгнул внутрь хрупкого ящика. Стрелка измерителя силы поля на самодельной панели управления дрожала на краю шкалы. Время пришло! Я стиснул рычаг пуска генератора и выжал вниз до упора.

10

Все пронизала мелкая дрожь и зудение искрящих контактов. Стены вокруг челнока, мелькнув напоследок, пропали из виду. Я оказался лицом к лицу с безжизненным хаосом Пустоши. Обзорных экранов у меня не было, но футовые просветы между грубыми перекладинами давали панорамный вид на заваленную битым камнем равнину, мягко поблескивающую в лунном свете. Пейзаж тек и искажался, прямо у меня на глазах превращаясь в почерневшие обгорелые развалины и затем постепенно деградируя до лавоподобной мешанины когда-то расплавленных и затвердевших камней и стали.

Я разжал кулаки и попытался сделать первый вдох. Пока все шло нормально — я ехал через преисподнюю в картонке для яиц,— однако поле держалось, обузданное математической матрицей, воплощенной в нескольких сотнях обыкновенных проволочек, натянутых от гвоздя к гвоздю

вокруг деревянного ящика. Массивная катушка, привинченная к полу, нервно вибрировала. Я сурово приказал себе расслабиться. Путь предстоял долгий.

Полдюжины собранных на скорую руку приборов исправно давали показания. Я оглядел ряды колышущихся стрелок и прикинул, от каких данных мне следует отталкиваться. Вместо подробной карты я имел в распоряжении только смутное воспоминание о фотограмме, показанной мне на совете ксониджил. Если мартышки не врали, а мне почему-то казалось, что дела обстоят именно таким образом, и мой аппарат действительно стартовал из четвертого обитаемого мира, сохранившегося посреди Пустоши, значит, направление можно считать условно близким к правильному. Навигация в Сети основана на сопоставлении трех координат, выбранных в произвольном порядке из бесчисленного множества полей, являвшихся материальной составляющей многомерного пространства. Точка пересечения координат давала представление об изначальном местонахождении. Отслеживание поступательных изменений в их соотношении вело пилота через Сеть — теоретически. Всего-то и оставалось прикинуть мою А-энтропическую скорость, донастроить грубую панель управления, выяснить с ее помощью степень свободы маневра на А-линиях и совместить направление челнока точно с целью при условии существования таковой на данный момент. А управиться со всеми задачами мне следовало до того, как воздух в аппарате станет непригоден для дыхания. Хорошо хоть проблема с водой, пищей и местом для сна у меня отсутствовала. Я успею сто раз погибнуть или задохнуться, до того как она станет актуальной.

Согласно первичной обработке снятых с аппаратуры показаний, вектор движения челнока успел отклониться от расчетного минимум на полтораста градусов. Я осторожно передвинул бегунок одного из моих самодельных реостатов, скривился от разлетевшихся искр и взглянул на датчики, в надежде увидеть обнадеживающие результаты.

Результаты не обнадежили. Либо я неверно истолковал данные, либо переоценил собственные возможности в из-

готовлении сетевых аппаратов. Набросав колонки цифр, я торопливо произвел кое-какие вычисления. Теперь сомнений не оставалось — челнок несся на скорости, втрое превышающей расчетную и постоянно меняя курс. Собранная кустарным способом и не проверенная в результате спешки схема оказалась напрочь разбалансирована. Она, конечно, надежно удерживала разрушительный поток заключенных в ней сил, но ни о каком маневре даже речи идти не могло.

Я снова наугад что-то подкрутил и проверил показания. Стрелки задергались, одна поползла вниз, еще две — так же неуклонно вверх. Свободного хода ни у одного из реле управления почти не осталось. Титаническим усилием воли мне удалось припомнить все, что когда-либо доводилось слышать о методах аварийной навигации. При любом из вариантов вывод получался один и тот же: аппарат уже описал почти полный круг и мчится в направлении, прямо противоположном исходному. Я сдвинул рычаг, служивший одновременно и рулем, до упора влево, посмотрел на приборы. Те отреагировали, но недостаточно.

Прошло еще десять минут. Часы на руке тикали, странным образом отмеряя время моего вневременного безумного прыжка через альтернативные реальности. Одна секунда казалась вечностью. Я словно ждал, стиснув зубы, пока лаборант со шприцем нащупает вену.

Опять снял показания и окончательно убедился: траектория челнока закручивается в спираль, непонятно только — восходящую или нисходящую. Панель управления непрерывно искрила. Сопротивление, рожденное неестественной энтропической перегрузкой, стремительно нагревало проводку. Соединительная муфта, приколоченная к толстому, два на четыре, брусу, тускло засветилась красным. Дерево под ней постепенно чернело, выпуская струйки дыма, а затем появились первые бледные язычки пламени. Они окрепли, слились межу собой и побежали в разные стороны. Скинув пиджак, я предпринял безуспешную попытку сбить огонь. Кабель с расплавленным концом

упал на проволочную сетку, вызвав цепочку новых возгораний, и повис, приварившись в новом положении...

Сердце мое остановилось. Я уже мысленно представил себя частью одной из огненных колонн, с безмолвным ревом стремившихся ввысь за бортом челнока, и... каким-то непостижимым образом аппарат продолжил свой бег по А-линиям. Потерев изъеденные дымом глаза, я проверил показания: курс резко изменился. Быть может, мне стоило попробовать мысленно воспроизвести беспорядочный маршрут, чтобы вычислить местоположение? Безнадежно. С таким же успехом я мог просто ткнуть наугад в любое из чисел.

Окрестный пейзаж приобрел странные очертания. Подобного я не видел ни в одном фильме-отчете об исследовании Пустоши. Ряд крутобоких черных конусов скрывался за горизонтом. Через кромки кратеров, мерцающими ожерельями сомкнутых вокруг усеченных вершин, бесконечным потоком изливалась лава. Надувались и лопались белые пузыри, выбрасывая плотные сгустки коричневого дыма, заполонившего небо непроницаемым шлейфом. По-видимому, здесь сквозь гигантский излом в земной коре происходил выброс магмы, на всем своем протяжении, словно грибы после дождя, формирующий молодые вулканы.

Мое путешествие затянулось уже на сорок минут. В приступе тоскливого отчаяния я представил себе квартирку в Риме и Оливию. Одну. Внезапно на меня нахлынули воспоминания о днях, проведенных вместе с ней. Ее несгибаемый дух, ее нежное нечаянное прикосновение, линия ее шеи, щеки. Как мы сидели за столиком, поднимая бокалы в долгих римских сумерках...

Я же там имел шанс обрести все, что нужно для счастливой жизни! Вдруг я просто дурак? Все бросил и променял на бессмысленную поездку в чертовом ящике неизвестно куда. Может, и так. Но был ли у меня выбор на самом деле? В жизни случаются дела, с которыми человеку приходится разбираться хотя бы ради того, чтобы не утратить навсегда сам ее смысл.

Я заблудился окончательно. Последний час челнок вслепую несся сквозь пространство, изменяя курс всякий раз, как только переплетение оплывающих проводов замыкалось в новой последовательности. Деревянный каркас по-прежнему дымился и тлел.

В поисках остатков чистого воздуха мне пришлось растянуться на полу. Кислород уже почти закончился. Каждый вдох вызывал кашель, а голова непрестанно гудела, как изношенный трансформатор. От нечего делать я следил за последствиями самопроизвольной модификации челнока на полном ходу и сквозь дым обозревал какую-то новую страну, доселе не исследованную нашими сетевыми разведчиками. К сожалению, мои шансы донести до кого-либо столь полезные сведения таяли с каждой истекающей минутой. Подобрав обугленную щепку, я вывел на полу несколько строк вычислений. Как бы то ни было, на такой скорости меня наверняка занесло в самые глубины Пустоши. Снаружи панорамой Судного дня проплывали разрушенные миры. Вулканы ужались до огненных ям, посылающих в черное небо фонтаны пламени и россыпи искр. Я подслеповато заморгал. Дым и облака пара позволили разглядеть темную цепочку дальних холмов. Земная кора вздувалась, заново формируя ландшафт. На мгновение внешняя дымовая завеса истончилась, позволив мне четче разглядеть очертания местности за бортом...

Зелень?! Это была зелень или мне показалось? Я потер глаза и снова уставился туда. На холмах, смутно различимых в лунном свете, похоже, действительно имелись признаки растительной жизни.

Ближние огненные ямы совсем попритихли, измельчали до светящихся островков вязкой лавы и подернулись пеплом. Вдруг... Чахлый кустик выглянул над кромкой кратера. Затем еще один...

Я втянул воздух, закашлялся и поднялся на четвереньки. Свечение раскаленного камня угасало окончательно. Повсюду выныривали безошибочно узнаваемые булавочные головки растительных побегов. Юное деревце проклю-

нулось сквозь черную почву, распрямилось, выпустило веточку с крошечным листом и взметнулось выше, выбрасывая один лист за другим, словно в ускоренном фильме о стадиях развития, где каждый кадр соответствовал новой А-линии и чуть заметно отличался от предыдущего, создавая бесконечную картину перемен. Причем перемены имели ярко выраженную тенденцию в сторону жизни.

Судя по всему, в своем лишенном системы блуждании челнок таки выбрался из зоны разрушений. Все новые ростки заполоняли собой пространство, вытягивались в огромные древовидные папоротники, гигантские хвощи и высоченные, похожие на пальмы деревья с бетонно-серыми стволами. Лианы тонкими змейками робко обвивались вокруг них и, внезапно разрастаясь, окутывали гигантов удушливым взрывом зелени, заполоняли собой всю его крону только для того, чтобы увять на рухнувшем мертвом дереве и, выбросив из трухлявой кочки бледные побеги, захватить нового хозяина...

Кругом бушевали джунгли, вскормленные щедрой вулканической почвой. Цветы размером с суповую тарелку раскрывались подобно лопнувшим зернам воздушной кукурузы, опадали и уступали место новым — размером с таз. Наконец в ярком лунном свете я уловил новое движение. Крошечный мотылек прорисовался на фоне зелени живой искоркой и стал расти, пока не достиг двух футов. Крупное растение сомкнулось вокруг него, соединив в отчаянном биении пестрые крылья и широкие лепестки мрачной расцветки.

Из бреши, продранной в сплошной зеленой стене, высунулась башка, похожая на крысиную, только гигантских размеров. Узкая пасть впилась в лианы, и растения заизвивались, оплетая животное. Тело существа покрыла броня. Пластинчатые наросты, словно лезвия, рассекли волокна растительной ткани. Капли сока сбежали вниз по стеблям. Из почек на месте листьев выросли длинные шипы, хищно нацелились на мохнатое горло животного и отпрянули, затупившись о роговые пластины. Новые листья, широкие и кожистые, окутали чешуйчатую голову удушающими складками. Тварь боролась, вырывалась и, обретя свободу, снова оказывалась в плену. Растительный океан, перекатываясь зелеными волнами, обступал существо со всех сторон, пока не поглотил окончательно.

Давясь и кашляя, я вздернул себя на ноги, потянулся к панели управления и, промазав, рухнул на пол. Удар головой на секунду помог. Я попытался сделать вдох, однако в моем распоряжении остался только дым. Теперь или никогда. Если обстановка снаружи и выглядела не самой гостеприимной, то в челноке мне уж точно не светило ничего, кроме смерти от удушья. В конце концов, у меня появился шанс наскоро подлатать суденышко, проанализировать собранные данные, вычислить, где я нахожусь, и попытаться снова...

Снова на четвереньки. Схватиться за доску. Подняться на ноги, дотянуться до рубильника, найти его в удушливом дыму, повиснуть...

Все еще сотрясаемый кашлем, я торопливо выпутывался из клубка лиан, хотя на самом деле они и не думали на меня нападать. Странные причинно-следственные связи Е-энтропии здесь, в нормальном времени, не действовали.

Чуть поодаль во мраке темнели контуры доставившей меня сюда хрупкой коробочки. Она врезалась в гигантский ствол, превратившись в груду хлама. Из-под наваленных горой досок выбивались клубы белого дыма, робкий огненный язычок лизнул оборванную лиану толщиной в человеческое запястье и пополз по ней, отбрасывая мерцающие сполохи на окружающие деревья и подлесок. Моя нога зацепилась за доску, обмотанную путаницей проводов. Я схватил ее, продрался к занявшимся развалинам и начал сбивать пламя. Ох, не стоило этого делать. Из опрокинутых батарей вытек расплавленный битум и заполыхал, плюясь трескучими огненными каплями. Основная ходовая часть разбитого челнока оказалась для меня слишком тяжелой,

чтобы вытащить ее полностью. Я попытался было добраться до катушки, движимый какой-то смутной идеей о спасении, но огонь стремительно разгорался. Вспыхнуло сухое дерево. Пламя взметнулось высоко по стволу, поджигая всё новые лианы. Спустя пять минут с расстояния в сотню ярдов я наблюдал, как разворачивается первоклассный лесной пожар.

Дождь пролился достаточно скоро для сохранения леса, но слишком поздно для останков челнока. Я отыскал более-менее сносное укрытие под ближайшим кустом, немного послушал, как барабанят по его широким листьям крупные капли, и без сил провалился в тяжелый сон.

Серое промозглое утро разбудило меня сыростью и шелестом воды, слетавшей повсюду с мириад листьев. Я выполз наружу, осмотрел разнокалиберные синяки, убедился в целости костей и связок. В горле по-прежнему слегка першило от дыма, и еще я сумел где-то заполучить изрядный волдырь на внутренней стороне левого запястья, но в качестве платы за проделанное путешествие весь набор моих легких травм смотрелся более чем скромно.

Пламя выжгло в лесу рваный овал примерно сто футов в поперечнике. Я пересек почерневшую стерню и оглядел свернувшиеся провода, обугленные доски и обгорелую груду, некогда носившую гордое название «катушка». Последняя призрачная надежда, едва мелькнув, погасла. На сей раз я оказался заперт надежней некуда, причем без всякого музея с дармовым оборудованием в пределах досягаемости.

Огорошенный собственным потрясением, я не сразу распознал зародившееся в животе чувство голода. Да мне еще предстояло о многом подумать, насладиться кое-какими пустыми сожалениями и изрядным количеством мрачных фантазий о событиях, происходящих дома, в столице Империума, но сейчас следовало позаботиться о пропитании. А заодно, если мои обрывочные знания о джунглях могли служить хоть каким-то руководством, обзавестись мало-мальским укрытием от прочих обитателей этого ре-

гиона, склонных причислять всех остальных к категории пищи.

Следовательно, прежде всего мне требовалось оружие. Хорошо бы разжиться луком со стрелами, однако на поиски подходящего дерева могло уйти слишком много времени, и еще надо содрать с кого-нибудь шкуру для жил на тетиву. Копье или дубина — вот, пожалуй, и все, что я мог позволить себе в своем нынешнем состоянии технологической нищеты. И даже для них требовалась хоть какая-то режущая кромка. В два легких движения я вернулся в каменный век.

Местность слабо повышалась в сторону предполагаемого востока. Я проломился через густой подрост, немного реже наблюдаемый мною за несколько секунд до аварийной посадки, но имевший мало общего с уютными кущами Средней Англии, столь подходящими для пикника. Держась нисходящего склона, я время от времени делал остановки и прислушивался, не донесется ли откуда-нибудь журчание ручья или рев медведя. Бойскаутская мудрость пригодилась. Через пятьдесят футов я вышел к верховому болотцу, полумесяцем прильнувшему к холму. Чуть дальше бежала чистая речка, огибая намытую из сероватых отложений длинную отмель и исчезая за ней. Плотная стена зелени нависала над противоположным берегом. Камней я поблизости не разглядел, однако здесь скопилась масса глины, вероятно пригодной для изготовления горшков. Я присел и зачерпнул на пробу. Тонкая песчаная взвесь утекла сквозь пальцы.

Пространство вдоль реки оказалось вполне проходимым. Я следовал за руслом еще несколько сотен ярдов, пока не выбрел на более высокий участок земли там, где течение сворачивало ближе к заросшему травой берегу. Для стоянки место годилось не хуже любого другого. Стянув ботинки, я забрался в воду, кое-как отмыл сажу и грязь с тела и сполоснул одежду. Возвращаясь на берег, я обнаружил выход чистой желтоватой глины. На этот раз материал оказался что надо: ровный, пластичный, почти жирный

на ощупь. Нужен только хороший огонь для обжига. И для приготовления ростбифов, котлет, рыбного филе и прочего он тоже пригодится. Осталось только добыть необходимые ингредиенты при помощи оружия, которое я сделаю, как только у меня появятся топор и нож...

Солнце почти закатилось. Дневные поиски увенчались куском кремня, превращенным после долгой возни в ручное рубило и пару скребков. Любой уважающий себя пещерный человек выкинул бы их на свалку, спустя тысячелетия предоставив археологам отличную возможность спорить до пены у рта над их происхождением. Мне же каменные инструменты помогли срубить пару двенадцатифутовых хлыстов плотного ветвистого молодняка, очистить их от листьев и сучков и заточить тонкие концы до приемлемой остроты. Также я набрал дюжину горстей мелких, похожих на чернику ягод — теперь у меня жестоко крутило живот — и несколько фунтов гончарной глины. Вылепленные из нее корявые миски уже сохли на воздухе рядом со стоянкой.

Ближе к ночи небо расчистилось. До темноты я успел соорудить простой шалаш из веток и широких листьев и натаскал внутрь ворох почти высохшей травы в качестве импровизированного ложа. Оторвав от рубашки полоску ткани, я изготовил маленький лук для добывания огня, еще днем запасшись трухой из недр мертвого дерева и более-менее гладким камнем с углублением. Палочка из сухой древесины была не такая твердая, как хотелось, лук представлял собой неуклюжую самоделку, но из всех альтернатив у меня имелась только возможность сидеть без дела и предаваться размышлениям. Я насыпал в углубление древесную крошку, погрузил в него заостренный конец палочки с обернутой вокруг нее тетивой лука и приступил.

Десять минут спустя, дважды сломав и починив лук, затупив палочку и вместе с терпением исчерпав запасы трута, я на эту ночь решил повременить с костром и заполз в свое уютное убежище. Еще через две минуты неподалеку раздался вопль, отдаленно напоминающий рев взбесившегося слона. Я подскочил как ужаленный и зашарил вокруг в поисках ружья. Не обнаружив его, я замер и прислушался. Массивное тело с треском прогромыхало сквозь ближний подлесок, а чуть позже до меня донеслось недовольное ворчание, соответствующее аппетиту того, кто пока не успел добыть причитающуюся ему порцию мяса. Поблизости от стоянки росло несколько больших деревьев. С поразительной легкостью отыскав в полной темноте одно из них, я буквально взбежал вверх по стволу и заклинился в высокой развилке. До самого рассвета под моим насестом мягко вышагивали чьи-то могучие лапы.

На следующее утро, наполовину слезши, наполовину свалившись с дерева, я увидел следы. Глубоко впечатанные в землю, они оказались шире моей растопыренной ладони, не считая когтей,— в смысле, на следах. Я решил отнести данного представителя местной фауны к семейству кошачьих. Около воды обнаружилось еще несколько следов. Копыта, диаметром не меньше тарелки. Здоровые же они вырастают в этих краях. Стоит завалить одного такого, и мяса у меня хватит до тех пор, пока я смогу выносить его запах.

К этому времени во мне проснулось настоящее чувство голода. Следуя вдоль ручья, я покрыл несколько миль к югу, постепенно выбираясь на более открытую местность. Мой арсенал составляли два деревянных копья и осколки кремня. Здесь без труда обнаруживались многочисленные признаки дичи, включая, например, обглоданный костяк некоей твари, слегка уступающей в размерах лондонскому автобусу, над которым нехотя трудились несколько крылатых падальщиков, имевших отдаленное сходство с кондорами. Я надеялся отыскать кого-нибудь, подходящего мне по размерам и свирепости,— скажем, кролика-подростка.

Впереди неожиданно захлопали крылья, и в воздух поднялась грузная птица примерно с индюшку. Опасливо приблизившись, я обнаружил гнездо с четырьмя коричневыми в крапинку яйцами, по три дюйма в диаметре каждое. Одно я съел прямо на месте, смакуя каждый глоток. В голо-

ве шевельнулось второстепенное соображение о том, какой славный омлет мог бы из них получиться. Оставшиеся три я распределил по разным карманам и продолжил путь в несколько приподнятом настроении.

Местность здесь была выше и подлесок не такой плотный. Все чаще попадались деревья знакомых видов. Земля стала сухой и плотной. Во время паводка, вдруг подумалось мне, вся зона, где сейчас лежит челнок, оказывается затоплена. Я огляделся. Сквозь редкий лес мне открывался великолепный обзор на пространство, напоминающее саванну с африканских фотографий. Вот там-то и должна водиться дичь.

Еще полчаса ходьбы привели меня на край обширной территории, где, словно в далекой Африке, паслись огромные стада, только вместо одиноких терновых деревьев по берегам реки зеленели группы широколиственных исполинов. Любой владелец зоопарка, столкнувшись с таким изобилием живности, непременно подал бы в отставку и посвятил остаток жизни разведению белых мышей. Я видел бизона восьми футов в холке, могучих недослонов с бивнями, ярко-розовыми хоботами и отвисшей нижней губой, бесконечных в своем разнообразии оленей и лошадей, короткошеих жирафов со скошенными крупами. Вот они все. Осталось только наколоть их на копье.

Откуда-то сзади раздалось басовитое пыхтение. Я резко обернулся. Голова размером с носорожью приоткрыла в зевке пасть, укомплектованную двумя рядами громадных, острых, как шило, зубов. При желании я мог заглянуть в глотку, как в бомболюк реактивного самолета. За головой показалось тело — десять футов поигрывающего упругими мышцами золотистого кота с намеком на гриву, еле заметными полосками по бокам, снежно-белым горлом, брюхом и лапами. Я вобрал глазами все эти детали, а могучий хищник, мельком оглядев меня, еще раз зевнул и величественной походкой двинулся вперед, хмурясь поверх моей головы на дальние стада с озабоченным видом политика, гадающего, кому дать взятку.

Он прошел в тридцати футах от того места, где неподвижно замер я, и теперь, высоко подняв голову, изучал сегодняшнее меню. Ни одно животное не проявило видимого беспокойства. Королевский кот направился дальше, разминувшись с небольшой группой мастодонтов. Животные закатили глаза и нервно подергивали хоботами. Я, кажется, понял. Могучий зверь положил глаз на бизонов — среди них резвились несколько аппетитных телят не больше тонны весом. Теперь они беспокойно задвигались, образовав защитный круг, подобно мускусным быкам в Арктике. Охотник изменил курс, забирая влево. Может, он передумал?

С внезапностью мысли он уже мчался, стелясь по траве тридцатифутовыми прыжками, одним махом перелетел через передний ряд выставленных рогов и исчез позади них. Стадо бросилось врассыпную. Хищник стоял над тушей теленка, картинно положив одну лапу на грудь бронзово-коричневой шерсти. Бизоны, с топотом проскакав небольшое расстояние, продолжили кормиться. У меня вырвался долгий завистливый вздох. Вот это охотник!

Я подскочил и резко обернулся на звук, машинально выставив перед собой верное копье...

Бурый заяц размером с козу припал на тонкие задние лапы и принюхивался к незнакомому запаху. Верхняя губа его слегка оттопырилась, демонстрируя длинные желтые резцы. Я занес копье. Оружие настигло зверя в прыжке, пока он разворачивался, собираясь удрать. Сбитая с ног самодельным метательным снарядом, моя добыча перекувырнулась, сверкнув в воздухе длинными белыми пятками, и я, подбежав на близкое расстояние, неуклюже добил животное.

Заяц неподвижно лежал у моих ног с дырой от копья в боку. Тяжело дыша, я осторожно поднял окровавленную тушку и огляделся в поисках укрытия, куда можно было забиться и попировать. И тут вверх по моей руке заскользила жирная черная капля. Блоха! Я отшвырнул добычу и с громким щелчком раздавил паразита. Затем мой взгляд

пропутешествовал к источнику, и я увидел, что там, откуда явилась эта, еще множество таких же, копошащихся в редкой шерсти у основания длинных ушей. Внезапно мне расхотелось есть сырого кролика — или крысу-переростка — на обед.

И так же внезапно адреналин, на котором я держался последние тридцать шесть часов, иссяк, оставив меня голодным, больным, побитым изгнанником, запертым в жутком мире безнадежной дикости, в невообразимой дали от дома, которого, как он знал, ему никогда больше не видать. Я бодро топал от одного поражения к другому, занимая сознание повседневными заботами, не желая взглянуть в лицо действительности: тому леденящему факту, что моя жизнь закончится здесь, в одиночестве и убожестве, в боли и страхе,— не пройдет и нескольких часов.

Я лежал под деревом, уставясь в небо и отдыхая — как я себе говорил — или ожидая появления другого кота, менее разборчивого. У меня были шансы — больше одного,— и я все их протратил. Я ловко ускользнул на хагрунском челноке — и беспомощно позволил ему приволочь себя в их пещерный город, позволил схватить себя без борьбы, думая, что узнаю что-нибудь у этих людей-горилл. И когда сочетание вражеской глупости и моей удачи дало мне новый шанс, новый челнок, я снова принял неверное решение, позволил Дзоку уболтать меня и был приговорен к жизни в ссылке. И в третий раз — после того как мои безумные догадки оправдались — я запаниковал, бежал от врага, не задержавшись испытать доморощенный челнок. И каждый раз я все больше удалялся от исходной точки. В категориях сетевых расстояний, может, и рукой подать, но бесконечно далеко от какой бы то ни было надежды на спасение — не говоря уже о надежде предупредить имперские власти о нависшей опасности.

Я поднялся и двинулся вспять, туда, где оставил обломки челнока. В голове ворочалась неясная мысль снова пошарить в обломках кораблекрушения, вот только чего ради? Мной руководил слепой инстинкт того, кто за короткое

время впитал в себя все мыслимые несчастья и подменяет бездумным действием мучительность рассуждений.

Тащиться обратно по пройденной территории оказалось труднее. Следуя за руслом реки, я миновал уже покинутый птицами громадный остов и добрался до болотистой низинки, где растоптанные обломки моей грубой хижины давали исчерпывающее представление об ошибочности выбора места для стоянки.

К этому моменту у меня уже оформилась некая идея. Там у челнока валялась груда металла — останки изначальной катушки Максони. Возможно, мне удастся каким-то образом использовать материал: выковать из него наконечники для копий или сделать огниво для запальных целей...

Порыв иссяк. Живот у меня болел, я устал. Сейчас мне хотелось пойти домой, принять славную горячую ванну, заползти в постель и чтобы кто-то мягкий, благоухающий и аппетитный остудил бы мой горячий лоб и рассказал мне, какой я потрясающий парень...

Здесь было легко наблюдать механизм развития шизофрении в действии. Переход от мечты к уверенности в ее реальном исполнении совершался мгновенно. Я сделал пару глубоких вдохов, выпрямил спину и направился к месту пожара. Постараемся еще немножко поцепляться за действительность. Когда она сделается невыносимой, я знаю, безумие раскроет мне спасительные объятия.

Через обугленное пятно земли вели звериные следы, отпечатки копыт, лап и...

Я согнулся пополам, прищурившись, боясь ошибиться. Отпечатки стоп, человеческих или очень на них похожих. Теперь я понял, каково было Робинзону Крузо: доказательство присутствия себе подобного мгновенно породило в позвоночнике холодок уязвимости. Я в три прыжка достиг стены джунглей на краю гари, распластался на земле и просканировал окрестности. Сколько я себя ни уговаривал, что это зигзаг удачи, первая настоящая надежда, инстинкт, который старше теорий о братстве человеков, твердил, что я столкнулся с самым опасным хищником в мире.

Тот факт, что мы могли принадлежать к одному виду, означал лишь конкуренцию за охотничьи угодья.

Копье у меня было так себе, да и за умение обращаться с ним мне вряд ли светила медаль. Я ощупал карманы на предмет камней и обнаружил раздавленное яйцо. На мгновение я осознал комичность ситуации во всей ее полноте и едва не прыснул. Но тут где-то рядом раздался звук, непонятно, откуда именно. Подавшись назад, я осторожно приподнялся и пристально оглядел лес у себя за спиной. Ничего. Следовало оценить положение. Если я прав и здесь побывал именно человек, важно установить контакт. Даже у первобытного дикаря должны иметься зачатки культуры: пища, огонь, какая-то одежда, укрытие. Я, со своей стороны, владел умениями: гончарным делом, плетением корзин, принципом изготовления лука. Возможно, нам и удастся договориться, но только если я переживу первую встречу.

Послышался шелест, затем треск, и гарь пересекло похожее на оленя животное. Я выдохнул, не подозревая, что задерживал дыхание. Вот бы узнать, сколько времени назад появились человеческие следы. Однако нельзя же лежать тут вечно. Я выбрался из кустов и быстро осмотрел обгорелый челнок. Никаких перемен.

Моим вниманием снова завладели следы. Отпечатки принадлежали не босым пяткам, а чему-то вроде плоских сандалий. Они вились цепочкой через гарь, обходили челнок по кругу и снова удалялись в лес. На последнем отрезке они явно перекрывали вмятины от моих собственных ботинок. Шел ли загадочный посетитель за мной намеренно или наткнулся на мой след случайно, в любом случае его присутствие отнюдь не способствовало умиротворению.

Я постарался заглушить инстинкт, велевший мне убираться от этого места как можно дальше. Мне надо было встретиться с этим парнем — и на моих собственных условиях. Перспектива убийства меня вдохновляла мало, но и разводить церемонии с открытыми ладонями, мол, я друг,

в мои планы также не входило. Оставалось захватить его в плен.

Работать на открытом месте рискованно, но жить вообще небезопасно. Если разыскивавший меня человек шел по моему следу, а затем потерял его где-то на возвышенности, то рано или поздно он непременно вернется сюда поискать снова. Я почему-то не сомневался в этом. А когда он придет...

Часа два я усердно трудился, устраивая ловушку. Она не отличалась изысканностью, и если мой потенциальный пленник хоть немного знает лес — а он должен знать, чтобы здесь выжить,— то ни за что в нее не попадется. Однако даже заведомо бессмысленная деятельность, если хотите, трудотерапия, лучше тупого сидения в мокрых от недавнего дождя кустах в ожидании неизвестности. Для поднятия духа полезно лелеять заблуждение, будто инициатива в твоих руках.

Сооружение состояло из неглубокой ямы, вырытой в мягкой почве и покрытой легкой решеткой из ветвей и листьев, замаскированной набросанными на нее комьями обугленной земли. Копать пришлось голыми руками с помощью обломка доски, а землю сваливать под кусты, где ее загораживала стена листвы. Дырка получилась не больше четырех футов глубиной, но для моих целей хватало: лишить незнакомца равновесия, дабы иметь возможность навалиться на него, вполне достаточно для начала переговоров.

От потраченных на строительство западни усилий опять засосало под ложечкой. Я выскреб из кармана одно из раздавленных яиц и съел его. Теперь следовало отыскать укрытие и приготовиться действовать, когда жертва наступит на ловушку. Я выбрал место слева чуть поодаль, устроился так, чтобы выскочить оттуда в психологически точный момент, и приготовился ждать.

Яма притаилась как раз перед останками челнока, в том месте, где проход внутрь обязательно привлечет любопытную жертву. В качестве дополнительной приманки

я бросил в проем отделанный кружевами платок. Его одолжила мне Оливия, чтобы промокнуть лоб во время последнего всенощного бдения, и он еще хранил аромат духов, который привлечет первобытного дикаря надежнее, чем россыпь золотых монет. Я сделал все, что мог. Следующий шаг был за противником.

Очнувшись от легкой дремы, я обнаружил, что на дворе уже поздний вечер. Деревья черным кружевом проступали на ало-золотом небе, и только стрекот кузнечиков да пронзительные трели какой-то пичуги нарушали общий покой...

А затем раздался хруст подлеска, треск ломающихся ветвей, шум тяжелого дыхания... Я застыл, всматриваясь в темноту. Он приближался. Черт, он уже здесь! И даже не пытается скрываться. Этот абориген так уверен в себе... Не следует ли из этого, что здесь, в своих излюбленных местах, он является верхним звеном пищевой цепочки? Я попытался представить себе человека, способного противостоять королевскому коту, которого я видел днем, и бросил это занятие как слишком обескураживающее. И такому парню я собирался подставить ножку, а потом угрожать черенком от швабры...

Я сглотнул застрявшую в горле старую кукурузную шелуху и снова прищурился. Через гарь, поминутно озираясь, двигалась высокая сутулая фигура. Явно в поисках меня. Эта мысль не добавила оптимизма. Оружие разглядеть не удавалось. Я стиснул копье и постарался дышать медленно, ритмично и глубоко. Он уже подобрался почти вплотную, остановился окинуть взглядом челнок, затем повернулся к входному проему. Носовой платок белел в темноте, а запах... Он сделал шаг, другой. Вот уже совсем близко — смутная темная тень в глубоких сумерках...

Послышался сдавленный крик, треск, глухой удар. Я тут же выскочил из укрытия, спотыкаясь, пронесся через переплетение корней с копьем наперевес и резко затормозил перед бледным туловищем и темной головой человека, который бился по пояс в моей яме, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

— Ни с места! — рявкнул я сквозь стиснутые зубы и, держа копье наготове, навис над замершим человеком, несуразно узкоплечей и длиннорукой фигурой, чье лицо казалось темным провалом под белым пятном шлема...

— Ну, Баярд,— раздался голос Дзока,— веселую погоню ты мне устроил, доложу я тебе!

11

— Это было нелегко, старина,— говорил Дзок, протягивая мне вторую чашку кофеподобного напитка, который он сварил на им же разведенном маленьком костерке.— Уверяю тебя, мои отношения с Советом сильно натянулись из-за того, что я привез тебя в Ксониджил. Однако, как говорится, лучшая защита — нападение. Я выступил со встречным обвинением против министра Сфуджила по поводу компрометации официальной позиции СМЛН, незаконной постановки под сомнение полномочий агента, провал попытки передать вопрос государственной безопасности на расширенное заседание Совета...

— Что-то я не улавливаю, Дзок,— перебил я.— Ты заманил меня в Ксониджил, пообещав мне помощь против хагрун...

— На самом деле, Баярд, я лишь обещал сделать все, что смогу. Нам просто не повезло, что Сфуджил заседал в Совете на той неделе. Он отъявленный ксенофоб. Мне и в голову не приходило, что он рискнет потребовать ссылки на основе сфабрикованного обвинения...

— Именно ты отобрал у меня оружие,— напомнил я.

— И слава богу. Прикончи ты кого-нибудь, я был бы бессилен спасти тебя от испепеления на месте. И не уверен, что захотел бы. Знаешь, ты действительно кровожадный тип.

— Итак, ты последовал за мной на ИП-четыре...

— Как только смог. Мне удалось получить наряд на сопровождение группы новобранцев — разумеется, только из местных уроженцев...

— Местных?

— Э... мм... англиков, как и ты, отловленных еще детенышами... то есть младенцами. Очаровательные они создания, детеныши англиков. К ним невозможно не привязаться. И обучаемы, как никто, и чертовски человечны...

— Ладно, пропаганду можешь пропустить. Почему-то я не ощущаю духовного подъема, воображая людей-рабов очаровательными бельками.

Дзок откашлялся.

— Конечно, старина. Извини. Я просто хотел сказать... ладно, проехали, что я могу сказать? Мы дурно с тобой обошлись! Признаю! Но,— сверкнула лукавая улыбка,— я умолчал о твоей стойкой психологической защите против гипнотической обработки. Осмелюсь заметить, фальшивые воспоминания продержались бы гораздо дольше, если бы наши мнемотехники знали об этой твоей особенности и соответственно изменили структуру внушения. И я последовал за тобой, дабы принести извинения, но обнаружил, что ты бежал из...

— К чему такая загадочность? Почему не прийти открыто, не постучать в дверь и не сказать, что все прощено?

Дзок хихикнул.

— Ну-ну, дорогой мой, как ты представляешь себе реакцию типичного англикского крестьянина на появление в дверях моей физиономии с расспросами о пропавшем приятеле?

Я поскреб подбородок, который чесался от двухдневной щетины.

— Ладно, тебе приходилось действовать с оглядкой. Но ты мог бы позвонить...

— Я мог бы до темноты прятаться на чердаке, затем рискнуть высунуться на разведку, что именно я и проделал,— твердо сказал Дзок.— Я собирался подойти к тебе в доме миссис Роджерс, но ты ускользнул от меня. Я снова засек тебя в домике на опушке, однако ты перемещался слишком быстро...

— Мы заметили, как ты шныряешь вокруг. Я решил, что полиция Ксониджил вознамерилась пересмотреть приговор в сторону чего-то более вечного, чем изгнание.

— В следующий раз я хотел заговорить с тобой на дороге, когда вмешался тот парень в треуголке. Затем ты одурачил меня, сев на поезд. Я потратил уйму времени, пока выяснил, куда ты направился. Мне пришлось вернуться в Ксониджил, поехать в Рим, переместиться на твою так называемую ИП-четыре, а затем приступить к розыскам. К счастью, мы поддерживаем в Италии постоянную станцию, где работают несколько верных людей...

— Тоже местных, полагаю?

— Точно. Боюсь, старина, у тебя развивается мания преследования...

— Это легко, когда тебя преследуют.

— Ерунда. Ты же знаешь, я всегда обращался с тобой как с равным...

— Конечно, некоторые из твоих лучших друзей — люди. Но к черту все это. Продолжай.

— Мм. Да. Конечно, мне приходилось действовать под покровом темноты. Даже тогда это было нелегко. Римская полиция очень подозрительна. Наконец я откопал тебя, подождал снаружи у твоей квартиры, затем сообразил, что ты затеял, и поспешил к тебе в мастерскую. Дальнейшее тебе известно...— Он осторожно потер свой круглый череп.— До сих пор побаливает, знаешь ли. К счастью для меня, я был хорошо закутан...

— Если б ты хоть что-то сказал...— возразил я.

— Я как раз открыл рот, когда ты ударил меня.

— Ладно, сожалею — и гораздо больше, чем ты думаешь, учитывая, через что я прошел после этого. Как, черт побери, тебе удалось выследить меня здесь?

Он улыбнулся, продемонстрировав слишком много ровных белых зубов.

— Твой феерически неэффективный аппарат, старина, оставил в Паутине такой след, что на велосипеде проехать можно.

— Ты прибыл на ИП-четыре якобы с вербовочной миссией, говоришь?

— Да. Едва ли я мог поделиться задуманным. А данная линия казалась подходящим местом для поиска добровольцев на дежурство по сектору Англик...

— Мне казалось, у вас множество верных людей, выращенных из детенышей.

— Для Особого корпуса нам требуется большое количество личного состава, набранного из числа местных уроженцев, ребят, которые лучше знают языки и сами миры англиков. Мы в состоянии предложить этим людям восхитительную карьеру, хорошее жалованье, пенсию по выслуге. Неплохая жизнь, как у членов элитных частей...

— А на тебя не станут коситься, когда ты вернешься без рекрутов?

— Но у меня есть рекруты, друг мой! Двадцать отборных парней, ожидающих в учебном лагере под Римом на ИП-четыре.

Я набрал в грудь воздуха и задал главный вопрос:

— Стало быть, ты явился загладить вину? И каким же образом? Ты предлагаешь доставить меня домой?

— Послушай, Баярд,— горячо произнес Дзок,— я проверил это дело со Сфуджиловой фотограммой — той, где ясно видно, что нормальной А-линии в упомянутых тобой координатах не существует...

— Так ты тоже думаешь, что я псих?

Он помотал головой.

— Все не так просто...

— И что это значит?

Пульс у меня участился, подготавливая организм к дурным вестям.

— Я проверил записи, Баярд. Три недели назад, в момент, когда ты покинул свою родную линию на хагрунском челноке, твоя линия ноль-ноль была на месте, как ты и говорил. А меньше чем через двенадцать часов — ничего.

Я уставился на него, отвесив челюсть.

— Это может означать только одно... Мне очень жаль, что именно мне приходится сообщать тебе об этом, но, похоже, имело место незаконное применение устройства, известного как дискреционная машина.

— Продолжай,— прорычал я.

— Наши собственные инженеры создали этот прибор больше ста лет назад. Его применили в войне с восставшей колонией...

Я выжидательно смотрел на него.

— Едва ли я могу служить адвокатом деяниям предыдущего поколения, Баярд,— натянуто произнес Дзок.— Достаточно сказать, что тайным голосованием Высшего совета Державы машина была объявлена вне закона и больше никогда не использовалась. В смысле, нами. Но теперь, похоже, хагруны украли эту тайну...

— Как работает дискреционная машина? — требовательно спросил я.— За счет чего она способна скрыть существование А-линии от ваших приборов?

— Устройство,— мрачно произнес Дзок,— будучи установлено на какой бы то ни было А-линии, случайным образом высвобождает энтропическую энергию этой линии. Кольцо энергии устремляется наружу, при прохождении вызывая на каждой А-линии то, что мы называем вероятностной бурей. Что до твоей линии ноль-ноль — она исчезла, старина. Вырвана из ткани существования. Ее больше нет...

Я поднялся на ноги, голова кружилась, мутило. Голос Дзока еще что-то вещал, но я не слушал. Я представлял, как хагруны натягивают провода в пустынных гаражах сетевого терминала, тихо, методично готовясь уничтожить мир...

— Почему?! — выкрикнул я.— Почему? Мы им ничего не сделали...

— Они прознали о вашей способности к перемещениям по Сети. Вы представляли собой угрозу, которую следовало уничтожить...

— Погоди минутку! Ты сказал, эту дискреционную хрень ваша кодла изобрела. Как же ею завладели хагруны?

— Этого я не знаю... но намерен выяснить.

— Ты рассчитываешь убедить меня, что они просто напялили фальшивые усы, вошли на цыпочках и стянули машинку, пока никто не смотрел в ее сторону? Это трудновато проглотить, Дзок. Думается мне, гораздо легче поверить, что вы, парни, заодно с хагрунами. Наняли их выполнить за вас грязную работу...

— Если дело обстоит именно так, что я, по-твоему, здесь делаю? — вопросил Дзок.

— Не знаю. Почему ты здесь?

— Я пришел помочь тебе, Баярд. Сделать, что смогу...

— И в чем это выразится? Очередной билет в один конец в какой-нибудь славный тупичок, где я смогу заняться домашним хозяйством, разбить маленький садик и позабыть обо всем несбывшемся в том мире, которого больше не существует, потому что неким слишком волосатым людям показалось, будто от него могут быть неприятности, и они не захотели рисковать...

Я наступал на Дзока с мыслью проверить, так ли легко сдавить его шею, как это кажется.

Агент сидел на месте, не отводя взгляда.

— Хватит вести себя как законченный идиот, Баярд, твоей расе присуща не только свирепость. Кроме того, я сильнее тебя...

Он вынул что-то из кармана своей щегольской белой куртки и бросил к моим ногам.

Это был мой жук-пистолет. Я подхватил его.

— Что ж, если ты действительно маньяк-убийца, продолжай. Не трудись слушать, что я имею сказать, или гадать, зачем я сюда явился.

Я взглянул на него поверх костра, затем сунул оружие в карман и сел.

— Продолжай. Я слушаю.

— Я много думал над этим делом, Баярд,— спокойно произнес Дзок. Он налил себе еще чашечку кофе, понюхал ее и пристроил на колене.— И меня посетила идея...

Я молчал. Было очень тихо: даже ночные птицы прекратили перекликаться. Откуда-то издалека донесся рев. Ветер потревожил деревья над головой. Они вздохнули, как старики, припоминающие ушедшие безумства юности.

— Мы в наших паутинных исследовательских лабораториях разработали кое-какие интересные штуки,— продолжал Дзок.— Одно из наших свежайших творений — особый, легкий костюм с вплетенной в самую ткань паутинной схемой. Генератор помещается в ранце весом всего несколько унций. Он спроектирован на базе последних открытий

в области плазмомеханики с использованием ядерной энергии вместо привычных электромагнитных полей...

— Прекрасно,— рявкнул я.— Какое отношение это имеет ко мне?

— Он дает своему носителю возможность перемещаться по Сети без челнока. Разумеется, необходимо настроить костюм на личный коэффициент энтропии носителя, но это само по себе является преимуществом: таким образом создается механизм автоматического возвращения домой. Когда поле активируется, носитель автоматически переносится в континуум минимального стресса, а именно — на свою родную А-линию или любую другую линию, к которой приспособлен его обмен веществ.

— Отлично. Вы разработали улучшенный челнок. И что?

— Я прихватил один с собой. Для тебя.— Дзок махнул рукой в сторону купола стандартной державной модели сетевого транспорта, куда более сложного устройства, нежели неуклюжие машины Империума.— Я тайком пронес его к себе в грузовой трюм, стащив из лаборатории. Благодаря тебе я преступник по нескольким статьям, старина.

— Что мне делать с этим костюмом? Отправиться охотиться на акул? Ты уже сказал мне, что моего мира больше нет...

— Имеется еще одна разработка, которая, уверен, тебя заинтересует,— продолжал Дзок невозмутимо.— В ходе наиболее засекреченных исследований природы Паутины мы сделали несколько новых открытий, проливающих совершенно новый свет на старые представления о реальности. Естественно, с первых шагов в этой области приходилось принимать за аксиому факт единства бытия: что во вселенной бесконечностей существуют все возможные вещи. Но все же с присущим нашей линейной ориентации интеллектуальным шовинизмом мы полагали, что волновой фронт одновременной реальности распространяется повсюду в одинаковой степени; что «сейчас» на нашей линии неизбежно является «сейчас» на любой другой — и что это неотъемлемая черта вселенной, столь же необратимая, как и энтропия...

— Ну разве это не так?

— Да... именно необратима, как энтропия. Но теперь выясняется, что энтропию можно повернуть вспять и, между прочим, очень легко.— Он победоносно улыбнулся.

— Ты хочешь сказать,— осторожно спросил я,— что твой народ разработал способ путешествий во времени?

Дзок рассмеялся.

— Не совсем — не в том буквальном смысле, который ты вкладываешь в эти слова. Существует объективная невозможность повернуть вспять чье-либо движение по его собственному временно́му пути...— Вид у него сделался задумчивый.— По крайней мере, я так думаю...

— Тогда о чем речь?

— Когда человек покидает собственную А-линию, пересекая прочие линии во всем их бесконечном множестве, возможно — путем должного приложения этих свежеобузданных субатомных гипермагнитных сил, о которых я тебе только что говорил,— выработать своего рода... галс, назовем это так. Вместо того чтобы пересекать линии в плоскостном темпоральном равновесии, для чего хватает и примитивных двигателей, можно, как мы обнаружили, исказив вектор, двинуться по времени назад, на уровни, одновременные прошлому исходной линии, на расстояния, пропорциональные расстоянию нормальных перемещений в Паутине.

— В твоих словах явно присутствует смысл,— съязвил я.— Но какой?

— А такой, что с помощью костюма, который я тебе привез, ты сможешь вернуться на свою линию ноль-ноль во время, предшествовавшее ее исчезновению!

Уже почти рассвело. Мы с Дзоком провели последние несколько часов у него в челноке над разложенной на крохотном навигационном столе картой. Производимые нами расчеты, основанные на сложных формулах, представляли, по словам агента, соотношения между нормальной энтропией, Е-энтропией, сетевым перемещением, энтропи-

ческим коэффициентом обсуждаемого — моего — тела и прочих факторов, слишком многочисленных, чтоб о них упоминать, даже если бы я понимал, о чем речь.

— Ты сложный случай, Баярд,— покачал головой Дзок и открыл плоский кейс, в котором лежал напоминающий стетоскоп прибор с похожей на звукосниматель от фонографа насадкой. Он снял показания с моего черепа, сравнил их с уже написанными цифрами.

— Надеюсь, я правильно нейтрализовал твои разнообразные странствия нескольких последних недель,— сказал он.— Поскольку с момента последнего посещения тобой родной А-линии — ИП-три — прошло изрядное количество лет, думаю, мы можем без особого риска предположить, что ты установил нормальные энтропические отношения с твоей приемной линией ноль-ноль...

— Лучше снова прогони меня по ручному управлению — просто на всякий случай.

— Конечно. Но будем надеяться, что тебе не представится случая им воспользоваться. С твоей стороны, старина, было чистым безумием пускаться в путь на этом твоем самодельном челноке, рассчитывая попасть домой на дырке от бублика. Просто не получилось бы, понимаешь? Ты бы в жизни не добрался до места назначения...

— Ладно, но я не стану беспокоиться о прошлом, пока не выясню, светит ли мне пережить новое путешествие. Каков предел погрешности?

Вид у Дзока сделался озабоченный.

— Не столь велик, как мне бы того хотелось. Согласно моим данным, твоя линия ноль-ноль была уничтожена двадцать один день назад. У тебя будет примерно сорок восемь часов с момента прибытия, чтобы расстроить планы хагрун. Как ты это сделаешь...

— Моя проблема.

— Я думал об этом,— сказал Дзок.— Ты видел их за работой в нулевом времени. Судя по твоему описанию, они устанавливали портал, связывающий нулевой уровень с соответствующим аспектом нормальной энтропии — ины-

ми словами, с нормальным континуумом. Разумеется, он им необходим, чтобы поместить дискреционную машину на саму избранную линию. Твоя задача предупредить своих и загнать врагов обратно, когда они начнут атаку.

— С этим мы справимся,— мрачно заверил я его.— Гораздо труднее будет убедить людей, что я не спятил...

Я не стал озвучивать тревожную мысль о том, что в свете отношения ко мне имперских властей при нашей последней встрече, включая моих собственных старейших друзей, мне вряд ли удастся добиться слушания, за которым последуют немедленные действия. Но об этом я тоже побеспокоюсь потом, когда завершу путешествие,— если мне вообще повезет добраться до цели.

— Теперь подгоним костюм.

Дзок поднял крышку стенного шкафчика, извлек костюм, похожий на нейлоновый комбинезон пилота «Формулы-1», и приложил его ко мне.

Штанины длинноваты, но это мы быстро поправим...

Он приступил к работе, словно заправская швея, орудуя большими ножницами и горячим утюгом, кромсая и запаивая мягкий и послушный материал. Я примерял костюм и наблюдал, как Дзок то укорачивает рукава, то добавляет вставку в середине спины, дабы приспособить наряд к моим более широким плечам.

— А это ручное шитье не повредит схему? — спросил я, пока он возился с креплениями шлема к плечам.

— Никоим образом. Суть в самой структуре ткани. Главное, чтобы крупные детали были скреплены прочно...

Он установил «аквариум» на место, затем коснулся кнопки на закрепленной в грудном отделе костюма панельке и посмотрел на приборы, подключенные к маленькой тестовой консоли на столе. Затем кивнул и выключил.

— Ну вот, Баярд,— сказал он серьезно.— Твои органы управления готовы.

Солнце уже близилось к зениту. Мы с Дзоком стояли на травянистом берегу над рекой. Агент же все не унимался.

— Ты уверен, что понимаешь, как выполнять пространственные маневры?

— Уверен — эта часть легкая. Просто оттолкнуться и на реактивной...

— Этим надо пользоваться с крайней осторожностью. Разумеется, ты перестанешь ощущать привычное действие гравитации и сможешь порхать с места на место легко, как перышко, но нормальная инерция никуда не денется. Если врежешься в дерево или в скалу, последствия будут столь же фатальны, как и в нормальном энтропическом поле.

— Я буду осторожен, Дзок. И ты давай тоже.

Я протянул руку, и он с улыбкой пожал ее.

— До свидания, Баярд. Удачи и так далее. Жаль, нам не удалось совершить прорыв в плане содружества между нашими правительствами, но, возможно, мы несколько поторопились. По крайней мере, теперь появится шанс на сближение в грядущем.

— Непременно... и спасибо тебе за все.

Он отступил на шаг и помахал рукой. Я оглянулся, чтобы в последний раз окинуть взглядом утреннее солнце, зелень, прозрачный Дзоков челнок и самого Дзока, длинноногого, в забрызганных грязью лакированных ботинках и заляпанной грязью белой форме. Он поднял руку, и я нажал рычажок, который активировал костюм. Секунда тошноты, чувство давления со всех сторон. Дзок мелькнул и пропал. Его челнок мигнул и скрылся из глаз. Странное, ненормальное движение обычно неподвижных предметов характерно для начала путешествия по Сети. Я наблюдал, как деревья колышутся, перемещаются в почве, тянут ко мне жадные щупальца, словно чувствуя мое присутствие.

Скачок — и я уже в воздухе, дрейфую в десяти футах над поверхностью. Одно прикосновение к кнопке реактивного двигателя — и поток холодных ионов швырнул меня вперед. Я сориентировался, выровнял курс и приготовился к долгой дороге.

Я летел домой.

12

Это было странное путешествие через вероятностные миры. На сей раз мне представилась возможность насладиться панорамными эффектами катастроф в планетарном масштабе. Некоторое время я скользил над протянувшимся до самого далекого горизонта морем кипящей лавы. Затем дрейфовал среди фрагментов коры разбитого вдребезги мира, а позже наблюдал, как бледное пламя лижет тлеющие угли выжженного континента. Все это время я несся на север, следуя чуть слышному «би-биип» моего автоматического компаса, выставленного на курс, призванный за четыре часа полета доставить меня в Стокгольм. Огромные моря мертвой маслянистой жидкости колыхались там, где некогда лежала земля, и пенистые гребни волн нелепо отплескивались назад, пока время вокруг раскручивалось в обратную сторону. Чудовищные формы жизни, порожденные хаосом вырвавшихся на свободу сил МК-поля, жутко вспучиваясь, захватывали все новое пространство. Бескрайние кроваво-красные джунгли уступали место мертвым равнинам, до самого горизонта усыпанным мелкими каменными осколками, над которыми в черном, лишенном воздуха небе яркой дуговой лампой висело безжалостное солнце. Иногда на краткий миг передо мной мелькали почти нормальные пейзажи — я проносился через пучок А-линий, пострадавших менее других. Однако и они всегда содержали элемент извращенного бреда с претензией на монументальность: то громадное неуклюжее существо наподобие стотонной собаки, то гороподобную корову-мутанта с лишними конечностями и головами, беспорядочно болтающимися на необъятной туше вперемешку с проросшими прямо сквозь плоть длинными острыми стеблями.

Тянулись часы. Я проверил встроенный в рукав на запястье хронометр и навигационные приборы. До цели моего путешествия оставалось не так уж много. Согласно позиционному индикатору, меня несло над Южной Швецией, куда мы с Барброй три месяца назад устроили пеший

поход. Я глянул вниз. Останки скал, истолченных до состояния щебенки, как-то не вязались с теплыми зелеными равнинами Скандии.

Я снизился, пересек фьорд дома, соответствовавший положению Гикопинга. Не стоило приземляться так близко к городу. Не слишком благоразумно выскочить в реальность посреди оживленной улицы. Но вот наконец мои глаза безошибочно узнали холмистую местность к югу от столицы, и я завис в ожидании подходящего момента...

Внезапно пространство вокруг меня обрело свет и цвет. Я вырубил управление и с высоты нескольких футов шмякнулся на травянистый склон. Еще секунда ушла на то, чтобы освободиться от шлема. Я глубоко вдохнул прохладный чистый воздух собственного мира. Мира, три недели назад прекратившего существование.

Прошагав немного по дороге со свернутым под мышкой костюмом, я остановил запряженный парой лошадей фургон. Возница, по-видимому приняв меня за одного из «этих чокнутых скайдайверов», принялся молоть всякий вздор, так или иначе касавшийся упомянутого им способа времяпрепровождения. Всю дорогу до города он рассказывал мне, что его ни за что не заставишь проделать ни одну из «этих штук», а затем попросил как-нибудь провести для него бесплатное занятие. Я пообещал заскочить за ним, когда в следующий раз соберусь в их края, и спрыгнул с повозки возле почтового отделения маленького городка.

Человек в тесном синем мундире со сварливым выражением на пухлом лице выслушал мои сбивчивые извинения за отсутствие финансов и просьбу соединить меня со штаб-квартирой Разведки в Стокгольме. Пока я ждал ответа, взгляд мой упал на стенной календарь. По всему лбу мгновенно проступили бисеринки холодного пота. Дзок ошибся на сутки. До нависшей над Империумом катастрофы оставались считанные часы.

Пухлый человечек вернулся в компании тощего и велел мне повторить запрос своему начальнику.

— Джентльмены, у меня важная информация для барона Рихтгофена.— Волокита начала меня раздражать.— Просто соедините...

— Это невозможно,— произнес тощий. Острота его носа, казалось, позволяла ему проткнуть четвертьдюймовую фанеру. И судя по красному кончику, он, видимо, уже пытался.

— Хорошо, переведите звонок на мой домашний телефон,— предложил я.— Моя фамилия Баярд, Нибровaген, двенадцать...

— У вас есть документы?

— К сожалению, я потерял бумажник. Но...

— Вы ставите меня в трудное положение.— Он кротко улыбнулся, явно наслаждаясь ситуацией.— Если господин не в состоянии предъявить удостоверение личности...

— Это важно! — Я повысил голос.— Вы ничего не теряете, кроме телефонного звонка. Поверьте, если я представлюсь по форме, то, чиня мне препятствия, вы будете выглядеть полным идиотом!

Это его проняло. Он посоветовался со своим пухлощеким товарищем, затем объявил, что проверит мой номер в Стокгольме, предположительно принадлежащий господину Баярду...

Я терпеливо ждал, пока тощий делал вызов, говорил, ждал, еще говорил, теперь уже вполголоса, и наконец с победоносным видом положил трубку на рычаг. Он коротко шепнул что-то на ухо второму, и тот поспешил вон.

— Ну? — требовательно спросил я.

— Вы утверждаете, что вы и есть господин Баярд? — проворковал тощий, соединив кончики пальцев.

— Для тебя — полковник Баярд! — рявкнул я.— Это вопрос жизни и смерти...

— Чьей жизни и смерти, э... полковник Баярд?

— К черту все это...— Я двинулся в обход конторки.

Он приподнялся на цыпочки, и где-то в отдалении прозвонил дверной колокольчик. Примчался взволнованный толстяк, а вслед за ним в помещение неторопливо заплыл крепко сбитый тип с суровым лицом. Плоская фуражка и портупея служили великолепной заменой пояснительной надписи, выведенной на нем крупными буквами: «ПОЛИЦИЯ». Блюститель закона наставил на меня пистолет и

приказал отойти от стены. Он быстро обыскал меня, ухитрившись прозевать возвращенный мне Дзоком жук-пистолет, затем подтолкнул к двери.

— Погодите,— сказал я.— Чего ради весь этот фарс? Мне надо позвонить в Стокгольм...

— Вы заявляете, что вы полковник Имперской разведки Баярд? — рявкнул полицейский.

— Именно так.

— Возможно, вам будет интересно узнать,— тощий почтмейстер пребывал едва ли не в состоянии экстаза,— что господин полковник в данный момент ужинает у себя дома в столице.

13

Хотя мне и предоставили неплохую по хагрунским меркам камеру, я все равно не перестал вопить и колотить по решетке. Жук-пистолет остался со мной, но, поскольку они ни за что не распознали бы в нем оружие, возможность сблефовать у меня отсутствовала, а до настоящего убийства я пока не созрел. Нескольких часов должно хватить. Сам звонок не займет много времени. Только бы здешние тугодумы вовремя сообразили, что к чему.

Толстяк ушел, пообещав, что вскоре подъедет сотрудник военной подстанции в Содре. Я продолжал колотить по прутьям и требовать нового соединения со Стокгольмом. Никто не слушал. Теперь и шанс воспользоваться оружием оказался упущен. Человек с ключами предпочитал оставаться в кабинете снаружи.

Около полудня расхлябанного вида юнец в мешковатых штанах и широких сине-желтых подтяжках принес небольшой поднос с разнообразными закусками. Я попробовал подкупить его. Попросил сделать звонок за меня. Он лишь криво улыбнулся мне и поспешно ретировался.

Уже давно стемнело, когда в наружном помещении тюрьмы послышались звуки торопливой возни. Металлическая дверь с лязгом отворилась, и я наконец увидел знакомое

лицо. С этим сетевым агентом мы пару раз встречались по долгу службы. Высокий молодой человек в тускло-коричневом штатском костюме нервно мялся с дипломатом в руках. При виде меня он застыл как вкопанный, затем нерешительно шагнул в камеру.

— Здравствуйте, капитан,— приветствовал я.— Потом мы от души над этим похихикаем, но в данный момент мне надо как можно скорее отсюда выбраться...

Арестовавший меня полицейский и толстяк из почты маячили за его спиной.

— Вы знаете мое имя? — осторожно уточнил агент.

— Боюсь, не припомню — но думаю, вам известно мое. Мы встречались два раза...

— Только послушайте этого парня,— воскликнул толстяк.— Нападение...

— Молчать! — рявкнул агент. Он подошел поближе и внимательно меня оглядел.— Вы хотели сделать звонок в штаб-квартиру Разведки. О чем вы хотели с ними поговорить?

— Я им сам скажу. Только вытащите меня отсюда, капитан. Времени слишком мало. Это дело первостепенной важности!

— Вы можете рассказать мне, о чем хотели доложить им.

— Я доложу прямо барону Рихтгофену!

Он пожал плечами.

— Вы ставите меня в неловкое положение...

— К черту ваше положение! Вы что, по-шведски не понимаете?! Говорю вам...

— Вы будете обращаться с офицером Имперской разведки с большим уважением! — встрял полицейский.

Агент обернулся к парочке, стоявшей у него за спиной.

— Убирайтесь, вы, оба!

Они удалились с унылым видом.

— Это очень трудно для меня.— Он снова обернулся ко мне и утер лоб ладонью.— Вы имеете близкое сходство с полковником Баярдом...

— Сходство?! Дьявол, да я и есть Баярд!

Он покачал головой.

— По этому пункту меня заверили совершенно однозначно. Я не знаю, к чему все это, мой друг, но лучше бы вам рассказать всю историю сначала...

— История заключается в том, что я владею жизненно важной для Империума информацией! На счету каждая минута, парень! Забудь про бюрократизм! Соедини меня со штаб-квартирой!

— Вы самозванец. Это нам известно. Вы просили о звонке. Обычная проверка домашнего номера полковника Баярда показала, что он там...

— Я могу объяснить все имеющиеся противоречия. Просто проведите мой звонок!

— Но невозможно же соединять шефа Разведки с каждым психом! — Агент рассердился.— Что у вас за сообщение? Если оно покажется заслуживающим внимания, я лично...

— Тогда дайте мне поговорить с Баярдом,— перебил я его.

— А-а, так вы наконец решили оставить свое притворство?

— Называйте это, как хотите. Дайте мне поговорить с ним!

— Это невозможно...

— Вот не знал, что у нас на службе есть такие дураки, как вы,— произнес я отчетливо.— Ладно, слушайте мое сообщение, и ради всего, что для вас свято, лучше вам мне поверить.

Он не поверил. Он был настолько вежлив, что выслушал меня до конца. Затем подал сигнал тюремщику и приготовился отбыть.

— Вы собираетесь уйти, даже не проверив полученную информацию?! — воскликнул я с возмущением.— Что же вы за разведчик?! Взгляните хотя бы на костюм, который у меня был с собой, черт вас подери! Он исчерпывающе докажет вам, что я ничего не выдумал!

Агент встревоженно посмотрел на меня.

— Ну как я могу вам верить? Ваши притязания на личность Баярда — несомненная ложь, а изложенная вами история — чистейшей воды фантастика! Сами-то вы поверили бы?

— Не знаю,— честно признал я после некоторой паузы.— Но я бы по крайней мере проверил, что мог.

Он повернулся к полицейскому, вновь занявшему добровольный пост у двери.

— У вас есть этот... костюм-челнок?

Полицейский кивнул.

— Да, сэр. Он у меня на столе. Я проверил его на предмет...

Голос его затих, когда они с агентом вышли и дверь за ними захлопнулась.

Следующие полчаса я мерил камеру шагами и размышлял, следовало ли мне застрелить эту парочку сразу или попробовать сначала запугать полицейского. Исходя из опыта общения с жителями Империума, второй вариант несомненно отпадал. Слишком они тут, черт побери, отважные.

Дверь снова лязгнула. На сей раз в камеру вошел незнакомец. Маленький человечек с сопливым носом и слезящимися глазами, упрятанными за толстые, как игральные шашки, линзы очков.

— Очень странно, очень странно,— бормотал он.— Но разумеется, бессмысленно. Схема совершенно инертна...

— Это господин профессор Рангвист,— представил агент, появившийся следом за ним.— Он проверил ваш... э-э... костюм и заверил меня, что это изделие безумца. Какая-то самодельная хреновина, непригодная для...

— Черт вас подери! — вскричал я.— Разумеется, костюм неактивен — ведь меня в нем нет! Я часть схемы! Он настроен на меня!

— А? Настроен на вас? Часть схемы?

Старичок поправил очки так, чтобы лучше меня видеть.

— Слушайте, папаша, это крайне сложное устройство. Он использует физические и нервные поля носителя как часть общей схемы. Без меня внутри он не будет работать. Позвольте мне надеть его. Я вам продемонстрирую...

— Извините, этого я разрешить не могу,— быстро вставил агент.— Послушайте, любезнейший, не лучше ли вам прекратить спектакль и признаться, к чему вы все это затеяли? Я бы сказал, что вы и так достаточно крепко увязли, выдав себя за офицера...

— Вы знаете Баярда в лицо, не так ли? — перебил я.

— Да...

— Я похож на него?

Он забеспокоился.

— Да, до некоторой степени. Полагаю, именно это вдохновило вас на самозванство, но...

— Послушайте меня, капитан,— сказал я сквозь прутья, как мог ровно.— Это величайший кризис, с каким сталкивается Империум, с тех пор как поехала крыша у главного инспектора Бейла...

Капитан нахмурился.

— Откуда вам это известно?

— Я был там. Меня зовут Баярд, забыли? А теперь вытащите меня отсюда...

Из соседней комнаты донесся пронзительный звонок телефона. Загрохотали шаги. Зарокотали голоса. Дверь распахнулась.

— Инспектор! Звонят... из Стокгольма...

Мои инквизиторы обернулись:

— Да?

— Этот парень — полковник Баярд! — произнес восторженный голос.

Кто-то зашикал на него. Они стояли в коридоре и беседовали шепотом. Потом капитан вернулся в сопровождении верного полицейского.

— Вам лучше начать рассказывать все, что знаете,— произнес он с донельзя мрачным видом.

— Что случилось?

— Стокгольм подвергся нападению вооруженных сил неопределенного размера!

Время близилось к полуночи. В течение последнего часа я искал возможность вырваться, но сетевой агент, капитан Борман, не желал рисковать. Он запер внешнюю решетку тюремного коридора и не позволял никому даже близко подходить к моей камере. Полагаю, он начинал подозревать, что все не так просто, как ему казалось.

Ключ щелкнул, поворачиваясь в замке. Вошли Борман с белым лицом и двое незнакомцев в штатском. Запястье у меня напряглось, готовое выбросить оружие в ладонь, но они сохраняли дистанцию.

— Вот этот человек.— Жестом домовладельца, заставшего воришку в собственной комнате, капитан указал на меня.— До сего момента мне не удалось от него добиться ничего, кроме бессмыслицы! Или того, что звучит как бессмыслица,— поправился он чуть тише.

Вновь прибывшие окинули меня взглядом. Один невысокий, крепко сбитый лысый мужик в пиджаке с широкими лацканами и вытянутых на коленях штанах. Второй был ухожен, подтянут, хорошо сложен. Я решил обратить свою речь к первому. Мелкая сошка не может позволить себе выглядеть таким неряхой.

— Послушайте, вы,— начал я.— Я полковник Имперской разведки Баярд...

— Я послушаю, уж в этом можете быть уверены,— сказал коротышка.— Начинайте сначала и повторите все, что вы рассказали капитану.

— Слишком поздно для разговоров.

Я выщелкнул в ладонь оружие.

Все трое подпрыгнули, и в руках у щеголя появился тяжелый автомат.

— Видели такое когда-нибудь?

Я продемонстрировал жук-пистолет, держа вооруженного на мушке.

Толстяк коротко кивнул.

— Тогда вы знаете, что они выданы всего нескольким людям в ТСН — включая меня. Я мог бы проложить себе дорогу отсюда огнем, как только прибыл, но я думал, что мне удастся заставить выслушать себя, не прибегая к убийству. Теперь для гуманизма слишком поздно. Один из вас открывает — или я начинаю стрелять. И реакция у меня лучше, парень,— добавил я на благо дылды с автоматом.

— Ну-ну, вы только себе хуже делаете...

— Хуже быть не может. Достаньте ключ. Вызовите этого тупого полицейского.

Толстяк покачал головой.

— Стреляйте, сэр. Тогда майор Гуннарсон будет вынужден открыть ответный огонь, так что погибнут двое. Но я вас не выпущу.

— Почему? Вы можете держать меня под наблюдением. Я всего лишь хочу позвонить в Разведку...

— Я не знаю, какой набор сигналов вы могли разработать и для кого, но я не намерен выяснять это ценой безопасности Империума.

— Пока вы держите меня здесь, у Империума нет никакой безопасности. Я рассказал свою историю Борману! Действуйте же! Делайте что-нибудь!

— Я уже пытался передать ваше заявление барону Рихтгофену в Стокгольм,— произнес помятый человек.

— Что значит, пытались?

— То и значит. Мне не удалось пробиться. Вся телефонная связь прервана. Я послал курьера. Он не вернулся. Следующий курьер добрался до меня только что. Он был отправлен часом позже и услышал новости по радио у себя в машине перед самой...

— Перед чем?

— Перед газовой атакой,— резко произнес коротышка.

В руке у него вдруг оказалось оружие — крупнокалиберный револьвер. Он выхватил его так быстро, что я даже не понял откуда.

— А теперь рассказывайте мне все, что вам известно об этих делах, господин Баярд, или как вас там! У вас десять секунд, чтобы начать!

Я продолжал держать на прицеле его напарника. Я знал, что, если я шевельнусь хоть на миллиметр, мешковатый застрелит меня. Я постарался ответить ему таким же стальным взглядом.

— Я все рассказал Борману. Если вы решили не верить, это не моя вина. Но возможно, время еще есть. Каково положение в столице?

— Времени нет, господин Баярд. Нет вообще...

К своему ужасу, я увидел, как в уголке глаза у толстяка блеснула слеза.

— Что...— Я не смог закончить вопрос.

— Захватчики выпустили ядовитый газ, который накрыл город, как одеялом. Они воздвигли баррикады, блокируя любые попытки к бегству. Странные люди в костюмах со шлемами стреляют в каждого, кто приближается...

— Но как же... люди... Что с моей женой? Что...

Он качал головой.

— Императора с семьей, правительство, горожан — всех следует считать погибшими, господин Баярд, внутри забаррикадированного города!

И тут из приемной раздался сотрясший все здание грохот. Толстяк резко отвернулся от меня, подскочил к двери, выглянул и стремглав выбежал, Борман метнулся за ним по пятам. Я крикнул майору Гуннарсону, чтобы он остановился, а то я буду стрелять, но ни он, ни я ничего не сделали. Послышались топот ног, звон разбитого стекла, пара выстрелов. Кто-то крикнул: «Обезьяны!» Еще выстрелы, затем тяжелый удар, как от упавшего на пол тела. Я отступил в угол камеры, проклиная себя за фатальную ошибку, позволившую запереть меня здесь. Я прицелился в дверь, выжидая, когда в проеме появится первый хагрун...

Дверь распахнулась, и внутрь неторопливо вошла знакомая узкоплечая фигура в замурзанной белой форме.

— Дзок! — заорал я.— Вытащи меня отсюда... или...— Меня осенило ужасное подозрение.

Должно быть, Дзок прочел его на моем лице.

— Спокойно, старина! — крикнул он, когда я навел на него пистолет.— Я здесь, чтобы кое-как помочь тебе, старик,— и, судя по всему, помощь тебе потребуется!

— Что происходит снаружи? — крикнул я.

За спиной у Дзока кто-то был. Высокий молодой солдат в зеленом камзоле и алых штанах до колен вошел в дверь,

держа в руках длинноствольную винтовку с примкнутым к концу коротким штыком. Камзол украшали белые канты, широкие петли аксельбантов и ряды блестящих золотых пуговиц. На голове у парня красовалась широкая треуголка с золотой каймой и малиновой розеткой, а на ногах — белые чулки и начищенные черные туфли с крупными золочеными пряжками. Обладатель пышного наряда одарил меня широкой улыбкой, затем обернулся к Дзоку и небрежно отдал ему честь раскрытой ладонью наружу.

— Сдается, мы задали им перцу, сэр. Теперь что скажете, если мы поглянем снаружи, на предмет не притаились ли там еще ребята, готовые поддеть честной народ?

— Не берите в голову, сержант,— сказал Дзок.— Это освобождение из тюрьмы, не более того. Те ребята снаружи на самом деле наши союзники. Жаль, что пришлось стрелять, но без этого не получалось.— Он обращался уже ко мне.— Я пытался расспрашивать, но обнаружил, что все пребывают в крайнем возбуждении. Они открывали огонь буквально с первого взгляда, под вопли про волосатых обезьянолюдей! Позорище...

— Хагруны захватили столицу,— оборвал я его.— Пустили газ, забаррикадировали улицы. Похоже, все погибли...

Я уже не думал — просто реагировал. Хагрун требовалось остановить. Только это и имело значение. На самом деле вообще все утратило смысл теперь, когда вместе с остальными не стало Барбры — но она была борцом. Она бы ожидала от меня, что я буду сражаться, пока могу двигаться и дышать.

Дзок выглядел потрясенным.

— Какой ужас, старина! Не могу выразить, как мне жаль...

Вернулся сержант с ключом и отпер дверь моей камеры.

— Стало быть, я явился слишком поздно,— горько произнес Дзок.— Я надеялся...— Он не договорил, и мы вышли в приемную.

— Кто эти парни?

Я разинул рот на полдюжины солдат с яркими плюмажами на шляпах, расставленных по комнате так, чтобы держать под прицелом дверь и окна.

— Это и есть мои добровольцы, Баярд, мои наполеоновские призывники. Я, как ты помнишь, получил задание набрать рекрутов. Расставшись с тобой, я отправился назад и погрузил этих ребят в свой грузовой челнок и вернулся в Зай... и обнаружил... ты ни за что не догадаешься, старина!

— У меня есть три варианта,— сказал я,— и все три — «хагруны».

Дзок мрачно кивнул.

— Эти сволочи захватили штаб-квартиру Державы, включая, разумеется, паутинный терминал. Я предпринял спешное стратегическое отступление и последовал за тобой сюда...— Он смущенно замялся.— На самом деле, старик, я надеялся подписать твой Империум помочь нам. Мы, ксониджил, плохо приспособлены к ведению войны в Паутине, как ни печально. Раньше всегда...

— Я знаю. Они и нас застали врасплох. Я всю дорогу недоумевал, почему вы считали себя неуязвимыми...

— Наглость ничтожеств! Кто мог ожидать...

— Вы могли,— коротко сказал я.

— Ай, ладно, что сделано, то сделано.— Дзок с явным предвкушением потер руки.— Раз уж ты не в том положении, чтобы помочь мне, пусть хоть мы с ребятами принесем здесь какую-то пользу. Для начала неплохо бы ознакомиться с полной картиной ситуации...

В результате десятиминутного обсуждения, пока войска вели спорадический огонь через окна тюрьмы, мы с Дзоком составили план действий. Может, и не гениальный, но при сложившихся обстоятельствах это было лучше, чем ничего. Первым делом следовало отыскать костюм-челнок. Мы впустую потратили еще десять минут, обшаривая здание, прежде чем я сообразил посмотреть в хранилище. Он оказалось открыто, а костюм был разложен на столе.

— Хорошо,— удовлетворенно произнес Дзок.— Мне понадобятся инструменты, Баярд, источник тепла и увеличительное стекло...

Мы пошарили вокруг, нашли полный ремнабор в стенном сейфе и лупу в ящике стола у начальника. Я спешно

приспособил под наши нужды плитку, на которой обычно разогревали кофе, а Дзок тем временем откинул крышку панели управления в грудной части костюма.

— Мы, конечно, ступаем на опасную почву,— произнес он мечтательно, перекусывая проводки с волосок толщиной и перепаивая их в новую схему.— То, что я сейчас пытаюсь сделать, теоретически возможно, но никогда раньше не проверялось — во всяком случае, на костюмах-челноках.

Я восхищенно наблюдал за тем, с каким проворством его длинные сероватые пальцы перестраивают внутренние компоненты невероятно компактного устройства. В течение получаса, под периодический треск выстрелов, он проводил испытания, бормотал, пробовал снова, изучал показания на вделанных в манжет костюма миниатюрных шкалах. Затем он выпрямился и искоса взглянул на меня.

— Готово, старина. Я не могу гарантировать результатов моих самодельных усовершенствований, но по крайней мере с шансами пятьдесят на пятьдесят оно сделает то, что мы хотим.

Я попросил объяснить, что он там нахимичил, и пристально следил за его речью, пока он показывал взаимодействие цепей, которое располагало точки давления на МК-поле таким образом, чтобы исказить его нормальную функцию по линии уходящей в бесконечность геометрической прогрессии...

— Это выше моего понимания, Дзок,— признался я наконец.— Я в принципе никогда не был первоклассным МК-шником, а когда доходит до ваших ксониджилских сложностей...

— Не забивай себе голову, Баярд. Тебе надо только знать, что подкручиванием этой штучки,— он тонюсеньким сверлышком указал на крохотную ручечку с насечками,— контролируется угол охвата сжимающего поля...

— Говоря по-английски, если что-то пойдет не так, но я притом не сдохну, я могу покрутить ее и попытаться снова.

— Очень емко сформулировано. А теперь давай двигать. Сколько, говоришь, до города?

— Около двенадцати километров.

— Так. Нам придется реквизировать пару легких грузовиков. Во дворе снаружи как раз припаркованы несколько. Какая-то разновидность примитивных паровых машин, полагаю...

— Внутреннего сгорания. И не таких уж примитивных: сто километров в час делают.

— Сойдет.— Он сходил в караулку, проверил картину за окнами.— В данный момент снаружи тихо. Выжидать бессмысленно. Отправляемся немедленно.

Я кивнул, и Дзок раздал приказы своим карнавальным стрелкам, пятеро из которых бесшумно заняли позиции у выходящих во двор окон и двери, а остальные тем временем образовали заслон вокруг нас с Дзоком.

— Черт, мы тоже можем поучаствовать,— предложил я.

В оружейном сейфе нашлось несколько карабинов. Я взял один, другой кинул Дзоку, пристегнул свой на пояс и вставил обойму.

— Вели ребятам стрелять по низу,— сказал я.— Никто не должен нам помешать, но пусть постараются никого не убивать. Они не знают, что там творится...

— И нет времени объяснять,— закончил за меня Дзок, глядя на своих людей.— Стреляйте, чтобы только ранить, парни, хорошо? Теперь, сержант, берите троих и выходите. Прикройте первый грузовик и не стреляйте, пока с той стороны не начнут. Мы с господином Баярдом идем следом с десятью людьми, остальные прикрывают нас огнем. Арьергард удерживает позицию, пока грузовик номер два не подъедет к двери, затем быстро грузимся и отчаливаем.

— Оч' хорошо, сэр,— произнес сержант, который усердно трудился над плиткой жевательного табака, обнаруженной им в ящике стола у начальника участка.

Он обернулся и пролаял инструкции своим людям, которые с улыбкой кивнули в ответ.

— Эти ребята ведут себя не как новобранцы,— сказал я.— На мой взгляд, они ветераны.

Дзок кивнул, улыбаясь в своей непередаваемой манере.

— Бывшие солдаты Валлийского полка императорской гвардии. Они охотно сменили работу.

— Интересно, что ты им предложил?

— Перспективы подраться после нескольких месяцев в карауле у Вестминстера оказалось достаточно.

Сержант с двумя своими подчиненными был уже у дверей. Он произнес короткое слово, и трое бросились наружу и быстро добежали до темно-синего грузовика с высокими деревянными бортами и надписью «flottsbro polis». Прогремели беспорядочные выстрелы. Пули посшибали верхушки травы и взрыли торф у лодыжки сержанта. Слева от него солдат споткнулся, упал, перекатился и поднялся, хромая. Бедро у него вмиг промокло от чего-то темного и блестящего на фоне алой ткани. Он в два прыжка достиг укрытия за грузовиком, плюхнулся на траву, навел свой мушкет и выстрелил. Секундой позже все трое были на местах, их ружья затрещали в четком ритме: один залп в секунду. Огонь противника ослаб.

— Давай,— сказал Дзок.

Я прижал карабин к груди и метнулся ко второму грузовику. Из выходящего на двор окна вылетело белое облачко дыма, над головой что-то взвизгнуло. Я пригнулся, понесся по газону, перепрыгнул цепь у края тротуара и резко затормозил возле грузовика. Дзок успел сюда раньше меня и теперь дергал дверь.

— Заперто! — крикнул он, отступил на шаг, прострелил замок и рывком распахнул дверь.

Я краем глаза заметил его челнок, массивный пассажирский транспорт, припаркованный по ту сторону клумбы. Он проследил за моим взглядом.

— Придется бросить его. Жалко...

Он был уже внутри и таращился на незнакомую приборную доску.

— Двинься!

Я протиснулся мимо него, чувствуя, как просел грузовик под весом набившихся в кузов людей. Раздалось звонкое «бамс!» — в металлический корпус попала пуля. Клю-

чей в замке зажигания не было. Я подергал стартер — ничего.

— Мне придется закоротить цепь,— сказал я и соскользнул на землю, подскочив к капоту, отщелкнул широкую боковую панель и поднял ее.

Одним резким рывком я выдернул провода зажигания, торопливо подсоединил их к аккумулятору, затем ухватился за рычаг стартера и втопил до упора. Двигатель застонал, дважды чихнул и с ревом завелся. Я захлопнул капот как раз в тот момент, когда пуля прочертила на нем яркую царапину, и запрыгнул на сиденье.

— Кто ведет второй грузовик?

— У меня там парень, который водил паровики...

— Не годится. Придется завести ему...

Я снова вылез и пробежал к другому грузовику, припаркованному футах в двадцати от нашего. Встрепанный человек с прилипшими к конопатому лбу мокрыми рыжими волосами возился с освещением приборной доски и выключателем фар. Здесь ключи оказались на месте. Я повернул их и выжал сцепление. Двигатель завелся и мягко заурчал.

— Знаешь, как переключать передачи?

Он с улыбкой кивнул.

— Это педаль газа. Надави на нее — поедешь быстрее. Это тормоз.— Он оживленно закивал.— Если заглохнешь, жми вот эту кнопку в полу. Остальное для красоты.

Он снова кивнул. Тут стекло перед ним разлетелось вдребезги и нам в лицо полетели осколки. Из пореза у него на щеке потекла кровь, но он стер ее, не глядя, и махнул мне. Я снова побежал, добрался до своего грузовика, выжал сцепление и выждал секунду, дабы убедиться, что рыжий пристроился следом. Затем я рванул к запертым железным воротам, врезался в них на скорости двадцать миль в час, вырвался наружу, резко вывернул руль влево и молнией понесся по узкой улице.

Двенадцать километров до городской окраины мы покрыли за двадцать минут. Последние сто ярдов мы катили медленнее, прокладывая путь среди лежащих на улице тел, и остановились у грубой баррикады, сложенной

из перевернутых и почерневших от огня автомобилей, яркие язычки пламени еще лизали дымящиеся колеса. Часы на колокольне ближней церкви били полночь — веселый аккомпанемент для жизнерадостной картины.

Я смотрел на темные башни города за барьером, неосвещенные улицы. В пределах видимости минимум двенадцать человек скорчились в жутких позах насильственной смерти. Никто из них не носил ни формы и ни оружия: все они были простыми обывателями, застигнутыми выкатившимся из городских улиц ядовитым облаком. Хагруны не показывались. На улицах было тихо и пусто, как на кладбище.

Слева раздался какой-то звук. Я вскинул карабин и увидел человека в белой рубашке с непокрытой головой.

— Слава богу, вы наконец-то здесь,— давясь, прохрипел он.— Я тоже схватил дозу — тошнит как собаку. Вытащил пару, но...— Он закашлялся, перегнулся пополам, и его вырвало.— Слишком поздно. Все мертвы. Газа уже нет, унесло ветром...

— Отойдите подальше,— сказал я.— И передайте всем: баррикады не атаковать.

У него за спиной появились еще один мужчина и женщина с потеками сажи на лице.

— Скажите, что нам делать? — выкрикнул кто-то.

Они сгрудились вокруг машины: дюжина потрепанных уцелевших, принявших нас за полицейских и готовых помогать нам любым способом.

— Просто держитесь подальше от города, чтобы вас не задело. Мы собираемся кое-что предпринять...

И тут кто-то указал на Дзока. По толпе прокатился вопль.

— Все наружу — быстро! — рявкнул я ребятам в кузове, затем обернулся к толпе и крикнул: — Это друг!

Я спрыгнул на землю, обежал вокруг кабины, туда, откуда донесся первый крик, и схватил за руку мужчину, который дергал помятую дверь.

— Слушать меня! Это не враг! Он союзник Империума! Он здесь, чтобы помочь! Это его войска! — Я махнул рукой на десять костюмированных солдат, окруживших грузовик.

Тут показались фары второй машины. Она с ревом подъехала к первой, остановилась и заглохла. Двери распахнулись, и наружу хлынули люди.

— У него волосы на лице... точно как у других...

— Вы видели их?

— Нет... но я слышал... от человека, которого оттащил с баррикады... прежде чем он умер...

— Ну а у меня волос на лице нет — если не считать трехдневной щетины. Это капитан Дзок! Он на нашей стороне. А теперь передайте всем, что я сказал! Эксцессы нам ни к чему!

— Кто вы?

— Я полковник Имперской разведки Баярд. Я здесь, чтобы сделать все, что смогу...

— Что можем сделать мы? — раздалось несколько голосов.

Я повторил требование держаться подальше от баррикад.

— А как же вы? — спросил мужчина, который первым заметил Дзока.— Каковы ваши планы, полковник?

Дзок уже вышел из машины. Он протянул мне модифицированный костюм-челнок, повернулся и отвесил толпе самый изысканный поклон.

— Счастлив познакомиться с вами, дамы и господа,— громко произнес он. Кто-то прыснул, но Дзок не обратил на него внимания.— Я имею честь, как уже сказал полковник Баярд, предложить свои услуги в борьбе против грубых захватчиков. Но именно полковнику предстоит выполнить сегодня основную задачу. Мы, остальные, можем только содействовать...

— Что он намерен сделать?

Я уже наполовину влез в костюм. Дзок ассистировал мне, натягивая штанины, просовывая мои руки в рукава, пристраивая на место тяжелый ранец, застегивая длинные молнии.

— Используя это особое снаряжение,— поведал Дзок в самой что ни на есть театральной манере,— полковник Баярд выполнит бесконечно опасное задание...

— Кончай болтать и подай мне шлем,— перебил я его.

— Мы хотим помочь! — крикнул кто-то.

— Я хочу пойти с вами,— произнес другой голос.

— Наша основная потребность в данный момент,— перекрыл все остальные голос Дзока,— это кофе. Мои бравые ребята слегка вымотались, они не отдыхали с тех пор, как оставили родные казармы. Что до остального, то мы можем только ждать...

— Почему кто-нибудь из нас не может пойти с вами, полковник? — спросил мужчина, подходя ближе.— Вы могли бы использовать группу прикрытия... а не этих разряженных франтов!

— Полковник должен идти один,— сказал Дзок.— В одиночку он выполнит разведывательную миссию в гуще врага — по ту сторону времени! — Он обернулся ко мне и, понизив голос, произнес: — Не теряй времени, старина. Уже за полночь — мир гикнется часа через два...

Прозрачный шлем был на месте, все контакты замкнуты. Дзок быстро что-то проверил и выставил большой палец вверх. Я прижал ладонь к кнопке «вкл.» и, как обычно, глубоко вдохнул. Если агент Державы так же силен в практике, как и в теории, перенастроенный костюм-челнок теперь примется выворачивать ткань реальности несколько иным способом, нежели задумывалось его разработчиками, и придавит Е-поле нормального континуума так, что меня, словно зажатое между пальцев арбузное зернышко, вышвырнет из него в любопытное вневременное состояние нулевой энтропии — оборотную сторону времени, как он поэтически его называл.

В смысле, если сработает. А выяснить это можно было только одним способом. Я нажал кнопку...

14

Мир побежал вокруг меня, затем свернулся, сжался в крохотное отверстьице, сквозь которое наличная реальность и хлынула, чтобы вихрем распахнуться во всю ширь...

Я стоял на улице, глядя на черные корпуса сожженных автомобилей, отливающие в призрачном голубоватом сиянии бледностью девятидневных утопленников. Я обернулся, увидел пустые полицейские грузовики, мертвые тела на улице, нагие, лишенные листьев деревья, окаймляющие проспект, пустые глазницы домов за ними. Я снова был один, в том же пустынном городе, где очнулся после загадочной схватки с пылающим человеком в подвале штабквартиры Имперской разведки.

Я снова взглянул на часы на колокольне: стрелки застыли на двенадцати двадцати пяти. А на часах в кабинете, куда я забежал сразу после встречи с неведомым, было двенадцать ноль пять. Я уже опоздал перехватить пылающего человека, и он успел сделать то, зачем прибыл сюда.

Но еще не поздно выследить позицию хагрун, выяснить, где установлена дискреционная машина, затем вернуться и повести отряд в атаку...

Варианты развития ситуации множились, как тараканы. Единственным лекарством от сосущей пустоты под ложечкой, вызванной ощущением неминуемого провала, являлось действие.

Я сделал шаг, мелкий камешек вдруг подскочил и ударился о носок ботинка. Вокруг моих ног клубились облачка пыли, пока я пересекал полосу сухой комковатой земли, где всего несколько секунд назад росла трава. В жутковатом свечении, исходившем, казалось, от самой земли, проступил узор из углублений в почве, которые, казалось, образовывались прежде, чем моя нога успевала их коснуться...

Я оглянулся. Ни единый отпечаток не показывал, откуда я пришел, однако вперед вел еле видимый след. Странное место — это нулевое время...

Я пересек тротуар, обошел лежащего почти на самой баррикаде покойника, перелез через горелый остов машины, приземистого седана с привязанной к багажнику огромной запаской. На той стороне тел было больше. Эти люди погибли в попытке оказать сопротивление. Среди них валялся одинокий хагрун — массивное искореженное тело в тяжелом атмосферном скафандре с кровавой дырой в центре груди. Кто-то из империан успел пролить вражескую кровь. На общем фоне бойни эта мысль воодушевляла. Я двинулся дальше, по пути бросив взгляд на башенные часы...

Стрелки стояли на одной минуте после двенадцати. У меня на глазах минутная стрелка дернулась назад и указала точно вверх.

И тут я понял. Дзоковы манипуляции с настройками костюма-челнока оказали желаемый эффект по перемещению меня в нулевое время. Но мы оба забыли о предыдущей конфигурации — той, что заставила костюм нести меня в обратном направлении, назад по вектору времени, на момент моего перемещения из мира джунглей. Теперь, активировав костюм, удерживающий меня в неестественном состоянии антиэнтропии, я продолжил обратное движение. Я двигался по времени назад!

Я пошел дальше, наблюдая за странным поведением предметов при попадании в Е-поле костюма или переходе из него во внешнюю среду. Камушек, который я поддал ногой, пришел в движение, вылетел из поля, где сохранял естественное направление времени, скакнул назад, вроде бы ударился о мой ботинок и упал. Воздух вокруг меня шелестел в постоянном завихрении, его изменчивые течения захватывались, перемещались по времени назад, но тут же отпускались на волю, в результате вызывая локальные перепады давления. Я гадал, как я выгляжу для внешнего наблюдателя — если он вообще меня видит. А мое оружие? Как оно подействует и подействует ли, выстрелив в будущее? Нанесет удар в прошлом?..

Из-за угла в двух кварталах от меня возникла фигура и, странно дергаясь, направилась в мою сторону, переставляя ноги пятками вперед и размахивая руками, словно изображение на пущенной задом наперед киноленте. Я вжался в стену, наблюдая за приближением незнакомца. Хагрун! Шерсть у меня на загривке встала дыбом. Я выщелкнул жук-пистолет в ладонь и ждал...

Он прошел мимо меня и двинулся дальше, поводя головой, словно сканировал тротуар на предмет признаков жизни. На меня он не обратил ни малейшего внимания. Я огляделся. Его соплеменников поблизости не наблю-

далось. Самый подходящий случай провести испытания. Я нахально выступил вперед и навел оружие на его удаляющуюся фигуру. Двадцать футов, двадцать пять...

Реакции не последовало. Я для него был невидим, тогда как он почему-то оставался видим для меня. Я мог только предположить, что световые лучи при контакте с костюмом подвергаются воздействию его поля и их движение во времени меняется на противоположное. В результате они просто исчезают, тогда как нормальный свет, исходящий от пейзажа...

Но почему я вижу, если свет движется прочь от моих глаз...

Я припомнил заявление одного сетевого физика из Империума, объясняющее, почему возможно просматривать континуумы, через которые движущийся челнок проходит в неизмеримо короткое мгновение времени: «Свет есть состояние, а не событие...»

Каковы бы ни были причины данного явления, хагрун меня видеть не мог. Наконец-то везение на нашей стороне. Теперь посмотрим, чего можно добиться силой одного маленького преимущества и удачи.

До сетевых гаражей было полчаса ходу. По пути мне попалось еще несколько трупов. Беда явно застигла людей в постели. Те немногие, кто находился снаружи, откатились к баррикадам — и умерли там. Я миновал пару торопливо шагающих назад хагрун, затем полдюжины, затем колонну штук из двадцати — тридцати, и все они двигались в направлении, противоположном моему собственному курсу. Это означало, что, в нормальной прогрессии, они направлялись в зону сетевых гаражей, подходя со стороны имперской штаб-квартиры.

За два квартала до штаба толпа хагрун буквально заполонила улицу.

Вместе с потоком, который, казалось, расступался передо мной, провожаемый озадаченными выражениями на лицах под темными забралами, я пересек Северный мост и вошел в призрачно светящиеся кованые чугунные ворота перед нависающей громадой штабного здания. Толпа захватчиков здесь уплотнилась. Угрюмая масса почтилюдей, затопившая посыпанные гравием дорожки и бесплодные прямоугольники сухой земли, в нормальные времена представлявшие собой безукоризненно подстриженные газоны, локтями прокладывала себе путь назад сквозь широкие двери. Я заметил часы на фронтоне здания по ту сторону площади — одиннадцать пятнадцать.

Я перемещался вспять по вектору времени три четверти часа, хотя субъективно прошло всего тридцать минут.

Проложив дорогу сквозь текучую толпу одинаково одетых хагрун, я добрался до двери, скользнул внутрь в то же самое фойе с высоким потолком, которое покинул шесть недель назад. Теперь оно было забито безмолвными массами хагрун. Ими управляли, размахивая руками и гримасничая, два увешанных бронзой персонажа, стоявшие на нижних ступенях лестничного пролета, ведущего на верхние этажи. Оказывается, звук не проникал сквозь барьер между «нормальным» нулевым временем и моим эффектом обращенного поля.

Поток вдавливался в боковой коридор. Я влился в него, добрался до маленькой дверки в холле с табличкой «служебная лестница» рядом... Памятная дверь: именно сюда я нырнул в погоне за пылающим человеком бессчетные недели назад. Я толкнул ее, ощущая призрачное давление хагрунских тел, уходивших в сторону за секунду до столкновения, и, следуя за потоком чужаков, спустился на один пролет к двери в кладовку, где в прошлой жизни загнал в угол огненного человека.

Поток захватчиков поредел. Я стоял в сторонке и наблюдал, как твари спиной вперед протискиваются через узкий проем в небольшое помещение: в замкнутое пространство их набивалось все больше и больше...

Так не бывает. Я видел сотни громил на улицах, они толпились в парадном вестибюле, наводняли коридоры. И вся эта масса текла сюда — или, в нормальной временной последовательности, отсюда, из этой маленькой комнатки...

В коридоре осталось всего несколько хагрун, они стояли и слушали беззвучные разглагольствования увешанного бронзовыми побрякушками офицера. Затем прошаркали обратно и почти охотно вошли в комнату. Сверху появились офицеры, слегка замешкались, протискиваясь в дверь, и исчезли во мраке. Я последовал за ними — и замер как вкопанный.

Посреди заброшенной кладовки, в воздухе, не больше чем в паре дюймов от шероховатого каменного пола, едва не задевая пыльные балки потолка, мерцал десятифутовый диск пустоты. У меня на глазах один из оставшихся хагрунских офицеров быстро попятился к нему, слегка пригнулся, прыгнул спиной вперед — и волшебным образом исчез, словно кролик в шляпе фокусника. Теперь осталось только двое хагрун. Один из них тоже попятился к диску и проскочил сквозь него. Последний произнес что-то в маленький наручный приборчик, постоял с минуту, оглядывая комнату и начисто игнорируя меня, затем тоже прыгнул сквозь диск и был таков.

Я наблюдал чудеса, по сравнению с которыми имперские челноки выглядели не фантастичнее плетеных детских колясок, но времени стоять, благоговейно отвесив челюсть, не было.

Передо мной находился портал из какого-то другого пространства в Стокгольм нулевого времени. Хагруны вошли через него — откуда, я не знал. Существовал простой эмпирический метод ответа на этот вопрос...

Я подошел к диску, напоминавшему поверхность чуть потревоженного пруда, поставленного во мраке на попа. За его таинственной гладью угадывалась неизмеримая глубина. Я стиснул зубы и, от души надеясь, что догадка моя правильна, шагнул сквозь него.

И сразу же понял, что оказался снова в нормальном времени: по-прежнему двигаясь против часовой стрелки, несомненно, в той же комнате — но в честной темноте, вдали от всепроникающего мертвого сияния нулевого времени. Вокруг меня толпились хагруны — громоздкие фигуры в комбинезонах, почти полностью забившие ограниченное пространство кладовки, выплескивающиеся в коридор и ничуть, похоже, не обеспокоенные недостатком освещения. Я узнал офицеров, которые последними прошли через портал, или, в нормальном времени, первыми: лазутчиков, высланных вперед для рекогносцировки, прежде чем орда хлынет через портал и потечет обратно к сетевым гаражам. Шесть недель назад — или сегодня, тут обе точки зрения годились одинаково — я встретил их там, садящихся на свои челноки, чтобы вернуться на мировую линию хагрун, завершив здесь свое черное дело. Но теперь, благодаря собственному движению против потока времени, я наблюдал тот же спектакль, но разыгрываемый в обратном направлении: победоносные войска, отхлынувшие от одержанной над спящим городом победы, втягивались обратно в улицы и отыгрывали газовую атаку назад.

Многие хагруны несли тяжелые канистры. Другие у меня на глазах брали из груды в коридоре пустые контейнеры и закрепляли их на спине. Теперь они расходились вверх по лестницам по двое или по трое, исчезая в коридорах, возвращаясь на пустые улицы. Я последовал было за ними — затем спохватился. Что-то мерцало на краю сознания. Следовало что-то сделать, причем не откладывая, пока шанс не упущен. Я колебался, ломая голову, а события неумолимо стремились к своему неизбежному завершению. Думать было тяжело — непросто ориентировать мысли в искаженной перспективе обращенного вспять времени. Но сейчас необходимо собраться и заставить себя анализировать наблюдаемое, реконструировать нападение.

Итак. Хагруны прибыли в сетевые гаражи. Я видел там их челноки. Идеальное место для массовой высадки и благодаря характерным излучениям носителей сетевых коммуникаторов легко поддающееся пеленгации для навигационных нужд.

Прибыв туда, они промаршировали через пустой в нулевом времени город к штабу Разведки, удобному исходному пункту для атаки, обладающему множеством темных погребов,— возможно, в выборе районов сосредоточения десанта присутствовал элемент сардонического юмора...

Затем войска хлынули сквозь портал и выплеснулись на полуночные улицы города в реальном времени, распыляя газ. Завершение мероприятия я в данный момент наблюдал своими глазами.

Затем они вернулись через портал в нулевое время и добрались до своих челноков — исход, свидетелем которого я стал полчаса назад.

Но зачем нужна газовая атака на город, которому предстоит уничтожение вместе с остальной планетой?

Ответ напрашивался сам собой: хагрунам требовались покой и тишина для установления дезинтеграционной машины, и они хотели быть уверены, что адское устройство ничто не потревожит в течение времени, необходимого им, чтобы пройти обратно через свой портал в нулевое время, погрузиться в челноки и покинуть обреченную А-линию. Отравив горожан, они обеспечили себе комфорт на время подготовки к убийству вселенной.

Ибо они убивали больше, чем мир. Это была планета, Солнечная система, заполненное звездами небо до пределов постижимого пространства и дальше. Уникальный, незаменимый аспект реальности навсегда исчезнет с лица мироздания, потому что один мир, одна-единственная пылинка в этой вселенной представляла потенциальную угрозу хагруньей безопасности. Гнусный план — и мгновения, за которые я мог предпринять какие-либо шаги для его предотвращения, стремительно утекали. В этот самый миг где-то трудилась шайка, подготавливая генератор конца света к работе. И если я задержусь с их обнаружением хотя бы на несколько минут, будет слишком поздно (или рано!), топающие спиной вперед солдаты разберут машину на составные части и унесут обратно в челноки, где мне ее уже не достать...

Надо найти устройство — немедленно!

Я огляделся. Нагруженные пустыми канистрами хагруны по-прежнему пятились по коридору. Офицеры размахивали руками, их губы за лицевыми пластинами шевелились. Мое внимание привлек один, без шлема. Он приковылял с другого конца узкого коридора, торопливо пятясь

в сторону хагрун, руководивших операцией с канистрами. Ему предшествовали двое неприметных соплеменников. Они отвернулись и присоединились к группе выбирающих из кучи пустые канистры и закидывающих их на спину. Тот, что без шлема, беседовал с офицером: оба кивнули, поговорили еще, затем первый попятился по темному коридору в сторону, противоположную лестнице. Я мгновение поколебался и последовал за ним.

Он прошел спиной вперед футов пятьдесят, затем свернул в кладовку, в точности напоминавшую ту, где был установлен портал. Внутри еще четверо хагрун склонились над массивным треножником, на котором покоилось громоздкое сооружение. Чехол от него валялся рядом на полу.

Удача не покинула меня. Я нашел дискреционную машину.

Следующий шаг стал мне ясен в то же мгновение, как я увидел машину. Когда двое хагрун замерли с комично озадаченными выражениями на лицах, я подошел к стенду, покрепче уперся ногами, ухватил громоздкий ящик и потянул на себя. Он подался легко. Мое слегка ускоренное субъективное время, хоть и обратное, прибавляло мне силы. Я отступил на шаг, прижимая ужасное устройство к груди, и, к своему неописуемому удивлению, увидел, что оно по-прежнему покоится на месте, тогда как его двойника я держу в руках. Хагрунские техники продолжали работу, явно ничем не потревоженные. Но ведь я же еще не появился, чтобы сотворить парадокс на глазах у изумленной публики...

Я повернулся к двери, промчался по коридору, взбежал по лестнице и рысью припустил к сетевым гаражам.

На дорогу ушло двадцать минут, несмотря на неуклюжий груз. Труднее всего оказалось заставить себя не обращать внимания на происходящую вокруг газовую атаку. Хагруны в защитных костюмах топали задом наперед по хорошо освещенным улицам под неясным облаком буроватого газа, медленно сгущавшимся прямо на глазах. Я то и дело переходил с бега на шаг, все время перехватывая

тяжелый ящик, и отчаянно потел в своем костюме. Вокруг меня повсюду клубился газ, и оставалось только надеяться, что клапаны моего наряда надежны настолько, насколько уверял меня в этом Дзок.

В гаражах возле припаркованных челноков, то и дело выглядывая из широких дверей в ту сторону, откуда неслись звуки уличного боя, слонялись несколько мрачных хагрун. Я беспрепятственно миновал их и подошел к последнему челноку в ряду — тому самому, на котором уже один раз ездил. Помнится, управление у него было запрограммировано на автоматическое возвращение на исходную А-линию, мир хагрун. Я открыл дверь, опустил свой груз на серый металлический пол, затолкал его поглубже, затем проверил стенные часы. Согласно нашим с Дзоком расчетам, устройство сработало точно в два часа пополуночи. Сейчас было десять сорок пять: три часа и пятнадцать минут до времени «Ч».

А перелет челнока с линии ноль-ноль на линию хагрун занял примерно три с половиной часа.

Надо было как-то убить еще минут десять...

Дискреционная машина уже отсчитывала секунды до своего катастрофического включения — гигантского выброса энергии, который взорвет статическое равновесие, составляющее ткань реальности на данной линии альтернативного бытия. Я выдернул ее из рук создателей ровно в тот момент, когда они заканчивали установку. Когда придет время, она сработает. Теперь вопрос с челноком. Я залез внутрь, оглядел панель управления. Ничего сложного: стартовый провод, подсоединенный к главному переключателю поля...

Я вышел наружу, нашел кусок оголенного провода на верстаке у стены, крепко привязал его к выкрашенному белой краской рычагу, управлявшему генераторами челнока, а концы вывел наружу за дверь. Пять минут до отправления. Важно было как можно точнее подгадать время. Стрелки часов медленно ползли назад: десять тридцать четыре, десять тридцать три, десять тридцать две, десять тридцать одна. Челнок еле ощутимо завибрировал...

Я осторожно закрыл дверь, проверил, торчит ли провод, затем ухватился за концы и как следует дернул. Челнок дрогнул, замерцал, на мгновение пропал из виду, а затем застыл на месте, прочен и недвижим. Я выдохнул: пример машины предупредил меня. Результаты собственных манипуляций с внешними предметами оставались для меня невидимы, но я послал челнок в путь. В данный момент передо мной развертывалось его прошлое.

15

А на улице газовая атака была в самом разгаре. Я видел, как человек, лежавший в луже рвоты, поднялся, словно марионетка на ниточках, схватился за горло и побежал задом наперед в здание — труп, восставший из мертвых. Бурое облако теперь висело низко над тротуаром, плоский слой смертельного газа. Из ближней его части сформировался длинный султан, потек к хагруну и втянулся в раструб рожка его ручного распылителя. Там и сям образовывались новые султаны и текли к другим нападающим. Я наблюдал газовую атаку в обратном порядке: убийцы очищали улицы от газа, который в противном случае истребил бы население. Я следовал за ними, а ядовитое облако над головой тем временем окончательно сгустилось, распалось на части и втянулось обратно в канистры, из которых вышло. Тяжело нагруженные захватчики своей странной попятной походкой вперевалку двигались обратно к темной громаде штаба Разведки. Я шел вместе с ними, топтался на дорожках, протискивался в двери, топал по коридору, вниз по узкой лестнице, назад в заброшенную кладовку, откуда они кошмарной рекой хлынули сквозь сияющий диск обратно в нулевое время к ожидающим их челнокам.

Передо мной встала очередная дилемма. И ошибиться в выборе было нельзя, ибо на кону стояла жизнь целой вселенной.

Последние хагруны нырнули в портал, вернувшись в нулевое время, чтобы протопать назад к сетевым гаражам, погрузиться в челноки и отбыть в направлении ужасного родного мира. Пустой овал висел в оглушительной тишине пустой комнаты. Я стоял возле сияющего диска и ждал, а минуты утекали — минуты субъективного времени, в течение которых я неумолимо двигался назад, к моменту, когда хагруны впервые активировали портал. Вот он резко уменьшился, сжался до невероятно яркой точки и пропал.

Я поморгал в темноте, затем включил маленькую лампочку, вделанную в нагрудную панель костюма, чтобы читать карту и показания приборов во время прохождения через лишенные света континуумы. В ее слабом свете проступили смутные очертания комнаты, пыльные упаковочные ящики, усыпанный мусором пол — и ничего больше. Портал, теперь в этом не осталось сомнений, не требовал фокусирующего устройства для установки шлюза между нулевым и реальным временем.

Изучая приборы на запястье и припоминая инструкции Дзока, я выждал четверть часа, чтобы дать хагрунам время убраться из кладовки. Затем повернул ручку перехода в нулевое время. Стены вокруг превратились в вихрь, вселенная вывернулась наизнанку, и вот я снова стоял в нулевом времени. Дыхание восстановилось не сразу, но в остальном все было в порядке.

Я огляделся и увидел то, что искал: небольшой металлический ящик на подставке, наполовину загороженный стопкой коробок,— генератор портала. Я подошел к нему и положил ладонь на тусклую крышку. Прибор слегка гудел на холостом ходу, готовый послужить своим чудовищным хозяевам, когда они прибудут. До их появления в реальном времени оставалось несколько минут.

В кожаном кармашке на рукаве костюма имелся набор инструментов. Я извлек отвертку, отвинтил болты. Крышка ящика откинулась, обнажив лабиринт полузнакомых деталей. Изучив схемы, я распознал аналог миниатюрной катушки Мебиуса, образующей сердцевину мо-

его костюма-челнока. Зародыш идеи начал обретать форму: трюк, вероятно невозможный, определенно трудный и, скорее всего, бесполезный, даже обладай я необходимой для его осуществления технической подготовкой, но масштаб задуманного заставил мои губы растянуться в сатанинской ухмылке. Не выпуская машинку из рук, я припомнил рассказы Дзока о принципах работы костюма-челнока. К тому же мне дважды довелось наблюдать, как он перестраивал схемы. Теперь настала пора применить полученные знания. Если мне удастся это провернуть...

Двадцать минут спустя я закончил. В теории все было довольно просто. Фокусировка портала управлялась простым ядерным конденсатором, регулируемым за счет циклического гравитационного поля. Поменяв местами контакты, как сделал Дзок, когда приспосабливал костюм к запуску моей персоны вспять по вектору времени, я изменил ориентацию эффекта линзы. Теперь вместо установления шлюза на одинаковом временном уровне портал возникнет в будущем — возможно, недели две спустя. Теперь я мог отправляться обратно, реверсировать действие моего костюма и донести свое предупреждение. Имея в запасе не меньше полумесяца, я вполне успею убедить Имперскую разведку в полной идентичности безумца, до невозможности напоминающего некоего Б. Баярда, и моей собственной персоной. А уж тогда мне наверняка удастся заставить их прислушаться к голосу разума. Правда, возникнет ряд мелких проблем вроде одновременного существования двух потрепанных бывших дипломатов под одним именем. Но если мне удастся отвратить полное уничтожение, которое только и ждет своего часа, второстепенные детали отступят на задний план.

Я вернул крышку на место, впервые ощутив проблеск надежды на успех моей безумной авантюры: двигаясь сквозь время обратно к точке до хагрунской атаки, я, возможно, действительно изменил ход грядущих событий. Если не ошибаюсь, это значило, что захватчики, которых я видел выливающимися потоком сквозь портал, никогда не явятся — не являлись вовсе. Газовая атака перенеслась в цар-

ство нереализованных возможностей. Горожане, мирно посапывающие сейчас в своих постелях, утром проснутся, понятия не имея о том, что умерли и воскресли...

От подобных мыслей делалось не по себе. Ладно, здесь я сделал все, что мог. Пора убираться отсюда. Я подобрался в предчувствии очередного выверта поля костюма-челнока и повернул верньер...

Вернувшись в реальное время, в темную пустую кладовку, я поморгал, заново фокусируя зрение. Никаких признаков портала — и, если мои догадки верны, такое положение сохранится еще много дней. А затем пораженные хагруны выскочат под шквальный огонь имперских войск.

Выйдя в коридор, я облизал губы, вдруг пересохшие, как у мумии. Следующий шаг энтузиазма не вызывал. Ковыряться в костюме-челноке — дело опасное, а я на сегодня уже выбрал свой лимит смелых экспериментов. Но деваться было некуда.

Света не хватало — слишком темно для такой тонкой работы. Я поднялся по лестнице в коридор первого этажа и заметил в дальней части вестибюля группу людей, спиной вперед поднимающихся на второй этаж. Невольный порыв броситься к ним с радостными воплями пришлось подавить: они бы все равно не услышали меня. Они оставались так же недосягаемы для звуков из прошлого, как и хагруны. Я призраком витал в условном мире живых воспоминаний, разворачивающихся в обратном порядке, словно мелькающие страницы старого альбома, пролистываемого от конца к началу. И даже когда я обращу вспять действие костюма-челнока, мне по-прежнему придется доказывать правдивость своих слов.

Я понимал, насколько трудно было принять мою историю всерьез, когда поблизости имелся двойник — другой я, вызывающий резонные сомнения в моей подлинности. Ничего не изменилось и теперь. Я — «я» шестинедельной давности, за вычетом нажитых с тех пор шрамов,— находился сейчас дома на своей роскошной вилле, готовился отужинать с несравненной Барброй и вскоре должен был принять таинственный телефонный звонок. И тут являюсь нынешний я — чумазый мужик в рваной одежде нездешнего покроя, остро нуждающийся в бритье и ванне и несущий полную ахинею. Но на сей раз у меня хотя бы есть в запасе несколько дней, чтобы достучаться до них.

Я свернул в поперечный коридор, нашел пустой кабинет, запер дверь и включил свет. Затем, не теряя времени на обдумывание последствий неверных расчетов, отключил блок питания костюма. Я расстегнулся, снял легкий шлем, стянул костюм и оглядел комнату. Все казалось нормальным. Я подошел к столу и осторожно взял за черную ручку лежавший там ножик для разрезания бумаги — и с упавшим сердцем увидел его дубликат, по-прежнему лежащий на столе. Я бросил нож обратно на стол, и он пропал, унесенный потоком нормального времени.

Этого-то я и боялся: даже сняв костюм, я продолжал жить задом наперед.

Я снова взялся за миниатюрный набор инструментов и с его помощью открыл нагрудный блок управления. Я знал, какие проводки надо переставить. С бесконечной осторожностью я переместил тонюсенькие волокна в новое положение, гадая, на каком этапе мои воспоминания о Дзоковой работе дадут сбой. Знай я, что мне придется заниматься этим в одиночку, попросил бы агента проделать это вместе со мной, может, даже под запись. Но мы оба в суматохе момента забыли, что я начну ускользать в прошлое сразу, как только костюм активируется. Теперь он, мой наставник, был вне досягаемости, в далеком будущем.

Наконец я закончил. Голова раскалывалась, а вкус во рту напоминал брошенное крысиное гнездо. Пустой желудок одновременно и громогласно требовал еды и угрожал насилием, если я хотя бы помыслю об этом предмете. Я уже почти сорок восемь часов вкалывал без еды, питья и отдыха.

Слишком усталый, чтобы волноваться, я натянул костюм обратно, застегнулся, щелкнул тумблером... и мгновенно понял: что-то не так — очень не так!

Я ожидал привычной, выворачивающей наизнанку тошноты, но вместо этого меня сдавило и начало поджаривать. В ушах нарастал гул, вдох обжег горло.

Я шагнул к столу, ноги слушались плохо, будто свинцовые. Я поднял пресс-папье... странно тяжелое...

И горячее! Я выронил его, и оно грохнулось о столешницу. Дышать становилось все труднее. Воздух сделался плотным, как вода, и раскаленным, словно пар из топки...

Я выдохнул облачко ледяных кристаллов. Взгляд мой упал на рукав. Он был покрыт матово-белым налетом, жарким и скользким на ощупь. Это был лед, горячий лед! Прямо на глазах он уплотнялся, покрывая костюм, нарастая на лицевой пластине. Я согнул руку, чтобы протереть окошко: корка треснула, и осколки ее с бешеной скоростью понеслись к полу. Мне удалось лишь чиркнуть пальцем по пластиковому забралу. Сквозь чистую полоску я увидел на противоположной стене зеркало. Попытался шагнуть к нему, но только зря напрягал ноги. Я прирос к месту, заключенный в твердый, как латы, ледяной панцирь!

Лицевая пластина уже полностью заросла инеем. Я попытался шевельнуть рукой — она тоже не гнулась. И тут я понял. Мое вмешательство в схемы костюма оказалось более чем неудачным. Нормальное течение временной прогрессии восстановилось, но уровень энтропии оставался бесконечно меньше нормы. Я превратился в ледяную статую: интересная находка для хозяина кабинета, когда он выломает дверь завтра утром, если только мне не удастся срочно освободиться!

Я напряг ноги и перенес вес вбок. И почувствовал, как опрокидываюсь, отрываясь от пола, чтобы оглушительно грянуться о него же. От удара мои ледяные доспехи разлетелись, и я, не теряя времени, поднял онемевшую руку, нашарил ручку управления, ухватил ее полузамерзшими пальцами и повернул...

Давление внезапно ослабло. Лобовое стекло очистилось и покрылось водяными капельками, которые пузырились, плясали, исчезали. По мере таяния льда от меня поднималось кипящее облако, рвущееся прочь, словно пар из чайника. Я резко оттолкнулся от пола, почувствовал, что свободен, наполовину поднялся к потолку, а затем лениво упал обратно, словно воздушный шарик. Приземлился я на одну ногу и сразу почувствовал возросшее давление, когда лодыжка подвернулась. Я опустил на пол вторую ногу, пошатнулся и восстановил равновесие, сквозь зубы ругаясь от боли в поврежденном суставе. Где же тумблер?..

Верньер исчез. Крутанув его онемевшими пальцами, я отломал его напрочь!

Я дохромал до двери, ухватился за ручку, повернул...

Металл порвался, ладонь пронзила боль. Видимо, содрал кожу. Я обрел силу Гаргантюа, но не обзавелся толстой шкурой под стать. Не стоило крутить так сильно. Уровень моей личной энтропии теперь превышал норму вдвое, если не втрое. Исходящего от моего тела жара хватило бы, чтобы вскипятить столитровый армейский котел. От мимолетного прикосновения пошла пузырями краска на косяке! Я осторожно повернул дверной замок и потянул за сломанную ручку. Тяжелая, как стальной сейф, дверь неохотно сдвинулась. Я толкнул ее — и замер.

Из дверного проема на противоположной стороне коридора в десяти футах от меня недобро выглядывал семифутовый хагрун.

Я попятился и прижался к стене. Этот парень оказался неучтенным фактором. Вероятно, он являлся лазутчиком, высланным вперед за несколько часов до основной колонны. Я видел, как отбыли последние из его товарищей и как закрылся портал, и, исходя из этого, решил, что ушли все. Но что, если портал был активирован на короткое время часом раньше, в тестовом режиме?..

Очередной риторический вопрос. Он был здесь, большой, как гризли, и вдвое уродливей. Здоровенный тролль

в полной химзащите медленно поднял руку, выставил вперед ногу и направился в мою сторону.

Я отпрыгнул, чуть не упав, когда хагрун тяжело грянулся о стену, где я только что стоял,— стену, обугленную жаром моего тела. Я снова попятился, на сей раз осторожно. Он вдвое уступал мне в скорости, но стоит угодить в этот костедробительный захват...

Он был взбешен — и напуган. Это читалось в выражении его оскаленной хари, смутно различимом сквозь темную лицевую пластину. Может, он уже побывал внизу в комнате с порталом и обнаружил, что аварийный люк отсутствует. Или армия вторжения уже отстала от графика...

Внезапно сердце у меня подпрыгнуло, когда я сообразил — получилось! С костюмом я возился около часа, и, наверное, еще полчаса прошло, пока я барахтался в состоянии замедленного времени, наращивая персональную ледяную шапку. А они так и не появились на сцене. Теперь я мог ответить теоретикам хотя бы по одному пункту: посетитель прошлого способен-таки изменять уже виденное будущее, изымая его из ткани бытия!

Но маячившего передо мной хагруна не занимали глубоко аномальные аспекты его присутствия здесь. Он был бойцом, натасканным ловить мелких безволосых антропоидов и душить их, а я вполне подходил под описание. Он снова прыгнул — на удивление неуклюжий, замедленный бросок,— ударился об пол и проехал по паркету, тяжеловесно ворочаясь, чтобы ухватить меня...

Я неверно оценил дистанцию и почувствовал, как его пальцы вцепились в мой рукав. А он шустрый, этот громоздкий монстр. Я дернулся прочь, вырвался, споткнулся и заскользил назад на уезжающих из-под туловища ногах...

Он настиг меня, пока я беспомощно молотил руками воздух. Громадная лапища сгребла меня за плечо, вздернула и прижала к необъятному пузу. Я ощутил сокрушительное давление и почти расслышал хруст собственных ребер, кровь бросилась в лицо...

Ткань его скафандра пузырилась, съеживалась, чернела. Внезапно хватка ослабла. Я увидел его лицо, открытый рот и будто издалека, сквозь свой и его шлем, услышал вопль боли. Взметнулись ладони с растопыренными пальцами, обожженными до мяса чудовищным жаром моего тела. Несмотря на это, он принялся рвать ими свой костюм, отдирая от волосатой груди расплавленный пластик, обнажая кровоточащий ожог второй степени от подбородка до промежности.

Я продолжил падение, старательно принял удар на выставленные руки, но пол коварно вспучился и со скрежетом проехался мне по подбородку. Лопнула кожа, брызнула жаркая кровь. Затем был только нестерпимый блеск звезд и мягкая бездонная чернота...

Я лежал на спине, чувствуя арктический холод, сковавший мою грудь, словно чугунные клещи. Я с присвистом втянул воздух и уперся в пол руками. Они навек окоченели, как щипцы мороженщика, но мне удалось подтянуть под себя ноги и без особой уверенности принять вертикальное положение. На полированном паркете виднелись обугленные отпечатки подошв и крупное черное пятно там, где я лежал. Пока я прожигал поверхности, которых касался, они одновременно высасывали из меня тепло, замораживая меня.

Хагрун исчез. Я увидел кровавый отпечаток ладони на стене и еще один дальше по коридору. Он направился к служебной лестнице, стремясь, несомненно, к кладовке, где раньше находился портал. Долго же ему придется ждать...

Я прислонился к стене, сотрясаемый неудержимой дрожью, челюсти свело, будто трупной судорогой. Хватит с меня одиночных миссий по спасению мира. Пора коекому присоединиться к вечеринке, разделить, так сказать, честь — и, кстати, произвести деликатную операцию на моем неисправном костюме-челноке, прежде чем я замерзну насмерть, упаду ничком и прожгу перекрытия насквозь до самого подвала.

Я повернулся к вестибюлю со смутной мыслью найти кого-нибудь — может, Рихтгофена. Он сегодня здесь. Точ-

но! Старый добрый Манфред сидит у себя за столом наверху и подвергает допросу третьей степени бедного недотепу по фамилии Баярд, вызванного на ковер потому, что какой-то другой бедный недотепа под тем же именем сидит в тюрьме в нескольких милях отсюда, заявляя, что он Баярд и что близок конец света!

Я добрался до угла, пошатнулся, чувствуя, как опаляет лицо жаркий румянец лихорадки, тогда как сила из моих ног утекает, высасываемая страшным перепадом энтропии между вышедшим из-под контроля Е-полем костюма-челнока и нормальным пространством вокруг.

Гиблое это дело, мистер Б., ковыряться в механизмах, в которых вы не разбираетесь. В механизмах, созданных племенем премудрых мартышколюдей, которые считают нас, сапиенсов, недалеко ушедшими от маньяков-убийц — и не зря, не зря...

Я упал и, стоя на четвереньках, наблюдал, как завивается дымок между моими онемевшими пальцами. Забавная история. Прочтешь в подборке анекдотов на последней странице воскресной газеты — обхохочешься. Я вцепился в стену, заставляя краску пузыриться, вздел себя на ноги и сделал еще два шага к лестнице...

Бедный старый Баярд, то есть я. Как бы он удивился, если бы вошел в маленькую комнатку там, внизу, и столкнулся с одним-единственным перепуганным, обожженным, исполненным жажды убийства хагруном — жалким ошметком столь тщательно подготовленного десанта, затерявшегося по пути к месту назначения, потому что его руководители проморгали пару мелких факторов. Хагруны, вообразившие себя крутыми парнями. Ха! Они не знали, что такое настоящая кровожадность, пока не наткнулись на старого доброго простака гомо сапиенса. Бедные глупые чудовища, у них не было ни единого шанса...

Новое падение, полный рот крови. Наверное, в этот раз приложился основательнее, всем лицом. Может, и хорошо. Помогает прояснить мозги. Куда я шел? Ах да. Надо предупредить бедного старого Б. Нельзя позволить бедняге наткнуться, ничего не подозревая... Надо попасть туда первым... Еще есть жук-пистолет... прикончить это пугало...

Я смутно сознавал сопротивление двери, к которой прислонился. Затем она широко распахнулась, и дальше я падал, кувыркаясь и подскакивая на ступеньках медленно и легко, словно пуховая подушка... Финальный удар о шершавый, ледяной пол, тяжесть и боль...

Да, долгое путешествие. Снова подниматься, чувствовать, как холод ползет вверх по ногам, будто медленный яд... Облако бурого газа, распространяющееся по городу. Надо их предупредить, сказать им...

Но они не верят. Дураки. Не верят. Боже, как больно! А длинный темный коридор тянется вдаль, и свет усиливается и слабеет, снова усиливается...

Вон он! Боже, какое чудовище. Бедное раненое чудовище скорчилось в углу, раскачиваясь и подвывая. Сам это на себя навлек, распыляющий газ ублюдок медвежьей шкуры и резиновой перчатки! Видит меня, с трудом встает. Вы только посмотрите на эти зубы! Старина Дзок рядом с таким выглядит просто травоядным. Идет на меня. Выхватить оружие, почувствовать, как оно шлепается в ладонь, удержать, нажать...

Пистолет выпадает из руки, скользит по полу, а я пытаюсь его ухватить, но руки словно обрубки... Надо мной нависает громадная тень...

К черту пистолет. Все равно не смогу нажать спусковую кнопку. Скорость — вот все, что у тебя осталось, парень. Ударь его снизу, пусть его вес сделает остальную работу за тебя, используй силу противника против него, дзюдо всего за пять легких уроков, занятия начинаются по понедельникам...

Удар как от потерявшего управление грузовика с полной пивной цистерной в кузове. Я заскользил по полу и даже сквозь костюм расслышал тошнотворный хруст, когда массивный череп хагруна врезался в угол стального ящика, и тяжеловесный глухой стук, когда красавец рухнул на пол. Я снова очутился на четвереньках, не чувствуя больше пола, не чувствуя ничего... только бы встать еще раз и убедиться...

Опираясь на кстати подвернувшуюся большую коробку рядом, я поднялся, сделал три неверных шага и склонил-

ся над ним. Пятно крови, тонкий ручеек жидкости из зияющей раны над ухом и черно-красные брызги внутри шлема. Ладно, господин хагрун. Вы неплохо сражались, но тот нижний блок и леди Удача оказались вам не по зубам, и теперь...

От двери донесся шум. Там стоял человек, смутно различимый в неверном свете угасающего сознания. Я подался вперед, вглядываясь, со странным ощущением дежа-вю...

Он двинулся ко мне, как в замедленном кино. Я моргнул, провел ладонью по запотевшему забралу. В следующее мгновение он уже был в воздухе, протянув ко мне руки в затяжном прыжке. Я попятился, вскинув ладонь в тщетной надежде отвратить неведомую, невыразимо страшную судьбу...

От его руки к моей с треском метнулись длинные розовые искры, а он повис, словно ныряльщик в толще воды. Воздух вокруг шипел, как жир на сковородке, и на одно невероятное мгновение я разглядел лицо перед собой...

Затем мир без единого звука взорвался ослепительной белизной и швырнул меня в небытие.

16

Постель была чудесная — широкая, прохладная, чистая,— и сон тоже был чудесный. Лицо Барбры, прекрасное, словно мечта художника, обрамленное темно-рыжими локонами в вихре шелкового света. Сразу за розовым видением толпились темные мысли, громко требуя, чтоб их вытащили на свет и осознали, но я не собирался ловиться на эту удочку. Нет, господа, хватит с меня и старого доброго сновидения, если только оно не ускользнет и не оставит меня наедине с воспоминаниями о мрачных фигурах в загаженных туннелях и с болью утраты, тошнотой поражения и умирающей надежды...

Видение наклонилось ближе. В дымчато-серых глазах стояли слезы, но губы улыбались, и вот они прижались к

моим, и я целовал теплый мягкий рот — настоящие губы, а не приснившиеся, которые всегда ускользают. Я поднял руку весом с наковальню, и в поле зрения вплыл толстенный сверток из белых бинтов.

— Барбра! — произнес я и услышал свое сиплое карканье.

— Манфред! Он очнулся! Он узнает меня!

— Э-э, человек должен быть очень плох, чтобы не узнать вас, дорогая,— донесся спокойный голос.

Появилось новое лицо, не такое красивое, как первое, но все равно славное. Барон фон Рихтгофен улыбался мне одновременно озабоченно и радостно.

— Бриан! Бриан! Что случилось? — Прохладные пальцы Барбры коснулись моего лица.— Когда ты не вернулся домой, я позвонила в штаб, и Манфред сказал мне, что ты ушел, а потом они обыскали здание и нашли горелые следы...

— Наверное, лучше не давить на него сейчас,— шепнул Манфред.

— Нет, конечно нет.— На лицо мне упала горячая слеза. Барбра улыбнулась и вытерла ее.— Но теперь ты в безопасности, а все остальное не имеет значения. Отдыхай, Бриан. Подумаешь об этом потом...

Я попытался заговорить, сказать ей, мол, все в порядке, не уходи...

Но видение растаяло, и сон накрыл меня теплой волной ароматной пены. Я сдался и утонул в ее зеленых глубинах.

В следующий раз я проснулся голодным как волк. Барбра сидела у моей постели, глядя в окно на дерево в полном весеннем уборе, золотисто-зеленое в лучах послеполуденного солнца. Я немного полежал, глядя на нее, восхищаясь линией скулы, изгибом шеи, длинными темными ресницами...

Она обернулась, и улыбка, словно выглянувшее после весеннего дождя солнце, согрела меня до самых забинтованных пяток.

— Я уже в норме,— произнес я. На сей раз голос прозвучал хрипло, но узнаваемо.

Последовала долгая блаженная пауза, исполненная прошептанной милой чепухи и стольких легких как пух поцелуев, сколько мы успели в нее уместить. Затем вошли Манфред с Германом и Люк, и общение приняло более жесткий и деловой оборот.

— Скажи мне, Бриан,— притворно суровым тоном осведомился Манфред,— как тебе удалось покинуть мой кабинет, исчезнуть на полчаса и тут же объявиться в обмороке рядом с какой-то полуобезьяной и при этом одетым, как бродяга с какого-то маскарада, в разнообразные любопытные костюмы, с трехдневной щетиной, с двадцатью семью свежими и поджившими порезами, ссадинами и синяками, не говоря уже об ожогах второй степени, обморожениях и сломанном зубе?

— Какой сегодня день? — спросил я в ответ.

Он мне сказал. Я пробыл без сознания сорок восемь часов. С момента намеченного вторжения прошло уже двое суток, а хагруны так и не появились.

— Послушайте,— произнес я.— То, что я собираюсь вам поведать, сложновато для восприятия, но ввиду трупа, который вы обнаружили рядом со мной, я ожидаю, что вы приложите максимум усилий...

— Поистине странное существо, Бриан,— перебил меня Герман.— Полагаю, оно на тебя напало, отсюда и некоторые раны, но что до ожогов...

Я начал рассказ. Они слушали. Мне пришлось дважды остановиться передохнуть и один раз, чтобы съесть миску куриного бульона, но я не упустил ничего.

— Вот и все,— заключил я.— А теперь давайте скажите мне, что все это мне приснилось. Но не забудьте объяснить, откуда взялся дохлый хагрун.

— Твоя история невероятна, смехотворна, фантастична, безумна и явно порождена расстроенным мозгом,— покачал головой Герман.— И я верю каждому слову. Мои техники докладывали мне о странных показаниях на приборах сетевого наблюдения. Рассказанное тобой совпадает с их данными. А подробности твоих манипуляций с перенастройкой портала для переноса армии захватчиков на

несколько недель в будущее я нахожу особенно интересными...

— Понятия не имею, как далеко я их закинул,— признался я.— Просто позаботьтесь, чтобы, когда они явятся, внизу их приветствовала группа встречающих.

Герман откашлялся.

— Я как раз собирался к этому перейти. Ты сам сетовал на нехватку у тебя квалификации для перенастройки сложных МК-приборов — и, кстати, я бесконечно восхищен костюмом, который ты привез домой из своих странствий. Это чудо... Но я отвлекся.

Говоришь, ты настроил портал, чтобы передвинуть хагрун в будущее? Вместо этого, боюсь, ты переместил их в прошлое нашей линии ноль-ноль...

На мгновение повисла тишина.

— Не улавливаю,— напрягся я.— Ты хочешь сказать, что они уже на нас напали... скажем, месяц назад?

— Я пока затрудняюсь дать точные темпоральные координаты. Но очевидно, Бриан, они отправились назад, а не вперед...

— Не важно,— вклинилась Барбра.— Где бы они ни находились, в данный момент они не беспокоят нас благодаря твоей храбрости, мой герой!

Все засмеялись, а у меня вспыхнули уши. Вступил Манфред с комментариями относительно огненной фигуры.

— Должно быть, странное ощущение, друг мой, встретиться лицом к лицу с самим собой...

— Это напомнило мне кое о чем,— произнес я во внезапно наступившей тишине.— А где... э... другой я?

Все молчали. Затем Герман щелкнул пальцами.

— Думаю, я могу ответить тебе на этот вопрос! Это одна из интереснейших проблем в физике континуума... но, по-моему, можно принять за аксиому, что парадокс встречи индивидуума лицом к лицу с самим собой невыносим для ткани единовременной реальности. Следовательно, когда встреча происходит, кто-то должен уступить! В данном случае невыносимое энтропическое давление компенсировалось за счет перемещения одного из аспек-

тов данного единого эго на уровень, который ты назвал нулевым временем,— тот, где ты столкнулся с хагрунами и пустился в свое странное путешествие.

— Кстати, о твоем друге, Дзоке,— сказала Барбра.— Мы должны что-то сделать, Манфред, чтобы помочь его народу отразить нападение этих косматых чудищ. Мы можем послать войска...

— Боюсь, скрытый смысл того, что сказал Бриан относительно местоположения дискреционной машины, ускользнул от вас, дорогая,— ухмыльнулся Герман. В глазах его блеснул огонек свирепой радости.— При той тщательности, с которой он отмерил время этой операции, мне представляется, что хагрунский челнок с аппаратом разрушения на борту прибыл на хагрунскую мировую линию по расписанию — ровно в тот момент, когда таймер запустил его. Ксониджил нечего бояться нашествия хагрун. Наш Бриан аккуратненько стер их из списка активных угроз континуума.

— Дзок был прав,— печально произнес Манфред.— Мы действительно раса убийц. Но возможно, это закон природы, сотворившей нас...

— И мы должны помочь народам этих технологически отсталых А-линий,— сказала Барбра.— Бедная Оливия, мечтающая о более ярком мире и обреченная никогда его не увидеть, потому что мы эгоистично приберегаем его сокровища для себя...

— Я согласен, Барбра,— кивнул Манфред.— Пора внести в нашу политику кое-какие изменения. Но нести то, что мы считаем просвещением, в погрязший в невежестве мир — нелегкий труд. Что бы мы ни делали, обязательно найдутся те, кто выступит против нас. Например, этот Наполеон Пятый. Как он отнесется к предполагаемому статусу вассала нашего императора?

Барбра посмотрела на меня.

— Ты был наполовину влюблен в эту Оливию, Бриан,— сказала она,— но я тебя прощаю. Мне, конечно, хватит ума не приглашать ее пожить у нас в доме, но ты обязан устроить так, чтобы она сюда попала. Если она такая

красивая, как ты говоришь, от поклонников отбоя не будет...

— Она и в половину не так роскошна, как ты,— сказал я.— Но, думаю, это достойный жест с нашей стороны.

За дверями раздался топот, и в комнату, запыхавшись, вбежал молодой человек в белой куртке.

— Вам звонят, герр Геринг,— доложил он.— Телефон прямо по коридору.

Герман вышел, а мы продолжили беседу, задавая множество вопросов и получая кое-какие странные ответы.

— Между прочим,— заметил Манфред,— жаль, что эти хагруны так бесповоротно уничтожены твоими стараниями, Бриан. Новое племя людей, имеющее только отдаленное родство с нашим, но обладающее высоким интеллектом, технической культурой...

Герман вернулся, пощипывая себя за мочку уха и озадаченно моргая.

— Я только что говорил с сетевой лабораторией,— сообщил он.— Они вычислили пункт назначения злополучной армии хагрун, Бриан. Они отталкивались от коротких следов, зафиксированных нашими приборами за последние пять лет...

— Пять лет? — эхом откликнулись несколько голосов.

— С момента, когда мы установили новое, улучшенное сетевое оборудование,— пояснил Геринг,— имело место некоторое количество аномальных показаний, которые в прошлом мы были вынуждены принимать за нормальные, хотя и необъяснимые отклонения от расчетных цифр. Теперь, в свете заявлений Бриана, мы можем интерпретировать их по-другому.

— Да-да, Герман,— перебил его Манфред,— избавь нас от драматических пауз...

— В результате изменений, внесенных в настройки их портала нашим хитроумным Брианом, леди и джентльмены, хагруны, грубо говоря, оказались заброшены более чем на пятьдесят тысяч лет в прошлое!

Мгновение стояла потрясенная тишина. Затем я услышал собственный смех — эдакое безумное кудахтанье.

— Стало быть, они таки напали, только чуток поторопились. А при попытке вернуться... сгоряча сунулись на собственную А-линию, которую выдернули у них из-под ног...

— Думаю, последнего они не сделали,— возразил Герман.— Полагаю, наши красавчики благополучно достигли неолита да там и остались. Похоже, эти сотни ссыльных во времени приспособились к своему неожиданному откату на дотехнологический уровень, но без особого успеха. И, сдается мне, так и не утратили своей ненависти к безволосым гоминидам, которых обнаружили в этих холодных северных землях пятьдесят тысяч лет назад.

Нет, по-моему, они благополучно застряли в эпохе ледников и мамонтов, там они и сложили свои кости, которые наши современные археологи нашли и объявили неандертальскими...

Командировка в никуда

Пролог

Стояло раннее утро. Он восседал верхом на могучем боевом коне, устремив взор через поле к затянутым дымкой холмам, где ждал враг. Кольчужные доспехи давили на плечи, но он чувствовал и иную тяжесть — ощущение незавершенного дела, забытого долга, утраты того, что представляло для него немалую ценность.

— Туман рассеивается, милорд,— послышался рядом голос Трампингтона.— Пойдете в наступление?

Он посмотрел на ярко пылающее сквозь туман солнце, подумав о зеленых долинах родной земли, и его охватило предчувствие неминуемой смерти, ожидающей их на этом мрачном поле.

— Нет. Сегодня Балингор не покинет ножны,— наконец ответил он.

— Милорд... вы хорошо себя чувствуете? — озабоченно спросил молодой сквайр.

Коротко кивнув, он развернулся и поехал назад сквозь ряды молча смотревших на него вооруженных воинов.

1

В заведении Молли вовсю надрывался музыкальный автомат, оплакивая судьбу некоей падшей женщины, но никто его не слушал, если не считать нескольких старых сморчков, которые сидели на расшатанном крыльце под

© Перевод К. Плешкова.

желтыми фонарями, потягивая пиво и наслаждаясь доносившимся с залива прохладным ветерком. Был десятый час вечера, жара на пляже уже спала, и плеск накатывавшихся на песок волн казался тоскливым и отдаленным, словно воспоминания старика.

Я сел на табурет у стойки, и Молли поставила передо мной запечатанную бутылку вина.

— Знаешь, Джонни, сегодня опять та же история,— сказала она.— Я нашла блюдо, которое, могу поклясться, разбила в прошлом месяце, прямо в раковине, без единой щербинки. И виски совсем другое — я такого никогда не заказывала, и ни одной бутылки «Ред лэйбл», а ты ведь знаешь, свой товар я хорошо помню. Плюс три кочана капусты, которые еще вчера были свежими, сгнили прямо в холодильнике!

— Ну, значит, с твоим последним заказом что-то напутали, а овощи просто оказались не столь свежими, какими выглядели.

— Ну да, а поганки по углам? — спросила она.— Считаешь, это тоже нормально? Сомневаюсь, Джон Керлон! А как насчет этого?

Она достала из-под стойки тяжелый кубок из граненого стекла емкостью примерно в кварту, с круглым дном и на короткой ножке.

— Когда я пришла сегодня вечером, он красовался здесь. Эта штука стоит немалых денег. Как она сюда попала?

— Неожиданная покупка? — предположил я.

— Не издевайся, Джонни. Здесь творится что-то непонятное, и меня это пугает. Как будто мир уходит из-под ног! И не только тут. Я повсюду замечаю мелкие изменения, вроде деревьев, которые растут не там, где обычно, а в журнале не оказалось рассказа, который я читала, хотя я точно помню, что он там был!

Я погладил ее по руке, и она сжала мои пальцы.

— Джонни... скажи мне, что происходит? Что мне делать? Я ведь не схожу с ума?

— Ты абсолютно здорова, Молли. Кубок — скорее всего, подарок от какого-нибудь тайного воздыхателя. Все

мы зачастую о чем-то забываем, и наши воспоминания порой слегка отличаются от реальности. Вероятно, твой рассказ в каком-нибудь другом журнале, ты просто перепутала.

Я старался, чтобы мои слова звучали достаточно убедительно, но это не так-то легко, когда ты сам не вполне веришь собственным речам.

— Джонни, а как дела у тебя? — Молли продолжала держать меня за руку.— Ты уже говорил с ними?

— С кем? — спросил я.

Она пронзила меня испепеляющим взглядом, жгучим, словно солнце Ки-Уэста.

— Не притворяйся, будто не знаешь, о чем я! Сегодня еще один про тебя спрашивал — какой-то новый тип, я его никогда раньше не видела.

— Ах, эти... Нет, у меня пока не было времени...

— Джонни! Спустись с небес на землю! С этой компанией тебе не справиться. Они тебя в лепешку сомнут и под линолеум засунут, даже бугорка не останется.

— Молли, за меня не беспокойся...

— Ну да, конечно! Джонни Керлон, шесть футов три дюйма костей и мускулов, парень с пуленепробиваемой шкурой! Послушай, Джонни! Этот Джейкси — тип весьма неприятный, особенно с тех пор, как ему пришлось скреплять челюсть проволокой. Он из тебя котлету сделает...— Она не договорила.— Впрочем, думаю, ты и так все это знаешь. И вряд ли мои слова хоть что-то изменят.

Она отвернулась и сняла с полки бутылку «Реми Мартен».

— Как ты сказал, это всего лишь бокал. Так что можно воспользоваться и им.

Она налила бренди в кубок, и я поднял его, глядя на переливающуюся внутри янтарную жидкость. Бокал в моих ладонях казался холодным, гладким и тяжелым...

Сидя на троне, я посмотрел на узкое вероломное лицо человека, которого так любил, и увидел вспыхнувшую в его коварных глазах надежду.

— Милорд король,— начал он, ковыляя ко мне на коленях и волоча за собой цепи, в которые был закован.— Сам не знаю, что подвигло меня на столь глупый поступок. С моей стороны это было всего лишь сумасбродство, и ничего не значит...

— Ты уже трижды покушался на мой трон и корону! — воскликнул я так, чтобы слышал не только он, но и все те, кто мог возроптать против того, что неминуемо должно было свершиться.— Трижды я простил тебя, одарив своей милостью и рассчитывая на твою верность.

— Да снизойдет райская благодать на твое величество за его великое милосердие,— льстиво пробормотал он, и даже в это мгновение я видел алчность в его взгляде.— На сей раз клянусь...

— Не смей клясться, ты, клятвопреступник! — прервал я его.— Лучше подумай о собственной душе и не позорь ее в свои последние часы!

Наконец я увидел в его глазах страх, вытеснивший все остальные чувства, кроме жажды жизни. И я знал, что судьба его предрешена.

— Смилуйся, брат,— выдохнул он, протягивая ко мне скованные руки, словно к Богу.— Смилуйся, во имя памяти о прошлых радостях! Смилуйся, ради любви нашей матери, праведной леди Элеанор...

— Не оскверняй имя той, которая тебя любила! — крикнул я, с тяжелым сердцем вспоминая ее бледное лицо на смертном ложе и взятую с меня клятву всегда защищать того, кто стоял сейчас передо мной на коленях.

Он рыдал, когда его волокли прочь, рыдал и клялся в истинной верности и любви ко мне. А потом в собственных покоях, одурманенный вином, рыдал я сам, снова и снова слыша звук падающего топора.

Мне рассказали, что в самом конце он все же нашел в себе мужество подойти к плахе с высоко поднятой головой, как подобает сыну королей. И своими последними словами он простил меня.

О да, он простил меня...

Кто-то звал меня по имени. Моргнув, я увидел перед собой, словно в туманной дымке, лицо Молли.

— Джонни, что с тобой?

Я тряхнул головой, и галлюцинация исчезла.

— Не знаю,— сказал я.— Наверное, недоспал.

— Меня удивило твое лицо,— заметила она.— Когда ты взял бокал в руки и поднял его, ты стал... каким-то чужим.

— Возможно, он мне о чем-то напомнил.

— Похоже, с тобой тоже что-то творится, не так ли, Джонни?

— Возможно.

Я одним глотком выпил бренди.

— Сейчас тебе лучше всего было бы уйти,— тихо сказала она.— Сам знаешь.

— Всего, что хочешь, все равно не получишь,— ответил я.

Она посмотрела на меня и вздохнула.

— Я знала, что ты, как всегда, поступишь по-своему, Джонни.

Я продолжал ощущать ее взгляд, выходя через дверь-ширму на холодный вечерний воздух.

С залива накатился густой туман, и вдоль пирса горели большие ртутные фонари, словно мост, ведущий в никуда. В конце его покачивалась во мгле моя лодка — сорокафутовая красавица, за которую я уже почти выплатил всю сумму. Она низко сидела на воде с полностью заправленными четырьмя стогаллоновыми баками. Под палубой находились два мощных двигателя «крайслер-480», старые, но в отличном состоянии — я сам их отремонтировал. С их помощью я всегда мог попасть туда, куда мне было нужно, и вернуться назад.

Когда я прошел мимо ящика для инструментов возле мачты, из тени выступили двое, преградив мне дорогу. Одного из них, рослого и с приплюснутым носом, звали Джейкси. Другой — коротышка с лисьей мордочкой в деловом костюме. Отбросив сигарету, он поправил узел галстука и встряхнул манжетами, словно карточный шулер, готовящийся перетасовать колоду.

— Это мистер Рената, Керлон,— сказал Джейкси. Когда-то его хорошо стукнули в горло, и теперь его голос напоминал хриплый шепот.— Он специально приехал из Палм Бич, чтобы поговорить с тобой.

— Рад познакомиться, мистер Керлон.

Человечек с лисьей мордочкой протянул длинную узкую ладошку, похожую на обезьянью. Я даже не взглянул на нее.

— Я ведь говорил, чтобы ты не болтался без спросу на моей лодке,— сказал я.

— Не груби, Керлон,— проворчал Джейкси.— Мистер Рената — важная персона, он проделал немалый путь...

— Общество защиты рыболовов — очень важная организация, приятель,— подал голос Рената.— Вступив в него, можно избежать кучи проблем.

— С чего вы взяли, будто я хочу избежать проблем?

Он кивнул, словно я сказал нечто вполне разумное.

— Знаешь что, Керлон,— бросил он,— в знак нашей доброй воли мы скостим три сотни вступительного взноса.

— Прочь с дороги,— сказал я, направляясь мимо него.

— Погоди минуту, сморчок,— прорычал Джейкси.— Болванам вроде тебя не пристало так разговаривать с мистером Ренатой.

Я посмотрел туда, куда он на мгновение бросил взгляд, и увидел остановившийся на другой стороне улицы автомобиль. Из него вышли двое и облокотились о переднее крыло, сложив на груди руки.

— Нужно идти в ногу со временем, Керлон,— сказал Рената, показывая явно нуждавшиеся в ремонте зубы.— В наши дни у одиночки нет никаких шансов. Слишком серьезная конкуренция.— Он достал из внутреннего кармана какие-то бумаги и протянул мне.— Подпиши, приятель. Будет весьма умно с твоей стороны.

Взяв бумаги, я разорвал их пополам и отшвырнул в сторону.

— Что-нибудь еще, прежде чем вы уйдете? — спросил я.

Лицо его приобрело неприятное выражение, но он выставил руку, удерживая Джейкси позади.

— Очень плохо, Керлон. Очень.

Достав носовой платок, он взмахнул им, и в то же мгновение, быстро шагнув вперед, я ударил Джейкси слева в челюсть, прежде чем тот успел поднять руку с зажатой в ней дубинкой. Дубинка полетела в сторону, а Джейкси, сделав два неверных шага назад, перевалился через борт и рухнул в воду, подняв тучу брызг. Я встряхнул Ренату за плечи, и из его кармана выпал маленький пистолет; нагнувшись за ним, он наткнулся прямо на носок моего ботинка и опрокинулся на спину, выплевывая кровь и мяукая, словно мокрый котенок. Двое уже бежали от машины к нам. Схватив пистолет, я начал было говорить Ренате, чтобы тот отозвал их, но тут мелькнула вспышка, раздался щелчок глушителя и мимо моего правого уха просвистела пуля. Я дважды выстрелил от бедра: один споткнулся и упал, а второй рухнул на доски. Схватив Ренату за воротник, я поднял его на ноги.

— Еще выстрел, и ты труп,— сказал я.

Он попытался брыкаться и укусить меня за руку, затем визгливо выкрикнул приказ.

— Эта сволочь подстрелила Джимми,— послышался ответный крик.

Рената что-то снова крикнул, и один из стрелков медленно поднялся на ноги.

— Джимми тоже,— сказал я.

Рената передал мои слова.

Стоявший попытался поднять своего напарника, но не сумел, и в конце концов ему пришлось волочить его за пальто. Через минуту или две я услышал, как заработал двигатель машины, и она скрылась в тумане.

— Ладно, а теперь отпусти меня,— сказал Рената.

— Конечно,— ответил я и, оттолкнув его от себя, с размаху ударил в живот, а когда он согнулся, со всей силы приложил ему в подбородок.

Оставив его на пристани, я завел двигатель лодки и перерезал старым ножом кормовой конец. Две минуты спустя я вышел в канал, направляясь в сторону фарватера. Береговые огни таяли в тумане, маскировавшем упадок

и нищету, оставляя на виду лишь магию ночной гавани. И еще — запах разложения, который невозможно было скрыть.

Я шел курсом на запад в течение пяти часов, затем выключил двигатель и около часа просто сидел на палубе, глядя на звезды и прислушиваясь, но никто меня не преследовал.

Бросив якорь, я спустился вниз и лег спать.

Когда перед самым рассветом я поднялся на палубу, низко над водой висел туман. У меня болело плечо, и эта боль вместе с ощущением вязкого тумана возле самого лица вдруг напомнила мне о блеске стали и развевающемся на ветру флаге и о большой лошади подо мной — что было весьма странно, поскольку мне ни разу в жизни не приходилось сидеть верхом.

Лодка неподвижно замерла на водной глади, и солнце, несмотря на туман, уже начало пригревать. Море и небо были пусты до самого горизонта, и казалось, будто Джейкси со своим боссом Ренатой принадлежат к какому-то другому миру. Направляясь на камбуз, чтобы приготовить яичницу с ветчиной, я заметил странную вещь — небольшие скопления чего-то похожего на грибы, росшие на досках из черного дерева и хромированных поручнях. Пинком выбросив их за борт, я потратил полчаса на отдраивание палубы и меди, вслушиваясь в царящую вокруг тишину. Затем, открыв люк, я проверил двигатели, подкрутив и смазав, где необходимо. Вернувшись на палубу, я обнаружил там незнакомца, стоявшего у поручней левого борта, который смотрел на меня сквозь прицел пистолета.

Он был одет в обтягивающую белую форму с золоченой бахромой на манжетах. Лицо его было худощавым и жестким, но не загорелым — явно городской житель. Предмет в его руке не походил ни на один из пистолетов, какие я когда-либо видел, но в его назначении не оставалось сомнений, а рука, направлявшая его мне в лицо, была тверда. Я посмотрел вокруг, но не обнаружил ни единого судна, даже резинового плота.

— Неплохо,— сказал я.— И как вам это удалось?

— Это нейрак — нервное оружие,— сухо ответил он.— Оно причиняет неописуемую боль. Делай в точности то, что я скажу, и мне не придется его применять.

Он показал мне на люк. Голос его звучал со странным акцентом, похожим на британский, но все же не совсем. Я шагнул назад, и он последовал за мной, держась на том же расстоянии.

— Слева от водяного коллектора находится вентиль топливного насоса,— сказал он тем же тоном, каким обычно просят передать сахар.— Открой его.

Я хотел было возразить, но пистолет говорил сам за себя. Спустившись вниз, я нашел вентиль и открыл его. Наружу хлынуло дизельное топливо, с тихим плеском ударяясь о воду у левого борта. Три сотни галлонов расползлись по неподвижной воде масляной пленкой.

— Открой передний кингстон,— сказал человек с пистолетом.

Он не отходил от меня, пока я поднимал крышку люка и открывал кингстон, впуская внутрь зеленую воду. Потом мы перешли на корму и открыли второй кингстон. Забурлила вода. Я видел через открытый люк машинного отделения, как она поднимается вокруг больших цилиндрических секций двигателя, затягивая с собой мелкий мусор, крутившийся на ее темной поверхности. За две минуты лодка почти полностью погрузилась кормой в воду, слегка накренившись на левый борт.

— Слишком уж обременительный способ для самоубийства,— заметил я.— Почему бы просто не прыгнуть за борт?

— Закрой кормовой кингстон,— сказал он.

Он стоял, прислонившись к кокпиту, хладнокровный и спокойный, словно техник, делающий свою работу. Мне было интересно, в чем могла бы заключаться эта работа, но я быстро прошел на корму и закрыл кингстон. Затем я проделал то же самое с носовым. К тому времени лодка погрузилась совсем низко, и ее планширы выступали из воды всего дюймов на шесть. В воздухе чувствовался густой запах топлива.

— Если поднимется ветер, мы потонем,— сказал я.— А поскольку топлива у нас нет, то нет и насосов...

— Ложись на палубу,— прервал он меня.

Я покачал головой.

— Я лучше постою.

— Как хочешь.

Он опустил дуло пистолета, и я напрягся, шире расставив ноги. Послышалось громкое гудение, и меня словно окатило жидким огнем, раздирающим плоть.

...Я лежал ничком на палубе, содрогаясь, словно только что ампутированная конечность. Подтянув под себя колени, я поднялся на ноги.

Человек в белой форме исчез. Я был один на лодке.

Я прошелся по ней от носа до кормы — вовсе не потому, что рассчитывал обнаружить его в ящике для наживки, просто ощущал необходимость хоть чем-то заняться, пытаясь осознать, что же, собственно, произошло. Покончив с этим, я прислонился к рубке, ожидая, пока пройдет тошнота. Место, куда я рассчитывал добраться, находилось примерно в шестидесяти милях к югу от Ки-Уэста и около сорока к северу от Кастильо-дель-Морро. Лодка держалась на плаву, по крайней мере до тех пор, пока ветер не усилился настолько, чтобы поднять заметную волну. Еды имелось в избытке, воды хватало на два дня — может быть, на три, если попытаться ее растянуть. Человек с пистолетом, прежде чем исчезнуть, покопался в моей радиостанции — я обнаружил, что в ней отсутствует лампа. Запасных у меня не было. Это означало, что единственный мой шанс — оставаться на плаву, пока рядом не появится кто-нибудь, кто бросит мне конец. С лодкой пришлось бы расстаться — но ее уже сейчас можно было считать потерянной, если только мне не удастся быстро ее спасти.

Впрочем, сделать я мало что мог — ручной насос в трюме находился на глубине двух футов под водой. Я потратил час на то, чтобы вытащить его на палубу, и еще час налегал на рукоятку, пока она не сломалась. Уровень воды, возможно, понизился на долю дюйма, а может быть, мне просто так казалось. Некоторое время я пытался вычерпывать воду ведром, подсчитывая в уме — шесть ведер в минуту, в ведре примерно три галлона, сколько потребуется, чтобы вычерпать десять тысяч галлонов? Единствен-

ный вывод, к которому я пришел,— что это будет длиться слишком долго. К полудню ветер начал усиливаться, а уровень воды понизился примерно на дюйм. Выловив из заполненного водой камбуза банку консервированной ветчины и бутылку пива, я сел на теневой стороне кокпита, глядя на собирающиеся вдалеке над стальной водой облака и представляя, будто сижу в прохладном полумраке бара Молли, рассказывая ей про таинственного человека в элегантном белом костюме, который направил на меня некое «нервное оружие», приказав мне слить горючее и затопить лодку, а потом исчез, пока я лежал на палубе...

Встав, я подошел к тому месту, где он стоял. Ничто не указывало на то, что он не был лишь иллюзией. Он прошел вместе со мной до носа, а потом снова до кормы, но не оставил ни единого следа. Я сам открыл топливный вентиль, сам затопил лодку. Правда, куда-то делась радиолампа, но, возможно, это тоже было делом моих рук, хотя я и не отдавал себе в этом отчета. Может быть, жаркое тропическое солнце вконец иссушило мои мозги, а выстрел из нейропистолета, последствия которого я ощущал до сих пор, являлся чем-то вроде приступа, какие бывают у людей, утративших связь с реальностью.

Но это были всего лишь мои мысли. Я не сомневался в том, что видел. Я прекрасно помнил его жесткое, сосредоточенное лицо, свет, отражавшийся от ствола пистолета, совершенно неуместную здесь безупречно чистую белую форму с голубыми эмалированными буквами ССН в петлицах. Взяв ведро, я вернулся к прерванной работе.

К заходу солнца поднялся сильный ветер, и через десять минут лодка набрала больше воды, чем я вычерпал за десять часов. Она медленно покачивалась на волнах, словно беременная морская корова. Ночью она затонет, и тогда я какое-то время смогу плыть, а потом...

Подобные мысли не предвещали ничего хорошего. Вытянувшись на крыше рубки, я закрыл глаза, вслушиваясь в негромкое поскрипывание лодки, тяжело осевшей в воде...

...и проснулся, на этот раз уже от нового звука. Вокруг царила кромешная тьма, луны не было. Я соскользнул на

палубу, и перехлестнувшая через планшир волна промочила мне ноги до колен.

Звук послышался снова, откуда-то спереди — глухой удар, словно на палубу упало что-то тяжелое. Нагнувшись, я достал из кокпита большой фонарь, который висел на стене рядом с картой, включил и направил луч в ту сторону.

— Керлон, погасите свет! — раздался голос из темноты.

Прижавшись к стене рубки, я провел лучом вдоль борта и, обнаружив чьи-то ноги, направил свет фонаря прямо ему в глаза. Это оказался не тот, который стрелял в меня из нейропистолета,— высокий, седоволосый, в аккуратном сером комбинезоне. В руках у него ничего не было.

— Погасите свет,— повторил он.— Быстро! Это очень важно!

Я выключил фонарь. Теперь силуэт незнакомца был едва различим.

— На объяснения нет времени,— сказал он.— Вы должны покинуть судно.

— Вряд ли вы прихватили с собой шлюпку?

Через борт перехлестнула еще одна волна. Лодка подо мной содрогнулась.

— Кое-что получше,— ответил он.— Но нам нужно торопиться. Идите вперед!

Я не ответил, поскольку уже направлялся к нему, пытаясь различить очертания его фигуры на фоне неба.

— Лодка быстро погружается,— сказал он.— Если вы на меня наброситесь, это ничего не изменит.

— В топливных и водяных баках пусто,— ответил я.— Возможно, она удержится на плаву.

Я преодолел еще ярд.

— У нас нет времени. Осталось лишь несколько секунд.

Он стоял на носу, вполоборота влево, глядя в темноту, словно там находилось нечто интересное, что ему очень не хотелось пропустить. Я посмотрел туда же, куда и он,— и увидел.

Примерно в ста ярдах от нас, в нескольких футах над водой парила квадратная платформа со стороной в десять футов, огражденная поручнями, в которых отражались блики от светящегося диска, установленного на стойке в ее середине. На платформе стояли двое, оба в белом: тот, который затопил мою лодку, и еще один, коротышка с большими ушами, чьего лица я не мог разглядеть.

— Куда спешить? — спросил я.— Я вижу человека, с которым мне очень хотелось бы побеседовать.

— Я не могу вас ни к чему принуждать,— ответил человек в сером.— Могу лишь сказать вам, что на этот раз все карты в их руках, и предлагаю вам шанс. Смотрите!

Он показал большим пальцем через плечо. Сперва я ничего не увидел, затем различил прямоугольник размером шесть на два фута, словно открытая дверь в комнату, где горела тусклая свеча.

— Я не могу допустить, чтобы меня схватили,— сказал человек в сером.— Следуйте за мной — если решили мне довериться.

Он повернулся, шагнул в висевшую в воздухе призрачную дверь и исчез.

Платформа быстро приближалась. На ее переднем краю стоял тот самый худощавый тип с нейропистолетом.

— Еще десять секунд,— сказал я в дыру в воздухе.

Вернувшись к рубке, я присел в доходившей мне до пояса воде, заполнявшей кокпит, и, пошарив по стене над бездействующим компасом, нашел кожаный пояс с ножнами и надел его. Снова вынырнув, я почувствовал, что лодка начала погружаться. Белая вода бурлила вокруг моей груди, почти вырывая поручни из рук. Светящаяся дверь все еще висела в воздухе в шести футах от меня. Я прыгнул вперед, чувствуя, будто в кожу вонзаются тысячи иголок, затем мои ноги коснулись пола, и я оказался в самом странном помещении из всех, какие когда-либо видел.

2

Пространство размером примерно восемь на десять футов окружали изогнутые белые стены, усеянные множеством экранов, циферблатов, приборных панелей, рычажков и кнопок, которых было намного больше, чем в кабине

военного самолета. Человек в сером сидел в одном из двух подогнанных по фигуре кресел перед рядами разноцветных лампочек. Бросив на меня быстрый взгляд, он нажал на кнопку. Послышалось тихое гудение, и я почувствовал, что мы куда-то движемся.

— Надеюсь, они нас не заметили,— отрывисто бросил он.— По крайней мере, их луч нас не засек. Но нам надо побыстрее отсюда убираться, прежде чем он запустит полномасштабное сканирование.

Он смотрел на маленький зеленоватый экран размером с бортовой радар, в то же время щелкая рычажками. По экрану сверху вниз двигалась прямая линия, совершая полный цикл каждые тридцать секунд. Ничего подобного я раньше не видел. Но я никогда прежде не видел и ничего подобного тому, что произошло в последние несколько минут.

— Кто — они? — спросил я.

Он окинул меня взглядом с ног до головы.

— Пока можете считать, что они — представители тех, кому вы, похоже, весьма не нравитесь.

Он щелкнул переключателем, и лампочки потускнели. На большом экране шесть на шесть футов появилось отчетливое изображение платформы, парившей футах в пятидесяти над покрытой рябью водой. Картинка была настолько четкой, что мне казалось, будто я смотрю в окно. Один из людей в белом обшаривал волны мощным голубоватым лучом. Моя лодка исчезла — на черной воде покачивались лишь остатки ее снаряжения.

— Вы прикончили одного из его агентов,— сказал человек в сером.— Вряд ли это ему очень понравится, но тут уж ничего не поделаешь. Подобрав вас, я оказался, можно так сказать, в весьма сложном положении.

Он посмотрел на меня, словно размышляя, стоит ли продолжать.

— После всего того, что уже произошло, я бы не стал так говорить,— ответил я.— Кто вы — ФБР? ЦРУ? Хотя вряд ли у них есть нечто подобное.— Я кивнул в сторону фантастической приборной панели.

— Моя фамилия Баярд,— сказал он.— Боюсь, пока вам придется принимать мои слова на веру, мистер Керлон.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я следил за ними.— Он кивнул на экран.— И многое узнал о вас.

— Почему вы меня подобрали?

— Скажем так: из любопытства.

— Если вы их преследовали, то как вам удалось оказаться здесь первым?

— Я экстраполировал их путь и опередил их. Мне повезло, я вовремя вас заметил.

— Как? Сейчас ночь, а у меня не было огней.

— Я воспользовался прибором, который реагирует на... определенные характеристики материи.

— Нельзя ли немного попроще, Баярд?

— Я вовсе не стремлюсь говорить загадками,— ответил он,— но есть определенные правила.

— Чьи правила?

— Этого я вам сказать не могу.

— Тогда я просто попрошу вас высадить меня за ближайшим углом, а потом отправлюсь домой и выпью пару рюмочек, как будто ничего не случилось. К завтрашнему дню все это покажется глупостью — если не считать лодки.

Он уставился на экран.

— Нет, так, само собой, не выйдет.— Он пристально посмотрел на меня.— Вы уверены, что ничего не скрываете? Ничего такого, что могло бы пролить свет на происшедшее?

— Это вы говорите загадками, не я. Я всего лишь рыбак — или был им до сегодняшнего дня.

— Не просто рыбак. Рыбак по имени Ричард Генри Джеффри Эдвард Керлон.

— Не думал, что кто-то во всем мире знает о моих трех средних именах.

— Он — знает. Он также знает нечто такое, из-за чего вас сочли достаточно важной персоной, чтобы ради вас организовать полномасштабную операцию в Сети. И мне хотелось бы знать, что именно.

— Вероятно, меня с кем-то спутали. Во мне нет ничего такого, что могло бы заинтересовать кого бы то ни было — разве что спеца по хроническим неудачникам.

Баярд нахмурился.

— Вы не возражаете, если я подвергну вас нескольким тестам? Это займет всего лишь пару минут, и никаких неприятных ощущений.

— Ну, хоть что-то новое,— сказал я.— Что за тесты, для чего?

— Чтобы выяснить, что же такое в вас их интересует.— Он кивнул на экран.— Результаты я вам сообщу, если они вообще будут.

Он достал какой-то прибор и провел им вдоль моего тела, словно фотограф, проверяющий уровень освещенности.

— Если бы это не звучало столь банально,— сказал он,— я бы назвал подобные результаты невероятными.— Он показал на зеленую стрелку, которая покачивалась над светящимся циферблатом, словно компас на Северном полюсе.— Судя по ним, вы находитесь в бесконечном множестве мест одновременно. А судя по вот этому,— он ткнул в циферблат поменьше со светящейся желтой стрелкой,— уровни энергии, сосредоточенной в вашей области, в сотни раз превышают нормальные.

— У вас провода перепутались,— предположил я.

— Видимо,— продолжал он размышлять вслух,— вы представляете собой средоточие того, что известно нам как силовое вероятностное поле. И если моя догадка верна — главное средоточие.

— И что это значит?

— Что от вас зависит очень многое, мистер Керлон. Что именно и каким образом, мне неизвестно. Но происходят некие странные события, и вы находитесь в самом их центре. Любой ваш поступок может оказать существенное влияние на будущее этого мира — и не только этого.

— Помедленнее, пожалуйста,— сказал я.— Давайте поближе к реальности.

— Реальность далеко не одна, мистер Керлон,— бесстрастно ответил Баярд.

— Кто вы такой, вы сказали? — спросил я.

— Баярд. Полковник Бриан Баярд из Имперской разведки.

— Гм... разведки? И к тому же Имперской? Звучит несколько старомодно — если только вы не работаете на Хайле Силассие*.

— Империум — *великая сила*, мистер Керлон. Но прошу вас поверить мне: мое правительство не враждует с вашим.

— В наше время это уже немало. Как это у вас получается говорить по-английски без акцента?

— Я родился в Огайо. Но давайте пока оставим эту тему. Я выиграл немного времени, выдернув вас прямо у него из-под носа, но он не намерен сдаваться. И в его распоряжении имеются немалые ресурсы.

Мне все еще казалось, будто он разговаривает сам с собой.

— Ладно, вы выиграли время,— кивнул я.— И что вы собираетесь делать?

Баярд показал на циферблат со слегка подрагивавшей тонкой красной стрелкой.

— Этот прибор способен отслеживать абстрактные отношения высокого порядка между любыми объектами. Для любой заданной точки в будущем он отмечает местоположение артефактов, непосредственно с ней связанных. В данный момент он указывает на некий отдаленный источник, находящийся к востоку от того места, где мы сейчас.

— Наука, мистер Баярд? Или колдовство?

— Чем шире распространяет свое влияние наука, тем больше она вторгается в область, некогда известную как оккультизм. Но в конечном счете оккультизм означает попросту непознанное.

— И какое все это имеет отношение ко мне?

---

* Эфиопский принц Рас Тафари Маконнен, принявший по восшествии на престол имя Хайле Силассие I, является центральной фигурой религии растафари. Правил с 1930-го по 1974 г.

— Прибор настроен на вас, мистер Керлон. Если мы последуем его указаниям, он может привести нас к ответу на ваши вопросы. И на мои тоже.

— А когда мы окажемся там, что тогда?

— Зависит от того, что мы найдем.

— Не слишком-то вы разговорчивы, полковник, как я погляжу,— сказал я.— У меня сегодня был тяжелый день. Спасибо, что подобрали меня с лодки, прежде чем она затонула. Также, полагаю, мне следует вас поблагодарить и за спасение от очередного заряда из нейропистолета. Но игра в вопросы и ответы, честно говоря, начинает меня утомлять.

— Давайте все же попытаемся понять друг друга, мистер Керлон,— сказал Баярд.— Если бы я мог объяснить, вам все стало бы ясно, но, к сожалению, есть вещи, о которых я просто не имею права вам говорить.

— Мы ходим кругами, полковник. Полагаю, вы и сами это понимаете.

— Круг сужается, мистер Керлон. Надеюсь, что это не петля, которая всех нас задушит.

— Не слишком ли драматично, полковник? Вас послушать, так скоро наступит конец света.

Баярд кивнул, не отводя от меня взгляда. В разноцветных отблесках приборной панели четко выделялись морщины на его напряженном лице.

— Именно так, мистер Керлон,— ответил он.

Взошла луна, прочертив на воде серебристую дорожку. Мы миновали Бермуды и увидели далекие огни Азорских островов. Прошло еще два часа, прежде чем вдали появилось побережье Франции.

— Судя по показаниям датчиков,— сказал Баярд,— мы находимся в нескольких милях от предмета наших поисков.

Он повернул рычаг, и освещенный луной берег бесшумным плавным движением провалился вниз. Мы поднялись на несколько сотен футов над полями, пронеслись над черепичными крышами небольшой деревни и полетели вдоль

узкой дороги, извивавшейся среди лесистых холмов. Далеко впереди на фоне черной земли блеснула широкая река.

— Сена,— сказал Баярд, глядя на подсвеченную карту, развернувшуюся на небольшом экране перед ним, с красной точкой в центре, отмечавшей наше положение.— Похоже, мы совсем близко.

В самом широком месте реки виднелся высокий, покрытый деревьями остров.

— Вам ничего не кажется здесь знакомым? — спросил Баярд.— Не бывали тут раньше?

— Нет. Впрочем, ничего особенного. Река и остров.

— Не просто остров, мистер Керлон,— сказал Баярд.— Взгляните внимательнее.

Казалось, он с трудом пытается скрыть волнение.

— Там какое-то сооружение,— сказал я. Теперь я мог хорошо его различить: массивное каменное строение, увенчанное зубчатыми башнями.

— Достаточно знаменитое — оно известно под названием Шато-Гайяр,— сказал Баярд и посмотрел на меня.— Вам это ничего не говорит?

— Кое-что слышал. Довольно старое, не так ли?

— Лет восемьсот.

Пока мы разговаривали, наш летательный аппарат пересекал реку, направляясь к каменным стенам и башням крепости. Баярд тронул несколько рычажков, и мы остановились, повиснув в воздухе футах в пятидесяти от поросшей плющом высокой стены; камень в промежутках между темными листьями казался столь же древним, как и скалы внизу.

— Мы в пятистах футах от центра резонанса,— сказал Баярд.— Он находится где-то под нами.

Стена перед нами скользнула вверх — мы начали быстро опускаться. Между выветрившимися опорами, цеплявшимися за камни, словно когти, виднелись узкие бойницы. У подножия стены мы остановились.

— Наша цель находится примерно в двенадцати футах под этой точкой и приблизительно в шестнадцати футах к северо-северо-востоку,— сказал Баярд.

— То есть она где-то внутри фундамента,— заметил я.— Похоже, нам не повезло.

— Сейчас вам вновь предстоит испытать необычные ощущения, мистер Керлон,— сказал Баярд.— Сохраняйте самообладание.

Он щелкнул переключателем. Изображение на экране сменилось голубоватым свечением цвета газового пламени, напоминающим сплошную стену. Баярд повернул ручку, и призрачная стена скользнула вверх. Неровная линия поверхности ушла наверх, словно поднимающаяся над перископом вода, и экран стал полностью голубым, с отчетливо видимыми наклонными линиями слоев. Я заметил несколько камней, напоминавших плавающие в аквариуме капли синего желатина, какие-то узловатые, бледные и прозрачные корни, глиняные черепки. Экран потемнел, став почти сплошь синим.

— Мы находимся в толще камня,— спокойно произнес Баярд, словно показывая на дома кинозвезд.

Мы остановились, и я почувствовал, как на меня давят несколько миллионов тонн планеты, от которых меня отделяла лишь тонкая оболочка корпуса.

— Неплохая у вас машина,— пробормотал я.— Что она еще умеет?

Баярд едва заметно улыбнулся и коснулся нескольких кнопок. Каменная текстура вокруг нас закружилась, словно мутная вода, сквозь которую сочился тусклый свет. Мы продвинулись вперед футов на десять и, пройдя сквозь стену, оказались в небольшой комнате с каменными стенами и полом, без окон, покрытой толстым слоем пыли. После путешествия сквозь камень казалось, будто там почти светло — можно было даже различить некоторые предметы обстановки: потрепанные лохмотья сгнившего гобелена на стене, грубо сколоченную деревянную скамью из неструганых досок, несколько железных тарелок и кружек, украшенных разноцветными камешками, какие-то безвкусные украшения, куски ржавого железа.

— Возможно, мы кое-что нашли, мистер Керлон,— сказал Баярд, и на этот раз голос его звучал уже не столь спокойно.— Выйдем посмотрим?

Баярд повозился со своими приборами, и тихое гудение, о котором я уже успел забыть, смолкло, а изображение на экране исчезло, словно кто-то выключил проектор. Он щелкнул еще одним переключателем, и тусклые стены залил резкий белый свет, отбрасывая черные тени по углам. Панель отошла назад, и я вышел наружу следом за ним. Под ногами стлался мягкий ковер из пыли, и в воздухе чувствовался запах древности, похожий на аромат заплесневелых книг из забытой библиотеки.

— Старая кладовая,— приглушенно сказал Баярд, словно стоя возле потревоженной могилы.— Замурованная много столетий назад.

— Неплохо было бы тут подмести,— заметил я.

— Ткань, дерево и кожа сгнили, если не считать достаточно крупных предметов. А большая часть металла превратилась в ржавчину.

Я пошевелил ногой ржавую груду на полу, и от нее отвалился кусок размером с блюдце. Баярд опустился на одно колено и приподнял искривленный кусок металла.

— Это женуйер,— сказал он.— Наколенник, часть кольчужных доспехов.

В руке он держал прибор, похожий на счетчик Гейгера, с наконечником на кабеле, которым он водил по помещению.

— Здесь действуют невероятные силы,— сказал он.— Датчик напряжения Сети почти зашкаливает.

— И что это значит?

— Ткань реальности натянута до предела, словно в континууме имеет место нарушение непрерывности, разрыв в энтропической последовательности. Подобные силы просто не могут существовать, мистер Керлон, по крайней мере достаточно долгое время, и их необходимо нейтрализовать.

Он что-то переключил на своем приборе и, повернувшись, направил его на меня.

— Похоже, вы являетесь фокусом сильно поляризованного потока энергии,— сказал он. Подойдя ближе, он направил прибор мне в лицо, провел им вдоль груди и оста-

новился возле моего левого бедра.— У вас там нож. Можно взглянуть?

Я достал нож и протянул ему. Ничего особенного: широкое толстое лезвие около фута длиной, довольно грубо заточенное, с нешироким упором и длинной, обмотанной кожей рукояткой. Не самый лучший нож в мире для чистки рыбы, но я пользовался им уже давно. Баярд направил на него прибор и недоверчиво посмотрел на меня.

— Откуда он у вас, мистер Керлон?

— Нашел.

— Где?

— В сундуке в подвале, много лет назад.

— В чьем сундуке? В чьем подвале? Подумайте как следует, мистер Керлон. Это может быть очень важно.

— В подвале моего деда, на следующий день после его смерти. Сундук хранился в нашей семье в течение долгого времени и якобы принадлежал одному из наших предков-моряков в начале девятнадцатого века. Я копался в нем и нашел нож, который оставил себе. Не знаю почему. Сам по себе он не представляет ничего особенного, но хорошо ложится мне в руку.

Баярд пристально взглянул на лезвие.

— Там есть буквы,— сказал он.— Похоже на старофранцузский: «Dieu et mon droit»*.

— Мы ведь проделали столь долгий путь не затем, чтобы изучать мой нож,— заметил я.

— Почему вы продолжаете называть его ножом? — спросил Баярд.— Мы оба знаем, что это не так.— Он взялся за рукоятку клинка и взвесил его в руке.— Для ножа он слишком массивен и чересчур неуклюж.

— И что же это?

— Это сломанный меч, мистер Керлон. Разве вы не знали? — Он подал мне клинок рукояткой вперед и посмотрел на свой прибор.— Стоило вам взять его в руку, и показания снова зашкаливает,— произнес он голосом, натянутым, словно буксирный трос.

* «Dieu et mon droit» *(фр.)* — «Бог и мое право», девиз английской короны со времен Генриха V (1413–1422).

Я ощутил легкое покалывание, исходящее от рукоятки. Казалось, будто чьи-то невидимые пальцы тянут за нее, увлекая за собой. Баярд наблюдал за моим лицом. Я почувствовал, как вдоль левой брови стекает струйка пота. Зашевелились волосы на затылке, о существовании которых я даже не подозревал. Я сделал шаг, и тяга стала сильнее. По куску ржавого железа на скамье пробежала яркая голубая искра, словно разряд статического электричества. Еще шаг, и острие ножа окуталось легким голубоватым сиянием. Краем глаза я заметил, что все окружающие предметы слабо светятся в полумраке. Со скамьи взлетело облачко пыли, что-то на ней пошевелилось, повернулось на несколько дюймов, затем замерло. Я шагнул в сторону, и оно снова повернулось, следуя за мной.

Баярд смахнул пальцем пыль и поднял изъеденный ржавчиной кусок стали размером примерно три на шесть дюймов, с фасками вдоль обоих краев, с канавкой посередине.

— Просто кусок старого железа,— сказал я.— Почему он движется?

— Если я не ошибаюсь, мистер Керлон,— ответил Баярд,— это обломок вашего меча.

3

— Я не верю в магию, полковник,— сказал я.

— Это не магия, мистер Керлон,— ответил Баярд.— Между любыми предметами, между людьми и неодушевленными объектами существует едва уловимая взаимосвязь, которая играет некую роль в их жизни.

— Это всего лишь старая железка, Баярд. И ничего больше.

— Предметы являются неотъемлемой частью своего окружения,— бесстрастно продолжал Баярд.— Каждый квант вещества-энергии в этой вселенной существовал со времен начала всех начал. Атомы, из которых состоит этот клинок, возникли еще до того, как возникло солнце, они уже были здесь, в толще камня, когда в морях зародилась

первая жизнь. Затем из камня добыли руду, выплавили металл, выковали меч. Но само по себе это вещество всегда являлось частью неизменного целого, представляющего собой материальную сторону реальности. Между частицами конкретной мировой линии существуют сложные внутренние взаимосвязи, на которые влияет то, как используется заключенная в них материя. Точно такая же взаимосвязь существует между вами и этим древним оружием.

Теперь Баярд улыбался — хищной ухмылкой старого серого волка, почуявшего кровь.

— Похоже, я начинаю понимать, что к чему: сперва вы, с вашей рыжей гривой и характерным телосложением, потом — это. Да, кажется, я начинаю догадываться, кто вы такой, мистер Керлон.

— И кто же я?

Баярд обвел рукой комнату и массивное сооружение над ней.

— Этот замок был построен в тысяча сто девяносто шестом году английским королем,— сказал он.— Его звали Ричард, известный также под прозвищем Львиное Сердце.

— Это вы про то, кем был он. А кто я?

— Вы его потомок, мистер Керлон. Последний из Плантагенетов.

Я громко рассмеялся.

— Полагаю, сейчас вы предложите мне подлинную, ручной работы реконструкцию фамильного герба, который можно поместить в рамку. Неплохое у вас чувство юмора, полковник. И даже если это правда, то с точки зрения статистики тридцать поколений спустя любая связь между ним и современным потомком пренебрежимо мала.

— Осторожнее, мистер Керлон, вы демонстрируете свою образованность,— мрачно усмехнулся Баярд.— Все, что вы говорите, совершенно верно. Однако человек — нечто большее, чем набор статистических показателей. Есть связи и взаимоотношения, мистер Керлон, которые простираются намного шире того, что описывали Мендель и Дарвин. Рука прошлого до сих пор в состоянии изменить настоящее, и будущее...

— Понятно. Парень с нейропистолетом разыскивает меня, чтобы получить деньги, которые Ричард Первый задолжал своему портному...

— Послушайте меня, мистер Керлон. Смиритесь с тем фактом, что реальность намного сложнее, нежели те приближения, которые наука именует аксиомами физики. Любой человеческий поступок влечет за собой последствия, которые распространяются по всему безбрежному континууму и могут лежать далеко за пределами ваших нынешних познаний о вселенной. Для вас еще далеко не все кончено. Вы неизбежно вовлечены в этот процесс, хотите вы того или нет. У вас есть враги, мистер Керлон, враги, способные помешать любым вашим действиям. И я начинаю догадываться, что может быть тому причиной.

— Согласен, кто-то потопил мою лодку,— сказал я.— Но и только. Я не верю в глобальный заговор, направленный против моей персоны.

— Не будьте столь самонадеянны, мистер Керлон. Обнаружив, что в регионе ИП-три, как он официально именуется, предпринимаются некие действия, я заинтересовался этим вопросом. Некоторые из них имели место недавно, в последние несколько недель. Но другие относятся к периоду, отстоящему почти на тридцать лет назад.

— То есть кто-то преследует меня с тех пор, как мне исполнился год от роду? Не слишком-то логично, полковник.

— В том, что происходит, вообще мало логики, мистер Керлон. Среди прочих стоит отметить тот факт, что о существовании ИП-три штаб-квартире Разведки официально ничего не было известно, пока десять лет назад...— Он замолчал и раздраженно покачал головой.— Я понимаю, что все мной сказанное лишь приводит вас в еще большее замешательство...

— Замешательство — это еще слишком мягко сказано, полковник.

— Все, что происходит сейчас, имеет некий смысл, являясь частью некоей системы. И наша задача — выяснить, в чем состоит ее суть.

— Всего лишь на основании рыбацкого ножа и куска ржавого металла?

Я протянул руку, и он вложил в нее кусок железа. Верхний его конец был сломан, образуя нечто вроде широкой вилки. Я почувствовал, будто железо в моей руке пытается повернуться, принимая то же положение, что и вторая его часть.

— Если все это лишь игра моего воображения, мистер Керлон,— негромко проговорил Баярд,— то почему вы с трудом удерживаете два куска на расстоянии?

Я медленно приблизил обломок к острию ножа. Когда их разделяло лишь шесть дюймов, между ними проскочила длинная розовая искра. Притяжение усилилось. Я попытался удержать обломки, но тщетно. Они соприкоснулись... и разряд силой в миллион вольт залил помещение ослепительным светом.

Лучи вечернего солнца с трудом пробивались через затянутое облаками небо, и тени падали на землю и застывшие в презрительной гримасе лица тех, кто стоял передо мной, мелких людишек, намеревавшихся призвать короля к ответу. Вперед вышел один из них, в сверкающих одеждах, и демонстративно развернул свиток, зачитав требования, с помощью которых они предполагали ограничить мою королевскую власть.

Я позволил ему произнести его изменническую речь до конца, чтобы ее слышали все. А потом я дал свой ответ.

Из темного леса вокруг нас вышли мои отборные лучники и в зловещей тишине натянули тетивы. И сердце мое запело от радости, когда просвистели в воздухе их стрелы, оставляя свои отметины на груди предателей. На моих глазах расстались с жизнью все лживые бароны, а когда дело было сделано, я вышел из своего шатра и, посмотрев на их мертвые лица, растоптал ногой обрывок пергамента, который они именовали своей хартией.

Голоса и лица исчезли. Темные стены старой кладовой сомкнулись вокруг меня. Но мне показалось, будто прошли многие годы, и комната стала забытым воспоминанием о какой-то совсем далекой жизни, прожитой столетия назад.

— Что с вами? — прозвучал в тишине голос Баярда.

— Не... знаю,— услышал я свои собственные слова.— Как будто со мной случился припадок.

Я с усилием тряхнул головой, прогоняя остатки тумана. Баярд показывал на меня, вернее, на то, что я держал в руке.

— Боже мой, меч!

Я взглянул на лезвие... и почувствовал, будто время остановилось, а в висках застучало. Сломанный клинок, длина которого до этого составляла около фута, теперь удлинился в полтора раза. Два куска металла слились в единое целое.

— Шва не различить,— сказал Баярд.— Как будто две половинки никогда не разделялись.

Я провел пальцами по темному металлу. Цвет и следы ржавчины остались прежними.

— Что вы ощущали, когда это произошло? — спросил Баярд.

— Какие-то странные видения.

— Что за видения?

— Не слишком приятные.

Баярд перевел взгляд на стену позади меня.

— Изменился не только меч,— сдавленно проговорил он.— Смотрите!

Я посмотрел. На каменной стене, где до этого болтались лишь лохмотья, висел выцветший гобелен с тусклым грубым изображением охотников и собак — ничего выдающегося, если не считать, что еще пять минут назад его здесь не было.

— Взгляните на картину,— сказал Баярд.— Большая фигура в центре одета в горностаевую мантию, символ королевской власти. Вероятно, это сам Ричард.

Окинув взглядом комнату, он нагнулся и поднял наколенник. Металл потемнел от времени, но ржавчина на нем исчезла.

— То, что здесь произошло, повлияло на саму ткань континуума,— сказал Баярд.— Реальность изменилась после

того, как уменьшилась напряженность Сети. Здесь пребывают в состоянии неустойчивого равновесия фантастические силы, мистер Керлон. Достаточно легкого толчка, чтобы они качнулись в ту или другую сторону.— Он пристально посмотрел на меня.— Кто-то пытается нарушить это равновесие. Полагаю, следует принять за аксиому, что мы должны ему противостоять.

Едва он договорил, как со стороны челнока послышался звонок. Баярд бросился к панели и щелкнул несколькими переключателями.

— Поисковый луч! — бросил он.— Нас обнаружили! Видимо, зафиксировали выброс энергии.

Послышалось знакомое гудение, но на этот раз оно напоминало стон, словно машина работала с перегрузкой. Я почувствовал запах горящей изоляции, и из-под панели заструился дым.

— Слишком поздно,— сказал Баярд.— Он держит нас под подавляющим лучом, и мы не можем двинуться с места. Похоже, мы в ловушке!

Вокруг нас родился низкий мурлыкающий звук, и я почувствовал, как пол вибрирует у меня под ногами. Из щелей в стенах и с пола поднялись облачка пыли. С глухим звоном от скамьи отвалилось металлическое украшение.

— Он прямо над нами,— сказал Баярд.— В режиме полуфазы его аппарат не работает, и потому он воспользуется силовым зондом, чтобы пробиться сюда к нам.

— Ладно,— кивнул я.— Пусть. Двое против двоих. Все честно.

— Я не имею права рисковать,— ответил Баярд.— Дело не в вас или мне — дело в машине. Это уникальный экземпляр, специальная модель. И если то, что я начинаю подозревать, действительно правда, то она ни в коем случае не должна попасть в руки Ренаты. Иначе случится катастрофа.

— Ренаты? — Я уже собрался задать несколько вопросов, но Баярд снял с пальца кольцо и протянул мне.

— Это устройство управления модулем полуфазы. С его помощью вы сможете поддерживать машину в невидимом

состоянии, пока он не уйдет. Об этом вы узнаете, когда погаснет красная лампочка...

— А где будете вы?

— Встречусь с ним и постараюсь направить по ложному пути, подальше от вас. Если он догадается о том, что произошло, то сможет обнаружить челнок и захватить его.

— Я с вами, Баярд,— сказал я.— У меня свои счеты с мистером Ренатой.

— Нет. Сейчас не время для споров! Сделайте так, как я вас прошу, Керлон, или мы оба окажемся у него в руках!

Не дожидаясь ответа, он вышел из челнока, и вход захлопнулся за ним. На экране появилось его изображение.

— Давайте, мистер Керлон! — донесся через громкоговоритель его голос.— Иначе будет слишком поздно для нас обоих!

В стене, лицом к которой он стоял, уже начала появляться щель. Время для разговоров закончилось. Я нажал на вделанный в кольцо камень. Послышался негромкий щелчок, и я ощутил легкое покалывание.

Раздался тихий писк, который становился все выше, пока не перешел в ультразвук. Очертания фигуры Баярда приобрели голубой цвет и стали прозрачными, так же как и стена позади него. Для него челнок теперь был невидимым.

— Спасибо,— сказал он.

Голос его звучал подобно шепоту, но достаточно четко. Он повернулся лицом к стене, часть которой вспучилась и провалилась внутрь. Из образовавшегося отверстия ударил ослепительно яркий луч, и оттуда вышел Рената, тот самый человечек с лисьей мордой, которого я оставил лежать без чувств на пристани в Ки-Уэсте пару жизней назад. В этом не было никакого сомнения: те же самые пронзительные глаза, узкий подбородок, прилизанные черные волосы. Однако на этот раз на нем была щегольская белая форма, которую он носил с таким видом, будто в ней родился. Но больше всего меня обеспокоило его лицо, на котором не осталось ни следа от моего кулака, хотя

удар вышел весьма основательным. Он окинул взглядом помещение, затем посмотрел на Баярда и небрежно заметил:

— Похоже, вас занесло далеко от дома, полковник.— Голос его не имел ничего общего с горловым поскуливанием Ренаты.

— Примерно так же, как и вас, майор,— ответил Баярд.

— Что привело вас сюда, именно в это конкретное место? И как вы сюда проникли? Я не вижу никакого прохода снаружи, за исключением того, которым воспользовался я сам.

Баярд бросил взгляд на расколотую стену.

— Я бы сказал, что вы ведете себя достаточно грубо, майор, особенно учитывая, что здесь запретная зона. Вы действуете по чьему-то приказу или самостоятельно?

— Боюсь, что в данный момент на вопросы отвечать придется вам, полковник. Естественно, вы арестованы. Где вы оставили ваш челнок?

— Одолжил приятелю.

— Не стоит язвить, Баярд. Он полностью исчез с моих экранов меньше минуты назад — так же как и раньше в Мексиканском заливе. Похоже, в вашем распоряжении имеется оборудование, не известное Имперской разведке. Я вынужден попросить вас провести меня к нему.

— Ничем не могу помочь.

— Вы прекрасно понимаете, что при необходимости мне придется прибегнуть к силе. Я не могу позволить, чтобы человек по имени Керлон ускользнул из моих рук.

— Боюсь, это уже произошло.

Майор слегка повернул голову.

— Люжак! — позвал он.

Из дыры в стене появился еще один человек — тот самый, который стрелял в меня из нейропистолета. И сейчас он держал его в руке.

— Третий уровень,— произнес майор.

Люжак поднял пистолет и нажал кнопку на его боку. Баярд пошатнулся и согнулся пополам.

— Хватит,— бросил Рената.— Полковник, у вас весьма серьезные проблемы: отсутствие на службе без разрешения, вмешательство в официальную операцию Сети и так далее. Все ваши проступки будут должным образом рассмотрены и наказаны, но если вы пойдете на сотрудничество со мной, могу обещать, что попытаюсь облегчить вашу участь.

— Вы сами не знаете... что делаете,— выдавил Баярд, что было нелегко: я знал, каково ему сейчас.— Здесь задействованы... силы...

— Мне плевать, что тут задействовано,— огрызнулся майор.— Я не могу позволить, чтобы этот человек от меня ускользнул. Говорите, ну! Как вы это сделали? Где он прячется?

— Вы зря... теряете время,— сказал Баярд.— Вы прекрасно знаете, что вам меня не одолеть. Смиритесь с тем, что он улизнул от вас, майор. И что вы собираетесь делать дальше?

— Не будьте идиотом, Баярд! Вам известно, что Империум стоит перед лицом кризиса, и вы не хуже меня понимаете, что я действую по приказу некоего весьма высокопоставленного лица! Вы перечеркнете не только свою карьеру, но и свою жизнь, если попытаетесь мне противостоять! А теперь я требую объяснений, как вы оказались здесь, что вы намеревались совершить и куда вы дели человека, который мне нужен?

— Не сомневаюсь,— ответил Баярд.— Попробуйте от меня этого добиться.

— Дай я разберусь с этой свиньей,— проворчал Люжак, делая быстрый шаг вперед, но Рената жестом остановил его.

— Я забираю вас в Стокгольм ноль-ноль,— сказал он Баярду.— И обещаю: за то, что вы сделали сегодня, вас поставят к стенке!

Он надел на него наручники, и они вышли через дыру в стене. Полминуты спустя погасла упомянутая Баярдом лампочка, а это означало, что челнок Ренаты улетел. Я щелк-

нул переключателем, восстанавливавшим полную видимость, подождал, пока окружающие предметы вновь обретут цвет, а затем вышел и снова переключил машину в режим полуфазы. Она замерцала, словно мираж, и исчезла. В воздухе все еще кружилась оставшаяся от пролома в стене пыль. Когда она осела, я увидел, что щель плотно забита каменными обломками. Майор оказался достаточно предусмотрительным, чтобы закрыть проход за собой.

4

Мне потребовалось четыре часа, в течение которых я таскал острые обломки скалы, прежде чем, отодвинув последний камень, я смог высунуть голову за старую каменную стену, поднимавшуюся вверх над спутанными зарослями. Выбравшись наружу, я вдохнул свежий ночной воздух, пытаясь избавиться от ощущения, будто все это мне снится. Принцип Оккама подсказывал простейшее объяснение: я просто лежу в каком-нибудь тихом заведении в смирительной рубашке, полностью погруженный в мир иллюзий. Но если все это мне лишь снилось, то сон продолжался. В десяти футах от дыры, через которую я вылез, я обнаружил отпечатки ботинок, ведшие к находившимся в нескольких ярдах следам полозьев. Видимо, именно там стоял челнок майора — если, конечно, и майор, и челнок вообще существовали.

Минуту спустя я получил доказательство, в котором столь нуждался. Из темноты вышел человек по имени Люжак, и я во второй раз ощутил сокрушающую боль от разряда нейропистолета.

Я очнулся на полу перед панелью управления челнока, со скованными за спиной руками. Это не была машина Баярда, но незнакомые приборы и большой, светящийся розовым экран, а также гудение, которое отдавалось в моих костях, прежде чем достичь порога слышимости, не оставляли никаких сомнений. На экране что-то происходило. Старые стены, поднимавшиеся с левой стороны эк-

рана, замерцали и обрушились, превратившись в груду каменных обломков с торчащими между ними кустами. Кусты увяли, а камень почернел, превращаясь в уголь, затем вспыхнул синим пламенем, разливаясь пузырящейся лужей кипящей лавы. Река вышла из берегов, превратившись в маслянисто-черное море, простершееся до ряда вулканов, отбрасывавших красное свечение вдоль далекого горизонта. На торчащие из-под поверхности камни выползла зеленая слизь, затем она превратилась в мох, из которого выросли пятидесятифутовые поганки, теснившиеся и толкавшиеся в поисках опоры. Вода постепенно спала, и из моря появились новые растения — лианы, похожие на извивающихся змей, и крохотные черные соцветия, вгрызавшиеся в них, подобно кислоте. Из-под сгнившей растительности выползли широкие листья, обвившись вокруг черных пожирателей лиан. Я наблюдал все это сквозь красноватую пелену перед глазами, лишь усиливавшую впечатление от кошмарного видения.

Появилась животная жизнь. Странные существа с деформированными конечностями и телами застыли среди жутких растений. Листья, выросшие до гигантских размеров, свернулись и опали, и на их месте возникли чешуйчатые кривые деревья, и все это время существа не шевелились, разбухая, изгибаясь и приобретая новые формы. Сорокафутовая ящерица застряла в объятиях растения с гибкими шипастыми ветвями, которые обвивали шишковатую шкуру, пока на шкуре на самой не выросли шипы, пронзившие дерево, которое сморщилось и упало, а ящерица превратилась в похожее на лягушку существо, затем выросшее в головастика размером с корову и погрузившееся в тину.

Какое-то время ночь сияла, словно день, под радиоактивной луной, а потом земля исчезла, и челнок повис в черной пустоте, и лишь падавшие сзади лучи солнца освещали пыль и каменные обломки, образовывавшие бледное гало, по сравнению с которым кольца Сатурна казались карликовыми. Потом земля появилась снова — пыльная

равнина, поросшая растительностью, которая становилась все гуще, превращаясь в спутанный подлесок, утыканный низкорослыми чахлыми деревцами. Деревья начали расти, обретая нормальную кору и зеленые листья, и постепенно атмосфера очистилась, а на темном небе, полном светящихся облаков, высоко взошла белая луна.

Люжак щелкнул переключателем, и звук двигателя перешел в низкое рычание, а затем смолк. Направив на меня нейропистолет, он показал в сторону выхода. С трудом поднявшись на ноги, я вышел на подстриженную зеленую лужайку рядом все с той же высокой каменной стеной, с которой все начиналось. Однако теперь она была увита плющом, и до самого ее верха шли освещенные окна. Вдоль основания стены тянулись цветочные клумбы, а вниз по склону к залитой лунным светом реке вела ухоженная тропинка. Деревья, которые я видел до этого, исчезли, но на тех местах, где раньше деревьев не было, росли другие. За рекой сияли огни города, но не совсем там, где город находился раньше.

Пройдя по тропинке, мы оказались на широкой мощеной дорожке, бежавшей вдоль фасада здания. Из врезанных в древний камень стеклянных дверей лился яркий свет. Двое суровых охранников в белых шароварах вытянулись в струнку, пропуская нас в мраморный зал с высоким потолком. Похоже, никто не видел ничего необычного в присутствии пленника в наручниках, идущего под дулом пистолета. Мы прошли по коридору в приемную, где сидели симпатичные секретарши за пишущими машинками, на которых имелось лишь три ряда клавиш. Худощавый мужчина с нервным лицом обменялся несколькими словами с Люжаком, а затем провел нас в кабинет, где сидел за столом майор Рената, что-то говоривший в микрофон. Увидев меня, он изогнул губы в лисьей улыбке и жестом предложил Люжаку покинуть помещение.

Теперь я уже видел, что это не тот же самый человек, который был мне знаком в Ки-Уэсте, а его брат-близнец, несколько более упитанный и воспитанный, но за его хитрой физиономией таились те же коварные мысли. В любом случае, он был не из тех, кто мог бы мне понравиться.

— Вы заставили меня за вами погоняться, мистер Керлон,— сказал он.— Жаль, что все повернулось именно таким образом — я рассчитывал на более мягкий вариант развития событий. Надеюсь, вы понимаете, что в первую очередь мне требуется от вас определенная информация. Давайте начнем с того, что касается полковника Баярда. Когда вы впервые с ним встретились и что он вам предлагал?

— Где он сейчас?

— Не имеет значения! — рявкнул Рената.— И пусть вас не смущает, будто я склоняю вас к предательству, мистер Керлон. Вы ничем ему не обязаны! А теперь отвечайте на мой вопрос, подробно и быстро, и я гарантирую вам, что вы не понесете никакой ответственности за его преступления.

— Зачем вы потопили мою лодку?

— Так было необходимо. Вам возместят убытки, мистер Керлон. Собственно говоря, вам невероятно повезло. Когда вся эта история закончится, к удовлетворению... э... властей Империума, вы окажетесь в самой благоприятной ситуации, какую только могли себе представить, до конца своих дней.

— Почему я?

— Я действую в соответствии с инструкциями, мистер Керлон. Что касается того, почему в данном случае выбрали именно вас,— сказать ничего не могу. Просто считайте себя счастливчиком и окажите мне содействие. А теперь, будьте так добры, расскажите для начала, как вы встретились с Баярдом и что он поведал вам о своих планах.

— Почему бы не спросить его самого?

— Мистер Керлон, прошу вас отвечать на мои вопросы. Потом вы получите ответ на ваши: естественно, в тех пределах, которые не противоречат имперским требованиям секретности.

Я кивнул. Спешить было некуда. Дальнейшее явно не предвещало ничего хорошего.

— Знаю я ваши добрые намерения,— сказал я.— Я уже знаком с вашим лейтенантом, тем самым, с нейропистолетом.

— Необходимо было любым путем избежать несчастного случая, мистер Керлон. Вы человек сильный и, возможно, хорошо умеете драться. Сейчас нет времени для объяснений, к тому же вы серьезно не пострадали. Да, кстати: где Баярд спрятал челнок?

— Вы имеете в виду машину-амфибию, на которой он меня подобрал?

— Да. Естественно, это собственность Империума. И если вы поможете мне его найти, вы уменьшите тяжесть обвинений против Баярда.

— Вероятно, поставил где-нибудь подальше от посторонних глаз.

— Мистер Керлон...— Лицо Ренаты напряглось.— Похоже, вы не понимаете всей серьезности своего положения. Если вы нам поможете — будете достойно вознаграждены. Если откажетесь — будете жалеть об этом всю свою жизнь.

— Кажется, вы постоянно мне что-то предлагаете, а я все время отказываюсь,— сказал я.— Возможно, нам просто не по пути, Рената.

Он набрал в грудь воздуха, словно собираясь закричать, но вместо этого резким движением нажал кнопку на столе. Дверь открылась, и на пороге появились двое вооруженных охранников.

— Отведите его в третий блок,— бросил он, пронзив меня взглядом, напоминавшим отравленную стрелу.— Возможно, несколько дней размышлений в одиночестве помогут вам выбрать правильный путь.

Меня повели по коридорам, затем вниз по лестнице и снова по коридорам, уже не столь роскошным, потом опять вниз, еще по одному коридору с голыми стенами, и наконец остановились перед тяжелой, окованной железом дверью. Парень с белым пушком на подбородке отпер ее, я шагнул в тускло освещенное помещение с единственной лампочкой под потолком, и дверь с лязгом захлопнулась за мной. Оглядевшись вокруг, я запрокинул голову и расхохотался.

Я снова оказался в подземной комнате, с которой все началось несколько часов назад.

Комната была той же самой, но тем не менее не совсем. Пол был чисто подметен, пыль и ржавый хлам исчезли. Однако гобелен все так же висел на стене, в куда лучшем состоянии, чем прежде.

Я прошелся по комнате, но, кроме стула и койки, не обнаружил ничего такого, чего не было бы там раньше. Я постучал по стенам, но в них не оказалось никаких отодвигающихся панелей или потайных лестниц. Я посмотрел на гобелен, но он ни о чем мне не говорил. Центральная фигура изображала высокого рыжебородого человека с луком за спиной и мечом на поясе. Его конь бил в воздухе копытом, а вокруг подпрыгивали гончие псы, нетерпеливо ожидая, когда их спустят с поводков. Я прекрасно понимал их чувства: я сам готов был сорваться с места, но на этот раз отсюда не было пути наружу. Жаль, что Рената не бросил Баярда в ту же комфортабельную камеру — возможно, у него в рукаве оказалось бы припрятано еще одно волшебное кольцо. Я посмотрел на кольцо на моем мизинце, и вдруг мне в голову пришла мысль, слишком очевидная для того, чтобы быть правдой. Но попробовать стоило.

Я нажал на камень, приготовившись к тому, что ничего не произойдет. В течение пяти секунд действительно ничего не происходило. Затем послышался свистящий звук, и, словно из воздуха, передо мной появился челнок с открытой дверью, из-за которой лился мягкий свет.

Шагнув внутрь челнока, я сел в кресло перед приборами, усеивавшими панель, словно мелкие хромированные и стеклянные рыбки. Я попытался вспомнить, какими из них пользовался Баярд, и у меня на лбу выступил пот при мысли о том, что может произойти, стоит мне ошибиться. Но предаваться в такой момент раздумьям само по себе было ошибкой. Конечно, если бы я что-то напутал и в итоге застрял посреди сплошного камня, в том не было бы ничего хорошего, но шанс, подобный нынешнему, подворачивается не каждый день. Я нажал на кнопку включения режима полуфазы, и стены превратились в голубоватую дымку. Первый рычаг, который я повернул, не вы-

звал никакого видимого эффекта. Я попробовал другой, и у меня душа ушла в пятки, когда челнок начал проваливаться сквозь пол. Повернув рычаг в другую сторону, я поднялся вверх, словно воздушный шар, взлетающий сквозь густой голубой туман. Пару секунд спустя я оказался на поверхности, позади густых зарослей, в нескольких футах от того места, где не так давно видел следы полозьев. Всего несколько футов — и в то же время неописуемо далеко. И теперь передо мной встал вопрос, что делать дальше?

Пока что мне ничего не угрожало. Ничто не говорило о том, что кто-то мог заметить мои манипуляции с челноком. Самым простым было вновь переключить аппарат в режим полуфазы, как можно быстрее убраться отсюда и забыть о странном чужаке по имени Баярд и о его истории про грядущий вероятностный кризис, который якобы превратит мир в бурлящий хаос.

С другой стороны, я сидел внутри устройства, которое, если верить словам его предыдущего владельца, являлось чем-то экстраординарным даже для людей в белой имперской форме. И именно они кое-что были мне должны, включая лодку, бывшую предметом моей гордости. Сейчас преимущество было на моей стороне — они не знали, где находится челнок, в отличие от меня. И я мог наблюдать за ними, оставаясь при этом незамеченным.

Проблема заключалась лишь в одном: приходилось иметь дело с машиной во стократ сложнее реактивного истребителя и потенциально намного более опасной. Я видел Баярда за приборами и примерно представлял, как он ими оперировал. Большой белый рычаг с надписью «ГЛ. ПР.» приводил в действие всю аппаратуру. Он удобно лежал в руке, гладкий и прохладный, словно прося, чтобы его повернули.

Я все еще сидел, глядя на экран и собираясь с мыслями, когда над боковым входом в стене в пятидесяти футах от меня вспыхнул свет. Дверь открылась, и из нее вышел майор Рената с портфелем в руке, что-то говоря через плечо обеспокоенному адъютанту с ноутбуком. Не раздумывая, я нажал кнопку включения режима полуфазы, и все

вокруг окуталось голубоватым туманом. Я стал невидимкой.

На дорожке затормозил большой угловатый автомобиль. Рената и еще четверо сели в него и уехали. Вспомнив, с помощью каких приборов Баярд управлял челноком в режиме полуфазы, я нажал несколько кнопок. Челнок заскользил прочь плавно и бесшумно, словно разлитое по воде масло. Я последовал за машиной вдоль дороги, извивавшейся по напоминавшей парк территории, мимо ворот, в двух футах от зевающего охранника, через мост, а затем через поселок. Выехав на шоссе, машина прибавила скорость, но висеть у нее на хвосте не составляло для меня никакого труда.

Я двигался за машиной в течение получаса, пока она не въехала в ворота в ограде из колючей проволоки, окружавшей маленькое, покрытое травой летное поле. Рената вышел из автомобиля, и его помощники засуетились вокруг, готовя большой, обтянутый тканью винтовой самолет с крыльями размахом с крышу сарая. Последовали рукопожатия и щелчки каблуками со стороны парочки молодчиков германской внешности, затем Рената и еще один забрались в самолет, и тот поднялся в воздух.

Я уже успел в какой-то степени ознакомиться с приборами, и мне понадобилось лишь три попытки, чтобы наши скорости подъема сравнялись, после чего я сместился немного назад, держась на расстоянии в четверть мили от самолета. Пока что все было не так уж и сложно, мне требовалось лишь выдерживать курс. Насколько я мог понять, приборы показывали с десяток различных критических перегрузок, но я решил, что беспокоиться на этот счет стану лишь тогда, когда это действительно потребуется. Возможно, теоретические принципы действия челнока и были достаточно сложны, но основные операции выглядели вполне простыми.

В течение трех часов мы летели над простиравшимися внизу полями прямо навстречу восходящему солнцу, затем над водной поверхностью — судя по всему, Ла-Маншем. Самолет начал снижаться над городом, надо полагать

Лондоном, описал круг над полем в нескольких милях от его центра и приземлился возле небольшого здания с надписью «База королевских ВВС Нортхолт». Я пережил несколько неприятных секунд, когда земля взмыла вокруг меня, словно грязная вода, но мне удалось удержать челнок на высоте примерно в фут над ней.

Рената вышел из самолета и сел в подъехавший автомобиль. К тому времени я уже хорошо представлял себе возможности своей машины и потому, не заботясь о воротах, просто скользнул сквозь ограду и пристроился в хвост автомобилю, который, набирая скорость, устремился по широкому шоссе прямо к видневшимся вдали башням городского центра.

Поездка заняла всего минут двадцать. Машина Ренаты с включенной сиреной, звук которой в динамиках казался мне завыванием призраков, промчалась по узким извилистым улочкам, пересекла Темзу по мосту, с которого открывался прекрасный вид на Палату общин, и свернула в огороженный каменными стенами двор позади большой мрачной крепости. Выйдя из машины, Рената направился к маленькой двери под большим чугунным фонарем, а я последовал сквозь стену за ним. Солнце погасло, и я оказался в широком, хорошо освещенном коридоре с открытыми дверями по обеим сторонам, где люди в форме занимались тем, чем обычно занимаются в государственных учреждениях. Рената неожиданно свернул за угол, и я, слегка перестаравшись, оказался внутри сплошного камня толщиной футов в пять. Когда я снова вывел челнок на открытое пространство, Ренаты нигде не было видно.

Почти час я путешествовал по зданию, словно робот-призрак, заглядывая в большие кабинеты с рядами шкафов и письменными столами под неоновыми лампами, в кабинеты поменьше с толстыми коврами и важного вида бюрократами, созерцающими собственное отражение в висящих на стенах фотографиях, в складские помещения, в центр связи. Я попытался спуститься на нижние этажи, но обнаружил там лишь архив со старыми папками и несколько мрачных камер. Здесь для меня не было ничего

интересного. Проникнув сквозь стену, я оказался в помещении размером восемь на восемь футов с ржавыми кандалами на стене и сточным отверстием в полу — самое настоящее средневековое подземелье, не хватало только парочки прикованных к стене скелетов.

Снова скользнув сквозь стену, я очутился перед уходящими наверх грубо отесанными ступенями. Не похоже было, чтобы тут кто-то часто ходил. Выше я обнаружил коридор, который пересекался с другим. Судя по всему, в стенах старого здания имелось немало потайных мест. Я нашел выходы в десяток комнат, неприметную дверь, ведшую в находившийся внизу сад. Но все это нисколько не приближало меня к Ренате.

Вернувшись на верхний этаж, я проверил еще несколько кабинетов и в десятом или двенадцатом нашел наконец того, кого искал. Он сидел на краю стула напротив широкоплечего седого человека, в котором все выдавало профессионального военного. И тот был явно недоволен.

— ...сложно будет объяснить барону, каким образом этот субъект умудрялся появляться и исчезать по собственному желанию,— рычал он.— Никто, кроме участников операции «Розовый куст», не знал о существовании штабквартиры в замке. Однако Баярд каким-то образом там оказался, а потом, словно из ниоткуда, появляется этот тип! Я не могу принять ваш доклад, майор!

Он ударил кулаком по лежавшему перед ним на столе листку бумаги и яростно уставился на Ренату.

— Мой доклад основан на фактах, полковник,— сказал Рената. Похоже, хмурая физиономия собеседника его не слишком пугала.— И тот факт, что я не могу предложить никаких разумных объяснений, никоим образом не меняет того, что я видел собственными глазами.

— Расскажите подробнее, какие меры вы приняли для содержания этого человека под стражей,— потребовал полковник.

— Он находится под охраной в самой надежной камере в подвале замка,— твердо заявил Рената.— Готов поклясться собственной карьерой.

— Лучше не стоит,— ответил полковник.

Рената беспокойно пошевелился на стуле.

— Не могли бы вы объяснить, полковник?

— Он исчез. Через полчаса после вашего отъезда выяснилось, что камера пуста.

— Не может быть! Я...

— Вы дурак, Рената,— бросил полковник.— Он уже дал понять, что в его распоряжении имеются весьма специфические ресурсы. Однако вы настояли на том, чтобы поступить с ним обычным образом.

— Я в точности следовал инструкциям,— возразил Рената. Внезапно ему в голову пришла некая мысль.— Как насчет полковника Баярда? Он не...

— Он здесь. Я позаботился о том, чтобы пристегнуть его наручниками к спинке кровати, и поставил рядом с ним двоих вооруженных охранников.

— Его нужно допросить! Несмотря ни на какие ограничения...

— Это решаю я, майор! Баярд обладает особым статусом, данным ему высшим командованием...

— Допросите его, полковник! Он подтвердит то же, что я сказал вам, и, думаю, сможет объяснить таинственные способности этого типа!

Полковник взял сигару, покатал между пальцами и переломил пополам.

— Рената, что, черт побери, творится? Что замышляет барон ван Рузвельт? Как с этим связан Баярд и насколько имеет к этому отношение внезапная болезнь Рихтгофена?

— Я не вправе обсуждать планы барона ван Рузвельта,— сказал Рената, с интересом глядя на полковника.

— Я все еще ваш начальник,— рявкнул полковник.— И я желаю знать, что происходит прямо у меня под носом!

— Свой доклад я показал вам лишь из вежливости.— Рената встал.— Дальше я буду говорить только с бароном генералом ван Рузвельтом, и ни с кем более.

— Это мы еще посмотрим, майор! — Полковник вскочил, и тут зазвонил красный телефон у него на столе. Он

схватил трубку, послушал, и выражение его лица изменилось. Полковник окинул кабинет взглядом.— Ясно. Понял.

Я переместил челнок поближе, пока половина стола не оказалась внутри его, и включил звук на максимум. Сквозь треск и шипение донеслись слова из телефонной трубки:

— ...подумать, вы ничего не подозревали! Еще тридцать секунд, и мы его засечем...

Для меня этого было вполне достаточно. Послав челнок сквозь стену, я пронесся через соседний кабинет, где какой-то толстяк целовал девушку, потом через внешнюю стену и завис над городским парком с живыми изгородями, фонтаном и извилистыми дорожками. С приборной панели послышался резкий щелчок, и все стрелки одновременно подпрыгнули. Гудение двигателя стало неровным, и в нем появились неприятные нотки. Я поспешно опустил челнок до уровня земли — мне вовсе не хотелось, чтобы двигатель отказал в воздухе. Когда я попытался двинуться через парк, челнок переместился на шесть футов и застыл как вкопанный. Запах горячей изоляции усилился, и из-за панели вырвались языки пламени. Я ударил по рычагу выключения двигателя. Несмотря на то что я оказался в ловушке, я еще мог успеть помешать врагу. Я включил режим полной фазы, и сцена на экране снова приобрела нормальные цвета. Мне потребовалось еще пять секунд, чтобы открыть дверь, выскочить наружу и нажать кнопку на кольце. Челнок замерцал и исчез, лишь сухие листья закружились там, где он стоял мгновение назад. А потом меня окружили люди в белой форме, держа наготове нейропистолеты.

В обычном свете здание выглядело несколько иначе. Меня провели через вестибюль с мраморным полом, по широкой лестнице, к большой белой двери, по обеим сторонам которой стояли часовые.

Вокруг царила вполне деловая обстановка, но тем не менее в воздухе чувствовалась напряженность, словно все готовились к войне, в отдалении слышался топот множества бегущих людей. И хотя повсюду, казалось, не было ни

пылинки, мое внимание привлекла странная аномалия — нечто похожее на кучку желтых поганок, росших в углу, где мраморный пол сходился со стеной.

Из дверей вышел парень с серебряным галуном на погонах, и мы вошли в большой кабинет с покрытыми темными панелями стенами, на которых висели картины в золоченых рамах, изображавшие важных стариков в форме с жесткими воротниками. Посреди стоял стол размером с банковское хранилище. Я посмотрел на сидевшего за ним человека и увидел в его глазах неподдельный властный огонь.

— Ну что ж, мистер Керлон,— медленно и торжественно произнес он.— Наконец-то мы встретились.

Он был крупного телосложения, черноволосый, с прямым носом, жестким ртом и странно блестевшими темными глазами. Он слегка шевельнул пальцем, и люди, которые привели меня сюда, исчезли. Встав, он обошел вокруг стола и окинул меня взглядом. Он оказался одного со мной роста, шесть футов и три с небольшим дюйма, и весил примерно столько же, сколько и я. Под отглаженной серой формой ощущались крепкие мышцы — не как у коня-тяжеловоза, но скорее как у щеголеватого тираннозавра в идеально подогнанном костюме.

— Майор Рената наделал ошибок,— сказал он.— Но в конце концов вы оказались здесь, целый и невредимый. А все остальное не так уж и важно.

— Кто вы? — спросил я.

— Барон ван Рузвельт, генерал, шеф Имперской разведки — вернее, исполняющий обязанности на время болезни барона фон Рихтгофена.

Он поклонился и улыбнулся, подобно выходящему из-за темной тучи солнцу, потом хлопнул меня по плечу и рассмеялся.

— Впрочем, между нами, мистер Керлон, формальности ни к чему.— Он посмотрел мне в лицо, и, хотя улыбка его исчезла, глаза все еще весело блестели.— Вы нужны мне, Керлон. А я нужен вам. Можно сказать, в наших руках судьба мира, многих миров. Но я, похоже, говорю загадками, а это лишнее.

Показав мне на кресло, он подошел к бару, налил два бокала, протянул один мне и сел за стол.

— С чего начнем? — сказал он.— Пожалуй, стоит предположить, что полковник Баярд ничего вам не рассказывал и вы ни о чем не догадались. Так что слушайте, и я расскажу вам о критической ситуации, в которой мы оказались — вы и я...

5

— Континуум многомерной реальности представляет собой сложную структуру, но для простоты можно считать его пучком линий, тянущихся из отдаленного прошлого в невообразимое будущее. Каждая линия представляет собой мир, вселенную со своим собственным бесконечным космосом и звездами, которую отделяют от других таких же миров непреодолимые энергетические барьеры, известные нам под названием «энтропия».

Вернее, непреодолимыми они были до тысяча восемьсот девяносто седьмого года, когда двое итальянских ученых, Максони и Кочини, наткнулись в своих исследованиях на принцип, изменивший ход истории — миллиарда историй. Они создали поле, в котором энергия обычного темпорального потока отклоняется от естественного направления — можно считать, под прямым углом. Предметы и индивидуумы, находящиеся в этом поле, перемещались не вперед во времени, как положено, а пересекали линии альтернативной реальности. Именно тогда возник Империум — правительство, провозгласившее суверенитет над всей Сетью альтернативных миров. Ваш мир, известный нам как ИП-три, всего лишь одна из бесчисленных параллельных вселенных, каждая из которых лишь на самую малость отличается от соседних. Как и этот мир, ваш находится посреди обширной области разрушений, называемой Пустошью, пустыни, образовавшейся, когда фаталь-

ный просчет во время ранних экспериментов с МК-приводом привел к полному уничтожению большого количества миров, превратив их будущее в хаос, который вы, вне всякого сомнения, наблюдали по пути сюда.

В числе отношений, существующих между параллельными линиями, есть и те, которые связывают между собой людей, мистер Керлон. Задумайтесь. Если два мира различаются лишь расположением двух песчинок на пляже или двух молекул внутри одной песчинки, то из этого следует, что аналоги каждого из людей должны существовать во всех мировых линиях, для которых момент общей истории — момент, в который их истории разошлись,— является более поздним, чем время рождения упомянутых индивидуумов. Ваш случай, мистер Керлон, является исключением — и именно в этом и состоит суть проблемы. Ваш мир — остров посреди Пустоши, окруженный не жизнеспособными параллельными мирами, но пустыней, в которой нормальная жизнь отсутствует. Вы уникальны, мистер Керлон, и это лишь обостряет нынешнюю ситуацию.

— Все это очень интересно,— сказал я,— но мне все же хотелось бы услышать, почему потопление моей лодки следует считать дружественным по отношению ко мне поступком.

— Как я уже говорил, майор Рената наделал немало ошибок, но он руководствовался исключительно добрыми намерениями. В течение многих дней он напряженно трудился здесь вместе со мной. Что же касается его миссии, подумайте сами, мистер Керлон. Вы тот, кому предстоят великие свершения, но что я о вас знал? Ничего. А времени оставалось в обрез. Необходимо было — к несчастью, этого было не избежать — подвергнуть вас испытанию. Прошу прощения за излишнее усердие майора. Естественно, он не осознавал всей полноты последствий данной ситуации и насколько важную роль вам в ней суждено сыграть.

— Можно подумать, я что-либо понимаю.

На лице Рузвельта промелькнуло странное выражение: несмотря на бесстрастный вид, он с трудом скрывал эмоции.

— В затерянных мирах Пустоши ваша семья когда-то возвышалась над всеми, подобно колоссу, мистер Керлон. Теперь же из всего могущественного рода остались только вы.— Он пристально посмотрел на меня.— Судьбы многих людей растворились в хаосе Пустоши, а человеческая судьба есть сила, равная эволюционному давлению самой вселенной. Не забывайте: энергия, поглощенная катастрофой, не уничтожена, она лишь воплотилась в оргию бесформенной жизни, которая свойственна Пустоши. Теперь же эта энергия стремится к видоизменению, пытаясь повлиять на образ реальности. Если только ее не удастся направить в нужное русло, придать ей форму, наши миры поглотит раковая опухоль Пустоши. И признаки надвигающейся чумы уже есть!

Он махнул рукой в сторону висевшей на стене позади него королевской печати, золотой с голубым. Позолоту покрывали зеленые пятна, а в одном углу образовался тонкий слой плесени.

— Этот знак сегодня утром начистили до блеска, мистер Керлон. И посмотрите сюда.— Он показал на потускневшее золотое шитье на своем воротнике.— И еще.— Он подтолкнул ко мне кожаную папку. Серебряное тиснение на ней в виде королевского герба испещряли пятнышки ржавчины.— Это лишь символы, но эти символы представляют собой неизменные параметры нашего космоса, и именно они начали разрушаться, мистер Керлон! — Он откинулся назад, испепеляя меня взглядом.— Если сейчас немедленно что-то не сделать, чтобы восстановить нынешнюю реальность, нашему существованию, в том виде, как мы его понимаем, придет конец, мистер Керлон.

— Ладно, генерал,— сказал я.— Я вас выслушал. Понял далеко не все, но за последние несколько часов я видел достаточно, чтобы с ходу не обозвать вас сумасшедшим. Чего вы от меня хотите? Что, по-вашему, я должен сделать с поганками, растущими у вас в коридорах?

Он встал и, пройдясь по комнате туда и обратно, остановился передо мной.

— Мой план весьма опасен, и вам он может показаться фантастическим, капитан Керлон.— В ответ на мой вопросительный взгляд он кивнул, улыбнулся и как ни в чем не бывало добавил: — Я приказал, чтобы вас приняли на имперскую службу и назначили в мою команду.

— Спасибо, генерал,— ответил я.— Но я предпочту обойтись без этого. Меня вполне устраивает мой нынешний статус.

Он на мгновение смутился.

— Это вовсе не подкуп,— сказал он, беря со стола толстый лист пергамента.— Все уже решено...

— Без какого-либо участия с моей стороны? — спросил я.— Ни в одной армии мира такого не бывает.

— Естественно, требуется присяга,— ответил он.— Простая формальность...

— Вы, наверное, хотели сказать «символ», генерал. Так или иначе, я предпочту остаться штатским.

— Прекрасно.— Он отбросил документ в сторону, делая вид, будто это совершенно его не касается.— Как хотите. Возможно, у вас предвзятое мнение из-за того, что вам рассказывал полковник Баярд...

— Кстати, где Баярд сейчас? Последний раз, когда я его видел, он страдал от желудочных колик после того, как над ним потрудился подручный майора Ренаты.

— Полковника Баярда ввели в заблуждение. Вне всякого сомнения, он руководствовался исключительно добрыми намерениями, но ему не хватало информации. Я вовсе не удивлен, что у него сложилось ложное впечатление о сути операции на основании тех немногих фактов, с которыми он столкнулся.

— Я бы хотел его видеть.

— В данный момент это невозможно: он в госпитале. Однако я не намерен подвергать его взысканию за нарушение дисциплины, если вас интересует именно это. У него безупречный послужной список — по крайней мере, был

до сих пор. И в данном случае он просто проявил излишнее усердие.

— Вы что-то говорили насчет совместной работы. Так чего вы все-таки от меня хотите?

Он встал, обошел вокруг стола и похлопал меня по плечу.

— Идемте, капитан,— сказал он.— Я вам покажу.

Помещение, куда он меня провел, находилось в подвале и охранялось тремя часовыми в белой форме с пистолетами в руках. Одну высокую стену полностью заполнял матовый экран, на котором мерцали светящиеся линии и точки.

— Это карта Сети, она покрывает зону, простирающуюся на сто тысяч лет,— сказал Рузвельт. Взяв указку, он показал на красный огонек точно в центре.— Это мировая линия Империума, ноль-ноль. Здесь,— он показал на другую светящуюся точку неподалеку,— ваша родная линия, ИП-три. Заметьте, что на большом протяжении вокруг этих изолированных линий нет ничего — пустота. Это и есть Пустошь, мистер Керлон. Расчеты наших физиков говорят, что вероятностный дисбаланс, начавшийся с исходного катаклизма, в результате которого около семидесяти лет назад образовалась Пустошь, сейчас стремится к равновесию. Здесь, в непрочной ловушке силового поля, заключена фантастическая энергия, энергия того же рода, что мгновение за мгновением генерирует реальность в процессе естественной энтропии. Вряд ли стоит говорить вам о невообразимом могуществе подобных сил. Представьте лишь, что в каждое мгновение вселенная гибнет и возрождается вновь и что здесь, в этой пустынной зоне, накапливаются последствия этого процесса, словно внутри закупоренного вулкана. Давление нарастало в течение семи десятилетий, и теперь не признать его существование просто невозможно. В центральной точке Пустоши бушует гигантская вероятностная буря. Стоит ей прорваться за пределы Пустоши — если только мы не успеем заранее предпринять меры,— и она унесет наш мир и все другие миры вокруг в бездну вероятностной катастрофы, недо-

ступной нашему воображению. Даже сейчас вероятностные волны порой выплескиваются наружу, результаты чего может видеть каждый — и это всего лишь намек на грядущий хаос.

Положив указку, он посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом.

— Ваша судьба переплетается с судьбой вашего мира, мистер Керлон. Ваш жизненный путь, ваша история являются частью основы ткани, составляющей известную нам реальность. Мы должны ухватить эту нить, как и любую другую, нам известную, хотя их и немного, а затем попытаться вновь сплести жизнеспособную матрицу, в которую может уйти загнанная в ловушку энергия.

У меня возникло ощущение, что он чересчур упрощает проблему, но суть ее и без того казалась мне слишком туманной.

— Продолжайте, генерал,— сказал я.— Я изо всех сил пытаюсь вас понять.

— Наши жизни существуют не в вакууме, Керлон. У нас есть прошлое, есть корни. Поступки, совершавшиеся тысячелетия назад, влияют на наши сегодняшние жизни, так же как наши нынешние поступки отразятся в грядущих веках. Наполеон, Гитлер, Цезарь оказали влияние на свои времена и на все за ними последовавшие. Но в данный момент сама ткань всего сущего натянута до предела. То, что нам предстоит сделать, намного превышает потенциал любых ключевых исторических фигур и определит саму сущность будущего мира. Мы должны действовать быстро, решительно и верно. Мы не имеем права на слабость или ошибку.

— Вы все время к чему-то клоните, генерал. Почему бы сразу не перейти к сути?

Он нажал кнопку на пульте, и карта исчезла, уступив место другой диаграмме, изображавшей некое подобие амебы из розовых и красных линий, которые дергались и извивались над сеткой, испещренной светящимися точками.

— Это крупномасштабная энергетическая карта Пустоши. Здесь вы видите перемещение линий квантового раз-

граничения, которые стремятся подстроиться к ненормальному давлению, исходящему от вероятностной бури. На каждой из примыкающих к Пустоши мировых линий объективная реальность постоянно изменяется: предметы, люди, ландшафты, каждое мгновение, день ото дня. Вряд ли стоит объяснять вам, к какой неразберихе это ведет. Пока что мы почти не ощущаем подобного эффекта: линия ноль-ноль вполне стабильна и надежно зафиксирована в прошлой истории за счет ряда ключевых событий. То же верно и для вашей линии, ИП-три. И если Пустошь поглотит эти линии, это будет означать конец основам человеческой культуры, равным по значению открытию огня.

Он снова переключил изображение, на этот раз на экране появилась пылающая туманность, напоминавшая солнце с близкого расстояния.

— Это центр вероятностной бури, мистер Керлон. Мы засекли его местонахождение на мировой линии, где некогда располагалась великая культура. Именно там находится ключ к нынешнему кризису. Я предлагаю отправиться туда, мистер Керлон, и найти этот ключ.

— Слишком уж это похоже на прыжок прямо в кратер действующего вулкана.

— Эта диаграмма изображает возмущение вероятностной энергии,— сказал Рузвельт.— На поверхности, для наблюдателя, находящегося на самой А-линии, буря в явном виде не заметна. Да, аномалии, искажения, невозможные события, нарушения законов природы происходят прямо на ваших глазах, но сама буря бушует на энергетическом уровне, который могут обнаружить лишь специальные приборы. Человек вполне может отправиться туда, мистер Керлон, и хотя ему будет грозить неописуемая опасность, вряд ли она смертельна.

— А что потом?

— Где-то на этой линии находится ключ, артефакт, столь неразрывно вплетенный в ее прошлое и будущее, что все основные вероятностные линии вынуждены проходить через него, так же как силовые линии магнитного поля проходят через полюса магнита. Я предлагаю выяс-

нить, что это за предмет, найти его и убрать в безопасное место.

— Ну, давайте,— сказал я.— Выкладывайте все до конца.

— А что еще говорить, мистер Керлон? — Рузвельт снова лучезарно улыбнулся, и глаза его опасно блеснули.— Я хочу, чтобы вы были на моей стороне. Мне нужна ваша помощь. Помощь тех сил, которые вы воплощаете.

— А с чего вы взяли, что я туда пойду?

— Я прошу вас пойти. Я не могу и не стану пытаться вас принуждать. Это не только бесполезно, но даже хуже для дела. Но, помня величие вашей линии, я полагаю, что вы сами знаете, в чем заключается ваш долг.

— Значит, теперь это мой долг, да?

— Думаю, да, капитан Керлон.

Он встал и еще раз улыбнулся. Я понял, что этого человека мне придется либо полюбить, либо возненавидеть — третьего не дано.

— Вам незачем прямо сейчас принимать решение,— небрежно сказал он.— Я распорядился, чтобы вам выделили комнату в моих апартаментах. Отдохните, поспите, а потом поговорим.

Взгляд его пробежался по моим свитеру и штанам, затем остановился на заткнутом за пояс ноже.

— Вынужден попросить вас оставить... гм... оружие здесь,— сказал он.— Формально вы находитесь под обычным арестом, и лишние разговоры ни к чему.

— Не отдам,— сам не зная отчего, ответил я.

У него в распоряжении имелась целая армия, чтобы отобрать у меня нож, если бы ему это захотелось. Наклонившись вперед, он нахмурился и с едва скрываемой злобой посмотрел на меня.

— Будьте так добры, во избежание неприятностей, положить нож на стол,— медленно произнес он.

Я покачал головой.

— У меня с ним связаны сентиментальные чувства, генерал. Я ношу его уже столь давно, что без него ощущаю себя почти голым.

Взгляд его пронзил меня, словно лазерный прицел, затем он расслабился и улыбнулся.

— Ладно, можете оставить его себе. А теперь идите и подумайте о том, что я вам говорил. Надеюсь, к завтрашнему утру вы все же решитесь выполнить мою просьбу.

Комната, куда меня препроводили, оказалась чуть меньше зала для дипломатических приемов, но во всем остальном была обставлена по высшему разряду. После того как сопровождающие ушли, я заглянул в гардероб, содержимое которого вполне годилось бы для бродвейской звезды, в шкаф, где могли бы разместиться шестеро и еще осталось бы место для игры в покер, ткнул пальцем кровать, напоминавшую олимпийский борцовский мат с кисточками. К подобной роскоши я не привык, но решил, что вполне могу на ней спать.

Приняв душ в ванной с золотыми кранами и розовым мрамором, я надел оставленную специально для меня свежую одежду, после чего явился официант в черных штанах до колен и золоченом жилете, неся поднос с фазаном на прозрачном фарфоре и вином в бокале из тончайшего стекла. Уплетая обед, я размышлял о том, что узнал от Рузвельта. Вся эта история о параллельных мирах и нависшей над ними катастрофе, которую могли предотвратить лишь он и я, казалась мне столь же правдоподобной, как и любой бред сумасшедшего. Однако свидетельства тому окружали меня повсюду. И кое-что еще беспокоило меня в поведении генерала.

Когда-то от нечего делать я изучал теорию игр, и мне показалось, что в ее свете можно было бы проанализировать и нынешнюю ситуацию. Рузвельт трижды пытался разыграть свою партию: первый раз, когда он как бы между делом сообщил мне о моем назначении, второй, когда попытался добиться моего согласия отправиться вместе с ним, и третий, когда попробовал отобрать у меня нож. Все три раза я устоял, скорее повинуясь некоему инстинкту, нежели логике или заранее продуманному плану.

Подойдя к окну, я посмотрел вниз на стену и мощеную улицу. Большие деревья отбрасывали тени на газоны и

клумбы, а на широких тротуарах полно было симпатичных женщин и мужчин в яркой форме с плюмажами и блестящими пуговицами. По всему парку стояли ярко освещенные киоски, торговавшие всякой мелочью, и кафе с открытыми террасами и столиками под навесами, откуда доносился запах свежемолотого кофе и свежеиспеченного хлеба. С находившейся где-то эстрады раздавались звуки оркестра, игравшего вальс в стиле Штрауса, который я никогда не слышал в своем мире.

Я подумал о том, где сейчас Баярд и что он сказал бы о последних событиях. Я принимал его как есть в основном потому, что он спас меня из лодки за мгновение до того, как та ушла под воду. Но если Рузвельт говорил правду и если все это было заранее спланировано, чтобы проверить мою реакцию, прежде чем назначать меня на ключевую роль в событиях мирового масштаба...

В таком случае мне следовало рассказать Рузвельту обо всем, что я видел в Шато-Гайяре. Возможно, там крылся некий ключ для того, кто знал, как им правильно воспользоваться. Или неправильно.

О том, что происходит, Баярд знал намного больше меня, и он не доверял Ренате, так же как и его боссу. Я жалел, что он не мог слышать рассказ Рузвельта и показать мне ту же историю с другой стороны.

Сейчас я крайне нуждался хоть в какой-то информации о Рузвельте, о Баярде, о том, что вообще творится, и больше всего о том, какое ко всему этому имею отношение я, а также в чем заключается истинный смысл старого куска железа, обладающего магической способностью указывать на другие старые куски железа.

Я подошел к двери и приоткрыл ее. В дальнем конце коридора стоял по стойке «смирно» часовой в белой с золотом форме. Он посмотрел в мою сторону, но я небрежно махнул рукой, и он снова уставился прямо перед собой. Я не был по-настоящему под арестом, но за мной следили. Я начал закрывать дверь, и тут из соседней комнаты раздался дикий вопль, словно резали свинью. Часовой выхватил из блестящей кобуры сверкающее хромом оружие

и бросился бежать. В два прыжка оказавшись у двери, откуда донесся крик, я рванул за ручку, затем, отступив назад, пинком распахнул дверь и увидел белого червя размером с пожарный шланг, обвившегося, словно удав, вокруг раздавленного человеческого тела.

Тело принадлежало старику с побагровевшим лицом, белыми волосами, выпученными глазами и вывалившимся языком. В моей руке оказался сломанный меч — я не помнил, когда успел его выхватить. Когда я опустил его на червя, раздался звук, словно от удара топором по седлу. Клинок рассек плоть подобно сыру, и отрубленный конец начал извиваться, разбрызгивая вокруг зловонную жидкость. Рядом с моим ухом раздался выстрел, и от червя отлетел еще один десятифутовый кусок. Выстрел раздался снова, и обрубок подбросило в воздух, в то время как я начал рубить очередную петлю, конец которой слегка покачивался, будто зачарованная змея. Теперь кусков стало уже четыре, а из-за двери ванной выползали новые. Я услышал сухой щелчок пистолета, в котором закончились патроны; часовой выругался и тут же захрипел. Я начал пробиваться к нему, но было уже слишком поздно. Тело его было плотно обмотано сверху донизу, словно мумия, и судя по тому, под каким углом торчала голова, он уже расстался с жизнью. Из коридора слышались крики, топот бегущих ног и выстрелы. Прорубая себе дорогу, я ворвался в ванную. Ванну из зеленого мрамора полностью заполнял выползавший из сточного отверстия червь. Обрубив его конец, я схватил щетку с длинной ручкой и вогнал ее в сток, затем, отбиваясь от извивающихся обрубков, выбрался в коридор. То, что я увидел там, оказалось намного хуже червя. Оно напоминало массу сырого мяса, катившуюся с лестницы и уже заполнившую коридор наполовину. Двое стреляли в нее, но, похоже, ее это нисколько не волновало. Подойдя сбоку, я отрубил кусок, и упругая субстанция попятилась, сочась розовой кровью. Ей не нравилась холодная сталь.

— Берите ножи и мечи! — крикнул я.— Стрелять бесполезно!

Масса заполняла коридор достаточно быстро и уже успела наполовину перекрыть одну из дверей. Она ворвалась внутрь, и я заметил мелькнувшую за дверью женскую фигуру, прежде чем масса полностью закрыла собой вход. До меня донеслось лишь слабое эхо крика девушки. Мне потребовалось несколько хороших ударов, чтобы освободить дверь, но я снова опоздал. Из-под мясистой груды торчали лишь ноги в домашних туфлях, словно у неосторожного механика из-под сорвавшегося с домкрата автомобиля.

Вернувшись в коридор, я увидел Рузвельта в одной рубашке, который, злобно оскалившись, рубил тварь двуручным мечом. Увидев меня, он крикнул:

— Керлон, сюда!

Люди в форме делали все, что могли, своими церемониальными короткими мечами, но именно Рузвельт оттеснял тварь назад. Она образовала нечто вроде кармана, и он вошел внутрь его, в то время как остальная часть твари пыталась обойти его с боков. Я ударил слева, отрубив кусок размером с шотландского пони, и в то же мгновение другой ее край начал сворачиваться, едва не поймав Рузвельта. Он с размаху рубанул по ней мечом, а я несколькими ударами своего клинка пробился к нему и встал рядом, спина к спине. Похоже, он пытался прорубить путь к двери, уже на две трети перекрытой и начавшей прогибаться. Мы освободили дверь, а потом появились еще десятки человек с мечами в руках и начали обрабатывать внешний периметр. Мы стояли по щиколотку в розовой жиже, сочившейся из всех нанесенных нами ран. Я почувствовал запах дыма и увидел двоих пожарных в защитных комбинезонах, которые бежали по лестнице, держа перед собой огнеметы. Тварь отступала перед ними, корчась и обугливаясь. Еще через пару минут все закончилось. Я посмотрел сквозь едкий дым на Рузвельта, потом на стены коридора, забрызганные до потолка кровью. Кругом воняло, как на бойне.

— Очаровательно,— пробормотал я, чувствуя себя вымотанным так, будто только что пробежал милю за четыре минуты.— И что это было?

Рузвельт весело оскалился. Он тяжело дышал, и на лице у него подсыхала кровь, но, как ни удивительно, у него был вид человека, получившего ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Неплохо час прошел,— сказал он.— Поздравляю, капитан. Вы превосходно сражались — не многие на такое способны.

Отчего-то мне показалось, что в словах его нет ни капли похвальбы — лишь правда.

— Вы не ответили на мой вопрос, генерал,— напомнил я.

Он посмотрел на отвратительную массу, распростершуюся на голубом восточном ковре.

— Я и сам не знаю,— ответил он.— Худшая атака за последнее время. Периодичность уменьшилась до девяносто одного часа, а интенсивность растет в логарифмической пропорции. Вряд ли эту тварь можно назвать животным в обычном значении этого слова — просто озверевшая масса живого мяса.

— Какого еще мяса? — прорычал я, чувствуя, как при одном взгляде на тварь у меня по коже бегут мурашки.

Он пристально посмотрел на меня.

— Человеческого, мистер Керлон,— ответил он.

Я кивнул.

— Я все еще не вполне понимаю, что тут творится, генерал, но если вам приходится сражаться с подобной дрянью, я с вами.

Он улыбнулся и крепко пожал мне руку.

— С вами за моей спиной...

— Рядом с вами,— поправил я.

Он кивнул, продолжая улыбаться.

— Значит, рядом со мной. Возможно, мы все же сумеем победить.

В последующие несколько ночей мне почти не удалось нормально вздремнуть. Когда я не занимался с мастером боевых единоборств по имени Линд, я слушал лекции по тактике или спал в гипношлеме, накачивавшем меня сведениями по истории Пустоши.

Кроме меня здесь проходили обучение и другие, в том числе симпатичная девушка восточной внешности с одной из А-линий, где китайцы в девятом веке заселили Америку и сражались с римлянами на Миссисипи в 1776 году. Ее должны были отправить туда, где орда отсталых, живущих при матриархате монголов готовилась обрушиться на феодальную Европу. Похоже, ей предстояло стать воплощением богини Цзю Ки, небесной повелительницы драконов. Был еще рослый чернокожий парень зверского вида — возможно, из-за стальной шпильки в носу,— которого рекрутировали из африканской империи зулусов, чтобы помочь организовать сопротивление жестокому культу, уничтожавшему черных рабов на линии, где греки в дохристианскую эру овладели достаточными научными знаниями, чтобы завоевать весь известный им в ту пору мир. Еще я познакомился с парнем, выглядевшим как классический австралийский бушмен, но на его линии их племя владело всем материком. Он постоянно морщил свой приплюснутый нос из-за чуждых ему запахов, но вел себя как настоящий джентльмен и относился к нам как к равным.

В течение недели я несколько раз пытался увидеться с Баярдом, но Рузвельт всегда отказывал. Как он говорил? «Полковник болен, у него пневмония, как это часто бывает у испытавших на себе нейрооружие. Он сейчас в кислородной камере, и к нему никого не допускают».

Потом наступил день, когда генерал явился в спортзал и в течение получаса наблюдал, как Линд пытается дать мне в ухо, но мне повезло, и вместо этого я дал ему в ухо сам.

— Что ж, вы готовы,— сказал Рузвельт.— В полночь отправляемся.

Терминал, откуда стартовали челноки, представлял собой огромный, ярко освещенный зал с блестящим белым полом, размеченным оранжевыми линиями, между которыми рядами стояли челноки — маленькие одноместные разведчики и большие пассажирские на двадцать человек, чисто функциональные коробки и роскошные произведе-

ния искусства, бронированные и оформленные под фургоны или грузовики. Слышалось непрерывное высокое гудение, и то и дело раздавались удары и хлопки от смещения воздушных масс, вызываемого прибытием и отправлением челноков. Я никогда прежде не видел ничего подобного, но все это мне было уже хорошо знакомо после сеансов гипнопедии.

С аппаратурой возились техники в белых комбинезонах, стоявшие за небольшими столиками, расположенными в проходах. В дальнем конце зала я заметил группу людей, одетых как испанские конкистадоры, и еще одну, в пуританских черных костюмах.

— Маскировка,— сказал Рузвельт.— Наши агенты всегда пытаются слиться с толпой. В нашем случае этого не требуется. Насколько мне известно, там, куда мы отправляемся, людей вообще не осталось.

Техники помогли нам облачиться в старомодные летные комбинезоны с легкими шлемами, еще раз проверили, что все в порядке, мы пристегнулись и закрыли люк. Рузвельт посмотрел на меня и поднял большой палец.

— Готовы?

— Вам решать, генерал,— ответил я.

Он кивнул и нажал на рычаг. Двигатель загудел, и свет снаружи померк. Стены и потолок расплылись и исчезли, и мы повисли в двух футах над поросшей травой пустой площадкой под открытым небом, к которому поднимались клубы пыли.

6

Мы почти не разговаривали, пересекая Пустошь следом за звуковым сигналом датчика, настроенного на цель нашего путешествия. Я смотрел на проплывающий под нами выжженный пейзаж, в то время как Рузвельт следил за полусотней циферблатов одновременно, время от времени подправляя настройки по одному ему ведомым причинам. Довольно долго мы скользили над каменистой рав-

ниной, над которой поднимался дым от окруженных красным сиянием вулканов. Потом ее сменил океан маслянистой пенящейся жидкости, по его поверхности медленно перекатывались волны. А затем снова появилась земля — угольно-черная, с пляшущими над ней бледными языками пламени, превратившаяся затем в море темно-красной пузырящейся лавы. Облака, закрывавшие луну, за все это время даже не двинулись с места.

Лава потемнела и затвердела, превращаясь в пыльную пустыню. Появились зелень и странные, покрытые коростой деревья, росшие группами по два-три. По земле тянулись лианы, среди которых виднелись развалины каких-то построек. Я увидел большую каменную глыбу, наполовину вывороченную из земли корнями пятидесятифутового одуванчика, стебель которого был усеян крючьями.

— Уже близко,— сказал Рузвельт.— Это дорога, ведущая в город Фонтевро*.

Он подкорректировал курс, и мы зависли над старой дорогой, ведшей через кошмарные джунгли между обрушившимися стенами и ржавыми стальными каркасами, ставшими опорой для мясистых стеблей, переплетавшихся с бородавчатыми лианами, листья которых, походившие на сгнившую парусину, изгибались над скопищами громадных слепых крысиных голов, напоминавших гроздья чудовищных плодов. У них не было глаз, зато хватало зубов, впивавшихся в оболочку питавших их растений.

Лес под нами стал реже, по обеим сторонам появились высокие грязно-коричневые сооружения, похожие на древние храмы в джунглях Юкатана. На граните и мраморе росли грибы, а бронзовые статуи богов и богинь были изъедены ржавчиной. Лес отступил, и открылась мощеная площадь, посреди которой высилась гора мраморных и стеклянных осколков позади опутанных лианами колонн высотой в сто футов.

Пятна, покрывавшие куски мрамора, постепенно исчезли, широкая площадь разгладилась. Фонтан в ее центре, еще недавно бывший грудой обломков, обрел форму, если не считать отсутствующей головы стоявшей посреди него русалки. Затем послышался громкий отрывистый писк, и на панели зажглась желтая лампочка. Мы прибыли в глаз вероятностной бури.

* Аббатство Фонтевро — один из самых известных средневековых монастырей Франции, место погребения Генриха II Плантагенета.

Рузвельт повесил на плечо какой-то прибор и проверил его показания.

— Нам с вами предстоит стать первыми людьми, чья нога когда-либо ступала на Пустошь,— сказал он.— И если мы совершим хоть малейшую ошибку, станем последними. Любой наш просчет может превратить в ничто всю нашу вселенную.

— Что ж, вполне честно,— ответил я.— Один лишь вопрос: откуда мы знаем, что может стать ошибкой?

— Следуйте своим инстинктам, мистер Керлон,— многозначительно улыбнулся Рузвельт.

Затем он открыл люк, и мы шагнули в мир кошмарных фантазий.

Вокруг нас возвышались величественные здания, освещенные пробивавшимся сквозь рваные облака светом желтой луны. Ближайшее к нам было выстроено из полированного красного камня, украшенного резными барельефами, за чьи выступы цеплялись гигантские лианы, отбрасывая черные тени. Белые мраморные ступени вели от него к усаженному зелеными орхидеями бульвару, по обеим сторонам которого росли громадные дубы. В ветвях, склонившихся над мощеным тротуаром, пели ярко окрашенные птицы. А дальше, за этим островком относительного спокойствия, простирались джунгли, подобно наступающей армии завоевателей.

— Интересно,— тихо сказал Рузвельт.— Здесь почти ничего не тронуто, Керлон. Все осталось таким же, каким было во времена своей славы! Вот Летний дворец, вот собор, вот Академия художеств — стоят как ни в чем не бывало посреди полной разрухи!

— Трудно поверить, что мы в самом сердце бури,— кивнул я.— Тут спокойнее, чем на кладбище.

— Здесь погибла могущественная империя,— сказал Рузвельт.— Там, где мы стоим, когда-то триумфально прохо-

дили победоносные армии с королями во главе. Самые прекрасные женщины во всех вселенных разъезжали в каретах по этим бульварам. Здесь искусство и культура достигли своего высочайшего расцвета — лишь для того, чтобы оказаться отброшенными в невообразимую бездну. Вас не охватывает чувство глубокой скорби по утраченному величию, Керлон?

— Пока что мне куда интереснее найти то, за чем мы сюда пришли.

— Совершенно верно,— неожиданно жизнерадостным тоном ответил Рузвельт. Взглянув на прибор у себя на запястье, он откинул назад шлем.— Воздух в полном порядке.

Я осторожно вдохнул. Воздух оказался теплым и влажным, словно ночью в теплице. Отовсюду доносились разнообразные звуки: шорох листьев, треск гнущихся на ветру ветвей, кудахтанье, ворчание, шипение и блеяние всевозможной живности, словно мы находились посреди крупнейшего в мире зоопарка, всем обитателям которого снились дурные сны. Мощеное покрытие под нашими ногами потрескалось и раздробилось, но идти было можно. Над ним тянулись лианы толщиной с руку, усеянные острыми, словно кинжалы, шипами, блестевшими в свете луны.

— Чтобы защитить челнок, я помещу его в колебательный контур, который не даст ему войти в фазу с любой А-линией,— сказал Рузвельт.— Когда соберемся возвращаться, я смогу вернуть его назад с помощью дистанционного передатчика.

Раздался негромкий хлопок, и челнок исчез. Едва мы тронулись с места, как среди зелени что-то зашевелилось и перед нами над стволом поваленного дерева поднялась тварь, похожая на волосатую змею с собачьей головой, которая уставилась на нас. Сперва мне показалось, будто у нее нет ног, но потом я их увидел: десятки отростков разного размера, торчавшие из десятифутового тела под различными углами. Одна из лиан зашипела и бросилась на нее; щелкнули челюсти, и появилось еще десять футов змеевидного тела с новыми головами, вонзившими в лиану зубы. Лиана несколько раз обвилась вокруг тела твари,

сдавливая ее в своих объятиях. Где-то послышался звук, похожий на кошачье мяуканье, потом раздался треск, и мяуканье перешло в дикий вопль.

— Оружие применяйте только в крайнем случае,— предупредил Рузвельт.— Если оборвете здесь чью-либо жизнь — не важно чью,— нарушите вероятностное равновесие. И в случае даже малейшего отклонения челнок может не среагировать на вызов.

По другую сторону аллеи виднелась арка, почти скрытая под наростом поганок размером с ванну, но еще можно было различить вырезанные из камня фигуры и цветы на ее верху. Рузвельт снова сверился со своими приборами.

— Похоже, наша цель — Королевский архив,— сказал он.— Прямо перед нами.

Боковая улица тянулась вдоль стены растительности, когда-то бывшей парком. С нашей же стороны высился монументальный фасад, увешанный лианами. В некоторых окнах до сих пор сохранились стекла, но большинство из них были слепы, словно пораженные зеленой катарактой глаза. Там, где когда-то находилась дверь, в стене за лианами зиял пролом.

— Кто-то пользовался этим входом,— сказал я.— Кто-то размером с носорога.

— И тем не менее нам следует идти именно туда,— ответил Рузвельт, продираясь сквозь завесу липких, испещренных желтыми пятнами листьев размером с гарнизонный флаг.

Под слоем мха проступали каменные плиты. Пройдя полсотни футов, мы уперлись в тупик. Рузвельт достал фонарик и посветил на сплошную стену лиан.

— Придется прорубаться.

Он поменял настройки фонаря, и луч, ставший ярко-красным, рассек спутанную растительность. Полминуты спустя в ней образовалась достаточно большая дыра для того, чтобы через нее можно было пролезть.

Прицепив фонарик к поясу, он двинулся вперед. Я последовал за ним и вдруг услышал страшный рев, будто потревожили спящего тигра. Я прыгнул в дыру, хватаясь за пистолет, и увидел низкие стены, освещенные лунным

светом, черный газон, фонтан с водой. Рузвельт стоял спиной к статуе Нептуна, глядя на существо, которое, казалось, явилось прямо из волшебной сказки, с длинным кошачьим телом, с гривой на шее и с орлиным клювом — если у орлов бывают клювы длиной в два фута. Лапы были до половины покрыты чешуей и заканчивались громадными острыми когтями. Это был грифон — наполовину лев и наполовину орел, и обе половины явно намеревались с нами расправиться.

Я заорал и выстрелил вверх, чтобы отпугнуть зверя. Он встал на задние лапы, продемонстрировав белоснежное брюхо и дав возможность заглянуть в красную пасть. Желтые глаза размером с котелок окружала сверкающая серебристая чешуя. Более темная шла вдоль морды, заканчиваясь там, где начиналась белая грива. В раскрытом клюве извивался, подобно змее, острый черный язык. Я успел увидеть все это за те несколько мгновений, пока пятился назад, думая о том, что же Рузвельт считал крайним случаем.

— Не стреляйте! — крикнул он.— Он ручной!

Я хотел было спросить его, кто в таком случае, с его точки зрения, является диким, но тут понял, что он имел в виду. Грудь зверя охватывала упряжь, почти полностью скрытая гривой. С черной кожи свисали серебристые украшения, позвякивая при каждом движении. Зверь опустился на четыре лапы в нескольких футах от меня и с громким хриплым мяуканьем сел. Он успел вовремя — в следующие полсекунды я бы всадил ему заряд в сердце, что стало бы серьезной ошибкой, поскольку как раз в этот момент из тени появилась хозяйка зверя.

7

Я уже достаточно насмотрелся на собакоголовую змею, грифон тоже произвел на меня немалое впечатление, но ни то ни другое не могло сравниться с тем, что предстало моему взору.

Это была девушка — высокая, полногрудая, длинноногая, с кожей цвета мрамора и пышными темно-рыжими волосами; лицо ее было подобно сновидению, в котором ее улыбка исчезает навсегда и ты просыпаешься, охваченный страстью. Всю ее одежду составляла полупрозрачная накидка из тонкой белой ткани, подчеркивавшая формы ее ягодиц и бедер, покачиваясь в воздухе в такт движениям девушки. Она подошла к зверю, загнавшему меня в угол, и сказала:

— Нехорошо, Вроделикс! Разве так приветствуют гостей?

Зверь понурил голову и заскулил, словно щенок-переросток.

Девушка оттолкнула чудовище в сторону и посмотрела на меня. Ее темно-синие глаза блеснули в свете луны, и я узнал эти глаза — я видел их во сне.

— Ты человек? — спросила она.— Или бог?

Судя по ее тону, и то и другое было вполне равновероятно. Я ответил, и она кивнула.

— Я рада. Я смертная женщина.

Она посмотрела на подошедшего Рузвельта, который вежливо поклонился и улыбнулся.

— Но ты — бог,— сказала она.

— Всего лишь человек, дорогая,— возразил он.— Питер Рузвельт, к вашим услугам. А это Ричард Керлон.

Она улыбнулась ему, и у меня вдруг возникло очень странное ощущение, будто я упустил нечто крайне редкое и ценное.

— А я — Иронель, Питер,— сказала она.

— Ты живешь здесь одна? — спросил Рузвельт.

— О нет. Со мной Вроделикс.— Она провела рукой по лоснящейся шерсти на шее кошмарного животного.— У меня есть и еще друзья, а теперь даже два новых!

Она схватила за руку Рузвельта, а потом меня и улыбнулась нам обоим. Мы улыбнулись в ответ.

— Расскажи мне о своих... э... друзьях, Иронель,— мягко, почти по-отечески попросил Рузвельт.

— Конечно, Питер! Ронизпел Лазальщик, Чазз Подземник, Арнк Колючий и множество других!

— Это все звери?

Она на мгновение задумалась.

— Почти все,— ответила она.— Разве что, может быть, кроме Чазза. Но вы с ним скоро познакомитесь. О, как они вам обрадуются! — Она замолчала, будто внезапно что-то вспомнив.— Вот только старый Гарфф... не уверена, что ему это понравится.

— Ты давно здесь живешь? — продолжал расспрашивать Рузвельт.

— То есть как? Всегда.— Похоже, ее удивил глупый вопрос.

— Где твои родители?

— Кто такие родители?

— Люди, которые тебя воспитали, научили говорить, так красиво одеваться?

— Ну... это странная мысль, Питер! Разве кому-то надо учиться говорить, так же как Арнку плести свои сети над Темными Местами? — Она коснулась мягкой складки своего одеяния.— А одежду, естественно, сделал мне Арнк.— Она посмотрела на нейлоновый костюм Рузвельта, тронула меня за рукав.— Надо будет показать ему работу ваших ткачей, для него сделать подобное будет непросто.

Она рассмеялась, явно довольная своей идеей.

— Здесь больше нет других людей — таких, как ты и мы? — настаивал Рузвельт.

— Но вы ведь не такие же! — рассмеялась Иронель.— Вы выше меня, и у вас короткие волосы, широкие плечи и плоская грудь — не как у меня.

Она коснулась собственного тела, провела рукой по стройной талии, словно пытаясь ощутить разницу кончиками пальцев.

— Мы мужчины,— с легкой улыбкой ответил Рузвельт.— Ты женщина. Здесь есть другие люди, не важно, какого пола?

Похоже, вопрос ее озадачил.

— Нет, никого,— сказала она.

— Что ты ешь? Как ты согреваешься зимой?

— Ну... Чазз приносит мне корни из-под земли, а Ронизпел знает, где раньше всего созревают виноград и дыни. А когда земля становится белой, я живу в доме, и Арнк затягивает окна своей лучшей тканью, чтобы не пропустить внутрь холод.

Вроделикс заскулил, и пока девушка его успокаивала, Рузвельт подошел ближе ко мне.

— И мы должны поверить, что это бедное дитя природы живет тут совсем одна, как она утверждает? Может ли такое быть?

— Похоже на то. По каким-то причинам Пустошь оставила нетронутым этот клочок земли, который вы назвали глазом бури. Но именно в самом центре урагана царит *абсолютное спокойствие*.

Вернулась улыбающаяся Иронель.

— Пойдем,— сказала она.— Я покажу вам свои игрушки!

Она повела нас по мощеной дорожке между ухоженными клумбами, где среди роз и ромашек росли черные и золотистые грибы. Мы прошли под арку через зал с покрытым мозаичной плиткой полом и поднялись по лестнице в широкий полутемный коридор, перегороженный в двадцати футах впереди обрушившейся кирпичной кладкой, но оставшаяся его часть была чисто подметена. Девушка открыла дверь в комнату с толстым черным ковром и высокими окнами без стекол, с занавесками из того же полупрозрачного материала, что и ее одежда. Посреди комнаты стояла высокая кровать с белым шелковым балдахином, украшенная вышитым золотой нитью цветочным орнаментом. Иронель присела возле большого сундука с резной крышкой и, открыв ее, достала рулон алой ткани.

— Красиво, правда? — сказала она, оборачивая ткань вокруг себя.

Я вынужден был признать, что действительно красиво.

Достав шкатулку поменьше, она высыпала на ковер золотые монеты. Я присел, чтобы их собрать, и обнаружил,

что ковер на самом деле представляет собой слой мха, мягкий и ровный, словно черный бархат.

— А вот еще! — Она разбросала среди монет драгоценные камни, сверкнувшие, словно горячие угли.

— А вот мое самое дорогое сокровище! — сказала она, высыпая на мох разноцветные раковины, и рассмеялась.— А теперь нужно их рассортировать и убрать. Отличная игра, верно?

Рузвельт поднял большой граненый рубин с вырезом на одной из вершин.

— Где ты это взяла? — хрипло спросил он, сверля ее взглядом.

Похоже, она даже не заметила внезапной перемены в его поведении.

— В Прекрасном Месте. Там еще много таких, но этот больше всего мне нравится.

— Покажи! — бросил он.

— Спокойно, генерал,— сказал я.— Поиграем сперва в игру юной леди, а потом уже в нашу.

Несколько мгновений он не отрываясь смотрел на меня, потом расслабился, улыбнулся и громко рассмеялся, а затем, опустившись на колени, начал собирать раковины, складывая их в аккуратную кучку.

Мы спустились вниз, и девушка повела нас по широкой, залитой лунным светом аллее, почти полностью перекрытой сверху лианами. Вроделикс шел рядом с ней, то и дело шипя и все больше нервничая, по мере того как мы приближались к разрушенным зданиям в дальнем конце аллеи.

— Бедный зверь, он еще помнит Восьминогих и Клыкастых,— сказала Иронель.— Они успели его напугать, прежде чем он их всех убил.

Она показала на высокое, почерневшее от плесени здание, возвышавшееся над завалами каменных обломков.

— Вроделиксу не нравится, что я иду туда. Но когда вы со мной, нам ничто не может угрожать.

— Государственный музей,— сказал Рузвельт. Он посмотрел на прибор у себя на запястье, но даже если показания о чем-то ему и говорили, он об этом промолчал.

Мы прошли через заросший травой вход, пересекли зал, стены и потолок которого были покрыты лианами, и поднялись по широкой изогнутой лестнице. Второй этаж оказался в лучшем состоянии — там стояли стеклянные витрины, покрытые пылью, но целые. На стенах висели старые картины, с которых смотрели тронутые плесенью лица незнакомцев в стоячих воротниках и шлемах с перьями, но их застывшие выражения казались скорее испуганными, нежели надменными. Мы прошли в следующий зал, где на полусгнивших манекенах с отсутствующим взглядом висели когда-то роскошные образцы военной формы, с высокими сапогами и плащами, отделанными съеденной молью тигровой шкурой. В затянутых паутиной витринах были выставлены изящные седла и потрепанные полковые флаги вместе с пиками, дуэльными пистолетами и фитильными мушкетами.

— А теперь закройте глаза,— сказала Иронель и взяла нас за руки.

Пальцы у нее были тонкие, холодные и мягкие. Она проследила, чтобы я выполнил ее распоряжение, затем повела нас на три ступеньки вверх, еще через один зал, вокруг каких-то препятствий, потом снова вниз. Мне уже начало становиться интересно, сколько может продолжаться это хождение вслепую, когда она вдруг остановилась и сказала:

— Откройте глаза!

Через окно с цветными стеклами струился лунный свет, падая на серый каменный пол перед алтарем со стройными колоннами, золотым куполом и серебряными подсвечниками. Внутри лежал отделанный серебром ковчег. Перед алтарем стоял каменный саркофаг с высеченной на нем фигурой крестоносца в доспехах, скрестившего руки на рукояти меча, который лежал на его груди, подобно распятию.

— Тебе нравится мое Прекрасное Место? — затаив дыхание, спросила Иронель.

— Да, оно очень нам нравится,— тихо ответил Рузвельт.— Не покажешь, где ты нашла тот камень?

— Здесь.— Иронель повернулась к окованному бронзой сундуку, стоявшему слева на деревянных козлах.

Рузвельт поднял крышку. Мягкий свет упал на кольца, браслеты и броши. Иронель подняла золотую цепочку и немного подержала ее в руке, потом бросила и взяла другую, серебряную, с покачивающимся на ней аметистом.

— Эта красивее,— сказала она.— Как думаешь, Питер?

— Намного красивее, моя дорогая.

Он посмотрел мимо нее, окидывая взглядом маленькую часовню, потом снова взглянул на прибор на запястье и направился к алтарю. Иронель вскрикнула и схватила его за руку.

— Питер, нет! Тебе нельзя к нему приближаться!

Он улыбнулся, но улыбка его была скорее мрачной, чем умиротворенной.

— Все в порядке,— успокаивающе сказал он, стряхивая ее руку.— Я только хочу взглянуть.

— Питер, нельзя! Если до него дотронуться, будет очень плохо! Разве ты этого не чувствуешь?

Не слушая ее, он сделал еще шаг и остановился. Где-то вдалеке послышался грохот. Пол вздрогнул, и в окне треснуло стекло. Я встал рядом с ним.

— Вы здесь всего лишь гость,— сказал я.— Может, все-таки стоит подчиняться местным правилам?

Он бросил на меня взгляд, подобный молнии.

— Это только мне решать,— буркнул он и двинулся дальше.

Я схватил его за руку, твердую, словно дубовые перила. Он изо всех сил пытался освободиться, а я старался его удержать, и, похоже, силы были равны.

— Девушка говорит «нет», генерал,— сказал я.— Возможно, она права.

— Одумайтесь, Керлон,— все так же спокойно проговорил он.— Вспомните, зачем мы сюда пришли!

— Вы сами сказали, что равновесие неустойчиво,— не отступал я.— Так будьте осторожны, если не уверены в том, что делаете.

Снова послышался грохот, на этот раз ближе. Я почувствовал, как пол зашевелился у меня под ногами. Грифон взвыл, вцепившись в пол когтями. Иронель застонала. Услышав какой-то звук над головой, я посмотрел вверх — как раз вовремя, чтобы увидеть падающий на меня приличных размеров камень. Я нырнул в сторону; удар был такой, словно столкнулись два локомотива. Во все стороны, словно шрапнель, полетели каменные осколки. Рузвельт развернулся и бросился к алтарю. Грифон зашипел и встал на дыбы, готовый обрушиться на него, но Иронель что-то крикнула, зверь снова сел, прижав уши, и Рузвельт пробежал мимо него. Я кинулся следом, и прямо между нами рухнул кусок мрамора. Пол раскачивался, словно студень, и обломки камня, потолочной мозаики, цветного стекла, металла и статуй плясали на нем, будто капли воды на раскаленной плите. Рузвельт оказался в самой гуще падающих вокруг, подобно осколкам бомб, камней. Один из них ударил его в плечо, но он устоял. Его шатало, но он упорно пытался добраться до алтаря. Ему оставалось лишь шесть футов до цели, когда купол над алтарем провалился и рухнул вниз. Упала одна из колонн, которая едва его задела, но при этом отбросила на десять футов. Он перекатился в пыли и застыл неподвижно, словно сломанная кукла. Грохот утих. В тишине послышался стук нескольких падающих камешков.

Иронель опустилась на колени рядом с Рузвельтом и дотронулась до его лица.

— Он умер? — прошептала она.

Я быстро осмотрел его. В черепе зияла неприятная вмятина. Дыхание было редким и хриплым, но пульс оставался ровным.

— Он сильно ранен,— сказал я.— Но не мертв — пока.

С помощью Иронель я взвалил его на спину, перенес в ее спальню и уложил в темноте на кровать.

8

После долгой ночи наконец наступил рассвет. Иронель спала, положив голову на кровать, где лежал Рузвельт. Когда я разбудил ее, она улыбнулась.

— Он все еще жив, Ричард,— сказала она.

— Я снова проверил пульс. Сердце билось ровно, но дыхание было редким и прерывистым. Я дотронулся до вмятины над его глазом.

— Нужно что-то делать,— сказал я.— Ты можешь развести огонь?

— Ронизпел боится огня,— ответила она.— Но если я попрошу, он его мне принесет.

Я обследовал рану. Кость треснула, и в ране остались мелкие осколки. Иронель вернулась с бронзовым подносом, в котором лежали тлеющие угли. Я не стал задавать вопросы, просто добавил к углям немного сухих веток и обжег на огне нож.

Сделав два перекрестных разреза, я отогнул края кожи вокруг раны. Иронель вела себя словно обученная медсестра, следуя за каждым моим шагом и даже ни о чем не спрашивая. Пока она держала разрез открытым, я простерилизовал на огне проволочный крючок и с его помощью поставил обломки кости на место. Закончив, я закрыл рану. Рузвельт все еще дышал. Иронель зашила разрез красной шелковой нитью и села рядом с ним, глядя на его лицо. Я нашел себе подходящий угол и отправился спать.

Я проснулся оттого, что на лицо мне падал свет. Иронель сидела рядом со мной, и ее лицо казалось в полумраке мертвенно-бледным.

— Ричард... я боюсь за Питера.

Я встал и подошел к Рузвельту. Он лежал на спине с закрытыми ввалившимися глазами и искаженным в мучительной гримасе лицом, что-то хрипя сквозь сжатые зубы и царапая пальцами простыню.

— Нет...— донеслись до меня сдавленные слова.— Никогда... не склоняй головы... лучше... разрушение навеки...— Его голос перешел в бессвязное бормотание.

Я коснулся пальцами его шеи. Кожа была горячей, словно раскаленное железо. Рана на лбу опухла и воспалилась.

— Мне очень жаль,— сказал я.— Но нам нужны лекарства, которых у нас нет.

— Ричард,— прошептала девушка.— Чазз говорит, что мы должны отнести Питера к нему.

Я посмотрел на нее: на ее большие темные глаза, рыжие локоны, прилипшие к белой коже.

— Его нельзя трогать.

— Но... Чазз не может прийти сюда, Ричард!

Я взглянул на Рузвельта. В медицине я не слишком разбирался, но мне уже приходилось видеть умирающих. Я поднял его, и девушка повела меня через темные залы, среди черных лиан и упавших статуй, в полную разнообразных запахов ночь.

В высохшем фонтане посреди заросшего травой сада резвились каменные русалки. Иронель раздвинула кусты, росшие сквозь трещину в бассейне, и перед нами открылось отверстие. Крутые каменные ступени вели вниз, откуда пахло грибами и влажной глиной. Иронель шла впереди. Когда мы оказались внизу, она осветила моим фонариком покосившиеся полки, заполненные пыльными винными бутылками. В дальнем конце помещения зиял пролом, напоминавший гигантскую крысиную нору, из которой воняло, словно из обезьянника в зоопарке.

Иронель, казалось, этого не замечала. Она подошла к дыре и крикнула:

— Чазз, это я, Иронель, и Ричард, мой друг. Мы принесли Питера!

В ответ раздалось нечто напоминавшее скрежет трущихся друг о друга камней. Иронель повернулась ко мне.

— Чазз говорит, что мы можем его внести.

Я спустился в дыру, которая вела в туннель с гладкими стенами, прорытый во влажной земле. Туннель извивался, опускаясь все ниже, пока не уперся в неровную стену из бугорчатой мокрой кожи. Иронель посветила на стену, и я увидел лицо шесть на шесть футов, с широким крючко-

ватым носом и ввалившимися веками, которые поднялись, открыв глаза размером с баскетбольные мячи. На щеках и скошенном морщинистом лбу росли волосы, грубые, словно шерсть мамонта. Там, где волос не было, виднелась черная чешуйчатая кожа, покрытая складками, подобно носорожьей шкуре. Из-под красных губ показались щербатые зубы, похожие на могильные камни. Рот открылся, и раздался грохочущий рев.

— Он говорит, чтобы его положили сюда,— перевела Иронель.

Я сделал так, как она просила. Рузвельт лежал словно труп, бледный как смерть. Громадные глаза окинули его взглядом. Изо рта высунулся язык, похожий на розовое пуховое одеяло, попробовал на вкус воздух и снова исчез.

— Он обрушил камни,— проревел голос на этот раз более отчетливо — или, возможно, я уже начал привыкать к подобным звукам.

— Он не знал, Чазз, дорогой,— умоляюще сказала Иронель.— Он никому не хотел причинить вреда.

— Камень ударил меня,— прорычал Чазз.

Гигантский череп слегка повернулся, и показался край *запекшейся черной коркой ссадины, в которую поместилась бы моя рука.*

— Бедный Чазз... тебе очень было больно?

— Не очень, Иронель.— Лицо снова повернулось к нам, и по кожистой щеке сползла слеза, которой вполне хватило бы, чтобы наполнить чайную чашку.— Не бойся за Чазза. Чазз в полном порядке, Иронель.

— Так ты можешь помочь Питеру?

Чудовищные глаза снова уставились на лежащего без сознания Рузвельта. Веки наполовину опустились, словно морщинистые кожаные заслонки.

— *Попробую,— прогрохотал монстр.— Я* чувствую боль... в этом месте. Очень страшная боль, но не она убивает Питера. Нет, это то, что тянется... здесь и здесь! Но я пытаюсь... пытаюсь оттолкнуть их...— Голос перешел в бормотание, подобное треску ледника, тающего под весенним солнцем.

Рузвельт пошевелился, издал слабый звук. Иронель положила руку ему на лоб. Посветив фонарем, я увидел, что его лицо постепенно обретает цвет. Он вздохнул, беспокойно задвигал руками, потом застыл. Дыхание его выровнялось.

— Арррх,— прорычал Чазз.— Дурное все еще в нем, Иронель! Я пытаюсь его излечить, но чую дурное, которое все еще там! Лучше я сразу его убью...

— Чазз, нет! — Иронель бросилась к Рузвельту, прикрывая его своим телом.— Ты не можешь!

— Я чую дурное внутри его,— повторил Чазз.— И меня это пугает!

— Он всего лишь человек, Чазз, он сам так сказал. Так же как и Ричард! Ричард, скажи ему! — Иронель схватила меня за руку.— Скажи Чаззу, что Питер наш друг!

— Что именно дурное ты в нем чувствуешь, Чазз? — спросил я.

Тот повернул ко мне свои чудовищные глаза.

— Когда падают камни, я их чувствую,— ответил он.— А когда я проник внутрь его, я снова почуял то же самое. Там, в красных пещерах его спящего мозга, таятся черные мысли, Ричард. И ради них он готов уничтожить весь мир.

— У себя дома он весьма важная персона. Он прибыл сюда, чтобы попытаться спасти мир. Да, он совершил ошибку и в результате едва не погиб. Не думаю, что сейчас он может причинить кому-то вред.

— Я видел его в своих снах, когда спал здесь под землей,— прорычал Чазз.— Зачем он пришел сюда, Ричард? И зачем пришел ты? Ибо тебя я тоже видел во сне. Ты несешь проклятие этому миру, и он тоже. Но я не знаю, чье проклятие сильнее.— Он снова зарычал.— Я боюсь его, Ричард. Но ради Иронель я предоставляю его своей судьбе. А теперь заберите его от меня. Разум его болен, и боль эта вонзается мне прямо в сердце.

Я поднял Рузвельта и отнес его обратно по вонючему туннелю в комнату Иронель.

Утром она разбудила меня, принеся золотистую дыню на золотом блюде и гроздь красных виноградин размером

со сливы, и сказала, что Рузвельту уже лучше. Я подошел к нему — он все так же лежал на спине, без сознания. Никаких особых изменений я не заметил, но температура, похоже, упала до нормальной, выровнялись также пульс и дыхание. Возможно, я оказался лучшим нейрохирургом, чем думал.

Иронель показала мне свое королевство: нижние этажи здания, в котором она жила, сад, то, что осталось от улицы после землетрясения. Падавшие сквозь листву лучи раннего утреннего солнца создавали ощущение безмолвной зловещей красоты. Иронель вела меня за руку, показывая небольшие цветочные клумбы в укромных местах, чистую воду в бассейне, который, вероятно, когда-то был прекрасным фонтаном, разбросанные камни среди буйной травы — остатки гипсовой статуи.

Мы спустились по выщербленным мраморным ступеням под громадными старыми деревьями и выкупались в пруду, поднялись на разрушенную башню, откуда через украшенное каменными фигурами окно видны были другие башни, торчавшие над джунглями. Вечером мы сидели на скамейке в саду, слушая уханье, ворчание и шипение ночных созданий, бродивших совсем рядом. Иногда она заговаривала со мной, рассказывая о своих друзьях и играх, или напевала странные песни без слов, а иногда просто отстраненно улыбалась, словно радуясь просто тому, что живет. Мне хотелось задать ей множество вопросов, но я ни о чем не спрашивал. Она чем-то напоминала спящего ребенка, и мне не хотелось ее будить. Ночью она пришла ко мне в постель и спала со мной, словно маленькая девочка.

Прошел еще день, и Рузвельт пришел в себя, после чего, слабо улыбнувшись, снова заснул. На следующий день он уже был в сознании. Казалось, он вновь стал прежним, к нему вернулись уверенность в себе и прочее — если не считать ввалившихся щек. По его словам, он ничего не помнил о том, что случилось после того, как мы встретили девушку.

С тех пор он стал быстро поправляться. На четвертый день он уже ходил. На пятый, возвращаясь из похода за фруктами к границе джунглей, я услышал дикий рев со стороны парка, а затем несколько выстрелов. Рев был мне хорошо знаком — это был Вроделикс, вне себя от ярости. Бросив красно-желтые манго, которые я собрал, я помчался к воротам. В десяти футах от них я обнаружил грифона, вытянувшегося возле фонтана с дельфинами, с тремя дырами в шкуре. Он застонал и попытался подняться, а потом упал замертво, раскрыв клюв. Я побежал через парк, потом вверх по лестнице, пытаясь звать Иронель, но ответа не было. Позади послышался негромкий шорох, и, повернувшись, я увидел вышедшего из тени Рузвельта с направленным мне в голову нейропистолетом.

— Мне очень жаль, Керлон,— сказал он.— Но у меня нет другого выхода.

Он нажал на спуск, и мир вокруг меня опрокинулся.

Я лежал на спине, глядя словно в тумане на склонившегося надо мной Рузвельта. Лицо его исхудало, а повязка над глазом напоминала большой крест, нарисованный губной помадой. Голос его доносился словно из бездны, но слова вполне можно было разобрать.

— Вставайте, Керлон. Я парализовал вашу волю, но вы можете меня слышать. Мы должны исполнить свой долг.

Я почувствовал, что поднимаюсь на ноги. Казалось, будто их отделяют многие мили от моей головы, плавающей где-то высоко над облаками. Мои руки были связаны спереди.

— Туда,— сказал Рузвельт.

Мы прошли через сад, мимо несчастного зверя, распростертого на камнях, и вышли на лежащую в руинах улицу. Внутри моей головы не смолкало высокое гудение, а свет выглядел несколько странно, будто начиналось солнечное затмение. Мы вошли в музей, поднялись по заваленной обломками гипса лестнице в большой зал, где лежали распростертые на полу манекены в доспехах, словно жертвы катастрофы. В часовне сквозь разбитое окно, подобно прожектору, лился яркий солнечный свет. Алтарь

все еще стоял на месте, окруженный обломками золотого купола. Чувствовалось, будто весь мир напоминает натянутую до предела тетиву.

— Идите вперед,— велел Рузвельт.

Пробираясь среди каменного крошева, я перешагнул через разбитый саркофаг, смахнул сгнившие лохмотья бархатного покрывала и остановился перед алтарем.

— Возьмите шкатулку,— приказал Рузвельт. Я неуклюже поднял ее связанными руками. Она оказалась тяжелой, и от ее поверхности исходило легкое покалывание, словно через нее шел электрический ток. Пол под ногами завибрировал. Вокруг слышалось громыхание, похожее на раскаты отдаленного грома. Рузвельт оскалил зубы, но отнюдь не в улыбке.

— Дайте мне,— сказал он.

Я протянул ему шкатулку на фоне все усиливавшегося грохота.

— Смотрите-ка, сами небеса разгневаны нашим поступком,— сказал он.— Но мы получили, что хотели. А теперь идем.

Он повернулся, и я последовал за ним. Сверху рухнул кусок резного камня, грохнувшись в нескольких футах от нас. Начали падать и другие, но ни один нас не задел. Когда мы добрались до двери, позади нас обрушилась крыша. На лестнице я ощущал, как камни распадаются у меня под ногами, но она держалась до тех пор, пока мы не оказались в большом зале, и лишь затем осыпалась грудой обломков.

На улице царил полнейший хаос. Здание на другой стороне улицы осело, наклонилось и рухнуло на площадь.

Мы перепрыгивали через разбитые тротуарные плиты, со скрежетом сталкивавшиеся друг с другом, словно ломающиеся льдины. Упало дерево, увлекая за собой спутанный клубок лиан, через джунгли с громким ревом ломилась какая-то тварь размером с дом.

— Центр вероятностного шторма перемещается, следуя за нами,— крикнул мне Рузвельт.— Нам сильно повезет,

Керлон, если мы сумеем добраться до челнока, прежде чем здесь все обратится в прах! Держитесь возле меня!

Он побежал, и я побежал рядом с ним, в то время как мир вокруг нас разваливался на части.

На поляне, где мы оставили челнок в режиме полуфазы, Рузвельт достал из поясной сумки пульт дистанционного управления. Я заметил какое-то движение среди деревьев прямо над ним, но даже не успел что-либо сказать. Из-под гигантских листьев появился гигантский паук с толстыми щетинистыми лапами и фасетчатыми глазами величиной с тарелку. Он раскачивался на комковатом сером канате, выставив перед собой наготове пару клешней.

— Ронизпел, нет! — послышался позади нас крик Иронель, и паук замешкался на несколько мгновений, которых хватило Рузвельту, чтобы выхватить пистолет и выпустить несколько пуль в раздутое брюхо, висевшее в десяти футах над ним.

Тварь рухнула на землю, дергая всеми восемью ногами. Иронель с криком бросилась к ней, в то время как Рузвельт еще несколько раз выстрелил в умирающее чудовище. Отшвырнув девушку в сторону, он нажал кнопку на пульте. Вокруг послышалось гудение, свет померк, приобретая свинцовый оттенок, будто перед грозой. Закружились подхваченные вихрем листья, и перед нами возник челнок, приземистый, черный, смертоносный. Люк открылся, озарив полумрак ярким светом.

— Керлон, сюда! — крикнул Рузвельт.

Земля подо мной содрогнулась. Я пробежал мимо рыдающей девушки и развороченного тела паука. В джунглях слева от меня раздался громкий треск, земля разверзлась, и из нее появилась голова Чазза, щурившегося от яркого света. Он перевел взгляд на девушку, и рот его раскрылся в яростном реве. Рузвельт поднял пистолет и выстрелил в громадную морду, от которой полетели во все стороны клочья мяса и черной крови, и Чазз взвыл в агонии. Потом я оказался внутри челнока, а Рузвельт захлопнул позади меня люк. Достав наручники, он приковал меня к креслу. Экран засветился розовым, затем очистился, по-

казывая происходящее снаружи. Чаззу удалось выбраться из земли по плечи, и его громадные узловатые руки с обломанными черными когтями тянулись к девушке. Он коснулся ее одним пальцем, а потом гигантская голова наклонилась... но в это мгновение Рузвельт включил двигатель, изображение на экране растаяло, словно воск на солнце, и джунгли сомкнулись над тем местом, где когда-то был сад Иронель.

9

Очнувшись, я обнаружил, что наступило раннее утро и сквозь занавески на открытом окне сияет яркое солнце. Голова у меня болела, словно треснутая наковальней. Рядом со мной в обтянутом парчой кресле сидел Рузвельт, облаченный в фантастическое одеяние, которое тем не менее на нем выглядело вполне естественно: короткий свободный плащ с меховым воротником, обтягивающие бриджи, туфли с украшенными драгоценными камнями помпонами, большая золотая цепь на груди, расшитые рубинами рукава, дорогие перстни на пальцах.

— Доброе утро,— весело приветствовал он меня, протягивая чашку кофе.— Нам нелегко пришлось, но теперь все закончилось, Керлон. Я крайне сожалею о том, на что вынужден был пойти, но у меня не было выбора. Но в итоге мы оба, вы и я, одержали победу, и ее плоды принадлежат нам.

Голос его звучал негромко, но черные глаза возбужденно блестели, словно он уже предвидел грядущую славу. Я попробовал кофе. Он оказался горячим и крепким, но головная боль не проходила.

— Вы ведь понимаете меня, не так ли? — Он пронзил меня взглядом.— Нас ждет новая великая судьба — не только меня, но и вас. Только представьте себе, Керлон! Кто бы не хотел получить власть над ходом событий и изменить его так, как того пожелает его душа! И мы — мы вместе — это сделали! Из праха старого мира восстает новый —

мир, в котором наши судьбы возвышаются, подобно колоссам над безликой толпой! Это мир, каким он должен быть, Керлон, мир могущества и славы, каким никто никогда не видел его прежде,— простертый у наших ног, подобно ковру! Мы перевели стрелки часов судьбы, вернули историю на путь, который, казалось, был обречен навсегда!

— Что с девушкой? — спросил я.

— Мне очень жаль, но она была всего лишь тенью в одном из погруженных в сумрак миров. Боюсь, она вас чересчур очаровала. Но я поступил так, как должен был поступить. Я взял бы ее вместе с нами, но это невозможно. Ткань, которую я плету, на данной стадии слишком хрупка, чтобы выдержать перенос ключевой фигуры с одной из периферийных А-линий.

— Понятия не имею, что вы делаете, Рузвельт,— сказал я.— Но в любом случае цена чересчур высока.

— Когда-нибудь вы все поймете, Керлон. Поймете лучше любого иного представителя человечества. Ибо из всех стоящих на доске миллионов пешек вы единственный, равный мне, и ваша судьба тесно переплетается с судьбой нового мира.

— Можете на меня не рассчитывать, генерал,— ответил я.— Я не собираюсь участвовать в ваших секретных операциях. И если вы скажете мне, где мои штаны, я сейчас встану и уйду.

Рузвельт слегка улыбнулся и покачал головой.

— Керлон, не говорите глупостей. Вы хоть представляете, где находитесь?

С трудом поднявшись с кровати, я подошел к окну и посмотрел на газоны и клумбы, показавшиеся мне почти знакомыми.

— Эта мировая линия лежит вдалеке от хаоса Пустоши,— сказал Рузвельт, пока я надевал оставленные для меня свободную рубашку и обтягивающие брюки.— Общеисторическая дата с вашим миром — тысяча сто девяносто девятый год от Рождества Христова. Мы находимся в городе Лондр, столице провинции Новая Нормандия, ав-

тономного герцогства под властью французского короля Людовика Августа. Здесь происходят великие события, Керлон. Мятежники оспаривают власть императора, верноподданных граждан обвиняют в измене, Людовик ждет, готовый в случае нужды высадить войска в Гарвиче, Дувре и Ньюкасле. Достаточно малейшего толчка, чтобы разразилась война. И именно ее мы должны предотвратить.

— А какое вы имеете к этому отношение, генерал?

— Меня здесь хорошо знают; я пользуюсь доверием как наместника Гаррона, так и влиятельных членов мятежной группировки. Надеюсь, мне удастся предотвратить кровопролитие и стабилизировать ситуацию. Чтобы обуздать мощный поток энергии, который я сюда направил, необходима устойчивая А-линия. Помните, что я вам говорил о ключевых предметах и ключевых линиях? Новой Нормандии предстоит стать ключевой линией данного кванта вероятности с помощью артефакта, который мы принесли с собой. А когда возвысится новая главная линия, взойдут и наши звезды!

— А я-то тут при чем?

— Десять дней назад герцог Ричард упал замертво во время публичной церемонии на глазах всего народа. Говорят, будто его убили. Мятежники обвиняют верноподданных в устранении прирожденного лидера бриттов, те, в свою очередь, обвиняют мятежников в убийстве человека, которого они считали не более чем вассалом французского короля. Напряжение достигает критической точки, и его необходимо разрядить.

— Мне это пока что ни о чем не говорит.

— Это же очевидно,— сказал Рузвельт.— Будучи потомком рода Плантагенетов, вы предложите себя на роль герцога Лондрского.

— Да вы с ума сошли, генерал,— заявил я.

— Нет ничего проще.— Он махнул рукой.— Никто не станет отрицать, что вы достаточно похожи на покойного герцога для того, чтобы быть его братом. Однако мы представим вас как более дальнего родственника, тайно воспитанного к северу от шотландской границы. Ваша внешность удовлетворит даже самого фанатичного из мятежников, и, конечно, вы выступите с заявлениями, достаточно вызывающими для того, чтобы ублажить эту клику. Вам также предстоит вступить в диалог с наместником Гарроном, направленный на разрешение кризиса и восстановление порядка.

— А почему я должен всем этим заниматься?

— Это драма самой жизни, а вы являетесь ее частью с самого рождения и даже раньше. Как и я, вы наследник могущественной династии. Все то, чем вы могли стать, что могли совершить ваши аналоги, все отражения во времени и истории любых действий представителей этого великого клана, жизнь которых оборвалась в расцвете сил, вся эта отвергнутая вероятностная энергия должна найти свое выражение в вашей личности и в том мире, который вы поможете создать!

— А что будет с моим собственным миром?

— Новая главная линия станет господствующей,— бесстрастно ответил Рузвельт.— После перестройки, которой сопровождается ее создание, менее значительными линиями придется вынужденно пожертвовать. Линии Империума и Пустоши уйдут в небытие. Но это не имеет для вас ни малейшего значения, мистер Керлон, так же как и для меня. Наша судьба принадлежит не им.

— Похоже, вы все хорошо рассчитали,— сказал я.— И только в одном ошиблись.

— В чем же?

— Я так не играю.

Рузвельт мрачно посмотрел на меня.

— Поймите, Керлон, я хочу, чтобы вы стали моим добровольным союзником; но вы все равно мне поможете, даже если вам придется это делать не по своей воле.

— Вы блефуете, Рузвельт. Вам нужна ходячая говорящая марионетка, а не человек со связанными руками.

Он раздраженно отмахнулся.

— Я уже говорил вам, что сожалею о том, что мне пришлось дать вам снотворное, чтобы доставить сюда, но если у меня не будет иного выхода — я снова сделаю то же са-

мое, хоть десять тысяч раз! Старая империя воспрянет вновь, чего бы это ни стоило! Мы не обсуждаем никаких «если», Керлон, только «как». Примите вызов, окажите мне полную поддержку, и ваше будущее пройдет в роскоши, какую вы даже не можете себе представить. Если же бросите вызов мне — окажетесь ходячим трупом среди всего того, что могло бы стать вашим триумфом. Что вы выбираете, Керлон? Почести или прогнившие лохмотья? Величие или страдания?

— Вы тщательно продумали свою историю, генерал, но я пока что не вижу в ней никакого смысла.

— Мятежники сильны,— нехотя проговорил Рузвельт.— Если говорить честно, то вся сила на их стороне. Они могут захватить власть в любой момент, стоит им только захотеть. Им не хватает лишь одного — руководства. Они сплотятся вокруг вас, Керлон, но вместо того, чтобы повести их к победе, вы остудите их революционный пыл. Ибо если они восстанут и изгонят прочь французов, на линии возникнет развилка и семь веков стабильной истории обратятся в прах, создав совершенно новый вероятностный спектр. Нет никакой нужды описывать, что станет при этом с моими планами по поводу Новой Нормандии!

Я невесело усмехнулся.

— Как я вижу, у вас проблемы, Рузвельт? Я ведь вам действительно нужен, и вовсе не для того, чтобы нести копье в третьем акте некоего фарса, призванного одурачить местных жителей. Так в чем все-таки дело? Зачем вы пытаетесь затащить меня в мир ваших параноидальных фантазий?

— Я же вам сказал! Мы с вами неразрывно связаны, во всех коридорах прошлого, в каждом из миров во все тысячелетия общей истории. Когда удача улыбается вам, то же самое происходит и со мной. Я могу заставить вас силой, Керлон, но если мне придется сломить вашу волю, подчиняя ее своей, мы вместе будем не столь сильны. Станьте моим добровольным союзником, поделитесь со мной своей харизмой — и нам станет доступно все, что можно только пожелать!

— А если я откажусь?

— Мне бы этого не хотелось,— стальным голосом произнес он.— Но если потребуется, мне вполне послужит ваш сломленный разум и болтающееся на ниточках тело.

— Все, что вы говорите, подтверждает единственную ясную мысль, которую я извлек из ваших слов, Рузвельт. В чем бы ни заключалась ваша цель, вы по одну сторону, а я по другую.

— Я могу сломить вас, Керлон. Более сильный всегда в состоянии подчинить себе более слабого. И чтобы это доказать, хватит простой демонстрации.

Он широко расставил ноги и, улыбаясь, развел руки на ширину плеч.

— Первый, кто опустит руки, признает, что другой его превосходит — по крайней мере в этом отношении.

Я расставил руки. От усилия у меня застучало в висках, но я крепко стиснул зубы. Если Рузвельт намерен со мной поиграть — что ж, пусть. Завтрак может и подождать.

— В любом мире и в любом времени реальность формирует чья-то воля,— неожиданно сказал Рузвельт.— Это древнее правило действует и здесь, но ему придают еще большее могущество титанические новые силы, подчиняющиеся любому, кто в состоянии ими овладеть. Судьба хрупка, Керлон, она лишена разума, и ею правит прихоть всесильного человека. Стоит какому-нибудь Александру Великому отправиться на завоевание мира, и мир станет таким, каким он его сделает. Без Александра в вашем мире не было бы ни Цезаря, ни Аттилы, ни Мухаммеда, ни Гитлера, так же как в мире линии ноль-ноль не было бы Гильермо Максони. Судьбу творят люди, Керлон, и никак иначе. Вы сами это видели, когда мы вместе сражались спина к спине. Мы двое — островки стабильности, даже посреди моря бесформенного хаоса. Но лишь один из нас может сформировать вселенную по собственному желанию, и этим одним буду я. Я подчиню вас себе — не потому, что я вас ненавижу, у меня нет никаких поводов для вражды. Я просто должен так поступить — так же как Александр должен был уничтожить Дария.

— Забавно,— сказал я.— Никогда не имел желания формировать вселенную по собственной воле. Вот только почему-то у меня точно так же нет никакого желания видеть, как это станете делать вы. Родина никогда для меня особо много не значила, но я вовсе не готов к тому, чтобы ее спустили в унитаз ради того, чтобы вы могли править миром со своего насеста.

Рузвельт кивнул.

— Полагаю, Керлон, что от нас обоих тут ничего не зависит. Как говорится, все уже прописано в Книге Судеб. В течение семи веков ваши и мои предки сражались за то, чтобы править вселенной. Только представьте, Плантагенет! В тысячах миллиардов альтернативных мировых линий, в большей или меньшей степени отличающихся друг от друга, ваш и мой кланы в течение столетий стремились властвовать над миром, ничего не зная о других, повинуясь лишь инстинктивному желанию реализовать присущий им потенциал. А потом наступил день катаклизма, когда нахлынувшая Пустошь уничтожила их всех, за исключением одного человека на моей линии и одного на вашей.

Прошло минут десять с тех пор, как началось наше состязание. Мои руки и плечи пронизывало болью, словно раскаленным железом. Рузвельт стоял неподвижно, словно статуя, и его руки даже не дрожали.

— Насколько я понял, появление Пустоши относят к девяностым годам прошлого века,— сказал я.— Вы слишком молоды для того, чтобы об этом помнить, если, конечно, в вашем Империуме не владеют искусством пластических операций, на какие неспособен и Голливуд.

— Я говорю лишь о том, что мне известно: о чем сообщили мне исследователи, о чем рассказывал мне...— Он неожиданно замолчал.

— Я думал, это все ваши собственные идеи, Рузвельт.

— Мне рассказывал отец,— сказал Рузвельт.— Он всю жизнь верил, что где-нибудь и когда-нибудь снова придет наше время. Его мира не стало, но разве подобное великолепие могло исчезнуть навсегда? Он упорно трудился, занимался исследованиями и в конце концов совершил свое открытие. Тогда он был уже стар, но передал свои знания и долг мне. И я его не подвел! Сперва я приложил все усилия, чтобы добиться высокого поста в Имперской разведке — единственной организации, которой известны секреты Сети. Это дало мне основу, с помощью которой я намерен превратить эту линию, Новую Нормандию, в сосуд, который вберет в себя Пустошь и придаст ей форму.

Я сосредоточился на том, чтобы удерживать руки на уровне плеч. Почему-то мне казалось крайне важным не проиграть в состязании с Рузвельтом. Если сам он и испытывал какие-либо неприятные ощущения, то ничем этого не показывал.

— Что, устали? — небрежно спросил он.— Бедная мать-природа, насколько же она слепа в своих усилиях защитить тело! Сперва она посылает как предупреждение болевые сигналы. Потом постепенно притупляет чувствительность нервов. И у вас начинают опускаться руки. Вы изо всех сил будете пытаться удерживать их на весу, чтобы превзойти меня, вашего неминуемого повелителя. Но вам это не удастся. О да, силы у вас есть, но природа вынуждает вас расходовать их экономно. Так что хоть вам, возможно, и кажется, будто вы способны выдержать пытку усталостью, пока не умрете от изнеможения, она вам этого не позволит. Вы будете страдать зря, Керлон. Увы.

Его разговорчивость меня радовала, поскольку позволяла отвлечься от ощущения раскаленных щипцов, сдавливавших мой затылок. Я пытался поддерживать в себе легкую злость — еще один трюк матери-природы, на этот раз мне на пользу. Мне хотелось, чтобы он продолжал болтать, но в то же время испытывал неудовлетворенность оттого, что не может добиться превосходства.

— Ради того, чтобы увидеть, как вы сдадитесь, стоит потерпеть,— сказал я.

— Но вы этого не дождетесь. Я сильнее вас, мистер Керлон. Я тренировался с самого детства и в семь лет мог держать меч на вытянутой руке в течение четверти часа.

Для меня это в буквальном смысле детская игра. Но не для вас.

— При чем тут это? — беззаботно возразил я.— Я могу так простоять целый день.

— Пока что вы выдержали даже меньше четверти часа. Как вы станете себя чувствовать еще через пятнадцать минут, а, мистер Керлон? А потом еще через полчаса? — Он улыбнулся, но улыбка его показалась не столь небрежной, как обычно.— Несмотря на все ваши утверждения, вы уже давным-давно проиграли. Это всего лишь простая демонстрация, Керлон, но она необходима. Вы должны наконец понять, что в моем лице встретили превосходящего вас во всех отношениях.

— Наверняка тут есть какой-то подвох,— сказал я.— Может быть, вы просто отвлекаете мое внимание, пока ваши приятели обследуют мои мозги каким-нибудь шпионским лучом — или чем там занимаются безумные ученые?

— Не говорите глупостей, Керлон,— почти огрызнулся Рузвельт.— Хотя... да, я понял.— Он улыбнулся, и напряженное выражение исчезло с его лица.— Очень хорошо, мистер Керлон. Вам почти удалось меня разозлить. Неплохая тактика. Кстати, как ваши руки? Не тяжело?

— Все отлично,— ответил я, надеясь, что голос мой прозвучал достаточно небрежно.— А ваши?

Мои руки и плечи словно охватил огонь, плясавший вокруг локтей и покалывавший кончики пальцев. Страшно болела голова. Рузвельт же выглядел свежим как огурчик. Он пристально посмотрел на меня, на этот раз молча, что меня обеспокоило. Мне хотелось, чтобы он продолжал говорить.

— Что, язык устал, а? Но я вам кое-что скажу, Рузвельт. Вы не на того напали. Я рыбак, и я привык сражаться с крупными рыбинами по восемь часов подряд. Для меня это всего лишь прекрасный отдых.

— Жалкая ложь, Керлон. Я ожидал от вас большего.

— Главная проблема в кровообращении,— сказал я.— Солдаты, которые могут целый день маршировать на солнце с полной выкладкой, часто падают в обморок на параде. Приходится стоять по стойке «смирно», не шевелясь, приток крови к мозгу ограничен — и солдат неожиданно лишается чувств. Некоторые не в состоянии это вынести. Ничего не имею против них, всего лишь особенности метаболизма. Меня подобное никогда не беспокоило. С кровообращением, знаете ли, все в порядке. А у вас?

— Превосходно, могу вас заверить.

— Но вы почему-то замолчали.

Я изобразил улыбку, которая стоила мне года жизни.

— Я уже сказал все, что хотел.

— Я вам не верю. У вас заранее была заготовлена лекция номер три, по глазам вижу.

Рузвельт рассмеялся — совершенно искренне.

— Мистер Керлон, а вы мне действительно нравитесь. Жаль, что мы не встретились в другое время и в другом месте. Мы с вами вполне могли бы подружиться.

Больше никто из нас не произнес ни слова. Я обнаружил, что считаю про себя секунды. К этому времени прошло минут двадцать, может быть, чуть больше. Почувствовав, что одна моя рука начинает опускаться, я снова вернул ее на место. Рузвельт едва заметно улыбнулся. Прошло еще какое-то время. Я думал о разных вещах, потом попытался вообще ни о чем не думать. Мне вдруг пришло в голову, что древние китайцы тратили впустую время и усилия, создавая «железных дев» и нарезая бамбук на щепки. Пытками можно заниматься и без каких-либо приспособлений. А пытка в версии Рузвельта была вдвойне изощренной, поскольку подвергал себя мучениям только я сам. Я мог в любой момент сдаться, рассмеяться и потребовать следующего раунда.

В этом и заключалась ловушка. Да, последовал бы новый раунд, а за ним еще один. И если я сдамся в первом, во втором я сдамся еще быстрее, пока не откажусь принять его вызов. А именно это ему и требовалось.

Он хотел меня обмануть, заставить меня считать, что если я проиграю — то, значит, я проиграл. Но это было

не так. Проигрыш ничего не значил. В расчет принималось лишь признание своего поражения.

И как только я это понял, я сразу почувствовал себя лучше. Боль вонзалась в меня, словно мясницкий нож, но это была всего лишь боль, нечто такое, что можно было вытерпеть, пока все не закончится. Вытянув руки в стороны, я уставился в тускнеющем свете на Рузвельта...

...и пришел в себя, лежа на полу. Рузвельт стоял надо мной. Лицо его выглядело пожелтевшим и осунувшимся.

— Ваши усилия достойны похвалы, Керлон,— сказал он.— Час двенадцать минут. Но, как видите, вы проиграли. И будете проигрывать всегда, ибо вам судьбой предназначено проигрывать мне. А теперь — вы пойдете со мной добровольно?

Я с трудом поднялся на ноги, чувствуя головокружение и все еще тлеющий в мышцах медленный огонь. Подняв руки, я снова развел их в позе распятия.

— Готовы попытаться еще раз? — спросил я.

По лицу Рузвельта пробежала гримаса, затем он рассмеялся.

Я неприятно улыбнулся.

— Что, боитесь, Рузвельт? Ваш великий план расползается по швам у вас на глазах, и вы боитесь.

Он кивнул.

— Да, боюсь. Боюсь собственной слабости. Видите ли, хоть это и может показаться вам невероятным, я искренне хотел привлечь вас на свою сторону, Плантагенет. Возможно, это звучит сентиментально, но вы, как и я, наследник древнего рода. Даже Бог порой бывает одинок, не говоря уже о дьяволе. Я предложил вам дружбу, но вы с первой же попытки ее отвергли. Мне сразу следовало догадаться. Что ж, я научен горьким опытом, и у меня не остается выбора. И теперь я знаю, что делать.

— Вы — дьявол с изъяном, Рузвельт,— сказал я.— Дьявол, у которого есть совесть. Мне вас жаль.

Он покачал головой.

— Мне ни к чему ваша жалость, Плантагенет. Точно так же, как мне не дождаться от вас дружбы. То, что мне

требуется от вас, я возьму и так, хотя в итоге это вас погубит.

— Или вас.

— Приходится рисковать.— Он дал знак ожидавшим стражникам, и те сомкнулись вокруг меня.— Помедитируйте пока несколько часов. Сегодня вечером вас окружат почестями, которые полагаются герцогу. А завтра подвесят на цепях.

Подвалы под дворцом наместника ничем не отличались от любых других, с влажными каменными стенами, железными дверями и голыми электрическими лампочками, которые выглядели хуже, чем дымящиеся факелы. Вооруженные охранники в форме швейцарской гвардии, конвоировавшие меня по верхним этажам, подождали, пока толстяк с круглой маслянистой небритой физиономией откроет круглую решетку над каменным мешком размером шесть на восемь футов с устланным соломой полом. С его точки зрения, я двигался не слишком проворно, и он уже замахнулся ногой, чтобы меня поторопить, но пинок не достиг цели. В то же мгновение появился Рузвельт, который ударил его тыльной стороной ладони по жирному лицу.

— Перед тобой королевский герцог, а не обычный преступник! — рявкнул он.— Ты даже недостоин касаться пола, на котором он стоит!

Кто-то другой выхватил у толстяка ключи и, проведя меня по узкому коридору, открыл дубовую дверь более просторной камеры с кроватью и окном-бойницей.

— Отдохните тут в спокойной обстановке,— сказал Рузвельт,— пока вы мне не понадобитесь.

Я лег на кровать, дожидаясь, пока стук в висках успокоится до приемлемого уровня...

...и проснулся от чьего-то шепота:

— Плантагенет! Все будет хорошо! Жди сигнала!

Я лежал, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Кто это? — прошептал я, но никто не ответил.

Встав, я внимательно изучил стену возле изголовья, затем саму кровать. Всего лишь стена, и всего лишь кро-

вать. Я подошел к двери и прислушался, затем подтянулся и выглянул в шестифутовую щель. Там не свисало никаких веревок с привязанными к ним напильниками, в потолке не открывались никакие люки. Я был заперт в камере, из которой не было выхода, и точка. Голоса, вероятно, принадлежали местному персоналу — еще одна из хитростей Рузвельта, направленных на то, чтобы измотать меня или убедить, будто я сошел с ума. И в том и в другом случае это вполне ему удалось.

Мне снился прекрасный сон о чудесном месте, где на деревьях возле тихого озера росли громадные цветы. Прямо по воде мне навстречу шла Иронель, а потом поверхность воды разбилась на множество стеклянных осколков, и когда я попытался протянуть девушке руку, цветы превратились в головы, выкрикивавшие угрозы и проклятия, а ветки — в руки, которые схватили меня и начали трясти...

Я проснулся от бившего в лицо яркого света. Люди в отутюженной форме с нейропистолетами в руках повели меня по коридорам, а затем вверх по лестнице в комнату, где ждал Рузвельт, облаченный в красную бархатную мантию с горностаем и золотым шнуром. На боку у него висел украшенный драгоценными камнями меч размером с древко гарнизонного флага. Он не произнес ни слова, так же как и я. Никого не интересовали последние слова обреченного.

Столпившиеся вокруг слуги надели на меня тяжелые, расшитые золотом одежды из шелка и атласа. Парикмахер подстриг мне волосы и облил духами. Кто-то надел мне на ноги красные кожаные туфли. Рузвельт сам обернул вокруг моего пояса широкую парчовую перевязь, а помощник портного прикрепил к ней сверкающие драгоценностями ножны, из которых торчала ничем не украшенная потертая рукоять моего старого ножа, казавшегося совершенно неуместным посреди всего этого великолепия. Оружейник попытался было возразить, предлагая великолепный меч, но Рузвельт лишь отмахнулся.

— Единственное, что вам еще принадлежит, не так ли, Керлон? — сказал он.— Он почти неотделим от вашей ауры и останется при вас до самого мгновения вашей славы.

В широком коридоре за дверью образовалась целая процессия, включая ненавязчиво державшихся рядом со мной людей с пистолетами. Вместе с Рузвельтом мы поднялись по широкой лестнице в просторный зал, увешанный копьями, знаменами и портретами мрачных физиономий. Зал заполнился людьми в париках и пышных одеяниях. Через арку в стене я увидел высокое окно-витраж над увенчанным куполом алтарем и наконец понял, где нахожусь.

Я стоял в том самом месте, где еще недавно стоял с Иронель и грифоном Вроделиксом, незадолго до того, как Рузвельт в первый раз попытался добраться до алтаря. Сейчас пол был усыпан золотистыми розами, в воздухе стоял запах благовоний, а деревянные конструкции ярко блестели, натертые воском, но это было то же самое помещение — хотя вместе с тем и не то же самое. Их разделяла тысячелетняя история.

Мы остановились, и к делу приступили священнослужители в красных мантиях и высохшие старики в маленьких пушистых париках, передавая друг другу ритуальные предметы, склоняя друг перед другом головы и бормоча заклинания. Надо полагать, церемония выглядела впечатляюще — в древнем зале, под украшенными парчой потемневшими от времени потолочными балками — но я едва замечал происходящее вокруг. Я не мог избавиться от воспоминаний об Иронель, которая привела Рузвельта в свое Прекрасное Место лишь затем, чтобы он смог его уничтожить.

От запаха благовоний у меня начали слезиться глаза. Сильнее потянув носом воздух, я понял, что ощущаю не только ароматный дым, но и нечто более реальное — запах горящего дерева, ткани и краски. В воздухе висела легкая желтоватая дымка. Рузвельт обернулся; священник прервал свои разглагольствования. Вооруженные охранники придвинулись ближе ко мне, вид у них был явно обеспокоенный. Рузвельт отдал несколько отрывистых распоряжений, и я услышал доносившиеся снаружи крики. Затем на нас накатилась волна жара, и толпа распалась. Четыре пистолета подтолкнули меня к арке. Если это был сигнал,

то лучшего нельзя было и придумать, но сейчас я мало что мог поделать. Вооруженная команда прокладывала путь среди беспорядочно мечущихся и кашляющих благородных особ. Когда мы добрались до низких ступеней, откуда-то сбоку появились еще двое охранников, оказавшись рядом со мной, и толпа начала смыкаться вокруг нас. Какой-то старик в розовой с золотом одежде и покосившемся парике приблизил ко мне лицо.

— Левее, ваша милость,— прошипел он мне в ухо.

Я все еще пытался сместиться в указанном направлении, когда вдруг увидел, как ближайший охранник приставляет нейропистолет к пояснице своего напарника и нажимает на спуск. Затем словно из ниоткуда появились еще двое в форме, позади послышался глухой удар, а потом мы вырвались из толпы и устремились прямо в клубы дыма.

— Всего несколько ярдов, ваша милость,— проквакал старичок.

Открылась дверь, и мы оказались на ведущей вниз узкой лестнице. На площадке четверо охранников, сбросив форму и шапки, переоделись в рабочие комбинезоны, лежавшие за дверью. Старик скинул парик и мантию, под которой оказалась черная ливрея. Мне дали длинный серый плащ. Вся операция походила на хорошо отрепетированный балет и заняла не более двадцати секунд.

Этажом ниже мы с трудом протолкнулись в вестибюль, полный зевак, пожарных и прочей публики, среди которой изредка попадались знатные особы и священники в митрах. На ремонтную команду в грязных комбинезонах никто не обращал внимания. Старик повел нас к проходу, перед которым стоял одинокий охранник, явно встревоженный нашим появлением. Он шагнул вперед, преграждая нам дорогу, но старик отвлек его внимание, в то время как один из «рабочих» со знанием дела стукнул караульного за ухом. А потом мы бросились бежать по коридору.

На глазах у двух ошеломленных уборщиц мы пересекли кухню и нырнули в дверь среди мусорных баков, выходившую в неосвещенный переулок. Стоявший там грузовик

тут же завелся, стуча клапанами и извергая черные клубы дыма. Я перепрыгнул через задний борт, а старик вскарабкался следом за мной и опустил за собой брезент. Грузовик тронулся с места и через три минуты остановился. Послышались голоса, щелчок затвора, шорох кожаных подошв по булыжнику. Еще через минуту мы двинулись дальше. Мой новый друг, сидевший на скамейке напротив, облегченно выдохнул и улыбнулся от уха до уха.

— Отлично сработано,— сказал он, хихикая и потирая руки.— Просто чертовски отлично, да простит меня ваша милость.

Старика, как выяснилось, звали Вилибальд.

— Наши друзья уже ждут вашу милость,— сказал он.— Настоящие британские парни, простые, но честные, не то что эти мерзавцы из дворца в шелках и драгоценностях! — Он пожевал беззубыми деснами и покачал головой.

— И в самом деле неплохо вышло,— согласился я.— Как вам это удалось?

— Среди синих мундиров есть наши верные люди, ваша милость. И тюремщик — один из них. Он пытался поместить вашу милость в надежную камеру, в которую у нас был проложен туннель, но его светлость барон не дал ему это сделать. И потому нам потребовалось больше времени. Но теперь ваша милость с нами, так что это уже не важно! — Он хихикнул и потер руки, словно сверчок надкрылья.

— Вы на стороне мятежников?

— Да, некоторые зовут нас мятежниками, ваша милость, но для честных людей мы патриоты, призванные очистить эти острова от французской заразы!

— А зачем вам понадобился я?

— Как это зачем? — изумился старик.— Когда вокруг разошлась весть о том, что в подвалах дворца наместника сидит человек из рода Плантагенетов, как еще мог поступить верноподданный бритт, ваша милость? Неужели вы полагали, ваша милость, что мы бросим вас гнить в застенках?

— Но я не...— начал было я и замолчал.

— Что — не? — спросил Вилибальд.— Не удивлены? Конечно нет. На этом острове десять миллионов бриттов, поклявшихся освободить свою землю от тирании!

— Не собираюсь больше терять время,— закончил я.— Выступаем немедленно.

Движение на дороге было весьма разнообразным: конные повозки, большие открытые грузовики на литых шинах, маленькие тупорылые автомобильчики, похожие на игрушки из коробок с овсяными хлопьями, и многочисленные военные машины, выкрашенные в синий цвет. Судя по словам Вили, наместник сосредоточивал силы вокруг укрепленных портов, готовый прикрыть высадку подкрепления, если разговоры о возможном мятеже станут реальностью. Мы же направлялись в загородное поместье сэра Джона Лекленда.

— Весьма осторожный джентльмен,— сказал Вили.— Но он богат и из древнего рода.

В течение следующего часа он говорил почти без перерыва, посвящая меня в текущее положение дел. По его словам, мятежники готовы были выступить в любую минуту. И судя по словам Рузвельта — если они выступят, то победят.

— Вот увидите, верноподданные бритты все до единого встанут под знамена вашей милости!

После часа езды мы свернули на боковую дорогу и, проехав между каменными колоннами, оказались на дорожке, которая вела среди ухоженных деревьев на мощеный двор перед трехэтажным домом с цветочными ящиками, окнами в переплетах и бревенчатыми фронтонами, выглядевшими совсем как настоящие. Широкие ступени вели на просторную веранду. Пожилой человек в расшитом камзоле, черных брюках и домашних туфлях впустил нас в дом. Увидев меня, он вытаращил глаза.

— Его милость желает немедленно видеть сэра Джона,— сказал Вили.

— Сэр Джон два дня пребывает в постели с лихорадкой. Он никого не принимает...

— А сейчас примет,— оборвал его Вили.

Дворецкий несколько замешкался, затем провел нас в темную комнату, полную книг, и шаркающей походкой удалился.

Я осмотрел стоявшие на полках книги, в основном тома в кожаных переплетах с названиями вроде «История судопроизводства» или «Кампании против Кванектикоттов». Минут через пять дверь открылась, и вернувшийся дворецкий сдавленно доложил, что сэр Джон сейчас нас примет.

Хозяин дома, худощавый остроносый старый аристократ с шелковистыми черными усами и такой же каймой волос вокруг высокой лысины, принял нас в спальне на верхнем этаже. Он сидел на постели размером с хоккейное поле, окруженный со всех сторон фиолетовыми атласными подушками с вышитой монограммой и многочисленными кружевами, словно у голливудского епископа. Он был одет в бежевый шелковый халат с атласными отворотами, на который была наброшена вязаная шаль, но даже несмотря на это, кончик его носа казался ледяным. Увидев меня, он едва не выпрыгнул из кровати.

— Что... как...— Он уставился на нас, переводя взгляд с меня на Вили и обратно.— Почему вы явились именно сюда?

— А где еще я мог бы рассчитывать найти друзей? — ответил я.

— Друзей? Я слышал от наместника про некоего претендента на герцогство, но никак не ожидал, что он объявится здесь да еще в таком виде.

— Откуда вы знаете, что я именно он? Или что я самозванец?

— А кем еще вы могли бы быть?

— Хотите сказать, что считаете меня настоящим? Что ж, рад, сэр Джон. Ибо пришла пора действовать.

— Действовать? Как именно действовать?

— Освободить Британию.

— Вы с ума сошли? Вы навлечете разорение и смерть на мой дом... на всех нас! Мы, Плантагенеты, всегда отличались терпимостью. Убийство герцога Ричарда лишь подтверждает, сколь непрочно наше положение...

— Кто его убил?

— Люди Гаррона, само собой.

— Удивительно. С точки зрения наместника, это был крайне глупый поступок. В итоге это настроило британцев против него куда сильнее, чем когда-либо сам Ричард при жизни.

— Все это лишь пустые догадки,— рявкнул сэр Джон.— Вы являетесь сюда без спроса и пытаетесь склонить меня к измене! Что, собственно, я о вас знаю? По-вашему, я стану доверять выскочке чужаку?

— Да что вы, сэр Джон,— негодующе возразил Вили.— Стоит лишь на него взглянуть...

— А вы-то что о нем знаете, друг мой? Я что, должен беспрекословно соглашаться с любой деревенщиной, которая заявляет о своих правах на герцогство?

— Послушайте, сэр Джон...

— Хватит! Дело будет ждать своего решения до тех пор, пока я не посоветуюсь кое с кем из влиятельных особ. Пока же я предоставлю вам убежище — большего я сделать не в состоянии.

Лекленд пронзил меня взглядом, словно клинком под ребра, и дернул за шнурок от колокольчика. Дворецкий появился почти мгновенно, из чего следовало, что все это время он стоял где-то неподалеку.

— Покажи милорду его апартаменты,— прошипел он сквозь зубы.— А мастеру Вилибальду отведи комнату под лестницей.

Я последовал за своим проводником по коридору в просторную комнату с высоким потолком и большими окнами, из которой вели двери в гостиную и ванную. Дворецкий показал мне мыло и полотенце, а потом, слегка задержавшись в дверях, хитро на меня посмотрел.

— Сердце мое радуется, слыша, как ваша милость дерзко отвечала его светлости,— прокудахтал он.— Прошу прощения у вашей милости, но слишком уж тоскливо было тут с тех пор, как настоящий боевой герцог последний раз ступал на эти старые половицы.

— В замочную скважину подслушиваешь, да? — усмехнулся я.— Разбуди меня, как только все соберутся. Не хотелось бы что-нибудь пропустить.

— Можете на меня положиться, ваша милость,— ответил он и вышел.

Сняв сапоги, я лег и погрузился в сон, в котором конные рыцари с копьями наперевес скакали навстречу шквалу пулеметного огня.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Возле моего уха раздавался старческий голос:

— Они уже здесь, ваша милость! Милорд Лекленд сейчас вместе с ними в кабинете и, если не ошибаюсь, замышляет недоброе!

— Лекленд знает, что вы здесь?

— Нет, ваша милость.

Спустившись по лестнице, мы пересекли зал и остановились у приоткрытой двери. Вили обернулся и, кивнув мне, приложил ладонь к уху.

— ...самозванец, джентльмены,— говорил Лекленд.— Не истинный бритт, а всего лишь наемник Гаррона, купленный за французское золото и посланный, чтобы предать нас всех...

Я распахнул дверь и вошел. Разговор тут же оборвался, будто кто-то повернул выключатель. Человек десять собрались вокруг длинного стола, во главе которого сидел Лекленд. Все были одеты в разнообразные костюмы, украшенные мехом и кружевами, а на боку у каждого висел меч. Ближе всего ко мне оказался рослый широкоплечий тип с короткой шеей, курчавой черной бородой и диким взглядом. Увидев меня, он удивленно попятился.

— Пусть вас не обманывают его лицо и фигура! — бросил Лекленд.— Он возглавит мятеж, а потом договорится с Гарроном! Сможет ли он что-то на это возразить? — Он вытянул в мою сторону трясущийся от ярости палец.

Я ответил не сразу. То, что он говорил, в точности совпадало с предложением Рузвельта. Похоже, в этом содержался некий намек, но он был мне непонятен.

— Вот видите? — злорадно произнес Лекленд.— Он даже не осмеливается возражать!

Чернобородый вытащил меч с лязгом, от которого у меня по коже побежали мурашки.

— Весьма изощренный ход! — воскликнул он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.— С помощью марионетки Плантагенета, пляшущей под его дудку, он намерен добиться того, о чем Людовики мечтали в течение семисот лет — полностью подчинить себе бриттов!

Другие тоже начали вытаскивать мечи, окружая меня со всех сторон.

— Проткни его, Тюдор! — завопил Лекленд.

— Стойте! — Вилибальд встал в дверях, глаза его горели огнем.— Вы и в самом деле готовы хладнокровно убить герцога? От имени свободных бриттов заявляю: он заслуживает куда лучшего отношения со стороны вашей светлости!

Несколько мгновений никто не шевелился, и в наступившей тишине я услышал отдаленное, но постепенно приближающееся гудение. Остальные тоже его услышали. Все уставились в потолок, как будто могли что-то видеть сквозь него. Кто-то бросился к окну и отдернул длинные портьеры. Кто-то кинулся к выключателю на стене. Тюдор не двигался с места. Люстра погасла, и единственным источником света осталась открытая дверь.

— Самолет! — крикнул стоявший у окна.— Летит прямо к нам!

— Это была лишь уловка, чтобы собрать нас всех вместе! — прорычал худой человек в желтой одежде, выхватывая меч.

Я заметил его движение лишь краем глаза, поскольку наблюдал за Тюдором, у которого потемнели скулы и напряглись мышцы на шее. Я знал, что еще немного — и последует удар.

Я уклонился вбок и назад, и острие меча лишь разорвало мне рубашку на груди. Мой кулак угодил ему в челюсть, отшвырнув его к столу, и в тот же самый момент комната погрузилась во тьму. Раздался громкий звук двигателей, словно летательный аппарат спускался прямо по дымовой трубе. С каминной полки свалилась какая-то безделушка.

Двигатели оглушительно взревели где-то справа, затем их звук начал удаляться. Послышался звон стекла, но потолок не обрушился. Я скользнул вдоль стены к двери. Раздался звук чьих-то шагов, затем грохот опрокинутого стула. Кто-то налетел на меня; я схватил его и со всей силы отшвырнул вперед. Найдя дверь, я оказался в большом зале, тускло освещенном лунным светом, падавшим через тянувшийся вдоль галереи витраж. Слышались чьи-то крики, заглушаемые ревом бомбардировщика. Мгновение спустя зал осветила яркая вспышка, и мне показалось, будто стена подпрыгнула на фут. Когда все вокруг перестало рушиться, я обнаружил, что весь в синяках, но все еще жив. Вилибальд лежал в нескольких футах от меня, засыпанный пылью и каменной крошкой. Его ноги чуть выше лодыжек были придавлены деревянной балкой; когда я добрался до него, самолет уже заходил на третий круг. Взвалив старика на плечо, я поковылял к задней стене и оказался там как раз в тот момент, когда рухнул фасад здания. Выбравшись наружу через дверь кухни, я пересек заваленную кирпичом лужайку, чувствуя, как кровь из пореза на лбу заливает мне глаза. Мне удалось дойти до деревьев, прежде чем у меня подогнулись колени.

Крыша здания исчезла, и над ним на сто футов в высоту поднимались языки пламени и подсвеченные снизу оранжевым клубы черного дыма. Остовы все еще державшихся стен казались на фоне огня черными силуэтами с ярко освещенными прямоугольниками окон.

Потом послышался какой-то шум, и я попытался отползти на четвереньках как можно дальше. Из темноты появились трое с обгоревшими бородами, в разорванной

одежде и с обнаженными мечами в руках, которые окружили меня со всех сторон.

Одним из них был Тюдор; он подошел ближе и замахнулся, и я уже приготовился к удару, когда вдруг все трое обернулись и посмотрели на дом. Среди деревьев по сторонам дорожки мелькнули яркие вспышки, от ствола надо мной отскочило несколько кусков коры, стоявший рядом с ним человек опрокинулся на спину, другой завертелся на месте и упал, а Тюдор бросился было бежать, но тщетно. Я увидел, как несколько пуль вонзаются в него, швырнув на землю лицом вниз.

По дорожке в нашу сторону бежали люди в синих мундирах. Я попытался отползти и вдруг увидел рядом с собой Вилибальда — его редкие волосы стояли торчком, лицо было измазано копотью. Он оказался ниже линии огня, как и я, и потому не пострадал.

— Вили, бегите! — заорал я.

Он мгновение поколебался, потом повернулся и скрылся в лесу. А затем меня окружили мрачные солдаты в касках, держа наготове дымящиеся пистолеты. Оставалось лишь ждать, что будет дальше.

10

На этот раз я ехал на переднем сиденье. Окружающий пейзаж казался почти безмятежным, но попадавшиеся по пути городки выглядели пустынными, словно мексиканские деревни во время сиесты. В воздухе отчетливо пахло грозой, и местное население спешило попрятаться по домам. Если мятежники и были столь сильны, как утверждал Рузвельт, то, во всяком случае, ничто о том не говорило. На дорогах полно было военных машин, выкрашенных в синий цвет французского королевства. Мне стало интересно, насколько это связано с моим кратковременным бегством, и я попытался расспросить сидевшего рядом со мной, но он ничего не ответил.

Когда мы въехали в пригороды Лондра, в городе, казалось, шла обычная жизнь. Работали магазины, по улицам грохотали наполовину заполненные автобусы с брезентовым верхом. Мы проехали через большую рыночную площадь, уставленную торговыми рядами под яркими навесами, где продавались цветы и овощи. У края площади возвышался окруженный канатом помост, на котором стояли, потупив взор, с полдюжины мужчин и женщин в унылых серых одеждах. Над помостом висела вывеска: «Буллман и Уидроу, продажа рабов». Это был невольничий рынок.

Мы свернули в мощеный двор, окруженный высокими стенами. Меня втолкнули в коридор, в котором чувствовался отчетливый запах правительственного учреждения.

Из дверей впереди вышел офицер в рубашке и, увидев меня, резко повернулся в нашу сторону и быстро спросил на странно звучавшем французском:

— Куда вы его ведете?

— К генералу, мой майор.

— Нет, это провинция наместника. Развяжите его!

— У меня непосредственный приказ...

— К черту ваши приказы! Делайте, что я сказал, немедленно!

Сержант, командовавший моим конвоем, положил руку на кобуру. Майор что-то крикнул кому-то внутри помещения, и позади него появились двое рослых парней в хаки с пистолетами на поясе — что и положило конец спору. Один из них перерезал веревки на моих запястьях, после чего меня повели куда-то в другую сторону.

Поднявшись на лифте, мы прошли через устланный пышным ковром холл в нарядную приемную. Молодой парень в новеньком синем мундире с аксельбантами нырнул за дверь кабинета, после чего вернулся и жестом предложил мне войти. Я вошел и увидел перед собой Гаррона, французского наместника.

На вид ему было около пятидесяти — мешки под глазами, густые седые волосы, добродушно-усталое выраже-

ние лица, пронзительные черные глаза под старомодными очками, штатский костюм, тонкие пальцы без перстней.

— Сожалею о тех неудобствах, которые вам пришлось пережить, милорд,— сказал он на чистом ново-нормандском без следа французского акцента. Голос у него был низкий, словно у лягушки-быка.— Учитывая, что дело не терпит отлагательства, я попросил, чтобы вас препроводили прямо ко мне. Разговор между нами вполне мог бы разрешить неприятную ситуацию, имеющую место на данный момент.

— А что по этому поводу думает генерал ван Рузвельт? — спросил я. Сам по себе вопрос ничего не значил — я лишь закидывал удочку.

— Некоторые из моих лейтенантов чересчур усердны,— загадочно ответил он.— Ничего не поделаешь. Однако в данный момент дело важнее всего. Ваша милость, его величество наделил меня полномочиями достойно вознаградить его верноподданных вассалов, поддерживающих его усилия по наведению спокойствия и порядка. В их числе бóльшая внутренняя автономия для острова, высокие посты для тех, кто их заслужил, снижение налогов и пошлин, пересмотр правил торговли, включая выдачу лицензий на импорт тем, кто зарекомендовал себя с положительной стороны. Для вас лично — королевский титул имперского принца провинции Новая Нормандия, включая поместья и жалованье, соответствующие вашему статусу. И естественно, признание вас полноправным наследником древних реликвий вашего рода.

— И что я должен для этого сделать? — спросил я.

— Вы будете назначены королевским указом на пост чрезвычайного маршала-миротворца Новой Нормандии. Вы выступите по телевидению и радио и призовете всех верноподданных новонормандцев вернуться в свои дома, а также убедите всех подданных его величества соблюдать законы, касающиеся собраний и ношения оружия. Короче говоря, вы поступите так, как, я уверен, подсказывает вам ваш здравый рассудок, свободный от давления со стороны подрывных элементов, и приложите все усилия к возвращению стабильности и порядка в обществе.

— Иными словами, я должен попросту предать британцев.

Гаррон сузил глаза и наклонился ко мне через стол.

— Не заставляйте меня зря терять время. Я уверен, что вы предпочтете мое предложение презренной смерти на допросе.

— Вы меня не убьете, месье Гаррон,— сказал я, стараясь сделать вид, будто сам в это верю.— Я ведь народный герой, не забывайте.

— Оставим всю эту чушь между нами,— бесстрастно проговорил Гаррон.— Ваш маскарад не вызывает у меня никаких сомнений. Не было никакой леди Эдвины, никакого тайного убежища в Шотландии, никакого побочного наследника Плантагенетов! Кто вы? Откуда вы взялись? Кто вас сюда послал?

— Кто бы я ни был,— ответил я,— я нужен вам целым и невредимым.

— Чушь. Современные методы убеждения основаны вовсе не на орудиях пыток. В конце концов вы выболтаете мне все, что я сочту нужным. Но если вы поступите так, как я вам велю, будут спасены многие жизни. Предложение его величества все еще в силе. Итак, кто вы? Кто вас послал?

— Если я не настоящий, то с чего вы взяли, будто мой ответ чем-то вам поможет?

— О вас уже разошлись слухи: мол, появился некто из древнего рода Плантагенетов, как и Ричард, но в отличие от последнего за ним не тянется хвост из просчетов и компромиссов. Если распространится известие о том, что вас убили, восстанут жители всех окрестных деревень и у меня не останется иного выхода, кроме как подавить мятеж.

— Вряд ли это будет легко. Повстанцы...

— Нет никаких повстанцев, никаких партизан, никаких мятежников. Все это фикция, которую сфабриковал я сам.— Он кивнул.— Да, я сам. Сопоставьте факты: вол-

нения в Новой Нормандии нарастают уже в течение десятилетий, в особенности после Континентальной войны семнадцатого-девятнадцатого годов с налетами прусских дирижаблей и, мягко говоря, бесславного мира, который положил ей конец. Вновь возобновились старые крики о саксонском объединении — естественно, всего лишь идиотская чушь, основанная на воображаемых кровных узах. Мне необходима была сила, которая вновь вернула бы провинции под надежный контроль, и для этой роли прекрасно подходил герцог Ричард. Конечно, ведя достаточно свободный образ жизни, он основательно дискредитировал себя в глазах островитян, но благодаря воодушевляющему призыву следовать древним заветам народ начал объединяться вокруг него. А потом, когда уже вся Новая Нормандия поклялась бы безоговорочно ему повиноваться, должен был быть нанесен последний удар в виде «компромисса» — он получил бы все пустые почести, которых так желал, а революционный дух был бы усмирен в рамках мнимой автономии. Его убийство разрушило весь план, готовившийся в течение десяти лет.

— Вы сами его убили.

— Нет, его убил вовсе не я! Он был ценным орудием в наших руках, и если вы — кем бы вы ни были и каковыми бы ни были ваши первоначальные намерения — не окажетесь достаточно благоразумны для того, чтобы пойти на сотрудничество, впереди нас ждет настоящая трагедия!

— У вас есть доказательства?

— У меня есть печать герцога Ричарда, скрепляющая тайное соглашение между нами. У меня есть документы, подтверждающие денежные выплаты ему самому и агентам-провокаторам, якобы работавшим на его подпольную организацию. Конечно, они могут быть поддельными, но как я могу доказать обратное? Лучшее мое доказательство — очевидная логика моей версии событий, в противовес романтическому бреду, в который вас обманным путем заставили поверить! Поймите же, факты говорят сами за себя! Вам на блюдечке предлагают возможность за одну ночь подняться от неизвестности до всеобщего уважения!

Самое лучшее... единственное, что вы сейчас можете сделать,— это пойти на сотрудничество с нами!

— Я вам не верю. Мятежники вполне могут победить.

— Чушь.

Он показал на висевшую на стене карту, где через канал от Дюнкерка до Бреста были нацелены синие стрелки.

— Войска его величества сильны как никогда. Единственным исходом войны может стать полное уничтожение повстанцев, что не выгодно никому.

— Почему бы просто не дать британцам независимость и на этом успокоиться?

Гаррон устало покачал головой.

— Милорд, то, что вы предлагаете, есть и всегда было лишь экономической и политической фантазией. Эти острова в силу самой своей природы неспособны существовать самостоятельно. Сам их размер препятствует какой-либо иной роли, нежели нищая зависимая территория, не способная поддерживать сама себя и отданная на милость любой силы, которая пожелала бы ее захватить. Свободная Британия, как ее именуют фанатики,— несбыточная мечта. Нет, милорд, Франция никогда не пожертвует своими законными интересами, которые она здесь имеет, да, по сути, и не может это сделать. Впрочем, обсуждение подобных фантазий — лишь пустая трата времени. Вы слышали о милостивейшем предложении его величества. Пока мы тут сидим, время идет, с каждым мгновением приближая нас к грядущей трагедии. Примите предложение, и через час вы будете находиться в собственных апартаментах в городе, в должности главы местного магистрата Новой Нормандии, со всеми полагающимися почестями и привилегиями; если же откажетесь исполнить свой долг перед монархом, вас ждет печальный конец. Выбор за вами, милорд!

Он уставился на меня через стол, ожидая ответа. Золотые часы на каминной полке позади него громко тикали в тишине. События разворачивались чересчур быстро, и мне казалось, будто я что-то упустил или забыл. Мне нужно было время, чтобы подумать.

Открылась дверь, и вошел маленький сморщенный лакей в белом парике и с бантами на коленях. Подковыляв к стоявшему рядом с большим столом столику, он поставил на него поднос с приземистой коричневой бутылкой, парой бокалов на высоких ножках и свернутой конусом белой салфеткой. Старик приподнял салфетку и выхватил из-под нее маленький плоский пистолет. Повернувшись, он трижды выстрелил в грудь Гаррону с расстояния в шесть футов.

Я увидел, как дернулись от ударов пуль накрахмаленные черные кружева на груди наместника, увидел щепки розоватого красного дерева, отлетевшие от спинки кресла, услышал, как пули с глухим звуком вонзились в штукатурку. Звука выстрелов почти не было слышно — глушитель или, возможно, сжатый газ. Гаррон судорожно вздрогнул, вскинул руки и упал лицом вниз на большой фолиант в кожаном переплете. Старик стащил с головы парик, и я узнал Вилибальда. Он сбросил длинную, золотую с синим мантию, расшитую розовыми цветочками, и под ней оказался обычный, не слишком чистый серый костюм.

— Пора уходить, милорд! — сказал он с беззубой улыбкой, убирая пистолет.

Обойдя вокруг стола, на котором расплывалось ярко-алое пятно, он отдернул портьеру возле края большого окна. Там обнаружилось темное отверстие в выложенной деревянными панелями стене. В свете его фонаря я увидел грубую кирпичную кладку и потемневшие от времени доски, а за ними — ведущий в темноту узкий проход.

— Сюда, ваша милость. Нельзя терять ни минуты!

В его голосе звучали раздраженные нотки. Я не двинулся с места с тех пор, как раздались выстрелы.

— Куда спешить, Вили? — спросил я.— Никто не ворвется без спроса к наместнику во время совещания — разве что преданный слуга с чашкой утреннего чая.

— То есть как? Прошу прощения, ваша милость, но здесь лежит мертвец! Наказание за убийство — виселица! Если вас здесь поймают...

Я подошел к нему и, вместо того чтобы шагнуть в проход, схватил его за руку.

— А что, если здесь поймают нас обоих, Вили? Это как-то помешает исполнению плана?

— Нас повесят! — Он попытался вырваться, но я крепко держал его.

— Все знают, что с ним был я. Когда его найдут мертвым, ни у кого не возникнет никаких сомнений, не так ли, Вили?

— Какая разница? Вы будете уже далеко...

— На кого ты работаешь, Вили? — спросил я.— На Рузвельта? В прошлый раз он позволил мне бежать, не так ли? Зачем? Чтобы я мог поднять народ на бунт? Зачем он разбомбил дом Лекленда? Налет ведь был не настоящим, верно? Никто не пострадал, а ведь с его пулеметами можно было уничтожить всех свидетелей, включая самого Лекленда.

— Это Лекленд приказал бомбить дом! — проквакал Вили.— Он презренный шпион и доносчик Людовика и надеялся, что вашу милость убьют, но он заплатил за свои преступления! О да, он заплатил...

— Не морочь мне голову, он работал на Рузвельта. И, полагаю, был ему крайне полезен, до самого конца.

— Что за позорные времена выпали на нашу долю,— пробормотал Вили.— Но кем он еще мог быть, кроме как Черным Плантагенетом? Но нам нужно бежать. Нас ждет автомобиль...

— Автомобиль, как же, очень удобно. Как-то это не похоже на то, что я уже успел увидеть. Надо полагать, мы проедем прямо через полицейский заслон, так же как и в прошлый раз, спасибо Рузвельту?

— Но Организация...

— Все это лишь пустые слова, Вили. Рузвельт послал тебя сюда, чтобы убить Гаррона, и устроил все так, чтобы казалось, будто это сделал я, так же как он убил герцога Ричарда и распространил слух, будто в этом виновен Гаррон. Зачем? Ситуация и без того балансировала на лезвии ножа. Почему он сказал мне, будто победа на стороне мя-

тежников? В лучшем случае — силы равны. Но он хочет, чтобы они попытались выступить, хочет увидеть страну ввергнутой в гражданскую войну, которая не закончится, пока обе стороны не истребят друг друга. Зачем?

— Глупости! — взвизгнул Вили.— Идемте, безумец! Они могут быть здесь в любое мгновение...

— Кто их на этот раз навел, ты? Выкладывай все, Вили, и лучше по-хорошему...

Его свободная рука нырнула в карман, но я успел схватить ее, не дав ему вытащить пистолет. Вили оказался неожиданно силен, но я был намного сильнее его.

— Я намерен испортить вам всю игру,— сказал я.— Может, я и не слишком быстро соображаю, но теперь даже до меня дошло. Твой босс заставлял меня плясать под свою дудку с самого начала, верно? Все было спланировано заранее: и то, что я оказался здесь якобы по собственной инициативе, и драматическое бегство, и звучащие из стен голоса — а потом никто не стал мешать людям Гаррона меня схватить. Что дальше? Я должен был сесть на коня и повести крестьян на битву? Но я разрываю эту цепь, Вили. Ваши действия чересчур изощренны, но мне на это плевать. Даже самый запутанный узел так же легко разрубить, как и самый простой...

Он резко выбросил вперед колено. Удар пришелся мне в бедро, и, воспользовавшись моментом, он изо всех сил попытался вывернуть руку с пистолетом из моего захвата, но не успел — дуло было направлено ему в грудь, когда раздался выстрел. Вили обмяк и упал навзничь. Он еще пытался что-то говорить, но я не мог разобрать слова. Затем взгляд его померк. Я оттащил тело в проход и начал ощупывать стену, пока не нашел рычаг, закрывавший панель у меня за спиной.

— Прощай, Вили,— сказал я.— Ты хоть во что-то искренне верил, хотя вовсе не в то, во что следовало бы.

Оставив его лежать, я двинулся, как надеялся, в верном направлении.

Пробираться в темноте по потайным коридорам было куда сложнее, чем до этого, когда я находился внутри пре-

бывавшего в режиме полуфазы челнока. Свернув не в ту сторону, я стукнулся головой и ободрал ноги. Мне потребовались часы — не знаю, сколько именно,— чтобы найти проход, который я искал: тот, что вел в обитель Рузвельта.

Найдя рычаг, я отодвинул панель, которая, как оказалось, находилась над камином в просторном кабинете. Там никого не было — видимо, Рузвельт сейчас пребывал где-то в другом месте, пытаясь найти объяснение таинственному убийству наместника.

На то, чтобы обыскать кабинет, ушло немало времени. Все двери и ящики были заперты, и их было много. Я вскрывал их один за другим, глядя на книги, бумаги и папки с записями, но не нашел ничего полезного для себя.

Следующее помещение оказалось спальней барона. Я начал с чулана, затем проверил два больших комода и платяной шкаф и в самом последнем ящике обнаружил плоский, завернутый в бумагу пакет. Это был мой сломанный меч. Мне стало интересно, какую ценность он представлял для Рузвельта, если тот постарался спрятать его как можно дальше, но над этим можно было подумать и позже. Я прицепил меч к поясу, с удовольствием ощущая его вес. В качестве оружия он не слишком годился, но все же это было лучше, чем ничего, на случай, если сюда войдут и обнаружат меня.

Еще через десять минут, в небольшом шкафчике, почти незаметном в темном углу, я нашел то, что искал: отделанный серебром ковчег, ради обладания которым Рузвельт уничтожил целый мир.

Серебряная петля, удерживавшая крышку, была заперта на серебряный замочек. Мне очень не хотелось портить столь изящное произведение искусства, но я все же подсунул под крышку край меча и приподнял. Петля сломалась. Под крышкой, на желтой атласной подушке, лежал ржавый кусок металла длиной в фут и три дюйма в ширину, скошенный с обоих краев. Еще один кусок сломанного меча.

Я поднял его, ощущая то же самое покалывание в ладони, как и в прошлый раз, в подземелье замка. Как и то-

гда, я поднес кусок металла к сломанному лезвию и увидел, как между ними проскакивает длинная голубая искра...

Мир взорвался у меня перед глазами.

Было раннее утро, и я восседал верхом на могучем боевом коне. Кольчуга и доспехи тяжело давили на плечи, на боку ощущался вес только что выкованного меча. Ехавший рядом со мной Трампингтон повернулся в седле и посмотрел на меня. Он что-то сказал, но я не ответил. Меня вдруг охватило странное чувство — будто какая-то часть меня находится где-то в другом месте и перед моим взором предстают странные видения...

Мне показалось, будто я вижу, как я покидаю поле Шалуз, не запятнав кровью свой разум. Затем в моем мозгу возникли новые призрачные картины. Я увидел худощавое лицо моего брата Джона, с голодным взглядом и шелковистой бородой, который стоял передо мной на коленях, умоляя пощадить его. И неожиданный страх в его глазах, когда я, всегда милосердно относившийся к его вероломству, на этот раз не сжалился.

Я услышал глухой удар топора палача...

А потом мне показалось, будто я сижу в своем шатре на острове Раннимед, явившись туда на зов своих мятежных баронов. Они надменно стояли передо мной, предъявляя мне, их властелину, свиток со своими вероломными требованиями. И вновь я увидел, как торжество в их взглядах сменяется смертельным ужасом, когда из леса вышли мои верные лучники, выпуская стрелы в лживые сердца клятвопреступных вассалов...

Перед моими глазами проходили сцены сражений. Я видел, как падают передо мной стены Парижа, видел пламя, пылающее над соборами Мадрида, видел голову того, кто когда-то был королем, насаженную на пику и принесенную мне. Вокруг меня толпились прекрасные женщины и честолюбивые мужчины, возносившие мне хвалу. Я видел шумные пиршества, бешеную скачку на лошадях за захлебывающимися от лая гончими, жареную оленину над ревущим костром. Я видел, как вскрывались бочонки с вином и как в обжорстве, разврате и праздности шли дни и годы, вплоть до тех пор, когда моя рука уже более не могла держать меч. Разжиревший от излишеств и ослабевший от болезней, я прятался во дворце, пока мои собственные слуги вели переговоры с захватчиками у ворот и предавали королевство и короля в обмен на свои ничтожные жизни. Но не более ничтожные, чем моя, когда я, рыдая, стоял на коленях перед юношей, чьего отца я повесил на его собственных воротах, и клялся ему на еще недавно принадлежавшем мне мече в вечной преданности ему всего моего рода...

Когда я вновь вернулся в реальный мир, мне показалось, будто я переплыл реку шире, чем вся вселенная. Я снова стоял посреди комнаты, которую хорошо помнил, хотя прошла целая вечность — или всего секунда? Меч обжигал мне руку — уже не неуклюжий металлический обрубок, но клинок длиной в четыре фута, заканчивавшийся тупым сломанным концом. На рукоятке виднелись следы позолоты, а на головке поблескивал драгоценный камень. Это была все та же самая магия, которую я уже видел прежде, и любые разговоры насчет вероятностных напряжений и преобразований реальности ничего не могли изменить. Я попытался восстановить в памяти картину, которую видел мгновение назад,— панораму лиц, звуков и напрасных сожалений, но она рассеялась, как это обычно бывает со сновидениями, и исчезла. А затем меня вырвали из задумчивости звук распахнувшейся двери и шаги по ковру, направлявшиеся в сторону спальни.

— Милорд барон,— послышался знакомый голос,— чрезвычайная ситуация в Сети! Равновесие нарушено! В ближайшие часы начнется вероятностная буря!

Он поспешно прошел мимо того места, где стоял я, прижавшись к стене возле двери, остановился, видя, что комната пуста, повернулся, увидел меня и вскрикнул.

— Спасибо за информацию, Рената,— сказал я, со всей силой нанося ему удар плашмя мечом по голове. Не задерживаясь, чтобы проверить, не расколол ли я ему череп, я

пересек кабинет и снова оказался в туннеле, прежде чем у кого-либо из его людей хватило мужества войти без стука.

За пару часов, в течение которых я обследовал систему туннелей, я обнаружил множество боковых ответвлений, несколько потайных комнат со столами и сгнившими постелями, узкую лестницу, ведшую на первый этаж, но мне никак не удавалось найти прямого пути в другое крыло дворца и к выходу среди рододендронов. Я подумал было о том, чтобы выбраться наружу, но из-за стен раздавалось чересчур много звуков, делавших подобную мысль не слишком привлекательной. Похоже, все здание было охвачено волнениями, чему, впрочем, вряд ли стоило удивляться, учитывая смерть наместника и приближающуюся вероятностную бурю.

Наконец я нашел шахту с ржавой лестницей внутри. Ступени были расположены слишком близко друг к другу и покрыты ржавчиной, а в самой шахте едва хватало свободного места. По мере того как я спускался, она, казалось, становилась все уже. Шахта заканчивалась сырым полом, который, как я понял, шел под рядом камер, в одной из которых мне уже довелось побывать. Почти в полной темноте я двинулся по проходу шириной в два фута, куда свет проникал лишь сквозь щели между камнями. Мне не хотелось думать о том, что будет, если я останусь здесь, когда наступит ночь.

Пройдя с полсотни шагов, я уперся в тупик. Повернув назад, через тридцать футов я обнаружил перекресток, насчет которого мог поклясться, что еще пару минут назад его здесь не было. Правое ответвление вело к открытой яме, куда я едва не свалился. Другое уходило по спирали вниз, завершаясь круглым помещением с темными отверстиями вдоль стены. Я повернулся кругом, а когда снова взглянул в ту сторону, откуда пришел, все изменилось. На этот раз сомнений не оставалось: там, где только что был проход, встала сплошная каменная стена. Теперь я понял, что подразумевал Рузвельт под вероятностной бурей. Субъективная реальность оказалась иллюзорной, подобно сновидению.

Следующий проход, в который я свернул, завершался голой стеной из влажной глины. Когда я вернулся в круглое помещение, оно было уже квадратным, и из него вели только два выхода. Один из них упирался в массивную, окованную железом дверь, запертую на замок и засовы. Я снова вернулся назад, но вместо зала оказался в пещере, по полу которой текла вода и в дальней стене виднелся единственный темный ход. Я вошел туда, и он расширился, превратившись в устланный ковром холл перед несколькими белыми дверями, которые все оказались заперты. Но стоило мне оглянуться — и передо мной был лишь серый туннель, прорубленный в сплошном камне.

В течение долгого времени я пытался найти выход наверх, блуждая по темным ходам, которые смыкались за моей спиной. А потом в одном из туннелей, столь низком, что мне приходилось пригибаться, я услышал невдалеке звон цепей.

Прислушавшись, я уловил тяжелое дыхание и шарканье ног по камню, снова звон. В обычной ситуации подобные звуки вряд ли показались бы мне привлекательными, но, учитывая обстоятельства, я предпочел рискнуть. Пройдя еще десять футов, я увидел тусклый свет, шедший сквозь щель в стене вокруг незакрепленной каменной плиты размером три на три фута. Приложив глаз к щели, я увидел камеру со стенами без окон, свечу на столе, соломенный тюфяк. Посреди нее стоял старик одного со мной роста, широкоплечий, с большими узловатыми руками, обветренным лицом, бледно-голубыми глазами и загнанным взглядом. Он был одет в потрепанные синие атласные бриджи, парчовую темно-красную мантию с широкими меховыми отворотами, расшитую лилиями жилетку и поношенные туфли, которые когда-то были красными. Лодыжки его были скованы цепями. Он огляделся по сторонам, словно зная, что я здесь.

— Джеффри,— сказал он хриплым старческим голосом, который я уже слышал прежде, в одном из своих видений.— Я чувствую, ты где-то рядом.

Схватившись за каменную плиту, я отодвинул ее в сторону и заглянул в зарешеченное отверстие. Старик медленно повернулся. Рот его открылся и снова закрылся.

— Джеффри,— проговорил он.— Мой мальчик...— Он протянул руку, но тут же ее отдернул.— Но мой мальчик мертв,— пробормотал он себе под нос.— Мертв навсегда.— По иссохшей щеке скатилась слеза.— Так кто же ты? Его кузен Генри? Или Эдвард? Назовись!

— Меня зовут Керлон. Я заблудился. Отсюда есть выход?

Казалось, он не услышал мой вопрос.

— Кто послал тебя сюда? Мерзкие негодяи, которые убили Джеффри?

Он схватился за решетку, и рукав его мантии сдвинулся назад, обнажив рубец шириной два дюйма вокруг запястья.

— Никто меня не посылал,— ответил я.— Я сам.

Он уставился на меня, затем кивнул.

— Да, ты из знатного рода — я вижу по твоему лицу. Ты тоже угодил в его ловушку?

— Похоже на то,— сказал я.— Кто ты? Почему ты здесь?

— Мое имя Генри Плангет, и ни на какие титулы я не претендую. Но я не поддержал его коварные замыслы, хотя все дьяволы ада пытались меня запугать! — Он погрозил кулаком стене.— Делайте что хотите, проклятые негодяи, только пощадите мальчика!

— Очнись, старик! — грубо бросил я.— Мне нужна твоя помощь! Отсюда есть выход?

Он не ответил. Я достал сломанный меч и попытался поддеть решетку. Прутья были прочные, толщиной в дюйм, надежно вделанные в каменную кладку.

— Моя помощь? — Он посмотрел на меня слезящимися глазами.— Плангеты никогда не просят о помощи — но все же... все же, возможно, нам и стоило ее попросить, много лет назад...

— Послушай, Генри. Есть один человек, которого зовут Рузвельт. Генерал Питер, барон ван Рузвельт. Ему хватило безумия возомнить, будто он может переделать вселенную по своему личному разумению, а я оказался достаточно глуп для того, чтобы ему поверить. Я бы хотел остановить его, если это возможно. Но прежде всего я должен выбраться из этого лабиринта. Если знаешь дорогу — скажи!

— Лабиринта?

Старик посмотрел на меня туманным взглядом, а потом, словно вдруг сбросив некое бремя, выпрямился; глаза его прояснились, и в них появилась жизнь.

— Лабиринт жизни,— сказал он.— Лабиринт судьбы. Да, мы должны из него вырваться!

Он замолчал, глядя на сломанный меч. Его рука потянулась к клинку, но замерла на полдороге, так до него и не дотронувшись.

— В твоих руках Балингор? — Голос его дрогнул. Его взгляд встретился с моим, и глаза его вспыхнули.— Моим очам предстало чудо! Ибо они видели, как Балингор был сломан и брошен в море! А теперь... он снова жив!

— Боюсь, это всего лишь сломанный меч,— сказал я, но он меня не слушал.

— Балингор снова жив! — дрожащим голосом продолжал он.— Его сила струится в тебе, я это чувствую! И сила его пронзает завесу между мирами! Я видел их, да, он показал мне их много лет назад, осыпав меня прекрасными словами и разговорами о давно прошедшей славе. Миров много, и они зовут меня — и тебя тоже! Ты слышишь их, голоса, призывающие во тьме? Иди! Иди к ним! Разорви круг судьбы, навеки погубивший наш род!

— И как же мне это сделать, Генри?

Он ухватился за решетку, и я увидел, что он с трудом пытается удержать вернувшийся к нему проблеск здравого рассудка.

— Мне придется говорить быстро, пока снова не опустилась пелена,— сказал он. Голос его теперь звучал увереннее.

Вот что он мне рассказал:

— Давным-давно один из королей в нашем роду завладел Балингором и с его помощью построил могущественную империю по всему миру. Но в конце концов удача

покинула его, Балингор попал в руки другого и в течение семи веков служил силам зла. Однако в итоге жадность узурпатора его же и сгубила. Его мудрецы построили странную машину, внутри которой человек мог покинуть рамки собственной судьбы и уйти в мир иного бытия. Он попытался воспользоваться этим чудом в качестве оружия, чтобы воплотить свои замыслы о господстве над всеми мирами, но потерпел неудачу. И в итоге навлек на себя гнев самих небес!

— Эта машина называлась «челнок»,— сказал я.— С помощью МК-привода она могла перемещаться между различными мировыми линиями. Я слышал, будто Пустошь возникла из-за того, что привод вышел из-под контроля.

— Нет, это вовсе не была случайная катастрофа! Ван Рузвельт знал, что делает, когда высвобождал невиданную силу, погубившую целый мир! А теперь его потомок снова пытается переделать вселенную по своему желанию, но это слишком сложная задача для него одного! Он нуждается в помощи могущественного Ангевина. Так он сказал мне, когда похитил меня из моего родового поместья в далеком мире, где я родился. Но я ему не поддался! И ты тоже не должен!

— Кто он, Генри? Кто он такой?

— Падший ангел, чудовище, злобы которого не в силах вынести мир! Даже сейчас она здесь, вокруг, везде! Беги! Беги из этой кошмарной ямы, пока не заблудился навсегда... так же как давным-давно заблудился я...

— Ты что-то говорил насчет меча,— напомнил я.

— Мне немало довелось узнать такого, во что невозможно поверить,— пробормотал Генри.— Однако тебе придется! — Голос его снова окреп.— Есть множество миров, множество линий судьбы, которые прорастают сквозь стены времени, словно стебли плюща! Когда-то существовало множество Балингоров, каждый из которых содержал часть силы, некогда слитой воедино. Однако когда мир охватила катастрофа, все погибли, за исключением двух. Один находится в руках этого дьявола, Рузвельта. А другой, что висел высоко на стене в моем доме, в далекой земле, я никогда больше не увижу! — Костяшки его вцепившихся в решетку пальцев побелели.— Когда-то это был мой дом, эти камеры были моими подвалами. Потом явился он. Его речи ввели меня в заблуждение, и по его требованию я снял со стены древний клинок моих предков и вложил ему в руку. Но стоило ему дотронуться до клинка, как тот рассыпался на куски. Он пришел в ярость, обвиняя меня в колдовстве. Но мне уже был дан знак свыше, который придал мне сил, и я не подчинился ему — хотя было уже слишком поздно! Он привел меня сюда и рассказал мне свою историю — и свою ложь. Он клялся, будто я ключ к его величию, что вместе мы заново построим его мир — другой мир, похожий на мой, но все же совсем иной. Я не стал его слушать. Я видел его меч — другой Балингор, обесчещенный много лет назад,— но я чувствовал, что истинная сила не в нем. Он действительно нуждался во мне, но он не знал, что я сохранил один фрагмент настоящего меча. Я спрятал этот кусок, и когда он бросил остальные ржаветь в соленое море, один остался...

— Балингоров было больше двух,— сказал я.— Часть одного из них у меня. И я нашел еще одну, в разрушенном городе посреди Пустоши...

— Слушай меня! — Голос Генри дрогнул.— Я чувствую, как возвращается красная тьма! Времени больше нет! Иди в мой мир, Керлон! Найди мой дом с высокими каменными стенами и красными башнями и там, в часовне Святого Ричарда, ищи за алтарным камнем. Но опасайся ложного Балингора! А теперь иди — пока мир не превратился в кошмарное сновидение!

— Я постараюсь, Генри,— сказал я.— Но я не могу оставить тебя здесь. Попробую найти какой-нибудь способ тебя освободить.

Я пошел назад по коридору, ощупывая стены с неясной мыслью, что, может быть, наткнусь на висящее на стене кольцо с ключами, но ничего не обнаружил.

Когда я вернулся к зарешеченному окну, свеча на столе все еще горела, но в камере никого не было. Лишь ржавые кандалы лежали на полу среди разбросанных костей.

Я долго стоял в темноте, глядя на догорающую свечу, затем двинулся дальше. Не знаю, сколько прошло часов, прежде чем я оказался в помещении, куда проникал свет из-за тяжелой дубовой двери, наполовину сбитой с петель. Поднявшись по каменным ступеням, я вышел в освещенную вечерним светом кухню, которая выглядела так, будто ее брали с боем. Где-то неподалеку слышались выстрелы.

За дверью оказалась мощеная аллея с высокими стенами по обеим сторонам. В нескольких футах от двери лежал на спине мертвец в синем мундире. Подобрав его автомат, я направился через улицу, стараясь не создавать лишнего шума. Вдали раздавался грохот и гул крупнокалиберных орудий, и вечернее небо озарялось яркими вспышками. Теперь я знал, где я. Я преодолел под землей несколько городских кварталов, и дворец наместника находился на следующей площади, в ста ярдах отсюда.

Неожиданный орудийный залп едва не заставил меня прижаться к стене. Послышался звук бегущих ног, и из дверей выскочили трое имперских гвардейцев в синих мундирах, устремившись на другую сторону улицы. Снова раздался залп, откуда-то сверху, и один из них упал. Послышался свист снаряда, и часть улицы взлетела на воздух, окутав все вокруг пылью. Когда пыль рассеялась, рядом с мертвым солдатом лежал мертвый штатский с наброшенным на плечи патронташем. Революция была в разгаре, но почему-то мне казалось, что тем не менее события разворачиваются вовсе не так, как хотелось бы Рузвельту. Мысль об этом послужила мне предупреждением, заставив сосредоточиться на дальнейших действиях.

Покинув свое укрытие, я перебежал через улицу и нырнул в узкий переулок, ведший к задней части дворца, держа автомат наготове,— мне вовсе не хотелось, чтобы меня подстрелили как с той, так и с другой стороны. Когда я уже был возле ворот, за спиной послышались чьи-то шаги. Бросив автомат, я перелез через стену и оказался в дворцовом саду, в пятидесяти футах от того места, где я оставил челнок в режиме полуфазы.

Тенистые деревья и кусты показались мне не совсем такими, как раньше; на ухоженных клумбах пустили ростки дикие цветы неизвестной мне разновидности. Где-то заливался трелью соловей, не обращая внимания на огонь орудий.

На моем пальце все еще было надето кольцо, которое дал мне Баярд, с миниатюрной кнопкой вызова челнока, вмонтированной в искусственный рубин. Я оставил челнок на другой мировой линии, пришпиленный подавляющими лучами Империума, словно бабочка к доске, но сейчас было не время об этом раздумывать. Если сигнальное устройство сработает, у меня будет еще одна попытка, если нет — игра окончена. Я нажал на камень.

Пела птица. Легкий ветерок шевелил высокую траву. В дальней стороне сада появился какой-то человек в покрытой пятнами пота синей форме, без фуражки. Увидев меня, он остановился, что-то крикнул и побежал туда, где стоял я. Он преодолел половину разделявшего нас расстояния, когда челнок замерцал и приобрел четкие очертания. В лицо мне ударила воздушная волна. Шагнув внутрь, я щелкнул переключателем режима полуфазы. Изображение вечернего сада на экранах приобрело зловещий голубоватый оттенок. Бегущий человек резко остановился, поднял автомат и выпустил полный магазин в то место, где только что находился челнок. Послышался отдаленный приглушенный звук выстрелов. Человек отбросил автомат, дико расхохотался, повернулся и пошел прочь. Я мог ему только посочувствовать, прекрасно понимая, что он сейчас ощущает. Мир рушился у него на глазах, и пути назад не было.

На панели управления моргала лампочка — датчик, настроенный на челнок Рузвельта. Он все еще работал — и цель его перемещалась.

И снова я не стал тратить время на подсчет собственных шансов, а просто повернул рычаг включения привода и устремился в погоню.

Мне уже приходилось видеть подобное прежде, но тем не менее зрелище оставалось все столь же захватывающим. По мере того как шли часы, мир вокруг плавно менялся. Теперь я знал, что вижу непрерывную последовательность

А-линий, каждая из которых лишь слегка отличалась от предыдущей, подобно кадрам кинофильма. На самом деле ничто не двигалось, и момент времени в течение всего путешествия через четвертое измерение оставался тем же самым. Но зловещая активность энтропии продолжалась: растения сражались друг с другом за место под солнцем, лианы атаковали деревья, сорняки разрастались, вытесняя другие сорняки. Покрытые плющом стены дворца стали ниже и толще, превратившись в окруженную рвом крепость. Деревья отступили назад, медленно скользя по расступавшемуся, словно вода, дерну, пока челнок не оказался посреди открытого поля, окруженного древним лесом. Крепость превратилась в каменный дом-усадьбу с мансардами и трубами, возвышавшимися под нисколько не изменившимся небом; трубы сдвинулись и соединились, превратившись в кирпичные башни с заостренными верхушками.

Внезапно гудение двигателя начало стихать и в конце концов смолкло. Изображение стабилизировалось. Передо мной тянулось вспаханное поле, а за ним — одинокий дом на вершине низкого холма среди высоких деревьев.

Высокий каменный дом с башнями из кирпича, который при нормальном освещении был бы красным. Из всех возможных мест, существовавших во всех вселенных, Рузвельт привел меня к дому Генри Плангета.

Дождавшись наступления темноты, я переключил челнок в режим полной фазы и вышел наружу, после чего переключил его обратно. Одиноко прозвучал легкий хлопок ворвавшегося на освободившееся место воздуха.

За прошедший час через дом прошло немалое количество людей. Подъезжали верхом курьеры, а другие галопом скакали прочь по немощеной дороге с полными седельными сумками на боках лошадей. Во всех окнах первого этажа горел свет. Перед входной дверью вышагивали часовые. Казалось, дом напоминает военную штаб-квартиру. Где-то внутри его Рузвельт смешивал последние ингредиенты своего величайшего заговора против всего мира.

Обойдя дом, я двинулся под прикрытием тополей вдоль стены, пока не оказался возле ближайшего окна. Группа

людей в разукрашенных зеленых мундирах стояла вокруг стола, на котором под газовой люстрой была расстелена карта. Рузвельта среди них не было. То же самое происходило и в соседней комнате, если не считать того, что здесь люди были одеты в обычную форму цвета хаки и работали с какими-то документами. Я обошел дом наполовину, используя в качестве укрытия живую изгородь, когда наконец нашел того, кого искал. Он сидел в одиночестве за столом и, слегка улыбаясь, что-то быстро писал шариковой ручкой — курьезная аномалия в столь старомодной обстановке. На лбу у него виднелся небольшой порез. На нем был все тот же костюм, что и на церемонии в Новой Нормандии, но покрытый пятнами и обожженный. Похоже, генералу нелегко пришлось, прежде чем он покинул поле сражения.

Закончив писать, он вышел из комнаты. Я подошел ближе и проверил окно. Вечер был теплый, и окно было приоткрыто на полдюйма. Десять секунд спустя я был уже внутри.

Я постоял у двери, прислушиваясь, затем открыл ее и взглянул вдоль оклеенного обоями коридора, тускло освещенного единственным газовым рожком. В дальнем его конце стоял часовой, весь в сверкающей коже и бронзе, с мушкетом на плече. Я притворился, будто я всего лишь движущаяся по коридору тень, скользящая в сторону безлюдной лестницы. Он даже не повернул головы.

Лестница с отполированными перилами из красного дерева была устлана красной ковровой дорожкой. На площадке я прислушался, затем поднялся в другой темный коридор с дверями по обеим сторонам. Я стоял, ожидая, когда инстинкт подскажет мне, что делать дальше, когда вдруг ощутил легкое прикосновение к бедру. Я быстро повернулся, и моя рука потянулась к рукоятке меча, прежде чем я сообразил: моего бока мягко касался сам меч. Я вытащил его, следуя в указываемом им направлении.

В конце коридора три ступени вели к двустворчатым дверям из резного дуба. Толкнув их, я оказался в большом помещении, залитом падавшим через круглое окно

лунным светом. Я никогда раньше его не видел — и тем не менее я здесь уже побывал. Я знал, хотя и не понимал, откуда именно, что это аналог часовни, из которой Рузвельт похитил ковчег. Эта комната была меньше и проще, почти без украшений, однако каким-то образом в непостижимой географии Сети альтернативных реальностей она занимала то же самое место. Алтарь под высоко расположенным окном состоял из двух тяжелых дубовых опор с лежащим поперек них грубо обработанным плоским камнем — но в каком-то смысле это был тот же самый алтарь. В тусклом свете он казался мне каменной плахой для жертвоприношений. Я двинулся вперед и вдруг услышал за спиной тихий звук открывающейся двери. Обернувшись, я увидел стоявшего в дверях Рузвельта. Его черные глаза, казалось, пылали в темноте, а позади него стояли вооруженные люди.

— Вот видите, Плантагенет,— негромко сказал он.— Как бы вы ни сопротивлялись, вам все равно суждено оказаться в моих руках. Должен сказать, я недооценил вас при нашем знакомстве — и потом, в Новой Нормандии. Я полагал, что вы ухватитесь за предоставленный вам шанс бежать, стремясь освободить угнетенную нацию. Крестьяне восстали бы по вашему призыву, и вы бы поднялись к вершинам славы во главе отряда сторонников под лучами яркого солнца. Почему вы поступили иначе?

— Вы умный человек, Рузвельт,— ответил я.— Но не настолько, чтобы играть роль Бога. Люди все же не картонные человечки, которыми можно вертеть как угодно по собственной прихоти.

— Люди — всего лишь орудия,— бесстрастно сказал Рузвельт.— Что же касается вас — вы инструмент, который пытается вырваться из руки, к тому же с исключительно острыми краями.— Он покачал головой.— Я считал вас человеком чувств и действия, Плантагенет, а не разума!

— Хватит решать за меня, Рузвельт. Ваш план лопнул, как мыльный пузырь, у вас на глазах. Вы проиграли точно так же, как проиграл ваш отец, пытаясь подчинить своей воле Генри Плангета.

На самом деле мои слова были лишь выстрелом наугад, просто чтобы хоть что-то сказать. На мгновение на его лице промелькнуло удивление, затем его зубы блеснули в улыбке.

— Это был мой дед,— ответил он.— Интересно, как вы об этом узнали? Но сейчас это не имеет никакого значения, не так ли? Вы пришли сюда, в единственное место, куда могли прийти, и обнаружили, что я уже вас жду.

— Вы не слишком бдительны. Я мог вас пристрелить, когда вы писали за столом.

— Что-то я не вижу у вас оружия.— Он все еще улыбался, почти дружелюбно.— Нет, Плантагенет, вам не суждено выстрелить мне в спину. Нам предстоит встретиться лицом к лицу, и это судьбоносное время пришло.

Он вытащил висевший у него на боку тяжелый меч. Сверкнули драгоценные камни, украшавшие рукоятку и эфес. Люди позади него стояли молча, сжимая в руках пистолеты.

— Вы очень любите разглагольствовать о судьбе, Рузвельт,— сказал я.— Но все это пустой вздор. Человек сам определяет собственную судьбу.

Я наблюдал за длинным лезвием, готовый отразить удар сломанным клинком в моей руке. Рузвельт бросил на него взгляд и негромко рассмеялся.

— Ваши знания столь же неполноценны, как и ваше оружие, Плантагенет! Да, кое-что вам известно — хотя даже это меня удивляет,— но этого слишком мало. Вы узнаете меч, который перед вами?

— Красивый кусок железа,— согласился я.— Но оружие хорошо настолько, насколько хорош тот, кто держит его в руках.

— Взгляните на Балингор! — Рузвельт поднял меч, и свет отразился от лезвия — заостренной полосы блестящей стали длиной в шесть футов, шириной с мою ладонь. В мускулистой руке Рузвельта меч лежал, словно деревянная палка.— Его выковали для вашего когда-то великого предка, Ричарда Львиное Сердце. Меч сослужил ему хорошую службу, но Ричард оказался чересчур жаден. Он слишком

далеко зашел, разжирев на золоте и вине. В конце концов его стали называть Ричардом Чревоугодником. Он валялся пьяный в своей спальне, когда французы атаковали стены Лондона и его люди открыли им ворота. В обмен на этот меч он купил себе жизнь, отдав его рукояткой вперед голландскому наемнику, возглавлявшему войско Людовика Августа, и поклялся подчиняться ему и его роду до конца времен!

— Все это сказки,— сказал я.

— Но в эту сказку вы верите.— Рузвельт повернул меч так, что отблеск ударил мне в глаза.— Я знаю, зачем вы здесь, Плантагенет.

— В самом деле?

Он мрачно кивнул.

— Каким-то образом — и потом вы расскажете мне, каким именно,— вы узнали, что Балингор — ключевой предмет, через который проходят силовые линии. Вы вообразили, будто сумеете его похитить и вернуть себе все то, что потеряли много лет назад.— Он покачал головой.— Но теперь это оружие принадлежит мне! Одно лишь его прикосновение лишит сил вашу руку. Сквозь эту сталь течет вся вероятностная энергия, накопленная за семь столетий истории, и каждый эрг этой титанической мощи противостоит вашим притязаниям. Предлагаю вам последний шанс сохранить жизнь со всеми ее благами, Плантагенет! Подчинитесь мне — и вы будете первым у трона при новом мировом порядке. А если откажетесь, умрете в страшных мучениях, не доступных вашему воображению!

— Смерть есть смерть,— сказал я.— А какая именно, уже не столь существенно. Почему бы вам не убить меня прямо сейчас? Оружие в ваших руках.

— Мне бы следовало вас прикончить,— процедил он сквозь зубы.— Уже давно!

— По какой-то причине я нужен вам живым,— устало ответил я.— Но причина эта — не ваша, Рузвельт. Все это время вы думали, будто главный — вы, хотя на самом деле это не так. Возможно, судьбу не так-то легко изменить, как вам казалось...

Один из стоявших за спиной Рузвельта приглушенно вскрикнул, увидев прошмыгнувшую между его ног крысу величиной с кота. Рузвельт замахнулся на нее мечом, и в то же мгновение я метнулся к алтарю.

Я ожидал выстрелов, пули в позвоночнике, мучительной боли от разряда из нейропистолета, но Рузвельт крикнул своим людям, чтобы те не стреляли. Вскочив на невысокий постамент, я ухватился за алтарный камень и навалился на него всем весом. С тем же успехом я мог бы попытаться приподнять колонны Парфенона. Рузвельт уже бежал ко мне. Подсунув сломанный меч под камень, я услышал металлический скрежет...

Вселенная превратилась во взметнувшееся вокруг белое пламя, которое затем сменилось серым туманом...

— Пойдете в наступление, милорд? — послышался рядом голос Трампингтона. Я посмотрел на светящее сквозь туман солнце и подумал о зеленых полях Англии, о солнечных виноградниках Аквитании, об империи, которая, несмотря ни на что, могла быть моей. Я взглянул туда, где ждал враг и где, как я знал, меня могла подстерегать смерть.

— Да. Будем наступать,— ответил я.

— Милорд,— обеспокоенно спросил Трампингтон,— вы хорошо себя чувствуете?

— Не хуже любого смертного,— ответил я и, пришпорив коня, поскакал навстречу высоким серым стенам Шалуза.

Часовня Святого Ричарда вновь обрела реальные черты. Рузвельт бежал ко мне, за ним его люди, один из них поднял пистолет, последовала яркая вспышка, и я ощутил резкий удар в плечо, отшвырнувший меня назад...

Рузвельт стоял надо мной с обнаженным мечом в руке.

— Вам еще не пришло время умереть, Плантагенет,— сказал он. Голос его отдавался эхом, словно из рупора.— Вставайте!

Я нашел собственные руки и ноги, подтянул их под себя. Все мое тело превратилось в один сгусток пульсирую-

щей боли... как в тот раз, когда Рената выстрелил в меня из нейропистолета. Воспоминание о Ренате придало мне сил, и я сумел подняться.

— А вы сильный человек. И гордый,— сказал Рузвельт, голос которого будто накатывался до меня волнами.

Руку отчаянно жгло. Вспомнив про меч, я сморгнул туманную дымку и увидел, что тот все еще торчит из-под алтарного камня, куда я его воткнул за мгновение до того, как в меня кто-то выстрелил и попал. Я отчаянно жалел, что мне никак до него не добраться.

— Вы проделали немалый путь, Плантагенет,— говорил Рузвельт.— Думаю, вы знали, чем он завершится, и все же сражались до конца. Я искренне восхищаюсь вами и очень скоро оставлю вас в покое. Но сперва — подчинитесь мне.

— Вы до сих пор боитесь...— с трудом выговорил я.— Вы ничего не можете сделать... один.

— Послушайте меня,— сказал Рузвельт.— Буря бушует вокруг нас, и скоро она до нас доберется. Вы уже ее видели, вы видели, что такое Пустошь! Если сейчас мы не заделаем вероятностную брешь, она поглотит эту мировую линию вместе со всеми остальными! Лишь из-за вашего дурацкого упрямства вы держите дефектную линию открытой! Во имя будущего человечества, усмирите свою ложную гордыню!

— Есть и другое решение,— ответил я.— Вы можете подчиниться мне.

— Только если разверзнется бездна и поглотит меня живьем,— сказал Рузвельт и поднял меч, намереваясь...

Собрав остатки сил, я рванулся вперед и схватил его за запястье, пытаясь удержать, и потянулся к покрытой зарубками рукоятке моего клинка. Его рука сомкнулась на моей. Мы стояли, сцепившись, и его черные глаза отделяли от моих лишь несколько дюймов.

— Назад! — крикнул Рузвельт своим людям, попытавшимся приблизиться к нам.— Я уничтожу его своими собственными руками!

Мои пальцы находились в шести дюймах от рукоятки меча. Я ощущал ее притяжение — не физическое, но некую неуловимую силу, подобную ненависти или любви, которая исходила от моей руки, перетекая в клинок.

— Сражайся, Плантагенет,— прошипел Рузвельт мне в ухо, наваливаясь на меня всем своим весом.

Мою руку отбросило назад, в сторону от меча...

— Балингор! — крикнул я.

Меч шевельнулся и прыгнул через разделявшее нас пространство прямо мне в ладонь.

Мне показалось, будто мою руку охватил огонь — не обжигающий, но животворный, снимающий усталость. Отшвырнув Рузвельта назад, я замахнулся шестифутовым куском поцарапанной ржавой стали, держа его обеими руками. Рузвельт попятился, не отводя взгляда от старого меча, затупившегося и выщербленного, но теперь целого. На лице его появилось такое выражение, словно он заглянул в огненные врата ада. А потом наши взгляды встретились.

— И снова я тебя недооценил,— сказал он.— Теперь я начинаю понимать, кто ты на самом деле такой, Плантагенет, и что ты такое. Но отступать уже слишком поздно. Мы встретились, как нам и было суждено, лицом к лицу, твоя судьба против моей!

Он сделал выпад, и ложный Балингор устремился ко мне, а истинный Балингор, сверкнув, метнулся ему навстречу. Два лезвия столкнулись со звоном, подобным удару железа о наковальню, и звук этот заполнил весь мир...

...Я увидел летящую ко мне из клубов пыли стрелу и почувствовал обрушившийся на плечо страшный удар, который едва не вышиб меня из седла.

— Сир, вы ранены! — крикнул Трампингтон, пытаясь пробиться ко мне сквозь сражающееся войско.

В один миг меня охватила слабость, но я удержался в седле и пришпорил коня, устремляясь вперед.

— Милорд, отходите назад, я должен перевязать ваши раны! — послышался позади голос Трампингтона, но я не обратил на него внимания.

Он на всем скаку поравнялся со мной, пытаясь занять позицию между мной и врагом.

— Сир, вернитесь! — кричал он.— Даже король может умереть!

На мгновение наши взгляды встретились. Вокруг нас вставали на дыбы лошади и отчаянно дрались люди.

— В отличие от многих других король знает, как умереть достойно,— сказал я.— И когда — тоже.

Затем вражеская атака разделила нас, и я больше его не видел...

Я заметил, как изменился взгляд Рузвельта, устремленный мне в глаза. Он попятился, недоуменно глядя на собственные пустые руки. На моих глазах лицо его сморщилось, щеки ввалились, шелк и парча превратились в серые лохмотья, которые свалились, обнажив худые ребра и желтую старческую кожу. Он упал, что-то бормоча беззубым ртом, а его пальцы, словно птичьи когти, заскребли по каменному полу. А потом остались только кости, рассыпавшиеся в прах.

Меч обжег мне руки. Взглянув на него, я увидел, как отражается свет по всей длине безупречного лезвия, как сверкает украшенная драгоценными камнями рукоятка. Убрав меч в ножны, я пересек пустую часовню и вышел под яркие лучи солнца.

11

Когда я вернулся назад, следуя сигналу маяка, полковник Баярд уже ждал меня в ангаре для челноков Империума. Неделю я провел в прекрасной постели под опекой не менее прекрасной медсестры. Баярд немало времени просидел со мной, посвящая меня во все подробности.

— Нам удалось собрать из кусочков почти всю историю,— рассказал он.— Семьдесят лет назад, когда Пустошь уничтожила большую часть известных нам мировых линий, одному человеку удалось избежать всеобщей гибели. Это был высокопоставленный правительственный чиновник с одной из ключевых мировых линий, охваченных Пустошью, который способствовал вышедшим из-под контроля экспериментам, в конечном счете приведшим к катастрофе. Ему удалось с помощью недоработанной экспериментальной машины перебраться через Сеть на линию нольноль — одну из немногих, имевших достаточно стабильную вероятностную структуру и потому переживших катастрофу.

Мир этот не пришелся ему по вкусу. Дома он обладал немалой властью, стоя возле трона оранской династии, правившей половиной планеты. Здесь же он был никем — хотя и не без способностей. Со временем ему удалось подняться до высокого поста в имперской Службе транссетевого надзора, но душа его не лежала к подобной работе. Его честолюбивый замысел заключался в том, чтобы восстановить старую империю. В течение жизни ему не удалось этого добиться, но он передал свою идею сыну, а тот, в свою очередь,— внуку.

Естественно, один человек не в состоянии был свергнуть правительство Империума. Ван Рузвельтам нужна была другая линия, за пределами Пустоши, где они могли бы воплотить в жизнь свой план. Они выбрали Новую Нормандию, поскольку та находилась на приемлемом уровне технологии, отличалась политической нестабильностью и давно созрела для сильной руки, к тому же там имелся подходящий исторический фундамент. Рузвельт намеревался спровоцировать мятеж, натравить французов на британцев, а когда обе стороны полностью истощили бы свои силы и дискредитировали себя, выступить самому во главе небольшой, но хорошо организованной банды наемников и захватить власть.

Вскоре он понял, что все далеко не столь просто, как он предполагал. Герцог Лондрский был влиятельной фигурой, которой не так-то легко было манипулировать. Рузвельт убил его — и обнаружил, что из-за его вмешательства серьезно нарушилось вероятностное равновесие, последствия чего вы могли наблюдать здесь и у себя дома. Стабильность нужно было восстанавливать, а это означало уничтожение всех Плантагенетов раз и навсегда, поскольку пока оставался в живых хотя бы один из них, где бы он ни на-

ходился, вероятностные силы сосредоточились бы на нем, бросив его в гущу событий и создав вокруг него вероятностное субъядро. Рузвельт же нуждался во всей доступной вероятностной энергии, которую он мог бы направить на обеспечение стабильности избранной им линии, достаточной, чтобы противостоять Пустоши.

Однако просто убить всех Плантагенетов было мало. Он нуждался в их силе, их харизме, которые мог бы добавить к своей. Именно тогда и дошло дело до вас. Он воспользовался некоторыми весьма специфическими приборами, которые привез с собой его дед в своем челноке с оранской линии, для поиска в Сети по заданным параметрам,— и нашел вас. Я знаю, что вы всего лишь рыбак и ничего не слышали о Плантагенетах. Но вероятностные линии были сосредоточены вокруг вас. Он намеревался использовать вас в качестве подставной фигуры, чтобы восстановить стабильность линии Новой Нормандии, позволить вам потерять власть в ходе безнадежной войны, а затем предложить вам бежать. И ценой за это должно было стать ваше признание власти Рузвельта.

Первую ошибку он совершил, когда втайне арестовал шефа Разведки, барона фон Рихтгофена. У Манфреда есть друзья, и рассказанная Рузвельтом история о его внезапной болезни нас не удовлетворила. Возможно, он оказался чересчур мягкосердечен или же опасался разрушить слишком многие важные жизненные линии Империума. Ему следовало убить Рихтгофена и меня тоже. Но он этого не сделал.

Меня освободили из камеры, в которой я сидел, через несколько часов после того, как он отправился вместе с вами в Пустошь. Мы попытались последовать за ним, но разразилась буря, и мы едва успели возвратиться. Когда Рузвельт не вернулся, мы начали его искать. Наши приборы засекли его в Новой Нормандии. Когда я прибыл туда, все уже закончилось — как вам известно. Мы не нашли никаких следов Рузвельта. Полагаю, он погиб. Вам повезло, что вы сами остались живы.

В изложенной Баярдом версии событий имелись определенные пробелы, но, похоже, она вполне удовлетвори-

ла бы всех. Со смертью Рузвельта вероятностная буря сама собой прекратилась. В архивах больше не росли поганки. А имперские посредники быстро восстанавливали порядок в Новой Нормандии под властью свободно избранного парламента.

Однако Баярда продолжало беспокоить кое-что еще. Когда я вышел из госпиталя, он показал мне город, сводил меня в рестораны и на концерты, предоставил мне небольшую, но уютную квартиру, где я мог оставаться столько, сколько бы захотел. Он ни разу не упоминал о том, чтобы отправить меня обратно домой, не упоминал об этом и я. Казалось, будто мы оба ждем приближения некоей нависшей над миром угрозы.

Мы сидели за столиком на открытой террасе ресторана в Упсале, когда я спросил его об этом. Сперва он попытался отделаться отговоркой, но я посмотрел ему прямо в глаза.

— Рано или поздно вам все равно придется мне рассказать,— сказал я.— Это ведь напрямую касается меня, не так ли?

Он кивнул.

— В Сети до сих пор сохраняется неустойчивость. Пока она ни на что особо не влияет, но со временем возрастет настолько, что станет угрожать стабильности Империума: и линии ИП-три, и Новой Нормандии, и любой другой. Пустошь — словно раковая опухоль, которую невозможно полностью обезвредить. Там имеет место разрыв, который необходимо замкнуть, подобно электрической цепи.

— Продолжайте.

— Наши приборы показывают, что разорванные линии сходятся на вас и на мече по имени Балингор.

Я кивнул.

— Я ведь не принадлежу к этой линии, разве не так? В таком случае вам придется отправить меня назад в Ки-Уэст снова заниматься рыбной ловлей.

— Все не так просто. Семьсот лет назад одна из ключевых фигур в вашем роду вмешалась в ход событий, что в итоге привело к катастрофе. Стабильность не вернется

до тех пор, пока разорванные тогда вероятностные линии вновь не возвратятся к своему источнику.

Больше он ничего не сказал, но я понял, что он пытается мне объяснить.

— Значит, мне придется вернуться,— сказал я.— В Пустошь.

— Это решать только вам,— ответил он.— Империум не станет пытаться вас принуждать.

Я встал. Закатные цвета никогда не казались мне столь приятными, а отдаленная музыка — столь притягательной, как сейчас.

— Поехали,— сказал я.

Техники, готовившие челнок, работали молча и быстро. Они пожали нам руки, и мы с Баярдом пристегнулись к креслам.

— Наша цель — бывшая главная линия данной части Империума,— сказал Баярд.

Я не стал говорить ему, что уже там побывал. Вокруг плыли формы и цвета Пустоши, но я не обращал на них внимания.

— А что потом? — спросил я.

— Мы надеемся, что, когда энергия Пустоши сойдет на нет, сама Пустошь сразу же рассосется. И в Сети больше не будет разрушенных миров.

Больше мы об этом не разговаривали. Казалось, прошло лишь несколько минут, прежде чем гудение двигателя стихло.

— Мы на месте,— сказал Баярд. Он открыл люк, и я взглянул сквозь рассеивающийся туман на окружавший нас ландшафт. Джунгли и руины исчезли, в лучах солнца над зелеными лужайками и серебристыми фонтанами поднимались сверкающие башни. Вдалеке слышалось женское пение.

— Мне бы очень хотелось сказать что-нибудь напоследок,— проговорил Баярд.— Вот только сказать мне нечего. До свидания, мистер Керлон.

Я ступил на землю, и люк за моей спиной закрылся. Подождав, пока челнок исчезнет в мерцающей дымке, я направился по украшенной цветами дорожке туда, где слышался голос Иронель.

Эпилог

Барон фон Рихтгофен, шеф Имперской разведки, посмотрел через отполированный до блеска стол на Баярда.

— Что ж, твоя миссия удалась, Бриан,— тихо сказал он.— Как только объект ступил на линию Пустоши, показания всех индикаторов напряженности сразу же упали до нуля. Угроза для Сети миновала.

— Интересно,— заметил Баярд,— что он чувствовал в последние секунды?

— Ничего. Вообще ничего. Континуум мгновенно сомкнулся, затягивая рану. Вероятностное уравнение разрешилось.— Рихтгофен немного помолчал.— А что? Ты что-нибудь видел?

— Нет, ничего,— ответил Баярд.— Просто туман, плотный как камень и безмолвный как смерть.

— Он был отважным человеком, Бриан. Он совершил то, что было предназначено ему судьбой.

Баярд хмуро кивнул.

— Бриан, тебя еще что-то беспокоит?

— Мы всегда придерживались теории, что история неизменна,— сказал Баярд.— Возможно, я просто заблуждаюсь. Но мне кажется, будто я помню рассказ о том, как король Ричард вырезал всех баронов на острове Раннимед. Я пытался проверить по историческим источникам, но, естественно, я ошибался.

Рихтгофен задумчиво посмотрел на него.

— Что-то и впрямь знакомое... хотя, конечно, это всего лишь иллюзия,— добавил он.— С баронами встречался король Джон и подписал их Великую хартию.

— Откуда у меня могла взяться мысль, будто Джон был казнен Ричардом в тысяча двести первом году?

Рихтгофен хотел было кивнуть, но передумал.

— Погоди-ка... хотя нет, я теперь вспоминаю. Ричарда тогда уже не было в живых. Он был убит арбалетной стрелой во время второстепенного сражения в месте под названием Шалуз в тысяча сто девяносто девятом году.— На лице его появилось задумчивое выражение.— Что любопытно... ему вообще не было никакой необходимости принимать участие в том бою, и после ранения он отказался от любой врачебной помощи. Как будто искал смерти на поле битвы.

— Я очень хорошо помню,— сказал Баярд,— как он дожил до старости — до глубокой старости,— лишился короны и умер в немилости. Я мог бы поклясться, что читал про все это в детстве. Но в книгах ничего подобного нет. Этого никогда не происходило.

— Да,— кивнул Рихтгофен.— Никогда. Иначе миры, которые мы знаем, не существовали бы.

— И все-таки странно.

— Каждый феномен в пространственно-временном вероятностном континууме выглядит странным, Бриан, но не более странным, чем *любой другой*.

— Наверное, это был всего лишь сон,— сказал Баярд.— Очень яркое и живое сновидение.

— Говорят, жизнь сама по себе — сновидение.— Рихтгофен выпрямился в кресле.— Но в этом сне живем мы сами, Бриан. И нас ждет работа.

Баярд улыбнулся в ответ.

— Ты прав,— сказал он.— Одного подобного сновидения вполне достаточно. Для кого угодно.

Желтая зона

Пролог

После торжественного приема во дворце у Рихтгофена я решил пройтись до дома пешком. Сентябрьский вечер выдался непривычно теплым для Стокгольма, и мне захотелось размяться. Когда я свернул со Страндваген, чтобы срезать по Стирмансгатан, за спиной раздался какой-то звук. Я обернулся, не от страха, а просто из легкого любопытства. Но лишь краем глаза успел заметить высокий, странно узкоплечий силуэт, до пят укутанный в тускло-коричневую шинель, как раз в тот миг, когда он нырнул в боковой переулок. Меня разобрало любопытство. Я как бы ненароком вернулся обратно, он буквально выпал на меня из дверного проема. Я отшвырнул его и мельком увидел уродливое, лишенное подбородка лицо с торчащими зубами, прежде чем странный тип, вяло трепыхаясь, растянулся на булыжной мостовой. До меня дошло, что он действительно упал на меня. Он был ранен или болен. Я опустился на колено, чтобы прощупать пульс. Пальцы нашарили жилистое запястье, на ощупь напоминавшее шкуру терьера. Я перевернул незнакомца на спину. От него омерзительно несло амбарными крысами и гнилыми апельсинами в придачу. Под шинелью на нем был надет тесно облегающий комбинезон из шерстистой ткани. На длинных изуродованных ступнях красовались то ли высокие ботинки, то ли короткие сапоги из мягкой сморщенной порыжелой кожи. На голенях рос короткий мех.

© Перевод А. Килановой.

В его карманах было пусто. У меня шерсть на загривке встала дыбом, инстинктивный способ казаться больше, дабы отпугнуть хищников. Глазки-бусинки крысюка распахнулись и уставились на меня с выражением, которое, будь он человеком, я бы назвал молящим. Он что-то пробормотал, сплошь гласные и скрипы, увенчанные стоном. Свет ушел из глаз. Он умер. Крупный щетинистый пасюк, поспешавший по своим делам, замер, принюхался, подскочил к мертвой твари, передумал и бросился улепетывать со всех ног. Я вышел из узкого переулка и вернулся на Страндваген, где ртутный фонарь заливал дьявольским светом выходящие на гавань элегантные фасады и рассыпал блестки по покрытой зыбью воде! Приметив такси с приветливым оранжевым огоньком, я направился к нему. Время неспешной прогулки миновало. Надо добраться до штаб-квартиры «Kungliga spionage»* как можно скорее.

До такси оставалось футов десять, когда водитель глянул на меня и рванул с обочины, выпустив облако выхлопов горелого керосина. Стокгольмские таксисты славятся вежливостью и обходительностью, значит, что-то насторожило этого парня. Я наблюдал, как он мчится через Густав-Адольфстрог в Туннелгатан.

В этот миг двое мужчин выскочили из другой боковой улочки. Хорошо одетые шведы средних лет не бегают трусцой по городским улицам после наступления темноты. Но эти двое мчались во весь опор, а за ними несся еще один, не гнался, а спасался бегством от того, что напугало первых двух. Затем из узкой улочки хлынула целая толпа, моих ушей достиг ее невнятный рев. Кое-кто был в крови от мелких порезов. Они напоминали отступающую армию, текущую мимо единым потоком. Мужчины, женщины, дети — все бежали из последних сил, и на лицах их читался страх. Я шагнул вперед, чтобы перехватить одного парня, но он дико глянул на меня и увернулся. Мой взгляд упал на фигуру в дверях каменного здания XVIII века, где некогда помещалась лавка судового маклера: высокий узкий

---

* Королевская разведка *(шведск.)*.

силуэт, похожий на шестифутовую тускло-оливковую сигару, с ножками и поднятым воротником. Страх схватил меня за горло и задавил готовый вырваться крик. Не успев поймать кого-нибудь и указать ему на незнакомца, я увидел второго, а потом еще одного. Все трое просто стояли в тени дверных проемов. Они были слишком высокими, слишком узкими, из-под длинных шинелей выглядывали только ступни, короткие, невразумительные ручки прятались в высоко посаженных карманах. Они в точности походили на крысюка, умершего в переулке. Не знаю почему, но было в этих молчаливых, неподвижных фигурах нечто невыразимо зловещее.

Я тоже отступил в тень. Остатки перепуганной толпы поспешали мимо. Окинув взглядом боковую улочку, из которой они вышли, я увидел нечто, от чего у меня оборвалось сердце: толпа незваных гостей в шинелях перемещалась неуклюже, но поразительно быстро. Тела их клонились вперед под опасным углом, ножки-обрубки так и мелькали под долгополыми шинелями. Один споткнулся и упал, остальные перелетели через него, оставив бесформенную груду позади. Затем один вернулся, подбежал к упавшему товарищу и склонился над ним.

Через мгновение я сообразил, что он его ест.

Последние несколько отставших — я перестал думать о них как о людях — еле держались и периодически вытягивали руки, падая на четвереньки. Догнать впереди идущих они не могли, но продолжали накатывать, десятками, тысячами. Они неслись мимо, не замечая меня.

А затем один тип отделился и поспешил к пожарной лестнице и, не сбавляя скорости, взобрался на первую площадку. Там он остановился, порылся в тускло-коричневой шинели и достал нечто, немедленно опознанное мной как оружие, хотя оно больше походило на пучок вешалок для одежды. Крысюк устроился и направил оружие вниз, через рыночную площадь, поверх голов последних улепетывающих людей, и синий росчерк молнии ударил в выветренную каменную кладку здания перед ними. Вниз, загораживая им путь, посыпались каменные обломки. Толпа

обогнула препятствие, оставив после себя трех раненых, корчащихся на булыжной мостовой.

Я вытащил свой старый «вальтер-6,35», прицелился и очередью рассек стрелка пополам. Он перегнулся через перила и, кувыркаясь, полетел вниз. Треснулся он будь здоров, но его дружки перескакивали или огибали его, не обращая внимания на поверженного соплеменника. Внезапно рыночная площадь опустела, остались лишь раненые. Один из троих, попавших под каменный обвал, поднялся на ноги и осматривал себя, пытаясь оценить причиненный ущерб. Я подошел к нему. Он испуганно вскинул на меня глаза, но остался на месте. Крепкий молодой парнишка, одетый как сошедший на берег моряк.

— Вот так ерунда! — крикнул он. (Именно «ерунда»; шведы почти не ругаются.)

— Сильно поранился? — спросил я.

Он неопределенно покачал головой.

— Что случилось? — спросил он.— Я бежал...

— Почему?

— Крысюки. Не видел их, что ли? Все рванули, ну и мне ничего лучше в голову не пришло, так что я тоже побежал.— Он потер левую руку.— Сломал, похоже.

Он посмотрел на женщину средних лет и старика, лежащих в крови на мостовой рядом с нами. Оба были мертвы.

— Им повезло меньше.

Он глянул на красноватые каменные обломки, потом перевел взгляд на выбоину в фасаде лавки.

— Артиллерийский огонь. Кто...— Он осекся и смерил меня тяжелым взглядом.— Ты-то не бежишь. Твои дружки?

Ясное дело, он имел в виду крысюков. Я возмутился и указал на подстреленного мной чужака.

— Это он завалил тебя камнями.

Он кивнул и подошел к мертвой твари. Уличные фонари тускло освещали серую рыночную площадь, окруженную блекло-коричневыми дряхлыми фасадами. Шаги его эхом отдавались от стен. Без них тишина казалась бы полной, не считая нескольких криков вдалеке. Мой взгляд

упал на приклеенный к фонарному столбу рекламный листок: «Sätt in på blodbanken. Du kan själv behöver ta ut»*. Безобидный призыв неожиданно приобрел для меня личный и зловещий смысл. Я направился туда, где парень со сломанной рукой стоял и смотрел на мертвую тварь, укутанную в старомодную шинель. Он с трудом перевернул ее на спину: длинное узкое тело посопротивлялось и тут же завалилось обратно, скрючившись на боку.

— Это не человек,— потрясенно сообщил он.

Распахнутая шинель обнажила подобие трико того же мышиного цвета, что и верхняя одежда. Вполне различимые теперь руки оказались ненормально короткими обрубками, а пальцы напоминали кости, обтянутые розоватой кожей и увенчанные когтями.

— Ты назвал их крысюками,— напомнил я ему.

Парень потянул носом и кивнул.

— Я столько корабельных крыс перенюхал, что за милю узнаю их вонь. Слушай, об этом надо сообщить властям.

— А то,— согласился я.— Я как раз направлялся в Имперскую разведку.

— Почему к ним? — удивился он.— Почему не в полицию?

— До них всего квартал или два,— возразил я.— А копы знают об этом не больше, чем мы с тобой. По мне, так это дело для транссетевого надзора.

— Ты о том секретном отделе, который изучает альтернативные реальности или как их там?

— В точку. Тут пахнет очень отдаленной реальностью, в которой приматы проиграли грызунам в меловом периоде.

— Я простой инженер-атомщик,— возразил мой новый знакомый,— и почти ничего не знаю обо всех этих сетевых делах. А в том немногом, что знаю, сомневаюсь! Альтернативные миры, ха! Одного вполне достаточно! С точки зрения инженера, в этом нет никакого смысла!

---

* Делайте взносы в банк крови. Возможно, вам пригодится счет в нем *(шведск.)*.

— Значит, надо поменять точку зрения.

— Это же бред,— заявил он, точно изготовившись к публичным дебатам.— Существуй альтернативные реальности на самом деле, мы были бы окружены ими со всех сторон. И если бы каждая А-линия отличалась от соседней только некоторыми деталями, ну, скажем, в одной корабль утонул, а в другой добрался до Исландии,— я понял, что он читал о Сети больше, чем хотел показать,— то у них имелись бы те же технологии, какие есть у нас, и наши аналоги толпами бродили бы повсюду, натыкаясь друг на друга, а то и на самих себя!

Я покачал головой.

— Нет, потому что сетевая технология оперирует глубинными силами, создающими то, что мы считаем реальностью...

— Считаем, черт побери? — перебил он.— Реальность и есть реальность, и нечего тут обсуждать!

— Вчера — реальность? — поинтересовался я.

Он открыл рот для скоропалительного ответа, но вместо этого промолчал. Я продолжил:

— А завтра?

— Javisst!* — неуверенно произнес он, нахмурившись.— Просто вчера уже прошло, а завтра еще не настало.

— А сейчас? — не отставал я.

— Вне всяких сомнений! — решительно заявил он, сурово поглядывая на мертвую тварь у наших ног. И поправился: — Мне так кажется.

— Настоящее,— сообщил я,— всего лишь пересечение прошлого и будущего, оно не имеет временного измерения. Все имеет место либо в прошлом, либо в будущем. Это как листок бумаги, разрезанный пополам: каждая молекула бумаги либо в одной половине, либо в другой.

— Как это связано?..— начал он.

Я отмахнулся.

— В нашем континууме Максони и Кочини повезло. Удивительно повезло. Они не уничтожили нашу линию.

* Разумеется, конечно *(шведск.)*.

Все соседние либо погибли, либо у них там ничего не вышло, потому-то мы и не натыкаемся на альтернативных себя, посланных по тому же заданию. Хотя я как-то раз встретился со своим альтер эго в месте, которое мы называем Изолированная-в-Пустоши-два. Пустошь — это область, где эксперименты пошли наперекосяк и растворили ткань времени, тем самым разорвав причинно-следственную связь, нарушив нормальный поток энтропии и так далее. На затронутые линии обрушились всевозможные беды. Но пара островков в Пустоши уцелела. Более или менее нормальные линии, очень близкие и схожие с нашей, линией ноль-ноль.

Он кивнул, но как-то неуверенно.

— Откуда тебе обо всем этом известно? — догадался он спросить.

— Я — полковник Баярд из Имперской разведки. Мне случалось бывать в кое-каких А-линиях. Пересекал Пустошь, и не раз. Поверь, я не вру. Этот Стокгольм,— я обвел взглядом рыночную площадь прочного, реального, определенно единственного в своем роде города,— Стокгольм ноль-ноль — всего лишь одна из в прямом смысле слова бесконечного множества параллельных вселенных, каждая из которых отличается от соседних, быть может, лишь относительным расположением двух песчинок на пляже или даже двух молекул внутри одной песчинки. Не беспокойся, твои аналоги в самых близких линиях точно так же уверены, что мои аналоги несут сущий вздор.

— Хочешь сказать...— он запнулся, позабыв о мертвой твари у ног,— что я... что есть...— Он был не в состоянии сформулировать вопрос. Вполне естественно для обычного человека, который смутно слышал о деятельности Сети, но толком не изучал предмет, не более чем простой обыватель вникает в детали космических технологий.

— Именно,— сжалился я.— Как только возникает выбор, происходят оба варианта. Линии расщепляются, и каждый вектор вероятности развивается независимо от остальных. Когда ты в последний раз задумался, куда свернуть на перекрестке, ты пошел в обе стороны — и к разным

судьбам. Так поступают все. Мера возникших различий определяется временем, прошедшим от общеисторической точки. Я жил в одной из линий, где Наполеон выиграл при Ватерлоо. В тысяча восемьсот пятнадцатом году от развилки истории.

— Но... как?..

Ему так и не удалось закончить предложение, но я его понял. Те же самые чувства бурлили во мне много-много лет назад, когда бедолага капитан Винтер схватил меня на улице в паре кварталов отсюда и поведал ту же бредовую сказку.

С тех пор я научился принимать ее и даже стал частью организации, занимающейся надзором за обширным континуумом миров, открытых благодаря МК-приводу, позволившему нам пересекать линии. Привод — основа империи, правительство которой располагается здесь, в нулевых координатах Сети, оберегая мир и порядок в линиях.

— Разумеется,— продолжил я объяснения,— в Сети много линий, наиболее близких к нулевой, в которых Максони и Кочини довели свое странное устройство до совершенства, не устроив катастрофы, из-за которой Пустошь...

— Ты уже упоминал о Пустоши,— перебил меня новый приятель.— Это нечто вроде пустыни, верно, где все пошло не так?

— Мягко говоря. Привод использует те же самые силы, что питают вечный цикл творения и разрушения реальности. Если они не текут строго в своем русле, возникает хаос: испепеленные миры, где жизнь уничтожена взорвавшимися солнцами; адские миры радиации и землетрясений, и даже хуже; линии, где изуродована сама жизнь и огромные массы протоплазмы, отчасти человеческой, растут, подобно гигантским опухолям, и расползаются по земле; или кошмарно мутировавшие растения и животные ведут бесконечную борьбу за пожирание друг друга — все, что угодно, вплоть до милейших мест, которые ты вполне мог бы принять за родной дом, не считая того, что в них Испания поглотила Соединенные Колонии в тысяча восемьсот девяносто восьмом. Или, к примеру, кайзер за-

ключил союз со своими кузенами, царем Александром и королем Эдуардом Седьмым, уничтожил Французскую республику и реставрировал династию Бурбонов в тысяча девятьсот четырнадцатом. Или даже линия, в которой ты опоздал на трамвай и так и не встретил свою жену, вследствие чего стал всемирно известным киноактером, или...

— Понятно,— перебил он меня.— Хотя принять все равно...— Его глаза вернулись к распростертому животному в шинели.— Откуда такое взялось?

— Давным-давно,— предположил я,— в меловом периоде, в начале века млекопитающих наши маленькие, похожие на землероек предки, по-видимому, проиграли борьбу за жизнь на деревьях еще более маленьким, похожим на крыс существам, и через сотню миллионов лет появилось,— я пнул труп носком ботинка,— это.

— Но как оно сюда-то попало? Кстати,— он осекся и протянул мне руку, словно внезапно пожелав восстановить контакт с человеческой расой,— меня зовут Ларс Бурман. Я как раз шел домой и...— Еще одна фраза осталась незаконченной.

Я пожал ему руку.

— Его племя явно располагает чем-то вроде МК-привода. Но вот что он делает здесь, в такой дали от родных мест, вопрос посложнее. Он не один, сам знаешь. Я видел толпу по меньшей мере в сотню тварей. Этот бросил своих, чтобы пострелять,— и вот он сам убит.

— Как он...— Ларс, как обычно, осекся.— Ты сказал, это он завалил меня камнями.

Я поднял оружие крысюка, гибрид гнутой вешалки и составного арбалета с открытой электропроводкой. С какого конца оно стреляет, было неясно. Я показал его Бурману.

— Вот этим.

Он кивнул, словно я произнес нечто осмысленное, и взял штуку. Он-то явно знал, с какого конца вылетает птичка — вот она, инженерская натура.

— Любопытно,— заметил он.— Я, конечно, не уверен, но, по-моему, принцип действия основан на управлении

слабой атомной силой — неудивительно, что оно вдребезги разбивает прочный гранит. Весьма нетривиально. Мы работаем над похожей штукой.— Он вернул оружие и объяснил мне, как правильно его держать, указав на спусковой крючок.

Я осторожно принял смертоносное устройство.

К этому времени несколько горожан осмелились открыть двери и осторожно выглянуть наружу. Они заметили нас и направились в нашу сторону, издалека выкрикивая вопросы. Что мы могли им ответить? Молодая женщина припала к двум мертвецам и зарыдала. Невдалеке раздался крик, и все обернулись. Мужчина с лицом в крови, шатаясь, брел к нашей кучке. Бурман и еще пара человек поспешили ему навстречу. Не знаю зачем: помочь мы ему не могли. Человек с окровавленным носом приблизился. Он не сводил глаз с мертвой твари.

— Еще такие идут — много идет! — задыхаясь, выдавил он.— Они лезут из старых угольных подвалов на верфях. Я упал,— словно извиняясь, добавил он, вытирая нос и брызгая во все стороны кровью.— Я видел, как они убили человека... застрелили его... такой вот штукой! — Он ткнул пальцем в устройство в моих руках.— Его в клочья разнесло! — Он захлебывался, давился словами.— Жуть! У него не было ни малейшего шанса! Обычный тряпичник, копался себе в мусорном баке. А они убили его, как крысу!

Толпа решила, что мы знаем не больше их, и начала расходиться, по двое, по трое: никто не ушел без спутника. Одинокий крысюк выскочил из очередной узкой боковой улочки старой верфи. Похоже, враг попал в беду: он забавно шатался на своих ножках-обрубках, затем остановился, оглянулся и направился к нам.

— Вроде не вооружен,— сказал Ларс.

Я согласился.

— У меня есть пистолет. Возьми-ка ты эту штуку.— Я протянул ему оружие чужака.

В десяти футах тварь остановилась. Глазки-бусинки на заостренной крысиной морде быстро ощупали нас и замерли на оружии в руках у Бурмана. Зверь определенно принюхивался. Он вытянул узкую, с длинными пальцами ладонь и издал звук, похожий на скрип ржавой дверной петли.

— Не подходи,— мягко сказал Бурман.— У меня от него шерсть на загривке дыбом,— вполголоса поделился он со мной.

Тварь снова скрипнула, уже более настойчиво, если в скрипе ржавой двери вообще можно различить человеческие интонации.

— Кто ты? — спросил я, просто чтобы не молчать.

— Вы не из наших товеренных кадров,— произнесла тварь визгливо, но вполне разборчиво.— Откуда у вас разрушитель?

Его глазки метнулись на труп.

— Вы претательски убили Тзла и забрали его личное оружие,— обвиняющее произнес он.

— Еще как убили, слизняк,— ответил я и поудобнее перехватил «вальтер».— Твой приятель Сил убил двух людей и не остановился бы на этом, не прикончи мы его.

— Тзл,— поправила тварь.— Кокта уже вы, лори, научитесь коворить правильно?

— А на кой? — возразил я.— Это наш мир...— успел произнести я, прежде чем он взял свой разрушитель наизготовку.

Оружие идеально подходило к его ручкам-обрубкам, вот почему Ларсу было неудобно его держать, и тем не менее Ларс направил свой разрушитель на чужака, пока тот не выстрелил.

— Покайтесь, рабы! — воскликнул крысюк на скрипучем, но грамматически безупречном аристократическом английском.

— Мы не рабы, крысиная морда,— весьма спокойно сообщил Ларс.— А теперь отвечай, кто ты, что ты и какого черта ты здесь делаешь?

— Мне выпала великая честь быть командиром корпуса Кзком,— сообщил он, старательно выговаривая звуки.— Я не обязан отвечать на вопросы всякой швали, но сооб-

щу вам, коль уж вы столь чудовищно невежественны, что я представляю Центральное командование Йлокка и прибыл сюда со своими войсками, дабы очистить сию городскую область от местной живности. А теперь ты! — Он обратился к Бурману, даже не взглянув на меня и мой пистолет.— Отдай мне оружие!

— Как скажете, сэр,— смиренно произнес Ларс и проделал в вожаке Кзке дыру, куда вполне поместился бы мяч для футбола (британского, а не американского).

Надменный чужак рухнул на булыжную мостовую и проехал шесть футов на спине. Ларс глянул на меня, словно в ожидании выволочки.

— Без разницы, сейчас или позже,— успокоил я его.— А теперь, с этими сведениями, мы просто обязаны добраться до штаб-квартиры, и как можно скорее.

И мы тронулись в путь, оставив за спиной двух мертвых «локов» (так, что ли, он назвал свое племя) и двух мертвых людей. По очкам пока ничья.

Проходя по обезлюдевшим улицам, мы видели еще крысюков, в основном парами, но был и патруль в десяток особей, и одинокая тварь, блевавшая у стены. Ныряя из тени в тень, никем не замеченные, мы добрались до штаб-квартиры. По бокам от гранитных ступеней горели кованые фонари, светилось несколько окон, но никого — ни человека, ни чужака — не было видно.

Часового в будке внутри тоже не оказалось. Царила тишина, но где-то вдалеке, наверху, мне почудились голоса. Мы поднялись по мраморной лестнице и прошли по широкому коридору к кабинету Рихтгофена. И вновь нет часового. Я постучал, и раздраженный голос рявкнул:

— Войдите!

Так я и сделал, Ларс последовал за мной. Дородный охранник, которого я встречал прежде, наставил автоматический пистолет на мой обед и заявил:

— А, это вы, полковник. Хорошо. Генерал хочет вас видеть.

— Под ноги себе цельсь, Хелга,— отозвался я.— Это Ларс Бурман. Он на нашей стороне — что прекрасно, по-

скольку иначе он разорвал бы тебя пополам той вешалкой, которую держит в руках.

Хелга довольно робко опустил оружие, потянулся к разрушителю, отдернул руку и кивнул на внутреннюю дверь. Не успели мы подойти, как створки распахнулись и в проеме возник Манфред фон Рихтгофен, седой, безукоризненно элегантный в форме Службы транссетевого надзора и лишь чуть-чуть сутулый — ему уже за восемьдесят перевалило. Он протянул руку и сказал:

— Я так и думал, что это ты, Бриан. Хорошо. Добро пожаловать. Заходи, и мистер Бурман пусть тоже зайдет.

Мы оба обменялись с ним рукопожатиями.

— Что за чертовщина творится, сэр? — спросил я.— Откуда они явились?

Рихтгофен махнул на настенную карту города, построенного на архипелаге, острова которого соединяли мосты. Красные и желтые булавки складывались в узор из концентрических дуг с центром у берега, недалеко от того места, где я встретил своего первого крысюка.

— Это транссетевое вторжение, Бриан,— мрачно сказал он.— Сомнений нет.

— Сколько их? — поинтересовался я.

— Точно сказать не могу,— ответил он.— Данных не хватает. Но идет постоянный приток подкреплений. Жертв пока не много, поскольку организованного сопротивления нет. Они, похоже, пытаются ловить людей наугад, когда натыкаются на них. Первый рапорт поступил из Гетеборга около часа назад. Звонок по горячей линии, как раз когда ты уходил с приема. Я послал за тобой наряд, чтобы сообщить о случившемся, но тебя упустили.

— Я срезал дорогу,— объяснил я.

— Тем не менее теперь ты здесь,— заявил Рихтгофен, словно это все меняло.

— Почему бы не позвонить в местный гарнизон и не окружить их? — спросил я.

— Это полноценное вторжение,— угрюмо ответил генерал.— Мы не в силах отловить всех разом. Только в го-

роде уже сотни достоверно зафиксированных встреч.— Он махнул на карту с булавками.— Красные — это жертвы, желтые — просто встречи. Кем бы эти твари ни были, намерения у них серьезные. Мой технический директор Шёман (ты, разумеется, знаком с ним, Бриан) утверждает, что они из линии, весьма далекой от нашей зоны надзора.

— Вы видели хоть одного вблизи, сэр? — спросил я.

Он покачал головой.

— Пленников пока нет. У них мощное личное оружие, и они охотно его применяют. И не хотят ни с кем разговаривать. Я видел парочку через улицу, довольно близко,— добавил он.— Скользкие твари и двигаются как-то странно, наклонившись вперед. Один с минуту бежал на четвереньках, я почти уверен.

— Бежал,— подтвердил я.— Это не люди, Манфред.— Я протянул ему разрушитель.— Вот из чего они стреляют. Нет, наоборот. Осторожнее! А то пробьешь стену здания. Лучше позови Шёмана. Ларс объяснит ему, как эта штука работает.

Рихтгофен уважительно повертел оружие в руках , затем нажал кнопку на столе, вызвав технического директора, и протянул тому разрушитель.

— К счастью, сэр, это оружие легко инвертировать,— сказал подошедший Ларс.— Оно генерирует силовое поле, и если чуть-чуть подкрутить, можно сдвинуть поле по фазе, тогда при столкновении оно погасит базовое. Надо наштамповать побольше копий и как можно скорее.

Шёман кивал, как будто весь этот бред что-то значил.

— Какая территория у них под контролем, генерал? — не унимался я.

— Как ты сегодня официален, Бриан,— слегка пожурил меня Рихтгофен.— Здесь, в Стокгольме, они зачем-то захватили Старый город и Сёдру и быстро очищают центр. Они разбили полевой штаб на Кунсгатан, рядом со Стуреплан. Мы перебили несколько сотен. Похоже, им плевать на наше оружие: они лезут прямо под пули.

В этот миг влетел помощник с рапортом, подтвердившим, что чужаки кишат во всех городах и весях, с которыми удалось связаться, а также в Париже, Копенгагене, Осло и остальных столицах континента. Из Лондона поступили сведения об уличных боях. Северная Америка пока молчит. Связи с Японией нет.

— Коммуникации практически уничтожены,— объяснил нам Рихтгофен.— Эти парни знают, на что нападать в первую очередь. Мосты и аэродромы перекрыты, радиовышки обрушены, шоссе блокированы. Новости поступают только по морю. Словно они не подозревают, что можно путешествовать по воде. Наши корабли приходят и уходят свободно. Похоже, их интересуют в основном территории мегаполисов, но и в маленьких городках они есть. В сельских районах их почти не видели, не считая разрозненных групп. Им явно больше хочется выжить людей из городов, чем убить их: в основном жертвы возникают, когда люди встают на их пути. Тем, кто удирает, позволяют бежать, затем их окружают и задерживают.

— Это все несколько усложняет,— заметил я.— Мы не можем использовать против них мощное оружие из опасения разрушить собственные города.

— Именно,— согласился Рихтгофен.— Думаю, в этом суть их стратегии.

— Сколько их, по-твоему? — спросил я.

— Скорее всего, порядка четырехсот тысяч на данный момент,— мрачно ответил Рихтгофен.— И с каждым часом становится все больше.

— Точнее, триста тысяч девятьсот девяносто восемь,— вставил Ларс.

— Пожалуй,— Манфред говорил серьезно,— нам следует прибегнуть к партизанской войне. Я уже предпринял меры по разбивке полевого штаба рядом с Упсалой. Вам с Барброй лучше отправиться туда прямо сейчас. Я рассчитываю, что ты возьмешь командование на себя.

— Есть, сэр! — рявкнул я, но мне было чертовски не по себе.

1

За следующие сутки к нам присоединилось несколько мобилизованных подразделений имперской армии, вооруженных поспешно наштампованными антиразрушительными излучателями широкого поля действия. Под прикрытием шести грузовиков мы пробились через хлипкие йлокк-ские баррикады на открытую сельскую местность без единой потери с нашей стороны. Под «нами» я разумею Барбру, нашего верного слугу Люка, дюжину или около того старших офицеров армии и Службы госбезопасности, их семьи, уйму врачей, механиков, поваров, прибившуюся к нам группу отпускников и вообще всех, кто хотел эвакуироваться. Большинство из них тащили пожитки, с которыми никак не могли расстаться.

На окраине города мы реквизировали шесть автобусов и армейский вездеход и, отбив несколько вялых атак, вскоре набрали достаточно людей, чтобы набить транспорт под завязку.

— Да уж, бравыми вояками этих «локов» не назовешь,— отметил молоденький лейтенант по фамилии Хельм.

Он служил в миротворческих силах на Ближнем Востоке и повидал отчаянные бои. По сравнению с тамошними головорезами эти ребята казались усталыми и какими-то равнодушными. Меня это устраивало. Но они были упорны и, казалось, плевать хотели на потери, хотя, отступая, всегда утаскивали своих мертвых и раненых да еще и умудрялись прихватить парочку пленных.

Как только мы покинули городские предместья, чужаки перестали преследовать нас. Новые устройства работали хорошо, и, поскольку враги, похоже, специализировались на одном, казалось бы неотразимом, оружии, они вскоре выучились убегать при нашем появлении. Ничья: они заполучили города; нам остались деревни. В них было тихо, и все же что-то изменилось. Война почти не оставляла следов.

2

Нас направили в полевой штаб на расчищенной посреди букового леса поляне недалеко от маленького городка. По дороге мы наткнулись на заставу, укомплектованную тремя раздолбанными грузовиками и семидесятипятимиллиметровыми «бофорсами». Орудийные расчеты собирались сбить наш головной автобус с дороги, пока я и еще парочка несомненных людей не выпрыгнули и не убедили отряд, что мы хорошие парни. Справившись с разочарованием от того, что не удалось испытать полевые пушки на автобусах, вояки нам обрадовались, рассказали, как срезать путь до штаба, и продолжили наблюдение за дорогой в том направлении, откуда мы приехали. Штаб мы отыскали без труда: шестиместная палатка, вездеход и кучки военных вокруг.

Я принял командование у замученного бригадира, который едва не валился с ног, но из последних сил контролировал происходящее в городе и вокруг него и удерживал на позиции немногих местных рекрутов, которых умудрился собрать, дабы блокировать любое дальнейшее продвижение в глубь территории.

Встревоженный майор вышел из леса и спросил меня:

— А где основные силы, сэр?

Он чуть не разрыдался, когда услышал ответ:

— Мы и есть основные силы.

— Пока мы отбили всего один небольшой конвой,— рассказал он мне.— Они нам прямо на дуло наехали. Похоже, не поняли, что это такое. Свое тяжелое вооружение у них есть, но слишком уж ближнего действия.— Он указал на пару пней в сотне футов от палатки.— Деревья они разнесли, но больше ничего не сделали, после того как мы сбили пару грузовых машин с дороги.

Он погладил бочок вездехода с восьмидесятимиллиметровым «бофорсом».

— Они привыкли к энергетическому оружию ближнего действия,— объяснил я ему.— Поэтому у нас появится сво-

его рода преимущество, если удастся выманить их из города. Продолжайте в том же духе, майор. Я вернусь.

— Javisst! — кивнул майор.— Мы не можем стрелять из пушки в городе, не то разрушим его.

Я велел ему держать планку, взял пару человек и осторожно отправился на рекогносцировку. Вряд ли йлокки легкомысленно отнесутся к своему поражению на заставе. Мы видели их патрули, одиноких разведчиков и команды размером до десяти человек — тьфу! — тварей, облепивших каждый сарай и каждый куст. Мы продвигались, три наши машины опасно кренились, и скоро впереди замаячил городок под названием Сигтуна. Он выглядел мирным, как любой другой шведский городок весенним утром. В полумиле от первого строения, мышиного цвета ресторана с красными геранями в ящиках на окнах, в канаве валялся сгоревший вездеход. Я сунулся внутрь: никого. Еще через сто ярдов мы обнаружили лежащего посреди дороги парня в серо-зеленой форме шведской армии. Когда головной грузовик подъехал и остановился возле него, он пошевелился. На ноге у бедняги красовалась кошмарная рана. Я вылез и подошел к нему как раз вовремя, чтобы услышать:

— Берегитесь, полковник. Они...

Он обмяк, пульс больше не прощупывался.

Уже уходя, я заметил, что его левая рука словно обглодана крысами. Не самая лучшая смерть — быть сожранным заживо крысюками из Йлокка.

3

Когда мы проникли в центр города, пехота провела пару неудачных атак. Им не хватало того, что французы называют élan*: они томно кидались на нас из-за живых изгородей и падали обратно в укрытие, как только мы открывали огонь. Их оружие ближнего действия до нас не доставало.

* Порыв, стремление *(фр.)*.

В Сигтуне было тихо, бродили несколько людей, но не йлокков. Однако крысюки шныряли где-то поблизости; на улицах хватало разбросанных товаров и разбитых витрин, чтобы понять: твари мародерствуют. Мы нашли несколько мертвых чужаков и одного мертвого человека, толстого парня в форме провинциального полицейского.

Штабной автомобиль с развевающимся флагом Службы контроля вырулил из боковой улочки и подождал нас. Я высунулся, и из машины вышел и салютовал парень, которого я как-то видел в штаб-квартире ТСН в Стокгольме. Ему не помешало бы побриться.

— Рапортует капитан Аспман, сэр,— обратился он ко мне.— Я устроил командный пункт вон в том ресторане.— Он указал на здание с геранью на окнах.— Мы как раз собирались начать волноваться, полковник.

— Ну так начинайте, капитан,— разрешил я.— Похоже, здесь все под контролем.

— Надеюсь, сэр,— согласился Аспман.— Мы добрались сюда раньше их и легко отбили все атаки. Однако в других частях страны дело обстоит хуже, насколько я знаю. Они захватывают — и используют — электростанции, аэропорты, топливные и товарные склады. Похоже, они задумали поселиться на нашей земле. И вот еще, сэр, они каннибалы! Они захватывают всех пленников, каких только могут,— наверное, чтобы сожрать.

— Вообще-то нет, капитан,— поправил я его.— Они не люди, поэтому поедание человечины не делает их каннибалами.

— Я знаю, сэр, но они и своих мертвых едят, и раненых тоже.— Он явно был потрясен.— Я положил конец страданиям одного. Ему прострелили брюхо, и сотоварищи отгрызли ему левую руку.— Аспман вздрогнул.— Ненавижу этих тварей, полковник! Что нам с ними делать? — Казалось, он и правда не знает что.

— Все просто, капитан,— объяснил я.— Мы сплотимся и уничтожим их. Или изгоним туда, откуда они пришли.

Аспман кивнул.

— Конечно, сэр, но...

— Сколько у вас здесь человек, капитан?

Точно он не знал. Я велел ему выяснить и предоставить мне подробный список имеющихся припасов, а также полную информацию по застрявшим в городе штатским и, разумеется, все, что он сумел разузнать о йлоккских силах, осаждающих Сигтуну. Он бойко отсалютовал и удалился.

Я нашел пустую комнату в глубине отеля-ресторана и приказал перетащить в нее мои вещи, чтобы организовать КП. Через пару минут начали прибывать курьеры Аспмана с обрывками необходимой информации, как сообщаемой устно, так и нацарапанной на разрозненных клочках бумаги. Я вызвал капитана.

— Сопоставьте всю информацию по ходу ее поступления, упорядочьте и объедините ее и предоставьте мне четкий напечатанный текст,— приказал я ему.— Шевелитесь, капитан. У нас нет времени на весь этот бардак.

Он ушел, чем-то возмущаясь. Тут же вошла Барбра, я оставил ее помогать местным женщинам с детьми, нуждавшимся в крове и пище. Она взглянула на кипу бумажных обрывков на столе и принялась за дело. Через пять минут у меня был превосходный, переписанный набело список имеющихся военных припасов, а еще через пять — список еды, оборудования, одежды и свободных комнат, находящихся в штатском или частном владении. Вернулся Аспман с полными руками исчерканной бумаги.

— Это невозможно, сэр! — пожаловался он.

Барбра выхватила один обрывок из комка в его руке, разгладила бумагу и взглянула на нее.

— Здесь только те одеяла, которые герр Борг держит в витрине,— резко сообщила ему она.— На складе под брезентом у него еще двенадцать дюжин таких.

— У меня не было времени...— заныл Аспман.— В любом случае, кто...— Он умолк, обиженно глядя на мою роскошную рыжеволосую жену.

— С меня хватит, мистер,— сказал я.— Можете сдать свой капитанский значок прямо сейчас, и я постараюсь найти вам какое-нибудь полезное занятие здесь, в управ-

лении.— Я заглянул в тиковые коробки рядом со столом.— Например, выбрасывать мусор.

— Послушайте! — выпалил Аспман.— Мне пожаловал звание сам его величество король! Простой иностранец не может его отобрать!

Барбра подошла к нему и произнесла:

— Я уверена, сэр, успех дела важнее личных соображений. Извольте исполнять приказы.

Он, бурча, уставился в пол. Я взял его за плечо и приподнял, чтобы заглянуть в лицо.

— Я не могу позволить себе роскошь терпеть некомпетентность, сударь,— сообщил я ему.— Мне нужен помощник, который в состоянии выполнять поручения и выполнять их правильно — и быстро. А теперь пошел вон! — Я толкнул его. Половину дороги до двери он пролетел, половину пробежал сам. Я взглянул на Барбру.— Мне пришлось это сделать,— извинился я.— Война есть война.

— Но Бриан,— отозвалась она,— кем ты его заменишь?

— Может, тобой? — предложил я.— Нужно собрать все припасы и поместить их на склад. Бегом.

Она сардонически салютовала — поскольку носила звание капитана запаса ТСН — и вышла, не задавая вопросов.

Следующие часа два превратились в кошмар. Ничем дельным Аспман на своей должности не отметился. Военнослужащие (две сотни резервистов) пребывали в замешательстве, не зная ни частей своих, ни командиров. Большинство из них не получили ни формы, ни оружия, ни даже регулярной кормежки. Горожане держались от нас подальше и не желали сотрудничать из-за деспотических методов и себялюбия Аспмана. Он выгнал местного банкира из его виллы и сам поселился в ней. Мне понадобилось немало потрудиться, чтобы хотя бы разговорить кого-то из местных. Большинство, похоже, не понимало, что происходит. Кое-кто даже не видел ни единого захватчика. Неудивительно, что они не желали сотрудничать с Аспманом, при его-то диктаторских замашках. Поэтому я произнес речь.

4

— Люди, мы столкнулись с худшим несчастьем, когда-либо угрожавшим империи: широкомасштабным вторжением существ нечеловеческой природы, явно настроенных захватить наш мир. Их полно во всех крупных городах, с которыми нам удалось связаться. Но мы отнюдь не беспомощны. У нас есть силы обороны и хорошо вооруженные регулярные войска. Скоро они прибудут сюда. Тем временем мы должны изо всех сил постараться сдержать врага. Сигтуна выбрана штаб-квартирой наших сил в этом районе. Остальные войска развертываются в других местах. Меня назначили командовать обороной здесь, и мне нужны в помощники достойные мужчины и женщины. Для начала я должен реквизировать припасы, чтобы поддержать наши усилия. Я составил списки и раздам их через несколько минут. А сейчас прошу вызваться желающих поработать на пунктах сбора.

— Сбора чего? — поинтересовался пухлый горожанин средних лет.

— Всего, что есть в городе и необходимо для борьбы с йлокками,— объяснил я ему.

— Что еще за «локи» такие? — не унимался он.

— Мы выяснили, что негуманоидные захватчики называют себя йлокками.

— Не... что? — выкрикнул кто-то.

— Йлокки — не люди,— пояснил я.— Похоже, они грызуны, потомки высокоразвитых крысоподобных предков, уходящие корнями в меловой период.

— Я одного из них видела, как по мне, вполне человек,— заверещала тощая женщина.— Вы просто пытаетесь оправдаться за убийства безобидных иностранцев!

— И близко вы его видели? — перебил я ее.

— За полквартала,— пробрюзжала она.— Такой же человек, как и я. На нем была шинель и все остальное!

— Если бы вы видели их так близко, как я, то поняли бы, что они не люди,— уверил я ее.— В любом случае, мы не собираемся оставаться безучастными, в то время как они захватывают нашу страну.

Вскочил молодой крепыш.

— Я видел, как двое из них взломали дверь бакалеи,— сообщил он.— Сбили хозяина с ног. Я слышал вопли изнутри и что-то вроде взрыва. Люди они или нет, мы не потерпим такого здесь, в нашем собственном городе! Полковник, я готов делать все, что угодно, лишь бы вышвырнуть их отсюда.

Высказались и другие, за и против. Немногие, кто видел крысюков вблизи, попытались рассказать о них остальным, но столкнулись с неожиданно упорным сопротивлением, в основе которого лежала теория, что правительство преследует несчастных иммигрантов. Наконец я положил конец полемике, треснув стулом пару крепких с виду детин, которые придвинулись ко мне и начали пихаться. Складной стул из легкой стали не самое страшное оружие, но оба наглеца отпрянули для перегруппировки. Тогда мне пришлось выхватить табельный пистолет и проделать дыру в потолке, чтобы привлечь всеобщее внимание. В комнате назревал бунт, но после выстрела все мигом притихли. Плотный детина с расквашенным носом протиснулся ко мне и встал напротив.

— Валяй, пали в меня! — бросил он вызов.— Твои фашистские штучки тут не пройдут!

— Нос утри,— посоветовал я ему.— Не собираюсь стрелять ни в кого, кроме врагов. И никогда не встречался с фашистами. Муссолини давным-давно умер.

Он фыркнул, повернулся к комнате, полной разгоряченных горожан, и начал вещать. Я схватил его за воротник куртки и развернул обратно.

— Не знаю, кто ты такой, жиртрест,— сообщил я ему,— и знать не желаю. Сядь и заткни пасть.— И я от души подтолкнул его в нужном направлении.

Он споткнулся, упал на спину, поднял глаза и завизжал. Парень с окровавленной головой подскочил к нему, чтобы помочь встать.

— Ну же, мистер Борг, пожалуйста, возьмите меня за руку,— кулдыкал он, нехорошо поглядывая на меня.

Борг встал без труда, пробежал вдоль стены к двери и выскочил наружу. Тощая женщина, которая настаивала,

что йлокки всего лишь безобидные иностранцы, бросилась за ним. Стало чуть потише.

— Послушайте! — Мне пришлось кричать, чтобы быть услышанным.— Это война! Мы должны победить. Если кто-то еще не уверен, на чьей он стороне, сейчас самое время решить. Все, кто хочет покорно сдаться и позволить мерзким крысам захватить власть, вставайте сюда, пожалуйста!

Раздалось шарканье, но никто не сдвинулся с места.

— Отлично,— констатировал я.— Ну, раз определились, пора за работу.

Я выдал им сводку наших ресурсов: сто пятьдесят более или менее обученных военных, двести десять горожан и еще восемьдесят пять беженцев из Стокгольма и других мест, в том числе слишком много женщин, детей и стариков. У нас имелось шесть автобусов и пять тяжелых грузовиков (у одного полетела ось), несколько местных машин и четыре легких грузовика; одно полевое орудие с пятьюдесятью снарядами, двадцать шесть охотничьих ружей, шесть револьверов, каждый с небольшим запасом патронов, а также десяток новых антиразрушительных устройств. Вдоволь воды из городской сети; склад, наполовину забитый едой, в основном консервами; разнообразные одеяла; запасная одежда и так далее. Погода в Швеции склонна портиться ни с того ни с сего.

— Мы в довольно неплохой форме и можем продержаться,— подбодрил я их.— Но долгой осады нам не вынести. Свежие овощи начнем выдавать по карточкам прямо сейчас.

— Да ну,— выкрикнул тощий неотесанный тип.— Это ты о моих овощах говоришь.

Я пообещал ему компенсацию, и он успокоился. Забавно, как люди могут думать о деньгах, когда весь их образ жизни да и сама жизнь поставлены на карту.

Вошел Ларс Бурман. Я посылал его на разведку, чтобы узнать, сколько у нас врагов.

— Мы в ловушке,— выпалил он, прежде чем я успел заткнуть его.— Они окружили город, засели на соседних

фермах и выставили заставы на всех дорогах. Их сотни, а то и тысячи! Похоже, мы не получим никаких подкреплений.

Когда он закончил, мое маленькое собрание вновь очутилось на грани бунта.

Я успокоил горожан, пообещал им, что работы хватит на всех, и поподробнее расспросил Ларса о дислокации войск. Крысюки окружили город тонкой линией: мы с легкостью прорвем ее, если куда-нибудь соберемся. Похоже, на полевой штаб в палатке им наплевать.

— Пока,— сообщил я публике, перекрывая гомон,— посидим тихо, следующий шаг оставим за ними.

Толстый старик, бывший армейский офицер, пробился вперед.

— Вероятно, они начнут наступать, когда решат, что мы достаточно ослаблены голодом и нервным стрессом,— сказал он мне.— Войдут в город по главным улицам, и там-то мы и будем их поджидать. Предлагаю поставить восьмидесятивосьмимиллиметровку на площади, где ее можно будет вертеть и тем самым держать под обстрелом все улицы, по которым они наступают.

Я согласился и выбрал десять крепких парней из толпы в командиры отделений, велел набрать до пятидесяти добровольцев каждому, вооружить их как можно лучше, расставить на боковых улицах и приготовиться атаковать любую колонну, которая вздумает по ним пройти.

Ларс закончил смотреть в окно и вернулся.

— На востоке горит фермерский дом или амбар,— сообщил он.— А еще там крысы кишмя кишат.

Коротышка, который уже изрядно пошумел, издал скорбный вопль.

— Это мой дом! — заорал он на нас, словно это я приказал сжечь ферму, и рванул к двери.

Я спросил его, куда это он собрался.

Он обратил ко мне страдальческий взгляд.

— Я не стану стоять и смотреть, как эти животные разрушают мой дом! — крикнул он.

Раздалось несколько слабых одобрительных возгласов.

— И что вы собираетесь делать? — поинтересовался я.

— У меня есть оружие,— сообщил он и погладил карман куртки.— Я захвачу с собой пару тварей... и, может...— Он умолк, не вполне осознавая, что замышляет самоубийство.

— Останьтесь,— предложил я,— и помогите сделать что-нибудь толковое.

— Пожалуй, так лучше,— признал он.

Затем подошел к окну, оглянулся и заорал, что амбар сгорел, да и дом спасать слишком поздно, ну так что у меня на уме? И тут же повернулся обратно.

— Слушайте! — крикнул он.

Так я и сделал. Донесся перестук тележных колес по кирпичной мостовой и крики. Я подошел к открытому окну. Во внутреннем дворе бывший капитан Аспман явно собирал что-то вроде конвоя из лохматых северных пони, впряженных в тележки с нашими наиболее стратегически важными припасами. Интересно, куда это он намылился?

— Ничего не трогайте, Аспман! — крикнул я ему.

— Черта с два, сволочь! — заорал он в ответ.— Я намерен спасти жителей Сигтуны, хотя ты собираешься их предать!

Этого хватило: лидеры штатских, набившиеся в комнату за моей спиной, все разом попытались навалиться на меня. Мне пришлось удерживать их, да так, чтоб никому не навредить. Затем они встали полукругом, упиравшимся в стену с другой стороны, где я не мог их достать. Визгливая невысокая женщина, заправила местного общества, насколько я понял, встала впереди по центру.

— Все вы слышали слова капитана,— крикнула она.— Это он,— она указала на меня,— тот самый иностранец, который ворвался в наш город и пытается одурачить нас, чтобы продать другим иностранцам, таким же, как он! — Извергнув это из плоской груди, она перешла на невнятное бормотание.

Я воспользовался паузой.

— Я — полковник Баярд из Службы транссетевого надзора. Генерал фон Рихтгофен приказал мне принять командование местным полевым штабом, вот и все! Аспман — осел, поэтому мне пришлось его разжаловать, так что успокойтесь и начните уже делать то, что нужно.

— Так ты большая шишка, э? — хмыкнула старая ведьма.— Тогда покажи документы, чтобы доказать это, парень! В любом случае, я никогда не слышала ни о каком сетевом обзоре и всяком таком!

— Времени отдавать письменные приказы не было,— объяснил я им, точно оправдываясь, причем неубедительно.— Но пока мы сидим здесь и треплемся, йлокки размещают свои войска. Может, помешаем им немного, а? Ты,— я указал на парня, который наскакивал на меня,— любишь подраться. Пойдем со мной, и я дам тебе что-нибудь подходящее для этого дела.

Он шагнул вперед и открыл рот, чтобы велеть мне отправляться к дьяволу, но в этот самый миг все мы услышали вопль внизу. Я первым выглянул во двор: он кишел чужаками, которые уже перевернули тележки и согнали дюжину или около того людей в один угол. Аспман трясся как осиновый лист. Потом он достал пистолет, который где-то раздобыл, но выстрелить не успел — крысюк размазал его разрушителем. Люди у меня за спиной завизжали:

— О нет, они убили капитана Аспмана! Смотрите! Он мертв! Его внутренности...

Через мгновение все принялись орать, чтобы я что-нибудь сделал. Я велел им успокоиться и ждать дальнейших указаний и спустился во двор. Крысюки продолжали набиваться внутрь через открытые ворота, которые я запер часом раньше. Я видел их на улицах, где исчезли заставы, видел, как они беспрепятственно продвигались вперед, до ближайшего оставалось всего несколько ярдов. Я протиснулся мимо перевернутой тележки и схватил за ворот сержанта в форме, который принимал дела у Аспмана и вопрошал у того, что за чертовщина творится. Мне пришлось кричать, чтобы быть услышанным, и зарубить форменной саблей одного йлокка, который, похоже, начал проявлять ко мне особый интерес.

— Кэп сказал, надо выбираться,— объяснил мне сержант, одновременно всаживая пулю в самую середку вы-

сокого тощего чужака с трехдюймовыми резцами.— Говорил, мол, большие шишки отбирают всю еду и оружие для себя и планируют заключить сделку с врагами, чтобы отдать им горожан в обмен на...

— Все это бред сумасшедшего, сержант. Кто отпер ворота?

— Я, сэр. Кэп приказал расчистить дорогу для нашего отступления, сэр.

— Баррикады тоже вы разобрали, полагаю.

Он кивнул.

— Кэп сказал, надо будет двигаться быстро.— Он бросил взгляд на размазанные кишки Аспмана.— Как я понимаю, кэп ошибался, сэр. Но у него было звание, и...

— Вы поступили как положено, сержант,— успокоил я его.— А вам не пришло в голову, что вы открываете дорогу внутрь, а не только наружу?

— Кэп сказал... что они не полезут, раз у них с вами сделка, сэр. Теперь я понимаю, что он врал и просто хотел спасти свою драгоценную задницу.

— А что насчет караула у городских ворот? — задал я следующий вопрос.

— Я их отозвал,— признался сержант.— Наверное, они где-то здесь.

Он оглядел переполненный двор, в котором йлокки одолели уже всех, кроме двух группок окровавленных людей. Этих они загнали в углы и наскакивали, орудуя в основном зубами, а не разрушителями. Люди продолжали отстреливаться, йлокки падали, формируя импровизированный бруствер из тел. Несколько чужаков отвлеклись и склонились над собственными мертвыми, обгрызая их. Человеческие тела они пропускали. Крысиное мясо им явно было больше по вкусу. Интересно, зачем им тогда столько пленников?

Я выдал сержанту указания и велел прорываться к одной из дерущихся группок, сам же проложил путь к другой, взобрался на груду мертвых йлокков и вместе со всеми стрелял по толпе теперь уже сбитых с толку чужаков, по-

ка представлялось возможным отыскать движущуюся мишень. Кто-то запер ворота, так что твари перестали прибывать этим путем, а те, что успели пробраться внутрь, не могли выйти, но сквозь шум я расслышал вопль, посмотрел наверх и увидел, как с третьего этажа падает человек. Это был Борг, жадный торгаш. Его явно вытолкнули из окна, откуда выглядывал йлокк. Я прицелился и вмазал твари прямо между длинных резцов цвета слоновой кости, он упал на спину, но его место тут же заняли двое других. И тоже рухнули под сержантским огнем. Я подстрелил следующего. Стало потише, потом шум и вовсе смолк. Я окинул взглядом стофутовый внутренний двор и не увидел ни единого стоящего йлокка. Один, с желтой полосой на шинели, с открытыми глазами, лежал подле меня и тихо стонал. Ему прострелили кишки. Я взобрался на него, чтобы положить конец его страданиям, но он оглядел меня и внятно, хоть и пискляво, произнес по-шведски:

— Позволь мне спастись, и я подарю тебе империю.

Определенно, он назубок заучил нашу историю: это были последние слова Муссолини.

Прежде чем я успел возразить, что империя мне ни к чему, красные глаза закрылись, и он издох.

Мне удалось выстроить военных и приказать им обтесать штатских.

— Надо пробиться к городским воротам и закрыть их,— произнес я.— Разделимся на две группы и пройдем по параллельным улицам к старой городской стене. Затем окружим ворота.

Командовать второй я поставил одного из своих сержантов, чтобы мой новый знакомец остался надзирать за двором.

Крысюков на боковых улицах не оказалось, и мы собрались в назначенном месте без осложнений. Ворота стояли нараспашку: ржавые штуковины из кованого железа, всего лишь декоративная замена изначальной средневековой преграде из дубовых досок и железных полос, но они по крайней мере замедлят продвижение врага.

Я сходил на разведку: йлокков поблизости не наблюдалось. Те, что кишели на улицах, явно отступили. Они не слишком рвались в бой. Я увидел, как по ту сторону ворот отряд чужаков строится в колонну, несомненно намереваясь воспользоваться предательски открытым входом. Они заметили, что я закрываю его, и двое двинулись ко мне. Вертикальное положение они сохраняли с трудом, клонились вперед, точно нажимая лапами на педали, как и весь их род. Похоже, грызуны перешли к прямохождению не столь успешно, как ранние приматы. Они напоминали сурикат-переростков. Может, поэтому во всех известных нам А-линиях миром правят люди, а крысы прячутся и живут тем, что удается отщипнуть от людских щедрот. Как бы то ни было, я отошел туда, откуда удобнее было целиться, пальнул поверх голов (они явно еще не сообразили, что наше оружие способно убивать на расстоянии), и крысюки упали на четвереньки и шмыгнули в боковую улицу.

— Кишка у них тонка для ближнего боя,— заметил мой старший сержант, Пер Ларссон.— Нужно всего-то собрать силы и атаковать. Они побегут.

— Надеюсь,— отозвался я.— А сейчас, сержант, постройте народ и попытайтесь объяснить, что делать.

— Мы потащим туда всю толпу? — несколько удивленно переспросил он.

— Именно,— подтвердил я.— Скажем, двадцать человек в ширину, десять в глубину. Постройте их здесь, за воротами, убедитесь, что передняя шеренга вооружена и боковые ряды тоже, насколько стволов хватит. Задние пусть заряжают и передают вперед. Начнем шагом, поливая их прицельным огнем; а когда дойдем вон до того почтового ящика,— я указал на синюю будку с желтым рожком,— перейдем на ускоренный марш. Неся потери, приблизимся и сосредоточим огонь на их предводителе, кем бы он ни был.

— Есть, сэр,— рявкнул Ларссон, отдал честь и удалился, выкрикивая приказы.

5

Моя штурмовая группа выглядела не слишком внушительно: всего лишь криво-косо построенная толпа мужчин, что помоложе да поздоровее, да парочка крепких женщин, которые держали выданные им револьверы осторожно, словно опасаясь, что те укусят их за руку, но были достаточно бодры и даже рвались в бой.

Я забрал пистолеты у двух парней, стоявших сразу за мной и моим сержантом, попросил остальных постараться не подстрелить меня или Ларссона в спину и приказал открыть стрельбу и двинуться вперед, ать, два, три, четыре. Они довольно неплохо держались, стреляли кучно и быстро. Йлокки продолжали заниматься своими делами, пока случайная пуля не попала одному в руку. Он заскрежетал, точно ржавая пружина, и побежал. Но не от нас, а от своих приятелей, которые повернулись к нему все как один, чтобы слопать живьем. Когда мы подошли ближе, он упал, и уцелевшие начали его грызть. Теперь наши выстрелы находили цели. Едоки сами становились едой. На редкость тошнотворное зрелище. Когда мы приблизились, оставались только мертвые и умирающие.

— А я вам говорил, полковник,— пропел Ларссон,— проще пареной репы!

— Они не побежали, сержант,— напомнил я ему.— Нам их не запугать. И едва ли это конец.

Не успел я договорить, как толпа вражеских бойцов выскочила из прохода между двумя складами и со всех ног бросилась к нам. Мои вояки перестали стрелять и тупо таращились на них. Наконец Ларссон заорал:

— Палите как попало!

Наши выдали бодрый огневой залп и положили половину первой шеренги, а также почтовый ящик. Остальные чужаки рассыпались в стороны.

Ларссон занялся перераспределением боеприпасов, забирая патроны у ребят с полными карманами и отдавая их стрелкам, которые ныли, что извели все свои.

— Тут бы с сотню эм-шестнадцать,— пробормотал сержант.— Хотя против таких трусов и наши пукалки, пожалуй, сойдут.

— Временно — да,— согласился я.— Надо бы обойти остальные входы да дать пару советов нашим парням.

Ларссон салютовал и принялся строить толпу штатских, в которую в качестве командиров групп затесались несколько солдат. К последним он для придания необходимого авторитета обращался «лейтенант, сэр» и отдавал честь. С одним из них, совсем мальчишкой, на вид лет шестнадцати, я уже сталкивался. Высокий блондин, как и положено шведу, к тому же настоящий офицер, младший лейтенант Хельм, как я выяснил. Он подошел ко мне и отсалютовал. Я козырнул в ответ и отвел парня в сторону.

— Мало просто расстреливать их кучками, сэр,— заявил он, прежде чем я успел вставить хоть слово.

— Отлично,— согласился я.— Тогда за дело.

Район сразу за восстановленной городской стеной заполонили маленькие примитивные домики с огородами и пристройками. Весна в Южной Швеции еще никогда не была столь очаровательна. Врагов поблизости не наблюдалось: с трудом верилось, что странные, чуждые крысоподобные захватчики кишат в сельской местности, убивают одних людей и берут в плен других. Мы заметили парочку тварей, затаившихся в укрытии амбара или конюшни, но никакой упорядоченной деятельности они не вели. Возможно, Рихтгофен сумел вернуть происходящее в столице под свой контроль и перерезать путь вражеским подкреплениям. Я находился на грани эйфории, когда увидел первый танк.

Он был огромен. Сперва я принял его за небольшой амбар, но затем амбар пошевелился, развернулся и навел на нас связку пушек-разрушителей изрядного размера. Я велел Хельму укрыться, и через мгновение взрыв сотряс каменные стены рядом, и грязь, щебень и гравий замолотили по спине, сбивая с ног. Я перекатился и встал как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как комья земли продолжают сыпаться вместе с кирпичами через десятифутовый пролом в стене за спиной, в который было видно, как одна часть горожан улепетывает, а другая сбилась в кучки и таращится на дыру в стене. Я шагнул в пробоину, крикнул, чтобы все бежали в укрытие, и вернулся проверить, чем занят враг.

Танк, широкий и низкий, с длинным передним «крыльцом» и обнесенной перилами площадкой по всему периметру, приближался медленно, давил каменные стены и небольшие здания, то задирая, то опуская уродливое рыло. Выбежал мужчина, погрозил механизму кулаком, но был проигнорирован. Танк добрался до стены, не обращая на нас внимания, точно мы были ему не ровня, и остановился.

Я подозвал свою группу и велел ей рассеяться по лесам и отыскать командный пункт майора. Холмы на восточной стороне города густо поросли лесом. Все скрылись, кроме Хельма.

— Думаю, вам понадобится помощь, полковник, да большая, прямо как эта штуковина,— произнес он.

Я согласился с ним и задумался, что делать дальше. В этот самый миг лейтенант поинтересовался:

— В чем состоит ваш план, сэр?

— Ах да, план,— прошептал я.

Мой взгляд упал на крепкую с виду каменную уборную в нескольких ярдах, за скромным домиком. Сорная трава вокруг нее была подстрижена коротко и аккуратно. Вражеский танк остановился совсем рядом.

— Лейтенант,— попросил я,— прикройте меня. Пойду погляжу на эту заразу.

— Но, полковник,— запротестовал Хельм.— Почему бы мне не отправиться на разведку, а вы прикроете.

— Кто из нас,— уточнил я,— старший по званию?

Он заткнулся и взял винтовку наизготовку. Я метнулся к пристройке и, прячась за ней, украдкой рассмотрел танк, если это был танк: сооружение больше походило на потрепанный упаковочный ящик, но я разглядел гусеницы, почти утопленные в мягком дерне. Признаков жизни не наблюдалось.

Я решил подобраться поближе. Вышел из-за хлипкого прикрытия уборной, чувствуя себя начинающей стриптизершей, делающей первые шаги в лучах рампы, и внимательно оглядел танк в поисках проявлений активности.

Ничего — пока я не подобрался на расстояние в десять футов и не учуял исходившую от механизма вонь подгнивших апельсинов. Запах чужаков. Тут распахнулся люк, и из него высунулись заостренная морда и узкие плечи йлокка. Ручками-обрубками он придерживал крышку, пока вытаскивал остальную часть чрезмерно длинного тела. На спине тусклой шинели, внизу, проступала красная полоса. Вокруг глаз-бусинок виднелись какие-то белые струпья, в уголке рыла пузырилась пена. Он медленно сполз вниз, точно дряхлая крыса, которая ищет тихий уголок, чтобы умереть. Казалось, поначалу он меня не заметил, но потом все же обнаружил и повернулся ко мне. Дважды он открывал рот впустую, а на третий раз прохрипел:

— Призываю тебя помочь собрату, раб!

Это мне мало что объяснило. Он поскользнулся и упал на коротко постриженный дерн, где и остался лежать, беспорядочно дергаясь. Я подошел с автоматом в руке, хоть и знал, что оружие не потребуется, и присел на корточки рядом. Жар чувствовался даже отсюда. Сильно пахло гнилыми апельсинами. Он перевалился на спину и попытался сфокусировать на мне маленькие красные глазки.

— Гргсдн ошибся,— прохрипел он.— Мы совершили ужасную ошибку! Вы люди, такие же, как и мы!

— Положим, не такие же, морда крысиная,— возразил я.— Ладно, расслабься. Посмотрим, чем можно тебе помочь.

Похоже, он собирался возразить, но лишь забулькал и отрубился. Подошел Хельм и вознамерился пристрелить моего пленника. Я объяснил ему, что парень болен и безвреден, но у лейтенанта все равно заметно чесались руки прикончить вражеского офицера. Я заглянул в уборную, на случай если крысюк был не один, и вернулся как раз вовремя, чтобы остановить Хельма. Йлокк отполз от него, повторяя:

— Jag har inte gjort!*

Я отозвал лейтенанта и напомнил, что мы не убиваем беззащитных военнопленных.

— Беззащитных? Черта с два, сэр! Прошу прощения! — взорвался Хельм.— Я видел, как крысы лезли в город и пожирали людей живьем!

— И тем не менее здесь есть госпиталь,— сказал я ему.— Мы оттащим туда этого парня — между прочим, генерала.— Я блефовал, но та красная полоса что-нибудь да значит.— Посмотрим, что для него смогут сделать.

Я вернулся еще раз посмотреть на опустевший танк. Вонь сбивала с ног, но нам требовалась информация. Внутри все было знакомо и напоминало старую модель регулировочного перемещателя. Странно. Даже приборная панель выглядела привычно: большой измеритель напряженности МК-поля слева, шкала градиента энтропии справа и калибратор временного матрикса прямо по центру. Любопытно: явный плагиат с наших собственных старых моделей. Я вылез и вернулся рассказать Хельму, что я нашел.

Он кивнул.

— Разумно. Не думаю, что кучка крыс способна разработать подобную технологию самостоятельно.

— А как же их разрушители? — заметил я.

— Наверняка еще у кого-нибудь сперли,— отмахнулся он.

Мы соорудили носилки из лестницы и брезента, зачем-то прикрепленного к боку танка, и уложили на них бесчувственного йлокка. На улице мы миновали парочку отважных горожан, рискнувших вылезти и посмотреть, что происходит. Они обошли наш груз стороной. В госпитале мы устроили настоящий переполох. Там хватало горожан, некоторые пришли с легкими травмами от падений и так далее, но большинство искало лишь утешения. Они неохотно уступили нам дорогу, и наконец молодой терапевт с табличкой «Доктор Смовиа» на груди подошел и принюхался.

---

* Я этого не делал! *(шведск.)*

— Я уже слышал этот запах на некоторых из тварей,— заметил он.— На мертвых. Несомненно, какая-то эпидемическая инфекция.

Он расчистил пространство, вызвал медсестру, которая срезала с нового пациента одежду, обнажив серую крысиную шкуру, и принялся за рутинное ковыряние и постукивание.

— Температура повышена на десять градусов,— заметил он.— Странно, что он еще жив. Хотя, разумеется, это не человек.

Он позвал коллегу, взял пробу крови, послал ее в лабораторию и вкатил генералу укол, от которого тот, похоже, расслабился.

— Надо сбить температуру,— пробормотал док.

Ситуация обрела привычный характер: молодой врач углубился в работу в той же степени, как если бы лечил мэра. Он забрал моего протеже и попросил, скорее даже приказал, подождать.

Прошло полчаса, и он вернулся с довольным видом.

— Вирус! Сейчас разрабатываем сыворотку. Стандартная вакцина должна помочь.

Мы с Хельмом нашли где умыться и отправились на поиски обеда. Смовиа поспешил прочь, ему не терпелось вернуться к работе.

— Неудивительно, что крысы толком не дрались, полковник,— сказал Хельм.— В смысле, когда лезли толпами, а не поодиночке. Они же больны — это все объясняет. Скажите, полковник, вам не кажется, что все как в той книге: они подхватили у нас какую-то заразу, с которой им не справиться?

— Нет. Думаю, они прибыли к нам уже больными. Возможно, именно поэтому они покинули дом. Эпидемия.

— Надеюсь, мы это не подцепим,— заметил Хельм.

Больничный склад продовольствия оказался закрыт, поэтому мы вернулись на улицу, нашли лоток с хот-догами и взяли по парочке med brod och senap*. В Швеции

* С хлебом и горчицей *(шведск.)*.

можно есть хот-доги без ничего, если вам так больше нравится. Поедая нехитрую снедь, мы вернулись в госпиталь и обнаружили, что доктор Смовиа меня ищет.

Он показал мне закупоренную пробирку, сияя, точно свежеизбранный Папа.

— Я изолировал и культивировал вирус,— сообщил он.— Содержимое этого пузырька способно погубить тысячи особей.— Казалось, ему не по себе.— Но конечно, я буду старательно охранять его во избежание подобного несчастья.

— А как насчет лекарства? — напомнил я.

— Все просто,— довольно ответил он.— Сделаем больным укол, и через несколько часов они будут здоровы, как прежде.

— Мы на войне, не забыли?

— Конечно, полковник, но обладать властью остановить эпидемию и не иметь возможности ею воспользоваться...— Он умолк. Ему явно не приходило в голову, что я навряд ли горю желанием исцелить захватчиков.— Полковник,— неуверенно продолжил он,— возможно, я мог бы отправиться на их родную линию и за несколько часов остановить мор.

— У вас достаточно этой вирусной культуры? — спросил я.

— Нет, но теперь, когда вирус известен, ее легко изготовить столько, сколько нужно. Но зачем? Моя вакцина...

— Вы и правда хотите вылечить этих крыс, доктор? — Я размышлял вслух.

— Из гуманных соображений,— ответил он.— Конечно, мы на войне и должны действовать с осторожностью.

— Если я получу разрешение проникнуть в мир йлоков,— уверил я его,— то прослежу, чтобы вы отправились со мной.

Он принялся бурно меня благодарить. Я прервал его вопросом:

— Так значит, вам под силу изготовить еще дозы такой культуры? Тогда, если вы не против, я заберу эту.

— Зачем она вам? — удивился он.— Ах да, конечно, хотите сувенир на память. Забирайте, ради бога. Но по-

осторожнее с ней. Она крайне опасна, хоть и не для нас, разумеется, и если ее вдруг случайно разлить среди йлокков...

— Все понятно,— кивнул я.

Он так радовался, что мне не хватило мужества позволить ему догадаться, что я намерен его надуть.

— Если еще понадоблюсь вам, доктор, ищите меня в штаб-квартире.

На улице лежали мертвые йлокки, а немногие живые, которых мы заметили, бежали прочь — не за, а прочь — от стаек вооруженных горожан.

Вернувшись в ставку, я вызвал по найденной Барброй рации Главный штаб в Стокгольме. Испуганный лейтенант Шёлунд сообщил мне, что события вышли из-под контроля.

— *Их слишком, черт побери, много, полковник! Они* несут тяжелые потери, но продолжают прибывать! Штаб-квартира в осаде, как и дворец, и риксдаг, да и вообще почти весь центр города. Не знаю, сколько мы еще сможем сопротивляться. Барон фон Рихтгофен говорит о контрнаступлении на их родную линию, но у нас действительно не хватает обученных войск, чтобы начать транссетевое вторжение, сэр! Боюсь, что... минуточку, сэр...

Передача оборвалась. То ли радио отказало, то ли... мне не хотелось думать о «то ли». Еще бы пара мгновений, и я успел бы рассказать Шёлунду о вакцине и о том, как можно ее использовать.

— Плохо дело, полковник,— согласился Хельм.— Надо что-то предпринимать, и поскорее!

— Непременно, лейтенант.

Я вызвал доктора Смовиа и, когда тот прибыл, спросил, действительно ли он хочет отправиться в путешествие, чтобы помочь разрешить практически безвыходное положение, в котором мы оказались.

Он выказал энтузиазм.

— Но как мы доберемся? — поинтересовался он.— Даже если нам удастся покинуть город и прорвать вражескую осаду, до Стокгольма путь не ближний.

— Мы не пойдем пешком,— сообщил я ему.— Возьмите, пожалуйста, полевой набор, чтобы изготовить нужное количество вирусной культуры.

— Но для чего? — поинтересовался он вслух и ушел, разговаривая сам с собой.

— Что будем делать, полковник? — спросил лейтенант.— Рассчитываете удрать отсюда на одном из школьных автобусов, на которых приехали, или как?

— Или как,— отрезал я.— А теперь идите, Хельм, и вызовите по громкой связи всех командиров групп.

Заслышав потрескивание динамиков, я вышел в коридор, направляясь в кабинет к Барбре, и чуть не налетел на нее.

— Вот эта девушка, что я влюблен! — воскликнул я и тепло обнял ее, в очередной раз поражаясь, что это сказочное создание — моя жена.

— Да ну! Спасибо, полковник,— насмешливо ответила она.— А я уж думала, ты позабыл обо мне.

— Не совсем,— уверил я ее.— Я собираюсь в небольшую поездку, майор, и оставляю тебя присматривать за всем этим. Хочу, чтобы ты окопалась здесь, в штабе, прямо как есть: надо только немного рвов вырыть да валов насыпать, и пусть все здоровые мужчины, не приписанные к периметру, явятся сюда и готовятся к атаке.

Удивление передавало ее лицу не меньшее очарование, чем любые другие эмоции.

— Не волнуйся, они пока не собираются атаковать,— успокоил я ее.— Просто на всякий случай. Я еду в город. У меня есть нужные Манфреду сведения, а здесь не помешает подкрепление. Относительно небольшой, но организованный военный отряд из города окружит нападающих со всех сторон, и дело в шляпе.

6

Как только мой иноземный гость — странно, но я начал думать о нем именно как о госте, а не пленнике — почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы вести связ-

ную беседу, я отправился к нему, велев крепкой старухе, старшей медсестре этажа, проследить, чтобы нас никто не тревожил, что бы ни случилось.

Он беспокойно наблюдал за мной крохотными красными глазками.

— Ты, раб,— наконец произнес он.— Приказываю вернуть меня в перемещатель!

— Сбавь обороты, крысоголовый,— откликнулся я.— Из нас двоих именно я здоров, вооружен и у себя дома. А ты — всего лишь умирающий чужак. Итак, кто вы, черт побери, такие, ребята, и что вам здесь понадобилось?

— Я,— выразительно начал он,— старший генерал барон Свфт. Мне доверена честь возглавлять вторую волну Благородного Прилива. Увы, я болен. Я, бывший лучшим из миллиона, едва могу поднять руку! Иначе разве стал бы я покорно отвечать на бесстыдные вопросы! Я должен немедленно вернуть себе власть! — Он дернулся, пытаясь отбросить одеяло, но обмяк и заскрежетал длинными желтыми резцами.

— Не переживайте так, генерал,— посоветовал я, как мне казалось, довольно мягко.

Однако он рванулся ко мне и зарычал:

— Я не нуждаюсь в твоей опеке, паразит!

— Меня зовут Баярд,— сообщил я ему.— Полковник Баярд из Службы транссетевого надзора. Вы мой военнопленный, и, полагаю, вам лучше держать себя в руках. Итак, зачем вы здесь?

— Оккупировать и использовать все пригодные для жизни грани многомерной вселенной — высшая привилегия и божественное предназначение Благородного народа,— заявил он.— С этой целью я вызвался осуществить разведку Второго Запустения: в одиночку, разумеется, поскольку меньшее было бы недостойно моего высокого предназначения.

— В одиночку? Да вас тут тысячи, и все больше прибывает, пока я сижу и пытаюсь выяснить, какого черта вам надо.

— Когда я впервые проник в Запустение,— объяснил он,— то обнаружил скопление пригодных для жизни граней бытия глубоко в запрещенном секторе. Я рапортовал в штаб и предложил организовать настоящую миссию под общим командованием капитан-генерала его императорского высочества принца Избранных.

— Чего вам надо? — настаивал я.

— Нам нужна эта территория в качестве жизненного пространства для Благородного народа,— сообщил он мне, словно втолковывая очевидное.— Откровенно говоря, во время первого визита я не заметил каких-либо следов жизни в области, занятой гигантской пустыней (у нас на ее месте расположено внутреннее море), и мы сочли, что занимаем девственную грань. Мы не подозревали о существовании вашего агрессивного вида, близкого, как мы обнаружили, отвратительным ййлпам, вездесущим паразитам-приматам Йлокка, юрким вредителям, которые кишмя кишат в наших фруктовых садах и сараях, а еще на помойках,— презрительно добавил он.— А также, возможно, их несколько более крупным родственникам из джунглей, лори. Вы напали на нас, едва увидев; естественно, нам пришлось защищаться в ответ. Вы называете это «войной» на одном из своих диалектов; у нас нет подобного слова. Благородный народ Йлокка незлобив и пребывает в мире.

— Я видел, как кое-кто из вашего «Благородного народа» жрал своих мертвых товарищей,— возразил я с заметным неодобрением.— А иногда и еще не совсем мертвых. Это как, благородно?

— Ах, мои бедные собратья голодают,— опечалился Свфт.— Дома мы всегда ждем, пока погибнет мозг, и только потом приступаем к трапезе.

— Вы и людей едите,— указал я,— или по крайней мере обкусываете. Нам это не нравится.

Он кивнул узкой головой.

— Мне тоже,— вздохнул он.— От вас у нас желчь разливается, просто ужас. А мы и так уже больны. Если честно, болезнь — вот что привело нас сюда.

— Ага! Наконец-то правда.

— Я говорил искренне,— оскорбился чужак.— На Великом Йлокке болезнь лютует, опустошая целые города.

Наша цивилизация гибнет! Города превращаются в склепы, по которым скитаются мародеры, нападая на беспомощных! Ты, как существо, наделенное чувствами, несомненно, сделаешь все, чтобы облегчить столь великие страдания!

— Наш альтруизм не простирается до такой степени, чтобы позволить вам захватить наш мир и уничтожить нашу культуру,— объяснил я.— Вам придется отозвать войска, генерал, и найти другое решение. Попробуйте тридцать пятый сектор. Там широкая полоса незанятых линий, где, насколько мы сумели определить, млекопитающие не преуспели и миром правят насекомые.

— Фу! — выплюнул он.— Ты посылаешь Благородный народ в блошиное гнездо? Ты пожалеешь о своей дерзости, полковник!

— Это вряд ли, генерал. Впрочем, проблема, с которой мы столкнулись, не имеет отношения к моим чувствам — или к твоим. Проблема в том, как мне тебя убедить, что это ваше вторжение потерпит крах, до того как оба наших народа понесут непоправимый ущерб.

— Ваш термин «вторжение», подразумевающий насильственный захват территории, по праву принадлежащей другим, неуместен,— огрызнулся он.— Мы не обнаружили здесь популяции Благородного народа, а существование других разумных видов нам и не снилось — в особенности ййлпов или лори-переростков. Мы пришли как мирные колонисты, чтобы заселить пустынный мир.

— Должно быть, вы поняли свою ошибку довольно быстро,— указал я.— Вряд ли вы приняли те здания и механизмы, на которые наткнулись, за естественные образования.

— Вы, лори,— начал он.

— Люди,— поправил я.

— Ну ладно, «люри», если это имеет значение,— нетерпеливо продолжил он,— и точно так же мы, йллоки, являемся частью природы, и все наши творения естественны. Не менее естественны, скажем, чем птичье гнездо, или улей, или бобровая плотина, лабиринт ходов личинки, сеть паука и так далее. Признаю, я испытал сомнения, когда увидел, что то был определенно город, пусть и чрезмерно обширный и залитый светом.

— Так о Стокгольме еще никто не говорил,— отметил я.— Почему вы не отозвали войска, когда убедились, что мы высокоразвиты? И не притворяйтесь, будто не знали: ваши точки входа все расположены в крупных городах.

Он вяло отмахнулся:

— Подходящие для городов места,— наставительно сообщил он,— одинаковы на всех гранях. Мы просто естественным образом расположили места сбора десанта в своих городах; потому-то и очутились в ваших.

— А как же в первый раз,— не унимался я,— когда, по вашим словам, вы оказались в пустыне?

— Экспериментальный вытеснитель из соображений безопасности был установлен на крошечном островке в море Запустения,— пробрюзжал он.

— Вы должны были отступить при виде первого же города,— настаивал я.

— Невозможно! — прохрипел больной чужак.— Исполнение плана слишком продвинулось, и необходимость спастись от болезни никуда не делась!

— А почему вы не разработали вакцину против болезни? — поинтересовался я.

Он выглядел озадаченным.

— Термин мне знаком, разумеется. Мой углубленный инструктаж был полным, хотя и поспешным. Но сама идея от меня ускользает: нарушать своими действиями природное провидение? Наши философы постигли, что Мор в действительности лишь милостивый промысел Природы, призванный облегчить проблему перенаселения. Вы предлагаете вмешаться в проявление Воли?

— Ну разве что немного,— признал я.— Эту вашу болезнь вызывает вирус, конкурирующая жизненная форма, которая поражает ткани, разрушает красные кровяные клетки, вызывает головные боли и слабость и в конце концов убивает. Всего этого можно избежать. Ее можно вылечить.

— Вы бредите, полковник,— возразил он.— Несомненно, вы не верите, что возможно повлиять на проявления Воли.

— Мы постоянно так делаем,— сообщил я ему.— Это часть Воли; для чего и построено данное здание. Зачем, по-вашему, мы вас сюда притащили?

— Чтобы убить, разумеется,— мгновенно отреагировал он.— Неполноценные создания, какими вы являетесь, безошибочно опознали во мне высшее существо и посему предложили мне возвышенную ритуальную смерть, достойную моего ранга. Я благодарен вам за соблюдение приличий по крайней мере в этом вопросе. Я стойко жду, когда же вы объявите ужасную истину. Ведите своих шаманов! Творите со мной самое худшее! Я умру, как должно умереть лорду Благородного народа!

— Мы пытаемся вылечить, а не убить вас, генерал,— устало втолковывал я ему. Я имел право на усталость. Не спал уже... и не припомнить сколько.

— А теперь я призываю вас вложить меч мне в руку,— заявил он, словно искренне ожидал немедленного повиновения.— Мой освященный клинок остался в вытеснителе. Немедленно принесите его!

— Если вы такие уж мирные,— заметил я,— то что это за чушь насчет освященного клинка? Карманный нож — он и есть карманный нож, нет?

— Ваше поразительное невежество недостойно даже моего презрения,— фыркнул он.— Истоки кодекса чести лежат столь глубоко в истории Благородного народа, что... Я понял, вы смеетесь надо мной.— Он сменил курс.— Вы сами не чужды кодекса воина — или вашей извращенной версии оного.

Я пропустил это мимо ушей.

— Так значит, у вас нет ничего похожего на медицину? — размышлял я вслух.— С вашими явно высокими технологиями в других областях можно было бы ожидать...

— Пф! — пискнул он.— Все равно что требовать умения управлять погодой. Несомненно, вы заметили, что во

всех фазах, или А-линиях, как вы их называете, погода неизменна.

Я согласился, что заметил это.

— Даже здесь, так далеко за официальными границами Правления,— добавил он.— Единственные исключения — это области Запустений, где самый рельеф местности был разрушен, изменяя воздушные и водные течения.

— И вы пересекли Пустошь, или Запустение, как вам угодно, чтобы отыскать нашу фазу, не какую либо еще,— постановил я.— Но почему? Почему не выбрали какую-либо линию поближе, более похожую на ваши домашние миры? И что вы имеете в виду под Запустениями? Существует только одна Пустошь.

— По краям подвластной территории,— довольно охотно объяснил Свфт,— мы обнаружили многочисленные свидетельства присутствия конкурирующей силы — как я теперь понимаю, вашей. Математически мы вычислили фокусную точку данного вмешательства — другое Запустение. Мы уже знали, разумеется, о странном Запустении, окружающем нашу домашнюю фазу. Когда я исследовал здешнее Запустение, у меня не было оснований ожидать встречи с разумными существами. Мы предположили, что ваше ядро погибло во время ужасной катастрофы, создавшей вашу Пустошь.

— Ваше Запустение,— сообщил я ему,— несомненно, итог неудачных экспериментов с вытеснителем в близкородственных линиях. Вы должны были понять, что вторая подобная зона разрушения означает существование другой путешествующей по Сети линии. Но вы просто вломились и заявили, что тут местечко не занято,— саркастически закончил я.

— Как только наше предприятие стартовало,— заявил он тем же нравоучительным тоном,— на что были брошены последние наши силы, путь назад был отрезан. Можете вы представить, чтобы я, автор проекта, вернулся на Йлокк всего через несколько дней после нашей торжественной погрузки и рапортовал Наиблагороднейшей, что,

как выяснилось, и далее следовать плану представляется стеснительным?

— Тяжко,— согласился я.— И тем не менее вам следовало поступить именно так. Вы видели достаточно, чтобы понять: долго это продолжаться не может.

— Допустим, в русле оригинального замысла и не может,— извернулся он.— Но есть и другие подходы, более тонкие, которые все же помогут достичь цели. Не все ваши местные фазы столь хорошо организованы и информированы, как эта, в координатах ноль-ноль.

— С такими разговорчиками вам светит недолгая жизнь в одиночке,— предупредил я.— Разумеется, все записывается, и в правительстве империи есть люди, которые остерегутся освобождать вражеского агента, который продолжит деятельность, пагубную для мира и порядка в империи. Мы тоже заметили следы сетевых операций — ваших, полагаю — за пределами нашей зоны первичного интереса. Мы планировали когда-нибудь выследить, откуда вы пришли, и...— Я умолк, внезапно подумав об унылой области, которую мы называли Желтой зоной.

— И захватить нас,— дополнил чужак.

— Идея упреждающего удара обсуждалась,— пришлось мне признать.— Но мы надеялись сотрудничать с вами, как сотрудничаем с другими сетевыми силами.

— Полагаю, здешняя резня делает это невозможным,— заявил он.— Как с нашей точки зрения, так и с вашей. Возможно, к сожалению. Но если честно, сомневаюсь, что наш народ когда-нибудь сумел бы преодолеть свое инстинктивное отвращение к племени лори.

— А у нас с вами вроде бы неплохо получается,— указал я.— Я даже больше почти не думаю о вас как о щетинистых крысах из канализации.

— У меня была возможность прочитать об этом в ваших книгах в ходе нуль-временной командировки,— сообщил мне генерал чужаков.— Ваше жестокое обращение с отдаленными родственниками Благородного народа — редкостная мерзость. Однако признаю: наши собственные гонения на гадких ййлпов были не меньшим геноцидом.

— Возможно, оба наших народа наделали ошибок,— подытожил я.— Однако в данный момент проблема состоит в том, что ваши войска продолжают изливаться в наш мир со скоростью не меньше миллиона особей в день.

— Три миллиона,— сухо поправил он и добавил в качестве объяснения: — У нас острое перенаселение.

— Не через точку десантирования на Страндваген,— возразил я.— Мы наблюдали ее достаточно долго, чтобы знать.

— Существует одиннадцать основных порталов массового переноса,— сообщил он мне,— в том числе несколько действительно в пустынных местах. Тот, который вы знаете и, несомненно, готовы разрушить своим странным метательным оружием, действующим на расстоянии, был первым. Мы осознали, что ошиблись, посчитав фазу необитаемой, и разместили остальные в областях, отдаленных от ваших скоплений населения.

— Не совсем так. По нашим сведениям, ваши войска заняли все основные столицы. Вы не воинственны, но начали войну,— устало подвел итог я.— Вы и не подумали бы вторгаться на земли разумных существ, но вы здесь. Вашему рассказу не хватает правдоподобия, генерал.

Он кивнул, этот жест согласия он явно подцепил у нас, людей, и произнес:

— Я охотно понимаю ваше замешательство, полковник. Но его явно недостаточно, чтобы выявить противоречия в моей оценке событий. Вы должны,— теперь он был очень серьезен,— должны осознать вот что: нужды Благородного народа первостепенны. Ваше тщетное сопротивление нашей мирной оккупации необходимого жизненного пространства должно немедленно прекратиться! Мы не можем больше терпеть это неудобство!

— Вы ловко пудрили мозги, помните, генерал? — возразил я.— А как насчет нашего жизненного пространства? И в конце концов, мы, люри, законные владельцы спорной территории.

— По какому праву? — парировал он, словно я отреагировал именно так, как он хотел.

— По праву рождения, более раннего заселения и развития и потребностей человечества,— сообщил я ему, точно сам ждал вопроса.

— Раннего заселения...— задумчиво повторил он.— Полагаю, ваши местные «крысы», как вы называете этот скромный народец, имеют по меньшей мере такие же древние права.

— Только не на наши житницы! — отрезал я; меня начали несколько раздражать его вкрадчивые нелепицы.

— Почему нет? — парировал он.— Дары земли не имеют «естественного» хозяина. Растения существуют для всех, кто в состоянии собрать их.

— Мы их сажаем,— сообщил я ему,— нам их и пожинать. Мы строим города и храним в них зерно; это так очевидно, что тут не о чем и говорить!

Он косо глянул на меня.

— Говорите, «сажаете» их? Боюсь, мы вступаем в область, едва затронутую в моем самоинструктаже,— очередную странную идею, заключающую в себе манипулирование Волей.

— Хотите сказать, у вас нет земледелия? — недоверчиво переспросил я.

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Термин мне известен, разумеется, но постичь я его не могу. «Вынуждать растения кучно произрастать на определенной территории». Невероятно. Растения растут, где хотят.

Я проговорил с ним еще полчаса без какого-либо заметного прогресса. Он продолжал придерживаться мысли, что человечество должно убраться с дороги Благородного народа и прекратить тем самым кровопролитие.

— Утверждаете, что ничего о нас не знаете,— напомнил я ему,— а прибыли сюда с подробными инструкциями да еще владеете и шведским, и английским. Как вы это объясните?

— Я,— сухо ответил он,— не обязан объяснять что бы то ни было. Однако не вижу вреда для своего дела в том, чтобы разъяснить некоторые моменты, которые, как я вижу, остаются для вас загадкой. Ну хорошо. Мы разработали технологию быстрого переноса информации в глубокие слои памяти, развив в действительности наследственную способность запоминать расположение закопанных орешков. Во время первого посещения вашей грани я, как уже говорилось, не обнаружил признаков ее обитаемости, поскольку прибыл, как мы теперь знаем, в великую пустыню — Сахару, я выяснил, что вы так называете ее. Дома на этом месте расположено неглубокое море. Последующие команды наблюдения обнаружили, однако, примитивные временные лагеря вашего вида, кочевых племен, как впоследствии выяснилось; поэтому, естественно, команды наблюдения развернули более широкую разведку. Это они собрали материалы для инструктажа, за исключением лингвистических данных по двум родственным диалектам, распространенным здесь, в назначенной для меня точке входа, которая совпадает, разумеется, с местонахождением Благородного города. Сии последние сведения были, конечно, спешно собраны перед самым наступлением; отсюда и пробелы в моем владении языками.

— У вас неплохо выходит,— воодушевил я его.

Он посмотрел на меня надменно и одновременно как бы защищаясь, если я научился разбирать немногочисленные выражения его заостренной морды.

— Мы ошиблись,— провозгласил он,— когда недостаточно тщательно исследовали целевую грань. Но вспомните: мы находились — и находимся — в отчаянном положении, и время играло против нас. Менее восприимчивые существа, такие как вы, попросту ввели бы несметные войска, не думая о возможных последствиях для протестующих.

— Боже,— произнес я.— Может, нам всем просто свалить в Пустошь?

— Зачем же так радикально,— смягчился он.— Массовой эвакуации в одну из изолированных в Пустоши линий вполне хватит. Мы позволим подобное переселение и поспособствуем ему. Осмелюсь даже предположить, что мы предоставим в ваше распоряжение свой метод массового переноса.

— Я прикололся,— сказал я. После чего мне пришлось объяснить, что такое «прикалываться».— Мы никогда не покинем родину.

— В таком случае,— произнес он принужденно-терпеливо,— я не вижу никаких перспектив мирного соглашения между двумя нашими видами. Жаль. Вместе мы были бы способны на многое.

— Мы еще поговорим, генерал,— пообещал я ему.— А сейчас я, пожалуй, пойду. Вам надо отдохнуть; увидимся завтра.

— Беседуя с вами, полковник,— откликнулся он,— я на мгновение забыл об отчаянном положении Народа. Доброго пути.

На этой ноте я покинул его и въевшийся запах гнилых апельсинов. Какое-то мгновение мне казалось возможным, что мы сумеем примирить наши несопоставимые интересы, извлечь огромную выгоду для обоих видов: у йлокков есть кое-какие технологии, которые ТСН сочтет весьма полезными, с другой стороны, мы тоже многому можем научить их; но сейчас я был очень подавлен. Хотелось поговорить с Барброй: один звук ее голоса подбодрит меня, но то, что я должен был ей сказать — что собираюсь рвануть в штаб и сообщить новые сведения о захватчиках (а таковых сведений Свфт предоставил больше, чем сам подозревал),— не подбодрит ее.

Супругу я обнаружил, как обычно, в гуще самого острого из наших кризисов: крысюки прорвали импровизированные укрепления на речной стороне города. Она сидела в полевом штабе и следила за ситуационной картой с ее веселенькими (если не знать, что они означают) огоньками, отмечавшими расположение вражеских сил, часть за частью. Огоньки рваной линией бежали из леса и от наших жалких войск, которые держались и держались — и отступали. Похоже, через пару минут госпиталь будет окружен и отрезан.

— К счастью, Бриан,— сообщила она,— мы можем спастись, ведь они ошибаются даже чаще и серьезнее, чем мы.

Как раз во время беглого инструктажа вбежал доктор Смовиа и поспешно направился ко мне, за ним по пятам

следовала застенчивая представительница военной полиции. Я отмахнулся от них, дослушал Барбру и поцеловал ее на прощание. Смовиа с обеспокоенным видом ошивался поблизости.

— Видите ли, полковник,— запричитал он,— мой пациент едва ли готов оставить госпиталь. К тому же он переносчик...

— Однако для людей опасности нет? — с надеждой переспросил я.

— Ну разумеется, нет,— отмахнулся он.— Но с вашей стороны крайне деспотично выпустить его и даже не потрудиться уведомить меня...

— Довольно,— перебил я.— Я его не выпускал! Я оставил его в постели десять минут назад! Хотите сказать...

— Он ушел,— пробрюзжал Смовиа.— В больнице его нет. Я проверил. Я решил, что вы...

— Боюсь, он сам сбежал.

Я подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу. Как я и боялся, перемещатель чужаков исчез с того места, где был оставлен мной без всякой охраны. Барбра ободряюще погладила меня по плечу. Она знала, что мысленно я занимаюсь самобичеванием.

— Садись на горячую линию, Барб,— велел я.— Предупреди станции по периметру, чтобы смотрели в оба, но не пытались остановить его. Им это и не удастся, только зря народ положат.

— Что это значит? — потребовал объяснений Смовиа.— Куда он отправится, такой ослабленный?

— Домой,— отрезал я.— Он ушел; ничего не поделаешь.— Я повернулся к Барбре.— Теперь мне надо в город еще больше, чем прежде.

Она поняла и кивнула. Я вышел.

Найти сержанта не удалось. Оставив для него распоряжения, я вышел на улицу, где тормознул лейтенанта Хельма и сообщил ему, что собираюсь прорываться. Разумеется, он жаждал подробностей, и я велел ему выбрать лучший из трех наших вездеходов и ждать меня на Кунгсгатан через полчаса. Он побежал исполнять.

Я вернулся внутрь, нашел Смовиа и попросил следовать за мной да не забыть культуру вируса чужаков. Он не понял зачем, но спорить не стал. Штабных я проинструктировал и велел рыть оборонительные сооружения.

— Вернусь через сорок восемь часов,— пообещал я.— Удерживайте позицию до тех пор.

Они ответили, что им это вполне по силам. Надеюсь, не врали. Вернулся лейтенант Хельм с вездеходом, заправленным, укомплектованным провизией и готовым к отходу. Особо мудрить мы не стали: выехали через те же ворота, у которых я беспечно оставил вытеснитель Свфта без охраны, и увидели все тех же неорганизованных стрелков с оружием ближнего действия. Я почти поверил словам Свфта о том, что йлокки невоинственны. Они не пытались нам помешать. А затем мы наткнулись на заставу. Путь нам преградила неприступная с виду баррикада: сплетенные ветвями поваленные деревья, пустые места забиты булыжниками. Я свернул на обочину, немного потрясся по ухабам и выехал на неповрежденную дорогу. Несколько йлокков рванули наперерез, но остановились вдалеке. Похоже, для захватчиков они слабо понимали, что делают.

— Не стоит их недооценивать,— посоветовал я Хельму.— У них есть кое-какие технологии, и, должно быть, они способны успешно воевать, ни черта не понимая в военном деле. Но по отдельности, похоже, полностью лишены воображения или инициативы. Если мы делаем что-либо неожиданное, они теряются.

— Полагаю, рано или поздно кому-нибудь из них придет на ум выскочить на дорогу перед нами и пальнуть из разрушителя с близкого расстояния,— озвучил лейтенант мою мысль.

— В таком случае мы пристрелим его и докажем, что идея никуда не годится.

Однако я начал беспокоиться. Мы продолжали двигаться, нам не мешали. Через несколько миль прячущиеся крысюки попадаться перестали. До городских окраин оставался час. Мы подъехали к первому мосту в Стокгольм и увидели, что он цел. Еще через пять минут мы уже беспрепятственно катили по Дроттнингсгатан. На улицах лежали груды мертвых пришельцев, а также несколько человеческих тел, внимание им уделяли только роющиеся в отбросах йлокки. Воздушные фильтры удерживали большую часть вони вне кабины грузовика. Несмотря на множество жертв, крысюки кишели повсюду, маршировали неровными колоннами, в основном по узким боковым улочкам, иногда гнали людей-пленников. Город казался невредимым. Тот выстрел, что я видел на Страндваген, был единственным. Мы подошли к высокому ограждению из кованого железа перед штабом, где нас встретили и провели внутрь два щеголеватых офицера в серо-зеленой шведской полевой форме.

7

Манфред фон Рихтгофен козырнул Хельму в ответ и перегнулся через большой стол, чтобы тепло пожать мне руку. Я представил доктора Смовиа, который кратко обрисовал главе Имперской разведки свои открытия и удалился готовить новую вирусную культуру.

— Вакцина, говоришь? — с сомнением переспросил Рихтгофен.— Какого...

— Эти существа лезут сюда быстрее, чем наши войска и болезнь, вместе взятые, косят их, сэр,— сказал я.— Нельзя только обороняться; мы должны контратаковать.

Манфред с сомнением кивнул.

— Мы установили их общеисторическую дату,— сообщил он нам.— Около ста миллионов лет, Бриан, и к тому же в Желтой зоне.

Мы оба повернулись к карте Сети, полностью занимавшей одну из стен. На ней было обозначено большое, неправильной формы поперечное сечение А-линий, исследованных на данный момент Империумом, поверх была наложена координатная сетка, синяя линия бежала вдоль границы области, которую правительство объявляло зоной своего суверенитета. В начале координат поблескивала ли-

ния ноль-ноль, наш домашний мир, помеченная алой точкой. Поблизости красовались еще три красные точки, все в пределах большой розовой кляксы Пустоши — области заброшенных, аномальных линий-миров, погубленных вышедшими из-под контроля энтропийными энергиями, злополучно высвобожденными близкими аналогами Максони и Кочини, чьи труды увенчались успехом и избежали катастрофы только здесь и в трех Изолированных в Пустоши линиях.

Мне мало что было известно о Желтой зоне, второй области разрушенных А-линий, аналогичной Пустоши, но не связанной с ней, не считая новости, что она является родным миром йлокков.

— Сэр,— предложил я,— пора нанести ответный удар.

Манфред мрачно посмотрел на меня.

— Мы окружили их основную точку входа,— сообщил он, точно не расслышав.— Товарный склад в стороне от Страндваген. Я планирую налет, и...

— Массовая атака ни к чему, сэр. Когда я вылью этот пузырек в их водопровод...

На этот раз перебил он.

— Я... мне совесть не позволит послать одиночку в запрещенную и совершенно незнакомую область Сети, Брианн. Особенно моего самого ценного и опытного офицера. Нет, ты нужен мне здесь.

Я набрал воздуха, чтобы дать отпор, когда поехала крыша — в прямом смысле. Кусок бетона размером с бильярдный стол размазал рабочее место Рихтгофена, отбросив Манфреда назад в облаке гипсовой пыли. Электропроводка порвалась и обвисла, заискрила и затрещала, и через несколько мгновений огонь заплясал на бумагах из лопнувшей картотеки. Хельм схватил меня за плечо и потянул назад. Я поспешно сообщил ему, что со мной все в порядке — истинная правда, не считая того, что в ушах звенело и легкие забило пылью. Он отыскал Смовиа, неподвижно осевшего в углу, и поднял его на ноги. Я вернулся в дымное облако и вытащил Манфреда. Он был в полубессознательном состоянии, но невредим.

— Похоже,— сказал он, когда восстановил дыхание,— наше решение оторвано от реальной жизни. Если они притащили большие пушки, а разрушители легко увеличить до любого размера, нам не придется заботиться о контратаке. Борьбы за выживание хватит с лихвой.

К этому времени в комнате появились люди и принялись раздавать друг другу противоречивые приказы. Я привлек внимание старшего полковника и предложил ему сделать так, чтобы все успокоились и ждали указаний. Пока я говорил, он рассказывал, что во взрыве виноват низколетящий самолет странной конструкции, орнитоптер, похожий на гигантскую стрекозу.

Запыленный но невредимый Манфред поднялся на ноги и рявкнул:

— Разойдись!

Толпа умолкла и испарилась.

— Я проберусь туда, сэр,— заверил я его.— Надо только следить за приборами.

— Мне это не нравится,— заворчал Рихтгофен.— Прошло двадцать лет с тех пор, как мы осмелились на дальнюю разведку, и ты прекрасно знаешь, чем все закончилось. Нет, в Желтую зону вход воспрещен. Техники сомневаются, что мы сумеем в нее проникнуть, а если и сумеем, возвращение будет заказано: градиент энтропии слишком крут. Любой план контратаки, совершенно очевидно, несбыточен. А значит, мы должны вести войну здесь, на нашей собственной территории.

— Я изучил одну из машин йлокков,— сообщил я ему.— Там есть пара трюков, которые нам пригодятся. Прошу разрешения модифицировать трехместный разведчик и совершить попытку.

Манфред рассеянно кивнул.

— Склад, который мы окружили...— Казалось, он не слышал ни единого моего слова.

— Прошу прощения, генерал, но, по-моему, следует положить вторжению конец там, где оно началось. У меня все получится...

— Нет, Бриан. Я не могу позволить. Ты нужен мне здесь. Нужен нам. Барбре, ждущей в Сигтуне,— кто зна-

ет, что за это время могло с ней случиться. Нет-нет.— Он сменил тему.— Не сомневаюсь, что она и ее люди стоят на...

— Тем более я обязан предпринять хоть что-то, сэр,— настаивал я. Внезапно мне захотелось немедленно взяться за дело.— Я привезу оборудование и отправлюсь в путь через полчаса.

— Только не один! — отрезал Рихтгофен.

— Мне помнится, сэр,— парировал я,— что в старые времена свои лучшие дела вы проворачивали именно в одиночку.

— Я был глупым юнцом,— проворчал он.— Мой воздушный цирк не имел равных! Думаю, мне нравилось бороздить небеса над Францией отдельно от эскадрильи отчасти из эгоистических соображений: я один и победа неоспоримо моя!

— Здесь эгоизм ни при чем, генерал.

— Тогда почему ты собираешься в путь один?

— Не совсем один, сэр,— вставил я.— Мне нужны доктор Смовиа и лейтенант Хельм.

— Сильно они тебе помогут в случае опасности,— отрезал Манфред.

— Я не собираюсь привлекать внимание,— гнул я свое.— Идея заключается в том, чтобы прокрасться, вылить вирусную культуру в водопровод и улизнуть обратно.

— Из Желтой зоны, Бриан? — подчеркнул он.— Ты не хуже меня знаешь, что градиент энтропии на таком расстоянии становится непреодолимым!

— Теоретически, сэр,— возразил я.— Думаю, это возможно. Надо только повнимательнее следить за скрытой временной утечкой и удерживать градиент энтропии в зеленой области.

После задумчивой паузы генерал махнул рукой в знак смирения.

— Вижу, ты вбил себе в голову необходимость этой безумной эскапады, друг мой,— признал он.— Подумай о том, чем рискуешь.

— Не отговаривайте меня, сэр,— попросил я.— Я не слишком-то рвусь — просто другого выхода нет.

У него опустились руки — в прямом смысле.

— Ну ладно, полковник. Вы получите лучшее оборудование, какое у нас есть. Я вызову Шёлунда.

Я вывел Манфреда из здания и усадил в большой лимузин «сааб», где, не обращая внимания на панику, царящую вокруг, уже ждал водитель, похожий на паучка невысокий малый по имени Оле (произносится как «оо-лах»). Сам я сел впереди.

— На Страндваген, Оле,— приказал Рихтгофен.

Большая машина скользнула по ухабистой булыжной мостовой, точно сироп, стекающий с вафель, и мы остановились перед большим блестящим отелем «Интерконтиненталь», бывшим заброшенным складом судового поставщика. Вокруг все кишело сотрудниками Службы безопасности, но они без задержки пропустили своего босса внутрь.

— Под зданием находится кирпичный подвал,— сообщил он мне.— Построенный еще в шестнадцатом веке. Очень прочный. Они захватили его и используют как базу высадки десанта. Войска прибывают побатальонно каждые шесть часов. Легкая цель, если забыть о шишках, проживающих прямо над ними. Которые, похоже, не испытывают ни малейшего беспокойства, не считая пары ночных кошмаров. Наверное, йлоккская версия МК-привода подтекает.

— Ужасно,— заметил я.— Мы не можем позволить телезвездам и плейбоям видеть сны о том, что им пора на работу.

— Я не шучу, Бриан,— оборвал меня Манфред.— Здесь живет генерал фон Хорст, а также Крмблнски, тот тип, что изобрел холоавто... как его там. Очень популярный парень. Едва ли мы можем попросить его съехать, чтобы без проблем взорвать его коллекцию предметов искусства.

— То самое холоавто — устройство, позволяющее контролировать и записывать видения во время фазы быстрого сна?

— Именно, опиум для народа,— неодобрительно подтвердил Рихтгофен.— Как ты знаешь, это превратило Крмблнски в народного любимца.

— И все же лучше бы их эвакуировать,— заметил я.

Манфред покачал головой.

— Кое-кто из здешних жильцов потратил миллионы крон и полжизни на то, чтобы собрать коллекции разного хлама и подготовить достойное окружение для их демонстрации — правда, видеть их никому не дозволено. Нам придется выселять их силой.

Я посмотрел на него, чтобы проверить, не шутит ли он. Он не шутил.

— Пора приступать, генерал,— произнес я.— Глядите! Вон очередная порция подкреплений.

Колонна из десяти крыс гуськом выходила из-под старого погрузочного навеса, эти твари были чище и щеголеватее, чем виденные мной прежде, и намеревались овладеть миром — нашим миром.

— Мы не можем вечно громоздить горы трупов, генерал.

Раздалась пара криков, крысюки перестроились, формируя колонну по два, и направились вниз по улице. Они не пытались выстроиться в наступательный порядок или хотя бы в оборонительный: просто маршировали, точно по площадке для парадов. А может, так оно и было. Странный тяжелый автомобиль, похожий на штабной, вырулил из-за угла и остановился у сарая.

— Вот наша цель, генерал,— сообщил я и полез было из машины.

Рихтгофен жестом остановил меня, продолжая говорить в передатчик.

— Один снаряд из восьмидесятивосьмимиллиметровки, полковник,— сухо приказал он.— Мне нужно прямое попадание. Возможности для пробного выстрела нет.

— Нельзя, чтобы люди наверху догадались, что ведется война,— согласился я.

Раздался выстрел, и автомобиль окутал бурлящий клубок пыли, которая вскоре рассеялась, обнажив явно неповрежденную машину.

— Видишь, в чем проблема, полковник,— произнес Рихтгофен.— Похоже, в ответ на наши бомбы и пули они

разработали устройство на базе разрушителя, которое сдерживает и поглощает взрывы. Невероятно быстрая работа! Мы столкнулись с грозным врагом, ошибки быть не может, полковник!

Дело запахло керосином. Он дважды назвал меня полковником за одну тираду. Шеф обращался ко мне по званию только в минуты настоящей опасности.

— А давайте я подкрадусь и проколю им шины,— фальшиво-конспираторским тоном предложил я, но Манфред был не в настроении оценить мое чувство юмора.

Как и я сам. Конечно, я уже описал танк-перемещатель, который ненадолго захватил; мы удивлялись, что больше таких не попадалось,— только пехота, зато очень много. Кто-то сказал, три миллиона: разведка подняла эту оценку до четырех в Стокгольме и иных местах, плюс-минус пара сотен тысяч, и каждую секунду прибывало все больше.

— Мы быстро отступаем.— Манфред ударил кулаком по ладони.— Проклятье, надо что-то делать! — На самом деле он произнес «дьявол» или его шведский эквивалент, что в местном языке наиболее близко к ругательству. Он редко говорил по-немецки: после вынужденной посадки в тысяча девятьсот семнадцатом знаменитый ас всю жизнь провел здесь. Он сердито посмотрел на меня и произнес: — Нет, Бриан, похоже, других вариантов нет. Но несомненно, лучше взять крупный транспорт, в который влезет ударная группа из десяти человек.

— Простите, что возражаю, сэр,— сказал я.— Мне вовсе не улыбается выступить в поход в ореоле славы, пытаясь совершить невозможное: бросить вызов целой нации, имея лишь горстку бойцов-камикадзе. Я намерен проскользнуть без всякой шумихи и сделать все, что нужно. Если верить этому Свфту, они уже в отчаянном положении. Я вот что припоминаю...

— Отлично,— оборвал меня Рихтгофен.— Как скажешь, но я сомневаюсь — очень сомневаюсь,— что твой подход сработает. Напротив, боюсь, что я просто потеряю своего лучшего офицера.

— И еще пару ребят,— добавил я и послал Хельма за пайками, наказав вернуться через десять минут.

Он умчался, а я снова занялся делом. Время поджимало. Доктор Смовиа ушел пообщаться с военными медиками.

— Манфред, если у меня ничего не выйдет, не сомневаюсь, ты проследишь, чтобы о Барбре хорошенько заботились.

Он мрачно кивнул, и на этой ноте мы отправились в сетевые гаражи.

Бывший трамвайный парк недалеко от Сталлмастаргорден сохранил изначальный облик: даже рельсы остались на месте — по ним ездили грузовые тележки. Старинные золотые с синим трамваи много лет назад отправились в Лиму, столицу Перу. Надеюсь, им там хорошо. Вдоль живой изгороди вилась аккуратная кирпичная дорожка, уводившая сквозь строй лип к служебному входу.

Главный сетевой терминал представлял собой большой гулкий зал, вдоль стен которого лепились крошечные офисные кабинки. Полдюжины челноков стояли на оранжевом полу, разграфленном белым на трехфутовые промежутки, полезные для точного определения позиций транспортных средств, когда при возвращении необходимо втиснуться в узкие рамки.

Мы с минуту стояли в дверях и смотрели, как техники кишат над, под и вокруг перемещателей: некоторые походили на обычные упаковочные ящики, другие были замаскированы под тяжелые грузовики или автобусы, два или три высились в мощной военной броне и выглядели тем, чем и были — нашими новейшими вездеходными танками «Марк XX», вооружения которых хватило бы, чтобы пробить себе выход из любой западни.

— «Марк III», я думаю,— небрежно предложил Манфред.

Я покачал головой, хоть он на меня и не смотрел.

— Смысл в том, сэр,— произнес я, стараясь говорить не слишком упрямо,— чтобы проникнуть незаметно и работать тихо.

Он кивнул.

— Как хочешь, Бриан. Лично я считаю, что никакие действия одиночки не поставят на колени нацию захватчиков, чей собственный мир, судя по твоему рапорту, пребывает в состоянии полного хаоса.

— Может, и не поставят,— настал мой черед уступить,— а может, и поставят. Грубая сила уж точно не поможет. И я буду не совсем один; со мной пойдут лейтенант Хельм и доктор Смовиа.

Шёлунд и кучка техников теснились вокруг безобидного с виду контейнера, деревянного ящика, достаточно прочного, чтобы с полным грузом оказаться при помощи подъемника на борту судна и не развалиться. Молодой парнишка по имени Рольф первым заметил нас и обратил внимание.

— Желтая зона, сэр? — поинтересовался он, но, похоже, уже знал ответ.

Я заглянул в контейнер. Для троих тесновато, но ничего, сойдет.

— Они добровольцы? — педантично уточнил Манфред.

Выбора я им особо не предоставил, но если бы они не хотели идти, то могли бы просто случайно задержаться, выполняя поручения. Хельм был в полном восторге от происходящего; за него я не беспокоился. Что до Смовиа, то он так погрузился в медицинские дебри, что не заметит, где находится.

8

Несколько минут я разогревал МК-двигатель и проводил рутинную подготовку к выходу; все находилось в зеленом поле. Оставалось немного времени, и я слегка поэкспериментировал, так, только чтобы снова почувствовать власть над приборами, сменил пару А-линий, в рамках нашего пучка, разумеется, избегая Пустоши, хотя погрузился достаточно надолго, чтобы разглядеть на экране линию ничуть не лучше тех, что я видел во время предыдущих

стремительных полетов через Пустошь. Ужасное зрелище. Фокус в том, чтобы приблизиться к опустошенной А-линии настолько, чтобы разглядеть детали, но не слиться с ней, каковая судьба слишком печальна, и думать о ней не хочется.

Тяжело дыша, прибыл Хельм с припасами: ему выпала стычка с группой йлокков. Мы уложили добро в кормовой отсек, а когда вернулись в переднее отделение, лейтенант отпрянул от зрелища на экране: обширные желто-зеленые джунгли, захватившие развалины зданий, кишели огромными червяками, которые в действительности являлись обретшими независимость человеческими внутренностями, извивающимися по тусклой листве.

— Что это?! — выпалил он.

Я потратил несколько минут, пытаясь растолковать ему смысл изображения на экране, хотя просто тянул время в ожидании Смовиа. Манфред стоял у двери контейнера и тоже ждал возвращения доктора — он послал отыскать и поторопить его. Каждую минуту он поглядывал на большие настенные часы. Наконец сломя голову примчался Смовиа.

— Полковник, слушайте...— начал он.

В этот миг со стороны главного грузового люка раздался взрыв, и одна из створок с грохотом распахнулась, смявшись, точно ненужная бумага. За ней обнаружилась толпа йлокков. Загремели выстрелы, и крысюки попадали, суча ногами. Я схватил Смовиа за плечо и втащил его в замаскированный челнок, попутно подстрелив рвущегося к нам чужака — тот подобрался слишком близко, чтобы не обращать на него внимания. Затем я шагнул в тесный отсек и захлопнул люк за спиной. Кто-то молотил по корпусу. Пора было отправляться. Хельм продолжал изучать ужасы на экране: на сей раз обильную груду бледной плоти, испещренную синими венами, человеческие конечности и головы торчали из нее, словно бородавки. Он не понимал, как могут существовать подобные уродства.

Я попытался объяснить. Как и большинство шведов, да и людей вообще, он слышал только смутные шепотки об Империуме и об огромном клубке миров альтернативных

вероятностей, за которыми Служба транссетевого надзора постоянно наблюдает, не вмешиваясь в течение событий, за исключением случаев угрозы, нависшей над самим Империумом или над цельностью всего множества миров. Мы не одиноки в подобных стремлениях; гуманоидная раса ксониджил располагает собственной Службой межпространственного контроля, пытаясь, как и мы, предотвратить в будущем любую катастрофу, подобную той, что создала область утечки энтропии, группу разрушенных А-линий, окружающих линию ноль-ноль,— какового несчастья ксониджилы избежали благодаря скорее удаче, чем каким-либо определенным контрмерам. Агент Дзок с Ксониджила назвал нашу линию ноль-ноль ИП-один, и, избегая Пустоши, они сто лет не замечали нас.

— Есть еще несколько путешествующих по Сети народов,— сообщил я Хельму,— включая тех, кого не захочешь встретить в темном переулке. Хаккуа, например, с общеисторической датой около ста тысяч лет дэ-эс*. А теперь, похоже, еще и йлокки, куда более отдаленные. На самом деле мы никогда не проводили разведку так далеко.

Я обратил внимание Хельма на забавный феномен эпсилон-энтропии: постепенные изменения по мере перемещения через линии альтернативной реальности, аналогичные изменениям, которые мы наблюдаем, когда движемся в одном направлении во времени. Неясные очертания сетевого терминала изменились, пока мы смотрели на экран. Тускло-серая краска обшитых панелями стен превратилась в пятнистую зеленовато-желтую, появились трещины, лоскуты краски скрутились и облетели, обнажив рыжий от ржавчины стальной каркас. Оный медленно трансформировался в ржавый, провисший металлолом и наконец рухнул среди пышной одичавшей зелени, ненавязчиво разросшейся в настоящие джунгли. Через полчаса только невысокий холмик, покрытый деревьями, отмечал место, где когда-то стояло внушительное здание.

---

* Д. с. (до современности) — до 1950 года — точка отсчета в современных научных шкалах.

Похоже, ни лейтенанту, ни мне намного легче от этого не стало. Но мы неслись через Пустошь со скоростью тысяча А-линий в минуту в более нормальные с виду земли. Как только мы выбрались, я подправил курс, и через несколько минут мы проникли в Желтую зону. Пока ничего необычного не наблюдалось.

Как всегда, она была обворожительна. Сегодня я глядел на блестящие илистые отмели, едва выступающие над покрытой легкой зыбью поверхностью моря, простиравшегося до самого горизонта. Погода, разумеется, ничуть не изменилась: яркое, солнечное утро и легкие кудрявые облачка. Мне подумалось, что одно из них напоминает большую рыбу, которая поедает рыбку поменьше. Забавно: в областях Сети, удаленных от линии ноль-ноль, никто и никогда не видел человеческих лиц в узорах облаков или хотя бы нормальных, знакомых животных. Эта рыба, привидевшаяся мне в дымке, была чудовищна, сплошь челюсти и шипы. Но довольно завиральных идей — есть места, которые нас ждут, и дела, которым не терпится быть завершенными. Через какое-то время море высохло и появилась растительность: высокие, похожие на сельдерей деревья, которые быстро накрыло зеленым приливом — другие ростки полезли из земли и потянулись ввысь.

Мы мчались, и эпсилон-скорость была единственной нашей защитой против слияния с запустением вокруг, мы наблюдали, как деревья чахнут, удушаемые гигантским лозами. Лозы превратились в паутину наподобие электрических распределительных кабелей. Холм на месте гаражей был взорван и разровнен, его сменили странные стремительные машины и мерзкие карикатуры на людей, изуродованные серьезными врожденными пороками и мутациями. Они сновали среди мертвых деревьев по вытоптанным тропкам, которые петляли, меняя направление, точно вода, стекающая по неровному уклону. Внезапно небо ослепительно вспыхнуло белым, и все горело и горело, выжигая глаза, пока не включилась защита от перегрузки и экран не поблек, но не до полной темноты: смутно виднелся унылый пейзаж под красной рябой луной. До самого края тем-

ного моря низкие холмы усеивали обнаженную скальную породу. Балтийское море укрыло то, что некогда было Стокгольмом и продолжало быть им в нашей собственной грани бытия. На самом берегу зиял полузатопленный гигантский кратер в добрых полмили шириной. Тот ослепительный свет принадлежал метеориту размером с дом, нанесшему последний удар по остаткам выродившейся животной жизни в этой обреченной области Пустоши.

— Боже мой,— выпалил Хельм.— Оно что, все такое, как это?

— К счастью, нет,— ответил я.— Но есть места и похуже. Мы уже проникли в Желтую зону — ты видел ее на карте Сети там, в штаб-квартире. Общеисторические даты ближайших линий за Пустошью имели место за несколько тысяч лет до наших дней. Этой, возможно, несколько миллионов. Силы, с которыми играли Кочини и Максони в процессе разработки МК-привода, питающего наши сетевые перемещатели, были мощными энергиями энтропии. Ребятам посчастливилось: они обуздали эти потоки и предоставили нам доступ ко всей Сети альтернативных вероятностей. Другим экспериментаторам, аналогам Максони и Кочини в своих линиях, повезло меньше. Уцелела только наша линия, все ближайшие А-линии были разрушены, за исключением парочки, в которых Кочини и Максони так и не приступили к работе.

— Вы говорили, что побывали в нескольких линиях, где все вполне нормально,— заметил Хельм.— Как...

— Выжили еще несколько линий в опустошенной области,— повторил я.— Потому что в них Максони и Кочини так и не встретились — или так и не приступили к работе. Они называются Изолированными в Пустоши.

Хельм кивнул, точно смирившись с непостижимостью предмета.

Вид на экране вновь сменился ширью блестящего заиленного моря; и снова море отступило, оставив простирающиеся до горизонта влажные отмели. Следов жизни не наблюдалось, если не считать разрозненных скелетов китообразных и нескольких больших рыб, а также обшир-

ный набор затонувших кораблей — от ребер драккаров до наиновейших подводных грузовых судов длиной в одну восьмую мили. Высохшая область висела довольно долго. Меня начало клонить в сон.

Я еще раз проверил приборы и рычаги управления и объяснил их назначение Хельму:

— На тот случай,— оборвал я его возражения,— если тебе окажется удобнее вести эту штуку.

Покончив с недоумением, он начал быстро учиться. Ткнул пальцем в шкалу «ПОДДЕРЖКА» и спросил:

— Если эта поползет вниз, надо повернуть ручку «ПОДДЕРЖАТЬ» вправо, так?

— В точку,— согласился я.— Но только самую малость.

Я не стал упоминать, что если повернуть ее слишком сильно, то мы застрянем в энтропийном стазисе.

Наконец пейзаж снаружи постепенно начал меняться. Сначала далекие стены кратера обрушились и покрылись растительностью, которая пенилась подобно зеленому приливу, вздымавшемуся высокими коническими вечнозелеными бурунами. Появились длинные розовато-фиолетовые черви, которые извивались сквозь пышную зелень, оставляя за собой ободранные ветки, сучья и прутья. Встречаясь, они переплетались, но я не мог различить, были то драки или копуляции. Наконец черви съежились и стали маленькими, как садовые ужи, и такими же юркими. Но недостаточно проворными, чтобы спастись от атакующей внезапно твари в перьях, похожей на пушистую лягушку, которая бросалась на червяка, пожирала его в один присест и прыгала вновь. Лягушки кишели, черви мелькали все реже и реже. Наконец остался только ободранный и гниющий лес, весь в комьях лохматых гнезд из веток и лягушкоптицах различных размеров. Те, что побольше, ели тех, что поменьше, и так же охотно, как их предки пожирали червей. Трудно было все время помнить, что я путешествую не через время, а перпендикулярно ему, несясь сквозь последовательность альтернативных реальностей, поскольку близкородственные миры развивались со скоростями, пропорциональными расстоянию от главной линии их группы.

Появилось крохотное шустрое млекопитающее с острым носиком и маленькими глазками, оно выглядывало из-за края большого потрепанного гнезда, полного блестящих серых яиц размерами с мячики для гольфа. Кончик носа зверька был вымазан желтком.

— Крыса! — выпалил Хельм.— Похоже, мы на верном пути, сэр! Поздравляю!

— Рано радуешься, Эмиль,— отозвался я, хотя был доволен не меньше, чем он, судя по голосу.

Мы следили за крохотными, похожими на грызунов животными. Скоро они подросли, остепенились, стали хвататься передними лапами, прыгая с одной сухой ветки на другую. Похоже, они питались одними яйцами, запасы которых казались неистощимыми. Оставшиеся лягушкоптицы были размером с курицу или перепелку и увлеченно выедали из гниющей древесины маленьких нитевидных червяков, которых уже почти не осталось; лягушкоптицы тоже явно находились на пути к вымиранию, а вот крыс было много, и они росли.

Вскоре птицы исчезли и остались только крысы, уже большие. Они переключились на поедание мелких беспозвоночных, которых выкапывали из грязной почвы под грудами гнилого дерева.

Они начали бегать на задних лапах, прижимая передние конечности к груди, подобно белкам, только крупнее и без пушистых хвостов.

— Теперь они очень похожи на йлокков! — возликовал Хельм.— Наверное, мы уже близко.

Он не ошибся. Еще через несколько минут мы обнаружили, что пересекаем грани реальности, на которых мощеные дороги прихотливо бежали по мирной, заросшей лесом земле с деревнями вдалеке. Я замедлил скорость полета и занялся точной настройкой транссетевого коммуникатора, но ловил лишь помехи, пока громкий писклявый голос не заявил на йлоккском или близком к нему наречии:

— Тревога! Нарушитель в фазе один, второй уровень! Заградотряды, готовьсь!

Я как раз обдумывал услышанное, когда челнок с громким «бам!» замер как вкопанный. Измеритель потока энтропии показывал, что мы пребываем в полуфазе, не слившись с местной А-линией, но и не отдельно от нее. Мы ждали. Через пять минут Хельм взорвался:

— Что происходит? Где мы?

— Ничего,— ответил я ему.— Нигде. Это нуль-темпоральный карман между А-линиями. Они не могут засечь нас здесь, потому что нас нигде нет. Можешь считать это место гранью нереализованных возможностей; плотности проблионового потока не хватило, чтобы прошить ее насквозь.

Почему-то это ничуть его не успокоило.

— И что нам теперь делать, сэр? — поинтересовался он.

Хотел бы я знать ответ на этот вопрос.

Пожалуй, вполне можно поесть и поспать. Я засыпал, гадая, о чем думали заградотряды, когда выкинули нас в нуль-время. Наверное, просто хотели остановить. Хельм уже слегка похрапывал. Хороший и многообещающий молодой офицер, этот Эмиль Хельм, и его возвращение домой полностью на моих плечах. Попозже я решу, как это провернуть. А сейчас надо еще раз попытаться сдвинуть челнок с места. Согласно некоторым теоретикам, это невозможно. Пожалуй, я не вполне им верил, иначе не сделал бы того, что сделал. С другой стороны, может, я просто чертов идиот.

Лучше всего завести полевой генератор и добиться наивысшей возможной скорости потока, затем рвануть с места и попытаться пробить мениск энтропии при помощи грубой силы. Но сначала...

Это же беспримерная возможность выйти за борт и сделать наблюдения, за которые меня потом в штаб-квартире благодарные техники на руках носить будут. Я подумал об этом, а потом о том, что если я в силу каких-то обстоятельств не смогу вернуться, юный лейтенант окажется обречен на медленную смерть и никто не сделает с йлокками того, что необходимо. Дурацкая мысль. Точно!

К этому времени я уже нацепил табельный пистолет тридцать восьмого калибра и принялся откручивать люк. Когда он открылся, раздалось тихое «пшшш!» — это выравнивалось давление воздуха, но снаружи или внутри, я не понял. В тусклом дневном свете я разглядел волнистые серые холмы и маленькие и большие озерца, в которых отражалось серое небо. Ничто не шевелилось в этом пейзаже. Однородное небо цвета свинца, без всяких там облачных узоров. Холодный, но свежий воздух.

9

Откуда-то, с расстояния в несколько световых лет, кто-то кричал мне: «Полковник! Дышите! Пожалуйста, вдохните!» Я ощутил давление на грудную клетку: тяжесть глубинного пласта скалы, под которой я лежал похороненный. Я немного расслабился, ну, или попытался, и почувствовал, как воздух — «пшшш!» — выходит из меня. Это мне что-то напомнило. «Снаружи»,— решил я. Давление воздуха снаружи было низким. Я набрал полные легкие практически вакуума и упал. «А теперь Хельм затащил меня обратно внутрь и пытается уговорить дышать». Я подумал об этом. Непростая задача. «К черту все. Пора поспать». Мне стало лучше при мысли о том, что я так удачно сорвался с крючка. Затем осадочные породы прибавили еще две сотни футов в высоту, и я ощутил, как трещат мои готовые сломаться ребра. Это несколько обеспокоило меня, поэтому я набрал воздуха и заорал: «Все нормально! Отставить!» — и попытался сесть, но позабыл обо всех этих слоях известняка, базальта и глины, которые удерживали меня на месте. И тут случилось землетрясение: глубинные слои вспучились и раскололись, и я ощутил, как ломаются мои кости, но какое это имело значение? Они всего лишь окаменелости, погребенные в черном иле. Поэтому я выкинул происходящее из головы и задумался, как можно дышать под всей этой массой породы. Надо мной склонился закусивший губу Хельм: это его руки давили на мою грудную клет-

ку, сокрушая ее. Я попытался врезать ему и обнаружил, что у меня нет рук, нет ног, нет тела — только знание о боли и отчаянное желание с кем-нибудь им поделиться.

— Полегче,— услышал я чей-то голос. Интересно, чей, подумал я и постепенно осознал, что свой. Я вдохнул еще капельку воздуха и попытался снова: — Ты ломаешь мне ребра, Эмиль.— Получилось больше похоже на «Тлмшбрра...»

— Постарайтесь расслабиться, сэр.— Бедняга отодвинулся на пару дюймов, вид у него был озабоченный.— Мне очень жаль, сэр,— сказал он так, словно ему и вправду было жаль. Интересно, кого?

— Прошло около недели с тех пор... после того как вы...

— Умерли,— дополнил я.

Это замечание неожиданно напомнило мне о тысяче ножей, торчавших в груди, особенно когда я дышал, а я дышал, просто чтобы проверить. В результате я закашлялся, и клинки вонзились еще на дюйм глубже.

— Извини,— сказал я ему или попытался сказать. Но закашлялся и снова вырубился.

Затем я пытался браниться и кашлять одновременно — получалось плохо. Я был зол на себя, во-первых, за то, что выдохся, как американское пиво, а во-вторых, за неспособность с этим справиться. Через какое-то время я уже сидел, опираясь на руку, без всякой помощи со стороны Хельма.

Перед глазами появилось лицо Смовиа. Ребра болели, но уже не так сильно.

— Ну вот, вам уже лучше. Я перевязал грудную клетку. И дышать тоже легче. Думаю, вы готовы принять пищу.

— Как насчет целого слона? — поинтересовался я и даже не закашлялся.

— Ja, då, för all del,— произнес Хельм, что автоматический переводчик у меня в голове расшифровал как «Ага, ладно, хорошо». Маловато, конечно, но лейтенант и раньше особой разговорчивостью не отличался. Я знал, что он имеет в виду: «О боже, сэр, я так рад, что вам полегчало».

— Я пытался помешать доку,— добавил он по-английски,— но, думаю, он был прав: вы стали дышать куда спокойнее, когда он забинтовал вас. С виду вроде как слишком туго было, но...

— Ты все сделал правильно, Эмиль,— заверил я его.— Но что за чертовщина приключилась? Помню только, как открыл люк и — бабах.

— Это все давление воздуха, сэр,— объяснил он мне.— Похоже, в этой фазе вселенной, гм, в этой А-линии, сэр...

— Ну? — подбодрил я.

— Уйма аргона, полковник,— выпалил он.— Боюсь, мы немного сбились с курса. Общеисторическая дата около четырех миллиардов лет назад. Атмосфера еще формируется. Похоже, планета влетела в газовое облако, в основном аргоновое. Дышать можно, но давление крайне низкое. Оно, чтоб его, чуть не оставило вас без легких, сэр. Кровищи было, и долго же она шла, а док все распинался, какой вы кретин, но...

Вернулся Смовиа. Еще немного потыкал и поковырял меня, причем весьма болезненно, затем я сделал пару глубоких вдохов за дядю-доктора и задумался, сколько времени прошло, пока я расплачивался за неуместную поспешность. Меня усадили в командирское кресло. На экранах расстилалась илистая равнина.

— Хельм,— слабо позвал я.

Юноша оказался у меня за спиной. Все еще встревоженный, он обошел кресло.

— Сколько, говоришь, я провалялся в отключке?

Я попытался сесть прямо, но упал обратно с таким «плюх!», что в ушах зазвенело, хотя удар пришелся на подушку.

— Неделю, сэр,— мрачно повторил он.

— С челноком все в порядке?

Он кивнул, не меняя выражения лица.

— В иле увяз, а так не поврежден, насколько я могу судить.

— Здесь как-то слишком нормально,— заметил я.

В энтропийном кармане все должно быть по-другому.

Хельм наклонился ближе, лицо его меняло выражения подобно калейдоскопу.

— Есть кое-что, полковник,— сказал он мне с видом гонца, принесшего недобрые вести.

Я ждал концовки. Она меня не разочаровала.

— Вообще-то мы провели здесь больше года,— тихо произнес он, словно надеясь, что я не расслышу.— Солнце не движется, день тот же самый, но хронометр в челноке работает, и календарь тоже. На прошлой неделе исполнился год. Вы пришли в себя уже третий раз. Пару минут держитесь и отключаетесь снова.

— Субъективно прошло не больше пары часов,— пробурчал я.— Наверное, инструменты ошибаются. У нас просто нет столько времени!

— Я знаю, сэр,— уныло согласился лейтенант.

На этот раз мне удалось опереться на локоть. Я немного подождал, пока яркие огоньки постепенно не растаяли в воздухе, потом спустил ноги вниз.

— Куда отправился Свфт? — спросил я.

Хельм только поглядел озадаченно — вполне созвучно моим собственным ощущениям.

— Мне нужны ботинки.

Лейтенант помог мне натянуть их на ноги, которые я затем поставил на пол. Теперь я сидел на краю командирского кресла и клонился вперед, пока ноги не приняли на себя вес тела, а затем встал. Я не пытался напрягать мышцы, просто представил, как крюк поднимает меня за задницу, и вот я стою. Мгновение у меня слегка кружилась голова, но просто из-за внезапной перемены в высоте расположения мозга. Ощущение «о боже, сейчас я упаду в обморок» прошло, и я попытался шагнуть: получилось. Хельм смотрел на меня в упор.

— На секунду, сэр, вы позеленели. Теперь все в порядке. Но лучше бы вам сесть и не перестараться на этот раз.

Я искренне согласился и присел на край кресла.

— Еда,— произнес я.— Ростбиф с кровью, много ростбифа, картофельное пюре с подливкой, кусок ягодного пирога. И большая холодная кружка «Tre Kronor»*.

* «Три короны» — популярная марка шведского пива.

— У нас только пайки, сэр,— напомнил Хельм.

— Тогда яйца разведчика по-ретифовски*. Если мы здесь уже год,— добавил я не без сомнений,— то почему не умерли от голода?

— Не знаю, сэр,— признал Хельм.— Вообще-то мне известно не многим больше, чем вам, сэр, а вы пролежали в коме почти все время.— Он выглядел виноватым: определенно потому, что осмелился усомниться в моем всеведении.— Наверное, нам не нужна еда в нуль-временной вакуоли, или как вы ее назвали. Может быть, наш метаболизм останавливается.

Я покачал головой.

— Будь оно так, мы бы не двигались, и не дышали, и не обсуждали происходящее. Давай просто удовольствуемся тем, что ничего не понимаем, как большинство людей не понимают Сеть и как до самых недавних пор никто не понимал Луны и Солнца. Как вид, мы миллионы лет в невежестве проходили мимо массы вещей. Мы разжигали костры, хотя понятия не имели об окислении...

Я понял, что пытаюсь убедить самого себя, причем безуспешно. Захотелось приказать Хельму «так держать» и оставить командира в покое. Всего лишь мимолетная мысль, серьезно я ее не рассматривал. Следующей мыслью стало: «Где Смовиа?»

— Спит, сэр,— рапортовал Хельм.— Он много спит. Наверное, что-то принял. Он предложил мне таблетку, но...

— Но ты пока не готов заделаться торчком,— продолжил я.— Хороший ты парень, Эмиль.— Затем я понес что-то воодушевляющее, но не выдержал фальши. Так что взамен я сообщил, что мы застряли в весьма негостеприимной части вселенной.

— Так точно, сэр,— отрывисто произнес Эмиль. Довольствоваться непониманием — куда более удобная точка зрения, чем бесконечно удивляться.— Зато у нас еще есть

* Джеймс Ретиф, вице-консул и третий секретарь дипломатического корпуса Земли — персонаж фантастического сериала К. Лаумера «Ретиф».

челнок,— радостно напомнил он, словно это решало все наши проблемы.— Целый и невредимый.

— Мне не хотелось тебе говорить, Эмиль,— невелика радость пугать парня,— но в этой штуке есть схемы, которые со временем распадаются. Мера безопасности, понимаешь, дабы предотвратить случайное использование челнока, брошенного в линии, которая не владеет А-технологией. К тому же когда мы его разрабатывали, это казалось разумным в плане охраны окружающей среды.

— Но полковник, я думал...— Хельм понял, что сказать нечего, и увял.

— Как только, так сразу пошлю директору технологической службы отчет об уязвимости,— саркастически заметил я.

Он мигом ухватился за это:

— Отличная мысль, сэр. Тогда...— Он умолк. Уютный мирок стандартных процедур более не существовал.

— Однако,— ободрил я,— у нас, по крайней мере, имеется крыша над головой. Не слишком роскошно, но лучше, чем спать в грязи.

— Ja, då, för all del,— согласился он и тревожно посмотрел на меня.— Мы не можем дышать тем воздухом снаружи,— сообщил он мне факт, проверенный мною на личном опыте.— Но кислорода в нем хватает, если пропустить через фильтры. Правда, это значит, что мы застряли здесь, внутри.

— Так и есть, мальчик мой,— беззаботно согласился я.— А что, снаружи есть место, куда тебе хотелось бы прогуляться?

За маленьким окошком открывалась лоснящаяся, укутанная туманом и испещренная лужами грязевая ширь.

— Я не о том, сэр,— объяснил он.— Я просто подумал — ну, нам не помешало бы размяться, и, может, сразу за горизонтом...

— Я бы сказал, что кора планеты только-только успокоилась. Эпоха интенсивной метеоритной бомбардировки и постоянных вулканических извержений, очевидно, ми-

новала. Континенты встают на свои места, вода собирается в бассейнах морей. На суше жизни нет, а может, ее нет вообще. Дистиллированная вода и химикаты, вымытые из верхних слоев почвы, стекают вниз. Возможно, пока набралась всего пара больших озер; земля такая плоская, что стоки не образуют рек. Вместо суши и моря одна лишь бесконечная равнина грязи. Никаких полярных льдов еще нет. Боюсь, этот мир не слишком разнообразен.

— И все же он современен двадцатому столетию? — засомневался Хельм.

— Он такой, какой стала бы линия ноль-ноль, если бы не целые серии маловероятных совпадений,— объяснил я ему,— создавших именно те условия, при которых возможно развитие жизни.

— Но, сэр, как примитивная жизнь влияет на такие штуки, как ледниковые периоды, вулканическая деятельность и так далее? — задал он очередной тревожный вопрос, словно убедить меня, что такого места нет, означало вытащить нас отсюда.

— Подумай,— предложил я.— Растительная жизнь возникла после того, как моря дистиллированной воды были загрязнены почвенными минералами. Первые растения, водоросли, расщепили имевшийся в избытке углекислый газ и высвободили кислород в атмосферу: второе великое загрязнение, на этот раз воздуха, благодаря которому стало возможным существование животной жизни. Такие животные, как, к примеру, кораллы, построили рифы, влияющие на океанические течения. Затем накапливающиеся растительные остатки дали начало угольным пластам, и, конечно, выделение углекислого газа животными, а также гниющими растениями привело к возникновению парникового эффекта, который оказал решающее воздействие на климат, количество осадков, эрозию и так далее.— Я напомнил сам себе разглагольствующего учителя естествознания в средней школе и посему заткнулся. Требовать продолжения Хельм не стал, что меня вполне устраивало, поскольку поверхностные объяснения у меня в любом случае закончились.

10

Я попросил Хельма заняться сканером и показал ему, как это делать. Сам же подошел к главному пульту, чтобы покрутить настройки.

— Синий счетчик прыгнул! — крикнул он.

Я уверил юношу, что так и должно быть: прибор измеряет сдвиг энтропии между челноком и окружающей средой. Остальные показания также не сильно отличались от стандартных, пока я не дошел до самого важного: временного градиента. Он оказался повышен.

— Да здесь разрыв больше тысячи лет,— определил я.

— В смысле? Хотите сказать...

— Хочу,— подтвердил я.— Мы застряли на уровне, где Карл Великий* только-только умер, если вернуться на линию ноль-ноль.

— Спасателям нас тут вовек не сыскать,— поник Хельм, таращась из открытого люка на движущиеся пласты тумана.— Но и им тоже,— уже веселее добавил он.

Я тоже смотрел наружу. Клочок тумана сместился, и я заметил очертания чего-то, не принадлежащего этому пейзажу: приземистой, богато украшенной коляски, которой не хватало только четверки вороных красавцев меринов в золотой упряжке, чтобы стать экипажем, достойным королевы. Одна дверца была распахнута, позволяя мельком разглядеть пурпурные атласные внутренности.

— Держись крепче,— велел я Хельму.— Хочу перебраться поближе к карете.

Я забрался на сиденье пилота и покатил. Челнок на воздушной тяге шел легко, несмотря на грязь, и я маневрировал, пока не устроился рядом с коляской и не совместил наши выходы.

— Еще дюйм, сэр! — крикнул Хельм.— Да, так, теперь идеально.

Вокруг люка в том месте, где два транспортных средства соприкасались, колыхалось розовое сияние. Я вернулся к управлению, а любопытный лейтенант изучал внутренности роскошного, но примитивного агрегата. На сиденье лежал белый сверток. И вопил.

— Djäveln! — выпалил Хельм.— Ребенок!

Я шагнул в экипаж, физический контакт с челноком создал энтропийный барьер между мной и окружающей средой. Розовый ореол подернулся рябью, но выдержал. Налицо утечка темпоральной энергии из несовершенного темпорального барьера. Я поднял мягкий, завернутый в одеяло сверток и уставился на мордочку крохотного йлокка. Курносую, беззубую и большеглазую. Сероватый лоб малыша был покрыт пушком, маленькая пухлая ручка бесцельно шарила по одеялу. Я пропал. Хельм топтался у меня за спиной и, споткнувшись, отпрянул, когда я шагнул назад.

— Сэр! — воскликнул он.— Эта странная повозка прямо как королевская карета — она больше, чем кажется!

Я уже обнаружил неприметную откидную панель на спинке сиденья. Хельм потянулся мимо меня и открыл ее, обнажив полностью оборудованную консоль полевого типа — не что иное, как пульт управления челноком.

— Вот крысы! — рявкнул Хельм, глядя на мой сверток.— Какого черта они бросили здесь ребенка? — Он ткнул пальцем в парчовый герб в углу белого одеяльца.— Родители у него, несомненно, люди влиятельные.

Последние слова он произнес почти торжественно. Как верноподданный шведской короны, он крайне почтительно относился к титулам — даже детским. Меня же больше трогала умильность юного зверька, запуская тот же инстинкт, что заставляет сук усыновлять новорожденных котят, а кошек — кормить крысят. Как бы то ни было, мы оба понимали: надо что-то делать.

— Если мы оставим его здесь, он попросту умрет,— мрачно сообщил Хельм.

— Это точно,— согласился я.— Но разве мы готовы нянчить младенца? У нас нет молочной смеси, нет подгузников и, самое главное, нет нужных навыков.

— Мы должны вернуть его домой! — выпалил лейтенант.

---

* Карл Великий умер 28 января 814 года.

Я протянул ему малыша.

— Отличная мысль. А где его дом и как нам туда попасть?

Он пристально смотрел на миниатюрный пульт управления.

— Полковник,— уверенно начал он, но продолжил, приглушив голос,— может, мы... может, вы покопаетесь в приборах да выясните, как отправить эту штуку, откуда пришла? Должен быть способ...

— Давай поищем,— кивнул я.

Он принялся открывать ящики и ворошить их содержимое. Над простой панелью, которой не хватало большинства инструментов, необходимых для навигации по Сети, я заметил маленький экран, казавшийся каким-то правильным. Мой взгляд привлек размещенный сбоку от него ручной переключатель с забавным символом. Я щелкнул им, экран загорелся красным, затем розовым и наконец показал узор-паутину — несомненно, я напал на жилу. Хельм так и выразился, довольный, будто только что обнаружил самый желанный подарок под новогодней елкой.

— Это карта! — радостно сообщил он.

Я не разделял его энтузиазма, поскольку видел, что схема в основном отображает Желтую зону, в то время как остальная часть Сети едва очерчена.

— Полегче,— предупредил я.— Масштаб нам неизвестен. Впрочем, крупное ядро справа от центра, скорее всего, родной мир йлокков.

Я изучал узор блеклых пересекающихся линий, стараясь сопоставить его с хранящимися в памяти знакомыми схемами принадлежащей Империуму части Сети и расположением черной точки в Зоне на большой карте Манфреда. В левом нижнем углу лежала путаница линий, уходящая за край экрана. Линии в ней переплетались, многие резко обрывались, другие замыкались на самих себе.

— Такой детальной схемы Пустоши я еще не видел,— поделился я с Хельмом, указывая на участок хаоса.— Эти парни не совсем отстали по части сетевой технологии. Да одна такая карта оправдывает все наше путешествие!

— Но, сэр, а принц?! — выпалил Эмиль.— Мы должны вернуть его домой!

— У сетевых специалистов из Стокгольма ноль-ноль больше шансов определить почтовое отделение этого клопика, чем у нас,— заметил я.

— Сэр! — не унимался Хельм.— А как же, ну, карета? Мы не могли попасть именно в эту линию по чистой случайности! Они, наверное, хотели, чтобы мы ее нашли!

— Или хотел,— поправил я.— Возможно, кто-то, кого заботит благополучие малыша.

— Он тут совсем недолго,— вслух размышлял Хельм.— Подгузник сухой.

— Верно,— согласился я.— Похоже, мы и ребенок прибыли в одно и то же место практически одновременно. Ты прав: вряд ли это чистое совпадение.

— Кому? — размышлял Хельм.— Кому понадобилось заточить дитя — царственное дитя — в подобном месте? И зачем устраивать все так, чтобы бедняжку непременно спасли?

— Спасли? — удивился я.— Да он застрял здесь точно так же, как мы.

— Э... разумеется, сэр...— запинаясь, произнес Хельм, но затем решительно выпрямился.— Сэр, у нас есть машина и даже старая коляска — вы сказали, она тоже челнок! — Он оживился.— Мы можем его использовать. Если необходимо.

— Не знаю, Эмиль,— откровенно признался я.— Мы в стазисе. Похоже, наше восприятие времени субъективно, поскольку так устроена человеческая нервная система. А сколько именно времени прошло? Хронометр в челноке утверждает, что год. Но что такое год? Производное человеческого воображения...

— Сэр! — перебил Хельм.— Это время, необходимое для одного оборота Земли вокруг Солнца! При чем тут воображение?

— Очень даже при чем,— сообщил я.— Это до сих пор лишь идея; возможно, она довольно точно соответствует природному феномену, а может, всего лишь очередная фантазия. Философы еще не решили.

— Но, сэр, все знают...

— Годами все знали, что Земля плоская,— напомнил я ему,— и что Солнце вращается вокруг нее.

— Но они ошибались! — Хельм явно считал данное заявление эффектным.

— Ошибались? Любой идиот может поглядеть на море или степь и убедиться, что они плоские. Смотри: солнце ходит по небу каждый день, и оно встает над горизонтом на востоке, именно там, где должно, если по ночам проходит под землей. Ты отрицаешь очевидное!

— Я понял, сэр. Но у нас есть инструменты, которые не имеют никаких субъективных перекосов; они показывают, что происходит на самом деле.

— Подними домкратом ведущие колеса автомобиля и заведи мотор,— предложил я.— Спидометр покажет, что ты выжимаешь восемьдесят или девяносто.

— На самом деле,— поправил он,— он показывает только то, что колесо, к которому присоединен сенсор, вращается. Но это реальное явление. Спидометр его не воображает.

— Что демонстрирует, как сильно человеческое истолкование, основанное на предрассудках, влияет на наше понимание даже самых элементарных наблюдений, Эмиль.

— Ну,— начал юноша,— вообще-то это не важно...

— Верно. Что мы должны сделать, так это выбрать линию поведения и следовать ей. Пора мне принять решение. Я не могу свалить ответственность на младшего офицера.

Он согласно кивал.

— Я не имел в виду, сэр...

Я сообщил ему, что я в курсе, и отъехал от кареты. Она была покрыта блестящим черным лаком и выглядела новехонькой. На высоких колесах со спицами красовались литые резиновые шины.

— Это фальшивка,— сказал я Хельму.— Она явно сделана специально, чтобы заставить нас искать А-линию с устаревшей транспортной технологией. Но лак и резина — синтетические. Давай-ка выясним, что они пытались спрятать.

Я вновь сдал назад, чтобы совместить двери, на этот раз плотнее. Вспыхнул розовый ореол. Я вернулся в карету, нагибая голову под низким парчовым потолком.

— Сэр,— промолвил Хельм,— может, ее в девяностые сделали, когда те два итальянских парня построили первый, эээ, челнок. Может, они хотели замаскировать аппарат...

— Конечно,— согласился я.— Может. Если так, то это музейный экспонат, который следует вернуть домой. А пока я собираюсь его проверить.

Я вылез из салона и забрался на приподнятое сиденье кучера. Лошадей нет, значит, должен быть мотор. Так и оказалось. Я подозвал Хельма и показал ему элементы управления, спрятанные под изогнутым щитком, который в действительности был отнюдь не декоративной защитой от пыли, поднимаемой копытами лошадей. Проследив за проводами, я обнаружил компактную воздушную камеру и привод левого заднего колеса. Стоило коснуться рычага со значком «вперед», и высокая повозка мягко проехала несколько дюймов.

— Я тут подумал, сэр,— внес свою лепту Хельм, как только залез на козлы рядом со мной, продолжая прижимать к груди спящее дитя,— может, хозяева клопика маленько отстали от расписания. Собирались встрять до того, как мы найдем малыша, но промахнулись аккурат настолько, чтобы пропустить нас вперед.

— Не исключено,— признал я.— Но зачем им оставлять здесь ребенка, заманивать нас, чтобы мы нашли его, и мчаться на помощь, прежде чем мы попадем на крючок?

Ответа я не ожидал, но продолжал молча думать над вопросом. Кто-то, может йлоккские спецслужбы, а может, другой игрок, которого пока нет на сцене, изрядно потрудился, чтобы устроить нам ловушку. Несомненно, на то имелась причина.

Я велел Хельму сидеть тихо и готовиться к поездке, сам же слез и вернулся в челнок.

Мне как-то не хотелось бросать блестящую черную карету в нуль-времени. Любой музей Империума отдаст за

нее коллекцию динозавров юрского периода. Но я записал координаты места и приказал Хельму спуститься и пристегнуть ремни. Смовиа проспал всю эпопею с ребенком. Я не стал его будить. Бедняга, он не ложился с тех пор, как я притащил ему Свфта, по меньшей мере двадцать четыре субъективных часа, а я еще собирался его надуть!

— Эмиль,— тихо обратился я к парню,— я могу кое-что попробовать, но не знаю, что выйдет. Это рискованная уловка, которая никогда не применялась в полевых условиях. Либо мы снова начнем нормально двигаться, либо нас жестоко выкинет на очередной энтропийный уровень. Твое мнение?

— Мнение, сэр? — изумленно переспросил он.— Мой долг, сэр, исполнять приказы полковника...

— Хорошо,— согласился я. Мне не хотелось его расстраивать.— Тогда попробуем. Постарайся расслабиться и немного поспать.

Я подошел к пульту и вытащил приборные гнезда, для чего пришлось отключить предохранители. Идея была довольно проста: даже в кармане энтропии текут энергии. Не нормальные энергии проблионового потока, но более скрытые, хоть и не менее мощные силы, которые практически незаметны в нормальном континууме. Например, коварная девятая сила, которая заставляет работать законы «случайности», и десятая, отвечающая за сохранение момента импульса и благодаря которой кометы размером с пылинку, находящиеся в световом годе от нас, ловко разворачиваются по дуге и возвращаются из мест, где Солнце — лишь ярчайшая звезда на небосклоне. Если запустить перекрестное управление, применив регулировочное давление, стремящееся выдавить челнок из его текущей А-линии, и, одновременно загнув энтропийное давление, стремящееся обратить вспять наше А-энтропийное движение, два энергетических потока окажутся направлены по противоположным векторам: непреодолимая сила столкнется с непреодолимой силой, и челнок выскочит, точно семечко из арбуза,— или же взорвется.

Меня потряхивало. В сетевых лабораториях мы както раз поставили небольшой эксперимент с участием всего лишь одного нейтрона, и в результате целое крыло отправилось в область нереализованных возможностей. Но других идей у меня не было. Настройка займет всего пару секунд, надо лишь развернуть волноводы и разъемы: затем я выжму рычаг «полный вперед» и посмотрю, что получится. Простая серая пластиковая рукоятка казалась розоватой — энтропийный ореол, указывающий на утечку связанных энергий вселенной. Я выжал рычаг. Мир взорвался.

11

— ...по крайней мере, так мне показалось,— объяснял я Эмилю, который снова склонился надо мной.— Как ни приду в себя, вечно встречаю твой встревоженный взгляд.

Он усмехнулся и кивнул.

— Все очень... ну, исказилось, сэр,— сообщил он, точно его слова что-то значили для меня. Он оглядел тесную кабину, словно ожидал, что это, что бы под «этим» ни подразумевалось, случится вновь.— Меня словно... скрутило, сэр,— серьезно объяснил он.— Оно, может, всего секунду длилось, но мне показалось, что целую вечность.— Он приложил ладонь к верху живота.— Это было ужасно, сэр, но прошло, и все стало как прежде, не считая того, что вы потеряли сознание, сэр. Только я попытался привести вас в чувство, как вы заговорили. Сказали, что все взорвалось. Но ничего не взорвалось, полковник! — Для разнообразия он не извинился, что возражает мне.

— Что видно снаружи? — поинтересовался я и довольно легко встал и сделал два шага, необходимых, чтобы глянуть на обзорный экран.

И сразу же обнаружил, что грязевой пейзаж исчез. Его сменил промозглый день в Новой Англии* с голыми дере-

* Новая Англия — название исторически сложившегося района в северо-восточной части США.

вьями и мокрыми листьями на земле. Судя по движениям голых веток и летающему растительному мусору, дул свежий ветер. С порывами ветра носились брызги дождя. Неподалеку, в сотне ярдов по раздолбанной дороге, виднелся домик — полуземлянка с дерновой крышей. В окне из оправленных в свинец бутылочных донышек горел свет. Из кривой трубы, торчавшей из влажной почвы рядом с самым большим деревом в округе, поднимался дым. Создавалось впечатление обширных подземных построек, и все же это была наиболее уютная часть картины. Пока мы наблюдали, высокий йлокк в красном трико выбежал из-за дома, если это был дом, и на четвереньках рванул по дороге прямиком к челноку. Чужак остановился в нескольких футах, ткнулся носом в землю и принялся обнюхивать нашу машину.

— Полковник,— произнес Хельм.— Он знает, что здесь что-то есть! Может...

— Давай с ним побеседуем,— предложил я и потянулся к тумблеру внешней связи, но засомневался в своем владении йлоккской речью. Свфт дал мне пару наводок на грамматику — она была довольно простой,— и при помощи нескольких склонных к сотрудничеству пленников мы разработали ускоренный курс обучения основам языка, достаточный для наспех записанной гипнопленки. Однако я провел в кодировщике совсем мало времени и не успел пройти обычную постгипнотическую подготовку. Я спросил у Хельма, не знает ли он языка. Он не знал.

Затем из своего отсека, почесывая в затылке, ощупью вылез Смовиа.

— Ну и чертовщина же мне приснилась,— пробормотал он.— Будто меня поймал тайфун и вывернул наизнанку. Все было реально, как эти стены, даже еще реальнее! Честное слово, я с таким облегчением проснулся и нашел свою двенадцатиперстную кишку на положенном месте. Что происходит — и что это такое? — Он уставился на ребенка, которого все еще держал Хельм. Лейтенант показал ему мордочку мирно дремлющего крысенка.

— Мы... мы нашли его,— объяснил он.— Оно... он был брошен в разукрашенной карете там, в грязи. Бедный малыш.

— Какой еще карете? — недоумевал Смовиа.— Какой еще грязи? — Он выглянул на улицу, но никаких ответов не обнаружил.— Что здесь делает ребенок? Как он сюда попал? И куда — «сюда»?

— Не знаю,— ответил я.— Малыш лежал в замаскированном челноке наподобие этого, но не в нашем. Где мы, понятия не имею, не считая того, что вроде бы успешно пробрались в Желтую зону и переместились сюда: здесь несколько более «нормально».— Я обвел рукой вид на дорогу и домик.

— Желтую зону? — переспросил доктор, одновременно забирая спеленатого ребенка у Хельма.— Кажется, припоминаю. А разве вы не говорили, что это запрещенный сектор, куда нельзя входить ни при каких обстоятельствах? — Он был скорее сердит, чем напуган.

— Обычно да. Но следы, оставленные йлокками, вели прямиком в Зону. Поэтому для нас решили сделать исключение.

— А почему она, собственно, запрещена? — спросил меня док.

— Мы потеряли сначала один челнок, потом другие. После третьего — вторые два экипажа были специально снаряжены и проинструктированы — постановили огибать Зону в ходе разведки и вернуться к ней позже, когда, предположительно, наши технологии продвинутся вперед и смогут справиться с тем, что пожирает машины и людей.

— Если они не сумели вернуться,— не унимался Смовиа,— почему вы решили, что сумеем мы?

— Я так не решил. По крайней мере, не наверняка. Но я надеюсь и даже рассчитываю разузнать что-нибудь, что нам поможет.

— Здесь, в этой заброшенной деревне? — взвился Смовиа, после чего принялся успокаивать ребенка, который с плачем проснулся.

— Моя теория,— сообщил я ему,— заключается в том, что Зона — это еще одна Пустошь, возникшая, как и наша, в результате неудачных сетевых экспериментов, но, возможно, с менее жестокими последствиями. Здесь имеется по меньшей мере один островок относительной нормальности — тот, с которого прибыли наши захватчики. Могут быть и другие. Думаю, мы уже близко. Я еще не закончил анализ данных, которые хранят наши приборы, чтобы убедиться в своей правоте.

— Ну так заканчивайте во что бы то ни стало,— настаивал Смовиа.— И поскорее, полковник, если не сложно. Если честно, хотелось бы знать, не пора ли уже заносить меня в список пропавших без вести, а то эта неопределенность портит пищеварение, хотя мне уже довольно давно нечего переваривать. Шшш, тише, детка.— Он снова занялся малышом у себя на руках.— Все хорошо...— Он умолк и с надеждой посмотрел на меня.— Все действительно хорошо, правда же, полковник Баярд?

— Смотрите! — встрял Хельм. Он указывал на экран, на котором появилась небольшая группа высоких, тощих, клонящихся вперед существ. Их следы вели к извилистой линии, исчезавшей вдалеке.

— Это крысюки! — задохнулся Смовиа.— Наверное, ищут ребенка. Нам лучше...

Прежде чем он договорил, один из крысюков в авангарде группы глянул в нашу сторону, увидел что-то интересное и предупредил остальных. Они сбились в кучу и угрожающе направились к нам. Затем один пошарил в кармане шинели и извлек револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра — табельное оружие ТСН. Определенно, он ветеран вторжения и это его трофей. Он направил его на йлокка в красном, который стоял спиной к ним, оружие дернулось в длинной тощей лапе ветерана, крысюк в красном крутанулся на месте и упал на спину. Остальные мигом рассыпались, пригибаясь, разбежались во всех направлениях за пределы нашего поля зрения.

— Полковник! — выпалил Хельм.— Они хладнокровно убили этого типа!

— Температура жидкости в их жилах мне неизвестна,— возразил я,— но они застрелили его, это верно.

Смовиа протиснулся поближе и глянул мне через плечо.

— Мы должны помочь этому... эээ... парню,— решил он.— Вроде бы пуля попала ему в плечо. Возможно, рана не смертельная.

— Дело плохо, док,— добавил Хельм.— Не получится. Он снаружи, а мы внутри.

Группа йлокков вернулась. Им не было дела до раненого: они крутились вокруг челнока, словно ощущали его незримое присутствие.

— Эти ребята знают, что мы здесь,— заявил Хельм.— Крысы!

— Интересно,— вставил Смовиа,— они похитили ребенка или же явились его спасти?

— Похитили,— постановил Хельм.— Вы же видели, как они убили того парня. Они преступники, это точно.

— Но что, если как раз тот, кого они застрелили, был одним из похитителей? — возразил Смовиа.

— В любом случае,— ответил Хельм,— мы не можем вот так сидеть и ждать, пока он истечет кровью.— Он повернулся ко мне.— Полковник, нельзя ли подобраться поближе и подцепить его багром? Так...

— Сперва надо слиться с линией,— указал я.— А это зависит от градиента энтропии, который у нас зашкаливает, как ты помнишь.

Шайка йлокков снаружи полностью вышла из широкого поля зрения видеосистемы.

— Парень прав,— поддержал юношу Смовиа.— Надо попробовать. Есть у нас что-то типа крюка?

— Стандартный комплект,— ответил я.— Складной, хранится вот здесь, в ящике.

Доктор вынул инструмент и пытался расположить его так, чтобы было куда раздвигать, когда Хельм вскрикнул. Я проследил его взгляд: раненый йлокк полз к нам. Он подобрался поближе и обмяк, вытянув вперед одну похожую на клешню руку. Пора было принимать решение: эта простертая, словно в мольбе, рука сделала это за меня.

Я установил вокруг люка энтропийный купол и открыл шлюз. Раненый йлокк сначала озадаченно пошарил вокруг, затем в отверстии появилась заостренная морда, и я обнаружил, что гляжу на Свфта, генерала чужаков, которого в последний раз видел в госпитале. Он узнал меня на мгновение раньше, чем я понял, кто передо мной.

— Полковник! — задохнулся он, прополз еще шесть дюймов и обмяк.

Смовиа отступил, инстинктивно защищая ребенка.

— Мы должны...— умудрился выговорить Свфт и умолк.

Оставив малыша в кресле, доктор вернулся со своим чемоданчиком, перевернул генерала на бок, срезал трико и начал прощупывать. Затем воспользовался каким-то уродливым инструментом и через мгновение со звоном, показавшимся слишком громким, бросил бесформенную пулю на металлический поддон.

— Почему на тебе красные подштанники? — спросил я у Свфта.

— Застали врасплох,— выдохнул тот.— Не успел облачиться в форму.

— Рана чистая,— заметил Смовиа.— Кости и крупные сосуды не задеты. Нервы, полагаю, тоже в порядке. Я не слишком хорошо знаю их анатомию, разумеется.

Свфт пронзительно застонал и перекатился на другой бок. Смовиа заворчал, повернул его обратно, попросил Хельма подержать и принялся намазывать лекарство.

— Надо исключить заражение и унять боль,— пояснил он, наложил повязку и встал.— Через пару дней будет как новенький.

— Но что нам делать несколько дней с раненой крысой? — едва не взвыл Хельм.— Помогать ему еще куда ни шло, но тут и без него тесно!

— Нет проблем,— сказал я.— Выброси его обратно под дождь.

Хельм и Смовиа уставились на меня, доктор улыбался краешком рта.

— Сэр! Вы же не станете...— выпалил Хельм.

— Верно, не стану,— согласился я.— Ты собирался предложить...

— Ну, полковник,— начал он,— что до этого, я... что ж, сэр, наверное... наверное, я вышел за рамки... снова.

— Все в порядке, Эмиль,— успокоил его я.— На ошибках учатся. Давайте уложим его в койку.

— Чью койку, сэр? — поинтересовался Хельм.

— Твою,— ехидно отозвался Смовиа.— Ты у нас младший офицер. Меня назначили подполковником.

— Попозже,— предложил я,— освободим вспомогательную кладовку и устроим его там.

— Разумеется, сэр,— согласился Хельм.— Я охотно...

— Полковник сказал «попозже», сынок,— напомнил ему доктор.

Свфт зашевелился, открыл глаза и начал искать меня. Когда мы встретились взглядами, он, задыхаясь, произнес:

— Полковник! Мы должны как можно скорее убраться отсюда! Мы в Запустении! Ты не представляешь!..

— Может, и представляю,— поправил я.— У нас, если помнишь, имеется своя Пустошь, которая окружает линию ноль-ноль.

Он продолжил расписывать полное, ммм, запустение Запустения. Вышедшие из-под контроля эксперименты создали здесь щель, или разрыв, в фундаментальном цикле творения и разрушения, результат чего мы видим снаружи. Жизнь тут не благоденствует.

— Что за ребята тебя подстрелили? — спросил я его невпопад.

На его лице отразилось удивление, если я правильно истолковал выражение чужака.

— С чего ты взял, что меня подстрелили?

— Врач только что извлек пулю,— сообщил я ему.

— Пулю? — не понял он.— А, это ваше метательное оружие. Ты же знаешь, у нас нет таких ружей. Так что, может, это кто-то из ваших парней, эээ, подстрелил меня?

— Там была группа йлокков. Похоже, их очень интересовала карета.

На этот раз я точно знал, что он удивлен.

— Пожалуйста, объясни.— В голосе его звучала мольба.— Согласно моему инструктажу, карета — это влекомая животными повозка, вышедшая из обихода лет сто назад.

— Не считая,— вставил лейтенант Хельм,— особых обстоятельств, таких как королевские торжественные церемонии.

— Опиши ее,— напряженно настаивал Свфт.

Хельм описал.

— Гербы,— не унимался Свфт.— Какие гербы?

— В черном поле грифон златой,— сообщил Хельм.— Три звезды черные на перевязи серебряной.

Свфт кивнул, затем с внезапным «клац!» острых, точно иглы, зубов, дернулся и перекатился на четвереньки.

— Теперь все ясно,— процедил он.— Гнусный заговор внутри заговора, выношенный в самом дворце...— Он умолк, поднял голову и уставился на меня.— Но как вы?..

— Ничего,— ответил я.— Мы ехали по своим делам и наткнулись на карету, она просто торчала там...

— А тягловые животные, квайны? — вопрошал он.— А слуги?..

— Кучера не было,— отрезал я.— Лакеев не было. Няни не было...

Он перебил меня воплем:

— А принца?

— Принца тоже не было,— подал голос Смовиа.

Я удивленно посмотрел на него. Почему он лжет?

— Больше похоже на принцессу,— пояснил доктор на немецком, который, похоже, в инструктаж Свфта не входил.

Генерал забился как можно дальше в угол и продолжал скалить на нас здоровенные резцы.

— Полегче, генерал,— начал я, но Свфт взорвался:

— Тогда как?!..— Он опомнился и понизил голос.— Почему ты сказал, что не было именно няни? А? Говори! Предупреждаю, в этом деле со мной шутки плохи! Говори!

— Потише, вы! — перебил Хельм.— К полковнику следует обращаться с уважением, сэр!

— Конечно,— проворчал Свфт. Он явно сдерживался из последних сил.— Умоляю вас, полковник Баярд, если вы что-либо знаете о...— Он сменил тему.— Те свиньи, что меня подстрелили. Куда они отправились?

— Убежали,— ответил я.— Мы не видели куда.

— Я их заметил,— холодно сказал Свфт.— Но и представить не мог, что подобные особы опустятся до убийства. Среди них были лорд хранитель печати Сктл, и генерал Рсти, и несколько юнцов из гвардии, и... измена! — завыл он.— Грандиозная измена! Это невыносимо!

— Расслабься пока, Свфт,— посоветовал я, затем попросил Смовиа показать ему ребенка.

Тот кивнул, нырнул в свой отсек и через мгновение уже протягивал спящее дитя раненому генералу, который вскочил на задние лапы и коротко попискивал в экстазе.

— Ваше королевское высочество,— подвывал он, глядя на крохотное личико. Потом взглянул на меня.— С ним все в порядке? Они не...

В этот миг малышка завизжала, и Свфт чуть не уронил ее.

— Генерал,— спросил я его,— почему ты говоришь о девочке в мужском роде?

— Девочке? — Он чуть не уронил ее снова.

Смовиа вмешался и забрал кроху.

— Неужели? — спросил себя Свфт.— Возможно ли, что все мы... что все Движение основывается на лжи? Ну конечно! Это многое объясняет!

— Похоже, я медленно соображаю,— пожаловался я.— До меня пока не дошло.

— Джентльмены,— обратился он к нам официальным тоном,— Наиблагороднейшая у вас в долгу. Само Правление должно признать этот долг. Благодарю вас.

— Думаешь, эти парни не пощадили бы кроху? — поинтересовался я.

— Они убили бы его, а ее тем более,— ответил генерал.— Видишь ли, вопрос о наследовании вызвал серьезные разногласия. Сие дитя, кое некие изменники полагают самозванцем, ключ к судьбе Великого Йлокка. Мы

должны вести себя с крайней осторожностью, не то добавим еще одно несчастье к тем, что уже обрушились на Великий Йлокк.

— Типа вашего идиотского вторжения,— уточнил я.

Как ни странно, он кивнул.

— Я сделал все, что смог.

— Погоди-ка,— перебил я.— Ты же распинался, что сам все придумал.

Он уставился в пол.

— В любом случае, честь моя страдает,— пробормотал он.— Я солгал тебе, полковник: меня приговорили к смерти за несогласие с планом, уже одобренным Наиблагороднейшей. Это не я, а Гргсдн... не важно. Я не мог признать, полковник, что был побежден, повержен. Я продолжал притворяться даже перед самим собой, что все в моей власти. Лучше бы ты позволил мне умереть.

— Не так уж страшно выставить себя дураком,— утешил я.— Со мной это случалось сотни раз. Переживешь. А кто такой Гргсдн?

Свфт зарычал, оскалив резцы.

— Он — скользкий мерзавец, демагог и изменник, чьи гнусные советы исподволь проникли в умы Правления. Он надеется свергнуть древнюю династию и поселить в Нефритовом дворце свой собственный гадкий клан! — генерал умолк, явно подавленный чудовищностью того, о чем говорил.

— А при чем здесь ребенок? — давил я.— И почему ее оставили здесь, в Желтой зоне?

Свфт вздрогнул.

— Они бросят вызов Наиблагороднейшей,— прорычал он.— Потребуют предъявить вероятного наследника. А когда она не сможет этого сделать, вся система рухнет. Последние остатки мира и порядка, пережившие мор, растворятся в хаосе. Я надеялся, что, возможно...— Он осекся и косо глянул на меня своими сбивающими с толку красными глазками.— Как-нибудь эта авантюра... вторжение... сможет разрушить их план и предоставит мне возможность сплотить Правые силы. Иначе...

— Ух ты, Правые силы? — переспросил я.— Наверное, это значит «на нашей стороне». А вот которая это сторона — зависит от того, кто говорит.

— Мое дело — правое! — настаивал Свфт.— Учти: Королевский Дом мудро правил десять тысяч лет, с тех самых пор, как Завоеватель замирил баронов. То есть пока не явился мор. Чума повергла наш мир в хаос. Конечно, всегда находились инакомыслящие. Разве Эван не была изгнана из Рая? Они ухватились за беспорядок, обвиняя в море Великий Дом, чтобы привлечь сторонников. Появилась фальшивая претендентка на трон, марионетка, и толпы невежд приветствовали ее, надеясь на благосклонность после утверждения этой выскочки в Нефритовом дворце. Самого Гргсдна видят редко, что только добавляет ему обаяния. Приверженцы несут его нелепое послание. Глупцы! В расчете на личную выгоду они хотят сменить древний порядок на новую власть, продажную и корыстолюбивую!

12

— Весьма прискорбно, генерал,— осторожно посочувствовал ему я, памятуя, что беседа записывается.— Но политика Империума заключается в том, чтобы избегать какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела других А-линий.

— Но это не просто мелкая внутренняя свара, полковник,— возразил Свфт.— До пришествия этих «двузаконных» подлецов, как они сами себя называют, Йлокк был мирной землей, богатой всем, что делает жизнь приятной. Наши леса давали богатый урожай орехов и фруктов, а также основной пищи, клубней и грибов. Мы жили в достатке, равно благородно и просто, всего было вдоволь, собирай кто хочешь. Но затем ДЗ начали мутить воду, внушать людям, что те не должны прикладывать никаких усилий к добыче пищи и крыши над головой — мол, Королевская Ложа обязана снабжать подданных всем, причем в фабричной упаковке. Наши праздники были радостны-

ми сборищами, когда все, и знать, и простолюдины, отправлялись в девственные лиственные леса, дабы насобирать пищи на год. Кто больше старался, тот лучше ел. Смутьяны-ДЗ осудили этот обычай, заявив, что все должны питаться одинаково.

— Что еще за «два закона»? — перебил Эмиль.

— Эти кретины,— резко произнес Свфт,— вбили себе в голову забавную вещь, будто бы законами природы можно манипулировать и даже вовсе их отменить. Всем известны три великих закона движения. Революционеры без всяких на то оснований заявляют, что закон, который утверждает, что «любому действию всегда препятствует равное и противоположное противодействие»,— изобретение Великого Дома и что на самом деле только два закона движения являются фундаментальными.

— Это первый или третий закон Ньютона, сэр? — уточнил у меня Хельм.

Я не знал*.

— Это другой способ сказать «ничего не дается даром». И эти жулики действительно сумели убедить людей, что законы природы можно изменить? — скептически спросил я у Свфта.

— Это было даже слишком легко,— ответил он.— Поскольку именно это они и хотели услышать. «Зачем работать в лесу?» — вот что они теперь спрашивают. «Разве королевские закрома, защищенные от ййлпов, не могут щедро оделить всех?»

— А они не думают, кто будет наполнять эти закрома? — спросил Эмиль.

— Отнюдь. Гргсдн и его сторонники-глупцы внушают им, что клан Благородных следует заставить все время заниматься собирательством. Увы, даже эта низкая уловка не поможет — благородных слишком мало. В конце концов, их предки получили титул за доблесть, проявленную в сборе пищи на благо государства. Очень немногие добились сего звания, которое наследуется, лишь пока жив первый лорд, так что тот, кто много работал, может числить наградой блаженство видеть процветание правнуков и даже праправнуков. Сей вековой порядок мира и благоденствия был нарушен коварными пропагандистами. Любые организованные усилия прекратились. Люди голодали, если только не прибегали к каннибализму, что, разумеется, привело к эпидемиям, увенчавшимся мором. Затем приспешники Гргсдна взяли приступом Клубковый отдел и обнаружили нашу способность исследовать вселенную альтернативных энергетических состояний, после чего объявили крестовый поход...

* Третий.

— То бишь вторжение,— перевел Хельм.

— В действительности — широкомасштабный поход за рабами,— признался Свфт.— Его цель — приобрести дешевую рабочую силу, чтобы заменить нормальные усилия Народа.

— Ну и глупо,— заметил я.

— Да, теперь и я так считаю,— согласился Свфт, качая головой.— Думаю, я тоже был в некоторой степени прельщен перспективой вечного отдыха для всех, пока покоренные виды трудятся за нас. Так что, как видишь,— заключил он,— внутренняя свара йлокков оказалась важной для обоих наших видов.

— А мы-то что, по-твоему, можем в связи с этим предпринять? — спросил я его.— Теперь я понимаю, почему ты рискнул отправиться на поиски нас. Мы единственная твоя связь с человечеством и единственная надежда.

— Вам довольно легко сокрушить и обезоружить шакалов-ДЗ,— заявил Свфт, словно это и вправду было так очевидно, что можно не вдаваться в детали.— Одного вашего хитрого оружия достаточно, чтобы заставить их отступить и свернуть свою деятельность. Как я уже говорил, мы народ не воинственный.

— Эти революционеры сидят все вместе, их можно окружить и разоружить? — спросил Хельм.— Я бы не прочь вам подсобить.

Свфт непонятно качнул головой: он перепутал жесты и начал кивать головой в знак несогласия и мотать, соглашаясь.

— Они захватили Нефритовый дворец и Правительственный комплекс,— сообщил он.— И конечно же, технический отдел. Все их лидеры там, но обманутые приверженцы — повсюду.

— Странное имя — Гргсдн,— заметил я.— Я обратил внимание, что в большинстве ваших имен один слог.

— Он и сам странный тип,— согласился Свфт.— Появился из ниоткуда и тут же развернул агитацию. Земля полнится слухами о его странных занятиях. Я проявил беспечность, не собрав о нем информацию по горячим следам. А потом среди доброго народа Йлокка распространилась идеология Двух Законов с ее верными спутниками, изменами, и стало слишком поздно заключать негодяя под стражу. Расположение его штаб-квартиры держится в тайне и часто меняется.

— Если мы пленим этого Гргсдна и он публично отречется и велит людям вернуться к привычному ходу вещей, это положит конец восстанию?

— Я тщательно обдумывал эту возможность,— ответил Свфт,— рассматривая, разумеется, себя в роли того, кто возьмет его в плен, и все же испытываю сомнения: положения ДЗ привлекательны для столь многих. Но теперь,— продолжал он,— когда принцесса в безопасности под нашей опекой, мы можем изобличить их гнусную ложь, что, мол, Великий Дом угасает и неспособен произвести на свет наследницу, будущую императрицу. Уверен, что широкие слои Благородного народа жаждут возвращения старых обычаев. Да, теперь нам это под силу! Вы поможете? — взмолился он.

Из отсека Смовиа донесся детский крик.

— Что скажешь, Эмиль? — осведомился я у своего юного помощника.— Попробуем?

— Я за, сэр! — с энтузиазмом откликнулся он.— Но разумеется, сэр, я едва ли...

— Нет такого слова, лейтенант,— напомнил я ему и обратился к Свфту: — Заключим сделку, генерал. Мы вам поможем, а вы остановите вторжение.

— Всеми силами! С радостью! Мы никогда не забудем вашего великодушия! — выпалил он.

— Но я ничего не гарантирую,— напомнил я.— Что это за здание, из которого ты вышел?

— Наш полевой штаб,— объяснил он.— Вспомогательная постройка, о которой мало кто знает.

— А те парни, что тебя подстрелили?

Он несогласно кивнул.

— Никто не мог...

— Кто-то же бросил ребенка,— напомнил я ему.— Может, они вернулись за ним. Кстати, а ты что тут делал?

— Обычная проверка, ничего более,— отмахнулся от вопроса Свфт.— В конце концов, мои обязанности...

— Ты преследовал этих парней, генерал? — спросил я.— Или они преследовали тебя?

— Невозможно,— задохнулся Свфт.— Наши наиболее тщательно охраняемые секреты...

— Думаю, ребенка тоже тщательно охраняли,— вставил я.

Свфт постарался сесть прямо: поза в лучшем случае неудобная для существа со столь змееподобным телосложением.

— Полковник,— серьезно обратился ко мне он.— Похоже, недовольство простирается глубже, чем я предполагал. Если агенты Гргсдна смогли проникнуть в сам Нефритовый дворец, а затем и в здания парламента, значит, совсем рядом с императрицей находится предатель. Не знаю...

Он потерял сознание, и Смовиа поспешил заняться им.

13

— Полковник, сэр,— настойчиво обратился ко мне Хельм.— Давайте, а? Давайте поможем им. Если он говорит правду...

— Вот именно, лейтенант,— оборвал я.— Насколько мы знаем, Свфт и сам может являться похитителем и предводителем мятежа, если здесь вообще имеет место мятеж.

— Да вряд ли, сэр,— произнес Хельм с сомнением.— Эти ребята и правда подстрелили его, как только увидели. Не думаю, чтоб честные парни так поступили.

— Императорские гвардейцы в погоне за похитителем принцессы — запросто,— предположил я.

— Он и раньше вам лгал,— напомнил Хельм.— Насчет того, что сам придумал вторжение, и так далее.

— Конечно, но я ему не поверил. Верховный командующий не стал бы ошиваться один-одинешенек вдали от основных боев.

— Поживем — увидим,— хмыкнул Хельм.

— Он даже не знал, что его драгоценное украденное дитя — девочка.— Я рассуждал вслух.— Как по-твоему, верный генерал императрицы был бы в курсе?

— Нет, если это государственная тайна,— возразил Эмиль.

— С какой стати этому быть государственной тайной? — спросил я.

— Да с той,— подал с пола реплику Свфт,— что рождение законной наследницы, несомненно, стало бы большим подспорьем для верноподданных и ребенок подвергся бы явной опасности. Поэтому Великий Дом объявил о рождении сына, дабы свести реакцию к минимуму.

— Бесполезно, слухи мигом бы поползли,— отважился Эмиль.— И мятежники вполне смогли бы диктовать условия.

— Точно,— согласился Свфт.— Конечно, если бы о ее существовании стало известно, клика Гргсдна стала бы рассматривать дитя как угрозу. Но уловка хотя бы обеспечила безопасность ее высочества, по крайней мере, от заговорщиков.

— Но почему ты бросил ее в Зоне? — спросил я его.

Он беспомощно посмотрел на меня.

— Ладно,— признал он.— Я похитил ее высочество, чтобы спасти ей жизнь. Каким-то образом они последовали за мной. Пришлось бросить карету в полуфазе и отступить на станцию, чтобы...— Он осекся.— Я обнаружил ваше присутствие здесь. Этот уровень — государственная тайна.— Он глянул на меня, как бы желая сказать «все только между нами».— Экспериментальный, понимаешь?

Я кивнул, словно и впрямь понимал, что это означает.

Свфт окинул взглядом промозглый пейзаж.

— На время их планы расстроены,— продолжил он,— но я не вижу оснований для оптимизма в текущей ситуации. Это очень негостеприимная линия,— говорил он.— Даже постройка того скромного сооружения, которое вы видите перед собой, истощила все наши ресурсы. Здесь нет местной жизни, здесь нечего есть. Припасы приходится брать с собой, а мусор — вывозить, согласно политике Правления.

— Нам тоже,— пожаловался я.— А как насчет близких соседних линий?

— Не лучше,— ответил генерал пришельцев.— В конце концов, мы в Запустении.

— Мы зовем его Желтой зоной,— сообщил я,— и результаты нашей осторожной разведки здешних мест воодушевляют не больше.

— Мы в опасности. Они снова нанесут удар,— заявил Свфт, вновь слабо проявив энтузиазм.— Нам следует убраться отсюда как можно скорее.

Он приумолк и нерешительно взглянул на меня. Я потихоньку учился читать выражения его лица, благо их было не много.

— Я прав, полковник? — спросил он, словно ожидая немедленного согласия.

— Не знаю, возможно ли это. У нас в некотором роде авария. Я не собирался останавливаться здесь.

— За это можешь винить или благодарить меня, полковник,— сказал он.— Это я воздвиг защитное поле, чтобы задержать вас. Сожалею, но это действительно было необходимо.

— Как ты узнал, что мы идем этим путем? — задал я следующий вопрос.

Он как бы пожал плечами — очередной жест, подсмотренный у люри, хотя телосложение ему особо не позволяло.

— У нас довольно чуткие следящие устройства,— сообщил он.— Я знал, что кто-то — возможно, ты сам, полковник,— отправится за мной в погоню, поэтому настро-

ил прибор на первого, кто встанет на мой след, и остановил вас здесь, на своей дальней стоянке.

— Думаю, с моей стороны чертовски глупо напрямую ломануться по твоему следу,— признал я.

Он отмахнулся.

— Едва ли, сэр. У вас не было выбора. Здесь, в Запустении, можно блуждать целую вечность, да так и не найти пути.— Он явственно содрогнулся.— Участь слишком печальная, чтобы задумываться о ней.

— Текущая ситуация, пожалуй, мало от нее отличается,— заметил я,— не считая того, что мы навечно застряли на месте.

— Никоим образом, полковник,— возразил Свфт.— Ты забыл, что здесь моя стоянка.— Он махнул рукой на обзорный экран.— Если ты подведешь свое транспортное средство к энтропийному шлюзу, который находится вон там, сбоку...

Я посмотрел и увидел что-то вроде дверцы погреба, установленной под наклоном к стене.

— Надо только пристроиться, совместить потоки энергии, и через мгновение мы окажемся в безопасности внутри,— уверенно сказал Свфт.

— Полковник! — воскликнул Хельм.— Если нам не удастся идеально совместить частоты в момент перехода, не выкинет ли нас в...— Он умолк, словно сообразив, что не знает и даже представить не может, куда нас выкинет.

— Выкинет, Эмиль,— согласился я.— Если мы не совместим частоты, проблионовый поток и еще пару переменных. Но я не намерен проявлять подобную опрометчивость.

Мне и в голову не пришло отказаться от попытки: перспектива спасения из этого тупика была слишком заманчива, чтобы ее могло перевесить любое количество осторожности.

Так что я снова провел челнок по земле, какового действия инструкции рекомендуют избегать, кроме как в случаях крайней необходимости; полагаю, это она самая и

была. На этот раз я хотя бы ехал по дороге: дальняя стоянка Свфта явно была организована таким образом, чтобы машины могли постоянно сновать туда и сюда. Вблизи оказалось, что домик построен из бетона, старательно разрисованного и выветренного с целью придания сходства с примитивной дранкой. Маленькая дверь, с виду из крепко сколоченных неструганых досок, располагалась под углом, и мне пришлось на несколько дюймов приподнять челнок на воздушной подушке. Выровнявшись, я синхронизировался с местным градиентом и спросил Свфта:

— Теперь нужны какие-то особые маневры?

— Позволь мне, полковник,— попросил он, подошел к пульту и кое-что настроил с дарованной опытом легкостью.

Возник розовый ореол, затем поблек, превратившись из бледно-лилового в блекло-голубой.

— Готово, сэр,— крикнул Свфт.— Можно открывать?

— Ты и своей шеей рискуешь,— напомнил я.— А также шеей ее высочества.

— Секундочку! — вмешался Смовиа. Он снова держал ребенка на руках. Когда-нибудь парень станет хорошим отцом.— Вы собираетесь рисковать благополучием девочки, полковник?

— Мы все в одной лодке, доктор,— напомнил я ему.— Это единственный способ вытащить ее — и нас — из заточения.

— Простите, сэр. Конечно,— извинился он.

Я кивнул Свфту. Огни погасли.

— Полковник! Да здесь темно! — взвизгнул Хельм.

— Тонкое наблюдение, лейтенант,— заметил я чуть более саркастично, чем намеревался.— Расслабься,— добавил я по возможности менее резко.

В конце концов, у парня это первое путешествие за грань, и он не прошел обычной шестинедельной подготовки.

— Это всего лишь мгновенный стазис, пока наш энтропийный потенциал выравнивается с энтропийным потенциалом последней порции проблиона,— объяснил я,

подозревая, что эти слова, в свою очередь, нуждаются в расшифровке.

Свфт покрутил настройки, и свет загорелся. Генерал испросил разрешения на высадку, я кивнул, и он шагнул через порог. Я последовал за ним, не испытывая ничего необычного. Хельм шел следом. Мы оказались в запущенного вида кладовой, где полки прогибались под тяжестью нескольких картонных коробок и завернутых в пластик электронных узлов. Все покрывал слой серой пыли.

Генерал провел нас через дверь, на сей раз бесшовную композитную панель, в комнату наподобие лаборатории со множеством незнакомых механизмов и парочкой привычных устройств, причем весьма продвинутых. Пыли здесь было меньше, а света больше. Свфт направился прямиком к насиженному рабочему месту, щелкнул выключателем и принялся внимательно изучать показания приборов. Садиться он не стал, но весь как-то скрючился над столом. Мне это показалось неудобным, но во мне-то не шесть футов четыре дюйма роста при двенадцати дюймах в диаметре.

— Отлично,— радостно сказал он и распрямился.

Мы ждали продолжения.

— Потенциал на рабочем уровне, сцепление вне опасности,— спокойно заявил он.— В действительности я немного беспокоился из-за того, что эти типы путались здесь, оставляя неучтенные следы, однако базовое поле не нарушено. Вы готовы немедленно отправиться в путь, джентльмены?

— Сперва,— возразил я,— расскажи нам, как и почему ты заманил нас именно в то место, где стояла карета.

— Что до этого,— начал он, словно соображая, как бы половчее соврать,— то все вышло почти случайно. Конечно, экстраполяция вектора вашего движения указывала, что вы окажетесь в тех местах и, возможно, засечете поле повозки. Я действовал наспех, думая лишь о том, как защитить ее высочество.

— Понятно,— протянул я, и мне действительно было понятно — в некотором роде.— А почему ты выбежал из своей конторы в одних подштанниках?

— Я наблюдал за экранами, разумеется, и, когда вы вошли в фазу, засомневался, точно ли это вы, а не враги из Нефритового дворца. Я знал позицию вашего челнока: координаты высветились одновременно с сигналом тревоги, но, выйдя наружу, ничего не увидел. Я поспешил к той точке, где вы должны были находиться, и, собственно говоря, находились, только в полуфазе. Результат вы имели удовольствие наблюдать лично.

— Да уж. Весьма беспечно с твоей стороны, при том что ты ожидал встретить врагов. Но как нам узнать, что они не хорошие парни, а ты не злодей?

— Могу лишь предложить свое слово, слово чести лорда Благородного народа,— сказал он, явно не ожидая, что я этим удовольствуюсь.

Но я почему-то верил ему: каким-то образом, раненый и захваченный в плен, он умудрился произвести на меня благоприятное впечатление. Я протянул ему руку. Он неуклюже пожал ее.

— Какова процедура, генерал? — поинтересовался я.— Насколько я понимаю, где-то здесь у вас спрятан челнок?

— Челнок не нужен, полковник,— поправил он.— У меня есть камера переноса, которая безошибочно переместит наши первичные сознания в любые координаты континуума пространство-время-пустота, какие мы только выберем, хотя темпоральная подвижность минимальна. Сюда, пожалуйста.

14

Камера переноса оказалась совершенно обыкновенной с виду кабинкой, отгороженной в центре большого, похожего на гараж зала; ряды туго намотанных МК-катушек или их аналогов устилали стены и потолок. Внутри стояли мягкие скамьи, чьи размеры и формы не учитывали человеческой анатомии. Свфт что-то подкрутил, и несколько скамей превратились в плоские подобия коек, которые подошли бы кому угодно.

— Должен предупредить, джентльмены,— заявил он, как только устроил Смовиа и малышку поудобнее, предоставив нам с Хельмом самим позаботиться о себе,— что в ходе переноса вы испытаете, если мне будет позволено так выразиться, необычные ощущения, которые продлятся всего лишь несколько миллисекунд субъективного времени. Кричите, если пожелаете, но не двигайтесь.— Он вышел и закрыл за нами дверь.

У меня накопилась пара сотен важных вопросов, требующих немедленного разъяснения, но прежде чем я принял решение броситься вслед за йлокком, начались обещанные необычные ощущения. Описать это практически невозможно: неприятная тяжесть за ребрами, в области солнечного сплетения, горячие иголочки, покалывающие тыльные стороны ладоней и переднюю часть бедер. Боли не было, но ничего более мерзкого я за всю жизнь не испытывал: хуже, чем тошнота и боль, вместе взятые. Пока я терпел и мечтал об избавлении, мне подумалось, не посмотреть ли, как справляются Смовиа и Хельм,— но только подумалось. А следующей мыслью было: все, я не могу больше, умираю. Но через какое-то время все прошло, оставив меня в легком смущении, но совершенно невредимым.

Смовиа уже встал. Хельм валялся без сознания. Доктор похлопал его по тыльным сторонам ладоней и поднял на ноги, слабого, но вполне живого.

— Что это было, доктор? — спросил я.— Чем вызваны такие ощущения?

— Мы столкнулись с явлением, выходящим далеко за рамки медицины, как мы понимаем ее сегодня,— изрек он в ответ.

Хельм издал булькающий звук и сообщил:

— Лично я умер. Я знаю, что умер. Но вы еще здесь, док, значит... Что ж, не могли же вы тоже умереть. Где мы?

— Мы в камере переноса на стоянке генерала Свфта,— напомнил я ему.

— А сам он где? — вполне логично поинтересовался Смовиа.

— Вышел как раз перед тем, как это началось.

Хельм, пошатываясь, направился к двери. Я велел ему обождать.

— Возможно. Мы переместились в приемную кабину в столице Йлокка. Лучше бы нам не спешить.

— Все случилось так быстро,— пожаловался Хельм.— Мы вошли сюда, и только я устроился, как — бац! — и я умираю.— Он смотрел на меня с мольбой.— Я правда умирал. Я чувствовал, как плыву: я знаю, это был переход на другой уровень бытия. Смерть.

— Не совсем,— поправил я.— Это был другой переход. Мы прошли через континуумы в другую А-линию. Мы по-прежнему живы, не беспокойся.

— Ja då, för all de,— согласился парень, кивая.— Но мы пересекли кучу альтернативных линий в челноке, и никто не умер... или, по крайней мере, не почувствовал, что умирает.

— Нас прикрывала схема челнока,— объяснил я ему и себе.— А на этот раз мы подверглись действию субъективно ускоренного энтропийного потока без всякой защиты, к тому же обычно скорость гораздо меньше. Подобное движение в глубине наших сознаний ассоциируется со смертью, отсюда то кошмарное ощущение.

Он огляделся по сторонам.

— Глядите-ка, Свфта нет,— обнаружил он.— Небось проклятая крыса бросила нас здесь на верную гибель.

— Он просто вышел,— зачем-то успокоил я его.

И в этот миг вражеский генерал вошел обратно.

— Джентльмены,— отрывисто произнес Свфт,— я разместил нас на заброшенном складе рядом с Комплексом. На улицах темно, прохожих должно быть не много. После того как я просканирую окрестности, мы аккуратно выйдем.— Он скользнул на один из странно изогнутых стульев перед пультом с тремя рядами маленьких трансляционных экранов, все они были темными. Однако генерал вроде бы остался доволен, встал и открыл выходную дверь.

— Будьте осторожны,— предупредил он.— Не исключена легкая потеря ориентации в связи с небольшой ошиб-

кой герметизации энтропийного градиента. Позвольте...— Не дожидаясь ответа, он вышел первым, и мы последовали за ним.

Колокола звенели так близко, как будто колокольню установили внутри моей головы. «Бом! Бим-бом! Бом-бом!» Я схватился за черепушку обеими руками и попытался отпрянуть от гула, но он становился лишь громче, ближе, окружая меня, доводя до безумия.

— Хватит! — завопил я, мечтая, чтобы шум прекратился.

— Хватит! — загремел мощный голос.

Я разлепил веки, борясь с тяжестью звона, и увидел Свфта, гладкого, красивого, воплощение достоинства и благородства, к которому я имел честь обратиться.— Шум! Он доводит меня до...

Больше я не успел произнести ни слова, длинный шип вонзился мне в грудь. Я увидел, что мы стоим на пустынной улице, окруженные фонарями, кирпичными фасадами и омерзительной вонью гниющей плоти. Повсюду валялись мертвые крысюки.

— Спокойнее, полковник,— приказал генерал.

Я послушался, и боль, вместе с шумом, начала ослабевать.

— Вы слышите стук собственного сердца,— объяснял он мне.— Обычно слуховая кора подавляет осведомленность о нем. Просто расслабьтесь и позвольте ему утихнуть.

Я увидел сползшего по фонарному столбу Хельма. Беднягу тошнило.

— Все будет нормально, Эмиль,— попытался выговорить я.

В моем поле зрения появился, шатаясь, доктор Смовиа с зеленым лицом. Он все еще обнимал ребенка, который продолжал мирно спать. Шум исчез без следа. Грудь тоже была в порядке. Я помог Смовиа успокоиться, забрал девочку и передал ее генералу. Эмиль, моргая, смотрел на меня.

— Полковник,— задохнулся он.— Где... где... это?..

— У нас в головах, лейтенант,— успокоил я его.— «Ошибка герметизации», как сказал его превосходительство.

Смовиа вроде пришел себя. Он казался немного бледным в свете натриевой лампы, но в этом свете кто угодно похож на мертвеца. Не он один: вся улица имела изнуренный, грязно-желтый вид, столь сходный с моим самочувствием. Пейзаж был не менее ужасен, чем вонь.

— Вы упомянули склад, ваше превосходительство,— произнес я, не слишком понимания значение своих слов.

— Конечно.— Он указал на открытую дверь в гофрированной металлической стене рядом с нами.— Мы только что оттуда. Вы не вполне понимали, что происходит, но последовали за мной, когда я вышел. Горизонт оказался чист. Кстати, значение идиомы «горизонт чист» мне известно, но сама она представляется мне довольно невразумительной. Каково ее происхождение?

— Это необходимо выяснить прямо сейчас, сэр? — вслух удивился я, борясь с навязанными мне мыслями.

Вообще-то генерал выглядел довольно неряшливо. Он был уродлив, если рассматривать его как человека, каковым он не являлся, поэтому я попытался вновь взглянуть на него с точки зрения крысы и столь преуспел, что невольно метнулся к стене, испытав приступ агорафобии. Эмиль и Смовиа уже жались друг к другу у двери из листового металла. Мне отчаянно хотелось порадовать генерала.

Ощущение поблекло, и он превратился всего лишь в крыса-переростка в старомодном одеянии, который стоял посреди пустынной улицы, принюхивался к спертому воздуху и подергивал усами.

— Сюда,— пропищал он.— Скорее!

И рванул со всех ног, не заботясь, следуем ли мы за ним. Мы пробежали десять футов, прежде чем взвился свист и кто-то закричал. Свфт резко повернул налево, в узкое пространство между почерневшими от времени кирпичными стенами, мы метнулись туда же. Под ногами хрустел мусор. Через несколько ярдов узкий переулок закончился вентиляционной шахтой площадью восемь квадратных футов.

— Дальше что? — дословно выразил Эмиль мою мысль.

Смовиа держался поближе к стене и осторожно продвигался на дальнюю сторону, оглядываясь назад, на переулок.

— Там... есть... люди...— умудрился выдавить Смовиа.— Мы в ловушке! — обвинил он Свфта, который наклонился и поднял квадратную крышку люка.

— Надо спускаться, да поскорее,— велел тот и подал пример.

Спустя десять секунд я помогал Смовиа, вновь обремененному младенцем, одолеть последние несколько перекладин. Теперь мы были погребены в пространстве, не многим больше вентиляционной шахты наверху. Свфт вернул крышку на место, и на нас опустилась полная темнота. По крайней мере, здесь не воняло.

— Мы явились сюда,— напомнил я йлокку,— чтобы маленько поспасать мир. Как, по-твоему, это делать, сидя в угольном подвале?

— Это не подвал, а бытовое помещение,— небрежно поправил меня он.— Смотрите, пожалуйста, внимательно.

Он подошел к ближайшей стене грубой кладки, потянулся вверх изо всех сил и принялся длинными пальцами шарить по камню. Соседний блок скользнул в сторону и одновременно вспыхнул тусклый свет, открыв узкий лаз. Он нетерпеливо поманил меня внутрь.

Я остался на месте.

— Что еще за фокусы-покусы? Почему ты не переместил нас сразу в нужное место, черт его знает какое именно!

— Мы зовем его Залом карт,— добавил он.— Увы, наш метод переноса еще не до конца совершенен. Ему не хватает идеальной точности по отношению к первым трем измерениям. Зато по части пустоты он весьма хорош и во временном аспекте довольно аккуратен.

Он оборвал свою речь и головой вперед полез в нору, не дожидаясь моего ответа. Я посмотрел на Хельма и Смовиа. Доктор едва заметно пожал плечами и последовал за йлокком. Я оттащил его, и в тот же миг Хельм взорвался:

— Почему мы должны доверять этой крысе?

— Потому что ребенок у доктора Смовиа,— пояснил я, после чего он склонил голову и полез в нору. Немного нагло с его стороны, но возражать я не стал.

Смовиа протянул мне малышку и, не дожидаясь разрешения, отправился вслед за Хельмом. На этот раз, с ребенком на руках, я ринулся к отверстию, как только ступни доктора исчезли внутри. Я пошарил там, но док исчез — и лаз тоже. Мы остались одни в клетке — я и мирно спящая юная крыска.

Малышка снова забеспокоилась. Я погладил ее и попытался разразиться блестящей идеей. Но лучшее, что пришло мне в голову, это что Свфт вряд ли покинул бы свою драгоценную принцессу навсегда. Данное соображение породило еще одну мысль. Я взял малышку и осторожно положил ее в нишу, поглотившую Эмиля и дока. Мои плечи все равно туда не пролезли бы. Смовиа и Эмиль были худосочны, поэтому легко забрались внутрь. Я знал, что для меня выхода нет. Но Свфт вернется еще до того, как я отращу бороду.

Я, насколько сумел, растянулся на одной из изогнутых в форме буквы «S» скамеек и уснул прежде, чем придумал, куда бы пристроить ноги.

15

Проснулся я окоченевший и с ломотой во всем теле. Сел, но лучше не стало. Кружилась голова, и болел живот.

Я оглядел голую комнату. Ничего не изменилось. Подошел к стене, попробовал вспомнить, что именно проделал Свфт, чтобы открыть тайный ход в никуда. Помнится, он не без труда дотянулся до волшебной точки своими руками-обрубками. Я изучил швы в кладке под самым потолком и вроде бы заметил немного выцветшее место. Я ощупал его, и свет, источник которого мне не удавалось различить, померк. Пришлось перестать баловаться со стеной. Все и так не сахар, не хватало еще остаться в темноте. Я не-

сколько разочаровался в себе. Отлично поработал, ничуть не напортачил. Вот только дал отрезать себя от помощников и запереть в клетке, где свет может погаснуть когда угодно. Это напомнило мне о шахте, через которую мы вошли. Кажется, она была примерно посреди камеры — я посмотрел наверх. Видимо, память меня подвела, поскольку никакой панели не было ни там, ни где-либо еще. Вдвойне замечательно.

В этот самый миг рядом со мной открылась дверь, которой не было еще минуту назад, и вошел Свфт.

— Прошу прощения, что задержался,— мимоходом бросил он, затем недоуменно посмотрел на меня и спросил: — А где твои товарищи и ее высочество? — Любопытства в его голосе было больше, чем беспокойства.

— Полезли в нору за тобой,— сообщил я.

— Чепуха,— решительно отрезал он.— Это только...— Он махнул рукой в сторону норы.— Едва ли кто-то мог, ах... как видишь, для двух люри она маловата и к тому же пуста.

— Но тебя-то она выдержала,— указал я.

Он согласно кивнул: хотя бы с этим жестом он наконец разобрался.

— Но разумеется, я, то есть... кто-то должен знать.— Он умолк.— Боже мой. Боюсь, мой дорогой полковник, произошло нечто крайне прискорбное.

— Так расскажи мне,— потребовал я.

Он полусел-полускрючился рядом со мной.

— Видишь ли...

— Не вижу,— перебил его я.

— Это крайне специфический способ проникнуть в Зал карт,— заново начал он.— Данная комната, разумеется, защищена многочисленными энтропийными барьерами. Начинающийся здесь ход извилисто пролегает сквозь крайне сложный шов, или, если быть совершенно точным, узор швов, и только тот, кому известна формула, способен преодолеть его. Не считая меня, уравнения известны лишь одному человеку. Боюсь, твои товарищи затерялись в недостижимой фазе пространства-времени-пустоты. Ужасно.

— Побереги свои крокодиловы слезы,— посоветовал я ему.— Забыл, что позвал меня за собой? Что-то я не припоминаю, чтобы ты шептал мне на ушко секреты.

— Я непременно бы тебе их поведал, дорогой друг,— уверил он меня.— Первый ключ — простое, всем известное квадратное уравнение.

— *Я никогда толком не понимал, надо ли делить на два a только минус четыре ac или квадратный корень из b в квадрате тоже.*

— Не переживай,— утешил он.— Мы пойдем другим путем.

— А как же лейтенант Хельм и доктор Смовиа? — не унимался я.

— Возможно,— задумался он,— если я прикажу Главному компьютеру проанализировать узор возмущения Решетки в момент их входа...

— Где этот Главный компьютер? — спросил я.

— Идите по моим стопам, полковник,— приказал он,— и я проведу вас туда. Это недалеко.

Он вышел через дверь, которая пока никуда не делась, и я направился за ним, наступая ему на пятки и гадая, не забыл ли о чем-то важном. Приятного мало, зато я старательно запоминал дорогу, которой мы шли по коридору с гладкими панелями, утопленными в потолок лампами и трещиной в каменном полу. Чтобы пометить путь, я начал бросать кусочки заявки, которую нашел в кармане. Свфт молча двигался вперед, не вполне бесшумно, но лишних звуков не издавая.

— Вражеская территория? — спросил я.

Он отмахнулся коротким «тссс!» и продолжил идти. Наконец он остановился на широком месте, перекрестке с другим коридором. Мгновение помедлил, затем резко повернул налево. Не успел он сделать и трех шагов, как из прохода слева выскочила еще более крупная крыса, ударила его кривым кинжалом, промахнулась и бросилась на меня. Свфт услышал шорох и быстро обернулся. К этому моменту здоровенная крыса уже сидела на мне, оставив нож в покое, зато лязгая резцами слишком близко к мо-

ему горлу, чтобы не вызывать беспокойства. Я высвободил правую руку и хорошенько врезал ей под короткие ребра; тварь сложилась пополам, затем упала в корчах на гладкий, вымощенный плиткой пол. Я наступил на руку, державшую весьма скверный с виду нож, и давил, пока не услышал треск костей. Свфт стоял рядом.

— Невероятно! Ты одержал верх над одним из Трех Сотен,— нашей элитной гвардии. Такого просто не бывает! — Он смотрел на меня с выражением, которое я с большой долей уверенности определил как изумление.

— Ты же спешишь,— заметил я.— Нечего терять время, болтая о пустяках. У него был очень нежный желудок, вот и все.

— Конечно! — подтвердил Свфт.— Мы должны поспешить на сторону ее высочества!

— Ты был так беспечен, генерал: смылся и бросил малышку принцессу одну. Но ты же знал, что делаешь, правда? Очередной ловкий маневр. Я положил ее в этот твой «проход», и она исчезла.

Свфт подбежал к ближайшей стене, пошарил и — вуаля! — открылась потайная панель. За ней я увидел поросшую травой полянку среди гигантских деревьев — старых деревьев с гладкой багрянистой корой и желтовато-зелеными листьями.

— Это катастрофа! — сообщил Свфт.

Он сунул заостренную морду в отверстие и скользнул внутрь. Я не отставал, и слава богу, потому что панель закрылась сразу за мной, едва не прищемив ногу.

Свфт метался по траве, сложившись практически вдвое и обнюхивая землю. Он посмотрел на меня.

— Сроки, как я уже говорил, поджимают, но теперь необходимо изменить мой план действий, дабы вернуть ее высочество, а все остальное — пустяки.

— Где мы? — спросил я.

Такое милое, тихое место, похоже не принадлежащее ни одной линии Зоны...

— Это,— сообщил мне напоминающий крысу чужак, словно делая заявление государственного масштаба,— конечное состояние.

— Что-то вроде умопомрачения? — поинтересовался я со своим обычным неуместным желанием отпустить шутку.

Но он воспринял мое замечание всерьез.

— Совсем напротив. Эта фаза есть — или должна быть — место совершенного энтропийного равновесия; никакая борьба, никакие трудности не длятся долго на этом уровне. Упование каждого йлокка — когда-нибудь достигнуть такого уровня бытия. Вломиться в него, как это сделали мы, наше самое жестокое табу. Я настроил устройство переноса на экстраполяцию вдоль первичной оси — наиболее вероятного направления будущего Йлокка — до его самого отдаленного состояния. Я ожидал найти идеальное общество, живущее в безукоризненной гармонии с окружающей средой. А нашел лишь пустыню. Я погиб!

— Тогда зачем ты это сделал? — быстро спросил я, пока он не начал развивать мысль, что это я во всем виноват.

— У меня не было выбора,— надломленно произнес он (по крайней мере, его голос дребезжал на каждом слове).— Это единственная фаза, которая обеспечивает истинный доступ в ту, куда ты столь грубо вышвырнул ее высочество.

— Кто-то же запрограммировал этот твой проход,— указал я,— и скорее всего, ты сделал это сам. Либо ты безнадежный кретин, либо до сих пор пытаешься обвести меня вокруг пальца. Лучше бы рассказать все начистоту. Надеюсь, малышка в порядке, просто я думал, что она окажется вместе со Смовиа, куда бы того ни занесло.

— Не совсем,— возразил Свфт.— Понимаешь, я хотел перенести нашу небольшую компанию в одно место внутри дворца, в обход кордонов двузаконных бандитов. И пошел первым, чтобы предупредить друзей и устранить врагов, которые могли поджидать нас у точки выхода. Когда никто не появился, я вернулся отдельным путем и нашел только тебя. Крайне прискорбно.

— Конечно, ты считал, что мне понравится глядеть, как мои друзья исчезают в этой обувной коробке, а потом сидеть, как в ловушке, в клетке без окон да еще с вопящим ребенком на руках. А минуту назад ты сказал...

— Я думал, ты пойдешь сразу за мной,— объяснил он.— Понимаешь, отверстие существует в реальном мире лишь долю миллисекунды.

— Нет, не понимаю. И где теперь Эмиль и док?

— Боюсь, выяснить это будет не так просто. Уверен, они в полной безопасности, хотя наверняка несколько поражены, обнаружив себя плывущими по Заводи энтропии. Надо бы спасти их, и поскорее.

— Отличная мысль,— похвалил я.— И почему я об этом не подумал?

Он не обратил внимание на иронию и покачал головой в знак согласия.

— Думаю, пора браться за дело. Люди склонны терять рассудок при погружении в Заводь более чем на несколько микросекунд.

Он порылся в плаще, достал некое сложное устройство и запустил на нем что-то вроде тестового цикла, как я догадался по узору мигающих диодов на помеси калькулятора с пультом дистанционного управления. Наслаждаясь упругостью дерна под ногами, я подошел посмотреть поближе.

— Кто-то был здесь недавно,— сообщил я ему.— Трава еще примята.

— Конечно,— пробормотал он, полностью погрузившись в свои манипуляции.— Ага, вот оно,— довольно произнес он.— Мы...

Прежде чем он закончил, кусты затрещали, и в подлесок вышла юная крыска лет десяти. Не знаю почему, но я не сомневался, что это девочка, а не мальчик. Простая белая рубаха, умильная крысиная мордочка, носик совсем коротенький — почти хорошенькая.

— Привет, дядя Свфт,— сказала она, сперва не обратив на меня внимания. Потом застенчиво посмотрела и прелестно улыбнулась, обнажив торчащие зубки. Импульсивно чуть-чуть шагнула ко мне и замерла.— Ты не дядя Моби,— сказала она, точно упрекая себя.— И не Мили. Значит, ты дядя Коник!

— Верно, детка,— ответил я,— я совсем не милый.

Только сейчас Свфт заговорил.

— Боюсь, дорогое дитя,— произнес он довольно чопорно для того, кто разговаривает с прелестной маленькой девочкой,— что не припоминаю нашей встречи. Можно полюбопытствовать, откуда тебе известно мое имя?

— Дядя Моби,— вроде так она сказала,— обещал, что ты когда-нибудь придешь сюда.

Он не ошибся.

Свфт посмотрел на меня.

— Наверное, поблизости есть городок,— предположил он.— О ребенке явно хорошо заботятся. Ее семья должна жить где-то здесь.— Он зорко посмотрел на нее.— Где ты живешь, юная леди? — спросил он.

Она помахала худенькой ручкой.

— Здесь,— сообщила она, словно это само собой разумелось.

— Конечно, у тебя есть дом,— поправил ее Свфт.— Твои родные, где они?

— Дядя Моби вон там,— показала она.— Прилег вздремнуть.

— Ах,— Свфт был саркастичен лишь отчасти,— мы же не хотим тревожить сон дяди Мони?

— Не так. Дяди Моби,— резко поправила его девочка.

— Пойдем познакомимся,— угрюмо предложил Свфт и направился мимо девочки туда, откуда она пришла.

Малышка схватила его за локоть. Он отпихнул ее.

Я возмутился и взял ее за странную маленькую ручку с сильными пальчиками.

— Он немного расстроен,— поведал я девочке.— Его планы пошли наперекосяк.

Крыска улыбнулась. Свфт бросил на меня надменный взгляд.

Я начал было вновь испытывать те странные благоговение и почтение, которые время от времени накатывали на меня здесь, в Зоне, но стряхнул их. Я понял, что это давление местного образа мыслей стремится вытеснить привычную систему взглядов и понятий. Свфт — всего лишь сломленная, сбитая с толку крыса, а вовсе не великая личность, которая стойко противостоит страшным бедам.

— Расслабься, генерал,— предложил я.— Будь ласков с ребенком. Она напугана не меньше твоего.

— Ты не понимаешь, полковник,— произнес он голосом, тугим, как скрученная пружина, от тревоги и других, менее очевидных эмоций.— Мы в крайне тяжелом положении. Откровенно говоря, я поставил эксперимент. Я перенес нас через Желтую линию в область гипотетического, в фазу, доселе не реализованную в Клубке. Это,— он сделал паузу, чтобы оглядеть вздымающийся вокруг лес,— состояние дел, которое станет реальностью, если векторы, присущие великой победе Нефритового дворца, осуществятся, на что я искренне надеюсь, и получат возможность развиться в девственную матрицу...

Я оборвал его излияния.

— Так ты себе представляешь утопию, я прав? — предположил я.

Он утвердительно покачал головой.

— Не должен ребенок бродить один, без присмотра, по этой унылой пустыне,— пожаловался он,— пределы которой и угадать невозможно. Не представляю, какие ужасы могут лежать за этим лесом. А значит,— продолжил он,— я промахнулся, что совершенно очевидно, и переместил нас в фазу, которой знать не знаю, фазу, не имеющую причинной связи с остовом энтропии!

— Звучит паршиво, генерал,— заметил я.— Каждый раз, когда мы пытаемся шагнуть вперед, мы делаем два шага назад.

— Не совсем,— пробормотал он.

— Не переживай. Это не «унылая пустыня», а прекрасный девственный лес. Малышка наверняка живет где-то рядом. Давай поговорим с ее домочадцами.

Свфт глазел на девочку — вообще-то не девочку, пришлось мне себе напомнить, она крыса, а не человек. Она проказливо глянула на меня и положила хлипкую лапку на плечо Свфта.

— Пожалуйста, послушай дядю Свфта,— попросила она.— Я знаю, Мили будет рад тебя видеть.

— Интересно,— сказал я генералу,— откуда ребенок знает, как тебя зовут?

Она не замедлила ответить:

— Дядя Моби сказал, что, когда дядя Коник придет, дядя Свфт будет с ним.

Она повернулась и шагнула обратно в лесную тень. Свфт последовал за ней, а я за ним. Среди гигантских деревьев было темно. Настоящей тропинки не было, лишь слегка примятая полоса травы, извивающаяся меж заросших мхом стволов. Я живо шагал по ней, чтобы не потерять Свфта из виду.

Так мы шли, может быть, полчаса, и я уже начал терять терпение, когда сумрак рассеялся и внезапно засияло яркое солнце. Мы стояли на росчисти в сотню ярдов, почти квадратной, с маленьким домиком — или даже скорее хижиной,— над которым вилась из трубы струйка дыма.

Крыска уже стояла у порога, в то время как Свфт держался в стороне, в тени. Как и я. Девочка продолжала стучать, дверь внезапно распахнулась, и старый крыс — нет, человек, худой и усатый, возник в проеме. Он сгреб малышку и затащил внутрь.

Я рванул ей на помощь, но тут заговорил Свфт:

— Погоди, полковник. Здесь вроде бы все в порядке.

— Тот старый дьявол схватил ее! — возразил я.— Небось много лет бабу не видел!

— Женщина из Благородного народа едва ли вызовет похотливый интерес люри.

Мне пришлось признать его правоту и перейти на шаг.

Свфт пристроился рядом.

— Полковник Баярд,— официально начал он, а может, ему просто захотелось обратиться ко мне торжественно.— Полковник,— повторил он.— Боюсь, тебе предстоит встреча с удивительным явлением. Соберись с силами для невероятного открытия.

На пороге вновь показался старик.

— Уже собрался, не сомневайся,— отмахнулся я.— Но как, черт побери, человек пробрался сюда?

— Пересек энтропийный разрыв,— сообщил мне Свфт, словно знал ответ.— Что привело к темпоральному удвоению...

— Ну да, ну да,— оборвал я его.— Пропусти эту часть и переходи сразу к большому сюрпризу.

Старик — или, по крайней мере, мужчина средних лет — в дверях смотрел на меня, будто... не знаю, будто что. Как бы то ни было, он промчался мимо маленькой крыски и едва не сбил меня с ног.

— Полковник,— отчетливо произнес он, хотя в горле у него точно лягушка застряла, после чего перешел на нечто вроде пронзительной йлоккской речи. Однако Свфт, похоже, понимал его не лучше, чем я.

— Tala sakta*,— попросил Свфт по-шведски, а ведь прикидывался, будто едва понимает язык, хитрец.— Var god och lysna,— добавил он, что означало «заткнись и слушай».

Я изучал лицо изможденного человека, которое почему-то казалось неуловимо знакомым. У него были неровно подстриженные усы, глубокие морщины у синих глаз, немного напомнивших мне...

— Мили! Мили! — повторяла Минни, дергая его за руку.

— Дядя Эмиль,— произнес я, пробуя слова на вкус.— Лейтенант Хельм! Рапортуйте!

Старик попытался выпрямить сгорбленную спину и почти преуспел. Он закрыл рот и поднял правую руку в жесте, который, как я понял, был попыткой салютовать.

— Полковник Баярд,— прохрипел он,— сэр, имею честь сообщить, что доктор Смовиа жив и здоров.

— Дядя Моби! — завопила Минни и побежала в шалаш.

Только тогда я осознал, какое имя дал ей. Жаль, что Дисней не рисовал крыс**.

Я взял Эмиля за руку, которая оказалась более жилистой, чем я ее помнил.

— Что случилось, Эмиль? — спросил я его.

---

* Говори медленно *(шведск.)*.

** Минни Маус — симпатичная мышка, персонаж мультфильмов Уолта Диснея о Микки Маусе.

Теперь в его глазах стояли слезы.

— Это правда вы, сэр! — выпалил он, повернулся и, спотыкаясь, ринулся в дом.— Наконец-то!

— А я предупреждал, полковник,— вставил Свфт.

Я кивнул и проследовал за Хельмом в тускло освещенную комнату. Огонь в каменном очаге бросал слабые мерцающие отблески на голые стены из ошкуренных бревен, и Хельм склонялся над койкой, на которой лежал еще один потрепанный мужчина средних лет, повернув голову, чтобы посмотреть, как я вхожу.

— Поверить не могу! — прохрипел он по-английски и повторил по-шведски: — Jag tror inte!

Хельм зашикал на него, одновременно помогая сесть. Смовиа исхудал, щеки у него ввалились, костлявое тело прикрывала поношенная сероватая рубаха, но я узнал фанатичный блеск его глаз. Это был молодой врач из Сигтуны.

— Что с вами случилось, ребята? — взорвался я.— Времени-то всего ничего прошло, док,— добавил я чуть более спокойно.— Что стряслось?

— Мы пролезли через ту нору,— запинаясь, произнес Смовиа по-английски,— и очутились в лесу. Он напомнил мне предгорья к северу от Стокгольма. Вокруг ни души. Мы кричали, но откликалось лишь эхо. Лаз, через который мы сюда попали, исчез. Он располагался на высоте трех футов, и мы постоянно ходили через то место, где он был, но без толку. По-моему, девять лет прошло; лейтенант полагает, что десять. Поначалу мы вели счет дням, но доска с насечками сгорела в пожаре. Чуть без дома не остались. Мы пытались опереться на времена года, но здесь они, похоже, другие: зимы очень мягкие — возможно, парниковый эффект усилился.

— Вы переместились по энтропийному каналу,— сообщил я ему.— Дом сами построили?

— Нет, мы обнаружили его здесь в готовом виде: недостроенным, пустым, заброшенным,— ответил Эмиль.— Рядом оказался поселок. Его обитатели выглядели вполне довольными, привыкли пышно отмечать первый день сбора

плодов. Так мы и жили в лесу, тихо-спокойно. Но однажды явилась кучка бродяг и принялась всюду лезть, рассказывая людям, что они не должны больше работать.

— Поначалу местные пытались спорить с ними,— дополнил Смовиа.— Говорили, что им нравится собирать еду. Но бандиты подняли их на смех, заявили, что они не должны больше быть рабами, и обещали, что скоро будет уйма новых рабов. Мы бежали. В лесу нам удалось отыскать пищу,— продолжал он,— орехи, ягоды и грибы. Но этого не хватало. Мы убили зверушку вроде белки или, может, мартышки. Шустрые чертенята. Неделю ухлопали, пока наконец поймали одну в силок. Развели костер и поджарили. У меня в аптечке нашлось немного эфира: пригодился, чтобы развести огонь. Пальчики оближешь! Мы очень неплохо питались, но? полковник, прошло много времени. Эмиль выглядит...— Он понизил голос.— Да и я, боюсь, тоже. Пруд — неважнецкое зеркало. Пока изловчишься поглядеть на свое отражение, всю воду взбаламутишь, и...— Он протянул мозолистую руку и коснулся моего плеча.— Вы и правда здесь? — тревожно спросил он.— Или я снова брежу?

— Правда-правда, не сомневайся,— успокоил я его.— Расслабься, парень. Мы вытащим вас отсюда.

— Они арестовали меня и дока,— вставил Эмиль.— Бедная Крошка — ей было около трех — осталась совсем одна. Через несколько дней кое-кто из местных пришел вместе с Крошкой и выпустил нас. Мы держались подальше от банд, выскользнули из селения и спустя несколько дней наткнулись на дом. Пришлось немного его подлатать, и мы вроде как смирились. Наверное. Вы правда думаете, мы сможем вернуться домой?

— У нас были видения,— бормотал Смовиа себе под нос.— В смысле, галлюцинации. Как-то раз мы узрели парад,— продолжал он.— Большие животные, похожие на слонов, только с плоскими бивнями-совками, в золотых, пурпурных попонах, и крысы в синей форме, и другие крысы в красной или зеленой...

— Императорская гвардия,— определил Свфт.— Три бригады? Торжественный смотр. Как?..

— Как-то раз компания крыс подобралась совсем близко, они аукали и стегали кусты,— сказал Хельм.

— Мы решили, что ищут нас,— добавил Смовиа,— но они прошли мимо и не обратили внимания на дым, идущий из трубы, так что, наверное, им нужен был кто-то другой.

— Необязательно,— предположил я.— Они могли быть в другой фазе и не видеть дом.

— Сомнительно,— вставил Свфт.— Хотя эти двузаконники захватили наш технический комплекс, у них нет никого, кто умеет им пользоваться.

— Что нам только на пользу.

Старики склонились друг к другу, обсуждая что-то тихо, но бурно. Затем Хельм — чертовски тяжело думать об этом осунувшемся немолодом человеке как о розовощеком лейтенанте Хельме — подошел к маленькой крыске и, запинаясь, произнес:

— Ваше высочество...

Похоже, он не знал, что еще сказать.

Она бросилась к нему, обняла и зарыдала.

— Мили! Мили! Я потерялась и...— Она умолкла, чтобы посмотреть на меня.— И дядя Коник нашел меня!

Хельм, похоже, был слишком взволнован, чтобы говорить, и Смовиа осторожно отцепил от него девочку, обнял и погладил ее. По-видимому, обычно она говорила на шведском, который был заметно лучше ее довольно примитивного английского. Неудивительно, учитывая, что ее вырастили двое шведов.

— Ну вот, Крошка, мы наконец все вместе,— утешил ее Хельм.— Все в порядке: теперь, когда дядя полковник с нами, мы скоро вернем тебя домой.

16

Понадобилось несколько минут, чтобы устроиться, придвинуть самодельные стулья к столу из неошкуренного горбыля и начать говорить дело — или то, что сойдет за

дело в атмосфере, лишенной привычной уверенности в достоверности происходящего.

— Итак, вы, два холостяка, вырастили из крысенка Крошку,— заметил я.— По-моему, вы проделали отличную работу: она чудное дитя.

— Протестую,— не слишком горячо вставил Свфт.— Ты должен относиться к ее высочеству с уважением.

— Давай пока оставим церемонии, генерал,— предложил я.— Как ты представляешь себе ситуацию?

— Исходя из нарушения порядка в Клубке,— заявил он,— я вынужден заключить, что в этой некогда неприкосновенной фазе двузаконники одержали верх, а Благородный Дом пал. Нефритовый дворец во власти врагов. Итак,— продолжил он на одном дыхании,— совершенно очевидно, что мы должны проникнуть в Город и саму Королевскую Ложу, дабы после должных приготовлений представить ее высочество черни как свидетельство обмана, на котором двузаконники построили свою узурпацию.

— Чудесно,— заметил я.— Надеюсь, ты уже придумал, как именно мы это осуществим, и, кстати, зачем нам, люри, ставить себя под удар.

— Чтобы положить конец вторжению,— ответил на мой вопрос Смовиа.— В наших интересах реставрировать старый режим, даже если он сам по себе не заслуживает сохранения.

— С тем же успехом можно признать, что он его заслуживает,— истолковал я.— Объясни почему.

— Мы уже говорили тебе о здешнем поселении,— вставил Эмиль.— Такое милое место было: ухоженные домики, фруктовые деревья вокруг, и люди жили хорошо и мирно. А потом явилась эта банда Гргсдна со своей тупой пропагандой Двух Законов, и все сделались недовольны и начали спорить, как поделить общие запасы продовольствия. Все это, похоже, случилось из-за вопроса преемственности Благородного Дома. Не будет наследника — не будет и Правления, чтобы следить за справедливым распределением. Вся система строилась на взаимной вере в честность, и мысль о возможности получить что-то даром, стала мед-

ленной отравой: все по-прежнему хорошо питались, но начали волноваться, бояться, что кто-то другой отлынивает от работы, но получает больше, чем ему положено. Пришел голод, за ним мор, и воцарился хаос. Несколько сотен выживших — а до начала всей этой кутерьмы с Двумя Законами в поселке было три тысячи жителей — поделились на группы. Каждая защищает свой собственный уголок, и главная их цель — урвать, сколько получится, от того, что собрал другой, и конца этому не видно. В столице еще остались организованные войска, но Правление, по-видимому, парализовано: большинство королевских чиновников отказываются сотрудничать с Гргсдном, и он не может убить их, потому что без них настанет конец тем жалким остаткам порядка, что еще сохранились.

— Почему ты веришь, что от одного существования юной наследницы что-то изменится? — спросил я генерала.

Свфт и Смовиа заговорили одновременно:

— Люди в глубине души верны старому порядку...

— Они ребята приличные, просто немного растерялись. Они исполнят свой долг, как только четко поймут, в чем он состоит,— произнес доктор, и Свфт возражать не стал.

— Сначала,— внес лепту Эмиль,— нам надо распустить слухи, будто Гргсдн похитил принцессу и держал ее в плену и она только-только спаслась.

Я посмотрел на Минни, она же Крошка, она же ее высочество, как предпочел бы Свфт.

— А ты что думаешь, милая? — спросил я ее.

Она проказливо улыбнулась.

— Думаю, быть настоящей принцессой очень приятно.— Она с любовью посмотрела на Хельма.— Мили рассказывал мне о стране под названием Оз и о принцессе Озме. Я хочу быть такой, как она.

— И я тебя понимаю, дитя,— произнес я.— Но с волшебством дело туго. У нас есть только наука.

— Не беда,— подал реплику Смовиа.— Наука способна воплотить все, что когда-либо объясняли волшебством, и даже больше.— Он встал: жилистый стареющий мужчина

с всклокоченными усами и горящими глазами.— Чего же мы ждем?! Я хочу вновь увидеть этих людей свободными и счастливыми, а еще хочу дожить до момента, когда Крошка наденет королевскую мантию!

— Пожалуй, это самый эффективный способ остановить вторжение,— согласился я без энтузиазма.

— Единственный способ! — добавил Свфт.— Я не решался тебе говорить, полковник, но Гргсдн планирует открыть сотни новых станций переноса и наводнить твой мир несметными полчищами. Этот план следует сокрушить, прежде чем он претворится в жизнь!

— Между прочим, ты пока не объяснил мне, как случилось, что наши друзья провели здесь девять долгих лет, в то время как для нас с тобой прошло всего несколько часов,— обратился я к Свфту.

Он дернул носом.

— Ты должен понять, полковник,— эти слова явно были ему не по нутру,— что синхронность событий — доселе не полностью понятая переменная.

— Сколько времени прошло дома, пока мы возимся с заданием в этой глуши?

— Не имею ни малейшего понятия,— ответил Свфт таким тоном, словно выиграл подачу.— Смещение зависит от ряда переменных, ни одна из которых не контролировалась. Возможно, миг — или век.

Я подумал о Барбре и Манфреде — обо всех, кого любил. И кто умер от старости много лет назад.

— Не исключено, разумеется, что разницы и вовсе нет,— продолжал вещать генерал.— Поживем — увидим, ничего другого нам не остается.

Мы наметили выйти на рассвете. Приготовления заняли не много времени: только упаковать еду на несколько дней, в основном нечто наподобие пеммикана из толченых орехов, ягод и мяса крохотных белок — как сухой паек, то, что надо. Обсуждая, как сообщить деревенским о происхождении Крошки, мы добавили свежей пищи из закромов стариков. Мы решили, что Свфт изобразит ее

отца или охранника, а мы, люри,— люди (Свфт давно перестал называть нас мартышками) — будем его пленниками, привезенными из новой провинции в качестве технических экспертов — да здравствуют Два Закона! Мы — перебежчики, охотно сотрудничающие с Йлокком из чистой симпатии к Благородному народу. Вакцину Смовиа мы пока держали в запасе. И пузырек с чистым вирусом надежно покоился у меня в поясном футляре.

Дорога к поселку, хоть и плохая, проходила всего в нескольких родах* от хижины. Мы пустились в путь с неизменной скоростью две мили в час. Хельм и Смовиа, несмотря на изможденный вид, были крепкими и здоровыми, так что я позволил им задавать темп. Крошка шагала легко, еще и успевала сворачивать в окрестные луга нарвать цветочков, затем вручала их дяде Моби, и тот вплетал бутоны в венок, которым в итоге короновал ее. Она смеялась и танцевала вокруг нас, беззаботная, как и положено десятилетней девочке.

Некоторое время спустя мы наткнулись на небольшую группу йлокков, вышедших из леса. Увидев нас, они остановились и зашептались. Свфт велел нам принять смиренный вид и не обращать на них внимания. Один из незнакомцев подошел к нам, исполнил сложный номер с кивками и заговорил с генералом. Тот рявкнул односложный ответ, повернулся к нам и проворчал:

— Это отбросы-двузаконники. Хотят знать, кто вы такие. Я велел им не лезть не в свое дело. Подыграйте мне, ну же, скорей! — Он шлепнул Смовиа, который припал к земле, изображая страх.

— Только попробуй ко мне прикоснуться, крыса! — вспылил Хельм.

Я велел ему заткнуться и изображать раболепие. Он попытался и преуспел — но лишь в изображении кишечной колики.

Впереди и слева в лесу возникло движение, и человек — не крыса — заступил нам дорогу. Большой крепкий

* Род — мера длины, составляющая примерно 5,03 метра.

парень с неприятным лицом. За ним последовал еще один мужчина, поменьше, потом женщина. Они несли корзинки с крупными красными ягодами и другими плодами. Все трое были моложавы и хорошо одеты — по крайней мере когда-то. Одежда их изорвалась и запачкалась, а лица давно не видали ни мыла, ни бритвы. Волосы женщины были собраны в неряшливый узел, проткнутый веточкой. Первый мужчина, похоже, заметил нас — или уходящих йлокков — и нырнул обратно, жестами призывая остальных последовать его примеру. Но далеко они не ушли, держались поблизости.

Продолжая наблюдать за крысами, мы вереницей растянулись по дороге. Оборванцы не обращали внимания ни на меня, ни на других двух мужчин, однако, петляя меж невысоких деревьев и кустов, не упускали из виду Свфта. Со своей стороны, генерал делал вид, будто не заметил их, но меня ему перехитрить не удалось. Он был слишком наблюдателен, чтобы не разглядеть всей этой комедии прямо у себя под носом.

— Кто они? — спросил я его.

Он попробовал было разыграть номер «А, что такое?» и повернулся, глядя вслед уходящей группе йлокков, которые уже на сотню футов удалились от нас по дороге.

— Я же говорил,— буркнул он.

— Не шути со мной, Свфт,— прирыкнул я.

— Толпы жуликов скитаются, где хотят,— печально произнес он.

Я схватил его за плечо и указал на «прячущихся» людей. Он свирепо набросился на меня:

— Я велел вам сидеть тише воды ниже травы, полковник!

— Надо поговорить с ними, генерал.

Я велел Смовиа и Эмилю оставаться на месте, а сам, несмотря на возражения Свфта, направился к трем людям, которые озадаченно таращились на меня.

— Вот,— выпалил дородный детина.— Что?..

Женщина пихнула его локтем, и он с недовольным видом умолк.

— Привет,— произнес я.— Что происходит? Я только-только сюда попал. Похоже, вам приходится нелегко.

Вблизи усы мужчины тянули на неделю, не меньше. Мне показалось, что ребята все это время провели в лесу. Их руки огрубели, покрылись мозолями и обветрились, грязь въелась в поры и под короткие ногти.

— M'sieur, c'est dangereus*.

Детина говорил по-французски, но со шведским акцентом. Он крепко схватил меня за плечо и стал подталкивать к ближайшим кустам, засыпая вопросами и продолжая поглядывать на Свфта, а я тем временем пытался разобрать, чего он хочет.

— Это генерал Свфт,— медленно произнес я. Вряд ли он поймет что-либо более сложное.

Но если мои слова и дошли до него, то виду не подал.

— Кто вы такие, ребята? — настойчиво повторил я свой вопрос.

Он, похоже, решил подтвердить то, в чем уверены англоязычные туристы во всем мире: кто угодно поймет примитивный английский, если говорить достаточно громко. С ужасным акцентом оборванец произнес:

— Как и вы — рабы.

Подошел Свфт и строго обратился ко мне:

— Нечего якшаться со всяким сбродом.

— Они такие же люди, как мы,— отрезал я.— Что они тут делают? Как они сюда попали?

Незнакомцы, похоже, испугались Свфта и отступили, пристально наблюдая за ним, особенно здоровяк. Генерал не стал сокращать расстояние и по-шведски велел мне вернуться на место и не обращать внимания на этих людей. Он продолжал поглядывать вслед шайке йлокков, которые уже почти скрылись из виду за изгибом дороги.

— Скорее! — поторопил он меня.

Подошли Смовиа с Эмилем и возбужденно затрещали с незнакомцами. Хельм хорошо знал французский — по крайней мере, говорил бегло,— и здоровяк, похоже, понимал его. Лейтенант повернулся ко мне.

---

* Мсье, это опасно *(фр.)*.

— Это рабы, полковник,— сообщил он.

И что толку с его лингвистических познаний? Я кивнул и спросил у женщины, как они попали сюда. Она ответила, что пришли из деревни, «как обычно».

— В смысле, в эту А-линию,— нетерпеливо поправился я.

— В большой коробке,— подал голос мужчина поменьше.— Крысы захватили нас — меня и Мари — в Гетеборге, загнали в большой мебельный фургон и два дня держали там в компании еще десяти человек, которых подстерегли на улицах. А потом открыли дверь, и мы вышли — здесь. Гас прибыл на следующий день.

17

В ходе дальнейших расспросов выяснилось, что они не знают, где находятся; это место не похоже ни на одну известную им часть Швеции. Каждый день они ходят в лес собирать ягоды, трюфели, орехи и еще что-то, названия я не разобрал. Здоровяка зовут Гас, а второго парня — Бен. Женщина — Мари, и Гас ведет себя как ее господин, хотя сама она, похоже, предпочитает Бена.

Свфта трясло все время, пока мы разговаривали, и наконец я повернулся к нему.

— Дело начинает проясняться, Свфт. Ты по-прежнему не вполне искренен. «Вторжение» — на самом деле вылазка за рабами, я угадал?

— Ну, что до этого,— попытался он потянуть время, вполне сносно пожав плечиками,— то некоторые разговоры о вербовке велись, хотя лично я данную идею не одобрял...

— Не пытайся меня надуть,— оборвал его я.— Ты уже проболтался, что рабочая сила была важной проблемой, лежащей в самом корне всех ваших бед. Ты сказал, двузаконники не верят в работу, а ребята из Нефритового дворца выше всего этого. Так что как только вы открыли разумный вид, отличный от йлокков, вам показалось, что все несчастья позади. Я пока прав?

— Это было не так...— попытался увильнуть он.

Я заткнул ему рот:

— Вы ошиблись. Они только начинались. Теперь, когда Империум знает, где вы и что вы... Похоже, вы совершили большую оплошность — какая жалость.

— И все же,— холодно вставил он,— вы, люди, здесь, одни среди нас, и ваши жизни, в общем-то, в моих руках, не говоря уже о том, чтобы вернуться в родную фазу и сообщить о своих нелепых подозрениях.

— Не рассчитывай на это,— сказал я, хотя и понимал, что он прав.

— Та группа полицейских,— продолжал он,— пристрелила бы вас на месте, если бы я не солгал им, что вы моя личная свита.

— Какое великодушие,— сардонически заметил я.

— Что до этих,— продолжал он, указывая на трех оборванцев,— они — сбежавшие рабы, приговоренные к медленному расчленению. Остерегайтесь их, если не хотите разделить их судьбу. Двузаконный сброд не был полностью удовлетворен. Даже сейчас они все еще спорят у нас за спиной и легко могут вернуться. В этом случае...

Остальное он оставил воображению.

Я оглянулся. Он оказался прав: йлокки вновь выстраивались рядами, поглядывая в нашу сторону.

— Скорее! — прошипел Свфт.— Обратно в лес!

Я решил не возражать, поскольку на вытянутых мордах десяти крысокопов было четко написано: «Не двигайтесь, вы арестованы».

Трое сбежавших рабов охотно рванули прочь: совсем не исключено, что копов больше всего интересуют именно они. Свфт хотел, чтобы мы рассыпались и попрятались, но Хельм предложил:

— Полковник, а может, лучше устроим засаду?

— Чепуха! — перебил Свфт.— У нас нет ни одного из этих ваших хитроумных метателей свинца.

— У крыс нежные желудки,— возразил Хельм.— Прижмемся к земле и снимем одного за другим: нас семеро против десяти — честный расклад.

— Так и сделаем,— согласился я.

Смовиа немного поворчал, но довольно охотно согласился помочь.

— Дадим всем пройти и снимем замыкающего дурня,— наставлял я.— Первый на мне, следующий твой, Эмиль.

Новички горели энтузиазмом. Я поставил их последними перед Свфтом, который согласился поговорить с вожаком, парнем с голубой полосой на спине. Крошке я велел спрятаться и не двигаться с места.

Йлокки вломились в подлесок, прочесывая его во всех направлениях. Один отстал и пристроился помочиться совсем рядом с моим укрытием, что мне не понравилось. Я дал ему закончить, потом стремительно метнулся и хорошенько врезал правой под короткие ребра. Он сложился, издав лишь пару свистящих звуков. Эмиль снял своего крысюка точно по сигналу, старина Гас отлично справился со своим, потом Смовиа, пока Бен и Мари вместе укладывали еще парочку. Я быстро поднялся, перехватил двух крыс, надумавших было удрать, и завалил их, одного налево, другого направо. Похоже, оружия у них не было, не считая дубинок, которые они даже не попытались пустить в ход. Все заняло минуты полторы.

— Забавно,— отметил Эмиль.— Видать, особых проблем у нас не будет.

— Эти вялые простофили — не самые типичные представители Благородного народа,— поспешил поправить его Свфт.— Надо бы поаккуратнее, не то мы не сплотим верноподданных, а только настроим их против себя.

— Не вижу сложностей,— сказал я,— учитывая, что мы пришли, чтобы помочь им подавить мятеж.

— И все же поосторожнее, не стриги всех под одну гребенку,— посоветовал генерал.

Гас отозвал меня и Хельма в сторонку и спросил, какого черта йлокк воюет на нашей стороне. Я объяснил, что он представитель Старого порядка, находящийся в оппозиции к клике Двух Законов, которая захватила Нефритовый дворец.

— Эти парни,— Эмиль показал на десять тел йлокков,— как раз из тех, о ком мы говорили. Свалились как снег на голову. Из-за них мы покинули деревню. Кто они такие? Чего им надо?

— Они считают, что мир задолжал им средства к существованию,— попытался объяснить я.— И отрицают третий закон Ньютона...

— Тот, который гласит, что ничего не дается даром, верно? — уточнил Эмиль, кивая в подтверждение своей догадки.

Я согласился.

— Безумие,— вставил Смовиа.— Нельзя отменить закон природы. Но знаешь, я встречал таких же ребят и дома!

— Они считают, что можно,— объяснил я ему,— если захватить столько рабов, чтобы они делали за тебя всю работу.

— Это многое объясняет,— произнес Бен.— Но при чем здесь мы? Где мы? Как мы сюда попали? Фургон, в который нас запихали...

— Сколько вас было? — спросил я.

— В моей группе — двадцать один,— ответил Бен.— А групп было очень много. Сопротивление казалось бессмысленным.

— В Стокгольме мы обратили их в бегство,— сообщил я.— Солдаты из них никудышные. Слабаки.

— Мор,— добавил Смовиа.— Крысы начали умирать, как раз когда появились банды. Ужасно.

— Так может, это они виноваты,— дошло до меня.— Такие, как они, считают, что мусор и нечистоты сами куда-нибудь денутся, наверное, пустили все на самотек и испортили воду.

— Совершенно верно, полковник,— вставил Свфт.— Эти безмозглые выскочки силой удерживали бывших сотрудников на энергетической станции, чтобы та хоть както работала. Их, похоже, удивляло, когда работники приходили к ним за инструкциями насчет аварийных ситуа-

ций. Они возмущались: «Я босс! Что вы лезете ко мне со всякой ерундой? Это ваша работа!»

— Ничего удивительного, что все развалилось,— заметил я и попытался объяснить Гасу, что он вместе с остальными людьми был перенесен из родной А-линии в весьма отдаленную.

Здоровяк отмахнулся.

— А обратно как-то можно попасть? — поинтересовался Бен.

Я рассказал ему, что мы собираемся вернуть законным хозяевам власть над техническим отделом Клубка и, положив конец переносу йлокков в линию ноль-ноль, при помощи Свфта использовать их оборудование, чтобы отправить всех пленников домой.

— Так чего же мы ждем?

— Для начала,— объяснил я,— надо захватить поселок и набрать армию йлокков, недолюбливающих двузаконников...

— Невозможно! — рявкнул Гас.

— Элементарно,— возразил Бен.— Их все ненавидят. Нужно только повести их за собой, и тогда мерзавцев сбросят в их собственные невольничьи ямы.

— Сколько в деревне людей? — спросил я.

— Пара сотен, наверное,— предположил Гас.— Люди приходят и уходят. Тут что-то вроде плацдарма для подготовки новичков. Показывают, как ходить в лес, что собирать и так далее. Ну и дрессируют, чтоб сдались и оставили дурацкие мысли о побеге. Куда бежать-то? Страна чужая, хоть с виду и совсем как наша.

— Что будем делать с этими лодырями? — поинтересовался Гас, глядя на наших пленников голодными глазами. В руке у него был мясницкий нож.— Перережем им глотки? — предложил он и шагнул к ближайшему, словно не сомневался в положительном ответе.

— Нет, мы их используем,— возразил я.

— Используем как? — взвился Эмиль, но тут же осекся и пробормотал: — Используем. Есть, сэр.

— Ослабь ты свою прусскую дисциплину, Эмиль,— приказал я.— Мы в одной лодке. Полегче, хорошо?

— Как,— перебил Свфт,— ты собираешься использовать этих негодяев? Не сомневайся, спокойно наблюдать за зверствами я не стану.

— У тебя нет оснований для подобных опасений, генерал,— напомнил я ему.— Сначала поставь их на ноги; затем растолкуй им, что они твоя свита и должны подчиняться. Ну и почисти немного.

— А дальше что? — не понял Гас.

— Чем меньше будешь трындеть, Гас, детка,— вспылил я,— тем больше придешься мне по нраву.

Он заворчал, но заткнулся и прижался к Мари, которая бочком отодвинулась от него. Она робко улыбнулась мне, и я произнес:

— Мадам, а сейчас я хотел бы, чтобы вы притворились, будто эти бездари захватили всех нас в плен, а генерал Свфт у них главный. Слушайтесь его, пожалуйста.

Я повернулся к Свфту.

— Идем в деревню,— сообщил я ему.— Нам нужны бараки рабов, а солдатам — добрый обед. Будем вести переговоры.

— Не вижу препятствий,— признал он и пролаял что-то высокомерное ближайшему йлокку с голубой полосой на спине, который как раз начал подниматься на ноги. Он глянул на Свфта, снова скрючился и проворчал что-то совсем не похожее на «есть, сэр». Свфт пнул его и произнес тихим, но ледяным тоном несколько слов. Сержант вскочил и немедленно схватил Эмиля за плечо. Эмиль сбил его с ног.

— Не сметь, презренный люри! — приказал Свфт.

Эмиль замахнулся на Свфта, который легко отвел удар и прошипел Хельму в лицо:

— Лучше подыгрывай мне, лейтенант, если хочешь пережить этот день. Остальные тоже в опасности.

— Djäveln! — выругался Хельм.— Мы уже показали этим крысам, кто здесь главный!

— Со всем гарнизоном нам не справиться, Эмиль,— внушал Свфт.— Они, несомненно, вызвали подкрепление. Через несколько мгновений вокруг окажется две сотни вышколенных полицейских.

Эмиль посмотрел на меня.

— Ты слышал генерала,— сказал я.— И меня, полагаю, тоже. Притворяясь рабами, мы остаемся под прикрытием, лейтенант. Действуй согласно плану.

Он неохотно подчинился.

Сержант — оказалось, его зовут Двд — уже встал и что-то высокомерно пищал. Свфт пролаял ему приказ и направился к следующему йлокку. Через десять минут при помощи сержанта удалось привести всех в чувство. Затем генерал посоветовался с сержантом и предоставил тому выстроить всю толпу в колонну по двое. К этому времени на дороге появились еще йлокки и замерли наизготовку, пока их командир говорил в портативную рацию.

— Подожди здесь, полковник, если несложно,— попросил Свфт и направился к ним.

Солдаты вяло забеспокоились, но взяли под козырек, как только разглядели его красную полосу. Он перебросился парой слов с капитаном, обернулся и крикнул сержанту Двду:

— Веди их сюда.

Двд довольно робко велел мне жестом построиться, и по моей просьбе Гас, Бен и Мари встали в линию, мы со Смовиа и Хельмом вытянулись за ними. Крошка беседовала с копом, у которого был разбит нос, и протягивала ему платочек вытереться. Двд заново выстроил своих парней и отдал приказ выдвигаться. Покорно волоча ноги, мы вышли на солнце, старательно прикидываясь бездомными рабами, которые жалеют, что вообще сбежали. Капитан купился. Он видел следы схватки, но откуда ему было знать, кто ее выиграл, ведь в его распоряжении была только ложь Свфта.

— ...пытались сопротивляться,— говорил генерал.— Я объяснил сержанту, что эти люри нужны мне самому для работы, и...

Я окончательно остановил нашу маленькую компанию и посмотрел на Двда, словно в ожидании приказаний.

— Полковник, эту группу мы тоже одолеем,— пробормотал Хельм.— Их всего-то две дюжины. Позвольте мне...

— Ты получил приказ, лейтенант,— прошипел я в ответ.— Может быть, немного прусской дисциплины нам все-таки не помешает.

Свфт рявкнул приказ Двду, тот резко повернулся ко мне и взвизгнул:

— Молчать!

Мы приумолкли.

Свфт подошел к Крошке и тихо переговорил с ней, затем снял длинную шинель с одного из копов помельче и помог девочке забраться в нее. Отличная мысль: теперь малышка смешается с военными и будет совсем незаметна. Мы подошли ближе к вновь прибывшим йлоккам, стараясь помешать им слишком пристально вглядеться в шеренгу робко посматривающих соплеменников, которые якобы охраняли нас. Свфт тет-а-тет беседовал с капитаном. После короткого совещания последний подозвал старшего сержанта и отдал ему приказания. Новый отряд построился с равнением направо, обогнул нас, вошел в лес и принялся командовать нашими пленниками.

Свфт резко возразил. Капитан отдал приказания, и через мгновение две группы выстроились бок о бок. Генерал подошел ко мне.

— Я посоветовал капитану Фску поместить этих парней под арест,— произнес он.— За нарушение субординации и некомпетентность,— пояснил он.

— Это подкрепление не кажется особо рьяным,— заметил я.— На чьей они стороне?

— Вообще-то они и сами не знают,— по секрету сообщил Свфт.— Это обученные регулярные войска, которые не спешат повиноваться явившимся неизвестно откуда шайкам бездельников. Моих знаков различия хватило, чтобы вывести их из замешательства. Я сказал им, что провожу имперские учения. В итоге они у меня в подчинении, а я импровизирую. Не отступай от плана, полковник, и, может, все у нас получится.

18

После довольно продолжительной неразберихи и визгливых препирательств между рядовыми капитан Фск построил всю ораву по четыре в ряд: по четыре ворчуна, но ворчуна покорных.

— В путь, капитан,— велел Свфт и подпихнул нас, рабов, вперед.

Мы смиренно заняли свое место, но Гас заметил:

— Надеюсь, нас не дурачат, полковник. Я не доверяю этим чертовым белкам, ни одной из них! — Он враждебно смотрел на Свфта.

— Генерал Свфт посвятил себя свержению банды, организовавшей вторжение,— произнес я.— Хотя на самом деле это скорее был рейд за рабами, а не настоящая оккупация.

— Когда я вижу, как чертовы белки сталкивают людей с тротуара,— горячо возразил он,— и вальяжно заваливаются, чтобы занять все столики в моем любимом кафе, я называю это вторжением.

— Чего ты хочешь, Гас? — спросил я его.— Положить конец войне или просто показать, какой ты крутой мужик?

— Выгнать их,— признал он.— Если для этого надо ломать комедию, я постараюсь.

— Еще как постараешься,— подтвердил я.

Откуда-то спереди доносилась вонь. Мы молча тащились по дороге и через несколько минут увидели каменные домики в окружении подстриженных деревьев и очутились на краю некогда прелестного поселка. Вдоль улиц высились запущенные каменные строения с разбитыми окнами и отвалившимися карнизами. Повсюду валялись трупы: устилали улицы и аллеи, забивали переулки. Похоже, сначала их пытались аккуратно укладывать в штабеля, но потом просто стали наваливать кучами. В основном кости, но и относительно свежих тел хватало, чтобы понять: мор еще не утих. Пока я наблюдал, из высокого окна вывалился покойник, ударился о мостовую и безымянным лег среди прочих.

Я заметил слабое шевеление в соседней куче. Кто-то еще жив и пытается выбраться. Я невольно шагнул в том направлении, но Свфт схватил меня за плечо.

— Полковник,— жестко произнес он,— у нас нет времени на благородные жесты.

Я ощутил потребность извиниться, но тут же понял, что на меня снова влияет местный образ мыслей; поэтому злобно зыркнул на Свфта и произнес:

— Я понимаю нужды этих военных, генерал.

Из лавки, которая ничем не отличалась от всех остальных мелких лавок на свете, вышел йлокк. Он поднял взгляд, заметил нас и завизжал, словно только что обнаружил пожар. Появились другие крысы и начали обступать нас полукругом. Свфт поговорил с капитаном; тот рявкнул приказ, и его войска поспешили выстроиться в две колонны рядом с нами, шестью «пленниками». Генерал подошел ко мне и принялся сетовать, что это подлинное бесчестье, что вмешательство двузаконных банд до основания разрушило общественный порядок и теперь толпа не находит зазорным лезть в дела несомненно регулярного отряда, сопровождающего пленных люри. Он отошел, чтобы утихомирить прибывающую толпу короткой и суровой речью. Возбужденные горожане расходиться не желали.

Затем две здоровенные крысы типа пасюков пробились в первый ряд. Одна показала на Эмиля, и обе ринулись к нему. Свфт велел им держаться подальше. Они не обратили внимания. Он подождал, пока они не окажутся с ним на одной линии, резко наклонился вперед, размахивая длинным туловищем по сторонам, и сбил обоих смутьянов с ног. В толпе раздались редкие голоса протеста, но большинство кричало что-то вроде «браво!». Свфт подошел, рывком бросил того, что покрупнее, себе под ноги, выплюнул ему в лицо несколько слов и отпихнул в сторону. Второй удрал, огрызаясь через узкое плечико на толпу, расступившуюся, чтобы пропустить его.

— Он пригонит целый гарнизон,— сказал Свфт.— Уведи своих людей с глаз подальше, полковник.

Меня это устраивало. Бормочущая толпа была настроена линчевать, вот только сомневалась кого: ненавистную банду, которая вторглась в их мирные жизни, представителя старого и предположительно потерявшего доверие порядка или люри. Свфт жестами велел нам пройти в тускло освещенное помещение, а сам выстроил отряд оборонительным квадратом, прикрывая дверной проем. Городские жители поспешно разбегались. Свфт присоединился к нам, как оказалось, в трактире и отдал приказ перепуганной старой крысе с проседью в мехе. Мы уселись на излишне низкие скамьи, и через мгновение юная крыса-официантка поставила перед нами длинные деревянные подносы с какой-то тушенкой. Пахло нормально.

— Это хорошая, полезная еда,— уверил нас Свфт, ныряя в свое корытце. Крошка неуверенно попробовала кусочек, затем кивнула — она не путала жесты — и сказала:

— Det är bra, Farbro Swft*.

Я тоже рискнул: кушанье напоминало какой-то гуляш из грибов и орехов — неплохо. Пока мы ели, звуки на улице превратились в полноценный рев толпы, который подстегивали пронзительные вопли двузаконников. Похоже, они готовились штурмовать трактир. Я поинтересовался у Свфта, что он намерен делать далее.

— Я обещал тебе охрану,— произнес он.— Ты ее получишь.

Разбив окно, в комнату влетел камень и упал на пол. Взволнованный хозяин, пища, выбежал наружу, но тут же ввалился обратно, шатаясь и истекая кровью. Свфт направился к двери, на мгновение остановился и вышел, глядя в глаза передним рядам шумной толпы. Он отбросил нескольких смутьянов в сторону и произнес, если я правильно перевел:

— Те, кто станет мешать мне и моим войскам защищать мир, порядок и закон Правления, очень скоро обнаружат, что избрали неверный путь. Не обращайте внимания на

* Это хорошо, дядя Свфт *(шведск.)*.

дерзких незваных гостей, побуждающих вас к смуте, и возвращайтесь к своим повседневным делам. Все подстрекатели получат по заслугам. А теперь вон!

Невысокая, но плотная крыса насела на него — челюсти Свфта лязгнули, и нахал отпрянул. Из похожей на обрубок прокушенной руки лилась кровь. Еще двое попытались повторить его подвиг и были отброшены стремительным взмахом туловища Свфта. Городские жители неуверенно толклись поблизости, ждали, кто победит. Из боковой улочки выбежали очередные задиры двузаконники, обогнули толпу и начали окружать нас с обеих сторон. Свфт шагнул обратно в дом и обратился ко мне:

— Сам видишь, что происходит, полковник. Наш общественный порядок полностью расстроен. В обычной ситуации единого моего слова хватило бы, чтобы рассеять чернь. Что же до двузаконных отбросов — тьфу! — Он посмотрел мне в глаза.— Ты должен обеспечить безопасность ее высочеству, полковник! — В его голосе звенело отчаяние.— Я говорил с капитаном Фстом, можешь положиться на него, насколько он и его небольшой отряд в состоянии тебе помочь.

Затем он повернулся к Крошке.

— Ваше высочество, я возвращаюсь к исполнению своего долга. Молю положиться на полковника и его люри.

Он повернулся и снова вышел на улицу.

Шум толпы взвился еще выше, и я услышал безошибочно мясистое «бум!» камня, встретившего плоть. Я увидел, как Свфт отлетает, медленно поворачивается и падает на бок. Толпа сомкнулась над ним. Похоже, это несколько удовлетворило, а то и отрезвило ее. Крысы отпрянули от тела генерала, оставив жалкую груду на земле. Головорез двузаконник принялся что-то кричать, но его немедленно сбили с ног. Городские жители отступали, исчезали в боковой улочке, откуда пришли. Тело Свфта казалось таким одиноким на мостовой.

— Djäveln! — наконец произнес Эмиль.

Смовиа утешал Крошку, которая что-то лепетала о дяде Свфте. Появился встревоженный хозяин, и я зажал его

в угол, как раз когда он метнулся было в свою каморку в глубине комнаты.

Он задрожал, потом решил проявить готовность к сотрудничеству.

— Идиоты! — заверещал он.— Из-за вас нас всех убьют!

— На чьей ты стороне? — поинтересовался я.

Он попытался проскочить мимо с воплями «стража!», затем умоляюще посмотрел на Крошку в полицейской шинели, но она была занята.

Я зажал его обратно в угол.

— Там только что убили лейтенанта-генерала лорда Свфта,— сообщил я ему.— Он стремился отобрать власть у этих мерзавцев и вернуть мир и порядок. На чьей ты стороне?

— Хулиганье вломилось и ограбило мою кладовую,— заныл он.— Где же войска ее величества?

— Почему ты не вышвырнул их? — удивился я.

— Их было много, а я один,— простонал он.— Что я мог поделать?

— Если бы весь поселок объединился против них,— сказал я,— вы бы смогли запереть их в местной тюрьме.

— Но многие надеялись выгадать,— жаловался трактирщик.— Я видел их только что, они стояли на улице, смотрели, как двузаконники убивают вашего друга, и мечтали чем-нибудь поживиться.

— А теперь ты хочешь действовать? — спросил я.— Еще не поздно вернуть власть себе.

— Что? — завопил он.— Что мы теперь можем сделать? Порядка больше нет, мир — забытый сон. Они владеют всем нашим добром, обращаются с нами как с простыми рабами... ой, прошу прощения, сэр.

— Ничего,— успокоил я его.— Мы не рабы. Эти военные — наши пленники — те, что не на нашей стороне.

— Но вы не могли... Почему же они не двигались и позволили...— Он бессвязно забормотал.

Я не специалист в разговорном — и истеричном — йлокк-ском диалекте, поэтому оставил его в покое.

— И что нам теперь делать, сэр? — поинтересовался Хельм.— Генерал умер, и как...

— Для начала надо забрать тело: выказать заслуженное уважение. Затем мы должны проникнуть в столицу и в технический отдел Клубка.

Док Смовиа стоял у двери, выискивая возможность подобраться к телу Свфта.

— Думаю, его должны занести военные, полковник,— сказал он.

— Вели капитану Фску разомкнуть квадрат, послать двух людей забрать генерала и вернуться на позиции,— проинструктировал я.

Смовиа передал сообщение и затем проворчал:

— А как же двузаконные ублюдки? И когда я смогу начать эпидемиологическую работу? Эти люди больны.

— Как только мы справимся с мятежниками,— ответил я.

— Мы должны сделать свое дело и убраться домой! — взорвался Смовиа.

— Чертовски верно! — выпалил Гас. Его жирная физиономия горела.

Вошли военные, осторожно неся Свфта и возбужденно попискивая. Крошка вклинилась между ними с криком:

— Он жив! Он жив!

Смовиа немедленно начал отдавать приказания и очищать место для осмотра.

— Эмиль! Возьми Крошку и постарайся ее успокоить.— Какое-то время он больше ничего не говорил, затем произнес: — Думаю, он жив. Но ему понадобится такой уход, какой мы вряд ли сумеем обеспечить.

— Ты уж постарайся,— попросил я его.— Генерал едва не отдал за нас жизнь. За нами должок.

— Чертово крысиное гнездо,— вставил старина Гас.

Хватит с меня его болтовни. Я сунул кулаком ему в зубы и сообщил, что еще один непрошеный совет — и я повторю, но на этот раз уже сильнее.

Он почесал челюсть и с удивлением уставился на кровь на руке.

— Предупреждать надо...— начал он.

Я замахнулся.

— Заткнись и встань в угол,— приказал я ему.

Смовиа начал было возмущаться, но Эмиль заставил его замолчать.

Гас повернулся к Бену и пробормотал:

— Он продаст нас крысам...

Хельм развернул его и врезал в живот, после чего затолкал в угол.

Трактирщик дрожал, непонимающе прислушиваясь к нашей беседе на английском. Я собрал свои обрывочные знания языка йлокков и спросил его, решил ли он, на чьей стороне стоит. Он сглотнул и выпалил:

— На правой стороне! Если вы, странные существа, собираетесь напасть на этих головорезов, я с вами.

Я поздравил его и поинтересовался, как насчет того, чтобы для начала снабдить провизией нашу вылазку в столицу и обеспечить уход за Свфтом.

— О, и не только это, сэр! — охотно уверил он меня.— Имею честь предоставить к вашим услугам свой экипаж и себя в качестве провожатого! В Городе меня хорошо знают. Я, Бнк, каждый день официально поставлял в Нефритовый дворец свежий корм — пока эти подонки не задержали меня две недели тому назад. Пойдемте, покажу вам свою повозку.

Я последовал за стариком и покорно осмотрел просевшую двуколку, которой не хватало только изнуренной пахотой клячи, чтобы являть собой идеальную картину худшего транспортного средства на свете.

— Тем не менее,— произнес у меня за спиной Смовиа,— это лучше, чем идти пешком. При условии, что найдется кому ее тянуть. Если не вылечить волдыри на ногах, так и до сепсиса недалеко. К тому же можно устроить Свфта в относительном покое, пока он поправляется.

— Конечно,— признал я.— Мы согласны,— сообщил я Бнку.— Выступим в путь, как только заполним повозку всем, что обычно доставлялось во дворец.

Он завел нас обратно в дом и показал, какие тюки и бочонки грузить. Смовиа обустроил место для Свфта, и я

отправил Гаса и Бена работать, а остальные стояли на страже. Гас возмущался, пока я снова не врезал ему. Долго же доходит до этого парня. Мари попыталась утешить его, но он огрызнулся. Похоже, она его побаивалась.

— Что мне сказать лорду казначею? — осведомился Бнк у враждебной вселенной.

— Правду,— предложил я.

— А ваше присутствие как объяснить? — не унимался он.

— Мы спрячемся под брезентом,— пообещал я.

— Полковник,— вставил Эмиль,— вы правда верите, что нас так просто выпустят с грузом ценных припасов?

— Бнк должен выполнять свою работу,— пояснил я,— они не посмеют помешать ему отвезти припасы Гргсдну во дворец. Будем лежать тихо, пока не выберемся из деревни.

Бнк вывел из пристройки странного зверя, похожего на тапира размером с бегемота, и запряг его в экипаж. Запахло старым гумном. Бнк рассеянно гладил покрытый коркой навоза бок животного и ловил больших синих мух. В повозке едва хватило места для шести человек. Мы пустили Крошку на козлы к дяде Бнку. Всех взрослых мужчин она называла дядями; похоже, различий между людьми и йлокками она не делала, зато прониклась симпатией к Мари, которая явно полюбила девочку. За исключением детского английского, малышка казалась вполне рассудительной десятилеткой. Но несомненно, Смовиа и Хельм поначалу говорили с ней как раз таким сюсюкающим языком, она привыкла и, естественно, что слышала, то и выучила.

В повозке валялся жесткий вонючий кусок брезента. Я пристроил его так, чтобы полностью прикрыть нас, но оставил небольшое отверстие для воздуха и смотровое лично для себя. Я проинструктировал Бнка вести себя так, словно ничего необычного не происходит, и не ожидать помех, а буде таковые возникнут, громко возмущаться и переть дуром.

19

Под брезентом было жарко, пыльно и тесно, воняло, кишело клопами, и я, похоже, лежал на гальке. Сразу стало ясно, что главное — не ерзать и не чихать. Установив сей факт, я задремал.

И проснулся под звуки писклявых голосов.

— Мы же тебе говорили, никаких больше услуг кровопийцам! — разглагольствовал один.

— Еда принадлежит Народу! — вторил другой.

Старый Бнк бойко отвечал:

— Что ж, я должен наплевать на нужды великого Гргсдна? Ему тоже кушать надо, а его самоотверженное служение Народу не оставляет времени на поиски пищи! Хотите, чтоб он умер от голода?

Еще немного брани — и ревнители чужих дел решили его пропустить. Один из них ткнул брезент палкой или тупым концом копья и оставил синяк у меня на плече. Затем мы двинулись дальше, каждый ухаб загонял острые осколки гальки мне в спину, словно кнопки. Я выглянул в смотровое отверстие и увидел, как наряд стражников исчезает за поворотом.

— Ладно,— сказал я остальным,— отсюда мы немного пройдемся пешком.

Свежий воздух никогда не казался слаще. Спустя несколько суетливых минут охоты на блох при помощи бутыли особого средства, выуженной Бнком из-под козел, мы пристроились в пыльном кильватере повозки, наслаждаясь дыханием, свободой движения, отсутствием засохших какашек и боли, не считая натертых ног. Счастье продолжалось добрых две минуты. Затем Бнк остановил двуколку и лихорадочно замахал: «прячьтесь».

Мы затаились в канаве и наблюдали, как они идут мимо, десять убого одетых парней, больше похожих на солдат, отставших от армии, чем на вымуштрованный отряд.

— Что думаешь, Эмиль? — спросил я жилистого старого черта, о котором по-прежнему думал как о юном лейтенанте Хельме.

Он подался вперед и зашептал мне прямо в ухо:

— Мне вон того молокососа с синей полосой.

— С первого захода придется каждому снять двоих.

Я вполголоса переговорил с Гасом и Мари, которая настаивала, чтоб ее тоже взяли в игру. Док Смовиа был готов, хоть особо и не рвался в бой. Он посадил Крошку в кусты и велел не трогаться с места.

— Мы встанем и тихо пойдем за ними,— разъяснил я.— Последние двое на мне. Эмиль, следующая пара твоя; бить надо быстро и сильно.

Мы выбрали по тяжелой, двухфутовой дубинке из веток твердой болотной сосны, в изобилии валявшихся вокруг. Я украдкой вылез из кустов и приблизился к замыкающему дурню. Получилось не очень: он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть опускающуюся дубинку, неуклюже увернулся и успел заорать, что услышал парень перед ним и тоже обернулся и рухнул, хорошенько получив промеж глаз. Эмиль обошел меня и снял облюбованного сине-полосатого, затем еще одного, ну а после началась всеобщая свалка.

Один крысюк попытался сбежать, но я поймал его, развернул и сбил спесь коротким тычком аккурат в его нежный желудок.

Тем временем он хватался за мое запястье и пытался что-то сказать. Наконец я разобрал пару слов:

— ...три закона. Мы не охотимся на вас, люри! Я — майор Лст из Верной оппозиции! — Тут он извернулся и заорал на Гаса, который, капая кровью из укусов на голых руках, душил крысу рядом.— Мистер Гас! Это я, ваш благодетель Лст! — Он пытался высвободиться, но я держал крепко.

Краснолицый Гас, яростно сосредоточенный на своем занятии, проигнорировал майора, но Бен подошел и крикнул сквозь гвалт визжащих крыс и сыплющих проклятиями людей:

— ...ошибка! Эти парни на нашей стороне!

Я бросил Лста на землю и прижал сверху ногой. Он попытался укусить меня за лодыжку. Я пнул его под ско-

шенный подбородок и произнес: «Шалунишка!» Он злобно уставился на меня, затем переключил все внимание на Бена и разразился долгой тявкающей речью, смысла которой я не уловил.

— Полковник,— произнес Бен, затем прервался и сшиб Гаса с ног мощным ударом.— Эти парни — остатки королевского гарнизона. Разумеется, они против двузаконного сброда и не одобряют большого похода за рабами. Майор,— он поднял обмякшего офицера на ноги,— дал нам уйти. Они помогут нам пробраться в столицу, чтобы атаковать головорезов.

Я поверил его словам, когда Мари подошла и подтвердила их, собственнически взяв его за руку и улыбаясь ему снизу вверх. Не красавица, но улыбка приятная, а к дубинке прилипла крысиная шерсть. Вояка что надо.

— Майор Лст отпер дверь клетки,— быстро рассказала она.— Сначала мы ему не поверили: решили, это ловушка, чтобы убить нас при «попытке к бегству» или вроде того. Но когда мы увидели, как он дубинкой вырубил капитана-двузаконника, то поняли, что он с нами. В конце концов, у него есть повод их ненавидеть. Я знаю, он поможет нам атаковать мятежников.

Понадобилась пара минут, чтобы восстановить порядок, выстроить ребят Лста, маленько потрепанных, неровными рядами и окружить их нашими парнями. Смовиа был занят — обеззараживал укусы, а после я дал ему заштопать пару черепных ран, кровь из которых заливала крысиные глазки. Эмиль успокоился последним, но Смовиа напомнил ему, что это тот же отряд, который когда-то прошел мимо их домика в лесу и не обратил на него внимания.

Лст заговорил:

— Мне пришлось изобразить ваши поиски, после того как вы сбежали из поселка,— объяснил он.— Двузаконники подозревали, что без меня тут не обошлось, и конечно же были правы. Я сообщил, что не обнаружил ваших следов, а позднее помог спастись остальным рабам. Вы можете мне доверять.

— Вы знаете генерала Свфта? — спросил я его.

— Разумеется, я имею честь его знать! — заявил он.— Вы виделись с генералом?

— Он временно сошел со сцены,— сообщил я.— Толпа жестоко расправилась с ним в таверне неподалеку. Он с нами, но не знаю, хорошо ли это.

— Я надеялся связаться с генералом,— произнес Лст.— Наш план — я подразумеваю верноподданные войска — состоял в том, чтобы соединиться с ним и вернуть столицу.

— Все еще возможно,— уверил я его.— Идеи есть?

— Я собирался завербовать всех освобожденных рабов, которых сумею найти, привести их обратно и затем, когда двузаконники поверят, что беглецы якобы вернулись, навалиться всем скопом,— поведал Лст.— Не могли бы вы осмотреть генерала и сообщить о его состоянии?

— Звучит разумно,— согласился я и спросил Эмиля и Смовиа, не видят ли они изъяна в плане, исходя из того, что им известно о ситуации в столице.

Доктор таковых не нашел и отправился проверить, как там генерал, который по-прежнему валялся в экипаже без сознания.

— Двузаконники всегда бурно празднуют возвращение беглых рабов,— сообщил Хельм.— Соберется вся банда, будут важно расхаживать, показывая, какие они крутые. Лст прав: это самое лучшее время, чтобы захватить их, зайдя с двух сторон одновременно!

Он так пылал энтузиазмом, что даже забыл извиниться за наличие собственного мнения.

Вернулся Смовиа и сообщил, что нам предстоит и дальше действовать на свой страх и риск, поскольку генерал намерен еще немного побыть в отключке.

Я спросил Лста, считает ли он Бнка способным с помощью нескольких верноподданных солдат обеспечить безопасность Свфта, пока мы осуществляем сей план. Майор минут десять поговорил с трактирщиком, отдал ему пару рядовых и отослал их. Он объяснил мне, что верные люди есть на землях Нефритового дворца и Свфт уже к утру окажется у них в безопасности и под присмотром.

Мы удалились в лес, чтобы немного отдохнуть и приготовиться победить или умереть на рассвете.

Подошел неунывающий старина Гас и долго бурчал, пока я не велел ему говорить, коли есть что сказать.

— Вы ведь не доверяете этим крысам, а? — спросил он.— Я говорю, давайте перережем им глотки, пока спят.

— Ты,— сказал я ему,— заткнешься, черт побери, и будешь делать, что велят. У меня нет ни времени, ни желания возиться с твоими неврозами, Гас. Поди проспись, и нечего выдумывать всякий бред.

Когда он утопал прочь, Смовиа подал голос:

— Можно бы и подипломатичнее, полковник. Гас, конечно, деревенщина, но в бою он нам пригодится.

— Ты видел его в последней схватке? — спросил я дока.— Он бросился на одного парня, и тот сбил его с ног. Больше он не пытался лезть в драку. По-моему, он такой же трус, как все крикуны.

Смовиа смирился. Через весьма короткое, как мне показалось, время Мари разбудила меня — настала моя очередь сторожить. Она промерзла до костей, да и я тоже, но разводить костер было слишком рискованно: Бен уверил меня, что полицейские-двузаконники наверняка патрулируют район. Наконец рассвело, и через пять минут мы уже двинулись в путь — не по дороге, конечно, а по тропинкам, которые мне показал Эмиль. Мы шли мимо заброшенных домов, низеньких и по обычаю частично вкопанных в землю. Вдалеке я заметил группу людей, направлявшихся в лес, чтобы еще один день выполнять за двузаконников их работу; йлоккский конвой зажал их в тиски по бокам. Прижавшись к земле, мы ждали, пока они пройдут.

Я спросил у Эмиля, сколько в поселке рабов. Он прикинул, что пятьдесят. Двузаконников примерно столько же. Я поинтересовался, верит ли он, что люди присоединятся к нам, когда увидят, что происходит. Он засомневался.

— До дома далеко, сэр,— объяснил он.— Они равнодушны. Я сумел поговорить кое с кем, но им было все равно.

— Интересно,— спросил я его,— почему вас с доком не загнали в рабочую бригаду, как только вы появились в деревне?

— Мы опередили двузаконных мятежников, сэр,— объяснил он.— У доктора была аптечка, и он вылечил пару больных детишек, они поправились. Их родные защитили меня от двузаконников, когда те заявились; похоже, все знали о походах за рабами и знали, что мы принадлежим к порабощенному виду, но не одобряли этого. Они ожидали, что с минуты на минуту явится королевская гвардия и прогонит мятежников. Они прятали нас, и кормили, и обращались с нами настолько хорошо, насколько позволяли обстоятельства.

20

Между тем нам было чем заняться. Мари сообразила, что нужны корзинки для плодов, и показала, из какой травы и как их плести. Это заняло полчаса, и все это время старина Гас брюзжал.

Крошка, или Минни, как мы ее называли в половине случаев (имя ей нравилось), считала все происходящее отличной забавой и быстро наполнила свою корзинку дикими цветами, пришлось попросить ее выбросить их и заменить на орехи и ягоды, как предложил док: двузаконников не слишком порадует, что рабы тратят драгоценное время на собирание маргариток. Я поставил девочку в хвосте колонны майора Лста. (Имя, которое я пишу как Лст, в действительность больше походило на «Лист», первая согласная произносилась на вдохе, но даже он понимал, кого я имею в виду, говоря «Лист». Я никогда не смогу бегло говорить на йлоккском: слишком много звуков с придыханием и писка.)

Малышка Минни в своей солдатской шинели легко сошла бы за молоденького новобранца. Я велел ей прятаться при первых признаках нападения. Она согласилась, но, по-моему, ей чертовски понравилось бить сержанта-

двузаконника по голове во время последней схватки, потому что он напал на дока, хотя она заботливо ухаживала за ним, когда все закончилось. Теперь они подружились, и девочка сделалась кем-то вроде дочери полка. Полезно для боевого духа, и моего, и их.

Солнце стояло высоко и пекло. Мы, люди, потели и радовались, что нам не надо кутаться в шинели. Военным, похоже, было все равно, даже Минни. Наш новый конвой был в приподнятом настроении; насколько я разобрал разговоры в строю, отряд собирался быстро расправиться с мятежниками и отправиться в столицу с той же целью.

Я предупредил Лста, чтобы держал их в узде, а то как бы не начали беспорядочно грабить или обижать селян. Он уверил меня, что дисциплина в отряде отличная и что он понимает: необходимо перетянуть местных жителей на свою сторону.

Мы увидели впереди под деревом небольшую группу бездельничающих йлокков с лопатами. Они посмотрели в нашу сторону и встали, словно желая вмешаться.

— Двузаконный сброд,— прошипел Лст.

Я посоветовал ему выстроить своих ребят в каре вокруг нас, его предполагаемых пленников. Сделав по-моему, он поспешил вперед, и один из тунеядцев шагнул в сторону, словно намереваясь его перехватить. Лст сделал ложный выпад влево, затем махнул туловищем, как Свфт, и отбросил парня футов на десять, где тот и остался лежать, дергая ногами и задыхаясь. Лст рявкнул остальным приказ, и они мрачно принялись копать длинную узкую могилу. Взмах руки Лста — и они подобрали своего бывшего приятеля, который продолжал хрипло дышать, и бросили его в яму. Когда могила была засыпана, он велел им потоптаться по ней, чтобы прибить разворошенную пыль.

— Не слишком ли сурово, Лст? — спросил я.

Он оскалил резцы и зарычал.

— Ничего другого эти отбросы не понимают,— решительно заявил он.

— Слушай,— произнес Гас откуда-то сбоку.— Может, на этот раз крыса права.

Но мне все же было не по себе. Я приказал Лсту выкопать еще живого солдата. Он неохотно уступил. Похороненная крыса вылезла из могилы, когтями разбросав последние комья земли. Внезапно его бывшие приятели вновь стали таковыми и столпились вокруг него, помогая отряхнуть комья земли с узких плеч.

— Отличная работа, полковник,— тихо произнес Хельм.— Теперь мне не придется возвращаться и выкапывать его, пока он не задохнулся.

Поздравляющие и поздравляемый подошли поговорить с Лстом. Тот перевел:

— Им понравилось. Говорят, и правда перепугались, что старине Црту конец пришел. Приятно, мол, встретить офицера, который умеет обращаться с войсками. Хотят встать под мое командование. Предложили убить всех вас, рабов, просто потехи ради. Особенно вас, полковник. Я сказал им, мол, у меня есть для вас работенка: мы идем в столицу гнать Гргсдна поганой метлой, чтобы вернуть старые добрые времена. Идея им понравилась, и они захотели присоединиться к нам. Я согласился. Они завербовались. Теперь нас двадцать шесть. Дело идет на лад.

— Нам повезло,— сказал мне майор, когда мы восстановили строй и неуклонно, хоть и не слишком быстро, направились к населенному пункту.— Все эти парни в замешательстве: они привыкли выполнять приказы королевского командования, а тут внезапно налетели двузаконники и заявили, что теперь они представляют мир и порядок. Им пришлось подчиниться, чтобы сохранить жизнь. Кое-кто попытался оказать сопротивление и был забит до смерти. Сейчас они все еще боятся своих хозяев-двузаконников, но очень хотят вернуть все на старые рельсы. В городе все будет по-другому. Военные-двузаконники верны своей безмозглой партии и нападут на нас, как только увидят, не сомневайтесь.

— С дубинками,— напомнил я.— У нас есть свои дубинки. Скажите войскам, что мы победим. Главное, держаться вместе и выполнять приказания, и старые добрые времена вернутся очень скоро.

Так он и сделал. Похоже, все остались довольны.

Впереди показался домик и вокруг него штатские. Я послал Лста сообщить, что мы — освободительная армия. Два молодых парня попросились к нам. У них нашлись резервистские шинели, и я позволил им встать в хвосте колонны. В строю без конца переговаривались, что меня вполне устраивало; они вводили друг друга в курс дела и насаждали esprit de corps*.

Новые дома, новые рекруты. Вдоль дороги появились рекламные щиты. Наконец мы вышли на широкое место, и перед нами открылась деревенская улица. По тротуарам ходили несколько человек — я осознал, что начал думать о йлокках как о людях. Еще была парочка тяжелых самоходных тележек, нагруженных загадочными товарами в тюках и коробках. Впервые мне представилась возможность хорошенько разглядеть алфавит йлокков на щитах и на боках тележек. Похоже, он состоял из пунктирных иксов и петель странной формы. Я от души понадеялся, что учить его мне не придется.

Майор Лст шел по левую руку от меня, Эмиль по правую.

— Бараки — в конце главной улицы,— сообщил мне пленный офицер.— Дело верное: там места всем хватит, да и двузаконные фанатики не удивятся, что мы отправились туда с пойманными рабами.

— Возможно, это ловушка, полковник,— предупредил Хельм.

Крошка метнулась к ближайшей витрине, на которой красовались какие-то яркие штуки непонятного мне назначения. Она едва не приплясывала от возбуждения.

— Мили,— пропищала она и перешла на шведский, умоляя его сходить посмотреть чудесные штучки.

Лейтенант подчинился, и оба скрылись внутри. Я остановил колонну. Эмиль вернулся через полминуты и подошел ко мне.

---

* Командный дух *(фр.)*.

— Мне нужны все наличные, какие есть у этих ребят,— откровенно сказал он.

Я обратился к майору, тот рявкнул приказ, и спустя несколько мгновений Эмиль стал обладателем внушительной кучки деревянных жетонов. По всей видимости, они были вручную выстроганы из твердого красноватого дерева и демонстрировали те же иксы и петли, что и щиты.

— Порядка сотни злотов,— прикинул Лст.— Похоже, они мародерствовали.

Эмиль вновь нырнул в магазинчик. Я отправился поглядеть, что происходит. Маленькая комнатка была ярко освещена и набита разноцветным барахлом. Минни визжала, хватала одну вещь за другой, обнимала ее и клала на место. Эмиль велел ей взять то, что нравится больше всего. Она остановилась на большой пушистой зверушке неизвестного мне вида. Хозяйка магазина, пожилая крыса с седой мордой, увлеченно доставала все новые и новые игрушки. Эмиль подозвал ее и выложил деревянные деньги. Старушка заверещала, но никто не обратил на нее внимания. Наконец Эмиль рявкнул, и она удалилась, бормоча и пересчитывая добычу. Он сказал мне, что ее удивило, с какой стати солдата так заинтересовали игрушки для маленьких девочек.

— Я соврал ей, что они для моих младших сестренок.

Мы вернулись в строй, Минни обнимала своего синего верблюда или кого там она себе выбрала.

— Будем считать верблюда нашим талисманом,— пояснил я Смовиа и майору Лсту, который сообщил информацию рядовым и провел маленькую церемонию по передаче высокой привилегии нести игрушку грубоватому сержанту (голубая полоса). Тот казался польщенным. Затем Лст вновь всех построил, и мы двинулись вперед. Сперва никто не обращал на нас особого внимания, но вот коротенький и толстый крысюк выбежал из двери на улицу, поглядел на нас и неестественно важной походкой зашагал навстречу. На нем повсюду красовались надписи «Служба безопасности».

— Разберись с этим парнем,— велел я Лсту.

Майор пробился вперед, чтобы перехватить полицая, но тот лишь нетерпеливо отмахнулся от него. Старина Лст унижаться не стал, а просто проделал свой ловкий трюк с поклоном и поворотом, отбросив парня на десять футов. Затем подошел к нему, постоял, пока тот пытался подняться с четвереньек, и что-то пролаял. Коп послушно прополз несколько ярдов, затем вскочил и рванул к двери, из которой вышел.

Лст позволил ему уйти и вернулся с самодовольным видом.

— На редкость счастливая встреча,— сообщил он мне.— Это лейтенант Дрф, он как раз направлялся поднимать гарнизон: появились донесения о группах освобожденных рабов, блуждающих в округе. Я объяснил ему, что это новых работников учат ориентироваться, что мы также участвуем в тренировках и что никто не должен вмешиваться под страхом удушения. Это даст нам отсрочку.

— Врешь небось,— влез старина Гас и попер пузом вперед на йлоккского майора.— Небось сказал им, чтоб караулили нас в бараках.

Лст сделал шаг назад и жестом приказал всем отступить, оставив их с Гасом одних, лицом к лицу. Я видел, к чему дело идет, но до Гаса, конечно, по-прежнему медленно доходило. Взмах туловища заставил его, давясь, сложиться пополам; затем он осел на землю и принялся подвывать между судорожными вдохами. Я велел ему заткнуться и встать в строй.

Лст поймал мой взгляд.

— Вы же понимаете, полковник, что правдивость королевского офицера не может быть поставлена под сомнение подобными ему?

Я кивнул.

— Он больше не будет,— заверил я коллегу.— В путь.

Несколько горожан остановились и уставились на нас. Гладенькая молодая крыска подбежала к Смовиа, предлагая ему что-то из своей корзинки. Он понюхал, жестами

изобразил «благодарю покорно», отщипнул немножко, а затем отхватил целый кусок. Похоже, фрукт какой-то, вроде сушеного абрикоса. Продолжая жевать, он поспешил ко мне.

— Полковник,— выпалил он,— юная леди больна, я слышу запах гнилых апельсинов, и ради ее доброты... Как вкусно, попробуйте! — Он предложил мне еду.— Пожалуйста, сэр,— умолял он,— позвольте мне применить вакцину: она может спасти ей жизнь!

Крошка подошла посмотреть, из-за чего сыр-бор.

— Дядя Моби хороший,— умоляюще произнесла она.— Дядя Коник, скажите «Javisst, det går bra». Пожалуйста, дядя Коник.

— Конечно, отличная мысль,— сказал я и остановил колонну.

Теперь я жевал жесткий неподатливый фрукт. Остаток достался Минни. Она схватила его и радостно завопила, как и положено десятилетке. Смовиа вернулся к даме с корзинкой и при помощи жестов и пары слов на йлоккском усадил ее на соседнюю кирпичную стену. Он отвернул край ее накидки, обнажив густо заросшую шерстью руку, и порылся в своем маленьком черном волшебном чемоданчике. Она завороженно следила за ним, но даже не пискнула, когда он достал безыгольный шприц, приставил его к ее запястью и засадил дозу вакцины в плоть. Затем подозвал Лста.

— Скажите ей, чтобы немедленно шла домой и легла,— проинструктировал он озадаченного офицера.— Она ничего не должна есть. Я постараюсь повидать ее завтра.

Лст попятился прочь, но указания дока передал.

— Нам нельзя приближаться к ней,— пояснил он доку.— У нее зараза. Я чую ее. Она умирает.

— Это мы еще посмотрим,— возразил Смовиа.— Проследите, чтобы она выполнила мои предписания. Идите за ней, узнайте, где она живет.

Он собрал инструменты и приготовился двигаться дальше.

21

В остальном мы добрались до бараков без приключений; это оказалась длинная узкая постройка, провонявшая крысами. Лст зашел внутрь, пропустив сержанта Двда вперед. В здании находились несколько местных вояк. Они сбежали через заднюю дверь. Майор с довольным видом вернулся.

— Все в порядке, полковник,— сказал он.— Думаю, я смогу завербовать большинство этих ребят, если позволите.

Не дожидаясь разрешения, он подозвал Двда и послал его за изгнанными солдатами. Мы выбросили пропахшее крысами постельное белье и устроились поудобнее. Койки были слишком узкими, но мы устали.

Первую стражу стоял я, затем, после двух бесконечных часов, меня сменил Хельм. Никто нас не беспокоил. Я уснул мертвым сном. И проснулся, лишь когда Двд вернулся с очередным сержантом на буксире и выгнанными вояками, которые беспорядочной толпой плелись позади, и рапортовал, что кадровый состав в количестве двадцати пяти рекрутов, вышколенных, насколько йлокки вообще умеют школить солдат (по крайней мере, они способны вставать по стойке «смирно», строиться и ходить в сомкнутом строю), полностью одобряет возвращение Старого порядка. Затем было много болтовни, поскольку каждый спешил рассказать товарищам, как его заставили сотрудничать с двузаконными захватчиками. Их также крайне интересовали мы, люри, которых они продолжали считать тупыми животными, пока я не почувствовал, что сыт по горло, и не разразился проклятиями на ломаном йлоккском. После чего они нашли другое занятие: принялись рассказывать нашему изначальному контингенту, большую часть которого знали, свежие новости.

К сумеркам мы навели порядок и дисциплину, всем явно не терпелось приступить к делу. Военные-двузаконники укрылись на бывшем лучшем постоялом дворе поселка. С них-то мы и начнем.

— Полковник,— озабоченно обратился ко мне Хельм,— я думал, двузаконники сами собирались напасть на нас. Майор Лст сказал...

В этот миг ближайшее окно взорвалось фонтаном осколков, и обернутый в бумагу кирпич грохнулся об пол барака рядом с нами. Хельм развернул его и показал листок майору.

Лст глянул на убористую писанину и отбросил ее.

— Дурачье! Это стандартное извещение о награде за сбежавших рабов, только снизу нацарапано несколько чудовищных угроз. Я упомянут особо: похоже, я враг Народа, предатель, вор, лжец и так далее!

Я слышал скрежет его зубов.

— Надо готовиться, полковник,— напряженно произнес он.— Они нападут на бараки.

— До темноты подождут? — спросил я.

Он покачал головой.

— Подобные им ночных операций не любят,— отверг он мое предположение.— Я предлагаю выставить мои войска защитным порядком и ждать штурма. Глупо выходить из укрытия и без толку подставляться под удар.

Я согласился, и он принялся организовывать толпу йлоккских солдат из трех разных отрядов, делить на ряды и пересчитывать. Затем приказал навалить поперек барака койки в качестве защитного бруствера, слишком низкого для людей. Я указал на это упущение, и кучу сделали повыше. Мне было интересно, нападения какого рода он ожидает от армии, не обеспеченной огнестрельным оружием.

— У них есть запас отобранных ружей,— по секрету сообщил он.— Все эти ребята — ветераны, эээ...

— Рейдов за рабами,— договорил я.

И в этот миг началась артподготовка, вот только велась она из малокалиберного оружия, а не из пятидесятимиллиметровых винтовок. Мы все попадали на пол, когда боковые стены сложились внутрь градом щепок и осколков стекла.

Эта часть продолжалась всего несколько секунд, затем Эмиль поднял голову, и я заорал на него, но он крикнул:

— Они идут, сэр! Я могу снять одного...— И выстрелил.

Мы со Смовиа присоединились, как и парочка местных рекрутов, у которых нашлись пистолеты. Мне пришлось отозвать их и напомнить, чтоб стреляли только по легким мишеням: приходилось поберечь боеприпасы. Странная идея для йлокков с их энергетическим оружием, не требующим подзарядки.

Я увидел, как в нескольких футах над разрушенной торцевой стеной показалась крысиная морда. Отчаянный двузаконник попытался проскользнуть справа. Мы с Эмилем выстрелили одновременно и снесли твари башку, забрызгав все вокруг мозгами и прочим мусором. Еще одна крыса — и тоже быстрая смерть. К этому времени стреляли все наши ружья; двузаконники явно полагали, что первый залп убил всех, кто сидел внутри, и входили довольно небрежно, за что и неизменно расплачивались.

Вместо этого мы двигались вперед, наши пули косили их шеренгами, а местные парни шли позади и добивали уцелевших дубинками. Они хватали ружья, которые роняли враги, и присоединялись к стрельбе по легким мишеням. Через пять минут не осталось ни одного двузаконника: все умерли, сбежали, либо — как в случае двух сержантов и капитана — сдались в плен. Все трое говорили одновременно, голосили о своей преданности Нефритовому дворцу и утверждали, что их силой заставили служить Двум Законам.

— Не сомневаюсь в их искренности,— сказал мне Лст,— теперь, когда они видят, что двузаконники проиграли.

Наше войско так разрослось, что ситуация становилась неуправляемой. Я предложил Лсту разделить его на четыре отряда, взвода, роты или любые другие боевые единицы подходящего размера, затем велел Гасу и Бену принять командование над двумя из них, а другие две взяли мы с Эмилем. Я попросил Мари позаботиться о Крошке. Обе возмущались, что их не берут в штурмовые войска, и напоминали, что до сих пор успешно принимали участие в схватках.

Я объяснил им, что мы переходим в наступление и теперь все будет не так просто. Между тем вражеские атаки полностью прекратились.

Моя идея состояла в следующем: бросить две роты в лобовую атаку на товарный склад, откуда в основном и стреляли, а тем временем две другие группы обогнут его сзади, широко разойдутся налево и направо, вернутся и ударят по складу с двух сторон одновременно. Эмиль указал, что это не слишком похоже на продуманный стратегический план, но признал, что ничего лучше предложить не может.

Смовиа быстро осматривал наши войска, которые покорно выстроились и терпели его тычки и пинки. Он нашел двух солдат с начальными стадиями мора, вколол им вакцину и поместил в карантин в конце длинного барака.

Когда мне осточертело канителиться, я построил свой отряд, и мы вышли колонной по одному, иного не позволяла узкая дверь; затем проделали «направо марш», «стой» и «налево».

Из склада, плохо целясь, выпустили несколько пуль. Мы не обратили на них внимания и двинулись ускоренным маршем, не открывая огня, пока не нашли видимые в открытые двери мишени, жмущиеся к стенам своего убежища. Обстрел возобновился, но как-то вяло. Двузаконные рекруты, похоже, растеряли даже те жалкие остатки энтузиазма, которыми обладали.

Мы приблизились к складу. Скорости не снижали, напротив, вбежали в большие, широко открытые двери наподобие гаражных и врезались в толпу йлокков, сгрудившихся в центре большой комнаты. Они спешили капитулировать: нашим мальчикам пришлось разбить пару голов, ну и без укусов не обошлось, но к оружию никто из них не прибегнул.

Когда прибыли боковые отряды, их ждало разочарование: свалка уже закончилась. Лст серьезно поговорил с ро-

зово-полосатым капитаном Блфом, старшим по гарнизону, и рапортовал, что все подразделение готово и даже жаждет атаковать «настоящих» двузаконников, группу всего лишь из тридцати истинных мятежников, вторгшихся в поселок в самом начале.

С нашей стороны потерь не было, не считая нескольких ушибов и пары укусов. Док подлатал их. Старина Гас заработал синяк на плече; он изображал тяжелораненого и возмущался братанием с крысами. Он ныл все громче и громче, требуя, чтобы ему позволили пристрелить крысу, которая его укусила, и утверждал, что узнает ее по черной полосе на спине.

— Полковник? — уточнил Лст у капитана Блфа.— Где? Как?

Блф пошел и вырвал полковника из тисков Смовиа (крысюк страдал от вмятины на черепе, которой Гас наградил его в ходе обзаведения синяком). Затем Лст крайне почтительно допросил его и был явно озадачен: полковник отвечал довольно охотно, но временами, казалось, уклончиво.

— Он виляет,— сообщил майор.— Происходит что-то, о чем он не хочет говорить, но он выдал себя якобы беспорядочной системой умолчаний. Я опытный следователь, полковник, любой другой не заметил бы этого.

— Следите за ним,— приказал я.— Между тем нам надо еще освободить деревню — ну, или сообщить жителям, что они уже свободны.

Когда мы с Лстом готовились послать три хорошо вооруженных отряда распространить весть, а заодно и выяснить расположение полезных запасов, подошел Смовиа и попросил разрешения уйти, чтобы выявить больных и начать собирать их в своего рода импровизированную клинику, пока не сможет ими заняться как следует.

— Мне надо натаскать несколько человек в помощники,— поделился он.— Верю, что вы мне не откажете, полковник.

Я разрешил ему приступить, но смотреть в оба, чтобы не попасть в ловушку. Он уверил, что самоубийство не

входит в его планы, и показал тяжелый револьвер, которым обзавелся.

— Если понадобится, я воспользуюсь им,— успокоил он меня.

Настало время для военного совета. Я созвал людей, а также йлоккских офицеров и сержантов, поскольку основательно на них полагался (но не слишком). Войска, похоже, искренне рвались в бой, особенно потому, что атака на бараки, пусть и плохонькая, показала, как охотно по ним стреляют бывшие товарищи.

— Надо быть осторожными,— сказал я,— не слишком самонадеянными: до сих пор мы фактически не встретили решительного и организованного сопротивления, каковое, несомненно, ждет нас в Городе.

Майор Лст захотел что-то сказать, в основном нам, людям.

— Мой народ,— начал он,— хоть и неопытен в искусстве войны, не обделен ни разумом, ни отвагой. Гргсдн признался: именно наблюдая постоянный раздор между люри в тех фазах, где они доминируют, он понял, что желаемое можно брать силой. А что может быть заманчивее источника сообразительных и энергичных рабов для выполнения той рутинной работы, которая «ниже достоинства Благородного народа», говоря его же словами. Успех был ошеломляющ. Сначала сотни, затем тысячи стекались слушать, как он выкрикивает послание о вечном празднике; никакой больше работы, никогда, и — что неявно подразумевалось — изобилие разнообразной и превосходной пищи.

— На редкость наивная концепция,— заметил Смовиа.— Он воображал, что жестокие воины, которыми он так восхищался, сдадутся без боя?

— Он собирался взять числом,— объяснил Лст.— Плюс новое «оружие» — в нашем языке не было такого слова — которое, по его словам, делало наши войска неуязвимыми.

— И он вряд ли надеялся установить свой Новый порядок, не уничтожив Старый,— вставил Хельм.— В результате — революция и похищение маленькой Минни.

— Наверное, он удивительно харизматичен, этот Гргсдн,— заметил я.— Как он выглядит?

Лст не знал, он никогда его не видел. Похоже, его вообще мало кто видел, в нашей армии так и вовсе никто. Весть распространяли ученики, но сам Гргсдн оставался в тени, добавляя к своему очарованию флер тайны.

— Глупцы,— проворчал Лст,— но поверьте, прошу вас: подобное поведение нехарактерно для Народа в целом. Подавляющее большинство охотно вернулись бы к прежним порядкам, если бы только нашли путь. Мы им поможем.

Мы подробно все обсудили и решили идти открыто, одной колонной, поставив людей в середину. Пусть двузаконники гадают, что происходит. Мы окружим и обезвредим любой отряд двузаконной милиции, с которым столкнемся, и завербуем как можно больше сторонников, прежде чем двигаться дальше. Затем направимся прямо к техническому отделу Клубка и овладеем им, окружим дворец и освободим Верноподданных, которые все еще защищают его. Когда спокойствие восстановится, мы увенчаем наш fait accompli* представлением ее высочества принцессы.

— А затем, надеюсь,— проворчал Гас,— сможем подумать и о себе.

— Заняв технические здания, мы сможем немедленно положить конец притоку подкреплений захватчикам и организовать свое возвращение домой. Но только тогда, когда возьмем здания,— подчеркнул я.

Наконец-то старина Гас перестал брюзжать, отчасти потому, что наконец осознал, что резни крыс не будет, а отчасти потому, что начал понимать: это и впрямь не самая лучшая идея.

Смовиа, который вколол лекарство всем больным в нашем отряде, несколько успокоился и, конечно, больше других рвался в бой. Солдаты, со своей стороны, увидев, что их умирающие товарищи пришли в полное здравие, решили, что док волшебник, и принялись старательно его охранять. Мне было немного не по себе из-за того, что предстояло сделать.

* Свершившийся факт *(фр.)*.

Мы конфисковали рюкзаки в кладовой при бараках, набили их едой, спальными принадлежностями и тем, что каждый сам пожелал взять. В сарае за кладовой нашелся тайник с одеждой из нашего мира и всякой мелочью вроде часов и карманных ножей. Лст сообщил, что до столицы две мили. Мы вышли на рассвете, хорошо отдохнув, поев и попив воды. Три парня не успели выздороветь, и мы оставили их отдыхать.

22

Городская стена, крепко сложенная из тесаного камня и снабженная шипами поверху, была высока и внушительна. Ворота представляли собой конструкцию из досок и железных полос, их охранял высокий йлокк в вычурном, красном с золотом одеянии и ручной пушкой «Бофорс», которую он, похоже, не знал, как держать. Дурень заглядывал в трехдюймовое дуло и при этом теребил спусковой механизм. Как ни странно, он еще был жив, когда я вслед за майором Лстом направился к нему. Он небрежно глянул на майора и переключил внимание на меня, пока Лст не пролаял что-то вроде «тссс!», а затем заскрежетал ржавой пружиной. Часовой немедля очнулся и едва не выронил пушку. Лст схватил ее и со знанием дела обследовал.

— Хорошее оружие,— кивнул он мне.— С остроумным амортизатором отдачи.

Я согласился, помог ему отыскать бутафорский с виду, но вполне рабочий ключ на поясе у часового, и мы открыли ворота. Никто не выпрыгнул и не заорал «ууу!», и мы, не встретив никакого сопротивления, прошли внутрь. Теперь я поставил людей по бокам. Впереди виднелся Нефритовый дворец, бледно-зеленый, как и положено нефритовому дворцу, изобилующий зубчатыми башнями, стройными шпилями, летающими гранфаллонами* и зловещими

* Гранфаллон — здесь: монстр из компьютерной игры «Кастлвания», гигантский шар из мертвых тел, плывущий над землей.

бойницами, прорезанными специально для того, чтоб целиться из жутких разрушителей.

Мы шли, словно имели на то полное право, и, следуя указаниям Лста, выбрали дорожку, огибающую дворец и ведущую в технический отдел на задворках. Несколько йлокков, лениво прогуливавшихся в лабораторных халатах у большой передней двери, смерили нас любопытными взглядами, но дергаться никто не стал.

Миновав главный вход, мы направились по тротуару к маленькой дверце, практически спрятанной за розовыми цветущими кустами. Подле нее стояли два деловитых йлокка в походной форме. Они взяли дубинки наизготовку и спокойно смотрели, как мы приближаемся. Затем тот, что с зеленой полосой, что-то пропищал, и Лст пискнул в ответ. Он говорил тихо, и оба стража засуетились, повернулись, чтобы открыть дверь, и исчезли внутри.

— Что за волшебное слово ты им сказал? — спросил я его.

— Правду,— ответил он.— Они меня знают, разумеется. Мы — эскорт ее высочества. Я дал понять, что свита также не замедлит себя ждать...

Он умолк, поскольку из-за угла здания показался авангард ревущей толпы. Крысы размахивали дубинками и выглядели вполне неистово.

Внезапно во главе нашей колонны появился Свфт. Сообразив, где мы находимся, он сорвал покрывало и присоединился к отряду. Разобравшись в ситуации, Свфт отправился навстречу толпе. Высокий сержант-двузаконник в переднем ряду замахнулся дубинкой. Свфт отобрал у него оружие и пролаял приказ. Часть наступающей толпы раздалась, обтекая его с двух сторон. Смовиа тихо присвистнул и произнес:

— На редкость крутой крысюк.

— Свфт, берегись! — крикнул я и ринулся вместе с Хельмом вперед, чтобы снять парочку предприимчивых двузаконников, которые нырнули генералу за спину.

Но еще двое обрушились на него сбоку. Он треснул одного одолженной дубинкой, а второй отступил сам, как

раз вовремя, чтобы расчистить место для очередной пары добровольцев, показавшихся справа. Мы с Эмилем перехватили их, а старина Гас пронесся мимо и перешел в наступление.

Теперь Свфт был окружен толпой и принимал тяжелые удары бесчисленных дубинок. Майор Лст пробился к нему, и они с генералом встали спина к спине. Они валили мятежника за мятежником, пока не очутились в кольце тел атакующих.

Гас ломанулся к ним, но был сбит здоровенным йлокком с шестифутовой палицей. Хельм обогнал меня, пришлось его подзывать.

— Осторожнее, Эмиль, а то отрежут.

К этому моменту я уже подобрался достаточно близко, чтобы выбить дух из двузаконника, стоявшего прямо за лейтенантом и занесшего дубинку для сокрушительного удара по голове. Мишеней хватало. Мы сосредоточенно сбивали их, и через несколько мгновений вместе с Гасом карабкались через кольцо павших, чтобы присоединиться к Лсту и Свфту.

Последний благодарно посмотрел на меня и сказал:

— Мы должны выбраться из этой ловушки, прежде чем до них дойдет, что один-единственный выстрел из разрушителя прикончит нас всех.

Он взглянул на наши войска, которые, окружив принцессу, Мари и Смовиа, сцепили короткие ручки и прижались спинами к стене рядом с дверью.

— Ее высочество...— начал он и покачнулся от удара, который нанес ему приземистый розово-полосатый крысюк, заметивший, что генерал отвлекся.

Я сбил негодяя на землю, а заодно и второго, прятавшегося у него за спиной.

Свфт снова подошел ко мне.

— Необходимо освободить ее высочество! — прохрипел он.

Йлоккские легкие, в отличие от наших, не приспособлены к долгому напряжению. Я кивнул, мы выстроились клином и пробились обратно к группе, охранявшей прин-

цессу в жалком укрытии возле двери. Атака ослабевала: йлоккам не хватало упорства.

— Ваше высочество! — крикнул Свфт.— Укройтесь внутри, умоляю! Нст,— обратился он к сержанту, главному по команде.— Внутрь! Немедленно! — Затем повернулся ко мне: — С замком придется повозиться.

Нст немедленно занялся делом при помощи какого-то инструмента, но, похоже, не преуспел. Дело принимало неприятный оборот: толпа наседала. Нам срочно требовался путь к отступлению.

Отвлекшись на все это, мы с Хельмом не успели перехватить двузаконника, который прыгнул сбоку и нанес Свфту ужасный удар трехфутовой дубинкой. Свфт не упал, но, шатаясь, отпрянул в сторону и был окружен врагами, которые сбили его с ног и навалились сверху.

Эмиль пристрелил двух или трех и бросился в атаку. Я прибил парня, который скользнул за ним, и мы добрались до Свфта или того, что от него осталось. Он походил на свернутый в рулон и пропитанный кровью коврик. Бедняга так толком и не оправился от самого первого выстрела на станции переноса, затем попал в руки толпы и был избит, и вот теперь его растоптали. Я попытался просунуть под него руку, чтобы помочь встать, но Смовиа оказался прав: Свфт — крысюк крутой.

Он вывернулся из моей хватки, отбросил Эмиля в сторону, выпрямился во все свои семь футов два дюйма и заорал на толпу окружающих нас двузаконников:

— Пошли прочь! Приказываю вам именем ее императорского высочества: уходите!

Я разобрал, что именно прокричал в ответ парень, стоявший рядом со мной:

— Отдай рабов!

Свфт протиснулся вперед и сбил дерзкого с ног. Толпа неуверенно зашевелилась. Кто-то, казалось, был готов атаковать, другие отступали. Они балансировали на лезвии ножа.

— Эти люри под моей защитой! — крикнул Свфт и сбил очередного бесцеремонного мятежника.

Следующий тип рванул к генералу, но я поставил ему ножку и затем наступил на голову. Свфт пока держался на ногах, но быстро слабел. Он врезал еще одной агрессивной крысе, после чего был атакован с двух сторон. Мы с Эмилем принялись палить, но каждый выстрел был на счету.

Подоспел старина Гас и усилил нашу огневую мощь. Мы отбили атаку, хотя, похоже, до крысюков очень медленно доходило, что наши пули смертельны. Сержант-двузаконник, лежавший у ног Свфта, пошевелился и, прежде чем я прибил его, метнулся вперед с футовой длины ножом, стремясь раскроить Свфту брюхо, но только порезал ему бедро. Генерал упал, обливаясь кровью.

Минни выскользнула из рук охранников и встала рядом со мной. Толпа отшатнулась, притихнув, словно потрясенная чудовищностью нападения на ее высочество. Эмиль оттащил девочку назад, и к Свфту подошел Смовиа, а мы с Большим Гасом по очереди сшибали любого из толпы, кто пытался приблизиться. За нашими спинами раздался оглушительный «бабах!» пистолетного выстрела. Я обернулся и увидел Бена, готового еще раз пальнуть в замок. Но Нст пинком распахнул дверь, позволив осколкам запора осыпаться.

— Надо затащить его в дом! — крикнул Смовиа.

Он тянул генерала Свфта за лодыжки. Я помог ему.

— По-моему, этой крысе конец пришел,— заорал Гас мне в ухо.— Может, теперь заберемся внутрь и залезем в машину, которая отвезет нас обратно домой?

— Помоги доку занести его в дом,— приказал я.

Он заворчал, но тут на помощь бросились Бен и Мари. Нам с Эмилем и Смовиа дел хватало. Мы могли и дальше отправлять двузаконников в нокаут, но они все прибывали. Патроны мы берегли на крайний случай.

— На кой тебе дохлая крыса? — спросил Гас и пригнулся, уходя из-под удара дубинки твари, наступившей на безвольное тела Свфта.— Может, лучше заберемся внутрь и смоемся?

— Он отдал за нас жизнь,— сказал я.— За нами должок.

В атаке, похоже, наступило почти затишье. Наши солдаты продолжали плотно стоять вокруг Крошки, по крайней мере пытались. Она проскользнула между ними, увернулась от меня и сделала шажок, затем другой к капитану во враждебном ревущем переднем ряду толпы. И протянула ему немного поникший букет диких цветов, которые собирала по пути. Ошарашенный офицер-двузаконник принял подарок и внезапно упал на четвереньки.

— Ее высочество! — закричал он.— Это ее высочество!

Он отполз назад, затем встал и принялся отдавать приказания. Толпа начала рассеиваться. Он снова пал ниц и ждал, припав к земле перед юной крыской.

— Встань, верный солдат,— сказала она ему, словно всю жизнь только этим и занималась.

Что это, гадал я, инстинкт, развившийся за тысячи лет упражнений в абсолютной власти?

— Сейчас иди же в дом свой,— потребовала Минни, возвысив голос.

Вернулся Смовиа с несчастным видом.

— Они ее на кусочки разорвут,— простонал он.

— Пока я жив — нет,— отрезал лоснящийся молодой капитан ее самозваной гвардии. Он придвинулся к ней и тихо принялся уговаривать отступить. Между тем взвился крик:

— Ее высочество! Ее высочество! Она вернулась! Это ее высочество!

— Шевелитесь, полковник,— подгонял Хельм.— Пора в дом.

Остальные уже прошли через взломанную дверь, и мы с Эмилем проскользнули в отдел Клубка, сопровождаемые криками сбитой с толку толпы с двузаконниками во главе.

— Где ее высочество?

— ...лжет! Не давайте себя обмануть!

— Я ее видел!

— ...нас всех хотят обвести вокруг пальца!

— Знаете что, мистер полковник? Вы псих, если думаете, что заставите толпу подчиниться крысенку,— сообщил мне старина Гас.— Как вы собираетесь это делать?

В техническом здании было темнее и прохладнее. Я различал только лабораторные столы да ведущий в глубину здания коридор. Отвечать старине Гасу я не стал — нечего было. Я рассчитывал, что этой частью плана займется Свфт. Но теперь он лежал пластом на спине, настолько пластом, насколько позволяла его анатомия, а Смовиа зашивал его восемнадцатидюймовую рану.

— Он очень плох, доктор? — спросил я.

Тот нетерпеливо кивнул.

— Ничего не повреждено. Потерял много крови, конечно, но главная опасность — это сепсис. Я вколол ему кучу антибиотиков, и он может выжить.

— На редкость не вовремя, полковник,— заметил Эмиль.

— Чертовски верно! — влез Гас.

Эмиль пнул его в живот, и он мгновенно заткнулся. Как только ему удалось перевести дух, он схватил меня за руку и произнес:

— Надо немедленно выбираться отсюда!

— А как же ее высочество? — спросил майор Лст.— Мы так далеко прошли: мы не можем свернуть свою миссию.

— Моя миссия,— вклинился Гас,— заключается в том, чтобы вернуть свою драгоценную задницу в Содру, где ей самое место!

Он взглянул на бедняжку Минни, которая жалась к двери, окруженная своими верными охранниками. Она встала и заговорила со стоявшим рядом парнем, который чуть не упал — так низко он наклонялся, открывая замок. Прежде чем я разинул пасть и заорал, она скользнула в дверь прямо в рев толпы и мельтешение злобных крысиных морд. Я рванул к двери с пистолетом наперевес и увидел, как она встает на основание причудливого фонарного столба и поворачивается к толпе. Шум утих настолько,

что я разобрал произнесенные тоненьким детским голоском слова:

— ...а сейчас возвращайтесь в дома свои, как и я вернусь.

Смовиа прыгнул вперед, чтобы отговорить ее. Она отпрянула, чтобы не попасть в его руки, и улыбнулась:

— Все в порядке, дорогой дядя Моби. Я знаю, что делать.

Она возвращалась, и толпа расступалась перед ней. В переднем ряду приключилась небольшая стычка между несколькими фанатиками, по-прежнему жаждавшими крови, и более трезвыми головами, которые, составляя большинство, подавили крикунов. Справа показалась тропинка через лужайку, ведущая к элегантной зеленой башне, возвышавшейся над терминалом Клубка.

Мы все с открытыми ртами смотрели, как малышка поднимается по широким ступеням к богато украшенным дверям. Все, кроме ее самозваного эскорта, который поспешил выстроиться по бокам от девочки, пока толпа повторяла нараспев:

— Ее высочество здесь! Добро пожаловать, императрица!

Затем они принялись нестройно завывать, по словам Лста, не что иное, как гимн Народа. В дверях дворца появились две лощеные крысы в причудливых долгополых одеждах из парчи и кружев и почтительно провели Минни внутрь.

Эмиль что-то пробормотал с изумлением и восхищением.

— Высший класс,— прокомментировал он.— И Гргсдн думал, что сможет переплюнуть такое!

Свфт встал, нога его была туго перемотана бинтом. Смовиа хлопотал как курица-наседка, но генерал отстранил его.

— Я должен быть рядом с ее высочеством! — настаивал он.— Я многое могу объяснить — то, что требует разъяснений!

— Для начала можешь объяснить нам,— предложил Эмиль.

— Сие дитя,— внушительно заявил Свфт,— законный наследник, о котором молила толпа, подстрекаемая предателями из партии Двух Законов и Гргсдном, их бесчестным вожаком. Ее возвращение положит конец восстанию и...— Он поймал мой взгляд и выразительно помолчал.— Идиотской попытке вторжения.

— Ничего, если мы сейчас смоемся? — подал реплику Гас.— Думаю, мелкая крыса...

Договорить он не успел, поскольку майор Лст проделал старый добрый финт туловищем и швырнул здоровяка на хрупкую перегородку, которая немедленно рухнула. Гас, громко ругаясь, выбрался из-под разбитой панели не без пары порезов от битого стекла.

— Смотрите, что эта крыса со мной сделала! — потребовал он, вытягивая мясистую руку, покрытую множеством неглубоких царапин.— Она меня порезала,— заключил он и снова принялся вопить.

Эмилю пришлось посильнее дать ему под ребра, чтобы утихомирить. Наконец запал у скандалиста кончился, и он съежился, хныкая посреди обломков.

Тем временем мы с майором сумели обуздать Свфта.

— Мы вернемся попозже, сэр,— уверил Лст своего начальника.— Когда все немного успокоится. Но как могла ее высочество — если это и вправду ее высочество — очутиться в лесу в компании беглых рабов?

— Мы не беглые рабы,— сообщил я ему.— Мы из оккупационной армии или из Имперского посольства, смотря как дело повернется.

— Не сомневаюсь, что благоприятно, господин посол,— вставил Свфт.— Расслабьтесь, майор. Позже я введу вас в курс дела.

Он тревожно смотрел через открытую дверь на вход во дворец. Остатки толпы тянулись с площади прочь, унося раненых, и только пара обрывков бумаги да оброненное снаряжение говорили о недавних событиях.

— Мне не по себе, полковник,— сообщил Смовиа.— Бедная малышка осталась совсем одна. И может рассчитывать лишь на свою юность и невинность.

— Не забывай о ее инстинктах,— напомнил я.

Он кивнул.

— Думаю, ее клан правил здесь по меньшей мере столько же времени, сколько колли пасли овец, а каждый щенок колли рождается с зудом согнать кого-нибудь в стадо.

— Полковник,— робко начал Бен,— конечно, Гас вел себя крайне нахально, но теперь, когда юная леди вернулась в свой дворец, конечно, мы можем подумать и о собственном возвращении домой.

Свфт заговорил:

— Я слышал твою благородную речь, полковник, когда лежал при смерти, слышал, как ты клялся выполнить мою миссию. Я освобождаю тебя от этой ответственности: в конце концов, благодаря доброму доктору я жив и могу продолжить сам.

— Не совсем,— возразил я.— Хочу посмотреть, как крошку Минни с помпой возводят на трон, а на мерзавца Гргсдна надевают кандалы.

— Джентльмены,— подал голос майор Лст,— я почтительно предлагаю выстроиться в военном порядке и проследовать во дворец, как бы ожидая теплого приема. Время смертоубийства прошло.

Конечно, он был прав. Мы промаршировали строем. Причудливо одетые стражники у большого западного фасада засуетились, и через мгновение ливрейный лакей изнутри распахнул для нас разукрашенные двери. Подошли какие-то официального вида ребята и сгрудились вокруг Свфта. Он, похоже, заверил их, что все в порядке, и подозвал меня. Я подошел и был представлен барону и герцогу, и Свфт отдал мне дань благодарности за спасение своей жизни и жизни нескольких жертв мора. Придворные пришли в возбуждение и засыпали его вопросами. Затем крысюк в наиболее богато расшитом платье убежал вроде как разнести весть. К этому времени снаружи уже образовалась новая толпа, но на этот раз она выкрикивала не угрозы, а похвалы ее высочеству, которая, как они утверждали, вернулась обуздать мор.

Через пять минут группа йлокков в форме ровным строем промаршировала на площадь, гоня перед собой десятка два потрепанных парней с желтыми эмблемами истинных двузаконников.

Свфт посоветовался с парочкой других красно-полосатых и подошел ко мне сообщить, что всякое организованное сопротивление реставрации порядка прекратилось, а также спросить, не желаем ли мы сейчас осмотреть свои комнаты.

Мы желали. Я вот, например, так устал, что мысли путались, да и остальные были не в лучшей форме. Кровать оказалась самой мягкой из тех, на которых я когда-либо вытягивался. На сем мой осмотр закончился, и я провалился в сон без сновидений.

23

Я проснулся на жесткой армейской койке, во рту пересохло, желудок жаловался на долгое небрежение. Мы поели, умылись, после чего нас сопроводили в присутствие.

Свфт, безупречный в новой шинели с яркой красновато-фиолетовой полосой, стоял рядом.

— Ее высочество явилась своему народу сегодня утром,— сообщил он мне.— Когда она показалась на балконе, ее единогласно провозгласили законной императрицей. Так что теперь к ней следует обращаться «ее величество». Порядок восстановлен, и клиника доктора Смовиа лечит всех больных, которые в состоянии до нее добраться. Позже мы разошлем передвижные прививочные команды. Народ чувствует, что ее величество победила мор. Партия Двух Законов старается вести себя тише воды ниже травы. Что до Гргсдна, то он сумел ускользнуть из моих сетей и до сих пор где-то скрывается. Если его найдет кто-то из освобожденных «рабов», его постигнет заслуженная участь.

— А как насчет вторжения? — поинтересовался я.

Свфт заверил меня, что все операции прекратились, за исключением работы челноков, возвращающих войска

на родину. Другие части готовились к репатриации всех пленников.

Минни сияла. Она подбежала к Смовиа и обнимала его, пока ее не увела величественная пожилая дама.

Победа вылилась в несколько дней восторженных взаимных поздравлений, перемежаемых блестящими светскими раутами. Наконец я отозвал Свфта в сторонку и сообщил ему, что мне пора.

Он согласился и извинился за задержку, но объяснил, что потребовалось время, чтобы собрать всех освобожденных людей, явившихся из сельской местности, и подготовить достаточно перемещателей, дабы поместились все четыреста девять человек. Удивительно, что их было так мало, но на поверку оказалось, что людей неожиданно трудно ловить. Я улучил минутку повидаться с Минни и спросил ее, как она относится к йлоккско-имперскому альянсу. Сначала она толком не поняла, о чем я, но когда я разъяснил, обрадовалась. До сих пор девочка вела странную жизнь, но это никак не повлияло на ее счастливый от природы нрав, хотя она и поплакала немного, когда осознала, что Мили и дядя Моби скоро уедут. Она наградила всех нас изящными медалями в форме звезд, которые, полагаю, будут неплохо смотреться на белых летних мундирах.

Меня провели в роскошные апартаменты, где я и уснул. Перед самым рассветом в запертую дверь постучали. Я подошел и спросил:

— Кто там?

Откликнулся Свфт, и я открыл. Он и еще несколько высокопоставленных офицеров отодвинулись в сторону, затем он шагнул вперед, хлопнул меня по плечу и произнес:

— Все в порядке, полковник. Ее величество желает и требует вашего присутствия, а также присутствия лейтенанта Хельма и доктора Смовиа, за завтраком на южной террасе через полчаса.

Крошка заставила себя ждать секунд десять. Мы стояли у балюстрады террасы, глядя вниз, на сад с дикими цветами, раскинувшийся за ним город и холмы вдалеке. Тот же ландшафт, что и дома, в линии ноль-ноль, но место совсем другое. Даже отсюда, издали, мы видели, как команды добровольных уборщиков очищают улицы от залежей мусора, скопившегося на них за годы — никто точно не знал, сколько именно лет прошло,— владычества Двух Законов. Бывшие забияки двузаконники делали большую часть по-настоящему грязной работы, а горожане, которых они так долго запугивали, весьма невежливо подгоняли их.

— Чертов Гргсдн по-прежнему на свободе,— заметил Эмиль, словно читая мои мысли.— Он так просто все не оставит. Он уже однажды поднял народ, когда все было тихо да гладко. Что помешает ему повторить трюк, устроив нечто вроде Ста дней Наполеона после ссылки на Эльбу?

— Армия очень тщательно прочесывает страну, Эмиль, как ты прекрасно знаешь,— успокоил я его.— Не сомневаюсь, его скоро поймают.

Прибежала Минни и бросилась к Хельму. Он радостно обнял ее в ответ, и какое-то время они ворковали и смотрели друг на друга. Она отступила на шаг и покружилась.

— Правда красивое платьице, Мили? — спросила она.

Затем прибыл встревоженный капитан охраны, встал перед девочкой на колено и сконфуженно попросил не убегать от эскорта. Она пообещала больше так не делать, взяла его за руку и погладила ее. Он отдернул руку, словно от горячей плиты.

— Ваше величество! — задохнулся он.— Так нельзя! — И задом выскользнул за дверь.

— Прп такой дурачок,— заметила ее величество Минни. Она подошла и облокотилась на балюстраду.

— Итак, дядя Коник,— произнесла она и захихикала,— я знаю, ты хочешь вернуть своих людей домой. Не пойму, как мы с дядей Свфтом справимся без тебя, но как-нибудь придется.

— Минни,— откликнулся я,— что еще за «дядя Свфт»? Кто он, в конце концов?

— Генерал лорд Свфт — мой дядя, наследный принц,— сообщила она.— Вообще-то это он должен стать императором, я ничего не умею. Ты же знаешь, что моих родителей, императора Укка и королеву Тзт, убили как раз тогда, когда меня п-похитили.— Она разразилась слезами.

Я неуклюже погладил ее, а Мари подошла и обняла.

— Ладно,— взволнованно произнес Эмиль,— пора в путь!

Он склонился над плечом Мари и произнес:

— Прощай, Крошка. Я знаю, ты будешь замечательной королевой. А мне пора идти.

— Мили,— зарыдала она.

Немедленно рядом вырос капитан Прп, враждебно поедая Хельма глазами, тонкопалая рука зависла над прикладом разрушителя. Минни сморгнула слезы и сказала:

— Капитан, если я еще раз увижу на вашем лице выражение, отличное от безграничного уважения и восхищения нашими почетными гостями, будете до скончания века отхожие места драить. Вон!

Спотыкаясь, он отошел, и я прикрыл смущение тем, что перехватил старину Гаса, который ломился вперед, уже разинув пасть, чтобы начать вопить насчет «пора сваливать».

— Встань в строй, Гас,— приказал я ему.

Остаток нашего маленького, но героического отряда выстроился привычным каре, даром что изначальное предназначение сего порядка — защита Минни — уже устарело. Мы кое с кем попрощались и направились в эксплуатационный отдел Клубка. Минни хотела проводить нас хотя бы дотуда, но Смовиа с Хельмом сумели отговорить ее, пообещав вернуться и навестить ее как можно скорее.

24

Оборудование в большом гулком ангаре не выглядело совсем уж незнакомым: по крайней мере, общая атмосфера была такой же, как и в сетевых гаражах, воздвигнутых

на том же самом месте у нас дома. Я снова, в тысячный раз, осознал, насколько сильно сходство, которое существует по всему континууму и связывает вместе множество альтернативных реальностей, произрастающих из единого изначального источника. Очевидно, шаблон возник сразу же после Большого Взрыва. Я подошел к ближайшему перемещателю, близнецу того, который Свфт потерял в Сигтуне. Первая часть плененных и порабощенных людей уже стояли наготове, порядка сотни человек сконфуженно толпились у большого устройства массового переноса. Мы с Гасом присоединились к ним, и я отмахнулся от немедленно обрушившегося на меня града вопросов на дюжине языков.

— Мы едем домой,— сообщил я, пока Бен серьезно совещался кое с кем из людей, работавших вместе с ним и Мари.

Они умолкли, и я продолжил рассказывать, что война закончена и незачем убивать йлоккских техников, работающих неподалеку, и что они на самом деле готовят для нас транспорт. Подошел невысокий, смахивающий на хорька парень в желтой спецовке, представился главным техником Плбом и спросил, не желаю ли я осмотреть транспорт. Я пожелал. Попросив Эмиля проследить, чтобы наши пассажиры вели себя тихо и не расходились, я отправился за техником и осмотрел большую угловатую машину, ну в точности как та, выгрузку йлоккских войск из которой я видел в Стокгольме ноль-ноль. Не слишком роскошно, но места на обитых дерматином скамейках всем хватит, а в кресле пилота сидел компетентного вида йлокк, который рапортовал, что все системы работают нормально и готовы к старту. Я подождал, пока загрузятся все освобожденные, после чего подозвал нашу компанию к транспорту поменьше, который приглядел для себя.

— А как же все остальные? — спросил Смовиа.— Я слышал, как вы говорили со Свфтом о репатриации, но сути дела не уловил.

— В благодарность за твое обучение добровольцев,— ответил я,— Свфт согласился лично проследить за скру-

пулезным возвращением всех пленных людей в места, где их захватили. Последний перемещатель отправится с грузом золотых слитков в качестве частичной компенсации за причиненное неудобство.

— Вы уверены, что Свфту можно доверять теперь, когда мы уйдем? — спросил Хельм.

— Абсолютно уверен,— отрезал я.— К тому же есть Минни.— Я посмотрел на Смовиа и остальных.

— Конечно,— согласились они.— Ее величество за всем проследит.

— А как же Гргсдн? — колебался Эмиль.— Он все еще может поднять бучу.

Я не обратил на его слова особого внимания, поскольку разглядывал нечто в огражденном веревкой углу большого ангара. Затем решил посмотреть поближе. С части веревок робкой просьбой о соблюдении секретности свисали полосы брезента. Я прошел между ними и уставился на устаревшую (лет эдак на двадцать) модель сетевого челнока. Она была частично разобрана, несомненно, йлокки ее изучали. И густо покрыта пылью, а значит, большую часть этих двадцати лет машина провела здесь.

— Интересно, что это,— пробормотал из-за спины Гас.

Я заметил, что он следует за мной, но промолчал. Он обошел меня и заглянул в покоробленные внутренности машины.

— Места мало, так и задохнуться недолго,— прокомментировал он.

— Пора всем признаться,— посоветовал я, вставая рядом.— Можешь начать с того, как дезертировал из исследовательского отряда, после того как тот наткнулся на Желтую зону, а заодно разъяснить, почему йлокки вместо «Гандерсон» стали произносить «Гргсдн».

— Бред собачий,— возмутился старина Гас.— Ты же сам видел, я тут рабом был, как и остальные ребята. Спроси у Бена с Мари. Они тебе скажут.

— Гас был загадкой для нас,— заговорила Мари.— Явился на следующий день после того, как мы смылись в леса, весь такой важный, надутый. Привел с собой крысу, но

отослал ее. Вел себя так, будто пришел нас ловить. И с крысами накоротке был. Притворялся, будто ненавидит их, но мы-то видели, что он с ними связан. Проклятый предатель!

Для кроткой Мари речь вышла что надо. Бен кивал, но ничего не говорил. Старина Гас попытался ударить Мари, но промахнулся, потому что я ткнул его левой под ребра.

— Ниче я не знаю,— выдохнул он.— Ниче я не сделал. Только проломил черепушки куче крыс, как и все остальные!

— Ты нашел здесь мирное общество собирателей,— пояснил я ему.— И начал мутить воду, рассказывая им, какие они дураки, что работают, хотя могут получить все задаром. Ты придумал план массового вторжения в свой родной мир, чтобы в спешке нахватать побольше рабов, вернуться и смотреть, как они делают всю работу.

— Обычный здравый смысл,— проворчал Гас.— Дома от целой кучи лентяев никогда не было прока; они только и знали, что гулять и наслаждаться жизнью, пока такие, как я, гнут спину. И здесь то же самое. Вся эта чушь насчет чертового Нефритового дворца и больших шишек, которые живут на широкую ногу,— и тут я увидел свой шанс. Пошли слухи, что у трона нет наследника: это не я их начал, но распустить уж помог, не сомневайтесь. Куча народу слушала, когда я впервые начал толкать речи. Понимаете, я был диковинкой, такого, как я, они еще не видели. Думали, я все знаю. Типа, боготворили меня. Всегда найдутся парни, которым охота послушать, какая плохая доля им выпала. А потом я ушел в подполье и оставил все на учеников. И расквитался со всеми воображалами, которые обращались со мной как с грязью!

— Свержение Правления в Желтой зоне — сомнительное наказание для образованных классов в линии нольноль. Большинство из них о Зоне и не слышали.

— Проклятые кровопийцы! — проворчал Гас.

— Йлокки быстро учатся,— напомнил я Гасу.— Они скопировали схему челнока и начали сами исследовать то, что решили назвать Клубком.

— Я тут ни при чем,— пробормотал Гас.

— Ты увидел возможность того, что казалось превосходной местью обществу,— продолжал я, не обращая внимания на то, как он мотает головой и открещивается.— Ты приведешь йлокков в родной мир, и они ограбят и поработят тех самых людей, которые отвергли тебя.

Он подошел ближе, на его грубоватых чертах застыла скорбная мина.

— Нет, приятель, тут-то ты и ошибся. Я никогда...

Он попытался исподтишка врезать мне справа, но я блокировал удар левой рукой, затем хорошенько двинул его по подбородку — так, что глаза остекленели. Он рухнул, точно куль с мукой. Забавно, старина Гас вечно ныл, когда я его бил, но никогда не давал сдачи. На этот раз он отключился.

Остальные собрались вокруг, засыпав меня вопросами. Я быстро рассказал им, в чем дело, а Бен и Мари понимающе кивали.

— Это многое объясняет насчет Гаса,— сказала она.— Он знал все про вторжение и много чего еще. Мы недоумевали, откуда ему столько известно о крысиных планах, но он только смеялся.

— Мы думали, может, он поначалу шпионил для крыс,— добавил Бен.— Наткнулся на нас, когда мы прятались, и тут же начал орать и командовать. Не слишком боялся, что крысы нас найдут. Говорил, что давно раскусил их. Наконец мы заставили его замолчать, а когда укрылись в лесах, ему стало нечего говорить. Мы с Мари как раз думали, не бросить ли его, когда наткнулись на вас, ребята.

— Полковник,— неуверенно произнес Эмиль,— а сколько времени прошло? Долго нас не было? Мы с доком добрых десять лет прожили в той хижине, но вы сказали...

— Мне показалось, что прошло недели две,— сообщил я ему.— Не знаю. Когда нарушаешь равновесие времени, пространства и пустоты, случаются странные вещи. Во время обычного сетевого путешествия, если можно назвать обычным нечто столь экстраординарное, как МК-привод,

темпоральное равенство строго сохраняется. Схемы специально для этого отрегулированы. Но мы ныряли в темпоральный стазис и выныривали из него, меняли машины — мы же не знаем, насколько стабильны йлоккские транспорты,— так что расхождение наверняка есть. Надеюсь, не слишком большое.

— Мы ничего не знаем о том, что происходит дома,— заметил Эмиль.— Как по-вашему, кто выигрывает, полковник?

— Не сомневаюсь, что мы,— ответил я.— Особенно после того, как прекратилось поступление подкреплений.

Мы связали старину Гаса, точно рождественскую индюшку, и вернулись к насущным делам.

— Мы его забираем, полковник? — спросил Эмиль.

Я объяснил ему, что Гаса ждет заслуженное наказание, когда его найдет дворцовая фракция. Поэтому мы запихали его с глаз подальше в грузовой отсек.

— Потерпи всего пару часиков, Гасси,— успокоил его Хельм.— Пока тебя не найдет дворцовая стража.

Ответить тот не мог — мы затолкали ему в рот кляп,— но глазами повращал от души.

Я в последний раз проверил показания чужих приборов, не все из которых мне были понятны, и потянул за большой рычаг главного привода.

Все были предупреждены о странном ощущении, которое появится, когда опустится поле, но люди уже испытывали его прежде, пережили, и через мгновение оно прошло.

Все эти машины были сконструированы для единственной цели перемещения между Желтой зоной и линией нольноль, так что о навигации беспокоиться не приходилось. Мы следили, как стрелка ползет к красной отметке на большом хронометре, и когда они совпали, полет автоматически прекратился.

— Дома! — благоговейно произнес Хельм.

Я попытался покрутить разные настройки, чтобы активировать экраны внешнего обзора, но ничего не вышло. Придется открыть люк.

Хельм так и сделал, но прежде чем он вышел, я крикнул: «Стой!» В следующее мгновение по наружной двери лязгнула пуля, а вслед за ней выстрелы посыпались градом. Эмиль отступил, сбитый с толку.

— Это я виноват, лейтенант,— покаялся я.— Конечно, ТСН уже окружила склад, который йлокки использовали как приемную станцию, и готова атаковать каждый прибывающий йлоккский транспорт, до того как высадятся войска. Разумеется, они не знают, кто мы.

Мы соорудили белый флаг и высунули его наружу. Он тут же разлетелся в клочки.

Затем огонь прекратился, и я крикнул:

— Хватит! Это свои!

— Бриан? — раздалось в ответ.— Бриан! Не может быть!

Я узнал голос Манфреда, но слабый и неуверенный. Я вылез в большой пустой склад. Вооруженные ребята из ТСН вышли из укрытий, продолжая зажимать меня в углу. Ко мне метнулся старик, и за мгновение до того, как он обнял меня, я узнал в нем Рихтгофена.

— Сколько времени? — умудрился вклиниться я в его взволнованную речь.

— ...когда ты не вернулся через оговоренные две недели...

— Не помню такого,— вставил я.— Но сколько времени прошло? Барбра...

— Бриан, после...

— Да? После... чего? Сколько времени?

Мне никак не удавалось до него достучаться. Он сильно сдал, превратился в дряхлого старика с мутным взглядом и жалкими клочьями белых волос на голове. Но в конце концов, когда я видел его в последний раз, ему шел девятый десяток. Конечно, ему несладко пришлось, учитывая, что происходило.

— Сколько времени? Ты спрашиваешь, сколько времени, Бриан? — наконец произнес он, когда окончательно поверил в реальность нашего присутствия.— В этом месяце одиннадцать лет исполнится с того дня, как я послал тебя на верную гибель в Желтой зоне.

— Мне столько надо вам рассказать, сэр,— сказал я,— но можно сперва повидать Барб? Где она? Надеюсь, здесь, в городе.

— Конечно, конечно.— Он последний раз погладил мое плечо, словно хотел лишний раз убедиться, что я не призрак.— Бриан, я должен тебе признаться... лучше сразу сказать... Прелестной Барбры здесь нет.— Он сглотнул и сокрушенно продолжил: — Прости за грубый прием. Но ты, конечно, понимаешь...

— Довольно глупо было заявиться без предупреждения,— признал я.— Как война?

— Последние изолированные отряды сдаются, как только мы их находим. Похоже, они не склонны продолжать вторжение.

— На самом деле это было не вторжение, сэр, если полагать таковым захват и удержание территории. Это был рейд за рабами.

Рихтгофен странно поглядел на меня.

— Так они не казнят своих пленных?..

— Нет, только заставляют работать. А как получилось, что Барб здесь нет?

— Таск Gud*,— вздохнул старик.

Странно, что он так живо это воспринял.

— Со мной около сотни пленников,— сообщил я, надеясь облегчить его горе, но он только дико посмотрел на меня.

— Уж не хочешь ли ты...— начал он и умолк, оставив меня гадать о сути вопроса.

— Я хочу домой, генерал,— произнес я немного нетерпеливо.— Мне надо принять горячую ванну и...

— Бриан,— перебил он меня,— я был с тобой не вполне откровенен. Барбры нет дома. Она попала в плен всего через несколько дней после твоего отъезда, когда возглавляла штурм штаба йлокков. Мы решили, что она погибла. Мне так жаль, Бриан.

---

* Слава богу *(шведск.)*.

— Вы не пытались ее спасти? — спросил я гораздо резче, чем намеревался.

Он печально покачал головой.

— После твоей вероятной неудачи, Бриан... Но,— продолжил он, просияв,— поскольку в действительности ты добился успеха, мы можем...

— Генерал,— оборвал я, окончательно потеряв терпение от всей этой болтовни,— будьте любезны приготовить двухместный разведчик с вооружением уровня «В». Я иду один. Я знаю, что делать.

Собственные слова напомнили мне о маленькой императрице, столь уверенно стремившейся навстречу судьбе. Манфред начал возражать и одновременно уверять меня, что отличный новенький челнок окажется в моем распоряжении в течение часа.

Эпилог

Путешествие протекало вполне обычно, пока я не заметил внезапное падение показаний датчика целостности континуума и не выглянул, чтобы увидеть знакомый пейзаж: унылые холмы, дорога и уютный домик, где произошла наша вторая встреча со Свфтом. Я глубоко задумался на целую микросекунду и вошел в фазу.

Я видел отметины на грязной дороге, оставленные перемещателем в прошлый раз. Интересно, сколько времени здесь прошло? Следы того отряда, что подстрелил Свфта и удрал, тоже сохранились, но теперь вели к напичканному техникой «домику». Похоже, ребята еще здесь: следов, ведущих наружу, не было. На мгновение мне нестерпимо захотелось выяснить, что они затевают, но у меня имелось неотложное дело, так что я возобновил свое путешествие в Желтую зону. Еще столько оборванных концов предстояло связать, прежде чем я смогу рапортовать о стабилизации положения.

Я устоял перед искушением включить экран, чтобы следить за своим продвижением к центру тяжести Зоны,

Йлокку. Приборы сообщат, когда я неприметно прибуду в переулок за цехами Клубка. Расстояние я отмерил, насколько позволила память, еще в сетевом гараже.

Я проверил показания приборов. Уже недалеко. Плана у меня толком не было. Я собирался импровизировать.

Еще через несколько минут мои датчики засекли: нечто движется по Сети, совсем рядом, подстраивается под мой темп. Я притормозил — и оно притормозило; я снова прибавил скорость — и оно не отставало. Я попытался увильнуть, слиться со случайно выбранной линией: ядерная А-линия Йлокка была уже очень близко, поэтому я осторожно вошел в фазу. Конечно, его след затерялся — он проскочил мимо. Ну и прекрасно.

Я заставил челнок пролететь последние несколько футов и слиться с реальностью. Чертовски хотелось глотнуть свежего воздуха; на этот раз никакой длительной экскурсии за борт, только краешком глаза гляну — и сразу обратно. Отжав замки безопасности, я открутил люк и очутился на оживленной рыночной площади, где народ отчаянно торговался вокруг открытых прилавков. Никаких трупов, и вонь исчезла, сменившись чуть более приятным, обычным запахом крыс. Разбитых окон не было видно, и банды мародеров не ошивались поблизости.

А значит, Минни укрепила свои позиции и избавилась от проблем с двузаконниками, сказал я себе, радуясь новостям.

По-видимому, в этой линии склад сгорел, я прибыл на пустое место. Я заметил парня с серой полосой на спине шинели, шагнул на мокрую мостовую и направился к нему.

— Добрый день, майор,— произнес я на своем лучшем йлоккском.

Он подпрыгнул и испытующе посмотрел на меня, затем, как мне показалось, довольно нервно осмотрелся вокруг.

— Кто вы? — спросил он.— Кем бы вы ни были, уходите отсюда. Если местные полицейские заметят вас...

— Не заметят, майор,— уверил я его,— если вы меня не сдадите. Они увлечены покупками, а я всего лишь странного вида тип, который беседует с полицейским.

— Да, конечно, но...— Он понизил голос.— Я майор Хсп. Вероятно, вы не представляете, что происходит, сэр.

Я подтвердил, что не представляю.

— Остатки мятежников-двузаконников скрылись в этой отдаленной фазе,— объяснил он.— Они винят вас, люри, то есть, прошу прощения, людей во всех своих бедах и...

— Они правы,— согласился я.— Но почему войска ее величества не поймали их?

— Времени не хватило,— опечалился майор.— Мы старательно их выслеживали, но одна группа — толпа фанатиков, известная как «Фронт освобождения», что бы это ни значило...

— Всего лишь дурацкий жаргон бунтовщиков. Как они ускользнули из ваших рук?

— Они хорошо организованы. Несомненно, шпионы во дворце сообщали им о каждом нашем ходе. Отряд мятежников пробрался ночью в технический отдел и украл три транспорта; затем сместился из фазы и вернулся в нее в парке, где их ждали остальные. Мои ребята прибыли, когда последние из них выпадали из реальности... мы довольно легко проследили их досюда. Эта линия очень близка к ядерной. Они заранее подготовили убежище и ушли в подполье. Похоже, смешались с местным населением. Все, что мы пока можем, это держать ситуацию под наблюдением. Однако мы нашли их транспорты и изъяли их. Мятежники в ловушке. Внезапное появление человека может нарушить хрупкое равновесие.

— Кто-то висел у меня на хвосте,— сообщил я.— Ваши ребята или их?

— Не мои,— ответил он,— а значит, они уже знают, что вы здесь. Вам лучше немедленно удалиться...

Крик прокатился над площадью, и майор умолк. Кто-то размахивал флагом, на котором, как объяснил майор, было написано «БЕЙ ЛЮРИ!». Он схватил меня за руку.

— Где ваша машина? — пропищал он мне в ухо, перекрывая нарастающий рев толпы.

Я указал на ее незримое присутствие за грудой здоровенных упаковочных коробок и контейнеров. Он подтолкнул меня в том направлении. Я не сопротивлялся. Я явился за Барброй, а не для того, чтобы опять лезть в местную политику.

— ...уходите из Зоны,— говорил он.— Я могу встретиться с вами и обсудить...

— Оставьте,— произнес я.— Теперь, зная место, я могу вызвать ударный отряд и устроить облаву. Осталось только выбраться отсюда.

Как ни странно, соседи не обращали на меня внимания; напротив, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть, что за суматоха творится на площади.

Вновь очутившись в машине, я спросил майора Хспа, как идут дела ее величества после драматического возвращения.

— Все приветствовали ее,— тревожно начал он,— но пошли слухи, что она продала свой народ иностранцам... чужакам... одним словом, люри. Говорят, она сделала раба ближайшим советчиком.

— В конце концов, она воспитана людьми,— напомнил я ему.

— Интересно, кто этот раб-советчик? — заметил он.— Мы выловили всех людей, которых сумели найти, и отослали обратно домой.

— И как это раб так быстро втерся в доверие? — спросил я.

— Никто не знает,— признал он.— Всё слухи да намеки. Но мятежные отбросы могут устроить организованное нападение, отдавая приказания из этой мирной фазы. Пока они не уничтожены, Благородному народу не ведать ни мира, ни безопасности.

По-моему, он смотрел на меня выжидательно. Так что я поинтересовался:

— А я-то тут при чем?

— Несомненно,— ответил он,— вы надеетесь всячески способствовать сему достойному деянию.

— У меня и свои дела есть,— сообщил я ему.— Желаю удачи, но мне пора.

Он махнул рукой, и полдюжины йлокков в форме материализовались из очевидно беспечной толпы покупателей и окружили меня.

— Мне нужна ваша помощь,— произнес Хст.— Сожалею о необходимости применить силу, но, если вы будете настаивать, мне не останется ничего иного.

— Вы это называете силой? — несколько скептически поинтересовался я, глядя на шестерых его телохранителей.— На что, по-вашему, способны полдюжины рекрутов?

Я шагнул в сторону и быстрым взмахом ноги опрокинул ближайшего мордоворота в тележку с клубнями. Два соседних крепыша закрыли брешь, тем самым подойдя так близко, что я одной рукой схватил обоих и стукнул узкими головами друг о друга; затем я бросил их на четвертого, который мчался ко мне. Оставались двое, не считая майора. Он отозвал последнюю пару и произнес:

— Не важно. Вижу, вы не готовы проявить благоразумие. Можете идти.

— Вы все перепутали, майор,— заявил я.— Мне просто хотелось прояснить, что мое сотрудничество будет добровольным. Что у вас на уме?

— У них есть штаб-квартира,— сообщил он,— где-то в отдаленной фазе. Мне пока не удалось ее вычислить. Подозреваю, это бывшее техническое сооружение Правления, захваченное и управляемое предателями.

— И?..

— На вашем маленьком транспорте,— предположил он,— возможно, удастся отыскать штаб и остаться незамеченным. Затем стремительная атака, и они окажутся в тупике, превосходимые численно, готовые стать легкой добычей.

— Поехали,— сказал я.— У меня есть мыслишка.

Он велел оставшейся паре крепышей предупредить кого-то по имени полковник лорд Твст и присоединился ко мне. Я провел его к своему усовершенствованному двухместному разведчику и пригласил внутрь.

— Существует одна изолированная станция переноса, о которой я узнал от генерала Свфта,— сообщил я ему.— По пути сюда я случайно заметил, что она еще используется. Возможно, это и есть штаб-квартира Двух Законов.

Похоже, он заинтересовался и загорелся желанием лететь. Я проверил записи пути и нашел нужное место. Переход занял пять минут, и мы прибыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как отряд из десяти йлокков в штатском подходит к уединенному зданию.

— Комиссар Вск,— опознал майор одного из членов отряда.— Вон тот, во главе. Ах ты вероломный мупа! А остальные — молодые гвардейские офицеры! Гниль проникла глубже, чем я подозревал!

— Свфту есть что об этом порассказать,— сообщил я ему.— Очень жаль, что у него не было возможности ввести вас в курс дела.

— О да,— согласился майор Хсп.— Однако теперь их секрет выплыл наружу. Осталось только вернуться во дворец и уличить обманщиков.

— И пусть эти ребята делают здесь, что хотят? — спросил я.

Он отрывисто кивнул.

— Нет смысла травить их здесь, в их цитадели. Пойдемте, полковник, время не терпит.

Я чуть не заспорил с ним, но воздержался. Катушка еще не остыла, так что мы мигом тронулись в путь. На этот раз я вел машину прямо в ядерную линию Йлокка, что привело нас на станцию Клубка, темную, пустую и гулкую поздним вечером. Через туннель «для важных персон» мы прошли в расположенный по соседству дворец и вышли на гауптвахту в цокольном этаже. При помощи зуммера Хсп собрал дюжину вооруженных дубинками солдат и провел для них — и для меня — краткий инструктаж, после чего направился в крыло, где проживали придворные.

Старый герцог Вмп негодовал, когда мы вытащили его из большой, пышной постели, но казался странно смирившимся.

— Так это ты, Хсп,— проворчал он.— Говорил ведь я генералу Нгду, что ты ненадежен. Давным-давно следовало тебя прогнать.

Хсп велел ему заткнуться и приказал солдатам связать и подвесить Вмпа за лодыжки вниз головой в платяном шкафу размером с гараж. Когда мы уходили, он все еще пытался ругаться, несмотря на кляп во рту.

Когда я заметил, что охрана дворца, похоже, далеко не на высоте, Хсп объяснил, что гвардия подчиняется ему, а он всем велел остерегаться попыток проникновения во дворец, но не обращать внимания на любую необычную активность внутри самого дворца. Таким образом, никто нам не мешал нейтрализовать еще парочку крысюков, бывших, по уверениям Хспа, главными заговорщиками.

Все шло отлично, пока мы не открыли большую бронированную дверь, ведущую в королевские апартаменты. Там нас поджидало скромное войско. Я первым прошел через большие двойные двери и тяжелые драпировки за ними и уставился на старину Гаса в окружении дюжины или около того военных в форме.

Гас замешкался, изумленно уставился на меня и разразился речью:

— Опять ты, чертов дурак?! Сидел бы себе в Стокгольме со своими жирными дружками! Ты что, не понял еще — это моя территория!

Я терпеливо ждал, пока он не остановится перевести дыхание, после чего хорошенько ему врезал прямо в мягкий живот. Как только он рухнул, верные телохранители брызнули во все стороны. Хсп собственным телом загородил им проход в широкий коридор, ведущий в апартаменты королевы. Мы заперли трех пленников в чулане рядом с большими дверями и поставили двоих ребят сторожить их.

Я помог Гасу встать и восстановить дыхание и полюбопытствовал, что он тут делает. Не получив вразумительного ответа, я поднажал:

— Говорят, у Минни появился новый советчик, человек.

— В точку, полковник,— охотно подтвердил он.— Ее величество шагу без меня не сделала бы. Я...

— Ты лжец,— напомнил я ему.— Минни знает, какая ты вероломная вонючка, даже если и не в курсе, что именно ты устроил революцию. Она тебе мусор выбрасывать не доверила бы. Кстати о мусоре: что мне теперь с тобой делать?

— Да просто отпусти, и я забуду это недоразумение,— прорвало его.— В конце концов, ты не понимаешь...

Я заставил его умолкнуть очередным тычком под ребра.

Хсп сказал мне, что личные покои ее величества находятся в конце коридора. Туда мы и отправились, пинками помогая старине Гасу не отставать.

— Она меня прикончит,— ныл он у меня над ухом, словно подобное соображение могло меня остановить.

— Ерунда,— ответил я.— Если у Минни как у монарха и имеются недостатки, так это слишком доброе сердце.

— Да не она! — выпалил Гас.— А та долговязая рыжая дьяволица!

— Йлокки рыжими не бывают,— поправил я.

— Крысы тут ни при чем,— отмахнулся он.— Ты же сам сказал, что у нее новый советчик-человек! Чертова баба заявилась во дворец всего пару дней назад, как раз когда я изготовился вернуться. Еще бы час — и весь дворец перешел в мои руки, никто бы чихнуть не осмелился без моего разрешения. Так нет же, приперлась эта баба! Похоже, она потребовала свиданки с ее величеством и «нанесла тяжкие телесные повреждения» всем, кто пытался ее остановить, так что...

К этому времени мы уже проникли в святая святых, и прежде чем Хсп успел вставить в скважину универсальный ключ, дверь распахнулась и кто-то рыжий и высокий шагнул из нее прямо в мои объятия.

Содержание

МИРЫ ИМПЕРИУМА
Перевод А. Евстигнеева 9

ПО ТУ СТОРОНУ ВРЕМЕНИ
Перевод А. Кузнецовой 203

КОМАНДИРОВКА В НИКУДА
Перевод К. Плешкова 419

ЖЕЛТАЯ ЗОНА
Перевод А. Килановой 557

Литературно-художественное издание

Кейт Лаумер

МИРЫ ИМПЕРИУМА

Ответственный редактор *А. Кузнецова*
Редакторы *А. Кузнецова, В. Соловьев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *Л. Ершова, В. Дроздова*

В оформлении переплета использована иллюстрация A. K. Agency/P. Youll

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33.
E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 05.05.2008.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 39,48.
Тираж 7000 экз. Заказ 1199.

ISBN 978-5-699-28422-1

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Кейт

ЛАУМЕР

Keith Laumer

ISBN 978-5-699-28422-1

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА